

Серия «След в истории»

Тильман Нагель

**ТИМУР – ЗАВОЕВАТЕЛЬ
И ИСЛАМСКИЙ МИР ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

**Ростов-на-Дону
«Феникс»
1997 год**

ББК 63.3 (03) Н 16

Перевод с немецкого Ясинской Л.И.

Тильман Нагель

Н 16 Тимур-завоеватель и исламский мир позднего средневековья. Серия «След в истории». Ростов-на-Дону, «Феникс», 1997 — 640 с.

Читателя этой книги ждут немалые потрясения. Тимур? Это же хрестоматийно: разбой, насилие, груды черепов, средневековая дикость... Стоп-стоп! А если — за державу обидно? Если на твоих глазах рушится славная, могучая империя, созданная величайшим вождем всех времен Чингисханом? Если за пределы империи уплывают не только берега Индийского океана, в котором некогда омыли свои салоги ее доблестные воины, но даже берега уж совсем бесспорно принадлежащего ей Крыма? Если, наконец, поддавшись неизвестно чьему тлетворному влиянию, подданные империи заразились зловредным плюрализмом и норовят молиться Аллаху каждый на свой лад? Что остается истинному патриоту, истинному борцу за веру? Конечно, только одно: поднять меч справедливости и порядка.

Timur der Eroberer und die islamische Welt des späten Mittelalters

© С.Н. Бека'ше Верлагсбуш – хаndlунг, Мунхен, 1993

© Перевод: Ясинская Л. И., 1997

© Оформление: изд-во «Феникс», 1997

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Великий Тимур
Господин счастливых обстоятельств
Рассказ о Тимуре

ПЕРВАЯ КНИГА. ПРИБЛИЖЕНИЕ К ЭПОХЕ

Багдад

Приметы и их значение
Падение Багдада
Поиски причин
Обманчивая самоуверенность
Парализующий ужас

Отрар

Опасное соседство
Вторжение монгольских войск
Разорение и восстановление

Чагатай

Раздел империи Чингисхана
Начало распада
Основание улуса Чагатая
Внутренняя раздробленность

Господство как личное право распоряжаться
Династия как мирный союз
Мавераннахр в четырнадцатом столетии
Баязид Бистами
Исламизация ильханов
Сверхъестественные силы Чингисидов
Провозвестники сокровенного
Родство душ
Двоякий ислам

ВТОРАЯ КНИГА. СОБЫТИЯ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ

Махан

Конокрад
Начало пути. Борьба за выживание
Реставрация султаната?
Конец эмира Хусейна
«Зять»
Действовать по обстоятельствам

Иран

Враги внутренние и внешние
Признаки перемен
Война против Хорезма и породнение с
Чингисидами

Война с Моголистаном и новый заговор
Уничтожение Хорезма
Герат и Тус
Мазендеран и Систан
Тиран в Иране
Иран и Туран

Кипчак

Белая Орда
Золотая Орда
Кризис 1388 года
Война на севере
Конец Музаффаридов
Завоевание Багдада
Вторая победа над Тохтамышем

Охота и война

Событие и их отражение

ТРЕТЬЯ КНИГА. ХАОС И КОСМОС

Сивас

Летописец и его покровитель

«Господин счастливых обстоятельств»

Проявление великого всемирного закона

Дервиш как духовный вождь

Восхождение на трон

Борьба и пир

Приход Тимура

Утешительная весть

Каир

Франки в Александрии

Кризис империи мамлюков

Новые и старые политические цели

Успехи в области внешней политики

Начало черкесского султаната

Ненадежное положение ученых

Религиозные причины ненадежного положения
ученых

Заговор против Баркука

Суфизм дервишей

Дамаск

Тень Тимура

Неизбежность войны

Анатолийское предполье

Новая угроза Сирии

Смена власти в Каире

Начало семилетней кампании

В рядах чагатаидов устали от войн

Падение Алеппо

Страдания Дамаска

Сближение Тимура с Фараджем

Встреча с Тимуром

Явное и сокровенное

Анкара

Предложение заключить союз

Война приближается

Тактика обеих сторон

Битва под Анкарой

Баязид и Тимур

Хаос и космос

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА. ВЛАСТЬ НАД МИРОМ

Дели

Борец за веру

Война в Индии

Обратный путь из Индии

Распоряжаться земной жизнью

Самарканд

Поездка в Самарканд

Соборная мечеть

Гнев и великодушие

Аудиенция у Тимура

Центр мира

Свадьба

На пути в Китай

Связи с Китаем

Инцидент

Дальнейшие приготовления

Болезнь и смерть

Борьба за Самарканд

Конец Халила Султана

Гур-Эмир

Возможность распоряжаться миром

Перечень важных понятий

Хронологические таблицы

Генеалогические таблицы

Примечания

ВВЕДЕНИЕ

ВЕЛИКИЙ ТИМУР

Уничтожающим выглядит мнение современных историков о Тимурленге (1328-1405), полководце монгольского происхождения, которого в Европе знают как Тамерлана. По их свидетельствам, он был самым жестоким палачом всех времен, еще хуже Чингисхана; ужас и смерть сеял он по всему миру, от России до Индии, от Малой Азии до границ Китая, не оставляя ничего кроме руин. Никогда нельзя будет соизмерить страдания, которые причинил Тимур бесчисленному количеству людей, с превращением Самарканда в блестящую столицу, тем превращением, которое осуществили угнанные ремесленники и мастера¹.

Никто не собирается отрицать факты, на которые опирается это мнение. Но разве не удивительно, что четыреста лет назад как раз с осознанием этих фактов было совершенно другое мнение о Тимуре, именно на этих фактах основанное. Генуэзцу Батисте Фрегозо, который с 1479 до 1488 года был дожем в своем родном городе, а потом жил в изгнании во Франции², принадлежит краткое жизнеописание Тимура, получившее широкое распространение в Европе в XVI веке: юноша благородного происхождения, но из обедневшей семьи, влачил жалкое существование, работая пастухом. Его товарищи провозгласили его во время игр повелителем, и он воспринимает это серьезно и заставляет их принести клятву верности, так как он желает добиться великих свершений. Они продают оюй скот, создают общество заговорщиков, которое живет ра; боямн. Искусной ловкостью и суровой справедливостью он сплачивает спюю банду, привлекает на свою сторону войска, которые султан посылает против него, становится, наконец, властелином в своем отечестве, которое освобождает от чужеземного господства «сарацин и персидского короля». Он знает, как лучше всего управлять своим народом; ему стоит только кивнуть и любой выполняет свой долг. Еще никогда ни один полководец более остроумно, чем он, не организовывал и не руководил своим войском. Ничего удивительного, что он победоносно шел по всему миру! Своего величайшего триумфа он достиг в борьбе с османским султаном Баязидом, который как раз намеревался завоевать Константинополь³.

Победа над грозным Баязидом, которого европейцы безуспешно пытались поставить на место, была, конечно, поводом благоприятно судить о Тимуре⁴. Но было бы ошибочным считать, что это суждение

исчерпывающее. В поединке между Баязидом и Тимуром противопоставлены (для Батисты Фрегозо и придерживающихся этой точки зрения других авторов) унаследованное господство и завоеванное своими силами. И мораль этой истории такова: не следует полагаться на то, что досталось по наследству, так как поражение может быть ужасным! Тимур запер Баязида в клетку, приказывал ему во время обеда занимать место под столом, как собаке, для того чтобы он питался жалкими крохами; и всегда, когда полководец садился на своего коня, побежденный должен был становиться на четвереньки, чтобы быть для победителя опорой⁵. Без сомнения, обласканный фортуной, но прежде всего благодаря умелому и целеустремленному применению собственных способностей, мужских достоинств, Тимур добивается власти, идет от триумфа к триумфу, совершает поступки, подобные поступкам Дария, Александра, Цезаря, или даже затмевает их. Тимур подчинил скифов до далекой Волги, а ведь попытка укротить их до него никому не удавалась. Этот вывод, сделанный из широко распространенного сравнения всех великих личностей в мировой истории, появился в печати в 1577 году в Париже⁶.

Здесь Тимур выступает как выдающаяся историческая фигура, наилучшим образом объединившая фортуны и возможности. Эти два дара создают удачливого правителя⁷. Поэтому Тимур может выступать как символический образ эпохи, в которой открывается мир, предоставленный в распоряжение человека дела, — будь то маленькое итальянское государство, которое стоит организовать так, чтобы оно лучше всего служило поддержанию власти правителя (нередко узурпатора), или далекие страны, куда проникают не только первооткрыватели, но и конкистадоры. Это тот Тимур, о котором Марло (1564-1593) в 1587 году написал трагедию. Вплоть до XVII столетия она выдержала бесчисленное количество постановок, даже стала почти народной пьесой, которую больше не связывали с ее автором⁸. Даже в далекой Москве, где в 1672 году по приказу царя было создано театральное общество, пьеса о Тимуре и Баязиде была первой, которую поставили на сцене⁹. То, что Георг Фридрих Гендель в 1724 году развлекал английскую публику оперой «Тамерлан», показывает нам, каким долговечным было внимание к этой фигуре.

ГОСПОДИН СЧАСТЛИВЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Однако Тимур у отведена в истории роль лишь на ее ев-

ропейских задворках. Его родина по ту сторону Окса*. Туда он всегда возвращался из своих походов. Дело всей его жизни, подчинение почти всего исламского мира не было прочным, его сыновья и внуки едва ли были в состоянии сохранить свое наследство, не говоря уже о том, чтобы умножить его ¹⁰. Основатель индийской династии Моголов Бабур (прав. 1526-1530) происходил по отцовской линии в пятом поколении от Тимура. Только при могольском императоре Тимур был назван основателем. Из переработанных источников для него создали «Автобиографию» ¹¹, явно составленную по образу автобиографии Бабура ¹², а также собрали его подлинные или мнимые приказы и указания, чтобы таким образом упарить себя и сведения о ведении войн и искусстве управлять государством, которое ценили так же высоко, как и в Короне ¹³. Ценность этих произведений для исторического исследования сомнительна; они сопоставимы с высказываниями, вложенными в уста Мухаммеда, которые скорее мешают, чем помогают создать портрет исторического пророка.

Но кем же был Тимур и как он вписывается в исламскую историю конца XIV столетия? Книга посвящена именно этому вопросу. Оказывается, присущее эпохе Ренессанса восприятие Тимура в качестве олицетворения нового человека, призванного владеть миром, не так уж ложно. Конечно, это представление на фоне исламской культуры XIII и XIV столетий выглядело иначе, чем в Европе нового времени.

Но как там, так и здесь это требования войны и контроля над завоеванными странами, которые заставляют действовать, а это вытекает из убеждения, что мир может быть использован и в целях властителя. И войне нужно уметь организовать большое количество людей, заставить их выступить в определенное время и подготовить все необходимое! Воспоминания о действиях Чингисхана, глубоко затрагивающих судьбу каждого верноподданного, не стерлись из памяти до появления Тимура в Мавераннахре. Но Яса, созданная великим монголом, не стала правилом, при помощи которого могли управлять страной в мирное время обыкновенные князья без харизмы завоевателя мира, избранного на небесах. Хотя в исламской культуре средневековья имеется абстрактное понятие государства, оно касается только цели всей мусульманской государственности: объединение всего человечества в одной-единственной, устроенной по Божьему закону

---

* Окс - древнее название р.Амударья - Прим. ред.

коммуне. Таким образом, мечтали, как и раньше, об универсальной империи, но четких представлений, как должна выглядеть жизнь в этой коммуне, не было. Вся власть была связана с личностями; их интересам были фактически подчинены в XIV веке все институты ¹⁴, на исламском Востоке еще больше, чем в Египте и Сирии, так как по другую сторону Евфрата значительно уменьшился слой образованных горожан, представителей исламских учреждений из-за вторжения монголов ¹⁵. Любая узурпация была оправданна, поскольку она происходила исключительно для осуществления всеобщей государственной цели ¹⁶. Как могли бы муфтии помешать тому, кто, считаясь реставратором наследия Чингисхана и борцом за веру, увеличивая универсальную империю ислама, берется за оружие? Когда же в Европе с удивлением узнали о великом Тимуре, развитие современного государства здесь уже шло полным ходом. Богатые традициями династии работали уже давно над расширением своих территорий. Рождение новой власти, общественное устройство было сравнительно стабильным. Это важнейшие предпосылки для того, чтобы зародилась новая, буржуазная культура власти, признаком которой является стремление к разумной организации государства ¹⁷ и в которой поэтому ценится убежденность в том, что мужские достоинства, осмотрительность и смелость, будут вознаграждены.

Но крепнущая и стремящаяся к власти буржуазия как раз не является фоном, на котором можно рассматривать биографию Тимура. Деятельность исторического Тимура больше отмечена непрочностью политических отношений, крахом порядка, основанного не на личных связях. Но не только это. Больше не испытывали безграничного уважения к нормам повседневных поступков, которые, согласно теории, Бог установил как обязательные в шариате раз и навсегда и которые настолько глубоко проникли в жизнь, что современный европеец представить себе это не может. Идеалы аскетов, которым так настоятельно приписывалось движение за смирение в XI и XII столетиях, оказались теперь затасканными и больше не соответствующими времени. Скрупулезное следование закону больше не было тем правильным путем, которым можно было приблизиться к творцу и хранителю миров. Согласно новому суфийскому учению, которое с начала монгольского периода привлекло к себе верующих, богоискатель мог предаваться пьянству, чтобы проникнуть в сферу «сокровенного» в период отключения интеллекта, ту область

собственного бытия, в которой проявляется наглядно господство единого Бога. Магия, искусство предсказания, священный культ проникали в жизненно важные центры многих мусульман и образовывали стойкими элементами своеобразную мешанину.

Шариат сказал человеку, как он должен строить человеческую жизнь и мир. В то же время — и к тому же в резком противоречии — суннитская теология учила с X столетия, что движение мира можно понять не из этих (присущих ей) критериев, а что это зависит в каждое мгновение от непостижимой воли Бога; сам мир, а следовательно, и человек в нем существуют без собственной жизненной силы. Как он должен выполнять этот закон? На этот вопрос суннитская теология не знала никакого ответа.

Не теология, а новый суфизм XIII-XIV столетия, пронизанный богатством мыслей, снова осуществлял рациональную связь между человеком и миром, связь, в которую шариат никак не хотел вписываться, так как исходную точку умозрения представлял мир не как данность, которая должна быть создана по меркам божьего закона, а как сплетение влияющих друг на друга сил природы. Так понос мышление объявило снова мир поддающимся объяснению и выхватило его из неразгаданного решения Бога. Однако магические представления о причинности различных уровней происходившего -- движение звезд, рождение и исчезновение в природе, поступки человека — связаны друг с другом. Для такого толкования мира, которое было господствующим во времена Тимура в исламской культуре, необычная судьба этого человека вытекала из того, что он был «господином счастливых обстоятельств»¹⁸, но лучше сказать — он должен был появиться для своих величайших дел.

РАССКАЗ О ТИМУРЕ

Чтобы понять взлет Тимура, недостаточно только передать и перечислить точно установленные факты. Так называемые факты в конце концов банальны; и они останутся таковыми, если их связать с тенденциями развития общества и мировой политикой, если им подставить определенные «менталитета» или «действенные структуры». Конечно, все это относится и к анализу личности на фоне ее времени, но историческое описание этим не исчерпывается. Так как оно, в сущности, имеет дело с явлениями, которые частично молено

объяснить с научной точки зрения, оно не может избежать повествования еще и потому, что говорит не столько об отдельных действующих лицах, сколько о структурах и тенденциях. История без личности содержит противоречие в самой себе.

Прежде всего, однако, такое обращение с прошлым заставляет пожалеть об отсутствии уважения к присущему ему достоинству, уважения к тем, кто жил в условиях отличных от наших. Мир им представлялся так, как это дошло до нас в первоисточниках. Поэтому я буду рассказывать постоянно о Тимуре и его времени так, как в то время сообщали друг другу о чем-то необычном, свидетелем которого стали. Имеет смысл сделать понятной манеру летописца выражать свои мысли, чтобы увидеть в ней путеводитель, который наряду с фактами и их толкованием приведет нас к пониманию личности Тимура, его сущности. Но заинтересованный читатель должен испытывать и наслаждение, открывая далекий чуждый мир. В первой книге изложены в сжатой форме исторические предпосылки появления Тимура; советуем при чтении пользоваться приложениями, особенно к главе «Чагатай». Войны Тимура и его политика в отношении других исламских государств — все это образует в следующих книгах первый слой, слон повествования. Над ним лежит слой общих религиозных и политических представлений той эпохи, и читатель узнает, как люди, которые становились свидетелями страшных времен, объясняли себе мир, чтобы суметь его вообще вынести. Все это звучит уже в первой книге, но объясняется в более поздних частях. Особенно выделенные курсивом переводы и заключительные главы в конце второй, третьей и четвертой книг должны открыть читателю тот, второй слой.

ПЕРВАЯ КНИГА

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ЭПОХЕ

БАГДАД

О несчастливая звезда, никто не избежал твоего гнева,
Перед тобою все равны, рабы и господа!
Могущественные, которых мы любили, —

захвачены врагами, которые не щадили ничью жизнь!
О, если бы я мог освободить несчастных,
я бы это сделал со всем жаром.
Отдал бы все свое имущество!
Осиротел гордый дворец правосудия!
Мертвы они! Пролита кровь ислама!
Где они, те, что господствовали над людьми?
Где они, и где их наемники и слуги?
В пустом замке я стоял и спрашивал о халифах,
об их имуществе.
А ответ давали разрушившиеся обломки:
«Да, здесь они жили, а теперь они уничтожены!»
*Шалс-ад-дин аль-Куфи (1226-1276)*¹

ПРИМЕТЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

12 августа 1256 года багдадский летописец Ибн ас-Сейи (1197-1276) находился у визиря Ибн ал-Алками с аудиенцией. Тут прибыл посланник из Медины и передал письмо. Оно содержало ошеломляющие новости. В нем сообщалось, что 27 июня земля задрожала и далее купольный свод над могилой Пророка дрогнул; на расстоянии четырех парасангов вспыхнул огонь; искры величиной с горную вершину взметнулись в небо; огонь двигался все дальше на восток, пожирая все на своем пути, и еще 15 дней после отъезда посланника его не могли потушить; обломки скалы таяли в расплавленной массе,двигающейся к городу. Он показал присутствующим кусок «сгоревшего камня». Он был легким и черным как древесный уголь. В панике жители Медины ринулись в святилище, молили Бога о прощении; наместник отпустил всех своих рабов на свободу — покаяние, рекомендованное законом. В письме, которое увидел Ибн ас-Сейфи, старейшина святилища писал: «Этот огонь, который вспыхнул в Хиджазе*, плохое предзнаменование. Это неопровержимое указание на приближение последнего часа. Счастлив тот, кто перед смертью воспользовался возможностью покаяться и выяснил свои отношения с Богом»².

Предзнаменование, о котором узнали жители Багдада от

---

* Область Мекки и Медины. — Прим.ред.

посланника, увидели жители Дамаска за несколько недель до этого в тревожном явлении природы. Однажды ночью луна была окутана дымкой; на следующее утро солнце взошло над горизонтом необычно красным, а вечером снова потеряло яркость. В течение нескольких дней оно светило очень слабо. Обычно при таких небесных явлениях астрологи говорили о «вторичных звездах»; но эти явления, как и положение планет, указывали на скрытую связь с изменениями во Вселенной³. Абу Шама (1203-1268), дамаский летописец, сделал записи в своем дневнике об удивительном феномене. Но, чтобы предохранить себя от невероятно растущей веры в звезды, согласно которой можно было увидеть в таких знаках только грядущее несчастье, он добавил «научное» объяснение. Это покраснение неба (о котором не сообщили звездочеты) противоречит неопровержимому утверждению некоторых шиитов и вольнодумцев, что можно заранее вычислить календарь исламских праздников. Хорошим суннитом был Абу Шама и поэтому был убежден, что ничто в сотворении, даже происходящее на небосводе, не подвластно независимой от Бога мере, закону природы. Не могли быть правильными какие-либо причинные связи между положением звезд и происходящим на земле, т.к. все было определено решением Бога, которое нельзя вычислить. Однако разве не могли быть звезды знаками именно такого решения? Не закрывались ли однажды облаками солнце и луна, когда умер Авраам?⁴

Через два месяца Абу Шама должен был признать, что он хотел своим ученым толкованием рассказать о достойном внимания феномене, так как и в Дамаск прибыли письма из Медины, которые сообщали об ужасах: гром сотрясал воздух, сильные подземные толчки содрогали город начиная с 28 июня в течение двух дней и повредили сильно мечеть пророка; затем столб огня взметнулся вверх, расплавленные потоки прорвались через долину и совершенно, загородили дорогу паломников в Ирак; даже камни проглатывало пламя. Разве Коран не говорит об аде: «Он выплевывает искры величиной с дворец, похожие на блеклых верблюдов?»⁵ «Еще целый месяц после землетрясения и извержения лавы жар не погасал», — говорится в другом письме. «У Бога, о братья, мы живем сейчас в глубоких притеснениях! Вся Медина покаялась; не слышно больше звучания тамбурина, ни один бокал больше не осушается. Мы должны были бояться, чтобы поток огня не полился на нас. Тогда собрались

люди в усыпальнице Пророка и продемонстрировали свое раскаяние, и божественная сила погасила огонь на противоположной стороне реки. Но еще и сейчас люди боятся пламени. С того дня, когда вспыхнул огонь, при восходе и закате солнце и луна закрыты дымкой. Мы молим Бога сохранить нам жизнь»⁶.

Затмение солнца и луны, которое наблюдалось в Дамаске, было, таким образом, вестником несчастья! В Медине земля разверзлась и выплюнула огонь, Абу Шама знал переданные слова Пророка: «Последний час не придет прежде, чем вспыхнет огонь в Хиджазе, свет которого озарит лучами шеи верблюдов в Босре». Еще через несколько лет один дамаский кади* писал, как в 1256 году это ужасное видение стало действительностью; один бедуин уверял его, что в те ночи в Басре за несколько сотен миль можно было действительно увидеть шеи верблюдов при отблеске пожара ⁷.

Едва только Медина оправилась от величайшего страха, как город постигло новое несчастье. Невнимательность одного слуги стала причиной того, что мечеть Пророка начала гореть; добычей пламени стала крыша — пылающая лава перед городскими воротами, разрушение святыни в его стенах — все это показалось позже Абу Шама предостерегающим знамением того, что вскоре после этого действительно разразилось над исламским миром. Таким образом, он должен был наконец предположить, что, по-видимому, существует связь между явлениями в небе, катастрофами в природе и случившимся здесь, на земле. Его первое успокаивающее толкование оказалось поспешным и необдуманым. Слишком скоро раскрылся смысл этих случаев — они объявляли о крахе исламского строя. Теперь Абу Шама писал:

После бегства Пророка прошло 654 года:
Пожары в Хиджазе, в пламени мечеть,
И потоками совсем опустошен город мира!
И прошел год, потом еще полгода,
И Багдад стал жертвой татарских орд.
Горе тебе, ислам! Кто поможет жителям Багдада?
Это неверие, которому нужна сейчас помощь срочная!
Уничтожен был халифат,

---

* Судья. — Прим. ред.

И его наследие нигде не нашло убежища.
О Господи, дай защиту другим городам,
Великодушный благодетель, всевышний Бог!⁸

Багдад тоже был опустошен уже весной 1256 года во время природной катастрофы — и она теперь считается предсказанием. Необычно сильные наводнения разрушили 350 зданий; вода дошла до дворца халифа; арсенал был разрушен, имеющееся оружие и снаряжение пропало почти полностью⁹. Кто стал бы отрицать, что тяжелые несчастья в исламском мире накапливались? Покраснение неба было предупреждением, потом появились предвестники несчастья 1258 года.

ПАДЕНИЕ БАГДАДА

Военное бедствие начало отчетливо вырисовываться с 1256 года. Хулагу (ум. 1265), брат великого монгольского хана Мункэ (прав. 1251-1260), пересек с войском Оке и вторгся в Иран. Ранней осенью того же года его части продвинулись в горную страну к югу от Каспийского моря. Их первой целью было уничтожение маленького государства Исмаилитов, крепости которого занимали ключевую позицию на пути с востока в Кипчакскую степь, лежащую севернее Кавказа. Среди этих крепостей был и Аламут, резиденция правителя. А он мешал обширным стратегическим планам монгольского властителя, препятствуя важнейшей связи с военачальниками, воюющими на теперешнем юге России. Путь с юга Каспийского моря хотя и был обходным, но представлял определенное преимущество, так как вел через богатую, культурную страну и, следовательно, открывал перспективу награбить роскошные трофеи.

Как это уже у монголов вошло в привычку, Хулагу потребовал у исмаилитского правителя в письмах с угрозами сдачи его крепостей. Не получив удовлетворительного ответа, он приказал окружить крепости¹⁰. По-видимому, начинающаяся зима могла бы затруднить снабжение осажденных войск, но Хулагу хотел показать Исмаилитам свою решительность. Рукн-ад-дин, их последний властитель, понял, что дальнейшее промедление повлечет за собой полное опустошение его страны мародерствующими врагами, и сдался уже 19 ноября 1256 года.

Со своей дружиной он спустился с горной крепости и подчинился Хулагу, который отправил его в плен в Казвин. Исламитские города были снесены. Когда Хулагу в начале 1257 года вернулся в свой зимний лагерь под Хамаданом, Рукн-ад-дин обязан был его сопровождать. Он надеялся, несмотря на безвыходное положение спасти свое княжество и попросил разрешения поехать к хану Мункэ в Каракорум, чтобы получить обратно в знак милости из руки великого хана власть, унаследованную отцами.

Хулагу дал согласие на поездку, конечно, при условии, что Рукн-ад-дин также заставит сдать своих последних сторонников, которые то тут, то там еще оказывали сопротивление. Рукн-ад-дин не смог или не захотел сдержать это обещание; так он попал в немилость к великому хану. На обратном пути последний правитель Аламута был злодейски убит во время пирушки. Оккупационное войско получило приказ убивать всех исмамитов, вплоть до «младенцев в колыбели», чтобы «никто из их рода не остался в живых!»¹¹

Таков был конец последних значительных союзников халифа аль-Мустасима (прав. 1246-1258). Авангард монголов подошел к Багдаду в декабре 1257 г., через год после падения Аламута. Князь Мосула уже давно служил завоевателям и поспешил на помощь Хулагу¹². Еще в зимнем лагере под Хамаданом Хулагу, этот неверный, для которого достоинство, воплощенное в халифе аль-Мустасиме, не могло иметь большого значения, потребовал, чтобы халиф прислал к нему трех названных по имени влиятельных людей из его ближайшего окружения. Тюркским наемникам халифа состряпали письмо, сочиненное одним оставшимся в живых представителем тюркской династии хорезмийцев, которого Хулагу привел с собой в своем войске: «Мы же принадлежим одному народу... Я стал «сподвижником» Хулагу, и он обращается со мной хорошо. Станете тоже «сподвижниками» и спасетесь!» Один офицер аль-Мустасима велел передать татарам: «Как может Хулагу осмелиться посягнуть на дом Аббаса. Дом повидал уже многих ему подобных. Если бы Хулагу говорил о мире, он бы не пришел и не разорил бы империю халифа. Пусть Хулагу по доброй воле вернется в Хамадан, тогда можно постараться смягчить гнев халифа»¹³.

Над такой оценкой ситуации внук Чингисхана расхохотался. Он двинулся на Багдад со своими главными силами и достиг города 20 января 1258 года. Аль-Мустасим намеревался еще в последний

момент с помощью подарков предотвратить несчастье. Но напрасно! 29 января Хулагу велел трубить сигнал к штурму¹⁴. Татары обрушились на город и взяли его через неделю. Они убивали всех, кого встречали, мужчин и женщин, молодых и старых. В колодцах, в отхожих местах, в водосточных каналах прятались люди, искали убежища в мечетях, на крышах своих домов — и все равно их доставали и вырезали, и «по водосточным кровельным желобам текла кровь на улочки». Только в домах визиря Ибн ал-Алками и некоторых зажиточных торговцев, которые откупились, чувствовали себя в безопасности — у христиан и у евреев (так говорят). Багдад, многолюдный город превратился в развалины¹⁵.

Дворец халифа Хулагу осматривал лично. Аль-Мустасима вытащили в тот момент, когда он спешно собирал некоторые ценные вещи. Как рассказывают, Хулагу не обратил внимания на эти подарки, передал их своим офицерам, поставил потом чашу с золотыми монетами перед халифом и приказал: «Жри!» — «Это нельзя есть!» — «Почему ты тогда это копил, вместо того чтобы отдать своим воинам? Почему ты не приказал выковать из этих железных дверей острия копий? Почему ты не отправился на берег Окса, чтобы помешать мне переправиться через него?» — «Это было предназначение Бога», — ответил аль-Мустасим. «То, что тебе сейчас предстоит, тоже предназначение Божье!» — сказал Хулагу.

Жены, любовницы, слуги халифа были распределены между воинами победоносного войска. Примерно через 10 дней татары ушли из города. Хулагу призвал халифа к себе, и в одной деревне недалеко от города «встретил свой конец аббасид», как пишет один из свидетелей, близкий к полководцу шиитский ученый Насир-ад-дин ат-Туси (1200-1274)¹⁶. Предположительно, Хулагу позволил применить к своей жертве такой вид казни, который монголы применяли к лицам, чья кровь, если она не капает на землю, остается неотомщенной: жертву засовывали в мешок или закатывали в войлок и забивали ногами до смерти¹⁷.

ПОИСКИ ПРИЧИН

Почему пал Багдад? Как он мог прийти к этой катастрофе? Летописцы, жившие в то время, а позже и мусульманские летописцы искали причины, виновных. Визирь ал-Алками должен ответить за все,

говорили сунниты, так как он был шиитом (в 1257 году в Багдаде началась жестокая гражданская война между суннитами и шиитами). От таких разногласий страдал «город мира» уже в течение нескольких столетий. В 1257 году шиитский квартал ал-Кар был разграблен, не пощадили даже дома близких родственников визиря¹⁸. У войска халифа, которое большей частью состояло из тюркских наемников, отняли — в связи с этими беспорядками? — военные ленные поместья. Повсюду в Багдаде с тех пор можно было натолкнуться на нищенствующих солдат. Народные поэты сожалели о гибели войска, оплакивали «ослабление ислама и мусульман». Визирь разрушил жизненные устои наемников и таким образом коварно отдал в руки татар царство халифа¹⁹.

Совсем иначе думает багдадский шиит Ибн ат-Тиктака (писал в 1302 году). Он называет халифа аль-Мустасима мягкосердечным идиотом, который проводил время с певцами и паяцами, изучал книги, конечно, не извлекая из этого никакой пользы. Он не имел вообще никаких способностей государственного деятеля; даже собственных сыновей не сумел обуздать. До аль-Мустасима (прав. 1226-1242) действовал хороший обычай: халиф своих собственных детей и ближайших родственников сажал в тюрьму. Аль-Мустасим простил своему старшему отпрыску Абуль-Аббасу то, что он был в большом почете у черни под именем Абу Бакр, затем организовал грабежи 1257 года²⁰. Когда в Багдаде распространилась весть, что монгольское войско движется на восток, аль-Мустасим ничего не предпринял. Ибн ал-Алками все время заставлял пассивного медлительного халифа готовиться к войне, все было напрасно. Наконец, из Хамадана в Багдад много раз прибывали с предложениями посланники. Только тогда халиф снизошел до того, чтобы послать ответ, сдержанный и неоднозначный. Поэтому Хулагу решился идти войной на Ирак²¹. Ибн ат-Тиктака защищает визиря от обвинения в предательстве халифа и в том, что он отдал империю татарам, жаждавшим крови. Все предостережения и советы визиря не нашли отклика, так как аль-Мустасим, хотя и был расположен к своему визирю, допустил, что придворная клика отстранила Ибн ал-Алками от всех решений. Когда Хулагу стоял перед воротами Багдада, визирь первым должен был засвидетельствовать почтение хитрому завоевателю. Именно это толковали превратно сунниты как косвенное доказательство предательства²². Но Ибн ат-Тиктака

уверяет: как раз то обстоятельство, что Ибн ал-Алками, которому содействовали ученый Насир-ад-дин ат-Туси, после этого быстро получил повышение по службе у Хулагу и был назначен правителем Багдада, доказывает, что визирь не был предателем, так как предателю Хулагу никогда бы не доверял²³.

Подобные обоснования, составленные из анекдотов и слухов, вряд ли могут нас убедить. Они следуют из событий, происходивших непосредственно перед катастрофой, и отбираются в зависимости от того, рассказывает ли их шиит или суннит. Насир-ад-дин ат-Туси рассказывает дальше. Свое сообщение он начинает с размышлений, которые позволяют оправдать нападение. Хулагу даже считал, что нападение было вынужденным: монгол придерживался мнения, что Аббасиду нужно предъявить определенные претензии. Это позволило также Ибн ат-Тиктаке отметить, что аль-Мустасим сдерживал Хулагу. Конечно, ат-Туси и Ибн ат-Тиктака, будучи шиитами, осуждали аббасидского халифа и склонны были видеть в завоевателях своих покровителей²⁴. А трагизм аль-Мустасима в том, что он, очевидно, не смог сделать правильные выводы.

«Когда самодержец мира, воплощение безопасности и спокойствия Хулагу-хан принял решение вторгнуться в страну исмаилитских еретиков, чтобы их искоренить, он отправил посланника к халифу: «Ты заявил, что тебе со мной по пути. Признаком того, что мы идем одним путем, является то, что ты поддерживаешь нас войсками, как только мы выступаем против врага». Сначала халиф был готов выполнить эту просьбу, но изменил свое мнение, когда ему возразили, что хитрый монгол хочет только лишиться Багдад военной защиты, чтобы можно было его без опаски атаковать. После падения Аламута Ибн ал-Алками хотел помириться с монголом, передав свои извинения и ценные подарки. Но противники визиря подозревали, что он хотел спасти только собственный дом. Аль-Мустасим дал себя уговорить послать только малоценные дары. Разгневанный Хулагу потребо-иал, чтобы сам халиф или один из его высших придворных предстали перед ним. Только когда в Багдаде начались тактические маневры, Хулагу выступил из своего зимнего лагеря»²⁵.

Но какому праву мог монгольский полководец требовать от халифа военной поддержки? Уже посол Абассида ай-Иаснра (прав. 1180-1225) ездил к монголам. Конечно, до ушей халифа дошло, что в Средней Азии образовалась новая сила, которая могла быть ему

полезной в войне против хорезмских шахов, теснивших его империю с востока²⁶. До 628 года (х)* (начался 9.11.1230), сообщает летописец Ибн аль-Асир (1160-1233), проживавший вблизи Мосула, Аламут — тогда уже в союзе с Багдадом — гнал толпу вторгшихся в Северный Иран татар к последнему шаху Хорезма Джелал-ад-дину²⁷; татары, таким образом, оказали услугу Аламуту и Багдаду.

Хорезм, цветущая страна на юге Аральского моря, уже при Чингисхане подвергся нападению монголов. Джелал-ад-дин упорно стремился создать противодействие захватчикам на севере и западе Ирана, включая и Азербайджан. При этом он вступил в конфликт с Исмаилитами и Аббасидами. Они, очевидно, надеялись с помощью монголов уничтожить интригана-шаха. В верхнем течении Тигра в 1231 г. он был задержан дозорным отрядом татар. Его последние отряды были рассеяны, он сам бежал, но вскоре после этого был убит курдскими разбойниками. Призывы к мусульманским правителям выступить против врага сообщать не были услышаны. Немного позже, правда, Аббасиды и Исмаилиты поняли, что они ввязались из-за краткосрочной выгоды в азартную игру, развязка которой могла стать для них смертельной. Татары не удовлетворились захватом Хорезма. Уже в 1220 году некоторые из их отрядов продвинулись дальше на запад, обошли Каспийское море на юге и после этого вернулись через степи на восток. Ибн аль-Асир изображает потрясающую судьбу, которая выпала на долю городов Хамадана и Рея, но тут же замечает, что кучка чужого войска пополнилась мусульманами, которые участвовали в грабежах. Позже татары подошли второй раз; около 1225 г. начались в западном Иране и Азербайджане битвы между ними и Джелал-ад-дином. Он, как упоминается, не нашел поддержки, татары после его смерти смогли обосноваться там и в Южной Анатолии. Так в поле их зрения попал Багдад; в 1238 г. туда прибыл в первый раз монгольский посланник, который потребовал от Аббасидов подчинения²⁸.

В 1246 году монголы выбрали нового великого хана — Гуюка. По этому поводу князья, которые поддерживали с ними отношения, отправили посланника в Каракорум, где встречались монгольские принцы. Список исламских правителей, которые послали туда

---

* По мусульманскому летосчислению, ведущемуся от хиджры (х) — переселения Мухаммеда из Мекки в Медину 16 июля 622 г. — *Прим. ред.*

представителей, был на удивление длинный. Он включал самых важных властителей Хорасана, северо-западного Ирана, Азербайджана, Луристана, Ширвана, султана сельджуков из Коньи — этот прибыл лично, князей Алеппо, Мосула, Эрзерума, Фарса и Кирмана, Исмаилитов Аламута, багдадского халифа, который послал своего старшего советника²⁹. После вступления на трон Гуюк незамедлительно стал принимать меры, чтобы продолжить дело, начатое Чингисханом: завоевание Евразии. Один поход на запад он хотел возглавить сам, однако доверил главное командование сначала Элчигэдэю, племяннику Чингисхана, к которому должна была стекаться дань Сельджуков и грузин, Алеппо и Мосула. За этим, между прочим, наблюдали из Европы. Францисканец Джованни дель Карпини, который поехал по поручению папы Иннокентия IV в Каракорум, видел там коронацию Гуюка в 1248 году; через год после возвращения Джованни король Франции Людовик IX* задержался в Никозии. Там он принимал посла Эльчигэдэя, передавшего написанное по-персидски письмо, в котором христианам в завоеванных монголами землях гарантировалась полная свобода вероисповедания. Эльчигэдэй хотел побудить короля Людовика к нападению на Египет, чтобы аббасидский халиф не мог ожидать оттуда никакой помощи. Главной целью похода Эльчигэдэя было, конечно, порабощение исмаилитов. Их посланников новый великий хан после торжества своего коронавания отпустил домой «униженными» и «смирненными». К багдадскому верховному судье халифа отнесли сначала с уважением. Он получил диплом, названный ярлыком. С принятием такого ярлыка отношение великого хана к получателю в глазах монголов было однозначным: последний подчинился³⁰ и продолжал править как его вассал. Немного позже у верховного судьи халифа отобрали диплом и дали вместо него послание с угрозами халифу, на которого жаловался полководец Гуюка. О закулисной стороне этого происшествия мы ничего не знаем. Во всяком случае, с тех пор отношения Багдада с монголами не улучшились³¹. Напрашивается подозрение, что халиф и князь Аламута теперь испугались последствий своей попытки использовать татар в качестве инструмента против хорезмийцев. Как нужно было защищаться от злоупотребления властью монголами? И как нужно было дать понять тем неверным, что вербовка в союз, которую они

---

* Возглавил седьмой крестовый поход. — *Прим. ред.*

превратно истолковали в соответствии со своей простой схемой разделения человечества на платящих дань «спутников» и на «врагов», была не чем иным, как порабощением?

ОБМАНЧИВАЯ САМОУВЕРЕННОСТЬ

Кажется загадочным то, почему события, которые могли бы сразу объяснить политические цели монголов, в Багдаде оставили без внимания. Так, после завоевания Хорезма два монгольских полководца наступали в июне 1221 г. на Нишапур и велели через послов передать некоторым хорасанским вельможам, что Чингисхан призывает их вступить в «общество сподвижников, в мирный союз», и что они должны передать корм для скота и подарки гостю. Они должны были объединиться и впредь повиноваться монголам, принимать у себя их или их посланников, а не полагаться на мощь своих крепостных стен. В знак их нового статуса они получали красную печать³² с уйгурским шрифтом и оригинал соответствующего ярлыка Чингисхана. Содержание такого диплома гласило примерно следующее: «Великие князья и множество верноподданных могут знать, что сказал Бог: «Я отдал тебе всю землю от восхода солнца до его заката». Каждый, кто становится «сподвижником», оказывается милосердным к себе, своим женам, своим детям и прислуге. Каждый, кто не станет «сподвижником», погибнет с женами, детьми и родственниками»³³.

Багдад и Аламут находятся не так далеко от Нишапура, чтобы не знать о его порабощении и сопутствующих обстоятельствах. Но Ибн аль-Асир, современный иранский хронист, упоминает о судьбе Хорасана в те дни очень скудно. В документах, называемых ярлыками, обнаруживается, правда, новый вид обращения, который не оставлял место для тактичного общения, принятого среди исламских князей. Дипломатические любезности, приветственные адреса и обязательные свидетельства дружеского расположения еще не были употребительны у необразованных пришельцев. «Тайная история монголов» изображает в живых красках среду, в которой вырос Чингисхан. Охота, разбои и война, прежде всего война; вокруг этих занятий вращаются мечты и помыслы. У «сподвижников», само собой разумеется, только общие «враги», они в ссоре с ними со всеми. Этот простой принцип остался в силе, когда Чингисхан и его последователи соприкоснулись с государственным миром на востоке и западе Азии, с империями,

которые обладали усовершенствованной политической культурой. Что Чингисхан является тем, кто был уготован земле³⁴, что небо и земля поддерживали его в борьбе со всеми вражескими народами³⁵ — это утверждение должно было казаться мусульманам самонадеянным и ошибочным. Разве не халифат был особой защитой Бога? Это снова оправдалось, когда Ала-ад-дин*, отец хорезмийского шаха Джелал-ад-дина, планировал на весну 1218 г. атаку на Багдад, чтобы возвыситься до защитника Аббасидов, как однажды Сельджук Тогрулбек. Под Хамаданом Ала-ад-дин с громадным войском занял зимний лагерь, однако необычайно сильные холода уничтожили большую часть его отрядов, и поэтому его дерзкий замысел рухнул. И когда он, наконец, вернулся в Хорасан и сообщил халифу официально о случившемся, «тогда и произошли те события»: он был побежден монголами!

Так трактует летописец Ибн аль-Асир событие, современником которого он был. «В этом как раз мы узнаем удачливость благородной династии Аббасидов: еще никто никогда не захотел посягнуть на нее без того чтобы его чудовищное преступление и злое намерение не шло бы за ним по пятам». И это, определенно, — тоже точка зрения, с которой позже аль-Мустасим рассматривал угрожающие послания Хулагу из Хамадаиа. Да, Хулагу сам был предупрежден одним из его астрологов: шесть бедствий принесет человечеству тот, кто убьет Аббасидов: лошади будут околевать, воины заболеть, солнце больше не будет всходить, больше не будет идти дождь; поднимется буря, задрожит земля; растения больше не будут вырастать из земли; большой правитель умрет в том лее году. Насир-ад-дин ат-Туси, которого спросили о его мнении по поводу последствий уничтожения Аббасидов, ответил вопреки ожиданию равнодушно: «Теперь Хулагу будет занимать место халифа». Как шиит он не разделял уважения к Аббасидам. Он раскусил, почему Хулагу чувствовал себя правым во время нападения на Багдад, и он знал, что при победе монголов, которую можно было ожидать, сменится только одно «государство лжи» на другое, правда, на такое, в котором он и его шиитские единоверцы будут переносить немного меньше притеснений. Единственное существенное изменение для них, на которое можно надеяться в истории, это раскол божьего государства при возвращении

---

* Хорезмшах Мухаммед II Ала ад-дин. — *Прим. ред*

Двенадцатого имама, что должно было произойти в неопределенном будущем³⁶.

Только продвижение татар в области, которые были ближе к Багдаду, вынудило Ибн аль-Асира учесть сомнительную ситуацию, в которую попал суннито-исламский мир. Быстрота и неукротимость татарского наступления на запад, беспощадность и жестокость, с которой подавлялось любое сопротивление, — все это наводило на него глубокий ужас. Боевой дух монголов невозможно было обуздать; казалось, они не знают страха, они никогда не позволяли себя брать в плен, убивая себя, если он им грозил; они никогда не придерживались соглашений, полны коварства, неутолимо было их желание — и даже желание их жен — убивать. Один житель из окрестностей Нисибина рассказал летописцу: «Я спрятался в одном сарае в соломе, поэтому они меня не нашли. И я наблюдал за ними из окна. Если они хотели кого-нибудь убить, и тот кричал: «Нет! Ради Бога!» — они его убивали... И я видел, как они на своих лошадях затевали игру, смеялись и на своем языке распевали слова: «Нет! Слава Богу!» В побежденных городах население было парализовано от ужаса: «Татарин ворвался в один переулок, в котором было 100 мужчин, — и он убил их одного за другим до последнего. Ни один из них даже не двинул рукой против него. С позором заваливали людей, а они совсем не защищались! Мы молим Бога, чтобы он не оставил нас в беде!»³⁷ В 1230 году Ибн аль-Асиру в Мосуле попало в руки письмо одного купца из Тебриза: «Неверных — пусть проклянет их Бог! — мы не можем ни описать, ни назвать цели их боевых частей, т.к. мусульмане не должны совсем пасть духом. Положение очень плохое. Не верьте, что тот патрульный отряд, который прошел в Нисибин и в Хабур, и другой, который добрался до Ирбила и Дакука, стремились к тому, чтобы делить добычу. Они только хотели разведать, есть ли в этих землях защитники. После своего возвращения эти отряды сообщили своему правителю, что местность лишена какой-либо обороны... Поэтому возросла алчность татар; весной они нападут на вас. Только на крайнем западе вы еще можете остаться, так как они решились напасть на всю эту область. Ищите безопасное место!» Что удивительно, так это то, что в таком паническом состоянии мусульманские князья, тоже потрясенные угрозами татар, от страха ничего не предпринимали, как и те сто мужчин, которые позволили одному единственному татарину себя зарезать. Во всяком случае хорезмиец Джелал-ад-дин нигде не нашел поддержки. Осенью 1231 г., пишет Ибн аль-Асир, его след потерялся³⁸.

ПАРАЛИЗУЮЩИЙ УЖАС

Падение Хорезма Ибн аль-Асир приветствовал, т.к. это соответствовало божественному порядку. То, что там происходило, было наказанием за кощунственное выступление против авторитета аббасидского халифа. Но потом картина изменилась ошеломляющим образом. Татары больше не устанавливали божественный порядок, в котором считали себя в безопасности, нет, они угрожали исламу! Пришел его конец? Он долго не решался выразить словами наказание, признается Ибн аль-Асир: «Кому дается легко записывать сообщение о смерти ислама или мусульманина? О, пусть бы моя мать меня не рожала, о, лучше бы я умер раньше, о, если бы меня совсем забыли!»³⁹ Разрушение Иерусалима Навуходоносором⁴⁰ кажется незначительным по сравнению с разорением и резней, о которых он должен теперь известить потомков. Только нашествие, Гога и Магога, которое было предсказано для конца света, можно было привести для сравнения⁴¹. Почти безнадежным было положение ислама: на востоке эти неверные варвары, а с запада угрожали франки, которые одержали как раз под Дамьеттой великую победу и теперь угрожали всему Египту⁴². «Однако мы принадлежим Богу, и к нему мы, конечно, возвращаемся, и нет никакой власти и никакой силы кроме власти Бога, всемогущего и великого»⁴³.

Малодушие и смертельный страх, казалось, продолжали охватывать население; ожидание страшного суда, часа расплаты затеняло мышление и лишало мужества всех без исключения перед монголами. Причудливые и обреченные на неудачу усилия хорезмийского шаха Джелал-ад-дина выделяются в этой атмосфере парализующей неизвестности: недоброжелательно относящиеся к нему источники характеризуют его гнусно. Это была воля Бога, чтобы монголы опустошали страны ислама. Так, должно быть, аль-Мустасим оправдывал свою бездеятельность, и так заставил это провозгласить свирепый Чингисхан; когда он решил потребовать у жителей Бухары дань, он велел их всех согнать и провозгласил: «Знайτε, что совершили страшные грехи; в этих тяжких грехах провинились самые зажиточные среди вас. Спросите меня, по какому праву я это утверждаю? Так вот: я наказанье божье. Если бы вы не нагрешили так тяжко, Бог не послал бы меня в наказание вам»⁴⁴. В это готовы были поверить, ибо какое другое толкование несчастья можно было представить?

И, как всегда, были люди, которые пытались извлечь выгоду из этого психоза страха. К князю Айюбиду Майяфарикина, важной крепости в пограничной области между Анатолией и Плодородным Полумесяцем, в 1240 г. зашел один мусульманин из Исфахана, который представился посланником Тулуя, младшего сына Чингисхана, и передал послание, в котором «представитель Господа небесного, тот, кто обошел всю землю, король Востока и Запада, Великий хан»⁴⁵ призвал исламских правителей к послушанию и потребовал снести городские стены. Странный посланник рассказывал своим слушателям старые трепетные сказки: вблизи плотины, которую соорудил когда-то Александр против Гога и Магога и где вряд ли догадывались, откуда пришли монголы, жили одичавшие народы, у которых глаза были на плечах, а рот на груди; овцы росли у них из семенных зерен подобно растениям ⁴⁶. Такие бессмысленные истории, по-видимому, могли служить удостоверением для посланника, но они вызывали страх, так как перед страшным судом та плотина лопнет, и жуткие народы далекого северо-востока наводнят цивилизованный мир. Неужели настало это время?

Тулуй участвовал в походе Чингисхана на запад и после этого завоевал в течение нескольких месяцев столицу Хорасана. Но позже, кажется, он больше не занимался делами Западной Азии⁴⁷. Ему, правда, приписывается участие во всех войнах империи. Во всяком случае он уже в 1233 г. нашел смерть, когда сопровождал великого хана, своего брата Угедея, в походе на Китай⁴⁸. Тулуй, таким образом, вряд ли мог быть отправителем того письма с угрозами. Кто стоял за этим посланием, уже нельзя выяснить. Во всяком случае он ставил своей целью ослабление мусульманской позиции в областях, граничащих на севере с Ираком. Имя Тулуя приобретет еще страшную известность, и этим воспользуются. Целым столетием позже монголы оценивали каждого по деятельности Тулуя. Его сын Муню, избранный в 1254 г. великим ханом, поручил Хулагу, который тоже был сыном Тулуя, новое порабощение Ирана.

Об успехах Хулагу мы уже знаем. Они не означают конец ислама; подобные опасения ведут слишком далеко. И Страшный суд еще не наступил. Но поворотным пунктом всемирно-исторического значения было все же падение Багдада. Династия Аббасидов почти угасла. Даже могилы халифов под Ар-Рзафой были разрыты, черепа трупов выставлены для обозрения, как это обычно делали с головами казненных преступников⁴⁹. Багдад навсегда лишился своего положения столицы

ислама. Он опустился до уровня хотя и важной, по все же провинциальной столицы, так как великий план монголов — победить также последнюю оставшуюся исламскую великую державу, Египет — рухнул в 1260 г. у Источника Голиафа в Палестине. Каирские султаны мамлюков сохраняли за собой Сирию; где-то в областях верховий Евфрата, по которым проезжали бедуины, проходила с тех пор в течение столетий демаркационная линия, отделявшая иранских ильханов, потомков Хулагу, от арабизированной империи мамлюков. Багдад был теперь стратегически важным форпостом восточной половины исламского мира, и владели им монгольские княжеские роды.

ОТРАП

Три дервиша, которые принадлежали к самым строгим аскетам своего времени и самым пылким богослужителям эпохи, шли однажды своим путем, и вот нашли они ветхие останки на краю дороги. Они спросили друг друга: «Какому живому существу могли принадлежать эти кости?» И они договорились молить Бога, чтобы эти кости снова ожили. На молитву первого поднялся ветер и соединил кости, на молитву второго появились кровеносные сосуды, жир и мясо; на молитву третьего в тело пришло дыхание жизни: сильный, вызывающий ужас лев прыгнул и разорвал троих моливших за него на куски.

Мирхванд (1433-1498)¹

ОПАСНОЕ СОСЕДСТВО

Когда Сельджук Санджар в 1141 г. потерпел тяжелое поражение в бою с войсками каракитаев, живущих по ту сторону Яксарта*, падение его династии было скреплено печатью. Хорасан со своими процветающими городами Мерв, Нишапур и Тун достался хорезмийским шахам, которые, будучи прежде наместниками сельджуков, возвысились до самой значительной власти Ирана. Честолюбие этой династии с

---

* Яксарт — древнее название реки Сырдарья. — Прим. ред.

южного берега Аральского моря, которая сперва платила дань каракитаям, на достигнутом уже давно не успокаивалось.

К концу XII века династия расширила свое влияние на Западный Иран. Халиф ан-Насир (прав. 1180-1225) оказался вынужденным признать Ала ад-дина правителем Хорезма, султаном Западного Ирана, Хорасана и Туркестана и разрешить ему произносить собственное имя в проповеди сразу за именем Аббасида. Желание Ала-ад-дина самому поселиться в Багдаде, правда, не осуществилось. Он дал волю своему негодованию из-за этой неудачи и объявил законным халифом не Аббасида, а алидского саида — дерзость, которая, как записал это Ибн аль-Асир, тотчас же была наказана нападением Чингисхана.

И на северо-восток, в сторону каракитаев, добились хорезмийские шахи расширения страны. Уже в конце XII столетия вели они войны с этой целью. Чтобы крепко держать Хорасан в руках, Ала-ад-дин обеспечил себе помощь каракитаев, хотя и временно. А потом неожиданно представился случай поставить на колени верховных властителей и временных союзников. Гуцулюк, князь монгольского народа найманов, который в начале XII столетия переселился в Семиречье², долго заседал на правителя каракитаев, пока тот не разрешил ему перейти на свою территорию. Гуцулюк имел все основания настойчиво просить этого: Чингисхан шел за ним по пятам, и бегством на запад князь надеялся избежать угрозы уничтожения³. Между тем росло число его сторонников. Остатки других разбитых народностей нашли к нему путь. Старый правитель каракитаев породнился с Гуцулюком; но это ни в коем случае не гарантировало ему верность новых сторонников. Ала-ад-дин, хорезмиец, готовил заговор и отводил в нем Гуцулюку роль предателя, которого предали. Оба тайком договорились о том, что, если хорезмиец одержит победу над каракитаями, ему должны достаться Алма-Ата, Кашгар и Хотан, без сомнения, самая ценная часть владений каракитаев. Если же Гуцулюк будет быстрее, то граница между его империей и империей Ала-ад-дина пройдет через Яксарт. Гуцулюк решился вопреки плану Ала ад-дина на собственную гонку в свою пользу и получил во владение Туркестан.

Но долго он не смог наслаждаться этой победой, так как Чингисхан ни в малейшей степени не был согласен с тем, что его беглый враг стал правителем области, стратегическое значение которой было очевидно: Гуцулюк контролировал важные пункты

шелкового пути, включая проход в Западную Азию. Получилось так, что Гуцулюк не сумел обеспечить себе у населения поддержку. В Кашгаре и Хотане начались волнения, которые он подавил военной силой, все сделал для того, чтобы стереть с лица земли ислам, основательно там утвердившийся. Он поставил мусульман обоих городов перед выбором: перейти или в буддизм, или в христианство. По-видимому, он таким образом только отплатил сторонникам пророка за их надменность в вопросах религии той же монетой; но в любом случае было неумно приобретать новых противников в таком тревожном положении. Внимание привлекла, прежде всего мученическая смерть одного из хотанских Саидов, который бесстрашно выступил перед правителем и наконец проклял его: «Пыль тебе в рот, враг подлинной религии». Немного позже один из сыновей Чингисхана захватил город Кашгар; Гуцулюк бежал. Монголы распорядились, чтобы каждый имел право сохранить свою веру⁴. Этим они показали себя друзьями ислама — обстоятельство, на которое указывают с глубоким удовлетворением иранские летописцы времен ильханов; Рашид-ад-дин (казнен 1318), визирь ильханов и собиратель монументальной хроники мировой истории, осмелился сделать замечание: «Этим событием как бы подчеркивается, что каждый, кто посягнет на ислам, скоро будет брошен на произвол судьбы и переживет потрясение. Но господство и достоинство того, кто укрепляет ислам, даже если он исповедует не эту веру, будет расти изо дня в день и его регентство продлится долго»⁵. Напротив, для мусульман, которые остались вне сферы господства монголов, прежде всего, для сирийцев и египтян, было после падения Багдада ясно, что те варвары из Средней Азии были опаснейшими врагами их веры.

С потерей Кашгара судьба Гуцулюка была уже решена. Сообщения о его конце противоречивы, и дата колеблется между 1215 и 1219 гг⁶. Во всяком случае хорезмийский шах был теперь непосредственно соседом империи, стремящейся бесконечно расширяться. Укрепление этой империи продвинулось так далеко, что ослабление внутри нее трудно было предвидеть. Чингисхан завоевал в 1215г. Пекин. Вероятность того, что его военные походы скоро переместятся на запад, была велика, так как там еще оставались страны, по которым можно было пройти с расчетом на дальнейшую богатую добычу.

Теперь необдуманное разрушение ханства каракитаев оказалось роковой ошибкой. Ата Малик Джувейни (1226-1275, писал в 1260),

первый значительный летописец в монгольском Иране, дает возможность узнать, что угасание того «буферного государства» вызвало опасность столкновения между Чингисханом и шахом хорезмийским. Чтобы разжечь войну, нужен был только повод. Источники, даже благосклонные к шаху Хорезма, сходятся в том, что не монгол дал этот повод. Он, говорят, старался поддерживать добрососедские отношения с Ала-ад-Дином, в стране которого были надежными дороги и процветала торговля. Такие отношения соответствовали, очевидно, политическим представлениям Чингисхана, так как и он намеревался способствовать обмену товарами. Так как благодаря военным успехам много денег стекалось в руки монгольских князей, мусульманские купцы Мавераннахра быстро узнали, что в Центральной Азии открылся прибыльный рынок, особенно по продаже одежды и ковров⁸. Чингисхан оставил за собой право продажи на все товары, которые ввозились купцами в его империю. Однажды трех мусульманских торговцев привели к нему, один из них предложил ему одежду по бессовестно завышенной цене, предполагая, что в той мало цивилизованной стороне света, в которой не было городов, а поэтому и возвышенных ремесел, алчность к отличным товарам должна быть сильнее любого рассудка. Чингисхан впал в страшный гнев, велел обманщику взглянуть на многие одежды, хранящиеся в царском сундуке, конфисковал предложенный товар и арестовал его. Только когда оба его попутчика привезли правителю свой товар в качестве подарка, он позволил себе быть милостивым и даже заплатил значительную сумму.

Этот случай пробудил в нем желание заняться торговлей с мусульманскими странами за свой счет и, конечно, с обчетом. Его сыновья, князья и военачальники получили приказ выбрать из находящихся в их подчинении по два-три подходящих мужа, снабдить их некоторым капиталом и отправить в путешествие. Всего монгольский караван насчитывал 450 подданных исламской веры. С ними Чингисхан передал послание шаху Хорезма, в котором он настаивал на соблюдении взаимности интересов в торговле, чтобы в будущем избежать случаев, подобных упомянутому. В течение столетий монгольские князья снабжали своим капиталом купцов, связанных договором⁹, и давали им привилегии.

Под Оттаром, где караваны, направлявшиеся из Семиречья в Мавераннахр, пересекали Яксарт¹⁰, торговцы въезжали в хорезмийскую область. Командовал этой пограничной крепостью, охрану которой

осуществлял вооруженный отряд, состоящая из 20 тысяч конников, некий Инал, родственник матери Ала-ад-дина. Если случалось так, что привезенные купцами, с которыми был заключен договор, богатства пробуждали алчность Инала, или если один из купцов раздражал его своими колкостями, Инал арестовывал иностранцев и сообщал пребывающему в Иране султану, что из империи Чингисхана прибыли мнимые купцы, которые на самом деле были лазутчиками. Ала-ад-дин учил его сначала всех держать под арестом, пока он сам не сможет разобраться с этим делом. Так звучит хорезмийская версия, которая в убийстве купцов — осторожно и сдержанно сообщалось, что никаких сведений о караване больше не поступает — обвинила Инала, который вскоре после этого стал владельцем имущества путешествующих купцов. Ата Малик Джувейни, напротив, был убежден, что султан сам приказал убить торговцев.

ВТОРЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКИХ ВОЙСК

Как бы там ни было, убийство из-за угла в Отраре было поводом для вторжения монгольского войска, и как возмездие «лился за каждую каплю пролитой крови целый Оке, покатались за каждый волосок сотни тысяч голов как мячи по переулкам, за каждый динар платили тысячами кинтар»¹¹. Прежде всего Чингисхан потребовал выдачи злодея — напрасно, так как родственники Инала занимали ключевые посты в империи Ала-ад-дина¹². Война стала неизбежной. Отрар был первой хорезмийской крепостью, которую окружило монгольское войско. Чингисхан поручил своим сыновьям Чагатаю и Угедю осаду и штурм, послал части своего громадного войска для завоевания других городов, а сам поехал в Бухару, которую он занял весной 1220 года. Отрар оказывал сопротивление осаждающим пять месяцев; потом город пал. Инал, не имевший надежд на пощаду, окопался со своими воинами в крепости. Целый месяц они день за днем предпринимали вылазки с большими потерями и значительно сократили число врагов. Наконец живых остался только Инал. Чингисхан приказал, чтобы этот архипреступник погиб не в бою, так Инал был взят в плен и закован в кандалы. Крепость была снесена, а жителей, избежавших смерти, или отдали вспомогательным войскам, или угнали, если они были ремесленниками и художниками. Затем Чагатай и Угедей выступили в Самарканд, куда переехал их отец после штурма Бухары. Инал был

доставлен к Чингисхану, «его заставили попробовать бокал исчезновения и одели в платье вечного бытия»¹³.

Поспешно Ала ад-дин оставил на произвол судьбы Мавераннахр при приближении монголов и бежал на запад. Мрачные намеки его астрологов задушили всякую надежду на хороший исход. В апреле 1220 г. он был в Нишапуре и в упоении весной сбросил бремя государственных дел, отдался силе вина и песням. Но теперь он осознал, «что жестокого времени тирания отказала ему в том, что от него требовалось и что его могло порадовать. Так что мир его не должен был больше печалить...

Если роза расцветает, то давай потанцуем!
Радостные от сладкого вина, давай уйдем от забот!
Может быть, уже следующей весной, друзья,
Роза упадет в пыль, и мы упадем туда!»¹⁴

Годом позже Ала ад-дин чуть не попал в руки своих преследователей под Хамаданом. С небольшим количеством сопровождающих он ускользнул через Мидию в Мазендеран. Но и там его скоро догнали. В последний момент он спасся на лодке, которая доставила его на маленький остров в Каспийском море. Вскоре после этого он умер от болезни¹⁵. В отчаянии его сын и наследник Джелал-ад-дин старался почти десятилетие вдохновить исламских правителей на сопротивление монголам.

Для Хорезма бегство Ала-ад-дина имело жестокие последствия, так как монгольские полководцы, которые должны были его задержать, начали планомерно разрушать страну. Ан-Назави (писал в 1241), доверенный Джелал-ад-дина и хронист его бесплодной борьбы, находился во время вторжения в своей хорасанской крепости, которая, по его словам, была переполнена беженцами. В каждом районе оккупанты сгоняли крестьян и шли с ними в крепости. Там пленные должны были строить метательную машину или рыть штольни под оборонительными сооружениями и таким образом готовить взятие штурмом. «Паника охватила людей так, что те, которые уже были в плену, чувствовали себя спокойнее, чем те, которые в своих домах ожидали несчастья». Были также местные жители, которые продались монголам и способствовали уничтожению своих войск. Ан-Назави рассказывает об одном человеке из окрестностей Нишапура, который

предоставил в распоряжение завоевателей свои профессиональные знания и был вскоре в шутку назван «королем» и выделялся особой омерзительностью. В конце концов захватчики направились к столице и приступили к штурму. Первая атака была отбита, и они потребовали подкрепления. Зимой 1222 г. город был осажден. После того как осаждающие велели построить многочисленные военные машины, они начали атаку, перед которой защитники устояли только три дня. Доставленные пленные получили приказ сравнять с землей Нишапур. Даже лошадь там больше не спотыкалась, и на этой гладкой поверхности захватчики играли в поло*. Но в засыпанных подвалах задохнулась большая часть жителей, которые там искали защиту. Когда после отхода войск новый султан Джелал ад-дин снова завладел опустошенной страной, он отдал разрушенный Нишапур в налоговую аренду за ежегодный взнос 30 тысяч динаров — блестящая сделка для арендатора, как уверяет ан-Низави, так как иногда одного-единственного дня работы хватало, чтобы собрать сокровищ на такую сумму.

Весь Хорасан, а также Хорезм, область сегодняшнего Афганистана, Мидия, Мазендеран и Азербайджан были разграблены подобным образом при нападении монголов¹⁶, за исключением княжества исмаилитов около Аламута, как мы уже знаем. Судьба покарала страны по эту сторону Окса в те десятилетия сильнее, чем восточные части бывшей Хорезмийской империи. В Бухаре и Самарканде Чингисхан только по одному разу снял запрет на грабежи, только один раз разрешил он резню по отношению к жителям. К тому же районы этих городов нередко включались в «союз мира» монголов. Позже пытались даже восстановить их. По свидетельству Ата Малик Джувейни, в Мавераннахре был почти достигнут к 1260 г. стандарт цивилизации доокупационных времен. По-другому было в Хорасане и Мидии, где на каждую местность много раз совершались нападения, и желание оккупантов убивать утолялось беспрепятственно. «Даже если население увеличится до Страшного суда, оно не достигнет там десятой доли прежнего числа», — говорил Джувейни¹⁷.

Когда Чагатай и Угедей разрушили Хорезм, они собрали на свободном поле оставшихся в живых жителей; ремесленников и ученых отделили от других и угнали на восток. Пересчитали — на каждого монгольского воина пришлось по 24 человека, которых они должны были

---

* Игра в мяч верхом на лошадях (тибет.) — *Прим. ред.*

казнить. Подобным образом уничтожалось население Балха¹⁸. При осаде Бамиана весной 1221 г. сын Чагатай был смертельно ранен стрелой. Это был любимый внук Чингисхана, и поэтому издан был приказ, чтобы после взятия города ничего живого в нем больше не осталось. Были убиты не только люди, но и животные, никто не должен был поселиться там снова¹⁹. Нишапур, о гибели которого нам сообщил ан-Низави, сровняли с землей, «так что там можно было обрабатывать землю», потому что город сперва успешно оборонялся и нападающие понесли большие потери. В Нишапуре приказ гласил: даже собаки и кошки должны быть уничтожены²⁰. Когда прибыли последние монгольские соединения и к своему разочарованию узнали, что неугнанное на восток «беспольное» население уже было истреблено, они потребовали причитающейся им доли в людской бойне. Постановили, что каждый выживший в окрестностях Мерва должен поставлять провиант для монголов. «Под этим предлогом заталкивали они большинство из тех, которые избежали гибели, в могилу. Затем отправились в Нишапур. По пути они убивали каждого, кто возвращался из степи, где он спасся бегством от монголов; так погибли там многие из этих беглецов. Когда после этого полководец Тайси добрался до Мерва, лучшим бальзамом для ран была жажда крови»²¹.

РАЗОРЕНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Ан-Низави находился на западе Ирана, неблагоприятные обстоятельства разлучили его с султаном. Все же в течение 1231 г. по поручению своего господина он ездил в район Урмия-озера. Его глубоко потряс вид области Хой. «На лугах, на которых прежде играли газели, сидели мрачные вороны, пастбища косуль теперь превратились в волчьи районы». «Горе мне, таким я тебя не знал!», — вздыхал я. Исчезли нравы и обычаи веры, разрушен фундамент основ ислама. Больше ни одного жителя в областях набожного мужского достоинства, никого больше в царстве смелости, в которой можно было бы разжечь огонь. Страны превратились в области упадка, улицы — в места военных столкновений. Власть разрушена полностью, правительство распущено, демоны на месте канцеляриста! В руинах научные учреждения, вместо научных докладов — сообщения об осаде. Поляны милых поместий запружены военными машинами. И на месте друга, которого я однажды навещил, гроб мученика»²². Эти

строки, относящиеся к 1235 г.²³, искусные речевые образы которых теряются при переводе, скрывают ужас автора под риторическими украшениями, которыми он опутывает еще больше сообщение, написанное на персидском языке, чем несколько лет назад жизнеописание на арабском султана Джелал-ад-Дина. Средства риторики дают его словам и чувствам опору в свете разрушения не только исламских стран, но и исламской культуры вместе с ее политическим строем и уничтожением людей, носителей этой культуры. Не напрасно монгольская эпоха, на пороге которой стоит ан-Низави, в поэзии и историографии называется эпохой бурно расцветающего красноречия — как будто бы мобилизацией всех художественных средств слова позволили забросить сети разумного строя над хаотическими событиями. То, что началось с безрассудного преступления Отрара, было только на первый взгляд разрушением богатых провинций исламского мира. Если посмотреть глубже, это было угасание всей цивилизации, которую лишили жизненной основы. Это было именно то, о чем, кажется, догадывался и сожалел ан-Низави. Конечно, и среди монголов были такие, кто добивался восстановления; об этом может уже сообщить ан-Низави. Но эти меры нельзя в действительности связать с прошлым, не говоря уже о восстановлении. Что было, навсегда утонуло: «Некоторые архитекторы татар заново основали Хой, но глина была смешана, чтобы город стоял дольше, с кровью наших сердец, и стены, для того, чтобы дольше стояли, строились на костях»²⁴.

Ата Малик Джувейни, находящийся на службе у монголов, менее унылой, чем могло быть, видит судьбу восточной половины исламского мира. Чингисхана, степного завоевателя, он называет создателем мирового господства, в этом можно сравнить его с Александром; он тоже разрушил Иран, но из-за этого не наступил конец иранской истории. Ужас и отвращение не скрывает Джувейни, но он замечает и зародыши нового. Вначале монголы обращались действительно щадяще с сельскими местностями, которые подчинились братству сподвижников. Они требовали от жителей только корм для скота и определенное количество полотна. Силой завоеванные населенные пункты пали, и все большие города, которые самостоятельно позаботились о возведении укреплений, были разграблены. Выживших, правда, не пытали, так как еще не нашли спрятанные ценности. Это совпадает с сообщением о Нишапуре, земля которого

оказалась после разрушения города такой необычайно высокоурожайной.

В 1229 году великий хан Угедей приказал окончательно выбить последнего шаха Хорезма Джелал-ад-Дина. Под командованием полководца Чормагана двинулось новое войско в Иран. Его сопровождали несколько сборщиков налогов хорезмийского происхождения, среди них их начальник, некий Чинтемюр. Он и его помощник, бывший грузчик, описанный Джу-вейни как подобие антихриста, должны были в доказательство своего усердия облагать города, которые жили в статусе «сподвижников», значительными налогами и пытаться жителей городов, хоть однажды принимавших участие в боях, заставляя их отдавать свои ценные вещи. И тут только поняли монголы, какие сокровища можно было действительно найти в Иране, и проявили свою любовь к деньгам²⁵. Уже в 1235 или в 1236 г. Чинтемюр умер, но положение истерзанного населения не улучшилось. Между руководителями введенного монголами управления разгорелся спор из-за отдельных областей. Поэтому Угедей в 1241 г., незадолго до своей смерти, подчинил районы Ирана монгольским князьям, а города — военачальникам. Налоги должны были взиматься без помех²⁶. Нерегулярность их сбора приняла, очевидно, угрожающие размеры. Знание дела среди первых чиновников, назначенных монголами, было менее распространено, чем жажда денег и авантюризм. Ата Малик Джувейни описывает чудовищные методы, которые применял помощник Чинтемюра. Даже вдовам и сиротам не было пощады. После того как он «очистил» местность Тебриз, он продвинулся в горы Эльбурс: в Казвине родители продавали своих детей, чтобы уплатить требуемое, даже с умирающих старались взять налог; когда приходил сборщик налогов, а человек был уже мертв и завернут в саван, казначей срывал саван, забирал его себе, оставляя мертвого голым. Через Рей, куда доставлялась добыча из Исфахана, Хамадана и других городов, шла большая дорога для продвижения армии по южному гребню горы вдоль на восток, в Дамаган. Сборщики пытали людей, подвешивали мужчин за ноги, женщин за груди. В своем бедственном положении измученные люди обратились к исмаилитам, которые владели крепостью Гирдкх, находившейся на расстоянии одного дня пути, и отдали в их распоряжение свой город. Гарнизон крепости выдвинулся в местечко, убил несколько злодеев и спас большую часть населения²⁸. Может быть, в конце концов это и был тот инцидент, который в 1246 году послужил

поводом Гуюку сразу после того, как он взшел на трон, отослать посланников Аламута при позорных обстоятельствах, и который позже побудил Хулагу сделать государство Исмаилитов первой целью своего похода на Запад.

Совершенно безнадежное положение Хорасана вынудило великого хана Мункэ (прав. 1251-1260) наконец позаботиться о его улучшении. Налог, уже введенный в Мавераннахре, названный «кубкурум»²⁹, распространился теперь и на Хорасан. Все лица, которые должны платить налог, облагались им соответственно своему имуществу и платили только один раз в год определенный взнос в размере от 1 до 5000 дирхам. Из поступления оплачивались расходы на войско, почту и посланников³⁰. До тех пор было, очевидно, принято, чтобы казначеи брали по собственному усмотрению деньги и для тех целей собирали дополнительные средства. Мункэ принял дальнейшие меры, чтобы упорядочить запутанные дела Ирана³¹.

Местами заботились о восстановлении. Но источники свидетельствуют только о мерах, которые были полезны определенным местам и зависели от капризов власть имущих. К такого рода благоприятным местам сходились оставшиеся в живых люди. Коргез, с 30-х годов наместник Хорасана, выбрал Тус для своей резиденции. Но город не представлял уже собой ничего, кроме своего имени. В нем не было и 50 жилых домов, и те стояли кое-где. На территории местного рынка бурно рос кустарник. Коргез велел соорудить здание для городской кассы и заложить сады. Так как наместник поселился в Тусе, отовсюду стали приходить люди. Сановники строили виллы, был восстановлен базар, привели в исправность поместья. За неделю, пишет Джувейни, цены на землю повышались в сотни раз³². И Хулагу, на службе у которого с весны 1256 г. был Джувейни, способствовал восстановлению. В своем походе проезжал он через Хабушан, местечко к северу от Нишапура, которое с вторжением монголов лежало в развалинах. Оросительная система не работала. «Я купил уже раньше, — заметил Джувейни, — четверть этого местечка у его жителей»³³. Так как он наблюдал интерес правителя к восстановлению, то рассказал ему о разрушении местечка. Правитель воспринял это милостиво и выдал ярлык на начало ремонта подземной оросительной сети, строительство домов и базара, обеспечение пропитания, с тем, чтобы не все издержки покрывались за счет верноподданных. Усилия увенчались успехом. Бывшие местные жители, а также и чужие издалика собрались здесь.

Визирь Хулагу Саиф ад-Дин Битигки пожертвовал 3000 золотых динаров, чтобы восстановить одну разрушенную святыню и мечеть, от которой остались только стены³⁴.

Несмотря на все это не ошибешься, если представишь жизнь Хорасана, да и всего Ирана в тот период и в последующие десятилетия как необычайно убогую. Толковые распоряжения некоторых монгольских сановников, кажется, всегда соблюдались лишь короткое время; так и не наступило настоящее восстановление. Рашид-ад-дин рисует мрачную картину обстановки в Иране до реформ ильхана Газана (прав. 1295-1304). Конечно, он хочет особенно ярко высветить на таком фоне достижения правителя, которому служил. Но многие детали, которые он описывает, очень красноречивы. Произвол сборщиков налогов остался, в основном, необузданным и вызывал такую правовую неразбериху, что экономическая жизнь почти пришла в упадок, и каждый, кто только находил возможность, скрывался от начальства³⁵. В некоторых областях сборщиков налогов и их пособников было так много, что на одного верноподданного приходилось их двое³⁶. И миссии, ставшие из-за частых ревизий корма для скота и продуктов питания тягостной ношей, переродилась снова около 1290 года в санкционированный разбой. Как только в некоторых местностях появлялись чужие, люди все бросали и начинали искать место, где они могли бы спрятаться. Полагали, что могут спрятаться от посланников, если оставить открытой подземную дыру как единственный вход в дом. Настоящие двери все равно вряд ли еще имелись. «Посланники» уже давно их сожгли³⁷. Уличный мусор не топтали так, как верноподданных, говорит Рашид-ад-дин. Чтобы облегчить страдания населения, Газан наконец велел поколотить эмира и сановников, которые били верноподданных. Газан воскресил в памяти эмира, что те измученные верноподданные все имели статус «сообщников», а не врагов. «Если вы убивали и мучили жен и детей верноподданных, то вспомните, как сильно мы любили своих жен и детей, — и они чувствуют то же самое к своим любимым, это тоже потомки Адама»³⁸.

В конце своих размышлений о реформах Газана и об их неотложной необходимости Рашид-ад-дин включает несколько общих рассуждений о последствиях вторжения монголов. Он сравнивает его с победным шествием Александра и отмечает различия между обоими событиями. Александр странствовал по всему миру после подавления Ирана двенадцать лет и умер еще молодым человеком под Вавилоном. Он

нигде не останавливался на долгое время, он не оставил потомства. Возможно, поэтому побежденные им страны сразу после его отъезда снова вернули свою независимость. Им не навязывали наемников или родственников завоевателя в качестве наместников. Из-за отсутствия династических связей немедленный распад империи на государства диад охов был неотвратим. Совсем иначе обстояли дела с Чингисханом. Он не торопился умиротворить на свой манер завоеванные мечом страны, так что они не могли быстро стряхнуть «сообщество». Разрушение городов и сокращение населения были средствами, которыми он укреплял свою власть³⁹. Уже прежде Рашид-ад-дин объяснял при описании жизни Чингисхана, на чем основан успех этого человека: он поломал старый обычай держать наготове захваченных в бою пленных для выкупа⁴⁰. Только уничтожение врагов гарантирует продолжительность власти⁴¹.

Рашид-ад-дин называет без колебаний ужасающие потери среди населения, которые вызвало такое стремление к безопасности. Туркестан почти обезлюдел; города на северо-востоке — Балх и Герат, в будущем столица средней части Ирана, а также на западе — Гандж, Ардабил, Мосул и Багдад были почти стерты с лица земли. Еще хуже было с пограничными областями, через которые много раз проходили воинские массы. Такие области были полностью разорены. Рашид-ад-дин упоминает Уйгуристан, который во второй половине тринадцатого столетия попал в зону влияния великого хана, потомка Угедея; то же испытала страна между Дербентом и Ширваном, а также юго-восточная Анатолия, области вокруг Харрана, Эдессы и Серуга и местечки по обе стороны верхнего Евфрата, то есть пограничные регионы между империями Золотой Орды и мамлюков. Как в Иране, так и в Туркестане были бесчисленные покинутые селения. Лишь одна десятая часть когда-то возделываемой земли была обработана: «И если иногда, под настроение, начинали застраивать какое-либо место, как, например, Хулагу и ильханы Абака (прав. 1265-1282), Аргун (прав. 1284-1291) и Гейхату (прав. 1291-1295), которые построили дворцы и распахивают лежащую вокруг землю, создают базар или основывают и заселяют город, или запускают оросительный канал, то многие другие провинции продолжают лежать в руинах. Деньги были растрочены, их никто и не считал; многих подданных согнали из других провинций, но ни одно из тех мест не расцвело и не развилось, что мы можем увидеть собственными глазами. И можно себе представить, какую маленькую

часть составили бы эти предприятия, даже если бы они удались, в сравнении с разрушениями!» Снова восхваляет Рашид-ад-дин своего господина ильхана Газана, который поощрял восстановление оставленных пахотных земель; всем, кто хотел переселиться, обещал он правовую безопасность; налоги, которые должны были вноситься в зависимости от урожая, были установлены на долгие годы⁴². Ранняя смерть Газана не позволила сделать реформы эффективными. Предосудительная и незаконная практика сборщиков налогов вызвала новое бегство из страны. Политическая путаница, в которой в первые десятилетия четырнадцатого века пала империя ильханов, окончательно уничтожила то, что было начато при Газане⁴³.

После того как Газан перешел в ислам, он старался удовлетворять культовые потребности мусульман. Во всех местечках велел он строить мечети и сооружать маленькие бани, в которых должны были совершаться предписываемые омовения⁴⁴. Можно из этого заключить, что в опустошенных странах было затруднено практическое исполнение ислама, о котором должно было заботиться начальство. Газан связался с мусульманскими учеными и сановниками, которые навещали его по официальным поводам⁴⁵. И все же нельзя оспаривать, что вместе с большими городами, такими как Нишапур или Мерв, были также уничтожены те исламские ученые, которые там жили в течение столетий. В завоеванных монголами частях исламского мира оборвалась та традиция, которую власти и общество хотели сформировать по образцу, приобретшему свою убедительную силу разумным использованием примера, данного Пророком в его действиях и изречениях. Не то чтобы Сунна Мухаммеда там была предана забвению, по ее переводчики и толкователи с тех пор формировали в своих интересах мышление народа и правящей верхушки, а люди, нередко с гордостью указывающие на свое происхождение от посланника Бога, прежде всего претендовали на руководящую роль, что лежало по другую сторону Мудрости и на что едва ли отважились бы носители истинной исламской культуры⁴⁶. Шафий ас-Субки (1327-1370), котор-ый происходил из семьи каирских ученых и там и в Дамаске занимал высокие посты, составил обширный биографический лексикон своей правовой школы. В нем он перечисляет страны, в которых она особенно привилась. О Нишапуре и Мерве, этих восточных цитаделях, он должен был говорить в прошедшем времени, да и на всем Востоке были когда-то знаменитые шафииты в городах,

«которые радовали глаз и сердце, пока Бог не определил, что появляется Чингисхан...»⁴⁷

ЧАГАТАЙ

Однажды Чингисхан собрал своих сыновей. Он вытащил одну стрелу из колчана и сломал ее. Потом он добавлял еще стрелы, одну за другой, пока не получился целый пучок. Даже сильные борцы не могли его разломать. Он протянул его своим сыновьям и сказал: «То же произойдет с вами. Если к одной стреле добавляются другие такие же и все поддерживают друг друга, даже борцы не в состоянии разломать их и должны будут отказаться от этого. Пока вы, братья, помогаете друг другу, каждый из вас будет сильным благодаря помощи другого. Какими бы могущественными ни были враги, они не смогут торжествовать. А если среди вас нет предводителя, решениям и приказам которого подчиняются другие братья, сыновья и соратники, то произойдет то же, что и с многоголовой змеей. Однажды ночью был страшный мороз, и она хотела заползти в нору, чтобы спрятаться от холода. Но каждый раз, когда одна из голов пряталась в норе, другая сопротивлялась, и поэтому они погибли. А другая змея только с одной головой и несколькими хвостами предоставила им и всем частям тела защиту и выдержала жестокий мороз»¹.

Ата Малик Джувейни (1226-1275)

РАЗДЕЛ ИМПЕРИИ ЧИНГИСХАНА

Почти всю евразийскую часть затронул взлет Чингисхана и его последствия. Не только в центральных областях, но и в Китае и Иране и, наконец, с задержкой на два с половиной столетия в Индии власть была снова поделена. Хотя и было невозможно по легко просматриваемым причинам — стоит только вспомнить о трудностях, которые противодействовали быстрой передаче известий², — подчинить эти громадные области с их многочисленными народами и разной культурой одной центральной воле, но с победами монгольских

войск впервые появилось что-то вроде мировой политики. Страны, которые до сих пор редко, а некоторые вообще не замечали друг друга, поняли, что их общие интересы связаны теперь с событиями, происходящими в узком кругу Чингисхана и его наследников.

Говорят, что перед смертью Чингисхан поделил свою империю, находившуюся в процессе формирования, между четырьмя сыновьями, родившимися от его первой жены Бортэ. Область западнее Иртыша была отдана Джучи, самому старшему сыну, его сын Батый вступил в права этого наследства, после того как Джучи умер раньше Чингисхана, и стал повелителем Золотой Орды; Чагатай, второй сын, получил Мавераннахр, Семиречье, Кашгар и западную Джунгарию, то есть те страны, в которых господствовал ислам; Угедей, третий сын, владел областями к востоку, прежде всего Китаем. В то время как эти части наследства, которые достались трем братьям, требовали длительных военных действий, Тулуй, самый молодой, должен был позаботиться о бюджете и элитных войсках династии³.

Древнейшие источники ничего не говорят о таком четком разделе Евразии Чингисханом. В «Тайной истории монголов» рассказывается, что Чингисхан после убийства в Отраре решил на большой поход на Запад. Так как это должен был быть опасный и длительный поход, ему посоветовали прежде поручить дела династии кому-либо. Он призвал к себе четырех братьев, чтобы услышать их мнение. Но эта встреча была омрачена соперничеством между Джучи и Чагатаем. Чагатай указывал, что его старший брат, возможно, зачат вовсе не Чингисханом, так как Бортэ была когда-то ограблена меркитами, которые жили к востоку от озера Байкал. «Тайная история» знает об этом инциденте и говорит, что Чингисхан снова нашел свою жену во время преследования разбитых меркитов⁴. Но это, по-видимому, не вся правда, так как Чагатай уличал Джучи в том, что он «был среди ублюдков меркитов»⁵, то есть родился в то время, когда мать его находилась в плену. Персидский визирь Рашид-ад-дин, хорошо ознакомленный с монгольской историей, утверждает, что Бортэ уже была беременна Джучи, когда попала в руки меркитов. Потом ее передали князю керейтов, которые жили в верхнем течении Орхона и Селенги. Отец Чингисхана и этот князь были друзьями, и поэтому удалось осуществить возврат Бортэ. В пути к своему мужу Бортэ родила Джучи⁶.

Среди братьев Джучи, очевидно, считался отщепенцем: на

совете, описанном «Тайной историей», на котором Чагатай делает тот гнусный намек, Джучи возражает: «Отец, хан, никогда не обращался со мной иначе, чем с вами! Почему ты отделяешь меня от вас?» После горячей стычки вмешался Чингисхан и заставил обоих своих старших сыновей пообещать никогда не уклоняться от своего долга быть верным «отцу-императору»; в ответ они оба предлагают Угедея как самого подходящего наследника. Тулуй, самый младший, соглашается с этим решением совета. Чингисхан говорит сыновьям: «Если вы будете вместе — кому от этого станет хорошо? Мать земля широка. Рек и воды много. Я хочу вас разлучить, увеличив пастбищные угодья, которые легко поделить, и позволю каждому править в своем государстве»⁷. Не называются никакие подробности, но намекается, что неопределенность границ вызывает раздор.

Укрепление завоеванной империи после смерти Чингисхана было важнейшей целью заседания совета 1228 г., и «Тайная история» преследует, вероятно, цель доказать военный и политический триумф основателя империи и оправдать с трудом проведенные выборы, возведение Угедея в ранг великого хана как исполнение желания умершего отца. В 1228 г. вопрос наследования еще оставался открытым, но принимались меры, которые могли бы замедлить распад. Постановили, что отныне все должны поставлять из табунов, принадлежащих принцам, принцессам и зятям, а также всем военачальникам различных рангов определенное число животных в императорский дом. Должны были поставляться дойные кобылицы, овцы, крупный рогатый скот⁸. Далее указывались группы населения, подвластные теперешним членам династии или военачальникам, назначающим заведующих складами, пастухов кобыл, конюхов или работников почты, которые должны были заниматься обустройством станций создающихся почтовых маршрутов. Члены семей и фавориты великого завоевателя делили власть; такова была действительность. Но чтобы не мелкая ревность и ссора определяли политику, чтобы империя процветала, все должны были смотреть на великого хана, который фактически обладал едва ли большей властью, чем остальные князья.

Таким образом, между строк можно прочитать, как слаба была структура основанной Чингисханом империи. Она состояла из необозримого количества передвигающихся групп людей, которые были подчинены отдельным членам правящей династии или заслужен-

ным военачальникам. И, наконец, вряд ли имелась другая возможность, кроме войны, продвигать эти формирования для подчинения воле великого хана. Не согласие, а борьба князей и военачальников друг с другом, которую вели постоянно меняющиеся союзы, определяла отношения внутреннего государственного устройства. Кочевники-пастухи породили это за несколько лет, и они повинны в неурядицах, которые последовали после смерти основателя.

И все-таки Чингисхан попытался избежать постоянного неповиновения, создавая для масс верноподданных искусственный порядок, разрывая родовые союзы, воспринимаемые как родовая общность. Образовались группы по тысяче человек, которые подразделялись (по десятичной системе) на десятки. В «Тайной истории» написано, что Чингисхан в 1206 г., когда «подчинил народы войлочным палаткам», поделил своих верноподданных и приказал:

«Тем, которые пошли со мной основывать империю, я хочу при разделе дать должности вождей групп, тысячников, и к тому же сказать пару слов в награду». Девяносто пять таких вождей нужно было назначить тогда. Беспорядочность в системе создавали «зятя», родовые князья, которые подчинились Чингисхану и связаны были с ним в известной мере через браки его дочерей. Они, очевидно, удерживали подольше господство над своим родом. Наиболее заслуженным соратникам Чингисхан доверял управление десятитысячной общиной⁹.

Насколько буквально можно воспринимать эти числа, остается неразгаданным. Во всяком случае этими мерами можно было гарантировать хотя бы временно послушание кочующих народностей великому хану. Ибо кто из вождей захотел бы рассматривать свою общину в тысячу человек как собственный «род» и забыл, что она подчинена ему императорским документом о назначении и, значит, продолжает служить великому хану? Но разве не могло возникнуть в той или иной общине в тысячу человек чувство принадлежности друг другу, которое больше становилось похожим на чувство принадлежности одному роду и вытесняло воспоминание о том, что ты верноподданный великого хана? Речь же шла не только о воинах, сообщество которых было единственным, организованным в военных целях, но и других мужчинах, годных к военной службе. Следовательно, не надо удивляться этому, хотя «Тайная история»

показывает, что в действительности в 1228 г. прочность империи была в большой опасности и что отданные распоряжения должны были помочь устранить уже наступившее бедственное положение. Таким образом, недвусмысленно установлено, что личная охрана императора должна была переподчиниться иногородним вождям общин, тысячникам. Почтовое дело смогли организовать только после одобрения Чагатай. Он лично не принимал участия в собраниях 1228 г., но велел передать: «Я хочу отсюда установить связь с почтовыми станциями. Кроме того, я хочу отсюда отправлять курьеров к Батыю. Батый должен установить связь со своими почтовыми станциями, идя навстречу моим»¹⁰. Чагатай и Батый, сын Джучи, являются, следовательно, фактически независимыми правителями регионов: Батый на территории Кипчакских степей и Чагатай в странах между Батыем и Угедеем, то есть, в мусульманской Азии.

Заседание совета на Керулене, возможно, еще не пришло к единому мнению о новом великом хане. Только в сентябре 1229 г. Угедей взойшел на престол. Собственным его регионом названа «Центральная империя», наделы в верховьях Онона. Вскоре он расширил область на запад к реке Орхон, где в 1235 г. велел построить Каракорум — укрепленную резиденцию¹¹. Об однозначном разделении сфер влияния наследников Чингисхана, конечно, нельзя говорить. Наоборот, обратили внимание на то, что в походах на запад, объявленных Угедеем, участвовали принцы всех ветвей Чингисхана. Как повествует сообщение из «Тайной истории», роль отвергнутого, выпавшая на долю Джучи, передалась его сыну Батыю, к неудовольствию Угедея¹².

НАЧАЛО РАСПАДА

Четкого раздела империи Чингисханом или одним из его наследников не потребовалось, чтобы растащить раздробленные куски огромного наследства. И Ата Малик Джувеини, первый в ряду крупных персидских историографов монгольских времен, ничего не знал об этом. Более того, завоеватель открыл в своих четырех сыновьях, которых родила ему Бортэ, совершенно разные таланты. Соответственно этому дал он всем четверым задания: Джучи оказался особенно ловким в охоте облавой, и это стало его делом, которому он посвятил себя, прежде всего, по приказанию отца. Чагатай выступал самым строгим хранителем Ясы — закона, изданного Чингисханом. Угедею благодаря

его уму было поручено править империей. Тулу и, наконец, лучше всего разбирался в наборе солдат в войска и руководстве ими¹³. Снова трудно решить, существует ли исторический фон для этого сообщения; но все же потомки Чагатая ссылались на то, что их предок был лучшим знатоком Ясы¹⁴.

Джувеини рассказывает далее, что Чингисхан после победы над Тогорилом-Онг, правителем киреитов, бывшим другом его отца, поделил все монгольские народы и племена наряду с их воинами среди названных четырех сыновей и также подумал о своих остальных сыновьях, своих братьях и родственниках¹⁵. По датированию Рашид-ад-дина победа над Тогорилом-Онг пришлось на год свиньи, то есть 1203 г¹⁶. Событие, на которое намекает Джувеини, — это съезд знати*, проходивший в 1206 г. вблизи истока Онона, в итоге которого Темучин стал верховным правителем Чингисханом (великим ханом). Тогда были образованы тысячи и подчинены своим полководцам, о чем знаем мы из «Тайной истории». По сведениям того древнейшего источника, сыновья Чингисхана при этом не появились. Джувеини высказывается затем, правда, не связывая событие с жизнью Чингисхана, о разделе империи, так как она стала очень большой. От Кайялика к северу от Или, через Хорезм вплоть до России — «так далеко забрались татарские кони» — простиралась земля Джучи; от Уйгурии через Самарканд до Бухары земли были подчинены Чагатаю; к востоку от них — область Угедея; земли Тулуя не называются¹⁹. Непосредственно перед этим говорится, что великий хан Мункэ (прав. 1251-1259) отвел все области империи определенным лицам и «разделил родословные линии всех сыновей и дочерей, братьев и сестер». Очевидно, Мункэ старался навести какой-либо порядок в империи. Джувеини напоминает также, что число потомков Чингисхана составляет в среднем более десяти тысяч, «каждый с отдельной областью²⁰, отдельным войском и имуществом». Джувеини чистосердечно добавляет: «Цель этого сообщения в том, чтобы показать их единодушие, так как они относятся друг к другу совсем иначе, не так, как обычно говорят о правителях, у которых брат нападает на брата, а сын стремится отразить атаки отца — неизбежно такие правители теряют власть...²¹» Если в связи с мероприятиями Мункэ делаются туманные намеки на Чингисхана, то это, очевидно, в стремлении оправдать те отношения, которые сложи-

---

* Курултай (тюркск.). — *Прим. ред.*

лись как результат воли «отца-императора» и, конечно, не могли сильно измениться из-за усилий Мункэ.

Джувеини знает, почему он так убедительно говорит о единодушии потомков Чингисхана. Примерно в 1244 г. он, которому не было и двадцати лет, поступил секретарем на службу к монгольскому эмиру Аргуну, который с 1243 г. до прибытия Хулагу в 1256 году, правил землями к западу от Окса, завоеванными монголами. В многочисленных поездках Аргуна в Каракорум его несколько раз сопровождал Джувеини, как и в 1251 г. во время большого собрания князей, на котором должен был быть назначен наследник умершего в 1248 г. великого хана Гуюка. Аргун, правда, прибыл в Каракорум только тогда, когда выборы закончились и Мункэ уже принимал присягу на верность. Больше года Аргун оставался в Каракоруме, и в это время, говорят, Джувеини начал работу над своим историческим произведением о «Завоевателе мира»²². Во всяком случае он мог тогда получить сведения о предыстории выборов Мункэ; эти события способствовали возникновению трещины в единстве наследников Чингисхана.

Уже давно спорили братья и их кланы (подробности можно здесь не рассматривать)²³. Батый как раз находился в пути к великому хану, когда его застало врасплох известие о смерти Гуюка. Он намеревался сказать решающее слово при выборе наследника. Поэтому он прервал свое путешествие, и ему удалось вырвать у нескольких князей обещание, что они последуют его знаку (кивком). Конечно, вдовы Гуюка и важные внуки Чингисхана послали только представителей на созываемое Батыем совещание. Мункэ же, сын Тулуя, явился лично, по настоянию своей матери. Позже явились к Батыю несколько внуков Гуюка, они остановились поблизости от него. По совету их шаманов они вернулись в свой лагерь, причем он их не принял — неприкрытое оскорбление самого старшего из всех внуков Чингисхана. Все же во время этих встреч Батый вынужден был предвосхищать события в пользу Мункэ. Мать Мункэ, между тем, старалась привлечь на свою сторону еще колеблющихся князей. Все же Мункэ был сыном Тулуя, а тот как самый младший отпрыск Чингисхана, был, по монгольскому праву наследником отцовского юрта. Более того, Тулуй давно нес ответственность, как мы уже узнали, за бюджет в империи и боевые отряды, подчиненные непосредственно ему.

Прошло более года, и установленный срок выборного собрания приближался. Противники Мункэ и Батыя совершили ошибку, предположив, что без их присутствия Мункэ не выберут великим ханом, и вычисленный благоприятный момент останется неиспользованным. Но так как звездочеты посчитали 1 июля 1251 года сулящим счастье днем, вступление на престол в этот день было совершено без отсутствующих²⁴. Между прочим, тогда тоже не было Батыя, который, говорят, требовал, чтобы выборы и восхождение на престол происходили на его территории, так как он не мог из-за болезни поехать на Керулен²⁵.

Может быть, и Аргун, тогдашний патрон Джувейни, хотел помешать восхождению на престол Мункэ. Во время своего пребывания в Каракоруме он должен был смириться со свершившимся фактом. Аргун вскоре после этого потерял командование над войсками, действующими в Иране; Мункэ решил их лучше доверить Хулагу, собственному брату. Самым важным результатом этого взаимодействия Батыя и вдовы Тулуя было настойчивое ослабление влияний потомков Угедея и прежде всего Чагатая. После походов против шаха Хорезма, в которых Чагатай участвовал, он избрал Алма-Ату местом своего пребывания. Оттуда он овладел северной частью Тянь-шаньских гор и подступом к Мавераннахру, который он и его потомки рассматривали как сферу своего влияния. В 1241 году Чагатай умер.

Как раз в это время, когда Батый занимался избранием Мункэ, члены клана Угедея и Чагатая замыслили поход в исламскую область²⁶. Их отсутствие на выборном собрании не могло изменить ход вещей, поэтому некоторые потом неохотно присягали на верность Мункэ. В разгар торжеств, которые продолжались много дней, из-за одного случая обнаружилось, что недовольные задумали заговор. Всех виновных, которых смогли схватить, судили, многие поплатились головой²⁸. Мункэ быстро собрал войско, которое взяло под свой контроль землю между Каракорумом и Безбалыком²⁹. Оттуда он собирался присоединиться к войскам, которыми командовал внук Джучи. Они снова должны были защищать страну от Отрара с восточного направления, так что важнейшие области, на которые претендовал клан Чагатая, попали в руки Мункэ и его энергичного покровителя Батыя, а позже его брата Берке (прав. 1257-1267)³⁰. Попытка клана Чагатая продвинуться на запад, на иранскую территорию, не удалась, тем более что брат Мункэ Хулагу праздновал

там известные нам победы и стал родоначальником династии, которая в течение своей столетней истории часто воевала против клана Чагатая³¹.

ОСНОВАНИЕ УЛУСА ЧАГАТАЯ

До шестидесятих годов тринадцатого столетия казалось, что род Угедея и род Чагатая были оттеснены в борьбе за свою долю земель, занятых Чингисханом. Однако два значительных перестроения привели к перемене обстановки. На территории Кавказа скрестились интересы ильханов, с одной стороны, и ханов так называемой Синей Орды,* с другой стороны, то есть Батыя и его потомков, которые выбрали себе Сарай на Нижней Волге для резиденции. Обе части империи, правители которых еще были вместе при избрании Мункэ, запутались в затяжных конфликтах. В Мавераннахре ильханы наступали отныне скорее оборонительно. Кроме того, во второй половине тринадцатого столетия образовалась вторая династия из клана Джучи, Белая Орда, обозримые области которой охватывали восточные кипчакские степи и части Южной Сибири. Давление, которое могли оказать Джучииды в Мавераннахре, уменьшилось из-за их раскола, длившегося до 1380 г. Он создал, следовательно, значительную предпосылку для безопасности чагатайского улуса, и поэтому понятно, что позже воссоединение обеих областей Тимуром, человеком из Мавераннахра, рассматривалось с большим неудовольствием.

Вторым благоприятным для восстановления чагатайской власти обстоятельством был раздор между братьями, который потряс род Тулуя после смерти Мункэ. Мункэ поручил своему брату Хубилаю укрепить власть монголов в Китае. Когда же теперь встал вопрос о выборе нового великого хана, Хубилай, который позже нашел поддержку у Хулагу, имел опору в войсках, ведущих войну в Китае. С перспективой на то, что Хубилай решится бороться за вели-коханский престол, Ариг-Буг, еще один сын Тулуя³², не был согласен. Сразу же после смерти Мункэ Ариг-Буг якобы недостойными средствами собрал коалицию принцев и князей, которую заставил избрать его наследником. Движущей силой этого союза Рашид-ад-дин представил вдову Кара Хулагу, одного из внуков Чагатая³³. Выгоду из этой игры имел, прежде всего, Алуджу, другой внук Чагатая. С 1261 года ему удалось присвоить официально от имени

---

* Так в восточных источниках именуется Золотая Орда. — *Прим. ред.*

Ариг-Буга, признанного им великим ханом, Мавераннахр, на который когда-то претендовал его дед. Сам Хорезм и область теперешнего Афганистана, которые раньше никогда не увязывали с Чагатаем, он подчинил³⁴. Ариг-Буг вел тем временем войну против Хубилая, который со своей стороны был провозглашен его военачальниками великим ханом, когда они услышали об опрометчивых действиях его брата. Эти войны развивались не в пользу Ариг-Буга; кроме того, Хубилай оказался умным тактиком. Он понял, что он не мог одновременно уничтожить Ариг-Буга с Алуджу. Поэтому он согласился оставить внуку Чагатаю как раз оспариваемое владение, если тот за это признает его формально великим ханом. Поворот Алуджу был начат к Хулагу. Рашид-ад-дин, который, правда, представлял партию персидского ильхана, разъясняет это. Во всяком случае Хубилай решил, что его брат Хулагу должен получить во владение все земли к юго-западу от Окса до Египта, в то время как Алуджу, внуку Чагатаю, были переданы области от гор Алтая до Окса³⁵. Так в шестидесятые годы тринадцатого столетия было обосновано во второй раз господство рода Чагатая над Мавераннахром. Алуджу был тем, кто должен был вести борьбу с претендентом Ариг-Бугом; при этом он не всегда побеждал. Но наконец Ариг-Буг попал в такое бедственное положение, что был вынужден броситься в ноги к своему брату Ху-билаю и молить о прощении. В 1264 г., год крысы, прибыл он в княжеский двор. Ему сейчас же была дана аудиенция, что вызвало недовольство всегда лояльного Хулагу, когда ему позже сообщил об этом деле один посол. Примирение могло бы только навредить Хулагу. Ну что нужно было делать с мятежником из рода Чингисхана? На год зайца, 1267-й, планировали созвать большое собрание князей, на котором должен был обсуждаться этот вопрос. Даже Берке Справ. 1257-1267) из далекого Сарая и Хулагу высказали готовность принять в нем участие, причем Берке на время приезда был дан один год. Из этого намерения, конечно, ничего не получилось. Хулагу умер уже в 1265 году, осенью 1266 года заболел Ариг-Буг и тоже скончался, и, кроме того, между Ираном и Сараем начались военные действия³⁶. Немного позже и Берке настигла смерть³⁷.

ВНУТРЕННЯЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ

Улус³⁸ Чагатая, который возник в это беспокойное время, был всем, чем угодно, только не сплоченной формацией. Равнина, через

которую течет Яксарт, и область к югу от нее до Окса были уже несколько столетий страной исламской культуры. Самарканд и Бухара слыли очагами науки, которая излучала свет далеко за пределы восточно-иранской территории. Северо-восточная часть улуса Чагатая, наоборот, относилась скорее к областям кочующих пастухов; во всяком случае вдоль караванного маршрута на северном склоне Тянь-Шаня могли развиваться города. Северо-восток поэтому был удобен для родового образа жизни монголов. На юге, где уже распространился ислам, они чувствовали себя менее уютно. Правители из рода Чагатая вскоре, конечно, обнаружили свою тягу к югу. Мубаракшах, наследник Алуджу, взшел на престол в 1266 году не на Или, а в долине реки Ангрэн, к востоку от нынешнего Ташкента. Как показывает его имя, он стал мусульманином. И его соперник Барак, которому покровительствовал Хубилай, вскоре, вытеснив с трона Мубаракшаха, выбрал резиденцию на юге, в Бухаре. Обнаружилась противоположность интересов между южными и северо-восточными регионами; и не в последнюю очередь она обострилась из-за того, что вторгшиеся в южные земли монголы, очевидно, быстро отуречились, в то время как северо-восток, вскоре в источниках названный поэтому Моголистаном, отставал в этом отношении⁴⁰. Раздел улуса Чагатая, происходивший в начале четырнадцатого столетия, завершился.

Но сначала он был замедлен, так как в игру по поводу господства над Мавераннахром и хребтом Тянь-Шань вмешалась новая сила, которая еще больше запутала отношения: Хайду, внук Угедея. Хайду выступил против политики Хубилая, целью которой было расширить власть великого хана до Окса. Так как Хубилай строил политику на лояльности ильханов, то гигантская часть земли от Желтого моря до Кавказа была бы подчинена воле одного правителя. Наверняка, чтобы приблизиться к этой цели, Хубилай вмешался во внутренние дела улуса Чагатая и поддержал Барака⁴¹. В течение всех лет раздора между братьями, когда Хубилаю пришлось спорить с Ариг-Бугом и его тогдашним союзником Алуджу, Хайду собрал вокруг себя много приверженцев. Он ссылался на то, что Чингисхан, который назначил своим наследником все же Угедея, этим одновременно распорядился, что сан великого хана должен остаться в этой ветви семьи, пока жив хоть один грудной ребенок этой линии. Хайду добился значительных успехов: сначала он нанес поражение Бараку, любимцу Хубилая, воевал против Мункэ Тимура, преемника Берке в Синей Орде, потом заключил союз с

Барак, который подозревал, что приготовления к войне ильханов в Хорасане могут коснуться и его. В 1268 году Барак получил поддержку Хайду в наступлении на империю ильханов через Оке. После того как он около года опустошал северо-восток Хорасана, он был решительно разбит сыном Хулагу Абаджа-ханом (прав. 1265-1282) и отброшен в Бухару. Это тяжелое поражение Барак приписывал измене некоторых эмиров, которых Хайду отрядил к нему. Отношения между обоими стали ощутимо холоднее. Хайду потерял интерес к союзнику, который вскоре после этого умер от ядовитого напитка и «с этим бокалом закончил свою жизнь, лишённую наслаждений, и вода его счастья оказалась фата-моргана»⁴².

Для Мавераннахра, сердца улуса Чагатая, борьба за власть династии Чингисидов была катастрофой. Казалось, старая культурная страна теперь, в середине второй половины тринадцатого столетия, должна была поплатиться многократно за то, что ее миновали в первой половине страдания и разрушения⁴³. Земли между Оксом и Яксартом стали теперь стратегически важными, связующими звеньями между великим ханом по линии Тулуя, имеющим резиденцию на востоке, в Пекине, и преданными ему⁴⁴ правителями Ирана из этой же ветви. Одновременно Чагатаиды боролись за утверждение своего мнимого наследства, теснимые с запада их двоюродными братьями Синей и Белой Орды, с севера и востока внуком Угедея Хайду, который считал, как и его соперники, для себя справедливым требовать причитающееся ему наследство. Пожалуй, еще более беспощадно, чем во время завоевания, в тех битвах между братьями, которые продолжались десятилетиями, придерживались тактики выжженной земли, чтобы сделать соперника неспособным нанести неожиданный контрудар, а также, чтобы исключить возможность для местного населения восстать против своих тиранов, так как, если пояс опустошенной земли вокруг своего гарнизона был достаточно широк, можно было чувствовать себя сравнительно защищенным от внезапных атак врагов. Только более мелкие дозорные отряды могли прорвать такую зону краткосрочными набегами. Большое войско было вынуждено постоянно вести с собой достаточно скота для питания. Но скоту нужны были пастбища. Тактика выжженной земли служила во времена ссор в государстве — а когда их только не было? — разрушительной заменой для неизвестного территориального принципа господства. Власть правителя проявлялась как подчинение мужчин-воинов и их родов князьям, а не как власть над

четко очерченным куском земли. Если встречались два войска, пусть это было в районе, к которому предъявлялись какие-то претензии, то надо было тщательно разведать, встретилось ли войско дружественное или враждебное⁴⁵.

Барак, хан Чагатаидов, протеже Хубилая, подготавливая свое вторжение в Хорасан в 1268 году, объявил, что отныне никто больше не имеет права скакать на жеребце. Все лошади, которых находили, конфисковывались. Воинам поручили собирать для каждой лошади в день семь мен⁴⁶ урожая, что вызвало сразу крайнюю дороговизну. Далее Барак велел резать весь крупный рогатый скот в стране, из кожи изготавливали щиты. «Поэтому люди были ввергнуты в нищету, и ни у кого не было возможности перевести дух». Так как не хватало и других предметов вооружения, Барак срочно дал приказ разграбить Бухару и Самарканд. С большим трудом посланнику Хайду удалось отговорить его от этого намерения, упрекнув: «Это не признак ума и рассудка, что правитель грабит область, которую он держит в руках, только потому, что он намерен овладеть другой областью, не входящей в его империю. Нужно же подумать, что, если тот план потерпит неудачи и придется возвращаться безрезультатно, жители Бухары должны быть в состоянии вручить войску правителя хотя бы приветственные подарки и предоставить кров». Барак сильно разгневался и велел посланнику, который выразил мнение своего князя Хайду, дать семь ударов палкой, но от разграбления воздержался⁴⁷.

Страдания страны на Яксарте были смягчены этим только временно. После того как Барак летом 1270 года был отравлен после безуспешной кампании в Хорасане, длившейся около года, его четыре сына и двое сыновей Алуджу объединились. В Хайду, отпрыске Угедея, они, Чагатаиды, видели своего главного врага. От Коканда до Бухары сеяли они опустошение и истязали население, которое как раз начало там снова становиться на ноги. Илхан Абака-хан слышал об этих войнах; они давали возможность сделать более безопасной восточную границу своей империи. В 1272 году он выслушал главу государственного совета, который предложил полностью разрушить те местности, из которых уже много раз исходили набеги на Хорасан. Многие из знати Бухары и Самарканда бежали, когда узнали о приближении илханского войска.

И «никогда снова они не увидели свою родину, кроме как во сне». С Хорезмом было сделано то, что могло произойти во время

землетрясения, в конце января 1273 г. жители Бухары устроили резню. Через три года, когда отряды ильхана были отведены, от улуса Чагатая остались жалкие обломки, так что истерзанная страна на долгие годы стала негодной для жилья. Только позже Хайду дал толчок к восстановлению⁴⁸. Естественная связь Мавераннахра с иранской культурой вследствие этих опустошений и неразберихи была значительно нарушена. Иран и Мавераннахр развивались порознь. Когда к концу тринадцатого столетия один князь со своими сторонниками перешел от ильханов к Хайду, он не мог привыкнуть к жесткому обращению, так что, наконец, уговорил Хайду отпустить его с некоторым войском в Хорасан, где он — конечно, безрезультатно — некоторое время воевал с ильханами.

ГОСПОДСТВО КАК ЛИЧНОЕ ПРАВО РАСПОРЯЖАТЬСЯ

По представлениям монгольских принцев и князей, земли и народы, которыми они владели, принадлежат им по велению свыше, и они вправе безраздельно распоряжаться ими, а если потребуются, то и уничтожить. Каждый из них старался сохранить свою долю, которая ему досталась, а при случае и увеличить ее за счет других, к которым он не напрасно питал недоверие: они преследовали те же цели. Собrania князей, называемые курултаем, были похожи на встречи родственников, которые после обильной праздничной трапезы начинали улаживать хотя бы на время свои ссоры и уверять друг друга в нерушимости их семейных связей. Только потому, что на карту была постоянно поставлена судьба империи, можно было называть эти собрания императорскими; общественных дел в полном смысле этого слова они почти не касались. Чем более бюрократичной становилась власть монголов, прежде всего, в старых культурных странах Иране и Китае, тем заметнее исчезал личный характер власти, тем больше зависели решения от политическою расклада, который определялся также интересами поработенных и подразумевал их благо как важную цель действий правителя. Меры, принятые Газанханом (прав.1295-1304), подтверждают, что ильханы на рубеже четырнадцатого столетия поднялись на эту ступень⁵⁰. Будучи молодым человеком, Газам участвовал под командованием своего отца Аргуна (прав. 1284-1291) в Хорасане в войнах против внешних и внутренних противников и, очевидно, очень хорошо понял, что Иран не может

оставаться на необозримое время игровым мячом враждующих князей⁵¹. Такой вид господства разрушал свою собственную основу. Хотя тогда шевелились многие внешние враги и внутри государства восставало так много мятежников, пишет Рашид-ад-дин, Газан заботился о местном населении и запретил войску выгонять скот на поля и в сады и кормить зерном, наносить ущерб и мучить людей⁵².

То, что нам передается из последней трети тринадцатого столетия об улусе Чагатая, говорит, что у князей там уже менялось традиционное понимание сути их господства. Говорят, Хайду был возмущен, когда узнал, что Барак, преследуя свои военные цели, разрушил собственную страну. А у Рашид-ад-дина возмущение вызвано скорее тем, что Барак таким образом мог приобрести слишком большую силу. Хайду хотел, как пишет Рашид-ад-дин, отвлечь его от своих планов, его посланник ссылался перед Чагатаида-ми на единодушие, которое должно царить среди потомков Чингисхана. У Рашид-ад-дина Барак так отвечает на это предостережение: «И я думаю иногда о том, что нужно обратить внимание на этот принцип; я стыжусь тогда условий моей жизни. Мы все друг другу двоюродные братья. Наши отцы завоевывали мир мечом и оставили нам наследство. Почему мы не наслаждаемся миром в единодушии? Почему между нами должны быть ссоры и мятежи? Остальные мои близкие родственники-принцы владеют большими городами и свежими долинами для пастбищ — а я нет, у меня только этот тесный улус, а Хайду и Мункэ Тимур⁵³ напали на меня и гоняют меня по всему миру как бродягу». По старому монгольскому представлению, трон государя должен быть «местом счастья»; власть как труд и мучение — это казалось абсурдным. Нужно было забыть старый спор, смотреть вперед и идти к новым общим делам, ответил посланник Хайду. На Таласе встречались вскоре после этого потомки Джучи, Чагатая и Угедея. После недельного пиршества они начали совещания, на которых снова присягали в единодушии всех внуков Чингисхана. Барак снова жаловался, что он, являясь тоже «плодом того дерева», не владеет подобающей ему землей. Присутствующие соглашались с Баракком: «С сегодняшнего дня давайте молчать о прошлом. Мы хотим справедливо поделить эти летние и зимние пастбища и жить на горах и в степи, так как эта страна⁵⁴ самым страшным образом разрушена и пустует». Согласовали раздел Мавераннахра: две трети должны остаться у Барака, одна треть — достаться Хайду, а также Мункэ Тимуру, хану Синей Орды. Далее нужно позволить Баракку приобрести в Хорасане за

счет ильханов большие области (дозорные). О том, что из этого ничего не вышло, мы уже знаем. В остальном князья обещали щадить землю, чтобы она постепенно смогла отдохнуть и расцвести⁵⁵. Но для Барака скоро стала важнее подготовка к намеченным завоеваниям в Хорасане.

После смерти Барака⁵⁶ в 1270 году Хайду был, без сомнения, самым могущественным князем в Маверан-нахре и в прилегающих к нему областях Центральной Азии. Он вел войну, прежде всего на востоке против хана Хубилая, так что последняя треть тринадцатого столетия в областях между Оксом и Тянь-Шанем была, по-видимому, действительно временем покоя и восстановления. Осенью 1300 г. Хайду был в одном из многочисленных походов против великого хана. Когда он вторгся после многодневного марша в глубь территории хана, то встретил войско, которое обратил в бегство. На обратном пути он серьезно заболел и почувствовал приближение конца. Многие принцы были втянуты с ним в войну, среди них также сын Барака по имени Тува. Он вместе со многими другими мужчинами из дома Чагатая поступил на службу к потомку Угедея, после того как Барак «сорвал покров надежды с фривольного лица жизни». Среди принцев, которые сопровождали его в этом военном походе, Хайду считал Туву самым способным; он доверял ему войска. Потом Хайду умер. После выполнения траурных церемоний Тува предложил выбрать Чапара, старшего сына Хайду, его преемником. Чапар, уже давно друживший с Тувой, в этот раз не участвовал в войне. Однако он быстро узнал о неожиданной смерти отца и двинулся навстречу возвращающимся. На месте встречи во второй раз оплакали смерть Хайду, затем отпраздновали вступление на престол Чапара «и из круга бокалов, наполненных разнообразными винами, и из разноцветной одежды появилась овца, пестрая, как попугай, как хвост павлина и свод земной, окрыленный, как дух кутиль»⁵⁷.

ДИНАСТИЯ КАК МИРНЫЙ СОЮЗ

«Разве не объединил завоеватель мира Чингисхан однажды по велению Бога народы под своей властью и не приучил ради их блага к послушанию по отношению к закону и Ясе? Разве не заложил он своим сыновьям в сердце семя единодушия и не познакомил их с историей взаимной помощи стрелами и незаменимостью?» Так звучали мысли, которыми открывали послание к великому хану, написать которое было решено по настоянию Тувы во время праздника. Чингисхан постановил

владения и власть поделить между всеми его потомками таким образом, чтобы «далекие и близкие» получили свою долю, «охраняемую от нападков и вмешательства другой стороны, от ужасов неожиданных атак». Доказательство этого в том, что Угедей на втором собрании князей, которое состоялось в 1231 г., возобновил Ясу и выполнил завещание своего отца. Он поделил далекие земли, которые попали под власть сподвижников, между всеми ветвями потомков Чингисхана, сыновей и дочерей и предоставил им всем отдельные области и резиденцию». И о каждом слуге, в соответствии с рангом, тоже подумали, совсем так, как однажды Чингисхан после напряженной охоты, на которой ничего больше, кроме жалкого зяблика, не было добыто, заставил разделить его между свитой, насчитывающей семьдесят человек.

То, что всегда нужно уважать права всех верноподданных, Чингисхан хотел настойчиво внушить таким образом своей семье. Почему эта семья сегодня, когда империя расширилась настолько, что для более десяти тысяч Чингисидов каждому со своими сторонниками найдется место, больше не хочет жить в ладу (по Ясе)? Почему князья обнажили мечи друг против друга, вместо того чтобы покорить врагов в четырех странах света? Кто может сомневаться, что эти непрерывные ссоры являются предвестниками гибели? Поэтому любая маленькая ссора должна иметь конец; нужно вспомнить о вечно действующей Ясе великого Чингисхана. Пусть каждый из рода завоевателя довольствуется куском земли, которой он сейчас владеет, завещана ли она или добыта! И пусть каждый подчинится приказам великого хана! Пусть мирная караванная торговля поддержит связь между отдаленными частями империи; пусть найдет великий хан возможность завершить порабощение Китая; потомки Хайду и Барака начнут завоевывать Индию, внуки Хулагу⁵⁸ направят свои усилия на покорение западных стран, Египта, Анатолии и государства франков; ханы Синей Орды уничтожат своих противников. «Благодаря этой хорошей мысли, умному предложению и правильному совету больше не должны прерваться узы единодушия, и завтра мы не должны будем пристыженными предстать перед Чингисханом!» Великий хан пусть распространит указ такого содержания и отправит назад посланников князей с соответствующим обращением, «для того чтобы мы отсюда каждому посланнику дали слугу, посылать его (обращение) к тем князьям и этим убедительно показать, что мы поддерживаем это соглашение. Если же кто уйдет с этой тропы и отвергнет дух единодушия, то я, Тува, выступлю со своим войском и заставлю его выслушать указ

великого хана⁵⁹, моего старшего брата»⁶⁰. Предложение не нашло одобрения у великого хана. В своем ответе он указал на то, что Чингисхан доверил своим четырем сыновьям, которых ему родила Бортэ, задачи, соответствовавшие особой одаренности каждого из них. Великий хан ответит на откровенно изложенное в послании Тувы желание неограниченной свободы в принятии решений любого наследника Чингисхана словами, записанными уже Ата Малик ан-Джувеини, что речь шла не о разграблении империи, а об определении компетентности. На земле старых культурных государств Ирана и Китая уже давно известен институт власти, связанный с разделением на ведомства. Империей на всей громадной ее территории правит великий хан, но он признается Туве, потомку Чагатая, что особенно рассчитывает на сохранение Ясы⁶¹. Так гласил явно очень общий ответ великого хана, который, тем не менее, дал снова Чапару и его сторонникам повод для пирушки. Ее, однако, пришлось прервать, когда пришло известие о смерти Газак-хана. Послы великого хана были вынуждены ехать дальше на запад, сопровождаемые посланниками Чапара⁶². Они прибыли во дворец ильханов, когда преемник Газана Мухаммед Олджайту (прав. 1304-1316) уже вступил на трон. В честь гостей молодой султан велел представить весь двор и размещенные в резиденции войска во всем великолепии. Без усталости выполняли свои обязанности трактиры, «и из вина, пролитого глотками, бросали они над землей пурпурную одежду, а от разбрызганного кумыса дорога к трактиру была похожа на Млечный путь, а из-за смены вин блокировали разум и рассудок, как воду за плотиной». Посланников пропускали без очереди, они, соответственно их рангу, принимали напиток из руки султана и были одарены богатыми подарками. На следующее утро довели до сведения султана содержание послания, и он выразил свое глубокое удовлетворение теперь таким ощутимо близким всеобщим миром. У него всегда перед глазами была похожая цель. «В действительности земли были объединены и обещания выполнены — от Египта до Окса, от Кермана и границы Систана до Баку, оттуда до Волги, до страны куманов, аланов, осетин, русских, на Саксин и Болгарию, и от Мавераннахра и Безбалыка до Кайялыка и Пекина и до земли Китай и от Кашмира, Бадахшана, Талегана⁶³... Систана, Хора и Каршистана до Дели, от Хорезма до Джанда и Ташкента со многими бойцами, лошадьми и слугами и оттуда до пограничного района (наследников) Батыя у областей, пыль которых кружилась вихрем от копыт татарских скакунов, и от территории Ганга... на юге и на север до

конца монгольских земель благодаря удачному вступлению на трон правителя ислама, султана Олджайту — вознеси его Господь и дай ему возможность править вечно!» В тех далеких областях когда-то, во времена Угедея, можно было спокойно заниматься торговлей. Почти семьдесят лет прошли с тех пор, период, когда движение без помех было невозможно. Теперь наконец нужно было восстановить прежнее состояние. Олджайту⁶⁴ отправил для подтверждения своих намерений миссию к великому хану и дал многочисленные подарки в дорогу⁶⁵. Достигла ли эта миссия Пекина и вела ли там какие-нибудь переговоры о значительных вещах, нам неизвестно. Тува, который пытался установить всеобщий мир, по-видимому, руководствовался мыслью, что все члены дома Чингисхана имеют право передвигаться со своими сторонниками, свободными от всяческих или конкретных предписаний суверенитета пограничных областей. Свободные от соперничества, они хотели наслаждаться предоставленной им властью. Тот факт, что они происходили из рода завоевателя или были князьями, чьих предков он когда-то награждал, казался достаточной гарантией для внутреннего мира под властью избранного великого хата, полномочия которого оставались неизвестными — в том случае, если он вообще какие-нибудь должен был иметь. Даже если этот семейный мирный союз тысячу раз давал осечку, он все же сохранял в качестве идеи и идеала свое сияние. Тува рассматривал его — вероятно, неправильно — как предпосылку для дела Чингисхана.

Следовательно, не в скрупулезной точности осуществления планов Чингисхана, не в жестоком и последовательном уничтожении врагов, которые отказались от ига сподвижничества, и не в благоприятных политических условиях, которые вряд ли можно в подробностях удовлетворительно разъяснить⁶⁶, видели потомки причину его успеха. Для них основатель мирного союза Чингисидов намного больше был призван Богом, и этим оправдываются его действия, его исключительность проявляется в провозглашении Ясы, правила, которое он должен был возлагать на покоренный мир и которое должно быть для его потомков мерой сохранения и увеличения его империи. В признании Ясы должна проявиться общность наследников. Возвышая Ясу до руководящего начала, наследники продолжили мирное содружество, основанное Чингисханом, — одновременно содружество равноправных наследников. Тува узнает в Угедее, предке его тогдашних защитников, исполнителя Ясы и закрывает глаза на тот факт, что именно такое

распределение пограничных областей, для оправдания которого должна служить Яса, на деле вызывает нескончаемую смуту. Вся мирная политика хотела действий, и все же для «хозяев степей все сходилось к семейным распрям, — именно потому, что несмотря на семейные чувства не знали еще связующего средства, чтобы сделан» постоянными доходы, которые получали благодаря жестокости, фортуны и харизме основателя империи»⁶⁷.

Ответ Олджайту, в котором приветствовались предложения Туны, удивляет безграничностью претензий, но они охватывают преимущественно восточную половину исламского мира и пограничных стран. Олджайту, султан ислама, равноправный партнер Чингисидов, правящих в Пекине, не подчинен ему. Важным выражением существования охватывающего весь мир мирного содружества рассматривали когда-то торговлю. Ей придавалось большее значение, чем простому товарообороту в возможности обогащения⁶⁸. Однако для Олджайту товарообмен, кажется, был лишен уже символического значения и ограничивался практической пользой.

В действительности между отдельными и далеко живущими друг от друга членами династии Чингисидов существовали различные экономические связи, однако торговые мероприятия уже давно больше не проводились. Так, Газан-ханом в 1299 году была отправлена в Пекин миссия. Там возникло подозрение, что договаривающиеся купцы будто бы хотели продать доверенные им сокровища с большой выгодой на свободном рынке и, таким образом, обойти государственную монополию на торговлю благородными металлами. Был дан приказ конфисковать соответствующие товары. Но так как большинство товаров принадлежало руководителю миссии, от этого мероприятия отказались. Более того: теперь самая большая часть была куплена через бюджет императора и оплачена бумажными деньгами, имевшими хождение тогда в Китае. Посланники, по-видимому, рассматривали это как экспроприацию, так как в Тебризе бумажные деньги, введенные там в обращение принудительно в конце сентября 1293 г., привели к тому, что через несколько дней на рынке уже больше ничего не предлагалось⁶⁹. После четырехлетнего пребывания в Пекине посланники были отпущены на родину. Обрат-но они возвращались морским путем — из-за небезопасности в Азии. Во всяком случае они должны были везти много товаров, в том числе

ткани из шелка, которые были сотканы в императорских ткацких мастерских. Со времен Мункэ ильханы были пайщиками в этих мануфактурах; только теперь причитающаяся им прибыль выплачивалась в форме этих желаемых роскошных товаров. Руководитель миссии, между прочим, никогда больше не увидел Ирана — его джонка потерпела крушение недалеко от Коромандельского берега⁷⁰.

МАВЕРАННАХР В ЧЕТЫРНАДЦАТОМ СТОЛЕТИИ

Мирный союз Чингисидов, символизированный свободной торговлей на дальнее расстояние, стал в начале четырнадцатого столетия давней химерой, даже если брать во внимание только области исламского мира. Мавераннахр и земля ильханов были двумя районами, различный уровень цивилизованности которых глубоко ощущался — обстоятельство, как мы видели, проявившееся уже в последней трети тринадцатого столетия. Мавераннахр по-прежнему был зависим сильнее, чем страна ильханов, от кочевников-скотоводов. Дамасский секретарь аль-Умари (1301-1349), благодаря своей профессии хорошо разбиравшийся в отношениях исламских государств, с которыми мамлюки находились или в дружеских, или во враждебных отношениях, изображает в своих записках поистине убедительно боевую мощь войск в Мавераннахре. Один из его поручителей рассказал ему, что в роду ильханов мало проявляли беспокойства, когда войска Синей Орды продвигались для нападения через юг России. И, наоборот, забили большую тревогу, как только Хорасан оказался в опасности⁷¹. Пригодность к престолонаследию в Иране определяется тем, насколько успешно ведут войну в Хорасане против мавераннахрских войск. Другой свидетель рассказал аль-Умари о тяжелых географических условиях защиты Хорасана: естественной границы нет; кочевники Мавераннахра гонят свой скот, не обращая внимания на политические отношения, на территорию ильханов; во враждебных намерениях, большей частью, они вовсе не замечены, но потом, может быть, начнут вести борьбу, и в стране «захозяйничают, как волки»⁷².

Из этого короткого сообщения ясно просматривается различие между Ираном и Мавераннахром. Оно, конечно, только начинается, так как и ильханам еще нужны были кочевники-скотоводы в начале четырнадцатого столетия, чтобы иметь возможность ввести в бой

боеспособные войска. Однако началась подготовка стационарного войска, которому выплачивали денежное довольствие и со времен хана Газана давали ленные поместья⁷³. Можно предположить, что улус Чагатая значительно отставал от Ирана в превращении из кочевой империи в бюрократизированное (чиновниче) государство, а значит, в развитии, которое одновременно означало вхождение монгольских князей в определяемую исламом цивилизацию, так как это развитие осуществляли, прежде всего, те из оседлого населения, кто выжил. Аль-Умари подчеркивает также, что в Мавераннахре защищали Ясу намного жестче, чем где-либо в исламских странах, захваченных монголами⁷⁴.

Улус Чагатая не был, конечно, сам по себе однообразной областью. Местность между Оксом и Яксартом, кажется, еще сохранила большинство следов когда-то цветущей исламской культуры. Во всяком случае замечания аль-Умари настойчиво говорят об этом. Туркестан, то есть северо-восточная часть улуса, больше всего пострадал от татар. Один путешественник смог сообщить аль-Умари только о развалинах покинутых мест, об опустошенных городах и необработанных полях и — о мусульманских ученых, которые из-за недостатка воды постоянно совершают омовения песком⁷⁵.

Историю улуса Чагатая мы оставили на том моменте, когда Тува, сын Барака, и Чапар, преемник Хайду, мечтали об умиротворении или помощи дружных Чингисидов. Красивая мечта быстро растаяла. Тува и Чапар не поладили между собой, и прежде чем Тува умер в 1306 году, Чапар, отпрыск Угедея, стал от него зависеть. Так соотношение потомков Чагатая и Угедея, которое во времена Хайду было в пользу последних, теперь в корне изменилось. После смерти Тувы его сыновья вели войну как против великого хана, так и против Ирана. В 1315 г. Олджайту отразил их атаку. И между собой сыновья Тувы не могли сохранить мир. Один из них, Кебек, вступил в 1318 г. на престол, который он короткое время уже занимал девять лет назад. Он правил до 1326 г. С его именем связывается попытка основательно упорядочить отношения внутри улуса Чагатая. В контурах можно узнать деление на административные округа, которые носят монгольское название «тьма», то есть десятитысячник, с этим словом Кебек связывает деление населения на десятки, относящиеся к Чингисхану, но переносит понятие на территориальные единицы.

Возможно, эти десятитысячники размежевывают районы страны, которые могли содержать определенный контингент войск и подчинялись какому-нибудь военачальнику⁷⁷. Очень трудно решить, насколько эти мероприятия учитывают домонгольское устройство, определено в какой-то степени сохранившееся, которое можно себе представить как существующее наряду с местными нотаблями, землевладельцами и сайдами⁷⁸. Намного важнее для дальнейшей истории улуса Чагатая то, что основание административных округов должно было ограничить свободу передвижения военачальников, более или менее тесно связанных с ханом⁷⁹. Как оказалось, они не были согласны терпеть эти изменения. Устремления Кебека сводились к тому, чтобы установить свое господство в определенной области, не поддерживая его больше преданностью кочующих то в одну, то в другую сторону групп людей. По примеру ильханов и великих ханов он основал собственную столицу с резиденцией, хотя, конечно, в более скромном виде. Она получила название Карши, что на восточно-тюркском языке означало «замок». Она находилась в трех днях пути к юго-западу от Самарканда. То, что у города еще не было никакой истории, именно потому что местные правители еще до недавнего времени совсем не жили в домах, аль-Умари считает достойным упоминания⁸⁰. Создание более прочной структуры господства и управления было в остальном и здесь, как в империи ильханов, связано с исламизацией ханов. Тармаши-рин, брат и преемник Кебека, сделал решительный шаг. Он стал мусульманином и открыл свою страну теперь также египетским и сирийским купцам, что мы тоже знаем от аль-Умари.

Отмена Ясы не нашла однако единодушного одобрения, так как этим упразднялось и право, которое чагатаевские эмиры связывали с Чингисханом, а именно созывать каждый год собрание и, пользуясь этой возможностью, снимать правящего хана, если он вызвал их недовольство. Это право, милое чагатаевским эмирам, служит, большей частью, причиной запутанной истории улуса и очень частой сменой правителей. Во всяком случае, и теперь стали выбирать другого хана; Тармаширин бежал на юг в свои афганские владения, но был пойман, привезен назад и убит под Самаркандом. Мятеж был поддержан, прежде всего, малоисламизированными северными и восточными частями улуса Чагатая; там затаили обиду на Тармаширина, потому что он, вопреки обычаю, годами забывал навещать резиденцию Алма-Ату⁸². Разделение земель улуса Чагатая, которое уже давно началось⁸³,

закрепилось политикой Тармаширина.

В юго-западной части за Тармаширином последовал ряд ханов, короткие сроки правления которых нельзя с уверенностью определить. Близкие родственники свергнутого правителя искали убежища в Индии; там также появился человек, который утверждал, что он является Тармаширином. Так как его бежавшие родственники это подтвердили, индусы должны были признать его притязания. Они, конечно, боялись различных политических осложнений и интриг и поэтому удалили того Тармаширина во дворец Музаффаридов в Ширазе, где он вынужден был провести остаток своих дней⁸⁴. В области между Оксом и Яксартом положение оставалось, между тем, непрочным и запутанным. Казалось, что даже признание тамошними ханами ислама снова было поставлено под сомнение, однако ввиду и без того неясных отклонений нужно было доверять подобным толкованиям источников. Почему в ожесточенной борьбе за ханство та или иная партия не должна была ожидать выгоды от определенно антиисламской позиции?

Победителем в борьбе за власть оказался временно Газан, внук Тувы. Уже в 1330 году он должен был вступить на престол. Если эта дата соответствует истине, то Газан, вероятно, должен был более десяти лет вести войну, чтобы силой завоевать себе признание в Мавераннахре⁸⁵. Газан уже знал, что без решительного усечения прав и возможностей князей и военачальников слово хана вряд ли что-то стоило. Он подхватил предположительные цели своего отца Кебека, но не был уверен, что сможет достичь их окольными путями через создание управления, зависимого от двора, и предпочитал более действенные меры по отношению к нарушителям спокойствия. Когда созывались собрания советов зависимых от него князей, они предусмотрительно передавали кому-либо свой дом, так как в высшей степени было неясно, доживут ли до конца переговоров. Зажиточным семьям пришлось оплакивать многие жертвы, и они просили в своих утренних и вечерних молитвах всевышнего единого Бога, чтобы он заставил зайти солнце султана Газана. Но одних молитв было недостаточно. Эмир по имени Казаган собрал мятежников вокруг себя и много воевал с Газаном. Зимой 1345-1346 г. Газан погиб в бою⁸⁶.

Смерть Газана означает важный этап в истории улуса Чагатая, так как Казаган, победоносный бунтовщик, был выходцем из народа, названного «карау-нас», — это в бурные времена собранные из различных этнических групп соединения, которые во время господства

ильханов служили то одному, то другому военачальнику, но часто проводили свою политику. В начале четырнадцатого столетия их пастбища были летом на Мургабе, зимой они спускались в Систан. Сообщения о них очень скудные; взлет Казагана доказывает, однако, что они имели значительный вес в южном улусе Чагатая.

Казаган отказался от мести обратившимся в бегство войскам Газана. Он женился на его вдове, но не стремился сам к ханскому сану⁸⁷. Только Чингисид мог претендовать по праву на этот сан; это положение находило еще всеобщее признание. Казаган, сам выходец не из чагатаевского рода, получил легитимность, которая ему нужна была для его политики, посадив на трон потомка Угедея. Однако уже в 1347 году Казаган велел убить этого достойного сожаления марионетку. Эмиры роптали; страной издавна правили потомки Чагатая, и Казаган не хотел рисковать из-за мелочи — хана, от имени которого издавались указы и который жил в военном лагере в некоторой степени под постоянным домашним арестом. В Байяне Кули, одном из многих внуков Тувы, была быстро найдена замена нужного происхождения⁸⁸.

Приблизительно до 1359 года о Казагане сложилась легенда в Мавераннахре. Источники говорят о нем, как о справедливом правителе, заботящемся о счастье народа. Ученые и потомки Пророка были в большом почете и получали широкую поддержку. Своей «безграничной благотворительностью» он тяхсе-ло нагрузил «вьючных животных надеждой большой и маленькой, бедной и богатой»; внутренний мир наконец установился в Мавераннахре и не было смуты в его дни, хотя он был в «кудрах повес»⁸⁹. Новый марионеточный хан имел перед глазами судьбу своего предшественника, правильно понял приметы времени и предпочел «играть на ковре империи в кости с князем Казаганом как хорошо знакомым собутыльником» и пренебречь своим честолюбием⁹⁰.

Казаган смог так хорошо обеспечить себе тыл в юго-западном улусе Чагатая, что был в состоянии укрепить свое положение с внешней стороны предупреждающими ударами. Источники отмечают в 1348 г. поход до границ Синда, о точных обстоятельствах которого они, однако, молчат⁹¹. Между тем, на южном фланге улуса появилась новая опасность. Малик Муидж-ад-дин Пир Хусейн Карт, правитель Герата, взял верх над рядом врагов и вследствие этого стал значительной силой, которую нужно было как можно скорее исключить, если хочешь

действовать наверняка, чтобы однажды не пришлось печалиться об упущенном. Предлог для войны Казагана против Герата был найден в покушении на ценность, которую монгольские князья и военачальники считали неприкосновенной. Пир Хусейн, опьяненный своими успехами, наградил себя титулом «султан», хотя он и его предшественники постоянно были зависимы от милости Чингисидов. Пять раз Хусейн бил в барабан для себя, велел держать над собой зонт правителя. Это было принято только для хана. Хан и султан рассматривались как понятия равнозначные. Противники Пира Хусейна позаботились о том, чтобы это неслыханное поведение дошло до ушей Казагана, и этим предоставили ему обоснованный повод для принятия решительных мер, который обязывал также к участию и остальных военачальников Мавераннахра. Борьба в 1351 году окончилась для Хусейна неудачно: ему пришлось просить Казагана о мирных переговорах, во время которых Пир ему подчинился и прислал много лошадей со снаряжением, а также другое имущество в качестве дани. Через год после этого он засвидетельствовал ему свое почтение в Мавераннахре⁹². В Хорезме Казаган тоже сумел укрепить свое влияние. Его сын Абдуллах принес ему там успех⁹³.

Не оседлые держали Казагана у власти. Его режим, созданный из мятежа против централизованных устремлений Газана, подчеркивает регресс на пути формирования институтов бюрократизации власти правителей, даже если верны данные, что население не затронул обычный произвол. Когда бы ни предстоял поход, кочевники могли так же, как и лица, занимающиеся хозяйством правителя, отправлять на службу бесчисленное количество всадников, каждый конный завод поставлял только одного. И от пограничной области Хорасана до Туркестана все было пограничной территорией членов дома Чагатая и связанных с ним князей. Кочевому обычаю соответствовал и образ жизни Казагана, который пренебрегал постоянной резиденцией и разъезжал между своим летним пастбищем, расположенным в области поселения Мунк, в узкой долине восточнее нынешнего Душанбе, и его зимним пастбищем Сарай на Оксе⁹⁵. Если Казаган не был в походе, он делил свой день на пять отрезков, как рассказывают о нем. С раннего утра до восхода солнца он посвящал себя богослужению, до полудня занимался государственными делами. После этого он предавался до вечера своему любимому времяпрепровождению — охоте. Сразу после охоты он посещал свой

гарем, прежде чем отправлялся поживать⁹⁶. Этот распорядок дня, конечно, идеализирован. В другом, более древнем источнике речь идет только об охоте, на которой он проводил большую часть времени⁹⁷. По образу жизни человек из народа караунас был, конечно, похож на чагатаевских князей, но они, должно быть, обиделись на его притязания приказывать им как Чингисид. Во время соколиной охоты он попал в окрестностях Сарая в руки своего убийцы, мужа его свояченицы, которому он давно отказал в руководстве племенем кочевников и который воспользовался случаем отомстить, хотя вскоре после этого заплатил жизнью за злодеяние. Эмиры, преданные Ка-загану, назначили наследником его сына, Абдаллаха, который гарантировал господство над Хорезмом⁹⁸. Вскоре оказалось, что Абдаллах не дорос до своих задач. Он уже заболел удобствами оседлого образа жизни, Самарканд ему это предоставил, и вопреки возражению влиятельных эмиров перенес туда свою резиденцию. Вскоре после этого он потерял по легкомыслию расположение своих сторонников, когда убил хана Байяна Кули и заменил его неким Тимур-шахом. Это преступление было совершено из любви. Абдаллах добивался жены убитого. Два могущественных князя, эмир Байян Зюлдус и Хаджи Барлас, глава одного из четырех зажиточных кланов улуса Чагатая⁹⁹, выступили против Самарканда, победили Абдаллаха вместе с Тимур-шахом и отплатили жестокостью их сторонникам.

Святотатство Абдаллаха и война, которую оно вызвало, разрушили мир внутри государства, которым мог наслаждаться Мавераннахр несколько лет благодаря политике Казагана. Князья южного Чагатая тоже не хотели, чтобы ими правил человек из караунаса.

Они мечтали скорее, пожалуй, о господстве кого-нибудь из Чингисидов, который бы оставил им свободу в их пастбищных угодьях. До ханского сана они возвысили некоего Кабулшаха, но это уже под впечатлением новой серьезной опасности¹⁰⁰. Уже когда неопытный Абдаллах возвращался в Самарканд, Тоглук-Тимур, правитель Моголистана, воспользовался удобным моментом и понадеялся на воссоединение обеих частей улуса Чагатая. Когда он узнал о бесславном конце Абдуллаха, он удвоил свои усилия. В 1360 году многое говорило за то, что планы Тоглук-Тимура могли стать действительностью. Отражение этой угрозы было затруднено эмиром Хусейном, внуком Ка-загана, который собрал

вокруг себя оставшихся в живых сторонников и двинулся через Мавераннахр¹⁰¹. Когда все силы бросили против Тоглук-Тимура, не обращая внимания на эмира Хусейна, он смог извлечь из этого пользу. Остальные эмиры юго-запада должны были решать, связываться ли ради предотвращения внешней опасности с ним, отпрыском рода сомнительного происхождения, который запятнал себя кровью Чингисида. Только если бы эмир Хусейн превосходил всех своих соперников в ударной силе (армии), это решение могло бы быть однозначно в его пользу. Ситуация допускала самые различные выводы, кто с кем заключил бы союз, кто кого бы предал? В этой игре Тимур получил первые всходы.

БАЯЗИД БИСТАМИ

Некто рассказывает: «Однажды я сидел позади Баязида. Вдруг он издал смертельный крик. Я почувствовал, что этот крик разорвал пелену, которая была между Баязидом и Богом. «Удивительное заметил я», — обратился я к нему, на что он ответил: «Презренный, что в этом удивительного?» — «Ну, я ощутил, как твой смертельный крик разорвал пелену и ты проник к Богу». — «Несчастный, если раздастся добрый смертельный крик, он не может разорвать пелену!» Другой спросил Баязида: «Может ли что-нибудь закрыть взгляд на своего господина у того, кто познает?» Он ответил: «Презренный, кто сам является пленой, что могло бы еще закрыть его взгляд?»

И говорил Баязид еще в другой раз: «Если кто-то ходит по воде, то это еще далеко не признак того, что Бог им восхищается. Многие ходят по воде, и все же для Бога они ничто!»

И в третий раз говорил Баязид: «Даже если вы смотрели на того, кто был наделен такой чудесной силой, что мог подниматься в небеса, то не дайте ему обмануть себя! Больше обращайте внимания на то, как он чтит заповеди, запреты и границы, которые установил Бог, и как он выполняет шариат!»¹

Абу Нуаим аль-Исбакани (ум.1039)

ИСЛАМИЗАЦИЯ ИЛЬХАНОВ

В глазах князей из дома Чингисхана мировая империя была

семейным предприятием, почти в сегодняшнем смысле слона, а в качестве документа о его учреждении рассматривали Ясу. Как уже истолковывалось², она, которая вдохнула дух военных кочевых скотоводов, не могла долго устоять против цивилизованного наследия Ирана. По мере того как это происходило, связи князей растворились в их монгольском наследии; «империя степей» стала мировой империей. Но и ислам на Востоке изменился, так что ученый из Дамаска Ибн Таймия (ум. 1328) рассматривал его в одном труде как чуждый, даже искаженный разросшимся сектантством³. Без сомнения, еще ильхан Га-зан был во власти монгольских преданий, когда в середине девяностых годов тринадцатого столетия принял ислам⁴. То, что такой шаг мог бы показать полную переориентацию исламской политики, отчетливо показало уже раньше короткое правление Ахмада Тегудера (прав. 1282-1284; Находясь под влиянием суфийских шейхов, он принял веру Пророка и сразу же приступил к дружескому сближению с мамлюкскими султанами Египта, самой сильной исламской державой⁵ — с тем Египтом, который, как мы знаем, еще через двадцать лет после Тувы был исключен как главная цель натиска ильханских завоевателей. Ахмад Тегудер заплатил за смелую попытку вторжения империи ильханов в мир исламских государств жизнью.

Газан-хан, казалось, хотел остаться верным монгольскому образу мыслей. Рашид-ад-дин, который знал его близко, изображает его как глубокого знатока монгольской генеалогии и истории, двух наук, которые при Чингисидах были в большом почете. Когда Газан в начале своего господства взял верх над своим соперником Банду (убит в октябре 1295), он жаловался, что Ясой все больше и больше пренебрегают; эмиры из семей самого низкого ранга не боялись подниматься против потомков Чингисхана. Этот упрек был направлен, конечно, против сторонников Байду, которые боролись, по мнению Газана, против законных наследников престола⁸. Все же в начале своего правления Газан настолько был угнетен своими внутренними врагами, что последовал совету перейти в ислам, чтобы «мусульмане оценили его правление и считали своим долгом поддерживать его»⁹. Газану в его щекотливом положении была ясна выгода такого шага; сразу же после присоединения он разыскал могилы суфийских святых, чтобы обеспечить себе их неземную помощь¹⁰. Но Газан-хан не совершил ошибку, не стремился к соглашению с мусульманскими султанами¹¹. Наоборот, как только укрепил свою власть, он перешел к нападению. В конце 1299 года он стоял перед Дамаском, который капи-

тулировал 30 сентября. Многие жители города встали под защиту Газана, и Рашид-ад-дин рассказывает, как монгол спрашивал их о своем родословном древе — он был потомком Чингисхана в пятом поколении, — и после того, как он получил удовлетворяющий его ответ, он хотел знать: «А кто отец (мамлюкского султана) ан-Насира?» — «Аль-Алфи», — отвечали они. «А кто его отец?» — продолжал спрашивать Газан, на что жители Дамаска смущенно молчали, так как они должны были признать, что правление ан-Насира не легитимно в сравнении с родом Чингисидов¹².

Легитимность, основанная на фактическом материале власти, какой она уже давно была принята в исламе, в высшей степени по необходимости приукрашенная актом подтверждения мнимым Халифом¹³, была еще чужда мышлению Газана. Для суннитов предпосылки легитимного правления были выполнены, если властитель давал клятву сделать все возможное для осуществления шариата. Такой структурой, действующей независимо от личностей, Яса еще не была. Она была законом Чингисидов, который никто другой не мог выставить в выгодном свете. Поэтому легитимность может быть только легитимностью наследника Чингисхана — мысль, которая в этом отношении кажется родственной шиитской, так как и она связывает законность власти с условием генеалогии, а именно происхождением от Пророка. Поэтому напрашивается мысль, что Газан-хан скоро обнаружил свою склонность к шиизму, конечно, не признавая его учение во всей последовательности, что было бы равносильно признанию нелегитимности собственного правления. Но он покровительствовал «семье Пророка», ходил на богомолье к могилам мусульманских руководителей, давал там обет, делал скромные пожертвования в пользу алидов, как до того это делали для правоведов и суфий. Рашид-ад-дин оценивает эти деяния следующим образом: без сомнения, Пророк дважды явился Газану во сне, сопровождаемый Али, Хасаном и Хусейном, долго с ним говорил, затем повелел: «Вы должны быть братьями!» и приказал ильхану обнять мусульманских руководителей. Особого достоинства спутников Пророка, почитаемых суннитами, он не видит, объяснил Газан, но так как он должен по желанию Мухаммеда побрататься с теми тремя, он дает клятву оставаться связанным с их потомками. Тимуриды требовали даже для самих себя, чтобы Алан Кува, легендарная прабабка Чингисидов и Тимура, забеременела от чистого воздуха сыном Али¹⁴. В шиитском понимании легитимности исламское мышление было

близко монгольскому; здесь была сфера, над которой могло начаться вовлечение ильханов в исламскую культуру — развитие, которое со своей стороны должно было оказать на ислам обратную реакцию¹⁵.

Ильханы в остальном еще не были непоколебимы в признании себя сторонниками ислама, так как он казался им устройством, расколотым глубокими ссорами. Визирь Рашид-ад-дин, бывший иудей, покровительствовал шафиитской правовой школе и разжег снова ссору с ханафитами, тлеющую уже столетиями в Иране¹⁶. Те мстили тем, что проклинали в проповедях с церковных кафедр иудейство и настраивали на погромы. Ввиду очень простого образа мышления, по которому человечество делилось на спутников и врагов Чингисидов, такие раздоры могли вызвать отвращение правителя.

Наследник Газана Олджайту (прав. 1304-1317) стал свидетелем пошлых казуистических свар между шафиитами и ханафитами; его эмиры ворчали, что, пожалуй, было неправильным отказаться от чистой Ясы и нравов Чингисхана в пользу «старой религии арабов», которая распадается из-за предполагаемого слова Пророка более чем на семьдесят направлений. Когда Олджайту немного позже чуть не убило молнией во время пирушки, это не могло быть истолковано иначе, как убедительное предостережение пренебрегать чем угодно, только не Ясой¹⁷. Олджайту колебался в своей верности новой вере. Теперь шиитские ученые оказывали на него более сильное влияние. Споры между суннитскими правовыми школами были для них доказательством того, что суннизм основывается на предании, фальсифицированном последователями Пророка, шиизм же, напротив, обладал истинным учением, за которое поручились имамы из наследников Мухаммеда. Пристрастие Олджайту к шариату росло. Предостережения Рашида-ад-дина, пытавшегося удержать его от целенаправленной политики шиитизации¹⁸, которая должна была вызвать тяжелые внутренние конфликты, теперь он оставил без внимания. Он выбрал шиитского ученого Джемал ад-дин Мутахар ал-Хилли (1250-1325) своим постоянным спутником и позволял сообщать себе его взгляды на веру и историю ислама¹³. Вскоре он почувствовал себя настолько тесно связанным с богатством шиитских идей, что Рашид-ад-дин смог использовать это обстоятельство коварным образом для уничтожения соперника²⁰. Покровительство шиизму могло способствовать тому, что на территории Ирана суннитская ученость, носители которой во время вторжения монголов понесли большие потери, никогда больше снова не достигла ее былого расцвета²¹.

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СИЛЫ ЧИНГИСИДОВ

Несмотря на постепенное вращение ильханов в их обусловленное исламом окружение, существенные области их мышления остались обязаны другому преданию. Это отчетливо можно увидеть в способе легитимизации ильханского господства, проходившей по исламским принципам, которые почитались в империи мамлюков хотя бы по форме. Легитимность ильханов определялась происхождением от Чингисхана и отношениями, основанными на верности, в которых видели себя наследники Хулагу к его брату, великому хану Мункэ, и его наследнику²². Это, конечно, только формальная сторона вопроса. Для многих подданных в империи с этим видом легитимности одновременно были связаны особые способности и качества правителя, которые не находят в строго исламском предании оправдания.

Уже до восшествия на престол в будущем правителе проявляются чудесные силы. В 1281 году, в котором родился будущий ильхан Олджайту, степям между Мервом и Саракхом угрожала засуха; прошло уже два месяца с начала весны, но ни одной капли дождя не упало. Но едва царственный ребенок появился на свет, как набежали облака и начался такой обильный дождь, что палаточный город был затоплен. Счастливые свидетели случившегося кричали: «Это не человек, это не что другое, как благородный ангел!»²³ Этой цитатой из суры Юсуфа начинает рассказчик свое сообщение, по меньшей мере, с исламским смыслом. Легитимный правитель заслуживает божественного вдохновения; он видит вещи, которые скрыты для обычных людей. Так, однажды во время похода в Гилян названный Олджайту предчувствует, что один из его сыновей, грудной ребенок в колыбели, в большой опасности. Действительно, в это время в палатке, в которой спит ребенок со слугами, приглашенными для ухода за ним, вспыхнул огонь, и только ребенок спасся. В другой раз Олджайту видит с крыши крепости в Тебризе мужчину в одежде суфия; он уверен, что это вор; того суфия хватают, изобличают в других преступлениях, после чего его казнят²⁴. Легитимный правитель родился под счастливым!! звездой²⁵. Поэтому он в состоянии предотвратить или по крайней мере смягчить последствия, которые должно было бы принести его стране правление при несчастливой звезде. Так случилось, что во время правления Олджайту Сатурн достиг доминирующей позиции — по мнению астро-

логов, знак плохого предзнаменования (дороговизны). Но благодаря превосходству сулящего счастье гороскопа Олджайту страна остается защищенной от всех бед; нигде нет такого дешевого зерна. Мусульманский хронист осторожно добавляет, что все это, естественно, следует отнести только на счет воздействия Бога, который иногда нарушает свои обычаи²⁶ соединять подорожание с превосходством положения Сатурна.

Справедливый правитель подтверждает свою роль в остальном также тем, что он велит возводить роскошные строения²⁷. В Китае уже при Мункэ возник план основать новую столицу. Она была отстроена к 1260 году и через четыре года названа «Шанг-ту» («высочайшая столица»). Ее план должен был наглядно показать узел сил Вселенной в этом месте. Немного позже, однако, Хубилай велел расширить Пекин, превратить «великую столицу» в свою резиденцию²⁸ — мероприятие, достойное быть запечатленным даже в персидской историографии²⁹. В 705 году (х) (начался 25 июля 1305) ильхан Олджайту тоже строит себе новую столицу, Султанию. Вокруг дворца располагаются небольшие владения вельмож и могущественных людей. Обширные сады и много водных потоков способствуют возделыванию почвы. Соответственно большому значению, которое монгольские правители придают торговле, открываются многочисленные лавки, заполненные ценными товарами. Кроме этого, ремесленники различных промыслов переселяются сюда. Конечно, здесь не хватает мечетей, медресе и суфийского конвента. Таким образом, сюда съезжаются, как описывает один современный хронист, люди всех национальностей, хаос их многоязычных голосов «звучит до неба», и молодой и старый поддерживают друг с другом беседы и дела. План султана защищен, «как и план небесной сферы, от ошибок и недостатков, луга и пруды, как дороги и область небесного колеса, защищены от любого несчастья — любой уголок в садах как образец эдема, любая сторона широких площадей напоминает о рае»³⁰. Законный правитель создает себе в своей столице отражение мирового круга, которым он управляет. Здесь на тесном пространстве он собирает богатства этой земли, объединяет людей всех народов для мирного общения; здесь, в центре империи, виден тот порядок, к осуществлению которого в самых отдаленных областях он тоже стремится. Мусульманин не может назвать это состояние иначе, чем рай.

ПРОВОЗВЕСТНИКИ СОКРОВЕННОГО

Прошло полстолетия, пока ислам, который запечатлел картину мира и жизненную среду подчиненного населения, привлек в Иране ильханов новых властителей; они показали пристрастие к другим чертам этой религии, чем к тем, которые издавна обсуждались правоведами и теологами и признавались султанами полезными для осуществления власти. Эпизод, относящийся к 1300 году, может это пояснить: один монгольский князь стал христианином; кто-то из его окружения однажды поносил пророка Мухаммеда; сильная собака, которая сидела на цепи поблизости, сорвалась и напала на богохульника, однако он не смог увидеть в этом предостережения — животное только неправильно поняло какой-то жест, думал он. Однако при следующей насмешке над Пророком взбешенное животное вцепилось в глотку и убило его. После этого случая, говорят, сорок тысяч монголов приняли ислам³¹ — чудесные силы этой веры убедили их, не шариат.

Переход ильханов в ислам был, конечно, важным шагом к преобразованию империи кочевников в империю, основной слой которой представляли бы оседлые. В Мавераннахре, и только по-настоящему в странах по ту сторону Яксарта, началось позже подобное развитие и к тому же много раз прерывалось. В остальном следует сделать различие между симпатией к определенным чертам исламского учения и формальным переходом в ислам. Олджайту приказал дать ему уроки права, религиозных обрядов и вероучения. При этом споры ученых подействовали на него так отталкивающе, что он начал раздумывать о своем шаге. Несмотря на это, его сердце принадлежало уже давно исламскому святому, которого он так сильно почитал, что своих сыновей назвал в его честь: Баязиду Бистами (ум. 874). Баязид, над могилой которого Олджайту велел в 1313 г. построить здание с куполом³³, — это многозначная фигура раннеисламской мистики. Ему принадлежат восклицания восторженного божественного учения, причудливые слова, в которых он надеется выразить невыразимое — опыт встречи с Богом³⁴. Говорят о его путешествии на небеса, которое с ним произошло и привело его к Богу. Он, Бистами, свидетельствовал о том, что остается скрытым от массы людей, даже если они совершают прилежно обряды, серьезно изучают учение.

Таков образ, который создали во времена ильханов. С историческим Баязидом Бистами это, конечно, имеет мало общего,

даже если и сложилось из определенных ранних преданий о нем³⁵. Уже аль-Джунаид (ум. 910), ранее возглавлявший багдадскую школу суфизма, основанного на полном и сомнительном выполнении шариата, согласился, что поколение, следующее после Бистами, рассказывало очень много противоречивого об этом человеке и его словах. Джунаид обобщил некоторые высказывания Бистами, среди них одно, которое должен был воспринимать особенно оскорбительно суннитский мусульманин, сведущий в догматике. «Однажды Господь поднял меня к себе и поставил перед собой. «О Баязид, мои творения хотели бы видеть тебя», — говорил он, на что я ответил: «Одень меня в твое совершенство, наполни меня твоим «Я», возвысь меня до твоей исключительности, на что твои творения, когда они меня увидят, воскликнут: «Тебя мы видели!» Так как это должен быть ты, не я хочу быть там!» Эта просьба, говорит аль-Джунаид, показала Бистами как искателя, который уже далеко шагнул по пути к подлинной вере в единого Бога, но цели еще не достиг³⁶. Такое толкование хочет в цитируемых словах видеть не больше, чем смелое описание отрезка той тропы, по которому прошло бесконечное количество суфитов и который должен привести через многие определенные в своем своеобразии степени наконец к полному самоотречению странника, к его растворению в поразительном обозрении Бога. Другими словами, аль-Джунаид хотел бы спасти своими разъяснениями Бистами для суннитского суфизма.

Все же очевидно, что изречения Бистами содержат мысли, выходящие за рамки правоверного суфизма, связанного с шариатом, которые поэтому стремятся скрыть. В одиннадцатом веке, однако, они проложили себе дорогу. Баязид Бистами теперь был в почете, при жизни он стал «аргументом Бога» по отношению к созданиям. Именно Бог послал Пророка не только в определенное время мировой истории, чтобы провозгласить людям свои законы и открыть им этим путь к спасению от пламени преисподней. Нет, он никогда не оставляет свою землю без указания на более высокий, приносящий исцеление порядок, который поручил осуществить людям. Все снова и снова грешат они против божьего закона, но в день суда они должны будут держать отчет перед своим создателем, и отговорки, что они ничего не знали о законе божьем, не будут услышаны — благодаря тем мужам, которые жили как его неопровержимый аргумент во все времена среди грешных масс. Это представление возникло в раннем шиизме, который указал имамам их

роль³⁷. Теперь, в период быстро распространяющегося почитания святых, это представление будет перенесено на них, а значит, и часть исламского смирения особого рода, которое больше уже нельзя определить как специфично суннитское или шиитское.

Баязид Бистами, «аргумент Бога», узнает непосредственную близость к нему. Дух Баязида возносится над семью небесами, рай и ад лежат у его ног, но они не могут притянуть к себе его взгляды, так как они свободны теперь от пелены (завесы), которую образует мир феноменов. Он видит только Всевышнего и узнает, глубоко потрясенный, что это он и есть! «О Боже, в моем «Я» я же никогда не смогу достичь тебя, не смогу уйти от моего собственного «я». Что мне делать?» И Бог отвечает: «Баязид, ты должен отрешиться от своего «я», следуя за моим любимым пророком Мухаммедом!»³⁸ Здесь, пожалуй, впервые говорится о путешествии на небеса Баязида Бистами. Конечно, речь идет еще о самоотречении с целью в совершенстве познать Бога. Но речь идет также и о непосредственном узнавании Бога, которое нельзя получить выполнением и перевыполнением шариата и в котором, согласно учению суннитов, вообще отказано людям. Легенда о путешествии в небеса пророка Мухаммеда стала уже тогда, в одиннадцатом веке, достоянием мусульман. Наш источник старается найти отличие от такого же путешествия Баязида. У Пророка это происходило на телесном уровне, у святого — только на духовном. Если святые попадают в состояние экстаза и упоения, то они удаляются сами по себе и через спиритическую лестницу, уходят в близость к Богу. Когда они возвращаются в трезвое состояние, то тот опыт (события) запечатлевается в их уме³⁹. Так святые становятся провозвестниками потустороннего, скрытого.

Существует один, может быть, относящийся уже к одиннадцатому веку рассказ о небесном путешествии Баязида Бистами, в котором суфистские идеалы, как их понимал аль-Джунаид и как они еще ощутимы в только что названной версии, отступают на задний план. Об отбрасывании своего «я» больше нет речи. Баязид во сне поднимается через семь небес, одно великолепнее другого, каждое заманивает все большими искушениями, у каждого на службе более могущественный ангел, и каждое «предлагало мне столько власти, что любой потерял бы дар речи. При всем при этом, однако, я знал, что Он этим меня испытывает, и я ответил: «Всемогущий! Не к тому, что ты мне предлагаешь, я стремлюсь!» Когда Бог убедился в честности Баязида, он привлек его к себе ближе, чем находится «дух и тело». Рассказ заканчивается тем, что

Баязид наталкивается на дух Мухаммеда, и тот поручает ему заставить обпиты мусульман быть более прилежными верующими. Фантастическое приукрашивание путешествия по небу указывает на популяризацию материала. Смысл искушения можно лишь с трудом разобрать в банальном финале, встрече с Мухаммедом. Это просто средство создания напряженности, путешествие само по себе решающее. Неизвестный автор, который посвятил ему в справочнике о пути в мистический мир главу, добавляет, что знатоки эту формулировку считают истинной. Есть скрытые знания о божественных делах, которые доступны не каждому и не могут быть переданы путем доводов и доказательств невеждам⁴⁰. Небесное путешествие превращается в событие, недоступное разуму, но возможное как результат мук самоотречения.

Таким образом, становится понятным, что тайфурие, направление внутри суфизма, которое видело в Баязиде своего прародителя, наталкивается на острую критику, даже на отказ у поборников мистической тропы, важнейшими признаками которой были трезвость и усердие в шариате. Опынение и экстаз характеризуют тайфуриев. Но ни те, ни другие ничего не могут получить через кастовость; это можно только симулировать, а это идолопоклонство, возражают критики. «Опынение означает состояние самоотречения, тогда как в действительности собственные атрибуты продолжают существовать. Трезвость — это видение продолжения существования, в то время как атрибуты уничтожены». Объяснение никогда не может быть шагом к исчезновению, так как оно означает увеличение атрибутов человека; следовательно, он остается без истинного познания Бога⁴¹.

Сомнения суфиев, запечатленные мужами, такими как аль-Джунаид, по поводу направления, противоречащего старым идеалам, основывающегося на учении Баязида Бистами, очевидно, не могли воспрепятствовать тому, что как раз оно все больше распространялось в исламском мире. Именно оно было более популярным; оно отказывалось от того самоистязующего формализма шариата, который мог быть только делом ученых-законников; они обзревала сильное, почти неизмеримое количество казуистических определений, на которые стоило обратить внимание, и сумели применить их к бесчисленным жизненным событиям. Чтобы воздать должное всем мыслимым определениям и указаниям, необразованные должны были бы постоянно подстраховываться советом тех специалистов — и как бы это могло случиться, тем более в

незначительных местечках, в которых, как мы должны предположить, никто не мог бы дать необходимые разъяснения. Сомнительная законопослушность и родственная ей суфизм скорее дело образованных слоев городов⁴², но верой святых и восторженных он вряд ли мог быть⁴³. Случайно ли, что именно учение Баязида все сильнее определяло картину исламской культуры, с тех пор как в переселении на запад среднеазиатских народностей, начавшемся в 1000 году, проходившем волнообразно, большие города Ирана потеряли политический вес, пока, наконец, во время монгольских штурмов под угрозой не оказалось даже их существование? Новые монгольские правители, которые сами не были горожанами, смогли привлечь некоторых представителей исламской образованной элиты; но ислам, который встречал их в никогда не кончающихся походах, должно быть, имел другие устремления.

«Итак, Бог умножил мое понимание действительного бытия. Из Бога я смотрел на Бога и увидел его в его подлинной сущности. Там пребывая, я остановился. Я прислушался, насколько мои уши могли постигнуть; теперь меня больше не угнетают муки бесполезных поисков. Полученные знания я стал использовать. Я подавил свою страстную душу, которая постоянно подстрекает меня к греху. Некоторое время я оставался как бы с собой. С божьей помощью вымел я мусор болтовни с тропы, ведущей к сути веры. Милость оказал мне Бог, он подарил мне знание того, что вечно без начала». Эти слова сказал Баязид Бистами в сообщении о своем небесном путешествии у Фарид-ад-дина Аттара (ум. 1220)⁴⁴. Полученные через Бога знания, знания теологии, которые ощущают последствия тонких и запутанных проблем рационального познания и понимания Бога, упорная борьба со страстной душой, которая должна заставить ее быть под властью шариата — все это тщетно и ничтожно. Что имеет смысл — так это опыт видения себя невыразимым образом вместе с единым Богом — после сбрасывания своего «я». Почитание шариата и подражание речам и действиям Пророка, к которому Баязид призывался и у Аттара, не могут поэтому иметь в виду овладение его Сунной, достигающей мельчайших подробностей. В день воскрешения соберутся все творцы и пророки под его, Баязида, знаменем, а не под знаменем Мухаммеда. Для многих мусульман скандальны эти слова, однако Аттар истолковывает их по той картине, которую сам создал в рассказе о Баязиде: ни на небесах, ни на земле нет ничего, качественно соответствующего тому «я» Бистами, которое идентично единому Богу: истинная суть этого «я» остается непонятой; это

не та личность, на долю которой выпадет все-таки речь Бога: Бог был оратором, совсем таким же, каким он однажды перед лицом Моисея явил свой голос из куста терна⁴⁵. Последователь пророка Мухаммеда больше не является подражателем его конкретного превратившегося в закон действия; оно заключается теперь для медиума в избрании единого Бога.

РОДСТВО ДУШ

Ильханы, как мы знаем, были известны тем, что были способны на сверхъестественные ощущения. Святые, передававшие послания из мира «сокровенного», были уже давно знакомы монголам; их советам они придавали большое значение. В «Тайной истории монголов» речь идет о близком соратнике Чингисхана Мунлике⁴⁶, от семи сыновей которого принял один человек пророчества «главнокомандующего вечного неба» и передал их дальше правителю⁴⁷. Земные события определяются на небе, и ясновидящий, шаман, может это разузнать⁴⁸. Когда монголы закрепили свое господство в Китае, они едва не переняли интеллектуально усовершенствованную форму местного буддизма. Намного больше воспринял Хубилай-хан в 1253 г. учение ламаистского направления, в котором отношение к сверхчувственному необычайно значительно. Лама Фагс-па, посвятивший великого хана в религиозные обряды тантрийского божества Хевейра, получил титул «императорского учителя» и был тесно связан с правителем, которому служил и как волшебник. Фагс-па был в дальнейшем покровителем — если вообще не создателем — идеологии о двух устройствах, а именно земного, центр которого был в великом хане, властителя всей земли, и религиозного, который присутствует в иерархии лам⁴⁹.

В исламе такое разделение не могло произойти. Ильханов лишь изредка называли в источниках «Султан ислама». Но имеются признаки того, что на практике и у них образовывались подобные отношения между властителем и духовным наставником или руководителем, взаимоотношения, которые не обязательно должны были привести к официальному переходу хана в ислам. Те наставники или руководители, кажется, и без того не были защитниками шариата-ислама; они принадлежали к направлениям, которые не боялись удовлетворять ту потребность сверхъестественной истины, которая в Китае привязала великого хана Хубилая к такому человеку, как Фагс-па.

Чагатай, сын Чингисхана, был, как мы знали, надежным хранителем Ясы; он, бесспорно, всю свою жизнь придерживался религии монгольского народа. Его мусульманские администраторы представили ему, однако, некоего Абу Якуб Саккаки. Он был очень сведущим в мусульманских и греческих науках; мог подчинять себе планеты и разбирался во всех видах волшебства. Чагатай доверял ему и наконец был им полностью одурачен. Абу Якуб произвел на него впечатление множеством фокусов; так, он нарисовал однажды круг на земле, указал пальцем на птиц в небе, и они упали. Перед Чагатаем Абу Якуб хвастался еще совсем другими успехами. Будто однажды в Багдаде визирь халифа оскорбил его, за что он на три дня заколдовал огонь везде, так что он нигде не хотел гореть. Раздался крик боли. По Абу Якуб настаивал на том, чтобы не снимать колдовства, прежде чем визирь поцелует собаку в зад. В конце концов визирь должен был выполнить это требование. И Хайду⁵⁰, наследник Угедея, хотя сам не был мусульманином, всегда держал возле себя муллу Зайн-ад-дина аль-Кудзи; конечно, мулла тоже был ловок в подобных искусствах⁵¹. И того шейха Абу ар-Рахмана, который справился с тем, чтобы уговорить ильхана Те-гудера принять ислам, мы не можем представить, конечно, как борца за строгую набожность шариата. Он много раз со своим питомцем усердно практиковался в экстазе. Эта практика в трезвом суфизме старого стиля считалась предосудительной⁵².

Особое значение имели при исламизации монгольского руководства ученики и внуки учеников суфия Надж-ад-дина Кубры, который нашел свою смерть во время осады Хорезма Чингисханом весной 1221 г. Завоеватель призвал очень уважаемого шейха ввиду запланированных массовых убийств в Хорезме бежать в надежное место. О подобных предупреждениях сообщается также в связи с другими знаменитыми учеными; здесь, кажется, сообщение отражает скорее тесные связи между монголами и адептами Кубры в те времена⁵³. Один из последователей Кубры, Саиф-ад-дин Бахарзи, завоевал благосклонность матери Мункэ, которая пожертвовала ему деньги для строительства медресе в Бухаре, управление которым он взял на себя. Берке, четвертый сын Джучи, должно быть, по настоянию своего отца познакомился с исламом. Уже взрослым он совершил паломничество к Бахарзи, чтобы открыто в его присутствии показать признание религии Пророка⁵⁴. И обращение в ислам Газан-хана в 1295 г. произошло перед одним из кубрави-шейхов⁵⁵.

Суфизм Кубры и его последователей не исчерпывался

внутренними переживаниями без всяких образов; для него характерны большие видения и истории во сне. Учитель наглядно описал их в своих сочинениях. Во сне происходил обмен пятью чувствами, которыми мы пользуемся в состоянии бодрствования, и благодаря этому возможны переживания сокрытого. «Когда кто-то спит, освобождается немного от тягот существования, и его способность воспринимать море жизненных событий закрыта, открываются другие чувства к миру сокрытого — глаз, ухо, обоняние, рот, рука, нога, даже другое тело! И так он видит и слышит из сокрытого, откусывает от него и съедает, и иногда он ощущает, если он во сне ел, приятный вкус той еды во рту, — и он говорит (во сне), ходит, действует, добирается до далеких стран, причем расстояние ему не может быть препятствием. Это более совершенное существование, чем здешнее. Иногда в том существовании он переживает в себе способность летать, ходить по воде или шагать по огню, не сгорая. Не считай это болтовней! Это действительность. Сон — это брат смерти. Что ощущает неуч во сне соответственно силе, вытекающей из его низкого существования, это ощущает тот, кто шагает по тропе уже в состоянии между бодрствованием и сном, так как его общее существование выражено слабо, его благородное и ценное существование наоборот сильно, а (во сне) становится еще сильнее, так что потом необыкновенное даже случается в мире, доступном нормальным чувствам: он летает, ходит по воде, идет через огонь, причем тот ему не приносит вреда, видит, слышит, берет, поднимается или опускается, преследует свои цели, в то время как все это остается недоступным присутствующему при этом из-за грубого вещества его существования». Кубра и конечно же его последователи взяли для себя обязательным после строгой учебы в практике их суфизма уметь восстанавливать связи с потусторонним миром и совершать хотя бы частичное очищение существования от избытка грубого вещества дела, что обычный человек называет чудесами. Теория, на основе которой могло утверждаться подобное, ни в коем случае не была ограничена кругом кубрави и похожих направлений. Это было давно известное направление о том, что дух состоит из тонкого вещества будучи заключенным в тело с грубым веществом этой утонченной сферы, стремится снова обрести свою близкую к Богу родину. Во сне и окончательно в смерти это возможно. Дух вбирает в себя там, куда он, пока человек живет, может отвлечься только на время, картины сверхъестественного, которые являются

спящему в форме отображений, знакомых ему из мира чувств. Эта теория лежала в основе тогдашнего толкования сновидений ⁵⁷.

Фахр ад-дин ар-Рази (ум. 1209), современник Кубры, обучавший и участвовавший в диспутах в Герате и Мавераннахре, знал о ней и одобрял ее. Но он был сторонником трезвого шариата — суфизма аль-Джунаида, изложенного в сочинениях его знаменитых ни-шапурских представителей одиннадцатого столетия. Ар-Раджи высказывается на эту тему при освещении вопроса, кто настоящий святой, — и в то же время видно большое различие, которое отделяет его от суфизма экстаза. Конечно, святой может влиять на субстанцию духа, которая не равна подлунной материи, и совершать таким образом чудеса. Ар-Раджи этого не опровергает ⁵⁸. Но каждый святой должен остерегаться сознательного использования этой способности ⁵⁹. Если кто-нибудь из них будет пренебрегать этим предупреждением, Бог заставит его отступить! Подобные тревоги Надж-ад-дина Кубру не мучали. Он не боялся во многих статьях описывать и подразделять признаки своей святости самым точным образом. Он прославлял свой опыт со сверхъестественным, в котором мы узнаем черты небесного путешествия Баязида Бистами. Для теолога и последователя шариата ар-Раджи не подлежит сомнению, что только пророк Мухаммед однажды совершил небесное путешествие, которое никак нельзя иначе понимать, кроме как выражение совершенной покорности Богу ⁶⁰.

ДВОЯКИЙ ИСЛАМ

Все подготовлено так, чтобы после катастрофы нашествия монголов еще отчетливее могло проявиться разделение исламской культуры на две части, которые нельзя понимать только в плане географии, — продолжение существования шариатского ислама в империи мамлюков и западнее от нее; расцвет когда-то отчеканенного святыми посредниками ислама на Востоке, на иранском культурном пространстве, где так ужасно страдал когда-то определяющий слой — работающие в городах ученые шариата. И в Северной Африке, и в империи мамлюков свирепствовала вера в посредников, и здесь тоже были стоящие у власти эмиры из чужих родов, склонные к этой вере. И здесь, иначе чем в Иране ильханов и их наследников или в улусе Чага-тая, были также сильные противники тех новых течений, в которых мир веры и практики, уходящий корнями в передаваемый пример Пророка,

подвергался сомнению. Такие люди очень четко чувствовали, что ислам, каким он расцвел теперь на монгольском покоренном Востоке, больше не был лишним.

В конце ноября 1305 года в резиденции дамасского наместника мамлюкского султана рассматривалось знаменательное дело. Появилась со своим руководителем группа дервишей, которые относились к ордену рифайя, и ханбалит Ибн Таймия, уже известный нам по его правовым оценкам ильханов. Часто, как сообщает Ибн Таймия, он вздорил с этими дервишами, которые, как он сумел рассказать, во время молитвы вдруг издавали нечленораздельные звуки или вообще говорили непристойности⁶¹. Теперь, когда Ибн Таймия вызвал их после богослужения снова на дискуссию, они собрались толпой. Горланя-и пронзительно крича, дрожа, с дергающимися головами и членами тела, они буйствовали по всему городу.

Столпотворение и отвратительное зрелище заставили наместника спросить об их жалобах, и он узнал, что Ибн Таймия и его сторонники враждебно к ним относились. Так дело дошло до переговоров перед высочайшими представителями мамлюкского режима в Дамаске⁶². Предводитель дервишей требовал, чтобы прекратились препятствия, от которых приходилось страдать ордену. Ибн Таймия возразил, что каждый мусульманин должен руководствоваться в словах и делах кораном и сунной. Жалобщики хотели показать наместнику некоторые из своих религиозных обрядов, очевидно, чтобы убедить его в их пристойности, но Ибн Таймия заявил протест против этого; будто бы это сатанинские обряды — ничего кроме лжи и обмана⁶³.

Среди их трюков были такие, когда они на своей коже зажигают огонь, покрывают себя змеями, колдуют на крови, ладане, шафране, розовой воде, меде, сахаре и тому подобном. Если они делали это честно, — это Ибн Таймия им часто ставил в упрек, — тогда он хотел бы вместе с ними шагать через огонь, конечно, только после того, как они тщательнее очистили бы себе кожу уксусом и щелочью⁶⁴.

Пустыми трюками Ибн Таймия не позволит провести себя. Дервиши многих эмиров вводили в заблуждение. Они могли бы им показать людей сокровенного мира. Они устанавливали деревянный помост и балансировали над ним; эмиры наблюдали издали, думали, что те парят в воздухе, были потрясены и соответственно жертвовали. Другому простофиле дервиши показали на одном кладбище Дамаска давно умершего святого Ливанской горы; он требовал щедрых даров,

толковали они удивляющемуся эмиру, который, конечно, разгневался, так как названная сумма превышала его состояние. Он схватил мнимого посланника из потустороннего мира за волосы, и это оказался совсем обычный мошенник, который напялил на себя козью шкуру⁶⁵. Обо всех этих скандалах Ибн Таймия теперь рассказал и не забыл подчеркнуть, что эти мошенники требовали от тех, кто попадал под их влияние, неперемного послушания именно потому, что они были кудесниками, в противном случае с помощью своих волшебных⁶⁶ сил зло отомстили бы всем непослушным⁶⁷. Все это позорные иллюзии; строгое следование шариату — это единственное, по чему можно узнать, действительно ли кто-то является верующим. «Если вы увидите, что кто-то летит по воздуху, идет по воде, не давайте ему обмануть себя. Смотрите больше на то, как он себя ведет в отношении заповедей и запретов (веры)». Этими словами предостерегал от шарлатанов сам Баязид Бистами⁶⁸.

Нельзя было считать решенным делом, что партия Ибн Таймия обеспечит себе государственный авторитет. Те дервиши тоже имели много приверженцев среди сановников Дамаска⁶⁹. Дервиши почти повсюду утвердились в исламском мире; и прежде всего они были в большом почете у военачальников, выходцев из Средней Азии и юга России. Совершенно спокойно они могли находиться на землях татар⁷⁰. Шейх, который теперь подал жалобу против Ибн Таймия, Салих Аб-даллах аль-Батайджи, был родом из Ирака, но бродил по татарским областям. К концу тринадцатого столетия жизненный путь привел его в Египет, где он скоро смог оказывать влияние на мамлюка Байдара, наместника султана аль-Мансура Калауна (прав. 1280-1290), таким образом, что тот «поверил в него» — этим оборотом обычно источники называли своеобразную зависимость человека от его посредника в мире скрытого. Со времени смерти Байдара — он погиб в 1293 году во время мятежа в Дамаске — Абдаллах находился в Сирии. Когда в 1299 году ильхан Газан завоевал Дамаск, один из его великих эмиров остановился у того бродячего дервиша, и другие монголы тоже узнали в нем старого знакомого. Совершенно ни на что не надеясь, этот человек, по-видимому, не обратился к наместнику Дамаска, чтобы обезопасить себя от преследований непримиримых ханбалитов.

Однако не только из-за тесных связей некоторых военачальников с дервишами мог бы потерпеть неудачу Ибн Таймия.

Дело обстояло не так, что укротитель сверхъестественных сил на одной стороне, а отрицающий эти силы на другой стороне противостояли друг другу. Нет, как уже было показано на примере Фахр-ад-дина ар-Рази, самые строгие защитники шариата верили во влияние потусторонних сил; они охотно объясняли это влияние сатанинским происхождением и надеялись, что они застрахованы от их нападков благодаря очень точному исполнению божьего закона. Один дервиш рифайя однажды рассказал ему, что татары — чистой воды идолопоклонники и даже верят, что их памятники едят пожертвованную еду. В присутствии дервишей это чудо однако не происходило. Ибн Таймия объясняет рассказчику, что сатана, спрятанный в идоле, был запуган взглядом мусульман, поэтому он не отваживался высунуться. А дервиши — тоже мусульмане, хотя и «пестрые», не совсем чистые⁷². Вместе с тем Ибн Таймия боролся против распространяющихся обычаев, космологическую основу которых он не отрицал, разрастание которой, однако, должно было принести вред вере шариата и отдать людей в руки сатаны. После того как Ибн Таймия вызвался пройти с адептами Салих Абдаллаха через огонь, конечно, при наличии защиты на коже, дервиши осознали, что они должны пойти на примирение. Они сняли свой неприличный наряд, к которому принадлежали и железные цепи, и их предводитель сказал: «Что касается нашего поведения, то только у татар есть для этого рынок, но не перед лицом шариата»⁷³. Очень похоже прозвучали слова Салиха Абдаллаха в воспоминаниях Ибн Таймия⁷⁴. Успех ханба-литов в этом деле можно было не в последнюю очередь приписать тогдашней политической ситуации. Салих Абдаллаха уважали у татар, а это, конечно, делало подозрительным его и его последователей в глазах мамлюк-ского режима, который уже десятилетиями боролся против них.

Такие фигуры, как Салих Абдаллах, встречались нередко. Только год или два назад выступал другой дервиш со своей свитой в Дамаске. Они постригли себе бородку, зато носили густые усы, и на них вообще было неприятно смотреть: на плечах лежит клюка, на голове шапка из фетра с рогами, на которых висят колокольчики; были они подпоясаны веревкой, на которую повесили кости рогатого скота, одеты в белый войлок и шкуру, окрашенную хной, верхние зубы выбиты. А перед ними вышагивал барабанщик. Другим дервишам в насмешку должно было служить это шествие.

Стрижка бороды — признак сильнейшего унижения в мире;

подлинных ученых, хранителей и толкователей закона божьего можно было узнать по их длинной бороде ⁷⁵. Ханафитский нотариус по прозвищу «лягушка», пользующийся дурной славой из-за своих остроумных пасквильных стихов, так настроил однажды против себя знатных персон из каравана паломников, что ему на скорую руку обрезали бороду и водили его повсюду, лишенного признака достоинства. Через несколько дней он скончался от этого оскорбления⁷⁶. Когда странствующие дервиши сбрасывали себе бороды, то все могли воспринимать это не только как акт самоунижения, но, пожалуй, думали также о бессовестном надругательстве над исламскими учеными и шариатом: предполагали, что они самоутверждались непристойными выступлениями и неприличной одеждой. Газан-хан однажды, как поговаривали, убедился в святости названного странствующего дервиша: он натравил на него хищную кошку, тигра, которого дервиш сразу использовал как ручное скаковое животное и, таким образом, «завоевал уважение Газана». В Дамаске он еще раз показал по приказу правителя свой фокус. Там была птица страус, которая причинила много вреда, но была такая сильная, что никто не отваживался подойти к ней близко.

Такого склада были люди, против которых выступал Ибн Таймия. Что было в них от шарлатанства, что от одержимости и что от восторженного экстаза, пере хода в область сверхчувственного растворения в истине единого Бога, — мы никогда не сможем узнать. Во всяком случае, об этих людях были высокого мнения; эмиры и ученые-правоведы имели, конечно, для этого различные причины. В сирийских и египетских источниках есть частые ссылки на меры, принимаемые против таких одержимых суфиев. Так, в начале ноября 1359 года в Дамаске был провозглашен указ султана, который предписывал дервишам одеваться по-мусульмански, а не как волшебникам, а также отказываться сбрасывать бороду, брови и усы. Если все же этот за прет нарушался, они лишались права находиться на территории империи мамлюков. Дамасский хронист полагает, что нужно было бы намного энергичнее преследовать тех пьяниц и наркоманов⁷⁷.

ВТОРАЯ КНИГА

СОБЫТИЯ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ

МАХАН

Из мускатной друзы пробивался аромат,
который скоро заполнил весь мир
Из глубокого моря судеб вышла жемчужина
и стала украшением короны и трона.
Из темной шахты появился на свет рубин,
который каждому кольцу давал лучи солнца.
«Тимур» — так назвало его провидение,
так как его тело должно было быть всегда железным.
Мать дала ему судьбу в качестве раба
и кормила его молоком разума.
Когда из колыбели он ступил на землю,
его темя уже коснулось высшей сферы...
Когда ему исполнилось двадцать лет,
его разум раскрыл ему суть вещей:
Страстно требовало теперь господствовать
его никогда более не утихающее желание¹.
Хатифи (ум. 1521)

КОНОКРАД

Зимой 1362-1363 гг. коменданту Хивы сообщили, что около шестидесяти рыскающих по стране всадников вместе с их сторонниками приближаются к его посту — правда, не с враждебными намерениями. Как только комендант узнал, кто были эти чужие, он сразу мобилизовал тысячу, так как предположил, что они владеют драгоценностями². С мужеством отчаяния сражались застигнутые врасплох со значительно превосходящими силами гарнизона форта. После ужасающей бойни они отступили, но пятьдесят лошадей у них еще осталось. Была быстро сформирована поисковая разведгруппа, которая гналась за чужаками; те ускользнули с большим трудом на юг в степь. Из них, кроме обоих предводителей с их женами, спаслись около десяти способных носить оружие мужчин, и из этих немногих трое считали

проигранным дело своих господ. Ночью, когда другие спали в изнеможении, они исчезли, лошадей они взяли с собой³.

Немного позже кучке блуждающих грозило новое несчастье. Они бежали к воде, а там наткнулись на клан туркменов, которые сразу обнажили мечи, чтобы отогнать непрошенных гостей. Один из обоих предводителей — это был Тимур — быстро спрятал свою жену в каком-то подземном амбаре⁴ для зерна и напал на готовых к бою туркменов. Но случилось так, что один из них узнал в нем своего старого соратника. Битва не состоялась: Тимура снабдили несколькими лошадьми, за которых он отдал драгоценный рубин и две соколиные шапки, унизанные жемчугом⁵. Знакомый с местностью туркмен проводил Тимура назад к его попутчикам, которые без него чувствовали себя в величайшей опасности. Лошадей, приобретенных при таких счастливых обстоятельствах, Тимур подарил эмиру Хусейну, другому предводителю, своему шурину. Наконец беглецы добрались до одного места, которое, казалось, было пригодно для продолжительного отдыха. Здесь они наткнулись, несмотря на обычную для зимы засуху, на достаточное количество воды, после того как немного покопали землю⁶. Однако надежда на покой не оправдалась. В степи ничто не происходит незамеченным. Али Бек, правитель на востоке Хорасана, получил сообщение от странствующих нищих. Он велел схватить Тимура и Хусейна и заключить в тюрьму в Махане, в местечке оазиса Мерв⁷.

И так как теперь перо, о котором говорится «засох его росчерк заранее предназначенного», в перечне дел того подлого преступника — Али Бека, изложило, что он когда-то должен будет подвергнут многократному наказанию и позорным образом уничтожен и что приносящая беду испорченность его деяний распространится также и на его свиту и погубит всех вместе в позоре и нищете, его злая судьба внушила ему призвать шестьдесят вооруженных всадников и напасть на эмира Хусейна и господина счастливых обстоятельств. Ничего не подозревающих схватили, потащили в Махан, заковали и заточили в темное подземелье, к ужасам которого добавились еще блохи в таком количестве, что напрасны были усилия справиться с ними голыми руками, Прежде чем найдена в ракушке жемчужина, достойная короля, она не может быть на зубце короны счастливого султана; и прежде чем сверкающий рубин не прорастет некоторое время в темнице горы, он не может достичь своей цели и находиться на поясе могущественного господина. Красная роза при-

*обретает свой живительный аромат в тесноте почки, приятно пахнущая ракушка, закрытая в друзе, приобретает свой резкий аромат*⁸.

У Али Бека было достаточно оснований смотреть на Хусейна и его людей с недоверием, так как Ху-сейн был внуком Казагана, уничтожившего однажды кровавого тирана Мавераннахра Газана и объединившего южную империю Чагатая под своим господством, которое он считал счастливым; сын Казагана Абдаллах, дядя Хусейна, добавил к этому наследству временно Хорезм⁹. В северо-восточных пограничных областях Хорасана — и естественно, также Хорезма — потомки Казагана не могли пользоваться хорошей репутацией; они, должно быть, пробудили воспоминания о нацеленных на юг экспансивных устремлениях Чагатаидов, от которых нужно было защищаться раз за разом почти столетие. Кого удивит нерадушный прием, который был уготован Хусейну и его сопровождающим в Хорезме и Махане?¹⁰

Правда, Мухаммед Бек, старший брат Али Бека, не одобрил подобное нарушение приличий и нравов. Из Туса он послал подарки для Хусейна и Тимура и настоятельно советовал освободить обоих. Неохотно открыл Али Бек подвал через двадцать шесть дней, но утаил подарки. Обоим эмирам он ясно дал почувствовать свое неуважение, предоставив им только тощую клячу и истощенного верблюда, «похожего на скелета, на горбу пыль от старости, зубы искрошены, родившийся, когда Ной призывал к вере, достигший преклонного возраста уже во времена всемирного потопа»¹¹. Великодушным показал себя, напротив, туркменский аристократ из Махана. Он снабдил жителей Мавераннахра всем необходимым, также хорошими лошадьми, которых Тимур сразу же снова отдал эмиру Хусейну¹².

Прежде всего оба попытались вернуться к себе на родину. Едва они достигли южного берега Окса, границы с улусом Чагатая, как Муидж-аддин Карт, князь Герата, передал требование явиться к нему. Оба долго не решались отдаться в руки человека, предки которого в начале четырнадцатого столетия уже дважды показали себя по отношению к могущественным соседям сговорчивыми и выдавали беженцев или убивали их¹³. В самой большой опасности находился эмир Хусейн. После преступления его дяди Абдаллаха, который посягнул на жизнь хана Байяна Кули¹⁴, род Казагана почти угас. Только три года прошло со времени тех событий¹⁵; жажда мести князей Мавераннахра еще не

улеглась. И прошло не более двенадцати лет, с тех пор как Казаган принудил именно этого Муидж-ад-дина к мало почетному миру. Правда, вскоре после этого Казаган спас гератцу жизнь, когда тот, следуя своим обязательствам, отправился с драгоценной данью в Мавераннахр и местные князья осаждали Казагана требованием не упускать благоприятного случая для устранения того иранца¹⁶. Они, по-видимому, не простили картиду, что он, не будучи монголом, не говоря уже о том, что он не был Чингиси-дом, взял себе титул султана. Казаган вовремя предупредил Муидж-ад-дина о нападении, и тот ускользнул. Но между тем политическая ситуация изменилась так, что Муидж-ад-дин предпочел бы отказаться от любого проявления благодарности внуку его спасителя.

Тимур решился, сначала один, без своей свиты, которую он оставил в Сараксе, поехать верхом в Герат. Убедился ли он там в прозрачных намерениях Му-идж-ад-дина? Во всяком случае, Хусейн скоро последовал за ним и был сразу же взят под стражу — правда, не слишком строгую. Как только хан Тоглук-Тимур, который тогда распространил свое господство до Окса, узнал о пребывании эмира Хусейна в Герате, он послал миссию, которая потребовала его выдачи. Муидж-ад-дин это требование не выполнил. Хусейн смог — знал ли это Муидж ад-дин? — освободиться и ускользнуть в область Кандагар. Хану Тоглук-Тимуру князь Герата велел солгать, что Хусейн умер в тюрьме¹⁷, Тимур, между тем, снова приехал на Оке. Свою жену, сестру эмира Хусейна, он доставил в надежное место, а сам предпринял смелый бросок через реку в Гузар, маленький городок в пятидесяти километрах к югу от мавераннахрской резиденции Карши. В той местности Тимур ориентировался лучше всего, там у него были друзья, на которых он мог рассчитывать¹⁸, и если все-таки правда, что он благодаря своим выдающимся гиппологическим знаниям попал на службу роду Казагана, а при эмире Хусейне возвысился до руководителя княжеского конного завода¹⁹, то он мог там их приобрести. Таким образом, в Гузаре Тимур нашел помощников; вместе с ними он погнал местные табуны лошадей на юг, привел их через Оке и затем сделал остановку (это было лето 1363 года) на некоторое время вблизи реки из-за большой жары²⁰.

Почему этот отважный налет принес ему славу конокрада, согласно всем источникам, которые ему посвящены? Когда он и эмир Хусейн были освобождены из темницы Али Бека, они должны были

подумать о том, куда им теперь отправиться, так как самым кратким путем идти в Мавераннахр, по положению вещей, по крайней мере, для Хусейна, нельзя было ни в коем случае. Тимур, напротив, как мы еще узнаем, уже давно был связан с Тоглук-Тимуром. Хотя Тимур своим браком породнился с внуком Казагана из народа караунас, этому противостояла принадлежность к роду Барлас, одному из самых уважаемых в улусе Чагатая.

Летом 1363 года, после того как Тимур угнал табун лошадей из Гузара в область южнее Окса, он добрался, спасаясь бегством от неизвестного вражеского войска, сначала до Самарканда, где надежно прятался шесть недель у своей старшей сестры, а потом должен был еще шесть недель оставаться в районе Кеша, прежде чем вернулся к Оксу. Все же это можно понять только в том случае, если он в Мавераннахре мог выступить и в иной роли, чем союзник или вовсе как сопровождающий Хусейна. Конечно, та первая поездка, в которой он приобрел лошадей, несомненно связана с намерением, о котором он уже в Махане договорился с эмиром Хусейном. Они хотели вместе идти в Кандагар, чтобы оттуда вернуть Балх, который в прошлом принадлежал роду Казагана. Для поездки на юг и следующего за нею набега через Гиндукуш на Балх те лошади должны были находиться в их распоряжении.

Эмир Хусейн надеялся в Кандагаре на активную поддержку одного тюмена*, дружественного ему эмира из кучки войск негудерьян. Они вышли из войск Негудера²², одного из военачальников, который получил приказ от Угедея напасть на Индию, и притесняли около 1300 различных пунктов Ирана. Негудер принадлежал к клану Джучи — неудивительно, таким образом, что в пограничной области, в которой пересекались исламские и чагатайские интересы, ему и его отряд все больше приходилось играть роль — до сих пор используемого — разрушителя спокойствия. На рубеже четырнадцатого столетия негудерьяне в Систане. С ними считались при караунасах, и, таким образом, становится ясным, что эмир Хусейн хотел соединиться с ними. Муидж-ад-дин, кажется, попытался расстроить план Хусейна, не превращая его в смертельного врага. Так как Хусейн должен был отвоевывать Балх, то он стал бы восточным соседом Картидов.

---

* Тюмен (темник) — владетель, выставлявший 10-тысячное войско (тému, тумен). — *Прим. ред*

Если мы правильно разгадываем соотношения сил и интриги, то у эмира Хусейна не было другого выбора, как решиться начинать заново с юга; в улусе Ча-гатая и в пограничных областях, в которых большое влияние имели мавераннахрские князья и эмиры, он не мог показаться, тем более Чингисиду Тог лук-Тимуру, который в нем мог видеть только недостойного человека из караунасов²³. Тимур был сопровождающим Хусейна, но он не принадлежал к роду Казагана, и поэтому, как показало будущее, поле его деятельности было больше; чем несчастнее выглядел Хусейн, тем сильнее становилось искушение предупредить его об отказе его сопровождать. Но еще было рано!

Тимур объявился наконец в Кандагаре у Хусейна. В близлежащем Систане за год до этого к власти пришел новый правитель²⁴; теперь, летом 1363 года, он все еще не занимал прочного положения. Тут его как раз устраивали бездействующие воины, расположившиеся лагерем под Кандагаром. Он завербовал их, обещал им хорошую оплату, и через несколько дней Хусейн, Тимур и их сторонники обезвредили своих врагов. Жалование, которое назначил правитель, он не намеревался выплачивать: осторожный, каким он был, он сумел заставить столкнуться лбами своих наемников после проделанной работы. Во время этой битвы одна стрела попала Тимуру в руку. Ранение оказалось тяжелым, было повреждено несколько нервных волокон, и он не мог больше свободно двигать рукой. Ему ничего другого не оставалось, как терпеливо выжидать в войсковом лагере тюмена, пока не зажила рана. Так был перечеркнут план, который они с эмиром Хусейном придумали. Хусейн один отправился в поход, который должен был уже не в первый раз помочь завладеть наследием его отцов, — и потерпел фиаско²⁵.

Между тем Тимур, ожидая выздоровления, роптал на судьбу. Как рассказывают, однажды сидел он в тени, прислонившись к стене, погруженный в тревожные размышления: «Так как я израсходовался зря и несмотря на все мои способности не достиг ни одной из своих целей, по-видимому, будет лучше перебраться для спасения скромно и нетребовательно из военной сутолоки в тихий уголок». Думая об этом, он заметил муравья, который полз по стене, и наблюдал, как он много раз падал на половине пути, прежде чем наконец все же добрался до верха. Тимур понял, что это также относится к нему; вопреки всем неудачам судьбы, он не имел права отказаться от надежды на власть и господство. Но воспоминание об этой ране, кажется, омрачило в

дальнейшем его жизнь; почти через сорок лет, перед Дамаском, он рассказал об этом ученому Ибн Хальдуну. Упорно держался слух, что в действительности он получил ранение, когда по необходимости должен был воровать скот²⁶.

НАЧАЛО ПУТИ. БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

Мог ли Тимур уже в 1363 году мечтать о власти и господстве? Пожалуй, нет, если под этим понимать то, что хронисты, которые позже писали под влиянием его захватывающих успехов, имели, без сомнения, в виду: господство на всей земле. Намного скромнее цели ставил перед собой тогда Тимур. Для него дело скорее было в самоутверждении, в сохранении сравнительно маленького района с лесистыми областями для содержания скота с несколькими оседлыми, которые гарантировали налогами некоторые средства на жизнь. Эмиры и их свита, конечно, смотрели на кочевых пастухов, зависимых от них, на своих «сподвижников»²⁷ или «мирное содружество» как на цель жизни, вокруг которой постоянно вращались их мысли, — конечно, не ради блага этих кочевников, а потому что так они представляли основу существования и власти аристократов. В мирные времена эмиры совершали странствования между летними и зимними пастбищами. Это соблюдал и Казаган, а на его сына обижались за то, что он захотел создать постоянную резиденцию в Самарканде. Во время войны, в том состоянии общества, когда статус князя должен, собственно, оправдываться, «сподвижники» служили в качестве войска и одновременно свиты. У оседлых в этой игре была роль только подчиненных. Они изготавливали товары, которые могли удовлетворить потребность князей и эмиров в роскоши, и владели чеканным благородным металлом. И то и другое стоило у них вырвать грубой силой.

Утвердиться как эмир рядом с другими — это одно, по-видимому, означало для Тимура власть и господство, когда он летом 1363 года под надзором упомянутого тюмена в местности Хилманд ждал выздоровления. В последние годы он, которому теперь исполнилось тридцать лет²⁸, уже дважды был близок к цели — добиться среди равных себе признания его эмиром, которого боятся и поэтому уважают. Но теперь, казалось, он выбрал в эмире Хусейне не того союзника. Вся хитрость, напористость пока еще не принесли ему

желаемого.

Неурядицы, которые свалились на южный улус Ча-гатая, когда Абдаллах в 1358 году убил марионеточного хана Байяна Кули²⁹, образовали фон первых известий о Тимуре. Движущей силой среди тех, кто кричал о мести Абдаллаху, был эмир Байян из рода Зюл-дус; эмир Хаджи Бек из рода Барлас поддерживал его. Вместе несли они ответственность за арест и казнь Абдаллаха и многих его сторонников. Эмир Байян претендовал после этого среди князей южного улуса Чагатая на тот же ранг, какой был до этого у Казага-на и Абдаллаха. Но ему не удалось добиться хотя бы скромного суверенитета для Мавераннахра. Уже одно его пьянство, которому он без помех предавался после удачного покушения на Абдаллаха, мешало ему в разумном царствовании. В течение короткого времени уважение к нему пало до такой степени, что его посланников, где бы их только ни увидели, били. Когда он наконец все же предпринял шаги против самовлюбленности и высокомерия некоторых эмиров, то еле нашел помощников. Затем он решил оставить все как есть, а сам отправился пока на юг³⁰. Здесь начинается период, который в источниках называется «периодом диадохов»: каждый мелкий князь со своим «мирным союзом» действовал на свой страх и риск³¹.

Так южный улус Чагатая оказался де-факто раздробленным на много частей; оказалось, партикуляризм эмиров наконец победил стремление к сплоченности, за которое были ханы, такие как Кебек, Тармаширин и Газан, и при других условиях также эмир Казаган и его сын Абдаллах. Самые важные лоскуты на пестром ковре, который теперь представляла политическая карта между Яксартом и Гиндукушем, можно хорошо определить. Северо-восточный форпост был у Баязида из рода Джалаириров. Его область лежала на выходе Ферганской долины, главным местом был город оазисов Ходжент³², расположенный на Яксарте, который недалеко от того места поворачивает на северо-запад. Местность вокруг Самарканда была в руках эмира Хизира. Его «мирными союзниками» были ясагурьяне; как говорит само имя, они — наследники приверженцев Ясагура, одного из особенно известных среди десяти сыновей чагатаевского хана Тувы³³. Ясагур соперничал со своим братом Кебеком из-за его ханства, сотрудничал с ильханами, но потом остался в проигрыше; в 1320 году казнен своим победоносным братом³⁴. Южнее примыкала область рода Барлас, которой правил Хаджи Бек. Она состояла из долины Кашкадарья, в восточной части которой,

прямым путем к югу от Самарканда, лежит город Шахрисабз³⁵, тогда как к западному выходу расположена воздвигнутая Кебеком резиденция Карши. Район Гузар, который предположительно является родиной Тимура, простирается вдоль притока, впадающего с юга в Кашкадарью.

Приблизительно с шестьдесят пятого градуса долготы к востоку и южнее Окса земли принадлежат также к улусу Чагатая. В области Андхой была родина эмира Тиленси. Он относился к роду арлатов. В Шибаргане, столице провинции Кузган, правил Хамид³⁶ Ходжа Апарди из найманов; он поддерживал тесные связи за пределами улуса, а именно с Сатил-мисом, правителем Кухистана, горной страны севернее Нишапура. Хамид и Сатилмис сумели поладить в своей вражде с Картидами Герата, которых они могли взять в клещи с запада и востока. Восточнее Шибаргана следует Балх, который эмир Хусейн, деверь Тимура и временный союзник, рассматривал как свое законное наследство, но которым после убийства Абдаллаха Байяном Зюлдусом завладел родственник последнего по имени Улсэй Бохе. Кроме этого, Казаган назвал своей собственностью большие области по другую сторону Окса, от Балха в северо-восточном направлении³⁷. Условием его военной мощи было между прочим то, что карауны имели влияние в различных местах до Систана.

Уже по этой причине остальные князья должны были смотреть на захват власти Казаганом с досадой; им приходилось ожидать, что он будет ущемлять их частные интересы. Остатки союзов Казагана достались его внуку Хусейну; с ними он, подобно получившему пинок, рыскал по Мавераннахру³⁸. Наконец, следует упомянуть еще мелких князей Бадахшана, а также к северу от них, снова по ту сторону Окса, полосу земли Далан, в которой господствовали с Кайхосровом и Олджайту еще два эмира из клана найманов Апарди³⁹.

Эмиры улуса Чагатая ввиду географических и политических условий оккупировали самый короткий и благоприятный путь из Средней Азии на Индийский субконтинент. Маршрут проходил от Самарканда через Кеш до горной цепи, называемой теперь Байсунтау, которая под Дербентом открывается узким проходом. Эти «железные ворота» и одноименная местность на западном берегу Каспийского моря считались самыми важными проходами к степным странам. Оттуда обычно ездили в Термез, город и крепость, которая владела переправой через Окс. Потом следовали или в долину Хульм или добирались через Кундуз до Саланг-пас и, таким образом до спуска в Кабул. Оттуда можно было добраться

через Пешавар к верхнему течению Инда; но была еще возможность пройти через Газни и Кандагар дальше на юг, прежде чем повернуть на восток.

Поэтому понятно, что в истории улуса Чагатая все снова и снова прослеживается тесная связь с теми южными районами, которые, конечно, никогда непосредственно к нему не причислялись. Выбрать путь на юг к западным выходам Гиндукуша было рискованно, так как там господствовал Герат, который большей частью был открыт для влияния ильханского Ирана. Идти по нему можно было только в случае крайней необходимости.

Анархия эмиров была результатом мести Байяна Зюлдуса (этого вряд ли можно было избежать), смыслом которого было искупление за убийство хана, то есть воплощение порядка, стоящего над эмирами. Именно этот порядок прекратил существование в южной части улуса Чагатай, так как Байян Зюлдус сам хотел править после убийства Абдаллаха, вместо того чтобы быть вторым после потомка Чагатая. На севере, по ту сторону Яксарта, был один хан, который происходил от Чагатая. Это был тот самый Тоглук-Тимур, внук Тувы, как и убитый в 1358 г. марионеточный хан юга Байян Кули. Он узнал о запутанных событиях на юге и, похоже, посчитал их благоприятной возможностью для вторжения. Разве теперь не было возможно снова объединить обе части, на которые около тридцати лет назад раскололся улус, но прежде всего восстановить легитимное (имеются в виду Чингисиды) господство? Конечно, оба региона в отношении культуры развивались по-разному. На юге со времен Тармаширина далеко шагнула вперед исламизация эмиров-кочевников. Название «Чагатай» все больше и больше касалось только юга; в сравнении с югом север был нецивилизованным; войска Тоглук-Тимура прозывались «бандитами». Область, откуда он был родом, называется в источниках Мо-голистан. Кажется, на севере господствующим языком был монгольский, на юге преобладал чагатай-тюркский.

Несмотря на разобщенность между севером и югом, Тоглук Тимур вообще не встретил сопротивления, когда зимой 1360-1361 гг. переправился со своим войском через Яксарт, чтобы предъявить свои притязания на ханство. Баязид из Джалаира, территория которого находилась ближе всего к Моголистану, подчинился сразу и предоставил себя и свои войска в распоряжение хана. Атаки, в основном, были направлены против Самарканда и Кеша, страны Хаджи

Барласа⁴¹. Хаджи Барлас, соучастник заговора Байяна Зюлдуса, сначала носился с мыслью, что он защищает свои владения, но потом посчитал гораздо умнее бежать в Хорасан. Тимур, связанный с ним далеким родством, сопровождал его. Это первое доказанное выступление Тимура на политической сцене, и оно показывает его как человека, который не боится действовать на свой страх и риск. Было бы безответственно отдавать родину врагам, которые опустошили бы страну и мучили население. Он убедил Хаджи Барласа в том, что будет лучше выступить навстречу хану и его сторонникам, чтобы защитить область. С этим Хаджи Барлас согласился, но продолжал скрываться ради своего спасения⁴². Так написано в летописях о Тимуре. Однако дальнейший ход событий показывает, что это обоснование измены Тимура Хаджи Барласу — ни о чем другом здесь речь не идет, — ошибочно. В том 1361 г. умер отец Тимура, о чем мы узнаем из другого источника⁴³. Для Тимура речь шла не о бескорыстном спасении страны Барласа, а о безопасности собственного наследства. Поэтому он покинул спасающегося бегством Барласа и после этого появился в Гузаре, в котором наткнулся на ясаурского эмира; тот стоял во главе авангарда «бандитского» войска. Тимур удалось найти отклик у эмиров врага и заставить их воздержаться от разграбления и разрушения края.

В ответ на это он признал главенство Тоглук-Тимура, а так как смог отмежеваться ловким образом от Хаджи Барласа с его недостойным поведением, которое можно было истолковать только как неповиновение потомку Чагатая, то в этот момент заложил он основу для взлета в ранг великих эмиров. Полководцам севера, которые хотели узнать, почему он покинул Хаджи-Барласа, Тимур ответил: «На основании наследования и приобретения империя принадлежит хану, и теперь империи воздается должное: верноподданному запрещается любое своеволие. По небесному закону и обычаям Чингисидов преклонение и послушание неизбежны. Всем, кто проявит строптивость, отказано в благодарности, которой они обязаны Богу»⁴⁴. На Хаджи Беке Барласе этими словами поставили клеймо врага хана и освященных обычаев, хотя его имя не произносилось. Монгольские эмиры, очевидно, были действительно довольны воззрениями Тимура. Они заставили его прийти к Тоглук Тимур, который передал ему Кеш как значительное ленное поместье, освобожденное от налога, хотя Кеш с давних времен был землей рода эмиров Барласа⁴⁵. Это было первое предательство Тимура, насколько нам известно.

Вскоре хан вернулся к себе на родину по ту сторону Яксарта. Охрану границ южной части улуса Ча-гатая он передал эмиру Хизиру, предводителю самаркандских ясаурьян, и Тимуру, который собрал кочевников между Оксом и Самаркандом и подчинился с ними Хизиру. В это время — это была весна 1361 г. — завязываются связи Тимура и эмира Хусейна. Байян Зюлдус, пьяница, избежал встречи с войском Хусейна и ускользнул в Балх. Помнится, что та местность, по крайней мере, со времен резни потомков и последователей Казагана, была в руках Зюлдуса. Эмир Хусейн в то время уже все подготовил, чтобы из Кабула двинуться на родину своего отца. Эмиры, которые подчинились хану, — Хизир Ясаур, Тимур и Баязид из рода Джалаиридов — могли стать в этих планах его союзниками, так не должен ли был стать их врагом Байян Зюлдус, пренебрегавший Чингисидом Тоглук-Тимуром?

В действительности они оценили обращения Хусейна о помощи как благоприятные. Нужно, конечно, подумать и о трудностях: как воспринял бы хан известие о том, что эмиры, которым он так сильно доверял, имели общее дело с человеком, дедушка и внуки которого замарали свои руки кровью Чингисидов? Чтобы избежать возможного подозрения, Баязида послали к Тоглук-Тимуру. Тот уже, конечно, уехал в свою страну, так что дальнейшие дипломатические шаги для сохранения самовольного союза считали бесполезными. Между тем Байяна Зюлдуса выгнали из Балха, и он бежал, преследуемый Тимуром и Хизиром, в Бадахшан. Эмир Хусейн мог завладеть своим наследством.

Этим, очевидно, было все отрегулировано для удовлетворения коалиции. По крайней мере, для видимости правил хан из рода Чагатаев — унаследованный порядок был восстановлен. Хизир и Тимур вернулись к себе на родину, чтобы спокойно наслаждаться приобретенным. Пятнадцать дней шли от Бадахшана до Кеша. Тимур опередил своего соратника Хизира, прошел это расстояние за четыре дня, показав впервые быстроту своих операций, которой позже навел на всех грозу, но которая на этот раз была предпринята с мирной целью. Хизир и ясаурьяне двигались в Самарканд через Кеш. Великому эмиру положено было чествовать на родной земле себе равного роскошным пиром, тем более после победы .

Тимур велел спешиться в Улуг-Майдане, который принадлежал летним пастбищам Кеша, и приказал приготовить пир. Теперь, когда эмир Хизир подошел, господин счастливых обстоятельств Тимур повиновался

слову Пророка, гласившему: «засвидетельствуйте гостю свое великодушие!», встретил эмира и исполнил совершенно все, что можно было сделать для чествования и глубокого уважения гостя. Рабы господина счастливых обстоятельств все приготовили для пира, создали все возможности для ликования и радости.

*Благородная сидела за столом компания;
было все подготовлено для наслаждения.
Они ели, поднимали кубки для веселого настроения,
которого были долго лишены⁴⁷.*

Опьянение прошло. Мирный порядок устанавливается всегда в тот момент, когда его добились. Но затем будни разрывают прекрасные грезы, которые считали действительностью во время краткого пресыщения. Скорее всего можно было, пожалуй, забыть, что Хусейн не без помощи продержался в борьбе против Зюлдусов, которые не давали себя разбить. Снова поддержали его объединенные эмиры. Намного неприятнее, должно быть, было для Тимура возвращение Хаджи Барласа из Хорасана. Так как хан отходил через Яксарт, он сразу же временно отменил порядок, который установил. У Хаджи Барласа уже давно были неотложные дела. Он встретился с Баязидом из рода Джалаириров, уговорил его начать войну с ясагурьянами, и в конце концов установился союз трех верных хану эмиров. Кеш был отдан Тимуру в качестве ленного поместья, но теперь это распоряжение хана не стоило больше ломаного гроша, так как наследственный владелец вернулся на свою землю.

Теперь Хаджи Барлас, а не Тимур, стягивает войска в Кеш. Тимур вынужден это терпеть, он отступает и присоединяется к ясагурьянам. Однако, когда все больше воинов, которых он привел с собой, переходит к Хаджи Барласу, Тимур понимает, что его мечты об эмирате стали еще более далеки от их исполнения. Без полезных в военном отношении сторонников он скоро должен стать для Хаджи обузой. Таким образом, он пришел навстречу тому, чего должен был бояться в ближайшем будущем. Он бросает эмира Хизира на произвол судьбы, прежде чем тот сам бы избавился от него, и снова покоряется с давних пор отведенному ему положению дальнего родственника и подчиненного Хаджи Барласа. Барлас назначает его в боях против Хизира предводителем авангарда. Ясагурьяне проиграли решающую битву и обратились в бегство. Благодаря этому Хаджи-Бек

и Баязид Джалаир получают власть в южном улусе Чагатай; господство Тоглук-Тимура превратилось в ничто. Тимур способствовал удаче этого мероприятия, которое перечеркнуло все его прекрасные планы, потому что он не видел другого выхода⁴⁸.

Скрытое господство провидения, которое заключено в делах божественного предназначения и мудрость которою непонятна человеческому разуму и не подсудна ему, затуманило в это время пронизательную способность эмира Баязида быть признательным, и в полном счастья одиночестве однажды в его голову прыгали абсурдные мысли, и он замыслил предательство господина счастливых обстоятельств. Но так как блестящая пронизательность этого господина постоянно заслуживала доверия света данного Богом вдохновения, он в общительном кругу усмотрел своим острым взглядом тот коварный, ничтожный план и под предлогом, что страдает носовым кровотечением, схватился предусмотрительно за свой нос, вышел из палатки, немедленно сел на коня и поскакал в степь, обвешанный колчанами, рассчитывая на помощь одного короля и судьбы — Бога⁴⁹.

После этого случая Баязид вернулся в Ходжент. Тимур, между тем, под Термезом победил в нескольких стычках апарди, как известно, по поручению Хаджи Барласа. Уже в апреле 1361 года Тоглук-Тимур переправился снова через Яксарт и отправился на юг. Ситуация развивалась там не так, как он хотел. Снова Баязид Джалаир выдавал себя за его сторонника. Под Самаркандом хану подчинился даже вернувшийся Бай-ян Зюлдус. Даже Хаджи Барлас, после того как посовещался со своими эмирами, посчитал на этот раз, что разумнее появиться перед Тоглук-Тимуром, но потом отказался от этого плана, когда до его ушей дошло, что хан убил предателя Баязида. Тимур тоже не мог предстать с чистой совестью перед Тоглук-Тимуром. Но он сумел оценить опасность и возможную выгоду и рассчитать вероятные последствия дальнейшей верности Хаджи Барласу. Кроме того, он смог представить предательство Хаджи Барласу как преданность Чинги-сидам, как поступок, определяемый уважением к Ясе. Он пошел на риск объявиться у хана по настоящему желанию того. Он нашел заступника, и, таким образом, ему во второй раз в течение нескольких месяцев была передана область вокруг Кеша. Он мог теперь рассчитывать на спокойное владение, так как Хаджи Барлас был убит во время бегства под

Нишапуром ⁵⁰.

Тоглук-Тимур задумал остаться на продолжительное время южнее Яксарта и все основательно урегулировать. Зима 1361-1362 гг. ознаменовалась удачным походом против эмира Хусейна, которому снова пришлось спасаться бегством. Весну и лето хан провел в области Кундуз; осенью мы находим его в Самарканде. Теперь в его руках был весь юг улуса Чагатая. Прежде чем вернуться в свою область севернее Яксарта, он, наученный последними инцидентами, хотел полностью заплатить долги. Многих, которые казались ему ненадежными, он велел казнить, среди них Байяна Зюлдуса. Перед отъездом хан назначил своего сына Ильяса Ходжу главным наместником и подчинил ему некоторые монгольские войска, находившиеся под командованием некоего Бекечика.

Тимур принадлежал к окружению Ильяса Ходжи. Тому не хватало авторитета отца, и он сделал целиком ставку на руководимые Бекечиком монгольские войска. Бекечик оказался настоящим тираном, и Тимур не мог рядом с ним ожидать чего-нибудь хорошего. Он решил разыскать блуждающего по стране эмира Хусейна, чтобы объединиться с ним ⁵¹. Ввиду измены эмиров южного улуса хану после его первого наступления у него были все основания для недоверия и осторожности по отношению к тем жителям Мавераннахра, которые теперь во второй раз были предоставлены в его распоряжение. И Тимур, родственник Хаджи Барласа, очевидно, боялся, что он рано или поздно должен будет разделить судьбу Баязида Джалаира. Этот страх заставил его предпринять шаги: отказаться от всего, что он приобрел после проявления лояльности по отношению к хану, и спасаться у Хусейна, который бродил с маленьким отрядом сторонников.

Но почему именно у Хусейна? Действительно ли отец Тимура был в услужении княжеского рода ка-раунасов? Это может быть. Но прежде всего следует помнить, что Тимур уже дважды предоставлял себя в распоряжение хана из Моголистана, чтобы позабавиться над Хаджи-Бекем, главой Барласа, что было чем угодно, только не оскорблением южно-чагатайского княжеского рода, который как раз только что сбросил господство султанов караунаса. У Тимура не оставалось другого выбора, кроме эмира Хусейна: по положению вещей, оба были нежелательными персонами в стране по ту сторону Окса: Хусейн — потому что как внук Казагана воплощал политическую программу, против которой были князья; Тимур — потому что так

блестяще сумел связать свои взгляды на легитимность со стремлением к личной выгоде. Объединенные необходимостью, — но, пожалуй, только необходимостью, — они претерпели глубочайшее унижение в своей жизни: позорное поражение под Хивой, унижительное тюремное заключение в Махане. И при всем этом Тимур сохранял надлежащую ему роль посольного, но честолюбие заставляло его стремиться к независимости; это уже доказала совместная игра с Тоглук-Тимуром. Карты в борьбе за власть были снова перетасованы в южном улусе Чагатая; Ильяс Ходжа, наместник с севера, дискредитировал себя, а Баязида из рода Джалаиридов, Байяна Зюлдуса и Хаджи-Бека Барласа — троих выдающихся князей юга — уже не было в живых. Если Хусейн мог вспоминать времена Казагана и воображать, что посольный Тимур предан ему, то тот рисовал себе уже, хотя неопределенно в своем положении, другое будущее.

РЕСТАВРАЦИЯ СУЛТАНАТА?

Едва остались позади унижения, как в руку Тимура попала стрела. Не имея возможности действовать, он должен был наблюдать, как эмир Хусейн собирался завоевать наследство отцов и отправился без него на север. Как только Тимур почувствовал себя немного окрепшим, то вмешался в происходящее. Он велел передать послание Хусейну, который двинулся через Газни и Кабул в страну Баглан, южнее Кундуза, что следует за ним. По пути к маленькому отряду Тимура присоединились несколько всадников, которые слышали о том, что эмир Хусейн собирал воинов в Баглане, чтобы бросить вызов наместникам «бандитов» в Ма-вераннахре. Когда Тимур встретился с Хусейном, тот уже собрал войско в несколько сотен воинов на лошадях и пеших. Весть отсюда дошла также до Ильяса и Бекечика; они решили устранить опасность как можно быстрее и выступили с войском на юг.

Тимур и Хусейн еще не могли сейчас предстать перед этим врагом, победа над которым требовала всех их усилий. Эмиры из Андхоя и Балха (последний из рода Зюлдусов) стояли у них на пути, и нужно было сначала победить их. Но потом повернули на север. Тимур берет на себя авангард, переправляется под Термезом через Окс — и чуть не погибает; незамеченный разведчиками, появляется враг и захватывает лагерь Тимура на северном берегу реки. Ринувшись сломя голову из палаток, воины прыгают на свои челны и плывут назад к

спасительному южному берегу. Еще месяц после этого стояли противники на Оксе. Война зашла в тупик, ни одна из обеих сторон не отваживается атаковать. Наконец Тимур велит сжечь челны и отходит в долину Хульма, где эмир Хусейн ожидает конца кампании.

Итак, через Термез нельзя проникнуть в Маверан-нахр, поэтому нужно попытаться сделать это с востока. Князей Бадахшана можно склонить к мирному соглашению. Теперь на востоке был тыл, после того как победа над эмирами Анджия и Балха принесла некоторую безопасность на западе. Хусейн и Тимур спокойно входят в Хотталан, по ту сторону Окса, и разбивают там свой лагерь. Всего они могут призвать шесть тысяч человек; вооруженные силы «бандитов» составляют, понаслышке, двадцать тысяч, и они, должно быть, уже совсем близко. Эмир Хусейн поручает Тимуру набег с целью разведки. Тимур вскоре после этого обнаруживает врагов по ту сторону реки, через которую ведет мост. Сможет ли он удержать мост только с двумя тысячами людей, которых Хусейн ему доверил? Целый день продолжаются ожесточенные бои. Когда наконец наступает ночь, Тимур прибегает к хитрости. На мосту он оставляет только четверть своих воинов, так как ночью битва затихает. С полутора тысячами всадников он переплывает в другом месте реку и карабкается на цепь гор на вражеском берегу. На следующее утро лазутчики монголов сообщают, что они нашли многочисленные свежие следы подков, очевидно, Хусейн и Тимур делали попытку обходного маневра. Между тем Тимур занимает названную цепь гор и приказывает зажечь там многочисленные огни. Монголы пугаются, они охвачены паникой, разлетаются в разные стороны. Теперь воины Тимура спускаются с гор, гонятся за врагами и убивают тех, кого догнали⁵².

Местечко, в котором севернее Термеза есть доступ к Кешу, называется Каладжа ⁵³. Туда отправил эмир Хусейн после той знаменательной победы своего соратника. Как только Тимур добрался до Каладжи, к войскам устремилось много добровольцев из его родного края. Его целью было выгнать из Кеша монгольского коменданта. Так как Ильяс Ходжа, главный монгольский наместник, со своим войском находился только в четырех парасангах от этого города, штурм был бы, конечно, связан с большим риском. Тимур снова прибег к хитрости. Всем двумстам конникам, разделенным на четыре эскадрона, приказал он двигаться вперед. Каждый конник должен был укрепить по бокам лошади громадный узел, чтобы он волочился по земле и поднял гигантские

облака пыли. Монгольский гарнизон Кеша ошибочно полагал, что четыре мощные войсковые колонны развивают неожиданное наступление. Вместо того чтобы подготовиться все к обороне, оккупанты стали искать свое спасение в бегстве⁵⁴.

Наконец эмир Хусейн прибыл в Гузар, где Тимур успешно форсировал расширение своих собственных вооруженных сил, так как оказалось, что предстояла великая битва с Ильясом Ходжей. В этой требующей решения ситуации было целесообразно также застраховаться действенной поддержкой из области сокровенного. Гузар, как, пожалуй, любое место в тогдашнем исламском мире, имел своего святого: это Ходжа Размаз⁵⁵, могилу которого разыскивали оба, Хусейн и Тимур. Они вымаливали благословение у покоящегося там и давали клятву друг другу в нерушимой дружбе и верности.

Посланник Бога говорит: «Хороший сон — одна из 46 частей пророчества!»⁵⁶ Как только вечная воля благодаря всезнающей мудрой заботе всевышнего и святого создателя помечает локон на лбу справедливого богопочитания счастливого знаком избранности и характеризует триумфальную фигуру словами в роскошном обрамлении: «Тебя мы сделали нашим наместником на земле»⁵⁷, полирует также его блестящий разум платком присвоенного успеха и освещает его яркой пронизательностью; и в нем отражается облик закрытой девы сокровенного, а скрытые девы закрытых событий, прежде чем они произойдут, поднимают завесу многозначности перед его предвидящим глазом. Одно из окон в мир сокровенного, через который человеческий ум может узнать заранее будущие события, это сновидение, как свидетельствует вышеупомянутое благословенное слово Пророка. Через это окно за много лет до того, как это стало действительностью, Иосиф наблюдал, как ему подчинялись его братья и родители... И завоевание Мекки... явилось тем же образом подобно картине перед восприимчивым к откровениям разумом султана всех пророков⁵⁸. Такие чудеса выпадают также великим ханам и королям ради государевых интересов и задач, так как они унаследовали господство над миром образов. Подобное случилось и с господином счастливых обстоятельств, так как теперь, когда нужно было выдержать такую страшную битву, приходилось выступать с очень маленьким по сравнению с вражеским войском. Однажды Тимур в полдень был погружен в раздумья. При этом он задремал и услышал ясно голос, произнесший четко: «Будь мужественным и беззаботным, так как Бог дарует вам победу!» И когда он

пробудился ото сна, чтобы развеять сомнения, спросил сопровождающих: «Кто-нибудь произнес здесь слово?» — «Нет», — ответили все. Теперь он удостоверился, что тот голос донесся к нему из сокрытого, и тот свежий ветерок благоухающего радостного послания дул с поляны роз божьей милости. Его вера в помощь Бога укреплялась. С укрепившимся мужеством и в хорошем настроении он предстал перед эмиром и рассказал, что произошло. Когда все услышали радостную весть, они, все больше и больше ликовали и торжествовали. Если до этого у предводителей и их последователей сердца были закрыты, как бутоны, то теперь, после этой вести, они раскрылись, как расцветают цветы при дыхании утра⁵⁹.

Тоглук-Тимур, хан северного улуса Чагатая, незадолго до этого умер; его сыну Ильясу Ходже пришлось вернуться через Яксарт, чтобы вступить на трон своего отца⁶⁰. Ильяс еще находился в войске «бандитов», лагерь которого был под Кешем, но известие о кончине хана вызвало среди монголов нерешительность, так что они не располагали необходимой силой воли, чтобы выступить против врагов. Во всяком случае враги одержали блестящую победу. Ильяс и несколько его эмиров, среди них и мавераннахрские, которые, в противоположность Тимуру, остались верны присяге, попали в плен. Однако «намечавшийся» правитель был снова освобожден. В обоснование этого говорилось, что натура тюрков удерживает их от того, чтобы не уважать хана⁶¹. Тимур преследовал монголов через Яксарт до Ташкента. Только потом вернулся он назад и вскоре после этого, впервые с тех пор как покинул область Хилманд, увидел снова свою жену, сестру эмира Ху-сейна⁶². Самарканд был назначен местом проведения княжеского дня, на котором хотели решить, как теперь нужно управлять страной между Оксом и Яксартом.

Так как господство хана северного улуса на юге окончилось, чистого эмирата не должно было быть. Это нарушало все традиции. Созвали всех князей юга, родословная которых восходила к Чагатаю, и обсуждали, кого нужно посадить на ханский трон южного улуса. Выбор пал на некоего Кабулшаха, которого почитали как святого дервиша и стихи которого еще в начале пятнадцатого столетия пользовались большой любовью⁶³. Этот Кабулшах, которому сначала нужно было сбросить платье суфия, прежде чем его можно было посадить на трон⁶⁴, не был, конечно, человеком, могущим каким-то образом дать отпор эмиру Хусейну, который совершенно очевидно желал для себя роль его дяди и

деда и претендовал на власть в Ма-вераннахре. Напрасно Кабулшах снова и снова предостерегал эмира от высокомерия и произвола. Отношения между ними назвать хорошими было нельзя. Насколько эти замечания источников заслуживают нашего доверия, трудно сказать. Они могут иметь цель подготовить читателя к предстоящему описанию поединка между Хусейном и Тимуром и способствовать хорошему впечатлению в пользу последнего. Фактом является, конечно, то, что Хусейн дал избранному им хану регентство, длившееся только четырнадцать месяцев, а потом, следуя дурному примеру своего дяди Абдаллаха, убрал с дороги⁶⁵.

КОНЕЦ ЭМИРА ХУСЕЙНА

Мир, который установился после самаркандского дня князя в Мавераннахре и позволил всем родам провести зиму 1364-1365 гг. на их родных угодьях⁶⁶, держался только на улаживании интересов эмиров. Хусейн, более того, хотел обеспечить себе власть по давно известному, но тем не менее непригодному образцу, приказывая убивать тех мавераннахрских вождей, которые дружили в 1364 году с Ильясом Ходжей, поскольку он мог их схватить. Более того, он повздорил с Тимуром, который хотел освободить некоторых пленных, так как они были связаны дружбой с его отцом. Хусейн сначала будто бы согласился с этим, но освобождение не состоялось. Все были убиты, не без последующего одобрения или даже помощи Хусейна⁶⁷. Так пала тень на отношения между Тимуром и Хусейном. Снова могло закрасться подозрение у Тимура, что и вокруг его шеи скоро затянется петля. У эмира Хусейна не могло поблекнуть воспоминание о выгоде, которую извлек из отношения к северному хану его последователь.

1365 год, год змеи, принес неблагоприятное расположение Юпитера и Сатурна, которого уже давно все боялись — небесное событие, с ужасом ожидавшееся на исламском западе⁶⁸. И действительно: несчастье объявилось, так как монголы не желали давать покоя. Тревожные известия, поступавшие весной с севера, Тимур отправлял дальше Хусейну, который приказал ему переправиться через Яксарт и двинуться в Ташкент. Сам Хусейн следовал со своими вооруженными силами на некотором расстоянии. Когда выстроились для битвы, стало ясно, что на этот раз мавераннахр-цы превосходят числом. Полные уверенности в успехе, они ожидали битву. Вдруг, когда уже готовы были

ее начать, разразилась страшная гроза; гремел гром и сверкала молния, дождь лил как из ведра. Монголы, которые ввиду превосходства мавераннахрцев выжидали и еще не начали битву, укутали в войлочные накидки военное снаряжение и оставались в укрытии. Они оберегали свое оружие от сырости. Нападающим такая возможность не представилась. Они были застигнуты врасплох этими ливневыми водопадами, обувь и одежда полностью пропитались водой, стали тяжелыми и жесткими. Местность мгновенно превратилась в глубокую трясику, лошади лишь с большим трудом продвигались вперед. Луки теряли свою упругость, становились расслабленными, «как дрожащие парализованные», перья стрел и острия стали мягкими. Вместо того чтобы отойти, войска Хусейна и Тимура продолжали атаковать с бесполезным героизмом. Когда они приблизились к монголам, те отбросили в сторону войлочные накидки и смогли со своими отдохнувшими лошадьми и боеспособным оружием начать битву.

В этих обстоятельствах было чудом, что монголы, которые пользовались в крайне бедственном положении волшебным средством, дождевым камнем⁶⁹, не тотчас же одержали победу. Первый день битвы, кажется, ничего не решил. Только на следующее утро все окончилось для мавераннахрцев поражением. Уже за несколько дней до этого между Хусейном и Тимуром был сильный спор из-за тактики в этом неожиданном повороте дела; Хусейн в своей ярости даже велел поколотить пешего посыльного Тимура. Когда теперь «бандиты» собрались для продуманной контратаки, Хусейн занервничал и бежал, советуя Тимуру сделать то же самое. Тимур попытался немного позже под Самаркандом построить линию обороны, но это не удалось и, таким образом, ему пришлось спастись еще раз бегством из страны севернее Окса. С остатками своего войска он добрался до Балха. Там они отдыхали, набирались новых сил, вероятно, удивляясь тому, что монголы не гонятся за ними. В конце 1365 года Тимур узнал, что в стране между Оксом и Яксартom бесчинствуют уже только единичные войсковые группы «бандитов»; главные силы монголов отказались от борьбы; под Самаркандом их лошади стали жертвами эпидемии⁷⁰. Тимур и Хусейн возвратились каждый на свою родину и оставались там на всю зиму, чтобы весной 1366 года вернуть себе Самарканд, где со времен монгольского разгрома преобладала самооборона горожан⁷¹.

Поражение, вошедшее в анналы как «илистая война», и его последствия окончательно расстроили отношения между эмиром

Хусейном и его последователем Тимуром. Во время битвы за Самарканд оба работали еще рука об руку; и Тимур еще поддерживал его вскоре после того, как Хусейн хотел взять в жены дочь правителя Хорезма и должен был собрать соответствующий выкуп за невесту. От эмиров, которые были тесно связаны с Тимуром, Хусейн потребовал значительные суммы; они роптали, но наконец смирились, так как требования Хусейна, пожалуй, не выходили за рамки обычного. Только количество этих требований вызывало их недовольство, их посчитали признаком жадности. Несмотря ни на что Тимур и сейчас еще не видел причины, чтобы порвать с Хусейном. Он выручил собственными средствами неплатежеспособных или недовольных эмиров и даже не побоялся вручить Хусейну украшения своей жены, сестры Хусейна⁷². После этого Тимур отошел на территорию Кеша, власть Тимура над которой Хусейн подтвердил ему только после настоятельной просьбы. Без сомнения, в те дни Тимур еще признавал в Хусейне законного властителя Мавераннахра, господство которого было узаконено возведением на престол Кабулшаха и который поэтому по праву ожидал повиновения. Но, вероятно, после урегулирования своих дел в злобе он ушел от Хусейна, чтобы навестить свой родной край.

В окружении Хусейна, который хотел, породнившись с султаном Хорезма, подтвердить ранг правителя, равного султану, возвысившемуся над эмирами, нельзя было хорошо говорить о Тимуре. Раздумывали о том, как можно было бы устранить его посредством интриги. Поддельное письмо, в котором шла речь о действиях Тимура, указывающих на государственную измену, попало в Самарканде хану и Хусейну в руки. Когда Тимур услышал об этих уловках своих противников, он сразу же поскакал туда, чтобы доказать свою невиновность. Эмиры, которые затеяли заговор, спасались спешно бегством в Ход-жент. После этого коварства у Тимура созрело решение поднять мятеж против Хусейна, человека, который окружил себя доносчиками и интриганами⁷³. В своем осуждении Хусейна Тимур был не одинок, может быть, даже не он замыслил заговор. Поддержку он нашел к тому же у ясаурия, которые, помнится, уже однажды стояли на той же стороне, что и он⁷⁴. К этому напряженному времени относится также смерть Улджей Тюркен Аджас, жены Тимура. Хусейн сознавал, что его бывший зять в дальнейшем не будет больше считаться с семейными связями⁷⁵.

Осенью 1366 года⁷⁶, года лошади, ситуация обостряется. Война между

эмиром Хусейном и мятежниками, представителем которых теперь, по-видимому, является Тимур, кажется неизбежной. Однако Хусейн хочет избежать войны и несколько раз предлагает переговоры. Тимур наконец дает согласие. Его войско остается в Гузаре; только триста конников сопровождают его, из которых двести должны ждать на некотором расстоянии от условленного места встречи. Тимур не замечает, что его заманивают в ловушку. Попытка предупредить его заканчивается крахом. Только точное знание местности помогает ему не попасть в руки врагов⁷⁷. Но его войско рассеивается в разные стороны после такого неудачного поворота дел. Снова он стоит перед провалом. С трудом ему удается пробиться от Гузара на Карши, где он оставил своих родственников. Тимур не видит иного выхода, как отправиться с ними в Махан, где они надеются переждать в безопасности ближайшие события у того тюркского бека, который несколько лет назад помог ему в беде⁷⁸. В дальнейшем Тимуру удастся смелостью и хитростью уберечь себя и свой маленький отряд, к которому присоединились несколько боевых товарищей, от грядущей гибели и подготовить новое предприятие. Как только он переправился через Оке, то посылает по одному посланнику к Муидж-ад-дину, правителю Герата, и к Мухаммеду Бегу, по ходатайству которого Тимур когда-то был освобожден из заточения⁷⁹. Два с половиной месяца живет он в палатке южнее Окса: ни от одного из двоих нет ответа. Купцов, которые едут в Мавераннахр, он заставляет поверить, что уже служит Муидж-ад-Дину. У клеветников Тимура это целенаправленное ложное сообщение вызывает желаемый эффект. Им становится жутко. Их предводители освобождают крепость Карши, чтобы в случае внезапного нападения Тимура не попасть в тяжелое положение. На самом же деле Тимур всего с 243 воинами переправился через Окс. На некотором расстоянии от Карши они сделали остановку. Ночью Тимур производит разведку, как можно захватить крепость, в которой еще находится слабый гарнизон. Он переходит вброд городской ров, находит главный вход засыпанным землей. На башне он определяет, наконец, возможность проникнуть в крепость. Тимур поворачивает обратно, ведет по грязи свой отряд, показывает ему место, где следует установить лестницы, с сотней воинов захватывает снаружи ворота. Захватчики находят пьяных стражников крепко спящими; они их убивают. Топором разбивают снаружи ворота, освобождают вход. Громкий крик радости из-за удавшегося нападения будит жителей⁸⁰. Тимур вернулся.

Ликование было преждевременным. Эмир Муса из рода

Тайжиджутов, вражеский комендант, в источниках описываемый как злейший противник Тимура, сразу же увидел слабость его положения. Тимур сидел в крепости как в ловушке. Должен ли он отважиться атаковать противника, который сомкнул осадное кольцо вокруг крепости? Саиф-ад-дин, старый соратник, предостерегал: в данный момент звезды очень неблагоприятны. И опрос песка тоже принес результат, который предвещает беду. На следующее утро не было времени заглянуть через окно предсказаний в мир сокрытого. Некоторые из рубак на стороне Тимура не желали связывать себе руки и решились на прорыв; он оказался успешным, и разгорелась вскоре перед крепостью кровавая битва. Она окончилась победой Тимура. Осаждающие бежали, среди них эмир Муса и его гарем, защищаемый другим эмиром. Тимур крикнул ему, что он его пощадит, только чтобы тот немедленно оставил женщин; эмир сразу же послушался, радуясь, что он легко отделался. Тимур гнался за продолжающими убегать женщинами. С ними был слуга, который натянул лук и прицелился, когда преследователь приблизился. Тимур сразу же остановился — его пронзила мысль, что было бы большим позором получить ранение во время погони за женщинами и добычей. Другие его сторонники торопились, но не смогли догнать убежавших. Таким образом, жена эмира Мусы, дочь Баязи-да из рода Джелаиров, которая была беременна, не была опозорена — и это знак провидения (пишет хронист), так как именно той Арзу Малик Адже было предназначено позже стать одной из жен Тимура⁸¹.

Зиму Тимур проводит в Карши. Ясавурьяне продолжают оставаться на его стороне, хотя на них не всегда можно полностью полагаться. Одному из своих предводителей, эмиру Махмудшаху, он отдает во владение Бухару. Нужно же наконец взыскивать деньги для войн будущего года. Все отчетливее проявляется преимущество того, что с Маханом за пределами Мавераннахра приобретается святилище, так как удача в битвах вещь капризная. Часто кажется, что Тимур не может все же отстоять себя в борьбе с эмиром Хусейном и его сторонниками. Ясавурьян выгоняют из Бухары, и они убегают в Махан. В этой запутанной ситуации Муидж-ад-дин предлагает заключить союз. Стрелка весов могла бы однозначно склониться в пользу Тимура, если бы он действовал. Но он вспоминает, что Картиды уже слишком часто совершали предательство по отношению к своим союзникам. Все же он решает послать в Герат своего сына Джахангира

вместе с Мубаракшахом Санджари, верным туркменским другом. Он сам, на этот раз с шестьюстами воинами, — в который раз? — отправляется из Хорасана в Карши, побеждает там своих врагов, добивается успеха в бою под Самаркандом, в конце все же снова терпит поражение и вынужден бежать через Яксарт в Ташкент, к «бандитам», так как возвращение на юг невозможно.

Там он наталкивается на нескольких мавераннахрских эмиров, которые однажды выступали против него, когда он был сторонником Хусейна в войне против главного наместника Ильяса Ходжи. Они, правда, принадлежали к группе заговорщиков, с которыми Тимур был снизан до сногого разрыва с Хусейном⁸².

Отчужденность между северным и южным улусом Чагатая давно стала непреодолима. Попытка объединения обеих частей под правлением одного хана, предпринятая Тоглук-Тимуром, потерпела неудачу. Это подтверждают следующие события. Тоглук-Тимур и его наследник смогли привлечь мавераннахрских союзников для восстановления порядка, учрежденного Чингисханом. Но положение, в котором находились эти эмиры, было двусмысленным. Более того, становится понятным, что бесконечные войны эмиров Мавераннахра, конечно, начинались из-за необузданного честолюбия некоторых из них, что именно это честолюбие проложило себе дорогу подобным разрушительным образом, так как больше не было обязательного порядка, в рамках которого оно могло бы стать плодотворным.

Кайхосров Хутталани, один из эмиров, отправившихся с Ильясом на север, праздновал прибытие Тимура, его бывшего противника. Тоглук-Тимур отдал в жены Кайхосрову дочь племянника, и от этого брачного союза родилась девочка, которую Кайхосров обручил теперь с сыном Тимура Джаяхангиром. Это было для Тимура поводом для радости⁸³, так как таким, конечно, очень престранным способом кровь Чингисидов вливалась в его род. С одной стороны было благоговение перед Чингисидами, хотя отношения давно не были больше такими, которые предполагали бы превращение этого благоговения в долговечную политику. С другой стороны, на юге себя чувствовали мусульманами и поэтому верили, что находятся в состоянии резкой оппозиции к «бандитам» севера. Питали друг к другу глубокую антипатию. Когда Тимур и Кайхосров должны были отражать атаку сторонников Хусейна, они ввели также контингент войск се верного улуса Чагатая. Но те использовали

ближайшую возможность напасть с тыла на воюющих на их стороне мавераннахрцев, а значит, на сторонников Тимура и Кайхосрова, и захватить трофеи. Оба эмира вынуждены были снова отбивать у своих союзников награбленное⁸⁴.

Мавераинахрским эмирам давалось нелегко объединение с «бандитами», так как это также означало уступить значительное влияние едва исламизированному северу — для осуществления идеи великого чагатайского ханства! Этот разлад объясняет спонтанные изменения в политике Тимура и других эмиров. Когда ему наконец во время его пребывания по ту сторону Яксарта стало известно, что монголы опять планируют поход на юг, он заставил себя еще раз стать на сторону Хусейна. Хусейн призвал мусульманских ученых Ташкента и Ходжента усюветить Тимура и отговорить его от сближения с монголами. Такой союз повергнет страну в несчастье, аргументировали они, и даже если он одержит победу с помощью варваров, они все равно никогда не будут хранить ему верность⁸⁵.

Благоприятную встречу пообещал господину счастливых обстоятельств в то время сон: Яксарт под Ходжентом вышел из берегов, и посреди потока он, Тимур, на маленьком плоту. Он упал навзничь для молитвы и молил Бога помочь спастись. От страха и ужаса он терял сознание. Когда он снова открыл глаза, то обнаружил, что он на берегу реки, которая течет по направлению к Самарканду. Он оглянулся назад и увидел, как бушуют массы воды. Когда он пробудился ото сна, его благословенная пронизательность благодаря счастливому вдохновению указала на бушующие потоки, олицетворяющие войска, и он узнал, что его спасение мог обозначать только берег, лежащий по направлению к Самарканду, что все его желания будут исполняться оттуда. Теперь он полностью отбросил мысль просить «бандитов» о помощи и возлагать на них свои надежды⁸⁶.

С этого момента Тимур, действительно, снова некоторое время сотрудничал с Хусейном. Он отправился на юг и встретил его в Кундузе, как раз когда тот возвращался с полных лишений боев в Бадахшане. От своего честолюбивого плана основать мощный султанат Хусейн ни в коем случае не отказывался. Напряженные отношения между ним и Тимуром скоро снова дали бы о себе знать. Султанат с функционирующим господством Хусейна над многими, которые чувствовали себя равными с

ним, означал бы для Тимура повторение точно такой ситуации, против которой он боролся много лет жестко и непоколебимо. Осуществление верховной власти над эмирами предусматривает, что должен быть установлен определенный минимум для этого управления. Как Тармаширин или так быстро потерпевший неудачу Абдаллах, так и Хусейн осознал необходимость создать постоянную столицу, и его выбор пал на Балх, точнее на крепость Хиндуан, которая находится вблизи Балха⁸⁷. Тимур настоятельно советовал отказаться от этого намерения, но Хусейн не послушался его, более того, переселил жителей старого города в расширенный им форт со рвом⁸⁸.

В 1367 и 1368 годах Тимур участвовал во многих походах на стороне Хусейна. Монголы грозились начать войну, но всю зиму оставались в Ташкенте. Хусейн, вопреки предложению Тимура, не хотел из Кеша продвигаться дальше на север. Долгое время обоим ничего не оставалось, как анализировать все *за* и *против* наступления на монголов, так как восстание в Бадахшане отвлекло все силы на восток. Местность там была чрезвычайно трудная; обрывистые скалы, узкие ущелья, испещренные трещинами обрывы позволяли врагам доводить снова и снова войска союзников до чрезвычайно бедственного положения. Тимур позже сказал, что та война была самой скверной из всех, какие ему приходилось вести⁸⁹.

В то время как Тимур рисковал своей жизнью за Хусейна, против него снова сформировалась старая коалиция эмиров. Ясавурьяне были снова во главе ее, Зюл-дусы были представлены Мухаммедом, сыном Байяна.

И Кайхосров забил в барабан за союз. После недавних совместных действий по ту сторону Яксарта он, видимо, видел в Тимуре своего попутчика. Он и Мухаммед Зюлдус посвятили поэтому Тимура в свои планы и сообщили ему в письме об измене Хусейна, Об этом послании узнал Хусейн. При встрече он не заговорил с Тимуром о заговоре. Поэтому Тимур был убежден, что Хусейн считает его предателем и уничтожит при первом удобном случае, иначе он сообщил бы Тимуру о подозрениях в плохих намерениях, которые должно было пробудить письмо, и дал бы ему возможность оправдаться⁹⁰.

Опять мы не знаем, что уже тогда распространил Тимур для обоснования своего второго предательства и что могли потом добавить хронисты. Во всяком случае подозрение Тимура получило новую пищу, так как Хусейн приказал доставить всех самых значительных людей из его

родного края в Балх, а также сестру Тимура, под кровом которой находился его сын Джа-хангир. На Тимура обрушились его ближайшие соратники с требованием порвать с Хусейном⁹¹. Из Кеша движется войско на юг и переправляется под Термезом через Оке. Авангард Хусейна быстро возвращается в Балх. В трех парасангах к югу от Окса происходит важное для Тимура событие. Сайд Берке, уважаемый потомок Али аби-Талиба, предстает перед ним и дарит ему барабан и знамя. Тимур узнает в этом благоприятное предзнаменование, так как в Алидах* он чтит род пророка Мухаммеда⁹². Как Чингисиды были для него потомками завоевателя мира и миротворца, избранного провидением, так во внуках и правнуках Пророка продолжала жить родственная им душа. Мухаммед в силу божественного вдохновения упорядочил мир. Если этот Алид теперь вручил Тимуру барабан и знамя, знаки власти, это могло означать только то, что в том царстве сокрытого, недоступном обыкновенным людям, правление Тимура, победа над Хусейном является неизменным решением.

Ввиду той удивительной встречи, которая произошла в начале его все разрастающейся империи, поверил господин счастливых обстоятельств соответственно слову «Сура вступительная — мать Корана»⁹³ отныне в то, что каждое из его желаний исполнится и во всех отношениях счастье улыбнется ему, и рукой, показывающей почтение и ищущей приюта, схватил он подол платья господина счастья, о чем говорится в откровении: «Бог хочет, люди дома, снять с вас языческие нечистоты и очистить все совершенно». Так воспринял он благородную ветвь того дерева пророчества в глубочайшем почтении, и благодаря откровенному и чистому образу мыслей Тимура между обоими возникло доверие и любовь таким образом, что тот благословенный святой всю свою жизнь выбирал, подобно счастью, радостную весть которого он передал, постоянное общение с щедро одаренным господином и ни в коем случае не нарушал обет. После смерти обоих положили на вечный покой под одним куполом, при любой перестановке свободный лик господина счастливых обстоятельств повернут к его лику...⁹⁴

Именно алчность эмира Хусейна⁹⁵ погнала Сайда Берке к Тимуру.

---

* Алиды — потомки Али, двоюродного брата и зятя Пророка Мухаммеда.
— Прим. ред.

Сайд Берке затребовал в Балхе принадлежащий ему доход от некоторых благих пожертвований, установленных в Мекке. Хусейн неохотно выполнил это, но обошелся с Саидом грубо и без почтения, к которому тот привык. Оскорбленный он уехал из Балха. Тимур немедленно гарантировал ему пользование доходами из хидшазских пожертвований и не отказывал в демонстрации глубоко прочувствованной преданности. Он уважал его так сильно, что «мир еще будет говорить об этом до окончания века»⁹⁶.

Тимур двинулся на Балх, почти все эмиры из южного улуса Чагатая примкнули теперь к нему. Недалеко от города начинается бой. Умар-заде, шестнадцатилетнего сына Тимура, ранят. Стрела пронзает его ногу; фельдшеры вытаскивают стрелу и прижигают рану раскаленным стальным брусом, которым они протыкают ногу. При этом юноша не вздрагивает и не стонет — как с восхищением рассказывает хронист⁹⁷. Для Хусейна битва заканчивается плохо. Он окапывается в сноси крепости. На призыв капитулировать он посылает в качестве посредников одного из своих сыновей и поминального хана, которого содержал; Хусейн настаивает на свободном отъезде и просит объявить, что он хочет идти в Мекку на богомолье. Тимур соглашается, но так как оба друг другу не доверяют, до вечера ничего не происходит. Ночью Хусейн пытается убежать. Он тайно покидает крепость и прячется наверху в минарете покинутого старого города.

Произошло так, как уже писал Джелал-ад-дин — благослови его Бог! «Один верблюд взбирается на минарет и ревет: «Здесь я спрятался, не выдавайте меня!» Так как неумолимо приближался срок, свидетельство о котором перед судом было занесено в протокол: «Ни часом позже, ни часом раньше их достанут!», то никакие усилия не помогли Хусейну. Случайно у кого-то убежала лошадь. Человек повсюду искал ее, и так как он ничего не нашел, ему пришла в голову мысль подняться на минарет и посмотреть, не увидит ли он где-нибудь лошадь. Когда он залез на минарет, то обнаружил наверху эмира Хусейна и узнал его. Хусейн, который во времена, когда он жил зажиточно и в безопасности, ни одному богатырю не подарил ни одного динара, в смертельном страхе выложил перед незнакомцем пригоршню жемчуга и обещал так щедро заплатить ему, если он спасет его из этого бедственного положения, насколько это в его силах, и умолял его и заставил поклясться, что он никому ничего не выдаст. Тот торжественно поклялся, слез с минарета, помчался к господину счастливых обстоятельств, рассказал все и

извинился за то, что дал клятву, хотя он все равно не мог держать в тайне случившееся. Как только эмиры и воины все узнали, поспешили они на лошадях и пешком в мечеть. Хусейн наблюдал с минарета, как бросились люди в мечеть. Охваченный паникой, прощаясь с жизнью, он помчался по ступеням минарета вниз и спрятался в ужасе в углублении мечети. Но счастье уже отвернулось от него, краешек его одежды высунулся. Сыщики, которые искали очень тщательно, обнаружили Хусейна и доставили его закованным к господину счастливых обстоятельств¹⁰⁰.

Памятуя о прежнем родстве, Тимур хотел сохранить жизнь Хусейну и подарил бы — что было бы неумно — этому противнику возможность для новых заговоров. Однако случилось, что один из эмиров Тимура, Кайхосров Хутталани, должен был искупить свою вину убийством Хусейна. Таким образом, Тимуру не пришлось самому осуществлять то, что было для него самым полезным. Это было осуществлено другой рукой, Тимур смог только плакать из-за болезненной потери, которая была неизбежной по закону и согласно обычаю¹⁰¹.

«ЗЯТЬ»

Крепость, которую Хусейн приказал расширить, была разграблена, заслуживающее жалости население было снова переселено в старый город. Так были уничтожены следы деформированного Хусейном правления — теперь был новый глава, Тимур. Для себя он определил предварительный выбор при распределении гарема побежденного и приблизился брачными связями к важнейшим родам и кланам Мавераннахра. Тимур оставил для себя: Зарай Малик Ханум, дочь хана Газана; дочь Байяна Зюлдуса; дочь эмира Хизира из рода Ясавуров, а также еще одну женщину, родовая принадлежность которой не называется. И своим соратникам он выделил женщин из наследства Хусейна¹⁰².

Самое позднее после встречи с Саидом Берке в Тимуре созрело убеждение, что его война с Хусейном проходила под счастливой звездой, даже что это была справедливая борьба, в которую он втянулся, определенная в мире сокрытого, для того чтобы был восстановлен священный порядок. Мятеж против Хусейна получил свое неопровержимое оправдание. Тот порядок вещей требовал, чтобы

имелся самодержец, который, принадлежа к высокочтимому роду, был бы достоин хамской власти и способен управлять ханством. Персидский хронист, которому напрашиваются эти мысли, вспоминает пример израильтян, которые когда-то взывали к Богу о помощи в избрании властителя и которые потом позволили помазать на царство Саула рукой Джошуа*¹⁰³.

С Джосуа можно сравнить Тимура, который тогда осознал, что его задачей является возрождение господства Чагатаидов. Разве великий Чингисхан не доверил своего сына Чагатаю попечению Карасара из рода Барлас, предка Тимура? Ссылаясь на Джосуа и Саула, Коран истолковывает (так видится хронисту), что самодержец должен управлять миром, чтобы стало возможным мирное и полезное совместное проживание людей ¹⁰⁴. Из монгольской хроники можно прочесть ту же мысль. Эти сведения указывают одновременно на Чагатаидов как на хранителей Ясы и позволяют такое истолкование, что призвание Тимура становится очевидным: его борьба с Хусейном нацелена просто на восстановление Ясы и монгольского обычая ¹⁰⁵. Того и другого можно добиться только завоеванием авторитета самодержца, а назначение такой «тени Бога на земле» в лице Джосуа-Тимура узаконено одновременно по-исламски.

Все это при условии, что война Тимура с Хусейном происходит по ту сторону обыденных споров ма-вераннахрских эмиров и в то же время оправдана с общих и более возвышенных точек зрения. Пусть весь мир узнает об этом! Еще до того как Тимур двинулся к Балху, он избрал ханом Сургатмыша, сына Газана, свергнутого дедом Хусейна. Этим Тимур извлекает выгоду из отношения к Чагатаидам такую же, как когда-то Казаган извлек после восхождения на трон Байяна Кули ¹⁰⁶. И после победы Тимур укрепляет свой новый ранг, женившись на дочери Газана, вдове Хусейна, и включается в ряд «зятьев» ханского дома — всю свою жизнь он рассматривал этот ранг примеряя на себя.

Возведение на престол Сургатмыша, который воевал в авангарде Тимура ¹⁰⁷, состоялось перед осадой Балха, но после встречи с Саидом Берке. Его час был определен астрологами. Вскоре после этого была победа над Хусейном, которая показала, что высокие требования, из-за которых они начали войну, были выдвинуты справедливо. Было 9

---

* Видимо, речь идет о помазании Саула на царство Самуилом. - *Прим. ред.*

апреля 1370 года, когда эмиры и князья южного улуса Чагатая, а также шерифы из наследников Пророка пришли к Тимуру, чтобы принести ему присягу верности.

Когда мир освободился от тирании героя войны зимы, солнце, резиденцией которого является небесный свод, взошло на свой почетный трон и в королевствах садов троны бирюзовых кустов украшались для триумфа королевы ароматных трав, розы, тогда вестник победы подготовил церемонию восхождения на престол великого государя, вымел с придворной площади земли пыль скорби и печали... поднял крышу шатра величайшего достоинства и величия над балдахинном небосвода, расстелил ковер мира и безопасности, дал трону прочную опору на четырех колоннах длительности и постоянства, роскоши и гордости и довел до совершенства корону жемчужинами чести и силы драгоценными камнями величия и власти... Архитектор небесной помощи разыскал в звездном таблице своего попечения календарь чистых счастливых дат и измерил астролябией победы и триумфа высоту счастливой звезды удачи... И князья и эмиры совершили церемонию, которая принята при восхождении на престол султанов, опустили на колени и желали счастья и пели дифирамбы
108.

В возрасте сорока двух солнечных лет Тимур достиг ранга повелителя, которого называли султаном по принятому в те времена исламскому словоупотреблению. Над султаном стоит еще только халиф из наследников рода Пророка — так было в мамлюкском Египте — или самодержец из рода Чингисхана. Но халиф и самодержец были фигурами, не имеющими силы, единственная задача которых состояла в легитимизации фактического правителя. Султану Тимуру клянутся теперь в верности великие эмиры южного улуса Чагатая. Их всех после этого щедро одарили из награбленных сокровищ. Через Кеш, где он находился более двух месяцев, Тимур отправился в Самарканд, который выбрал резиденцией султаната.

По примеру Чингисхана¹⁰⁹ Тимур поделил ранги эмиров на тысячников и десятитысячников, однако ближайшим боевым соратникам дал дополнительно должность войскового инспектора, заимствованную у турок, и предоставил другим важным эмирам титулы, которых еще не было при Чингисхане¹¹⁰.

ДЕЙСТВОВАТЬ ПО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

В Самаркандском медресе Мухаммеда Султана, внука Тимура, учил некий Джамал ад-дин ал-Хорезми сыновей эмира Корану ¹¹¹. Внезапно его оторвала от этой деятельности никогда не кончающаяся военная суматоха, когда Мухаммед Султан получил от своего деда приказ срочно оказать поддержку в походе против османа Баязида (прав. 1389—1403) на западе. «Будь готов к путешествию!» — сказал Мухаммед Султан своему учителю Корана. Того охватил ужас, и он умолял: «Господин, я же только скромный учитель Корана!.. Мое тело слабое, дряблое, и для путешествия у меня нет сил... даже если это принесет мне еще много счастья сопровождать нашего господина, эмира! И кроме того, что у меня слабое тело, у меня нет ни верблюда, ни кобылы. Для вас же путешествие является неизбежным бременем; долг, который вы не можете не выполнить; вы не можете отказаться выполнить его, не можете ни медлить, ни колебаться!»

Но Мухаммед Султан не дал себя уговорить. Вздыхая, Джамал-ад-дин покорился своей судьбе, и наконец они присоединились к армии Тимура. «Там мы увидели то громадное войско, подобное морю, без начала, без конца. Если кто-нибудь потеряет свою войсковую часть или захочет помыться с борта своего корабля, он никогда не найдет снова своих людей, даже при свете ламп и свечей; это же как на страшном суде¹¹². И поскольку я теперь двигался с ними, я, у которого болели кости, на котором лежала печаль лишений, уставший от ночных маршей, повернулся к моим спутникам спиной и уединился в чистом поле в стороне от дороги. Когда я был один, я бормотал про себя слова возвышенного Корана, потом я декламировал громче и наконец меня увлекли упоение и желание». Потрясенный благозвучием Божьего слова, устремил рассказчик свой взор в себя; то отвратительное, что его окружало, исчезло из его сознания. Однако «вдруг я заметил двух истощенных мужчин, тонких, как засохшие ветки; лохматые и бледные, облаченные в пыльные лохмотья они смотрели на меня со стороны, их взгляды были прикованы ко мне как колышек палатки к канату. Они наблюдали, что я делал, прислушивались к моим словам. Едва я закончил свое бормотание и гудение, спрятав жемчужины слов в ларце груди, завершив печатью призыва к Богу декламацию блестящих стихов, как они разрыдались, потрясенные моей беседой с

Богом наедине, и крикнули: «Аминь! Аминь!» Они подошли ко мне, мирно поприветствовали, сильно взволнованные моей декламацией: «Да усладит Бог твое сердце так, как ты усладил наши! Тем, что ты внес в наши сердца своим исполнением, ты искупил наши грехи!» Завязалась беседа. Джамал-ад-дин узнал, что оба принадлежали к роду Чагатаев.

Ему, ученому, хотели они задать один вопрос, который их мучил уже давно. «Откуда ты берешь себе пищу?» — «Со стола Мухаммеда Султана». — «Это то, что этот господин потребляет, разрешает или запрещает?» — «Многое запрещено у Бога... все, что приобретается насильем и преступлениями!» Озабоченные тем, чтобы только не обидеть ученого, оба продолжали: «Не обижайся на нас, что мы тебе этим докучаем. Преподающий шейх как нежный отец, и он не осуждает сына за небольшое нарушение приличия!.. Ты, о господин, не имеешь возможности избегать общества этих дьяволов, скромно питаться дозволенным и отказаться от запрещенного?» — «Только по принуждению отправился я в это содружество!..» — «А если бы ты теперь отказался... они бы теперь, пожалуй, пролили бы твою кровь, взяли бы в плен твоих детей, унижали бы твоих жен?» — «Нет, этого не допустит Бог!» — «Посадили ли бы они тебя в тюрьму, избивали бы, отобрали бы у тебя все?» — «Я защищен от того, чтобы меня присуждали к позорному наказанию, так как в своей памяти я храню Коран, и поэтому Коран защищает меня от вреда!» — «Тогда в худшем случае они, если бы увидели, что ты стойко отказываешься, бранили бы тебя, забирали бы у тебя твои доходы, сердились бы на тебя и могли бы лишить тебя своего расположения, которым ты пользуешься?» — «Даже этого не было бы!.. Но они стыдили меня, и тогда мне было стыдно; они обманывали меня, и я позволял себя обманывать! О, если бы я отказался!» — «Это не убедительное извинение!» И Бог с этим не согласится. Учитель Корана посвятил себя своим занятиям, не заботясь о добывании хлеба, и общался с себе подобными; он постоянно мог питаться блюдами, которые были законным путем заработаны; он никогда не был поставлен перед горькой необходимостью есть запрещенное. Разве учителя Корана не являются избранныками создателя среди людей, разве они, благодаря благословию, которое у них есть, не являются самым обильным источником продуктов па дорогу, который по велению Бога бил ключом у его созданий? Разве они не были господами над султанами? «И несмотря на это вы добровольно

поставили себя в такое незавидное положение, бросились навстречу своей гибели как бабочка на огонь, цеплялись за подол силы и принуждения, хотя вы были в состоянии оставаться свободным от этого?.. Как могло бы вас спасти извинение, которое иы приносите, от указания укрощающего Бога?» И, всхлипывая, оба продолжали уговаривать Джемал-ад-дина: «Совсем иначе он относится к нам!.. Над нами действительно учиняют насилие, нас призывают на военную службу силой и жестокостью, вносят в список личного состава войска, представляют одному из высоких военачальников. Если нас созывают на праздник или навроз, и если начало назначено на полдень, а кто-то из нас опаздывает, приходя вечером, то в наказание за такой промах грозит распятие на кресте или обезглавливание, не говоря уже о побоях, оскорблениях, позоре, разве что он организует равноценную замену или может сослаться на ходатайство. Чем же это закончится у тебя, если ты еще некоторое время останешься дома, спрячешься или прервешь поход? А мы, пока мы живем, должны как раз собираться в бой и пытаться защищаться от такого наказания, к которому присуждаются подобные нам, постоянно внимательно следить за тем, что приказывает нам Тимур. И мы должны вести себя соответственно слову: «Пусть Бог сжалится над тем, кто просит предостеречь себя на примере других!» Невозможно избежать этой беды бегством. На чужбине предоставленный полностью самому себе ты потерян. Но не только это! «Если бы из животных наших родов исчез лишь сверчок, не говоря уже о соловье или удоде¹¹³, то водопад силы сорвал бы весь род и под ним со своим мечом неистовствовала смерть. Если мы отправляемся в военный поход... то мы тогда только спрашиваем, сколько лет хочет оставаться на поле сражения тот, кто постоянно пробуждает в нас худшие подозрения, и в каком направлении хочет он двигаться. Соответственно этому мы вооружаемся, мы, которые все друг другу двоюродные братья и соседи; у каждого есть сумка с обжаренным ячменем, каждый носит с собой необходимое количество денег для себя, свою лошадь и кормов, голодает все время и ест ровно столько, чтобы не умереть, прикрывает лохмотьями свою наготу — и все эти средства мы добываем работой наших рук, нашим потом. Прокормиться позволительным способом — цель наших усилий. Мы не посягаем на чужое имущество, постоянно почитаем его. Мы не обладаем ничьим состоянием, ни с кем у нас нет таких отношений, когда протягивают руку помощи. И потом еще, о господин,

величайшее несчастье!.. Наши лошади и наш мелкий скот, лошади для наших женщин и прислуги! Мы очень мало нагружаем животных, садимся на них, только если мы больше не можем идти. Заготовливать для них фураж для нас самое большое мучение, это заставляет нас убивать и грабить мусульман и травить скотом их пашни, вынуждает нас взваливать на себя вину за их гибель. Однако как же иначе мы должны помогать себе?.. Ей Богу, о почтенный учитель, ты думаешь, что мы имеем право делать такие страшные вещи? И есть ли хоть капля холодной воды, которая облегчит жар угрызений совести, которая смогла бы заглушить чувство страха, что захлебнешься этими угрызениями?»

«Нет, ей-Богу, не обращайтесь за помощью к Богу! Вы рассказали мне достаточно плохо!.. Беспокойства о собственных лишениях и мучениях, с меня уже было достаточно! А теперь вы меня еще больше нагружаете! Кто вы, как вас зовут, где ваша родина, с кем вы идете? Пусть у вас будет все хорошо, пока вы живете! Скажите мне все... для того, чтобы я снова и снова приходил к вам, и на мою долю выпадет счастье передать вам мирный поклон!» «О господин... наше знакомство тебе не поможет, но и не повредит. Вероятно, ты никогда нас больше не увидишь, и все же, если уж нам предназначено встретиться, то мы сразу поспешим к тебе, только Бог наш хранитель! Мир тебе!»¹¹⁴ В марте 1402 г. Мухаммед Султан участвовал в походе против Баязида; после его поражения поручил Тимур своему внуку захватить Бурсу. Через год после этого, 13 марта 1403 года Мухаммед Султан, втянутый в войну против анатолийских турок, умер от болезни¹¹⁵. Джамал-ад-дин ал-Хорезми, образованный учитель Корана, нашел место в Бурсе и скончался там в 1428 году¹¹⁶.

Уже со времен пророка Мухаммеда знали о том, что кочевник вряд ли мог жить по правилам ислама¹¹⁷. Вопреки общепринятому мнению ислам — это не более, чем религия пустыни. Чужим был верный своему долгу мусульманин, который хотя бы каждую пятницу посещает богослужение в мечети, по сравнению с кочевниками, которые всю жизнь жили за пределами, а нередко и далеко от всех поселений. На заре ислама арабские завоеватели сравнительно быстро приспосабливались к их новой среде, если они были выходцами из таких городов, как Мекка, или из общин бедуинского образа жизни. Исламская культура времен Аббасидов была светской и объединяла людей различных национальностей под обращением пророка.

Центральноазиатские кочевники, вторгавшиеся с

одиннадцатого века в Иран и дальше на запад, которые со времен Чингисхана считали себя также носителями всеобщего послания, были, очевидно, слишком многочисленны, чтобы они могли в подобной форме слиться с городской структурой. Они поработили города, не так быстро попадая под их влияние, как это было с арабами. В центре культурной страны для тех, доходы которых позволяли жить в городских центрах, утвердилась теперь форма существования, которая ощутимо мешала старинному симбиозу города и деревни, а часто даже совсем уничтожала его.

Джамал-ад-дин должен был с ужасом узнать, как велика повседневная нужда кочевников, у них вообще нет возможности питаться только законно добытой пищей, пользоваться товарами по правилам город — деревня, которые честно заслужены в смысле правил этого обмена. Вторгшиеся в культурную страну кочевники не могли показаться жителям этой страны ничем иным, как вражеской силой, и как иначе могли бы кочевники смотреть на оседлое население, кроме как на благословенных людей, надежно владеющих благами, которых они так сильно жаждали. Но у них, захватчиков, была власть; из их рядов пришли правители, которым оседлые обязаны были платить дань. Сильной и в конце концов неразрешимой, должно быть, была напряженность, которая царилла между обеими группами. Постоянная кочевая жизнь, бесконечные войны истощали силы кочевников, и с завистью смотрели они на оседлых, которых сильно притесняли, чтобы выжить самим, — и все же несмотря на всю военную мощь они оставались в нищете.

Ильхан Газан хотел в доступной его влиянию области прервать заколдованный круг нищеты и насилия¹¹⁹, но не достиг никаких продолжительных успехов. Еще меньше можно было ожидать улучшений в улусе Чагатай, история которого едва ли знала периоды стабилизации в конце тринадцатого и в четырнадцатом веках. Животным для верховой езды была корова. На ее спину хозяин клал седло — обломанную деревяшку; стремя — согнутый прут, укрепленный куском веревки. Роскошна его одежда— мех зачехнувшего животного; и роскошна корона— шляпа из войлока в пятнах. Он привязывал себе колчан, изготовленный из кусков кожи, соединенных веревкой, дыры заклеены. Его стрелы были кривые, дуга прямая. С собой он возил сокола для охоты, которому оковы уже вырвали перья и вытерли пух...¹²⁰ Так описывает правовед из Дамаска Ибн Арабшах (ум.

1450), которого юношей занесло в Самарканд, кавалькаду одного кочевника, который зимой выезжал на утиную охоту.

Но это было не единственное, чего не хватало из предметов обихода, что делало слишком тяжелой жизнь кочевников. Намного опаснее была постоянная угроза потери скота, единственной основы существования. Не только оседлые люди, чьи обработанные поля нужно было все снова и снова использовать как пастбища, угрожали этой драгоценной собственности. И в боях с враждебными союзами можно было лишиться его в случае поражения. Так, зимой 1375-1376 гг. после победоносной битвы против правителя Моголис-тана Тимур захватил весь скот врагов и погнал его в Самарканд. Этим он компенсировал потери, которые понес прежде во время похода, когда суровая зимовка унесла не только многих из его бойцов, но и их животных¹²¹. И без того не только кочевники, но и их табуны большую часть времени голодали. Перед решающими военными походами позволяли часто лошадям отдохнуть, тогда они, как говорится, должны были «наесться досыта». Если допускало время года, можно было с этой целью сжигать засохшие тростниковые заросли и пускать лошадей потравить быстро всходящие побеги.

Убожество тех людей, с которыми монгольские князья воевали в своих битвах, было одной стороной нищеты. Другая, о которой рассказали оба монгола учителю Корана Джамал-ад-дину, была, может быть, еще более удручающей. Беспомощные отсылались верноподданным эмирам; те видели в них массу воинов, которыми они могли свободно распоряжаться, в зависимости от потребности разделять и соединять, передвигать их туда или сюда.

С беспощадной твердостью, даже жестокостью пресекали они каждую попытку бегства, любого отсутствия и любого опоздания. Уже Ата Малик Джу-вейни мог рассказать об этом в своей истории завоевателя мира Чингисхана. Число боеспособных мужчин любого подразделения точно регистрируется; никто не имеет права покинуть «десятку», в которую он включен; никто его не примет где-то в другом месте и не предоставит ему убежища; если кто-нибудь поступает вопреки этому закону, его убивают на виду у всех, а того, кто его укрывал, жестоко наказывают. Никто, будь это далее сын правителя, не приютит незнакомца. Каждый должен остерегаться вступать в конфликт с этим положением Ясы или возражать своему предводителю; никакой третий не станет свя-

зваться когда-либо с убежавшим¹²³. Подобное свидетельствует несколькими десятилетиями позже путешественник Ибн Баттута. Он описывает выступление из лагеря и порядок следования, как это обычно происходило во времена ильхана Абу Сайда (прав. 1317-1335). Кто отставал от своего подразделения, должен был в наказание маршировать босиком и приговаривался — невзирая на его чин — к двадцати пяти ударам плетью¹²⁴.

Тимуру перед одним из его многочисленных походов пришлось недвусмысленно указать на то, что любой, кто останется в стороне от дела, должен поплатиться своей головой¹²⁵. Но это обращение было направлено, конечно, не к отдельным боеспособным мужчинам, а к их предводителям. Очевидно, речь шла о том, чтобы обязать их быть послушными, каким должен быть каждый кочевник по отношению к своему эмиру. На такое же положение вещей указывает другое сообщение, в котором речь идет о наступлении через Мазендеран на запад. Здесь Тимур берет с каждого тысячника и сотника обещание следовать за ним и не отрываться от своих войсковых единиц; смерть и разграбление их имущества должны были быть наказанием за нарушение обещания¹²⁶. В общем и целом, эта жесткость, кажется, оказывала должное действие. Почти никогда мы не слышим о дезертирстве. Когда во время одного похода в Афганистан зимой 1398 г. представитель рода Киятов ввиду подавляющего превосходства врагов и из-за отсутствия ожидаемой помощи покинул свой пост и бежал, это считалось позором, какой не навлекал на себя никто из Киятов «со времен Чингисхана»¹²⁷. И арабским историкам, которым все больше и больше приходилось заниматься с конца четырнадцатого века Тимуром и его делами и злодеяниями, было известно, что дезертирство из его войска было редким исключением¹²⁸, — полная противоположность близким им соединениям мамлюков, у которых предательство, даже во время битвы, не было необычным¹²⁹.

Князь кочевников или полководец, такой как Тимур, мог, таким образом, всегда использовать большую массу людей, которыми он распоряжался по своему усмотрению. Вначале он мало задумывался об обеспечении этих войск. Только позже, когда Тимур начал планировать обширные дела, которые требовали многолетнего отсутствия в родных областях, принял он меры по подготовке. Все-таки спрашивается, каким образом уже в эти ранние годы деятельности Тимура простая угроза драконовских наказаний удерживала вместе войска и заставляла выдержать самые страшные лишения. Воспоминания о том, что это было

уже при глубоко уважаемом Чингисхане, воспринимается, по-видимому, как обязательное; к нему призывались все правители, которые с тех пор властвовали по ту сторону Окса, и марионеточное ханство с одним из Чингисидов существовало как и раньше. Под идеалом, к которому нужно стремиться, понималось, по-видимому, такое неременное послушание, отдельная, человеческая жизнь ценилась мало по сравнению с этим. Ибн Арабшах, дамаский свидетель, дает нам пример того, что подразумевается под послушанием. Однажды во время долгого похода Тимур увидел одного с трудом тащившегося воина; разозленный его видом, он воскликнул: «Нет ли здесь кого, кто снесет голову тому нытику?» Вскоре после этого один из эмиров положил к его ногам отрубленную голову. Тимур, который, по-видимому, уже забыл об этом случае, на свой вопрос, что представляет собой этот убитый, узнал, что речь идет о том, походку которого он осудил. Тимур якобы выразил удовлетворение тем, что выполняется даже легкий его намек¹³⁰.

Жестокие наказания и передаваемая из поколения в поколение идеальная картина послушания — вот объяснения, которые выходят на первый план. Намного важнее, пожалуй, тот факт, что воюющие войсковые единицы, которые были подчинены отдельным полководцам, жили вместе. Не было даже столкновений между объединениями боеспособных мужчин, с одной стороны, и семьей или родом, живущим в другом месте, с другой стороны. Оба объединения сливались в одну группу. Деление населения по системе десятков, восходящее к Чингисхану, могло расколоть расширяющиеся родовые союзы; части одного могли быть присоединены к другому, что не в последнюю очередь являлось также следствием войн. Так было и при Тимуре. Он, например, отдал приказ в 1393 г. населению Курдистана: кто сдастся в плен, вступит в «мирный союз» и пойдет с ним, тот сохранит свою жизнь и все имущество; с другими поступят как с врагами¹³¹. Таким образом, если «мирные союзы» обязаны своим возникновением или расширением насильственным мероприятиям, все же кажется, что рассудок тоже сыграл свою роль: речь идет о союзах, основой существования которых был не какой-то определенный поход, а сохранение жизни вообще. Еще во времена Тимура многие эмиры имели собственные «мирные» союзы — те люди, которые были преданы им и этим давали возможность своим предводителям делать политику. После битвы с «бандитами», проигранной из-за неожиданно обрушившихся ливней, эмир Хусейн посоветовал перевезти в безопасное место на ту сторону Окса семьи и

«мирный союз». В связи с этим же различают сторонников эмира и «мирный союз». Тимур, к тому времени, очевидно, не имевший ни собственного союза, ни достойных упоминания сторонников, оставался поэтому на территории Кеша и стягивал бойцов для двенадцати полков, из которых он семь откомандировал для снятия блокады Самарканда¹³². Когда Тимур несколько позже порывает с эмиром Хусейном, он посылает Бахрама из рода Джалаириров с двумя другими людьми, пользующимися его доверием, в Ходжент, чтобы они проконтролировали союз Джалаириров¹³³.

В случае Джалаириров союз как род уже давно доказан¹³⁴; иначе у эмира Хусейна: его дед Казаган — выходец из рода Караунас, народа, не имеющего места в монгольской генеалогии племен. Но и в этом союзе, возникшем только в период войн на рубеже четырнадцатого столетия, сформировалось чувство принадлежности, сравнимое с чувством принадлежности Джалаириров, которые верят, что у них есть общий предок¹³⁵.

Прочность и, конечно, также обороноспособность этих союзов не в последнюю очередь повышались благодаря тому, что женщины не только участвовали в военных походах, но и сами воевали. Примеры этого дают источники не только о времени Чингисхана, но также и о более поздних временах. В Багдад Хатун, возлюбленной, а потом жене ильхана Абу Сайда, прославляется не только необычайная красота, намного больше подчеркивается также, что она всегда появлялась в обществе по праздничным поводам с мечом на поясе ¹³⁶. В войске Тимура жили много женщин, которые бросались в военный хаос, выступали против мужчин и ожесточенно сражались с оружием в руках. В бою они совершали много такого, что делали героини-мужчины; они наносили удары копьем, сражались с мечом, метали стрелы. «И если одна из них беременна и в пути начинаются у нее родовые схватки, она на некоторое время удаляется от остальных, слезает с лошади и рождает, пеленает новорожденного, снова садится на лошадь и догоняет своих людей. Так в его войске были люди, которые родились в пути, выросли, женились, родили детей, не проживая когда-либо оседло в каком-либо месте¹³⁷. Ибн Арабшах отмечает эти поразительные для него обстоятельства в своем описании жизни Тимура.

Хотя эти союзы из-за их бродячего образа жизни вряд ли регулярно выполняли обязательные для всех мусульман союза обязанности посещать богослужения в мечети по пятницам, они все же

не оставались без религиозной помощи в их бесконечных военных походах. Князья заставляли находящихся у них на содержании знатоков откровений и религиозных обрядов вместе с ними отправляться в поездки; так учитель Корана Джамал-ад-дин попал наконец из Самарканда в Бурсу. Его обоим монгольским собеседникам знаком образ жизни шейха, который давал им советы по вопросам веры и шариата. Ибн Арабшах говорит о богобоязненных мужчинах, посвятивших себя службе создателю, которые отчасти вынуждены добровольно идти с войском по стране, чтобы смягчить беду заступничеством у князей, к которым они имели доступ, и препятствовать некоторым жестоким случаям произвола¹³⁸.

Наряду с природными связями, которые кое-кого удерживали в своем «союзе мира», были другие формы связей. Князья и важные сановники имели в своем распоряжении дружину, которая состояла из их жен, наложниц, их слуг и детей. По данным Рашид-ад-дина, в его время к княжеской семье принадлежали наряду с челядью около семисот-восьмисот человек¹³⁹. Когда мы сегодня слышим о том, что Тимур доставил в безопасное место, в Махан, семью и прислугу, мы должны, пожалуй, представить существенно меньшее количество. Но из челяди смог образоваться отряд преданных князю наемников, который еще быстрее приводил себя в боевую готовность, чем «союз мира». Взаимодействием кочевников и явно многочисленного личного эскорта обеспечивалось возвышение рода Казагана¹⁴⁰. Тимур тоже попытался создать для себя дружину. Мы уже узнали, что в боях, в которые он был втянут зимой 1362-1363 гг., его маленький отряд был почти весь уничтожен, а его жена тоже оказалась в большой опасности. Так как из-за внутренней разобщенности улуса Чагатая самые различные банды совершали повсюду набеги и большей частью было совсем не просто установить, друг перед тобой или враг¹⁴¹, находилось, конечно, достаточно возможностей завербовать мужчин для пополнения эскорта.

Тимур сам долгое время служил таким сопровождающим, а его господином был эмир Хусейн. Хотя источники стараются затемнить обстоятельства этого дела, но часто их можно прочитать между строк. Только Ибн Арабшах, который писал свое произведение в 1436 году в Дамаске¹⁴², куда он вернулся за четырнадцать лет до этого из Мавераннахра¹⁴³, говорил напрямик. Для него Тимур был необразованный кочевник, который в своей юности в одной из многих разбойничьих банд наводил смуту в стране. Однажды управляющий

конного завода султана, эмира Хусейна, обратил внимание на молодого человека, который умел блеснуть обширными гиппологическими знаниями. Позже Тимур возвысился до управляющего конным заводом и породнился с Хусейном. Ибн Арабшах знает, однако, и другие рассказы о происхождении Тимура. Его отец был сотником или визирем названного султана¹⁴⁴. Что является правдой, очевидно, остается нераскрытым; о первой половине жизни Тимура у Ибн Арабшаха мало точных сведений, так что и здесь речь может идти о слухах. Очевидными являются отношения, которые были между эмиром Хусейном и Тимуром во время пребывания в Махане. Тимур принес в дар эмиру Хусейну предложенных ему лошадей; такой дар делается персоне более высокого ранга, что подтверждают источники¹⁴⁵. Когда Тимур выздоровел после ранения и смог из окрестностей Кандагара выступить на запад, где эмир Хусейн стягивал войска, он подробно информировал того о своих следующих шагах¹⁴⁶. Немного позже Тимур должен был, как это уже бывало, когда он предпринимал что-либо вместе с эмиром Хусейном, возглавить опасный авангард¹⁴⁷. По обычаю, о котором свидетельствует Ата Малик Джувейни, в авангард посылали по возможности людей, которые на основании какого-то промаха и без того должны были поплатиться жизнью. Командование такими войсками, которые должны были выполнять чрезвычайно рискованные задачи, не было делом князя, но требовало, конечно, очень надежного сопровождающего. В то же время это считалось задачей того, кто мог проявить себя, даже если это был сын князя. После того как эмир Хусейн достиг первых успехов, он двинулся на Бадахшан. Вечером в палаточном городке эмир Хусейн соизволил пригласить к себе «господина счастливых обстоятельств», хотя тот уже надел для сна легкую одежду и, устав от сапог сподвижничества, освободил от них свои благословенные ноги». Отношение сопровождающего Тимура к эмиру Хусейну подверглось жесткой проверке, когда князь взыскивал деньги, которые ему нужны были для своих планов породниться с правителем Хорезма. «Я хочу достать деньги, но не поручу это тебе, так как если сопровождающий покидает своего хозяина, враги становятся отважными, выжидают и облакают ложь в одежды правды»¹⁴⁹. Почему Тимур должен был так часто рисковать своей жизнью, прежде чем он после победы над своим прежним патроном эмиром Хусейном смог поручать другим подобного рода дела, историки, оглядываясь назад, объясняют так: «Поскольку на поле боя в господстве и руководстве господину счастливых

обстоятельств было predetermined превосходство», он, не колеблясь, всегда брал на себя авангард¹⁵⁰. Правда, когда предстояла решающая битва с эмиром Хусейном и Тимур уже сам как князь отдавал распоряжения, он назначил Саид-ад-дина, одного из своих самых преданных сподвижников, предводителем своего авангарда¹⁵¹.

Эскорт наряду с родственниками играл несомненно самую важную связующую роль в том обществе кочевников. Какие обязанности вменялись сопровождающему, нельзя четко выяснить из источников. Во всяком случае связи такого рода, когда на происхождение не обращали внимания, могли быть прекращены. Как подтверждает поведение Тимура, они часто разрывались и, если представлялся случай, заново завязывались. Чтобы сделать их продолжительными, видимо, не знали другого средства, как породниться со своим сопровождающим. Очевидно, считалось нарушением хороших обычаев вести войну против своего князя, с которым породнился. Эмир Хусейн дал Тимуру свою сестру Улджей Туркен Аджу¹⁵², и он, должно быть, позже догадывался, что ее смерть облегчит Тимуру окончательный разрыв с ним. Впрочем, Ибн Арабшах сообщает, что Улджей Туркен Аджа умерла вовсе не естественной смертью, а убита Тимуром во гневе; она бранила его за происхождение. Это убийство было поводом для войны с эмиром Хусейном¹⁵³.

Третий вид связей, которые в последнее время были эффективными, это братание¹⁵⁴. Однако оно носит очень личный характер и в отдельных случаях переживает смену фронта одного из партнеров. После того как Тимур смелым нападением завладел крепостью Карши, расширил свое влияние до Бухары и правители Герата установили с ним связь, он должен был снова отправляться на войну с враждебными эмирами, и среди них двое, с которыми он был дружен. Когда он узнал об их смерти, то распорядился, чтобы трупы перевезли в Самарканд, где за них нужно было помолиться¹⁵⁵. Братом Тимура считался эмир Хаджи Барлас¹⁵⁶, на стороне которого выступил Тимур, когда тот попал в беду; Хаджи Барлас был убит после второго наступления Тоглук-Тимура на юг улуса Чагатая, когда он в Джу-вейне в Хорасане искал убежища. Позднее Тимур отдал эту область наследникам как ленное поместье¹⁵⁷. Конечно, здесь нужно также учитывать, что Тимур и Хаджи Барлас принадлежали к одному роду, роду Барлас, так что в игре могли быть и другие обстоятельства.

Далеко отошли от этого сплетения появившихся и подаренных связей, которыми была опутана большая масса тюркского и монгольского населения, только Чингисиды. С презрением смотрели

они на «верноподданных»¹⁵⁸. Ильхан Газам жаловался, что в его время в Иране дистанция между равными ему и этими «верноподданными» начинает исчезать; созданная Чингисханом Яса находится в состоянии заката¹⁵⁹. Для мавераннахрцев, а также для Тимура Чингисиды были все еще достойны почитания, они имели право, как и раньше, рассчитывать на преданность. Тоглук-Тимур появился во время его наступления на юг улуса Чагатая как один из Чингисидов, который с полным правом претендовал на наследство своего отца. Некоторые из эмиров Мавераннахра сразу подчинились ему, другие несколько помедливали. Конечно, было бы неправильно искать причину этой линии поведения эмиров только в их оппортунизме. Тимур мотивировал измену Тоглук-Тимуру именно тем, что власть по приказу неба доверена издавна Чингисидам; ввиду божественного постановления верноподданному запрещается любая строптивость. В начале второго похода Тоглук-Тимур посоветовал Хаджи Барласу не отказывать законному правителю¹⁶⁰ несмотря на то, что опыт, связанный с режимом, введенным в Самарканде, не был многообещающим. Конечно, привязанность к одному из Чингисидов, который снова энергично пытался получить свое наследство, не была такой уж стойкой, чтобы эмиры кыпчакского Чагатая приняли реальное лишение их власти. Скорее их корыстолюбие в конце концов сорвало объединение обеих частей улуса; на юге уже такой «верноподданный», как Казаган, или эмир Хусейн или как раз какой-нибудь Тимур, мог захватить и удерживать власть. На севере, напротив, в это время считалось немыслимым, чтобы «верноподданный» отдавал приказы, пока Чингисид сидел на троне¹⁶¹. Марионеточное ханство там не было обычным делом.

Родство и эскорт и — в исчезающей мере — благоговение перед Чингисидами, избранниками бога, — это были для князей Мавераннахра идеальные данности, с которыми они узаконивали власть в отрядах кочевников и на которые настраивалась игра в подъем и падение¹⁶². Требования, которые для каждого вытекали из признания этих данностей, могли быть необычайно противоречивы: родство и братство с Хаджи-бек Барласом противостояли честолюбивым целям Тимура, что стало очевидным, как только он потребовал от Тоглук-Тимура передать в его собственность землю, которая принадлежала области того самого Хаджи-бека. Долгом верноподданного оказывать послушание Чингисидам можно было оправдать такое предательство. Когда Хаджи-бек нашел смерть на чужбине, казалось, Тимур достиг

своей цели; теперь, правда, в любой момент он мог ожидать коварного покушения на его жизнь — именно потому, что он был дальний родственник эмира рода Барласов. Чингисиды, которые правили «по приказу неба», претендовали на неограниченное господство, но сами не брали на себя никаких обязательств в отношении «верноподданных». Так, подчинение простому человеку, а также эмиру не гарантирует безопасности жизни¹⁶³. Хитрость, пронырливость становятся поэтому величайшей добродетелью, предательство — необходимым средством в борьбе за выживание. Постоянство и надежность не могут процветать; почти каждая политическая акция попадает под подозрение оппортунизма.

Это подходит также и для объединения с эмиром Хусейном, к которому стремился Тимур, когда союз с Хаджи-бек Барласом, основой которого были родственные связи, потерял силу из-за смерти Хаджи-бека, и подчинение хану им было вознаграждено титулом хозяина Коша, но это подвергло его жизнь чрезвычайной опасности. Но как же мог Тимур согласовать теперь обязанности сопровождающего, которые он взял на себя по отношению к эмиру Хусейну, с повиновением верноподданного, которое он должен был, как полагалось, оказывать Чингисидам как и раньше? Слишком тесно и разнообразными способами были втянуты князья, великие и маленькие эмиры в наслоенные друг на друга связи тех трех типов родства, повиновения, верноподданничества, и у каждого в отдельности любая связь, которую он признавал для себя или которую он вновь принял на себя, имела свою запутанную — подлинную или выдуманную — предысторию. Без основательной причины не положено было начинать войну — об этом свидетельствует кодекс чести¹⁶⁴, следовать которому чувствовали себя обязанными Тимур и все другие, которые позже описывали свои поступки. Но по положению вещей, вероятно, было нетрудно найти убедительное оправдание для любого возможного нападения, и вряд ли можно определить степень наглости оппортунизма и честно понимаемой верности принципам, которые определяли любое решение.

В этом мире непрерывного, большей частью бесцельно действующего разброда прочные поселения, особенно города, оставались чужеродным телом. Они и их население совсем не были охвачены общественными связями, которые знали эмиры, князья и Чингисиды. И даже если жители городов имели когда-то общие дела со

своими мучителями и воевали для их блага, те прежде всего в этом видели достойное порицание притязание на права, которые просто не полагались оседлому населению. Каждое проявление такого рода должно было решительно пресекаться!

После «илистой войны» 1365 года правитель Моголистана осадил Самарканд; Тимур и эмир Хусейн, рассорившиеся друг с другом, почти ничего не сделали для защиты города, а отправились к себе на родину. Как только жителям Самарканда слишком часто стала угрожать опасность пасть жертвой какого-нибудь жадного к добыче войска кочевников, трое смелых решительных мужей взяли судьбу города в свои руки. Один из них, студент, изучавший теологию, заставил дать ему клятву повиноваться: есть же религиозный долг обороняться от неверных, и кто-то должен исполнить этот долг, гели там нет правителя. Были построены оборонительные сооружения и укомплектованы боевые части. Монголы порвались в город и были уничтожены жителями Самарканда, которые находились в засаде готовые к бою. Войско «бандитов», попавшее одновременно в чрезвычайно бедственное положение из-за эпизоотии лошадей, начало отступать¹⁶⁵.

Тимур и Хусейн должны были бы радоваться такому обороту дела. Но он дал им скорее повод к беспокойству. Весной 1366 года оба отправились в Самарканд. Для них те защитники были людьми, которые в городе вознеслись до властителей и этим посягнули на исконные права эмиров и султанов. Когда Хусейн и Тимур подошли к Самарканду, они приказали сообщить предводителям о своей готовности встретить и принять их перед воротами города для визита вежливости. Те, ослепленные льстивыми речами эмиров, являются в условленное место. И с ними, действительно, ничего не случается. Наоборот. С ними обращаются в высшей степени предупредительно. На следующий день их снова приглашают, они являются, приносят еще больше подарков, чем раньше. Это удобный момент вероломно убить предводителей города. Тимур настаивает только на том, чтобы сохранить жизнь студенту теологии.

Оправдание этого преступления дается в одном источнике: «Так как сохранение власти и борьба против подобного войска (как войско из Моголистана) — и то и другое — дела, которые, пожалуй, могут приличествовать королям и их наместникам — (в этом случае) выполняются «верноподданными»; все это ударило в голову как раз

этим верноподданным, и они отважно поставили свою ногу на одну ступеньку выше той, которая им подходит, и пролили кровь, чувствуя себя сильными, и причинили зло»¹⁶⁶. Горожанам, таким образом, собственно, не полагалось самим защищаться от превышения власти; этим они затрагивают область, которая оставлена только эмирам и князьям кочевников. Самостоятельным организмом внутри сферы власти князя город быть не может; право на существование он имеет однако как творение правителя.

ИРАН

Вице-король, который завоевывает мир,
под защиту которого бежит человечество —
он направляет повод своей лошади на Иран,
и снова мир освещает луч победы.
Чтобы завоевать землю, пришпоривает он Рахша¹ —
и торжествует и раздает земли.

Полководец Турана поставил перед собой цель,
требовать дань от страны Ирана...

«Я не хочу довольствоваться Тураном!

Пусть весь мир будет мне подчинен!

Мир охотно покоряется одному государю,

и для женщин хорош только одни муж.

От Джамшида² получить дань,

не от подданного — поступок героя.

Так как королем становится тот,

кто покоряет королей — а не тот, кто угнетает только бедных нищих.

Кто победит Дария³, а не маленького кузнеца, станет Александром...»⁴

Хатифи

ВРАГИ ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ

9 апреля 1370 года эмиры признали Тимура султаном в Мавераннахре. Теперь он завоевал такой ранг, который имели когда-то эмир Кизаган, Абдаллах и, наконец, эмир Хусейн. От них он получил в наследство также трудности, за преодоление которых он один нес

теперь ответственность: защита от «бандитов» и охрана страны от набегов из Ирана; и в самой стране, очевидно, его положение было вряд ли более прочным, чем положение его побежденного предшественника. Только два месяца было дано Тимуру, чтобы в области Кет порадоваться своим успехам. Затем действительность дала о себе знать. Эмиру Хусейну не удалось привлечь на свою сторону всех важных князей — почему Тимуру должно было удалиться невозможное? Эмир Муса, у которого он однажды отнял одним дерзким ударом крепость Карши⁵, не явился предусмотрительно на княжеский съезд, на котором его враг принимал присягу на верность султанату. Со своими женами и прислугой он пробился в Шибар-ган к эмиру Апардидов Зинде Хазаму. Апардиды, которые до этого чувствовали себя притесняемыми Ка-заганом и его последователями, ни в коем случае не были друзьями Тимура. Зинде Хазам тоже не явился на съезд, и когда Тимур через посланника призвал его прибыть, то получил только сдержанный ответ; потом стало известно еще кое-что похуже: Зинде Хазам сначала воспрепятствовал эмиру Тиленси из рода Арлат, родиной которого был Андхой, приехать в Самарканд для принесения присяги на верность, а потом убил его⁶.

Этот вызов Тимур не мог оставить без ответа, тем более, что Зинде Хазам просто посадил в тюрьму двух посланников, которые должны были серьезно усюветить его. Войско скоро переправилось через Оке и окружило Шибарган. Зинде Хазам увидел тут только один выход: он попросил некоторых из посланных воевать против него эмиров походатайствовать за него перед Тимуром, чтобы ему была дарована жизнь. По требованию он выдал эмира Мусу и обещал незамедлительно отправиться в Самарканд, где он хотел броситься в ноги Тимуру. Тимур милостиво принял Мусу, утвердил даже его власть над наследственным мирным союзом, однако напрасно ждал прибытия совершенно подавленного Зинде Хазама. Но тот, вероятно, не очень серьезно воспринимал султана Тимура и продолжал строить новые планы⁷. Среди тех, кто после завоевания Балха и в конце султаната Хусейна заверил Тимура в своей преданности, называются также двое из Термеза: Ханзаде Абу ль-Маали и его брат Ханзаде Али Акбар⁸. Они тоже, как Зинде Хазам, дали клятву верности не от чистого сердца. Конец султаната Хусейна был для них знаком того, что власть эмиров, опирающаяся на кочевников, находилась в состоянии исчезновения; казалось, пришло время, когда оседлые

снова получили слово. И как лучше можно было бы это обосновать, если не религиозными аргументами в том виде, в каком их никогда не могли бы приводить правители тюркско-мон-гольских кочевников? Ханзаде Абу ль-Маали, один из многих потомков Пророка, велел распустить слух, что предстоит скоро возвращение Двенадцатого имама Алида Мухаммеда аль-Махди, который исчез в 874 году в Самарре и вошел в сокровенное. Во сне ему, сайду из Термеза, явились Пророк и Али Аби Талиб и недвусмысленно разрешили агитировать за истинный ислам и привлекать всех без исключения в соратники. Одно из посланий из Термеза дошло до Зинде Хазам и укрепило его решение не идти в Самарканд, а со своими сторонниками и отрядами, которые спешили стать под знамена борца за Махди, предпринять разбойничьи набеги в Балх, а также севернее Окса вплоть до Каладжа⁹.

Так для любого стало очевидно, что Зинде Хазам и Алиды из Термеза несмотря на все клятвы, которые они как раз перед этим давали, пренебрегли Тимуром. В целях осторожности они освободили, правда, область севернее Окса и разрушили после себя временный мост, чтобы создать препятствия на пути возможных преследователей. Эмир Секу, доверенный Тимура, получил из Самарканда приказ зимой 1371 года стягивать войска из Хотталаиа, Кундуза и Баглана и окружить Шибарган, так как Тимур сам не мог вести войну на юге. Он намеревался предотвратить опасность, которая грозила ему из Моголистана и которую он на данный момент оценивал как очень серьезную. На стороне эмира Хусейна он уже много раз — правда, не всегда успешно — воевал против Севера и момент начать там воевать теперь, казалось, был как раз благоприятным. Ильяс Ходжа, хан, уже после одного года царствования был убит эмиром по имени Джамар-аддин; но так как там, как мы уже слышали, не хотели еще смириться с фактическим господством «верноподданного», положение оставалось неясным и запутанным¹⁰. Поэтому Тимур осенью 1370 года выступил на север и продвинулся в Ферганскую долину. Один из местных эмиров со своим «мирным объединением», которое охватывало три-четыре тысячи палаток, подчинился ему. Кроме того, Тимур завязал отношения с Кебеком-Тимуром, членом рода Чагатая, которого он знал еще раньше. Этого принца он назначил на севере ханом, потребовав от него, конечно, чтобы он служил ему проводником в одном разбойничьем набеге на страну, лежащую по ту сторону Яксарта. Кебек-Тимуру при-

шлось согласиться; но как только Тимур вернулся в Самарканд, Кебек и не думал больше о том, чтобы вести себя так, как, должно быть, ожидал от него его покровитель. Как хан Севера Кебек-Тимур видел: он оказался в таком положении, что должен при помощи угроз и обещаний собрать вокруг себя большое войско, чтобы «стать, как Чингисхан, завоевателем мира»¹¹. Тимур вообще-то не стремился достичь этого своими мерами. Он приказал, чтобы «мирное объединение» Джалаириров, которое, как мы помним, жило на территории вокруг Ходжента, преподнесло урок Кебек-Тимуру. Но Джалаириры рассорились друг с другом; некоторые перешли к хану, но верными Тимуру эмирами были задержаны и казнены. Предводители войска, которым Тимур поручил поход, заключили мир на условиях компромисса и вскоре вернулись в Самарканд. Тимур, ненавидевший любую половинчатость, строго упрекал их за эту уступчивость. Он сам стал во главе похода и вторгся в Моголистан. Во время похода он разыскал одного знаменитого сайда, и так как каждый знал о его близких связях с наследниками Пророка, враги сломя голову стали разбегаться. С богатой добычей Тимур вернулся домой, но, очевидно, не одержал решительной победы¹².

Надежда назначить в Моголистане одного из зависящих от него ханов, чтобы таким образом исключить своего в то время самого могущественного противника, отвлекла внимание Тимура от юга его империи. Его первый поход против «бандитов» относится к 1371 году¹³, второй, в котором Тимур хотел наверстать упущения своих эмиров, должно быть, состоялся годом позже. Между тем, весной 1372 года, в год крысы¹⁴, битва против Зинде Хазам была успешной. Крепость Шибарган сдалась. Зинде Хазам вручил свою судьбу эмиру Секу, своему давнему другу, который послал его в Самарканд.

Когда прибыл Зинде Хазам, все эмиры встретили его проявлениями уважения и почтения, а эмир Секу сопровождал его вместе с эмирами и князьями на почетную церемонию целования ковра у ног величественного правителя и оказал милость заступничеством за него, преступника. Язык прощения господина счастливых обстоятельств удостоил его следующей преисполненной любви речью: «Мы отдаем тебе твои грехи и сбережем твою кровь. Береги также свою жизнь и никогда не открывай свой мозг химерам, так как власть — это почетная одежда, которая наброшена на плечи из арсенала «Бог награждает

своим милосердием, кого он хочет наградить» на тех, кто этого заслуживает; кто-нибудь, кто домогается власти, никогда не отхватит свою часть, несмотря на собственные усилия и стремления. Почему каждая голова должна быть достойна большой короны? Если твои дела не соответствуют решению Бога, ты строишь воздушные замки!» — Когда Тимур украсил голову Зинде Хазама короной безопасности для жизни, а уши его кольцом хорошего совета и оказал ему большую милость, он одарил его щедро золотыми полосами, арабскими лошадьми и большим количеством верблюдов, мулами и баранами без числа и повысил его ранг. Но Зинде Хазам застегнул пояс слуги и присоединился к ряду придворных ¹⁵.

Порабощение и заговор находятся вплотную друг к другу; первое — это предпосылка для удачного исхода второго. Тимур удерживал в своем окружении Зинде Хазама и его товарищей по союзу, Абу ль-Маали из Термеза, а также эмира Мусу, чтобы лучше следить за ними; они должны были участвовать во втором нападении на «бандитов». Это давало им возможность замыслить устранение того Тимура, который, как перед этим Казаган и его клан, ограничил их независимость. Они доверились сыну Хизира Ясавура, а также шейху Абу л-Лайт ас-Самарканди и спланировали, как напасть на Тимура во время охоты и убить его. Под Зурнуком, недалеко от Ходжента ¹⁶, заговор был выдан Тимуру; он велел доставить ему заговорщиков и допросил их. Они все признались. Наказание было очень разное. Эмиру Мусе он простил — вероятно, он не мог превращать в своих врагов его сторонников. Ханзаде Абу ль-Маали он тоже не отважился что-то причинить; в конце концов речь шла о потомке Пророка. И сын Хизира вышел из этого нетронутым; эмир Саиф-ад-дин замолвил за него доброе словечко; кроме того, было бы в высшей степени неумно оскорбить ясавурьян, помощью которых он уже часто пользовался и которые к тому же удерживали область вокруг его столицы Самарканда. А что он должен был бы сделать с шейхом Абу л-Лайтом? Его защищал авторитет благочестивого ученого. Тимур услали его в паломничество в Хиджаз. Но Зинде Хазама он велел заковать в кандалы и оставить умирать в крепости Самарканда, так как было «неразумно долго греть змею на груди»¹⁷.

ПРИЗНАКИ ПЕРЕМЕН

Взаимодействие носителей религиозных идей исламского происхождения с эмирами, ревниво относящимися к своей выгоде, — признак постепенного изменения того строя, который навязали победы Чингисхана мусульманскому Востоку, строя, в котором представители его рода и те эмиры, которые владели мощными «мирными объединениями», имели решающее слово, в то время как порабощенное население, если оно выживало, в лучшем случае могло служить согласным на все инструментом в руках новых правителей. Монголы высоко ценили потомков пророка Мухаммеда благодаря их мышлению, направленному строго на генеалогическую легитимность, и так подрастал именно в этих потомках слой, который пропагандировал исламские предсказания об окончательном повороте истории в лучшую сторону, о возвращении Махди — изгнанного Двенадцатого имама шиитов, толковал страдания мусульманского народа как знак приближения момента исполнения и этим смог придать бодрости верующим, чтобы принять меры против несчастий, которые происходили с ними ежедневно при господстве произвола князей кочевников. За полтора столетия до этого, когда разразилась катастрофа над исламским миром, такой летописец, как Ибн аль-Асир, не смог сделать ничего другого, как диагностировать конец ислама. И так как он был суннитом, нападение Чингисхана было для него чуть ли не краткосрочным вступлением сил, направленных против Бога, перед окончательным поворотом к божьему царству; конечно, и по убеждению суннитов, это когда-то пришло бы, но в очень отдаленном будущем. Намного раньше все указывало на правильность суннитского опасения, что ислам, приносящее исцеление знание о божественном шариате, исчезнет, причем в обозримое время нельзя рассчитывать на последнее вмешательство создателя в развитие мира¹⁸. Не намекали на эти опасения замечания ас-Субки (ум. 1370) о конце шафиизма* на исламском Востоке?

Иначе с шиизмом; нашествие монголов уничтожило суннитский халифат, который шииты и так не считали законным исламским учреждением. Можно было сотрудничать с Хулагу. Но это

---

* Один из четырех правоверных мазхабов (толков) суннитского ислама.
— *Прим. ред.*

только часть дела, выдвинутая на первый план. Развал ненавидимого шиитами «государства лжи»¹⁹ должен был стать для них знаком надежды, должен был дать новую пищу ожиданиям, которые они уже так давно лелеяли. Суннитские правоведы стояли за старый строй, символом которого был халифат и в котором уверенность в целостности была приобретена в следовании шариату, переданному Мухаммедом, интерпретированному его сподвижниками и примененному в четырех правовых школах. Эти суннитские правоведы передали ведущую роль в исламском обществе Востока шиитским сайдам, которые смогли указать верующим другой путь к выполнению их страстных желаний — борьбы за изгнанного Махди, появление которого приближалось.

Многообразны ссылки на эти перемены. Между теологами разгорелся спор о содержании понятия «вера», которое по учению большинства суннитских направлений следует понимать как «толкование истины» откровения; сомнительно только, может ли это «толкование истины» осуществляться словами или сердце тоже должно в этом участвовать. Ученый Низам-ад-дин Абд ар-Ра-хим ал-Хвафи (ум. 1337), тесно связанный с ранними Картидами в Герате, наоборот, полагал, что верующий только тот, кто безоговорочно (значит, также без акта «толкования истины», который должен быть совершен разумом) усваивает послание Бога²⁰ — недвусмысленный шаг в сторону от суннитской набожности шариата, которая сама, обладая кодексом законов, знает все жизненные сферы обширных предписаний; о силе этого свода законов должен судить разум — шаг к «необученному» принятию духовного руководства, как этого требовал шиизм. Если суннитские ученые смогли сохранить свой авторитет, то именно в этом «шиитском» толковании сноси сущности, как мы видим из диалога Джамал-ад-дина ал-Хорезми с обоими Чагатаидами²¹.

Уже на время правления ильхана Абу Сайда (ум. 1335) приходится взлет ордена Сафавидов родом из Ардабила. Его руководители, предположительно вначале сунниты, взяли теперь суннитское направление и даже утверждали, что происходят от Двенадцати имамов шиизма. Призыв тогдашнего эмира Сафи-ад-дина дошел уже до Хорасана. Правящий в Нишапуре Ходжа Кутб-ад-дин Яхья (ум. 1339) мог сослаться на близкое знакомство с шейхом из Ардабила²², о котором известно, что представители всех народов «сделали порог того самого святого святой целью своего паломничества», особенно жестокие тюрки всегда подчинялись его наставлениям²³. Эти слова

написаны уже под впечатлением триумфа Сафавидов, но они указывают на роковые обстоятельства дела, которые объясняют взлет такого рода шиитски настроенных объединений ордена: святой, хвастающийся происхождением из семьи Пророка, был воплощением исламской веры, которая смогла привлечь к себе как оседлое население, так и тюркско-монгольских кочевников.

Именно это мы наблюдаем и в заговорах против Тимура: Зинде Хазам, эмир кочевников, и Абу л-Лаит, человек из Самарканда, работают под знаменем возвратившегося Двенадцатого имама, которое разворачивает Абу ль-Маали, сайд из Термеза. И еще четче проявляется эта связь у династии так называемых Сарбадарьянов, самостоятельной политической формации, существовавшей приблизительно с 1340 года четыре десятилетия в северо-восточной части Хорасана, в области, простиравшейся от Дамагана на западе до Туса на востоке, а на севере включая Мазендеран и Гуоган. В неурядицах, от которых распалась династия ильханов после смерти Абу Сайда, некий Абд ар-Раззак, человек из местечка Бастин, завладел близлежащим городом Сабзаваром, после того как убил собирателя налогов, Войска, подчиняющиеся различным ильханским эмирам, не вмешивались; они были измотаны в братоубийственных войнах. Режим Сарбадарьянов позволил скоро втянуть себя в борьбу претендентов и стал на сторону одного из лих, Тагай-Тимура. Его взаимодействие с Абд ар-Раззаком расширилось еще благодаря третьей силе: Газан Кури, шиитский шейх с многочисленными сторонниками, рано возвысился до регента²⁴. От формы правления, обычной со времен монгольского вторжения в Иран, эта недолговечная династия отличалась участием одного руководителя, выходца из оседлых слоев Абд ар-Раззака, а также шиитской окраской, которая принесла режиму симпатию части населения, живущего в деревнях и городах. Выступление за Тагай-Тимура доказывает, конечно, что Сарбадарьяны не представляли движение, сознательно борющееся против общественных устоев времен ильханов²⁵; когда они позже вели войну против князей кочевников и Гаюн Курбана, то ни в коем случае не для того, чтобы сломить господство кочевников, а чтобы только прогнать опасных соперников.

О том, что все-таки произошли изменения, которые подорвали кажущееся незыблемым господство князей кочевников и привели к новому распределению власти, эмиры Мавераннахр во второй половине четырнадцатого столетия догадывались. И не в последнюю очередь поэтому эмир Хусейн и Тимур так жестко действовали против

жителей Самарканда, которые под собственную ответственность защищали город от «бандитов»²⁶. Но уже тогда и потом снова после мятежа Зинде Хазама Тимур не просто попытался искоренить элементы, направленные против господства кочевников (какой, очевидно, была и устаревшая политика эмира Хусейна). Тимур, напротив, призвал много новых сил и попытался привязать их к себе, не слишком отказываясь от унаследованных представлений, которые для него были определяющими. Конечно, он всю жизнь прожил с убеждением, что «верноподданный» должен подчиняться предписаниям Чингисидов и не имеет права стремиться к власти и ведению войн; это показалось бы ему предосудительной заносчивостью. Но князю тюркско-монгольского происхождения, пожалуй, приличествовало пользоваться святыми и учеными, которые оказывал» такое сильное влияние на всех людей, «тюрков, как и иранцев». Поэтому он охотно принял барабан и знамя от Саида Берке ²⁷.

ВОЙНА ПРОТИВ ХОРЕЗМА И ПОРОДНЕНИЕ С ЧИНГИСИДАМИ

Оазисы Хорезма, нижнее течение Окса со множеством рукавов имели для Мавераннахра выдающееся стратегическое значение. У низовья Яксарта была большая дельта реки южнее Аральского моря, если ею владеть, то это мощная преграда проникновению кипчаков, чья столица Сарай была расположена там, где Волга впадает в Каспийское море. Сын Казагана Абдаллах подчинил на короткое время Хорезм внезапным набегом²⁸, признанным впоследствии самоуправством; эмир Хусейн, напротив, предпочел породниться, чтобы обеспечить там свое влияние. Выкуп за невесту, который потребовал правитель Хорезма, намного превысил средства князя, пришедшего к власти как раз после долгой войны; попытка все же его собрать отпугнула от него сторонников. Хорезм был, как уверяли Тимура ученые Самарканда, «куполом ислама, гордостью мусульман», его «чистая почва была местом пребывания мудрецов этого времени, садом благородных шейхов» ²⁹. Причина для объединения с местным правителем Хусейном Суфи появилась быстро; Тимур отправил ему послание, в котором сообщал, что по воле Чингисхана местечки Шива и Кат перешли во владение Чагатаев. Неоспоримым был тот факт, что земля Хорезма целиком была прирезана к области Джучи; но это означало, что Чингисхан оба названных местечка выделил Чагатаю, так

как в каждой из областей мира, которые были присуждены одному из его сыновей, другому принадлежали отдельные ее районы, лежащие вне основной территории, для того чтобы каждый из братьев был внимателен к интересам других. За прошедшие годы неурядиц Хусейн Суфи, человек из монгольского рода Конгиратов, приноровился противозаконно собирать налоги в обоих упомянутых местах. Теперь наступил момент возврата. Хусейн и не думал добровольно отказаться, что и следовало ожидать. Он ответил холодно, что свою страну завоевал мечом и мечом придется ее у него снова отнимать³⁰.

В действительности Чагатай вместе со своим братом Угедеем участвовал в штурме Хорезма³¹; это и известие о распоряжении Чингисхана дали Тимуру историческое оправдание его притязаний. Видимо, в фиктивном переделе завоеванных стран он видел законную схему политического строя мира; конечно, эта схема всегда должна была толковаться только в пользу Тимура, но никогда во вред ему. И если какой-то Хусейн Суфи выступает против священного порядка Чингисхана и собственные военные удачи считает тем, чем следует руководствоваться, то он может быть только деспотом, тираном, из рук которого нужно освободить Хорезм, жемчужину ислама, и местных мусульман. Эту точку зрения представляли также самаркандские правоведы, у которых Тимур спрашивал совета по поводу неудачи с посланниками. Один из них, Джелал-ад-дин Кеши — как показывает прозвище, выходец с родины Тимура, — предложил свои услуги, чтобы еще раз усовестить жестокого Хусейна Суфи. Однако тот не думал о том, чтобы слушать многословные предостерегающие проповеди, в которые подмешали цитаты из Корана и слова Пророка. Он арестовал назойливого посланника. Этим был создан достаточный повод для войны.

Весной 1372 года Тимур как раз вернулся снова из Моголистана и позволил себе только немного поохотиться на своей родине, где он принял посланника Картида Джият-ад-дина, последователя Мутдж ад-дина. Таким образом, представители Герата все еще придерживались соглашения, которое они заключили в 1351 году с Казаганом. В теперешнем положении — война против Хусейна Суфи была решенным делом — эта миссия была для Тимура особенно ценной. Он мог рассчитывать, что Картиды во время его отсутствия не нападут на него с тыла. Но он не был доверчивым. Отправив гератского посланника, он подчинил «мирное объединение» рода Боролдай,

которое рыскало повсюду на территории между Кундузом и Кабулом, своему старому доверенному, эмиру Секу, а защиту Самарканда поручил надежному Саиф-ад-дину. Затем он выступил, через Бухару продвинулся к Оксу, где скоро наткнулся на авангард врагов, одолел их и двинулся дальше в Кат. Гарнизон местной крепости полагался на надежность рвов и стен. Тимур, однако, не хотел терять здесь много времени; Хусейн Суфи не должен дожить до вечера, если окажется пленником завоевателя. И Тимур велел кое-как заполнить ров густым кустарником, сам поскакал к его краю, находясь под угрозой выстрелов из крепости, и, прежде чем доставили достаточное количество кустарника, попытался загнать одного из своих офицеров в ров; тот отказался, несколько других послушались, добрались до цоколя крепости, сцепились с защитниками. Такой смелой атакой нападающим, которых Тимур нетерпеливо подгонял, удалось взять крепость. А тех, кто провинился, отказавшись выполнить приказ, он присудил к наказанию: бить палками и потом вести в Самарканд привязанными к хвосту осла. Нападавшие вторглись дальше в Хорезм. Тимур велел своему войску развернуться в цепь для грабежа. Хусейн Суфи увидел, что не может встретиться с врагом в открытом бою, и спасался в крепости своей столицы; вскоре после этого он послал посредника к Тимуру.

Враги Тимура, которые находились в его собственных рядах, решили, что настал удобный момент ослабить власть «господина счастливых обстоятельств». Кайхосров из Хотталана, который уже в войне эмира Хусейна против Тоглук-Тимура предал дело граждан Мавераннахра³², позже чрезмерно прославлял Тимура в Моголистане, вступил с ним в братское объединение³³ и был ему в борьбе против эмира Хусейна одной из самых крепких опор³⁴, посчитал, очевидно, что появилась последняя возможность подрезать уже четко осязаемое превосходство этого выскочки. Его целью было никому не позволить стать таким сильным, чтобы остальные эмиры унизились до получателей его приказов. Он отправил Хусейну Суфи послание, в котором советовал продолжать переговоры о сдаче и одновременно вооружаться для нападения. Если будет так, то он, Кайхосров, хочет со своими войсками напасть на Тимура с тыла. Рассчитывая на готовность Хусейна Суфи к переговорам, Тимур велел части своего войска порыскать по стране. Вдруг ударили в литавры, раздались воинственные крики. Спешно собирал Тимур оставшихся

при нем воинов для битвы. Противники выстроились на берегах реки, друг против друга. Мужественные эмиры Тимура гнали лошадей в воду и нападали.

Господин счастливых обстоятельств, благословенный на успех, хотел также погнать в воду своего быстрого как ветер горячего коня, но тут шейх Мухаммед, сын Байяна Зюлдуса, стал поперек дороги: С сегодняшнего дня борьба — только наше дело, а тебе надлежат трон и пиршественный стол!

И бросился на своем коне в воду, переплыл ее и добрался благополучно до противоположного берега; и Ханзаде Абу ль Маали из Термеза выбрал, следуя за ним, этот путь, и все, смелые герои, ремеслом которых является победа, наступали со всех сторон, обратили врагов в бегство и преследовали до самых городских ворот³⁵.

Хорезмийцы снова заперлись в своей крепости. Хусейн Суфи не namного пережил это поражение; он умер, что называется, с тоски. Его преемником стал его брат Юсуф. Он претворил в жизнь то, что первоначально намеревался сделать Хусейн: вступил в переговоры с Тимуром. Он быстро сообразил, что тот хотел потребовать. Ак Суфи, еще один брат Хусейна, был женат на дочери умершего в 1341 году в Сарае хана Синей Орды Узбека³⁶, и от этого брака родилась дочь, которую называли Севин Бек.

*«С тех пор как Адам воспылал любовью к Еве,
Никогда не рождалась такая красавица —
благородная жемчужина из моря Чингисидов,
по сути ангел, по виду фея!*

В своей проницательности, украшающей Вселенную, господин счастливых обстоятельств считал правильным ту жемчужину ракушки королевства вместе с драгоценным камнем из рудника власти, принца Джангира, нанизать на нитку брака, так как он узнал в союзе Венеры сферы ханства с Марсом неба султаната указание на счастье и успех. Слова, которыми посланники Юсуфа Суфи предлагали ему свою покорность, принял он с одобрением и построил фундамент примирения и чистой дружбы для того счастливого союза. Юсуф Суфи рассматривал этот оборот дела как выигрыш и с большим желанием взял на себя обязанность держать наготове для той девы, спрятанной

под покрывалом невинности и неприступности, достойное снаряжение, чтобы в любое время, если будет дано указание свыше в отношении этого, позволить ей ехать ко двору, под защитой которого скрывается все человечество. Таким образом был улажен спорный случай и на место раздоров и ненависти пришли дружба и любовь, и привыкшее к победам, удачливое, с надтесанным лозунгом триумфа знамя вернулось из Хорезма³⁷.

Снова на своей родине Тимур узнал о предательских планах, которые замышлял Кайхосров. Князья и эмиры должны были устроить над ним суд; они посчитали его виновным и в окопах послали в Самарканд. Там его отдали оставшимся и живых слугам эмира Хусейна, которые отомстили ему за смерть своего хозяина. Так он пал жертвой кронной мести, которую однажды сам привел и исполнение над эмиром Хусейном, и снопа руки Тимура остались чистыми. Командовать тумеиом Хотталана поручил он родственнику Кайхосрова и провел следующую зиму в радости и веселье «на месте трона султаната и расстелил ковер справедливости и милости на земле пространства и времени»³⁸.

Однако несмотря на все успехи в Хорезме, на все хвалебные речи преданных ему сторонников, которые восхваляли в Тимуре уже нового хана, которому больше не подобает собственноручно вмешиваться в бой и подвергать опасности свою выдающуюся персону³⁹, несмотря на уничтожение двух важных внутренних врагов, а именно Зинде Хазама и Кайхосрова, он должен был и дальше принимать в расчет скрытое сопротивление среди эмиров Мавераннахра. Ханы Тармаширин и Газан не могли его сломить; Казаган, Абдаллах и эмир Хусейн потерпели неудачу из-за сепаратизма князей и военачальников, из которых многие, пожалуй, поддерживали Тимура в его борьбе против Хусейна только потому, что ожидали от этого ослабления, а может быть, и окончательного разрушения стоящей над ними власти. Неудивительно, что они создали Тимурю так много трудностей, сколько могли, даже посягали на его жизнь. Когда Тимур приказал арестовать эмира Кайхосрова, после того как стали общеизвестны его предательские связи, его сын Махмуд и два других эмира, среди них сын Хизира из ясавурьян, нашли возможность бежать в Хорезм. Предложение Кайхосрова Хусейну Суфи не было, вероятно, шагом одиночки; за предателем стояло большое

число заговорщиков. Еще осенью 1372 года Юсуф Суфи благосклонно выслушал беглецов. Он предпринял атаку на Кат и опустошил его окрестности. И этот вызов становится понятным, только если Юсуф Суфи после оценки положения и по опыту отношений эмиров друг к другу мог рассчитывать на то, что Тимур не выдержит нового похода в Хорезм, то ли оттого, что даст себя разбить, то ли оттого, что противники в его собственных рядах возьмут верх над ним. Но Тимур, закаленный во многих, закончившихся для него неблагоприятно раздорах и проникнутый убеждением, что воспалившиеся раны нужно прижечь незамедлительно, а не тогда, когда они начинают нарывать, уже в марте 1373 года велел призвать войско на территории Кирши и двинулся во второй раз в Хорезм. И тут Юсуфу Суфи стало страшно, так как у жителей Мавераннахра, очевидно, не было желания оказывать сопротивление. Он молил о снисхождении и милости, просил сообщить Тимуру, что он раскаивается в своей медлительности при подготовке поездки его племянницы в Самарканд; он просто хотел принять немедленно все необходимые меры. Тимур довольствовался этими заверениями и прекратил поход. И в Самарканде 1373 год прошел теперь в подготовке к большому свадебному торжеству.

Следующей весной Тимур отправил в Хорезм посланников, которые должны были привезти домой невесту его сына Джахангира. Юсуф Суфи приложил много стараний, чтобы оказать все необходимые в таких случаях почести и не отказывать ни в чем другом. Торжества в Хорезме, правда, не смогли затмить торжеств в Самарканде. Город был роскошно украшен к приему невесты, вся работа и торговля стояла и хождение прекратилось, и «принцесса, люлька⁴⁰, Кайдафа⁴¹ ее поколения, осыпанная драгоценными камнями божьей милости, увенчанная украшениями бесконечной благосклонности создателя, возвысила при господстве благословенной восходящей звезды сиянием своего излучающего счастье прибытия город Самарканд до предмета зависти трона царицы Савской»⁴². Церемония бракосочетания, проводимая соответственно шариату, состоялась во время, тщательно выбранное астрологами. Затем разбрасывались золотые монеты и благородные камни, мускус и амбра в толпу. Праздничный пир завершил торжества⁴³.

ВОЙНА С МОГОЛИСТАНОМ И НОВЫЙ ЗАГОВОР

Спор с Хорезмом был улажен в сознании Тимура; его авторитет значительно вырос благодаря бракосочетанию его сына с принцессой из рода Чингисидов — обстоятельство, которое в глубине души понимали и враги. Мог ли он теперь рассчитывать какой-то отрезок времени спокойно поцарствовать? В 1374 году ему, по крайней мере, не нужно было отправляться в поход. Но в северной части улуса Чагатая, на другом берегу Яксарта, могущественный эмир Камар-ад-дин из рода Дуглатов все еще не был покорен. Вдобавок, все попытки Тимура удержать у власти Кебек-Тимура, преданного ему хана, провалились. Но теперь, после победы над Хорезмом, Тимур чувствовал в себе достаточно силы, чтобы навести, наконец, на Севере порядок по своим представлениям. Нигде не идет речь о каком-нибудь вызове или угрозе со стороны властителей с другого берега Яксарта. Создается впечатление, что Тимур сам взял в руки тетрадь и писал. Вероятно, он уже давно планировал этот поход. Выступление было назначено на первый день месяца шабан 776 г., то есть на 5 января 1375 года. Самым благоприятным временем года для военного ремесла считалась весна⁴⁴, и Тимур, вероятно, намеревался разбить своих врагов на их собственной территории еще до того, как они смогут вооружиться к бою. Подобная опрометчивость — не считаться с природными условиями — характерна для Тимура; на этот раз она чуть не погубила его. Вскоре после выступления из Самарканда необычайно сильный снегопад и жестокие морозы сделали невозможным дальнейшее продвижение. Не только большое количество приведенного с собой скота вымерло, но и войска понесли большие потери. Ничего не оставалось, как вернуться в Самарканд и ждать наступления теплого времени года.

Только на два месяца позже, чем было задумано, можно было делать новую попытку. Авангард был доверен новобранному, сыну Тимура Джахангиру; его сопровождали Мухаммед, сын Байяна Зюлдуса, и Адилшах, сын Бахрама Джалаира. Бои проходили благоприятно для жителей Мавераннахра. Джахангир одержал победу над Камар ад-дином; когда Тимур со своими основными силами начал наступать, удалось захватить большие трофеи. Тысячи пленных были отведены в Самарканд. Джахангир продолжал по приказу отца преследовать врагов и захватил, между прочим, и жену Шамс-ад-дина, второго могущественного на Севере человека⁴⁵ наряду с Камар-ад-дином, а также их дочь Дилшад Аджу. Когда Тимур узнал об этом удачном улове, он поспешил со своими частями вслед и скоро догнал своего сына; «и Феникс его стремления

бросил свою тень счастья на ту ветвь на родословном дереве эмирата, на Дилшад Аджу». Немного позже, при дальнейшем продвижении, справили свадьбу. Узген была самая восточная точка, которой он достиг в Ферганской долине⁴⁶.

На обратном пути он снова продвигался через Ходжент, резиденцию рода Джалаириров. Как это было принято, Адилшаху пришлось устраивать праздник в честь правителя Тимура. Ожидали подачи блюд; Тимур наблюдал, как разрезали баранов. Что-то вызвало его подозрения. Не теряя драгоценных секунд, он встал, вышел из палатки хозяина и поспешил назад в свой лагерь. Снова он едва ускользнул от покушения, так как вскоре после этого распространился слух, что Адилшах и Мухаммед Зюлдус договорились с эмиром Туркеном из рода Арлатов захватить Тимура в тот момент, когда ему будут подаваться блюда. Четкого доказательства заговора сразу, конечно, нельзя было найти. Поэтому Тимур, должно быть, сначала оставил это дело. Он разбил к западу от Карши свой зимний лагерь. Адилшах боялся мести Тимура так сильно, что еще той зимой прибыл к Карши, унижался перед Тимуром и во всем признался. Этим он спас себе жизнь. Мухаммед Зюлдус, наоборот, был схвачен и осужден. По отработанному образцу нашелся один представитель его рода, который должен был искупить убийство. И два сына Баязида Джалаирира были признаны виновными и казнены⁴⁷. Снова Тимур удачно избежал величайшей опасности и снова были ослаблены могущественные кланы, которые могли подорвать его единовластие над Мавераннахром. Но они не считали еще потерянным свое дело.

Тимур из-за всех этих событий смог еще больше убедиться в том, что он действительно находится под особой защитой Бога. Но это не сделало его беззаботным. Наоборот, все отчетливее в нем проявляется теперь черта характера, которая отличала его от многих эмиров его империи и от большинства людей вообще, черта характера, которой был обоснован его успех, но не в последнюю очередь и его гибель. Он не любил оставлять дела нерешенными и при этом уговаривать себя, что все к лучшему и можно успокоиться на успехах, которых уже достиг, а остальное незначительно и разрешится само собой. Самообман о состоянии дел и удобства, обоснованные таким самообманом, были совсем ему несвойственны.

Весной 1376 года он снова обратил свое внимание на Юсуфа Суфи в Хорезме. Только при угрозе еще одного похода его можно было

заставить сдержать свое обещание. Теперь Тимур хотел испытать, как на самом деле обстоят дела с лояльностью этой династии. Через посланника он призвал их двинуть свои войска⁴⁸. Вероятно, для него здесь речь шла об окончательном уничтожении Камар-ад-дина, войскам которого в последние годы он, правда, нанес большие потери, хотя не достиг окончательного покорения.

К его разочарованию сразу стало ясно, что он не мог положиться на хорезмийцев. Этого нельзя было оставить без внимания. Он решил сам возглавить военный поход в Хорезм, третий за несколько лет. На борьбу с Камар-ад-дином он отправил своего сына Джахангира с тридцатитысячным войском, к которому также отрядил Адилшаха с Джалаирами и неким Сарибоджой из того же рода, который командовал отрядом кипчаков. В Самарканде остался только наместник Тимура.

Снова выяснилось, как мало стоят заверения в преданности, которые высказывал эмир. Адилшах воспользовался благоприятным моментом, уговорил Сарибоджу изменить Джахангиру; оба поспешили назад и начали осаду Самарканда, который остался без своего самого сильного защитника. Конечно, не случайно и в войске Тимура, с которым он двигался к Хорезму, начался бунт. Туркен Арлат, о котором известно, что он был замешан в заговоре Адилшаха, бежал со своим подразделением из войска Тимура, но его, конечно, быстро догнали, схватили и убили⁴⁹. Тимур же продолжил свой поход; только на территории Ката он узнал о предательстве, из-за которого провалилось дело его сына. Тимур сейчас же повернул назад, Джахангир присоединился к нему и снова возглавил авангард. Под Бухарой он натолкнулся на войско Адилшаха и Сарибоджи, которые, очевидно, искали встречи. Джахангир одержал верх, побежденные убежали к Урус-хану, властителю Белой Орды. Но там они задержались ненадолго: поссорились с наместником, которого Урус-хан поставил над ними, убили его и бежали на восток, где Камар-ад-дин принял их. Тимур в наказание расформировал клан Джалаиридов, насколько это было в его власти, и распределил его среди эмиров. В Андижан (Ферганская долина) он передислоцировал войска под командованием своего сына Умар-шейха, так что этот стратегически важный район, из которого войска Севера так часто нападали на Юг, используя нерешительность Джалаиридов, был теперь защищен лучше⁵⁰.

Однако эти меры не удовлетворили Тимура. Он сам двинулся на

Север, так как его сын попал в угрожающее положение, как только прибыл туда. Камар-ад-дин оказался в дальнейшем очень опасным врагом; он устроил Тимуру засаду. С двумястами человек Тимуру удалось отбить двадцатикратно превосходящие силы противника. То, что он спас себе жизнь, хронисту кажется чудом, нет, еще одним доказательством божьего покровительства.

Если обсуждать жизненный путь и дела того величества на основании опыта и знания, то подтверждается, что внешние и внутренние черты этого великого человека, наделенного властью небесами, освещались светом божественной силы, так как, во-первых, в тот день члены тела, естественно, внешность того величества, совершили героический поступок, во-вторых, той ночью, когда окна его сознания соответственно божьему слову: «Мы подарили вам сон для отдыха!»⁵¹ были затемнены занавесом сна и святая душа обращена внутрь, его внутренний мир видел благодаря чистоте зеркала его светлого сердца образ шейха Бурхан-ад-дин Килиса в благочестивом сне, который является одним из сорока шести видов пророчества; перед ним предстал он во всей учтивости и попросил его о помощи для своего любимого сына Джухаигира, которого он оставил больным в Самарканде: «Вымоли у Бога для меня моего сына!» Шейх ответил: «Покорись Богу» и ни одним словом не упомянул сына. И когда знатный господин проснулся, он знал, что этот случай не закончится так, как он желает, и в глубоком беспокойстве послал он своего писаря... срочно, чтобы он принес точную весть. После этого ему снова снился его сын, и он еще больше опечалился. Он говорил эмирам и своей свите: «Я думаю, что я никогда не увижу своего сына! Не скрывайте от меня, что с ним!» Они стали перед ним на колени и поклялись, что они... ничего не знают о состоянии принца⁵².

Тимур дал еще один бесполезный бой Камар-ад-дину, затем заторопился назад, в Самарканд. Только слишком быстро его недоброе предчувствие подтвердилось. Вельможи и высшая власть города потянулись к нему навстречу, как и подобало, — однако с непокрытыми головами, на плечах черные войлочные накидки, под громкие причитания. Глубокая скорбь, даже отчаяние охватили Тимура; его любимому сыну исполнилось двадцать лет. И ближайшие доверенные Тимура были потрясены. Саиф-ад-дин, его старый боевой товарищ, был внутренне возбужден своенравной, обманчивой сущностью мира

настолько, что, он полагал, познал бессмысленность своих прежних деяний; он попросил у Тимура разрешения отправиться паломником в Хиджаз, к святым городам ислама.

Удар судьбы парализовал энергию Тимура. Но борьбой с упорными противниками в Мавераннахре, а также с Камар-ад-дином несмотря ни на что нельзя было совершенно пренебречь. Войска скоро отступили на северо-восток. В остальном из Отрара зорко наблюдали, что предпринимают кипчаки Белой Орды. Узнали, что в пограничной области слоняется Адилшах из Джа-лаириров со своей бандой. Маленькая поисковая развед-группа, посланная Тимуром, разыскала его и убила ⁵³.

УНИЧТОЖЕНИЕ ХОРЕЗМА

Шаг за шагом Тимур закреплял свою власть над Ма-вераннахром. Клань Апарди, Кайхосрова из Хотталана и Джалаиры были самыми главными врагами, над которыми он до сих пор одерживал верх благодаря своей осторожности, стойкости и способности все снова и снова очень трезво оценивать свое положение. В самом Мавераннахре только с трудом можно было подвергнуть его правление опасности. Но все эти успехи имели и свои недостатки, так как любой эмир, которого он свергал, постоянно поддерживал какие-нибудь внешние связи. Также за общепризнанными границами улуса Чагатая некоторые князья чувствовали себя задетыми происходящим между Оксом и Яксартом; они были обязаны — или только пытались — терпеть того или другого противника Тимура на своей территории, а может быть, и более того, так как усиление нового центра тюркско-монгольской власти должно было раньше или позже скреститься с их собственными устремлениями. Триумфальное шествие против врагов для Тимура означало неизбежно увеличение дряг с соседними правителями. Это могло непременно отразиться на его положении в Мавераннахре.

Так появилась необходимость строгого контроля над Ферганской долиной из-за втягивания Джалаириров в происки князей Севера. С туменом Арпади, тысячей рода Карлук и другими объединениями Тимур послал своего сына Умар-шейха в долгий путь в Андижан. Во время контрнаступления Камар-ад-дина некоторые монгольские подразделения, только недавно примкнувшие к Умар-шейху, изменили и поставили молодого полководца в такое затруднительное положение, что он должен был просить своего отца о подкреплении. Тимур потом сам, как мы знаем,

снопа наступал на Ферганскую долину. При этом ему пришлось сурово угрожать явно недовольным жителям Мавераннахра, что он велит казнить каждого, кто попытается увилить⁵⁴. Тимур не мог непрерывно нести войну, чтобы в любом месте империи и за ее границами быстро накрыть врагов и их союзников и уничтожить их. Он также должен был искать и другие пути для безопасности своей власти. Большого выбора не было, он все еще пытался расположить к себе князей за пределами Мавераннахра посредством женитьбы. Завязывание супружеских уз было, как нас научил уже Тимур борьбой со своим тестем эмиром Хусейном, довольно сомнительным мероприятием для установления или сохранения полезных связей, но кроме войны это, может быть, было единственное средство. В случае племянницы Юсуфа Суфи с алчностью Тимура было связано и кое-что другое: она же была одной из Чингисидов, а Тимур вынашивал план поженить ее с одним из своих сыновей, конечно, не только с целью закрепить дружественные отношения с Хорезмом. Ему было важно повысить авторитет своих сыновей, а этим и свой.

О таком виде престижа вряд ли шла речь во время миссии к Джият-ад-дину, правителю Герата, отец которого из-за честолюбивого желания стать султаном был наказан Казаганом войной и унижен⁵⁵. Менее одного поколения назад один Картид позволил оскорбить себя ильханскому эмиру низшего ранга, который вряд ли был способен править⁵⁶. Тимур велел передать правителю Герата, что между ними обоими существует старая дружба, которой нельзя дать разрушиться; Тимур уверял, что у него, наоборот, желание вместо вражды установить согласие. Джият ад-дин понял, что подразумевалось. Он попросил официального ответа, приемлем ли его брат Пир Мухаммед в качестве свата. Тимур предложил выдать замуж в Герат дочь своей сестры. Жених явился с подобающей свитой в Мавераннахр и имел возможность ближе познакомиться со своим будущим тестем в 1379 году во время его четвертого похода на Хорезм⁵⁷.

Политика Тимура с использованием браков (это можно четко пронаблюдать) отражает широту его политических целей, а они удивительно тесно связаны с тем, что могло осуществиться в данных обстоятельствах. Так, его любимый сын Джахангир взял в жены не только принцессу из Хорезма, но также дочь эмира Хизира из ясавурия и дочь эмира Кайхосрова⁵⁸. Оба эти брака отчетливо показали необходимость сделать друзьями предводителей мощных мавераннахрских «мирных объединений»; и только когда Тимур поверил, что он укрепил свою

власть изнутри, он передал Юсуфу Суфи свое требование и принудил его выдать невесту, припугнув походом.

Правда, у наблюдателя создается впечатление, что многие из этих связей через длительный промежуток времени мало что могут изменить. Разве не стал Кай-хосров в конце концов одним из непреклонных противников? Политические женитьбы многозначны. Как в случае с Хорезмом, так и с Картидами именно Тимур выдвинул требование и осуществил его. Ни Юсуф Суфи, ни Джият-ад-дин не сомневались, что переговоры велись не на равных. Тимур полагал, что эти браки и многие другие, которым он способствовал на таких основаниях, могли действительно служить цели установления хороших отношений с соответствующими княжескими домами — но именно при условиях, которые диктовал он. Поэтому браки всегда имели в себе что-то от политического порабощения, и мы можем предположить, что это частично имело место и в связях, которые он завязал с равными себе эмирами в Мавераинахре. Ему они должны были принести выгоду; по если ситуация складывалась неудачно, то нужно было ее обойти — во всяком случае его эти связи ни к чему не обязывали.

Заговор Адиллаха привел Тимура к конфликту с Белой Ордой. Казалось, после заговора ему представляется возможность решить это дело в свою пользу без войны; он надеялся привести к власти в восточном Кипчаке претендента по своему выбору. Это пока не удавалось. В конце 1376 года он решил, что настало время подчинить себе империю Белой Орды военной силой. Еще во время этих боев, подоплеку и обширные последствия которых нужно обсудить в другой связи ⁵⁹, хорезмийцы воспользовались возможностью напасть па Бухару и разграбить ее. У Тимура сначала не было возможности отправить посланника к Юсуфу Суфи и возмущенно потребовать объяснения, что могло послужить поводом для такого враждебного отношения после свершившегося породнения⁶⁰. Мы и сейчас еще помним, что Тимур сам после смерти находившейся с ним в браке сестры эмира Хусейна больше не стал себя удерживать от того, чтобы довести войну до горького конца его шурина; Джахангира уже не было в живых — значит, Юсуф Суфи мог чувствовать себя свободным от какого-либо давления.

Соответственно неприветливо, даже враждебно он обошелся с посланниками Тимура. Ввиду этого «пульсирующая артерия гнева у «господина счастливых обстоятельств» вызвала жажду мести», и в первые месяцы 1379 года он выступил из зимнего лагеря, напал на

территорию Хорезма, где снова захватил огромные трофеи — «розовощеких девочек, работоспособных пленных, выносливых лошадей, верблюдов и овец в несметном количестве» — и блокировал столицу. Юсуф Суфи предложил Тимуру не проливать кровь невинных людей из-за этой ссоры. Пусть поединок один на один решит дело. Тимур подтвердил, что это решение полностью соответствует его натуре. Он привязал меч к поясу, вскочил на коня и поскакал к крепости. И снова хронисты описывают сцену, в которой князья и эмиры, пристыженные решимостью и мужеством Тимура, пали перед ним на колени и умоляли его отказаться от такого решения⁶⁰. «Разве положено, чтобы господин, которому мы служим, собственной персоной вступал в бой, пока мы, холопы, живы?»⁶¹, — спрашивает его сподвижник Саиф-ад-дин, который недавно вернулся из своего краткого паломничества⁶². Тимур даже не слушает его, оскорбляет грубыми словами, скачет к краю крепостного рва. Там он восклицает: «Я пришея, как ты просил, Юсуф Суфи! Выходи и ты! Посмотрим, кому Бог присудит победу!» Но Юсуф Суфи не осмеливается; он раскаивается в своем вызове, «и весь мир выразил одобрение отваге, смелости, сердечной мощи Тимура и его совершенному доверию Богу и увидел трусость, малодушие и самохвальство противника»⁶³.

Можно допустить, что Тимур сам умел воевать даже теперь, когда достиг почти пятидесятилетнего возраста. Он это доказал в Ферганской долине, когда с маленьким отрядом оказался в тылу врага⁶⁴. Конечно, подозрительно, что о подобной сцене рассказывают из первой войны против Хорезма. Но в том случае вступление Тимура в бой было обосновано положением на данный момент: хорезмийцы, воодушевленные предательскими обещаниями Кайхосрова, неожиданно напали на осаждающих, которые не были настроены на битву. А теперь все производит впечатление инсценировки — когда все оставляют для дальнейшего приукрашивания. Драматическое появление Тимура перед крепостным рвом выполняет важную задачу, конечно, если считать это действительностью. Он должен был на глазах у всех показать Юсуфа Суфи неправым, заставить сомневаться в его способностях правителя и героя, но одновременно внушить уверенность в победе тем, кто воевал на стороне Тимура. В первую очередь именно ради них он скачет до стен крепости. Он показывает, что у них религиозное и моральное превосходство и поэтому они могут тоже ждать триумфа. Издевательство и моральная дискредитация врагов от-

носились, как будег показано на других примерах, к необходимой подготовке битвы⁶⁵.

И во время всех этих событий господину счастливых обстоятельств принесли из Термеза первый плод года, дыню. Следуя своему благородному характеру, он обещал: «Юсуф Суфи сидит напротив меня. Пошлите ему на золотом подносе часть этого первого плода!» Эмиры преданно говорили: «Золотой поднос не нужен! Мы хотим отослать ее в деревянной посуде». Его величественный разум не хотел это признать, и тогда ее отнесли, соответственно приказу, на золотом подносе к берегу крепостного рва. И тут кто-то за стеной спросил: «Что лежит на подносе?». Доставивший дыню ответил: «Дыня, первый плод! Господин счастливых обстоятельств посылает ее Юсуфу Суфи! и опустил там поднос и вернулся. Те достали ее и принесли Юсуфу. Юсуф со своей ничтожно маленькой проницательностью отдал приказ бросить дыню со стены в крепостной ров и подарил поднос охраннику ворот⁶⁶.

Теперь должна разгореться решающая битва. Отряд хорезмийцев выбрался из крепости; сын Тимура Умар-шейх переплыл со своими воинами ров. Хорезмийцев заставили остановиться, их атака была отбита. Воины Мавераннахра запустили катапульту и разрушили здания в крепости. Более трех месяцев продолжалась борьба. Между тем, как прежде его брат, Юсуф Суфи заболел и умер. Хронист отмечает, что это еще одно обстоятельство, которое указывает удачу, данную богом Тимуру. Разве он не велел возвестить в тот день, когда вызывал на поединок Юсуфа Суфи перед стеной крепости, что тот, кто нарушит слово, заслуживает смерти?

«И когда волк исчезновения разрывал рубашку жизни Юсуфа⁶⁷ в клочки, львы дубравы победы и пантеры вершины мужества, герои войска коронованного господина счастливых обстоятельств кинулись на город и перевернули все вверх дном⁶⁸. В месяц рад-жаб 782 (х) (начался 14 сентября 1379) крепость сровняли с землей; раздоры между членами семьи правителя после смерти Юсуфа парализовали любое сопротивление. По приказу Тимура все лица, которые разбирались в каком-нибудь ремесле или искусстве, были угнаны в Мавераннахр и поселены в Кеше. Там их обязали построить резиденцию, соответствующую власти Тимура, и расширить крепостные сооружения⁶⁹.

ГЕРАТ И ТУС

В 1378 году Саиф-ад-дин вернулся после своего паломничества, в которое он отправился, когда Джухан-гир так неожиданно умер. Теперь он мог рассказать Тимурю не только о событиях во время его хаджа в далеких местах деятельности Пророка, но и дать подробный отчет о политической ситуации в Иране, через который ему пришлось проехать во время своего путешествия. Он наглядно описал политическую разобщенность и неразбериху, охватившие страну, — обстоятельства, с которыми как раз пытались справиться на юге улуса Чагатая. В Иране, однако, руководили все еще своими полками «диадохы», мелкие князья, разделившиеся на массу наследников, которую оставила империя ильханов, погруженная в анархию. Сообщение Саиф-ад-дина утвердило Тимура в мысли обратить в будущем больше внимания на Иран. Благодаря его связям с Картидами в Герате и не в последнюю очередь на основе его личного опыта, который он когда-то смог приобрести в Махане, он мог считать Иран, по крайней мере северо-восток Ирана, не совсем чужим, незнакомым. И вообще, поразмыслив, правитель Мавераннахра решил, что нельзя пренебрегать этой страной.

Картиды Герата ни в коем случае не были незначительной династией, когда они в 1351 году еще подчинялись Казагану. Давайте вспомним! Пятого августа 1349 года Пир Хусейн Карт велел возвысить себя до титула султана, чего не одобрил род Чагатая, считая это заблуждением честолюбия, направленного против традиций. Но речь шла не только о наказании неприличного тщеславия. Пир Хусейн Карт был тогда в союзе с правителем Дели Мухаммедом Туглак-шахом (прав. 1325-1351). В одном письме о причинах его самовозвышения он писал: «Неурядицы в стране взяли верх, повсюду зашевелились «диадохы» ильханов; «сфера королевской власти ринулась в водоворот анархии»; ученые и сайды считали, что нужно срочно предложить, чтобы могущественный Султан мужественно взялся за трудное дело и установил покой и мир. Целью письма было обеспечение признания титула султана правителем Дели, который уже много раз проявлял интерес к требованиям стран, граничащих с его империей на севере⁷⁰.

Итак, уже тогда возникла идея уничтожения диадохов! Пользующиеся уважением населения сайды и ученые, поддержки которых теперь добивался Тимур, уже тогда способствовали этой мысли! Поражение Пир Хусейна от Казагана в свое время будет, вероятно, препятствовать

осуществлению идеи, но теперь Тимур взялся сам за эту цель. Конечно, сами Картиды были для него едва ли больше, чем «диадохами», т.е. теми, кого стоило обуздать. Отношения с ними и без того еще не были отрегулированы так, чтобы он был ими удовлетворен.

Правда, Джият-ад-дин не понял намека и волей-неволей ходатайствовал о породнении. После войны против Хорезма он не мог больше сомневаться в том, что это слово означало в понимании Тимура. Теперь, когда угнанные хорезмийцы работали над расширением Кеша, Тимур нашел время завершить дело. С большой роскошью была сосватана невеста принцу Герата. После участия в последней войне против Хорезма он попросил своего тестя разрешения вернуться на родину. Ему это было позволено, и немного позже за ним последовала его молодая жена. Джият-ад-дин использовал все средства, чтобы как можно роскошнее устроить прием.

Он велел приготовить все, что нужно для праздничного пиршества. Город и окрестности он украсил прелестно, как сад Ирама⁷¹. И... от моста до рынка он велел установить триумфальные арки. От каждого ремесла было представлено необычное свидетельство его искусства. Пекари построили из хлеба минарет, внутрь которого можно было подняться, и подобное же сделали чесальщики шерсти из хлопка. Ткачи шелка показывали передвижной ткацкий стул, за которым кто-то работал. И так представители каждой профессии сочинили что-нибудь соответствующее. Ворота и стены завесили византийскими и китайскими парчовыми тканями. Придали форму красивым куполам, над верхушками которых не могла пролететь даже птица с быстрыми крыльями и архитектурный стиль которых не могли разгадать мысли и чувства. Сверкание, резьбы на мечях и блеск оружия, прикрепленного на боку, слепили глаза подобно солнцу, даже купола сверкали как шкатулка, полная драгоценных камней, и были там знаки зодиака со всеми их звездами; был такое впечатление, как будто бы светящиеся тела неба опустились на землю. Певицы, подобные Венере, играли на арфах и пели в манере Венеры, и со звучанием струн они дарили сердцу наслаждение духа, а телу хмельной напиток. Несколько дней провели в радостных торжествах, и каждый день доставлял наслаждение эмирам по-новому роскошными пиршествами и подарками, какие приличествовали правителям, а слуг и дружину одарили в зависимости от ранга почетными одеяниями и наградами⁷².

В источнике, из которого взято это сообщение, также сказано, что посланники должны были передать Джият ад-дину «предупреждающие слова и искренние советы»⁷³. Можно догадаться, что скрывается за этой формулировкой. Тимур поставил перед собой цель: если не уничтожить сначала в Хорасане господство «диадохов», которые превратили весь Иран в необозримую картину ссорящихся друг с другом княжеств, то хотя бы подчинить своему наводящему порядку господству⁷⁴. Может быть, в конце 1379 года, в связи с путешествием молодой принцессы во дворец Герата, Тимур огласил более четко, чем в «искренних советах», что он задумал. Он хотел провести день заседаний, на котором должно было обсуждаться умиротворение Хорасана, и гератского правителя Гият ад-дина, с которым он теперь породнился, он позвал по этому поводу в Мавераннахр. С независимостью «диадоха» Герата следовало покончить. Но разве невозможно было поднять контрсилы и отразить атаку Тимура, которую следовало ожидать? Сначала Джият-ад-дин пытался выиграть время; он велел передать, что готов прийти, пранда, настаивая на том, чтобы доверенное лицо Тимура Саиф-ад-дин сопровождал его. Эта просьба была выполнена немедленно; Саиф-ад-дин появился в Герате еще до того, как Джият ад-дин смог осуществить свои тайные планы. Так Саиф-ад-дин стал непрошенным свидетелем мероприятий, которые выдали все, что угодно, только не теплую симпатию и сердечное доверие по отношению к Тимуру. Уже давно занимались здесь тем, чтобы протянуть вокруг города кольцо укреплений, которое включало бы многие поселки и сады. Это сооружение, вероятно, теперь было закончено; с большим усердием накапливали в крепости запасы. Джият-ад-дин дал знать посланнику Тимура, что он как раз готовится к путешествию и должен прежде всего еще приобрести подходящие подарки. Некоторое время Саиф-ад-дин позволял задерживать себя, но когда он «прочитал в описании современных обстоятельств Джият ад-дина, что тот изобразил пером мысли на доске своей фантазии», он немедленно отправился назад⁷⁵.

Совещания в Мавераннахре, таким образом, должны были состояться без Джият-ад-дина; но это, очевидно, в такой степени изменило их содержание, что теперь было ясно — Картиды первыми почувствуют гнев Тимура и его желание покончить с мелкими князьями. В противоположность этому Али Бек из Джаюн-Курбана, этот князь, в темнице которого когда-то множество блох набросилось

на Тимура и эмира Хусейна, посчитал более разумным обойти грозящую беду, которая казалась неизбежной, таким образом, чтобы она его не погубила. Он отправился к Тимуру, — конечно, это был трудный шаг, — получил прощение и служил ему советником в войне против Картидов. Конечно, Тимур и с ним породнился.

Тимур не хотел лично руководить операциями против Хорасана. Главнокомандующим созданного осенью 1380 года войска и правителем провинции, которую нужно было завоевать, был намечен Мираншах, его четырнадцатилетний сын. Он провел осень и зиму на территории Балха и Шибаргана; весной 1381 года он выступил против Бадгиса, который принадлежал роду Картидов. Между тем Али Бек предложил Тимуру поддержку, так что Тимур сам вступил в бой. Он переправился через Оке, заручился тем, что до сих пор всегда оправдывало себя, — благословением святого, на этот раз Баба Сюигю, который обитал в Андхое и считался божьим человеком, потому что обычно делал совершенно немислимые вещи, которые считали знаком суфинского экстаза. На этот раз, увидев Тимура, он швырнул в него мясо грудинки убитого животного. Тимур очень обрадовался: «Бог подарит мне Хорасан, который обозначают частью груди поверхности земли!»⁷⁶. В действительности так и произошло. Империя Картидов, которая при Джият-ад-дине охватывала большую часть Хорасана, включая Нишапур, была взята город за городом; и способные оказывать сопротивление, даже считающиеся неприступными крепости большей частью захватывали очень быстро — для хрониста, бросающего взгляд на прошлое, абсолютно точный знак для так же быстро совершающегося захвата всего Ирана⁷⁷, который должен был произойти немного позже. Скоро войско Тимура стояло перед Гератом, хотя Али Бек не выполнил своих обещаний. Крепость была взята приступом, Джият-ад-дин отошел в город, который еще не сдался. Воины Мавераннахра захватили при этом две тысячи пленных из вражеских войск. Тимур придумал одну хитрость, чтобы взять и город без больших усилий. Он приказал сочинить многочисленные послания следующего содержания: каждый житель Герата, который вернется в свой дом и там будет спокойно ждать окончания боев, будет прощен; кто же окажет сопротивление, должен винить себя за свою дальнейшую судьбу. Вручив такие послания нескольким пленным, их отпустили на свободу. Боевая отвага воинов Герата сразу же ослабела, и Джият-ад-дину ничего не оставалось, как сдаться.

Когда он опустился на колени перед Тимуром и покорился, Тимур подарил ему почетную одежду и пояс, унизанный драгоценными камнями. На следующий день из города вышли также сайды, ученые и беки, чтобы поцеловать землю перед завоевателем. После этого им сообщили жесткие требования, которые предъявил завоеватель. Крепость должна быть снесена; в виде возмещения за пощаду с населения потребовали уплаты больших денежных сумм. Самые значительные ученые, ремесленники и художники, всего двести человек, были отобраны и отправлены в Кеш. Ворота городского укрепления, которые были обиты железом и украшены рельефом и надписями, были сняты с петель и также переправлены в Кеш, где были встроены в оборонительные сооружения, которые начали строить⁷⁸.

Самый важный из «диадохов» Хорасана был теперь покорен. Остались сарбадары, центром которых был Сабзавар. Тимур уже послал туда войско. Он сам направился в Тус, где правил нерешительный Али Бек, отказавший ему в помощи, о которой они договорились. Запад Хорасана представляла территория Мазендерана; она охватывала покрытые лесом бассейны рек Атрека и Горгана, которые выходят на южную часть восточного берега Каспийского моря. Страной правил эмир Вали, о взлете которого еще должно быть кое-что сказано. Тимур подступил к ней со своим войском, и эмир Вали и Али Бек сразу заявили, что они считают его своим верховным правителем. Тимур, конечно, был готов к битвам. На могиле Абу Муслима, человека, который однажды руководил восстанием в Мерве, жертвой которого стал халифат Омейядов в Дамаске, молил он Бога о поддержке в его походе. Али Бек поспешил ему навстречу лично, был допущен к «целованию ковра» и просил прощения за свои упущения. И правитель сарбадаров Ходжа Али явился и уверял Тимура в своей преданности. Тимур, хотя и хвалил поведение Ходжи Али, был неприятно поражен его признанием, что он является сторонником шиитского учения о Двенадцатом имаме⁷⁹, — воспоминание о поступках Абу ль-Маали и его брата, которые хотели подготовить возвращение исчезнувшего имама, еще, конечно, не изгладилось из памяти. «Кто оставит мою сунну, потеряет мое заступничество!» — сказал Пророк. Ходжа Али ответил без промедления, что верноподданные следовали в вере за своим правителем. Тимур был доволен этим ответом. Как Али Бек, так и Ходжа Али были одеты в почетные одеяния, приняли пояс и меч и должны были рассматриваться как сопровождающие Тимура. Тимур

продвинулся дальше на запад и вступил под Исфаганом в область, в которой эмир Вали был князем. К нему отправился посланник, который еще раз призвал его явиться к Тимуру. Эмир Вали согласился и обещал скоро приехать.

Так как 1381 год близился к концу, Тимур отказался от того, чтобы продолжать следить за этими делами. Сабзавар, резиденция Ходжи Али, он подчинил одному эмиру, пользующемуся его доверием; он отпустил правителей, которые стали его сопровождающими, в том числе и Картида Джият-ад-дина, которого привел с собой после победы над Гератом. По всей вероятности, он велел доставить в Самарканд его брата Мухаммеда заложником. Он сам отправился в зимний лагерь под Бухарой, оставаясь, таким образом, вблизи Хорасана. Своего сына Мираншаха он оставил наместником. Его квартира находилась под Са-раксом, хотя и вблизи границы, но скорее на хора-санской стороне Окса⁸⁰.

Все было готово к тому, чтобы Тимур смог навести свой порядок в Хорасане следующей весной, так как ему, должно быть, стало ясно, что преданность князей — только притворство. Едва он повернулся спиной, Али Бек и эмир Вали установили связь друг с другом и решили осаждать в Сабзаваре Хаджи Али, который не хотел нарушать клятву. Нужно было бы срочно обоим преподать урок, подобный тому, который, должно быть, научил Джият-ад-дина. Но Тимур был как бы парализован. Смерть одной из дочерей выбила его из колеи; не обращая внимания на необходимость заниматься повседневными делами правителя, он отдался своей боли точно так же, как это было после смерти Джахангира. Только его старшей сестре удалось настойчивыми упреками напомнить ему о его обязанностях⁸¹.

Али Бек твердо рассчитывал на то, что Тимур нападет не на него, а на эмира Вали, так как он еще не покорился и был из них двоих, конечно, более могущественным. Но Тимур неожиданно напал на область Али Бека, взял в качестве трофея все его стада, которые недостаточно хорошо охранялись, и заставил его окопаться в своей крепости Калат. Чрезвычайно подавленный Али Бек сообщил о своей готовности сдаться. В действительности, как известно, он хотел заманить Тимура в ловушку. Калат, расположенный на крутых скалах, было трудно брать, правда, недостаточно трудно для горных отрядов из Бадахшана, которые Тимур привел с собой. Али Бек еще

раз заверил, что он готов сдаться. С этим посланием он отпустил посредников, в число которых входила и его дочь, которая была выбрана невестой Мухаммеда Султана, сына завоевателя. Таким образом, Тимур еще раз подставил себя⁸².

На следующий день, когда султан планет поднялся на подкрепленного коня своей сферы и надел диадему своей власти и когда ночь, его темноликий враг, униженно всхлипывая сорвала с лица своего темное покрывало, солнце подняло свою золотую корону над горами, ночь стащила свои черные волосы с головы, то господин счастливых обстоятельств, охваченный помощью неба, сидел верхом на коне и, входя в ворота крепости, возбуждал блеском своего излучающего счастье присутствия зависть бирюзовой крепости темного небесного колеса. Али Бек, вынужденно, не имея выхода, выполз из крепости, как змея из своей кожи, обвалял свое лицо безропотной мольбы в пыли унижения, признал свои грехи, искал убежища у милосердия великого правителя и просил пощады⁸³.

В последний раз Тимур был готов пощадить Али Бека. Но когда тот воспользовался возможностью бежать, милость ему больше не была оказана. Тимур взял крепость измором. В это же время он предпринял походы в Хорасан, вел бои у крепостей, которые принадлежали Картидам, и, таким образом, собственно, по приказу своего побежденного правителя они должны были открыться для Мавераннахра. Из-за подобных промедлений, за которые Тимур упрекал сопровождающего его Джият-ад-дина⁸⁴, в 1382 году не состоялся поход в Мазсндран. Еще раз довольствовался Тимур тем, что эмир Вали подал ему надежды на покорность. Тем беспощаднее наложил он тогда свою руку на землю Али Бека и империю Картидов. Родовое объединение Али Бека, Джаюн Курбан, было разделено между разными эмирами, люди переселены сначала в Мавераннахр, потом в Ташкент. Джи-ят-ад-дин и его родственники в Самарканде были посажены в тюрьму, некоторые затем угнаны к Умар-шейху в Ферганскую долину. Немного позже Али Бек и Гият ад-дин были казнены в Самарканде. Картиды обязаны этим жестоким обращением не в последнюю очередь волнениям, которые начались в том же 1382 году, затеянные родственниками Джият-ад-дина, которым Тимур доверчиво содействовал в том, чтобы они в Герате занимались своим делом, в то время как он посвятил себя другим

задачам. Мираншах двинулся на Герат и устроил там кровавую бойню; для устрашения из голов убитых сделали пирамиду⁸⁵.

МАЗЕНДЕРАН И СИСТАН

Ходжа Али стал верным последователем Тимура, Али Бека и Джият-ад-дина больше не было в живых. Из князей Хорасана только эмир Вали еще сопротивлялся. Он, конечно, вовсе не был малозначимым князем; среди них он был, вероятно, самым могущественным. Он поддерживал довольно близкие отношения с Музаффаридами в Ширазе, заключил с ними свободный союз с целью заново поделить власть на всей территории Ирана за счет династии Чингисидов, которые обеспечили себя главными странами ильханов: северо-западным Ираном, Азербайджаном, Ираком. Мазендеран, самая важная из стран эмира Вали, правда, составляла только северо-западную сторону той области, которую тогда называли Хорасан. Честолюбивый эмир Вали стремился, однако, далеко за пределы этой области, и скрестить с ним меч означало вмешаться в неустойчивые взаимоотношения иранских региональных князей, которые боролись друг с другом за долю в наследстве ильханов⁸⁶.

После смерти Абу Сайда (прав. 1317-1335), последнего правителя из дома Хулагу, который мог найти признание во всем Иране, появилось несколько претендентов на трон, среди них не только Чингисиды различных линий, но также некий Тагай-Тимур, предок которого был одним из братьев завоевателя. Тагай-Тимур нашел, прежде всего, поддержку в Хорасане. Сарбадары, которые от Сабзавара присвоили себе части хорасанской горной страны, некоторое время находились под его владычеством. В 1351 году они нанесли ему полное поражение; он нашел смерть, его соратники рассеялись⁸⁷. Конечно, они не все были уничтожены. Был эмир Вали, который собрал вокруг себя оставшихся. Его отец был близким доверенным Тагай-Тимура; по происхождению он потомок одного эмира, который уже при Хулагу прибыл в Иран⁸⁸. Эмир Вали притворился, что он действует в пользу сына Тагай-Тимура. Когда после первых успехов он присоединился к эмиру Вали, эмир изменил свои намерения и оставил за собой то, что он сам завоевал. У сарбадаров он отнял Лстарабад и оттуда отправился через Дамаган и Бис-там на запад, до Рея. Здесь не может идти речь о простом разбойничьем набеге, так как это означает, что жители тех местностей,

которых замучили разбойники, наконец, снова могут спокойно заниматься земледелием⁸⁹. Между тем Джалаирид Увайс старался привлечь Ходжу Али из сарбадаров к себе в союзники против эмира Вали, наступление которого на запад привело к опасной близости к центру бывшей ильхан-ской империи. Эмир Вали победил в 1371 году под Реем Джалаиридов, но не воспользовался этим преимуществом для дальнейшего продвижения по их области. Возможно, это были уже результаты дипломатии Увайса; во всяком случае, немного позже начались продолжительные военные столкновения между эмиром Вали и сарбадарами⁹⁰. Эти бои так сильно занимали эмира Вали, что его дальнейшие набеги на запад не приносили успеха. При этом он завязал отношения с Музаффаридами в Ширазе; вместе с их правителем Шах-Шуджой он хотел одержать верх над Джалаиридами и поделить между собой Западный Иран и Азербайджан. В 1377 году отношение эмира Вали к Шах-Шуджс неожиданно подверглось тяжкому обвинению. Племянник правителя Музаффаридов, Шах-Мансур, заподозрил, что тот планирует убрать с дороги всех неприятных близких родственников, которые могли оспаривать у него трон. Шах-Мансур бежал к эмиру Вали и подстрекал его к новому походу на запад, который закончился внезапно. Вместо того чтобы искать решение с помощью оружия, эмир Вали вступил в переговоры с султаном Джалаиридов Хусейном Увайсом (прав. 1374-1382). Владение Реем было эмиру Вали подтверждено, он породнился со своими бывшими врагами⁹¹. Такова была в общих чертах политическая ситуация, когда Тимур призвал эмира Вали признать его верховным правителем. Понятно, пожалуй, почему эмир Вали увлекся тактикой. Он рассчитывал на поддержку, которую как раз получил в Западном Иране. И также ясна причина преданности Тимуру со стороны Ходжи Али: теперь, после перемены фронта Джалаиридов, правитель Мавераннахра был единственно возможным союзником, правда, союзником, который пришел к убеждению, что ему была поручена историческая миссия — объединить «диадохов» под своим господством или уничтожить.

Однако война с Мазендераном затягивалась. Бои на севере, целью которых было уничтожение эмира Камар ад-дина, продолжались, но разворачивались не так, как надеялся Тимур. Ему пришлось посылать подкрепление. Осенью 1383 года Тимур решил, очевидно, отправиться в поход на запад; под Термезом его настигло известие, что в Систане взбунтовались негудеры и в Хазаре, к югу от

Герата, убили назначенного Тимуром коменданта. В этом неприятном положении Тимур решился на раздел своего войска; он сам выступил на юг, другая часть, к Къторой присоединился и Саиф-ад-дин, должна была продолжить продвижение на запад. Целью, собственно, оставался Мазенде-ран, война с эмиром Вали не должна была еще раз откладываться. Вначале нужно было подчинить Исфи-зар. Кольцо осады сомкнулось, и саперы принялись за дело. Они дырявили скалы, на которых стояла крепость, пока те «не стали похожи на пчелиные соты, и крепость развалилась, причем многие люди, которые в ней были, нашли свою смерть. Около двух тысяч человек были взяты к плен. Живыми их складывали друг на друга, скрепляя глиной и кирпичами. Таким образом сооружали башни, чтобы весь мир узнал силу гнева правителя и не бросился в яму плача и гибели, введенный в заблуждение нашептываниями дьявола»⁹².

Сын Тимура Мираншах за год до этого не отказался сложить в Герате пирамиду из голов убитых⁹³. Жестокость характеризует поведение Тимура в Сис-тане. Похоже, он тоже считает нагромождение голов убитых врагов подходящим средством устрашения⁹⁴. Систан был беспощадно опустошен, высокоразвитая ирригационная система разрушена. Тимур продвигается до Кандагара, там он назначает наместника, также регулирует обстановку в Кабуле, где по его приказанию обязанности губернатора берет на себя сын его умершего сподвижника Секу⁹⁵. Когда Тимур весной 1384 года отошел от Систана, изрядно нагружившись награбленным добром и угоня князя Кутб-ад-дина, а также ученых в Самарканд, он велел прежде убить большую часть негудеров⁹⁶. Имеем ли мы здесь дело с чрезмерной мстительностью? В той области два десятилетия назад Тимур был тяжело ранен в руку; в одном из своих врагов он узнал теперь того стрелка: это был один систанский князь, который пришел к нему, чтобы подчиниться. Если бы он после акта унижения подарил ему жизнь, это соответствовало бы общепринятому. Но Тимур велел схватить его и казнить, изрешетив стрелами⁹⁷, как бы воздая многократное возмездие за нанесенную ему когда-то рану. Жестокость по отношению к населению этим однако не объяснить, и ссылка хронистов на устрашение не объясняет сути дела; она вытекает из мира представлений образованного мусульманина, который сам оправдывал такое событие кажущейся ему разумной целью. Выяснится, что это неправильное толкование.

Лето 1384 года провел Тимур на своей родине. Потом, наконец,

снова всерьез смог заняться войной против эмира Вали. Не только смена «диадохов» служила в этом случае оправданием, или предосудительные действия эмира Вали с Али Бегом, как и оставшееся многократно невыполненным обещание явиться к Тимуру, а необходимость восстановления порядка, учрежденного Чингисханом. Эмир Вали был потомком всего лишь одного из «сопровождающих» Хулагу и осмелился, изгнав сына Тагай-Тимура, лишить отпрыска семьи завоевателя мира его прав. Обманутый (его звали Люкман) пробился к Тимуру и представил своей персоной очень важную для этой войны причину⁹⁸.

Мазендеран оказался неожиданно трудной местностью. Область была непроезжей, ее покрывали густые леса. Бои в открытом поле здесь негде было вести. Это давило на психику. Тимур должен был настойчиво внушать сотникам и тысячникам под страхом смерти, что они не имеют права покидать свои подразделения и части⁹⁹. Медленно и с напряженным трудом двигались вперед. Лес приходилось корчевать. Каждый день удавалось продвинуться на полпарасанга — медлительность, мучительная для Тимура, который привык к быстрым атакам и к широкомасштабным передвижениям. И к тому же нужно было отбиваться все снова и снова от повторяющихся атак невидимого, подстерегающего в укрытии врага. Наконец, все же завязался бой с отрядами эмира Вали, который в итоге обратился в бегство. Вечером того же дня Тимур отдал приказ своему войску выкопать ров и укрепиться за ним. Того, что местность перед рвом с колышками, забитыми в землю, была непроходима для лошадей, воины Мавераннахра не знали. Когда эмир Вали наткнулся на врага и отступил, он, по-видимому, только хотел произнести разведку и, конечно, не обнаружил войск, которые Тимур держал наготове в засаде. Когда ночью эмир Вали напал на укрепленный лагерь, па него с неожиданной стороны ударили засадные полки; атакованные со всех сторон войска эмира Вали должны были отступить, наконец побежали и стали жертвами ловушек и других препятствий, которые они сами устроили, чтобы затруднить продвижение воинов Мавераннахра¹⁰⁰.

В месяц шаувал 786 (х) (начался 16 ноября 1384) был взят Астарabad, столица эмира Вали. Он доставил своих родственников в крепость Гирдкx под Дамага-ном, в безопасное место, и отправился в Рей. Тимур приказал большей части своего войска занять в Аста-рабаде зимний лагерь, возвысил там формально Люк-мана до ранга правителя, а сам отправился преследовать убежавшего на восток эмира Вали. Из

каждого десятка он отрядил троих воинов, образовал из них войско, которое за короткое время продвинулось до Рея с целью догнать эмира Вали. Однако тот спрятался в горной местности и пока оставался неуловимым. Тимур занял теперь зимний лагерь недалеко от Рея. Этим походом он проник в самое сердце бывшей ильханс-кой империи. Старая резиденция Султания, которая в те дни удерживалась Джелаиридом Ахмадом Увайсом (прав. 1382-1410), находилась недалеко. Ахмад посчитал разумным испариться. Он поспешил в Тебриз, оставив своего сына комендантом Султании. Тот очень скоро последовал примеру отца, так что войска Тимура без усилий захватили город и крепость.

Попытки весной 1385 года все же схватить эмира Вали оставались безуспешными. Войска Тимура прочесывали горы к югу от Каспийского моря; некоторые мелкие князья сдались добровольно и были отданы в подчинение назначенному Тимуром Люкману. Немного позже Тимур отправился на свою родину. Лето и зиму 1386 года он провел в Самарканде¹⁰¹. Как поговаривали, эмир Вали, будто провалившийся сквозь землю, поступил на службу к Ахмаду Увайсу и боролся теперь за то, чтобы отвоевать Султанию. Осенью 1385 года он возвысился даже до наместника Тебриза; Ахмад Увайс сам тогда отправился в Багдад, который был частью его империи¹⁰². Казалось, судьба милостиво обошлась с эмиром Вали. Однако несмотря на все многообещающие связи с Джалаири-дами это должно было продлиться лишь до лета 1386 года, когда его голову положили к ногам Тимура.

ТИРАН В ИРАНЕ

Именно когда эмир Вали короткое время исполнял обязанности намеетника Тебриза, на западном побережье Каспийского моря на юг прорвалось большое войско под руководством хана Золотой Орды Тохтамыша. Оно достигло Тебриза, который тщетно пытались защищать эмир Вали и один князек из Халкала, захоластья в горах, лежащего примерно на половине пути между Ардебелом и Казенном. Кипчаки опустошили Тебриз, но после этого отступили. Эмир Вали искал убежища в Халхале. Летом 1386 года войска, отправленные в поход сыном Тимура Мираншахом, наместником Хорасана, наступали на северо-запад Ирана, и тот князек из Халкала после некоторого колебания уступил явно превосходящей силе и выдал эмира Вали, который был убит еще на пути к войску Чагатаев¹⁰³.

Почему же их отряды снова пришли в Иран? Определенно не только из-за бунта против сборщиков налогов из Мавераннахра, который вспыхнул в Султании, после того как кто-то распустил слух, что Ахмад Увайс возвращается¹⁰⁴. Упорство, с которым Тимур постоянно приказывал преследовать своих врагов, вызывало подозрение, что ему была невыносима мысль об эмире Вали, который все еще наслаждался жизнью, однако было же еще нападение на Тебриз, которое, вероятно, очень сильно волновало Тимура. Из собственных наблюдений он знал, что «диадохи», которые спорили из-за наследства ильханов, едва ли были в состоянии отразить нападение такого противника, как хан Золотой Орды. С девятью туменами он вторгся в Азербайджан, в котором большинство составляли неверные. Если бы Тохтамыш добровольно не повернул назад, на север, обрадованный, вероятно, богатой добычей, которую он унес из Тебриза, кто мог бы остановить его? Конечно, не слабые Джалаириды, которые к тому же вели войну против Музаффаридов ради владения внутрииранскими областями. И кто мог бы еще считаться защитником? Пожалуй, вряд ли султанат мамлюков, ввергнутый в состояние политической нестабильности и ужасающего разрушения, который, кроме того, в прошлом часто поддерживал хорошие отношения с Сараем, чтобы перехватить давление ильханов на область Плодородного Полумесяца. Последствия захвата далеких областей Ирана Тохтамышем были бы для Тимура чрезвычайно опасны. Поэтому возможно, что он, как только услышал о тех событиях, посчитал необходимым обратить свое внимание на сохранение империи Иран, так как тогда там не было никакого правителя, приказов которого слушались бы во всей стране; из-за раздоров князей враги направляли туда со всех сторон свои алчные взгляды и с бедными верноподданными обращались несправедливо¹⁰⁵.

Военный поход, назначенный на 1386 год, должен был продлиться долго. Он вошел в историю как «летняя кампания», так как подготовка началась в 788 году, возвращение пришлось на начало года 790. Чагатаевские отряды быстро продвинулись к опустошенному кипчаками Тебризу. Ахмад Увайс, как раз готовившийся отвоевать у Багдада свою столицу, поспешил назад в Тебриз. Чагатаевцы оказались быстрее. Все лето они хозяйничали в Тебризе. Сам Тимур оставался в Самарканде и велел держать себя в курсе происходящего на северо-западе Ирана через посланников. Неожиданно выясняется, что он придет сам; его войско стоит уже под Нишапуром. В Тебризе, где

джалаиридский эмир Адил Аджа мечтает о том, чтобы с временной поддержкой чагатаевскими войсками быстрее двигать собственное дело, а не дело Мавераннахра, это известие не вызывает радости. Адил Аджа уже несколько раз менял направление, выступал против Ахмада Увайса и служил Музафсаридам, которые из Шираза продвинулись на северо-запад, чтобы объединить весь Иран под властью их династии. Тимур использовал его, когда впервые напал на Султанию: он там назначил его комендантом города. Благодарный Адил Аджа оказался полезным при охране Тебриза после отступления кипчаков и при отражении войск из Багдада, которые должны были занять по поручению Ахмада Увайса родовую резиденцию Джалаиридов.

Предателям Тимур не верит; он использует их некоторое время как услужливый инструмент; потом он их бросает. Адил Аджа по-настоящему обеспокоен продвижением Тимура на запад. Это продолжается всего неделю, и тут прибывают посланники. У них поручение — незамедлительно привести Адил Аджу к полководцу, который под Хамаданом как раз возился с разбойничавшими лурами. Тимур, теперь слишком озлобленный, чтобы быть легковерным, подозревает, что Адил Аджа тайно связан с Ахмадом Увайсом, — подозрение, которое подтверждают доноски. Он быстро решает: войско, которое собрал вокруг себя Адил Аджа, следует распределить между чагатаевскими войсковыми единицами. Адил Аджа должен написать письмо находящимся в крепости Султании связанным с ним войскам и приказать им поддержать контингент Мавераннахра силами, которые должны держать открытым для Тимура обратный путь в Гилян. Письмо датировано двадцатым сентября 1386 года. Адил Аджа уплатил этим свой долг. Тремя днями позже грабят его обоз, его самого берут в плен, еще через три дня убивают.

Как Тимур представлял себе в деталях охрану границы от кипчаков, не совсем ясно. Во всяком случае он стремился обеспечить через Иран жизненно важные для него связи запада с востоком, и не только на севере. Уже во время его продвижения он узнал о грабежах только что упомянутых луров, главный оплот которых находился под Буругирдом, к югу от Хамадана. Он выставил отряд, который должен был обезвредить этих нарушителей спокойствия. Из каждого десятка были выбраны два человека; он сам возглавил это мероприятие, которое окончилось атакой укрепления. Пленные луры были сброшены со скал и погибли. К известным эмирам, которые заплатили

жизнью за этот успех, сражаясь на стороне Тимура, относился и Ходжа Али, бывший властитель сарбадаров¹⁰⁶.

Повиновение, которое проявил Ходжа Али, — это, очевидно, политическое правило, которому Тимур хотел подчинить Иран, чтобы установить в своей стране мир и защитить её от врагов. По-видимому, это было единственное средство, которое он знал, чтобы укрепить в высшей степени непрочные отношения между собой как султаном и покоренными князьями, его свитой, а он сам когда-то это пережил в Маве-раннахре при эмире Хусейне. Поэтому он и не допускал здесь никакой двусмысленности или неуверенности. Он незамедлительно убрал Адила Аджу с дороги и разбил его армию, как только известие о планах Ахмада Увайса дошло до него и появилась угроза его господству над северо-западом Ирана. Чтобы действовать наверняка, Тимур выступил сам осенью 1386 года на север, так как речь шла о том, чтобы подчинить своей верховной власти местных правителей, от которых скорее всего можно было ожидать соединения с кочующими агрессорами или, в лучшем случае, благожелательную нейтралитета перед их вторжениями. Через Маранд двинулись к Арасу*, через который вел мост, удививший воинов Мавераннахра. Он представлял собой обтесанные камни, сложенные как бы натянутыми дугами, из которых две достигали ширины в шестьдесят локтей. На северном берегу Араса стоял замок, его захватили. После этого продвинулись на север-запад до Карса. Это все должно было служить наказанием непослушным местным князькам. Теперь, однако, появилась в поле зрения еще одна цель. Если повернуть от Карса на север, то скоро попадешь в царство Грузию. А для мусульманского полководца нет более почетной задачи как обнажить меч против неверного. Действительно ли война с Грузией служила цели преградить Тохтамышу путь в Иран, остается неразрешенным. Посреди зимы, несмотря на сильные морозы, воины Мавераннахра продвигались к Тифлису¹⁰⁷.

Неверные грузины заблуждались в отношении прочности стен своей крепости, которые они соорудили самым лучшим образом. Приготовившись к борьбе, господин счастливых обстоятельств со смиренной душой и послушными ушами услышал многообещающее известие, которое гласит: «Боритесь с ними!

Тогда бог их накажет и унизит вашими руками!» И он приказал

---

* Аракс. — Прим. ред.

разжечь огонь войны. Привыкшие к успехам эмиры и славные герои, выполняя приказ, подготовили сооружения для захвата крепости, выстроили войско слева и справа, основной отряд и фланги, окружили крепость и под громкие крики «ля илла иль-Аллах» и «Аллах Акбар» ударили в литавры шарията пророка Мухаммеда, двигали со всех сторон щиты, сооруженные из тростника и кожи, и начали битву.

*Едва благочестивый господин счастливых битв
привязал меч войны за веру,
вытащил он клинок триумфа из ножен,
и до небес раздался призыв Аллах Акбар!*

Мужественные воины боевых сил ислама проявили героизм, искреннюю убежденность и усердие в вере и завоевали крепость благодаря божеской помощи, о которой говорится: «Аллах позволит вам восторжествовать над ними и даст верующим людям удовлетворение!»; и соответственно божественному приказанию: «Убивайте их, где бы вы их ни встретили!» послали они недостойных неверных сверкающими, мечущими искры клинками в подобающее им место: «Ад их жилище — какое плохое пристанище!»¹⁰⁸

Грузины потерпели тяжелое поражение; их царь был схвачен. Теперь, наконец, Тимур решил пойти в зимний лагерь, а именно в азербайджанский Карабах, местность, которая часто посещалась ильханами с подобными целями¹⁰⁹. Там Тимур приказал привести к себе грузинского царя, и благодаря «умным советам и предупреждениям сиял свет правильного руководства из окна божеской милости в мрачное нутро того заблудшего», который после того как стоял у бездны ада, «приобрел истинное, чистое доверие и жизнь в вечном блаженстве». Царь подарил Тимуру кольчугу, о которой рассказывали, что она была выкована Давидом. Победитель милостиво принял дар и снова назначил грузина правителем своего царства — теперь зависимого от Тимура¹¹⁰. Во время пребывания в этом зимнем лагере Тимур принимал заверения в преданности других князей. Среди них были властители Гиляна, а также правитель Ширвана; он лестью добился расположения Тимура, предложив ему себя в качестве одного из доставленных девяти подарков, которые обычно принимали завоеватели из рук жителей побежденных городов. Как и следовало ожидать, он из рук Тимура

опять получил власть над Ширваном. Всего семнадцать мелких князей тогда подчинились ему, некоторые из них, очевидно, с задней мыслью при первой возможности предательски убить его. Но снова с этим ничего не вышло; он приказал арестовать заговорщиков и разделил потом их княжества между своими наследниками¹¹¹.

Весной 1387 года Тохтамыш снова появился на восточных отрогах Кавказа, чтобы напасть на Азербайджан. Для того момента политика умиротворения пограничного пространства, проводимая Тимуром, оказалась успешной. Тохтамыш не мог рассчитывать на то, что предатели из фронта обороны, который воины Мавераннахра силой окружили и страхом вывели из борьбы, обеспечат ему дальнейшее продвижение. Тимур сам был заинтересован в скорейшем окончании боев и по возможности осторожном разрешении ссоры с кипчаками, так как задача, которую он поставил перед собой, а именно успокоить «диадохов» Ирана и заставить их исполнять обязанности его, Тимура, наместников, была еще далеко не решена. Итак, ему срочно был нужен мир на севере. Уже второй год он не был в Самарканде, и еще не была предотвращена опасность, что кипчаки смогут оказать на него давление как вдоль западного побережья Каспийского моря, так и в степях на восток от него или вообще непосредственно в нижнем течении Яксарта. Как он мог бы продолжать свое дело в Иране, если бы это произошло? Тимур приказал привести пленных кипчаков и сообщил им о своем глубоком разочаровании в Тохтамыше, который обязан ему своим взлетом, даже занимает у него место сына.

Пленным были вручены подарки, затем их отпустили¹¹². После того как воины Мавераннахра отразили атаку кипчаков и несколько потрепали туркменов, рыскавших на востоке Анатолии, Тимур направился к центру и на юг Ирана.

Шах-Шуджа (прав. 1364-1384), правитель Музаффаридов в Ширазе, якобы написал на смертном одре Тимуру письмо следующего содержания: это было необъяснимое решение Бога вложить в него, Шах-Шуджи, слабые руки власть над некоторыми из его слуг. Теперь он слышит уже со двора создателя неотвратимый призыв к возвращению; время приглашать в дом. Так как с Тимуром, поборником справедливости, его связывала проверенная временем дружба, он может надеяться на Бога, что на Тимуре, чьи великие дела подобны деяниям Соломона и Александра, и дальше будет лежать высочайшее благословение. Покровительству этого господина, пользующегося высочайшим расположением у Бога, поручает он

своего сына Заина ал-Абидина. И для несовершеннолетних сыновей, а также братьев выпрашивает он защиту Тимура, пусть он постоянно проявляет заботу о наследниках князя и таким образом, чтобы свидетельства видны были любому¹¹³.

Тимур призвал этого Заина ал-Абидина, наследника Шах-Шуджи в Ширазе, к себе еще прежде своего выступления из Азербайджана на юг Ирана, так как Шах-Шуджа был хорошим другом и стоило возобновить этот дружественный союз. В качестве подарка Заин ал-Абидин должен был принять власть над Ширазом. Но тот, конечно, не пришел. Содержание тимуровского приглашения, должно быть, показалось требованием. А разве Музаффариды чувствовали себя верноподданными эмира Мавераннахра, который позволял себе обустроивать Иран по своему усмотрению? Тимур стоял с войском в Гиляне, когда ему сообщили, что Заин ал-Абидин арестовал посланника, который передал ему то самое «приглашение», и не думает его выполнять¹¹⁴. Это был хороший предлог для нападения на Музаффаридов.

Совершенно однозначно не в их пользу говорило правовое положение. В 1382 году Тимур уже второй год занимался умиротворением Ирана так, как он его понимал. Шах-Шуджа отправил к нему посланника, который передал многочисленные подарки и вручил послание, в котором правитель Шираз давал понять, что он полон симпатии к Тимуру¹¹⁵. Очевидно, Шах-Шуджа стремился таким образом предотвратить нападение на его империю и направить жажду деятельности Тимура на эмира Вали, который пять лет назад предоставил убежище Шах-Мансуру, племяннику Шах-Шурджи, и помирился с Джалаиридами, что было еще опаснее для ширазца¹¹⁶. Тимур подхватил предложение Шах-Шуджи и предложил со своей стороны породниться с Музаффаридами. Весной 1383 года отправилась миссия, которая должна была привезти в Мавераннахр внучку Шах-Шуджи как невесту для Пир Мухаммеда, сына Джахангира. Когда годом позже Тимур начал свой большой поход на Мазендеран и стоял с войском под Балхом, караван с невестой прибыл к нему¹¹⁷.

Трудно сказать, были ли к этому моменту его отношения с Музаффаридами еще дружественные или скорее омраченные, так как Тимур разрушил и Сис-тан, и другие области теперешнего южного Афганистана, которые полностью находились в сфере интересов ширазцев. Тяжелые ссоры среди Музаффаридов расстроили прежнее умиротворение региона Шах-Шуджой¹¹⁸, и в братоубийственной

войне, которая вспыхнула после его смерти, снова сыграли роль афганцы¹¹⁹. Шах-Шуджа умер 9 октября 1384 года¹²⁰. В последние годы его правления, изобилующего волнениями к семейными интригами, он мало видел радости от своих сыновей. Заин ал-Абидин, которого он намечал своим преемником, оказался неспособным быть наместником Исфахана и даже на некоторое время был отправлен в тюрьму. Другой сын подозревался в том, что хотел восстать против отца, и также был арестован. В состоянии опьянения Шах-Шуджа отдал приказ ослепить его¹²¹. Во всяком случае, Шах-Шуджа в эти мучительные для него годы должен был понять, что империя Музаффаридов после его смерти распадется. Нельзя исключить, что он считал себя в безвыходном положении и фактически поэтому передал тот вызов на бой, о котором, правда, говорится только в источниках, появившихся после смерти Тимура¹²². Мог ли Шах-Шуджа не знать, что, если он искал поддержки Тимура для Заина ал-Абидина, то одновременно лишал его независимости. Пожалуй, нельзя освободиться от недоверия к тому посланию, которое очень пригодились Тимуру. Если это фальшивка, то она свидетельствовала о необычной гнусности и была созвучна в остальном целеустремленности его действий, наблюдаемой неоднократно. К тому же поход по умиротворению Ирана продолжался теперь уже два года; просто идти назад через северную часть означало бы оставить центр и юг за пределами задуманной политической системы. И он лишил бы истощенные войска перспективы взять достойные трофеи. То, что именно это и есть правильная точка зрения, подтверждено судьбой, которая ожидала Исфахан.

Тимур решительно воспользовался разладом Музаффаридов. Один из них, султан Ахмед, который обосновался в Кирмане, уже в 1385 году стал жертвой агитации Тимура и объявил готовность чеканить его имя на монетах и заставить прославлять его в проповедях по пятницам¹²³; он был также зимой 1387 года среди иранских князей, которые присягали на верность Тимуру. Следовательно, военный поход на юг Ирана не был азартной игрой. В месяц шаувал 789 г. (х) (начался 15 октября 1387 г.) войска Мавераннахра стояли перед Исфаханом. Комендант, которого назначил Заин ал-Абидин, вместе с саидами и учеными вышел к воротам, засвидетельствовал завоевателю свое почтение и оказался достойным «чести ковра». Вскоре после этого Тимур сам вошел в город, чтобы рассмотреть крепость. Когда он

вернулся, приказал у каждых ворот города выставить сильную охрану. Потом издал приказ, чтобы все лошади и все оружие было сдано. Сановники и власти Исфахана должны были явиться снова и выслушать решение Тимура о величине дани, которой обложили город. Чтобы ее собрать, были назначены для различных кварталов города эмиры, которые со своими людьми действовали решительно и беспощадно и увозили плоды своей деятельности к месту сбора дани. В то время как это происходило, сановники города удерживались в лагере в качестве заложников.

То, что Бог, укрощающий, благородный самодержец, хотел уничтожить ту область, означало: «Если он чего-то хочет, найдет для этого повод!» Однажды ночью один остолоп из окрестностей Исфахана, которого звали Али Круммфус, бил в барабан, и собралась толпа злодеев — чернь, более дезориентированная, чем скот!¹²⁴ Нагло ходили они по городским кварталам и убивали сборщиков налогов — кроме некоторых кварталов, жители которых были достаточно умны, чтобы защитить своих сборщиков от нападения тех преступников. Многие отряды, которые вошли в город для выполнения своих задач, были уничтожены; таким образом, около трех тысяч человек пали жертвами бесчинствующего сброда. После убийства тюрков те дерзкие оборванцы бросились на штурм городских ворот и отвоевали их у воинов, которые охраняли их, и принялись укреплять оборонительные сооружения, и тешили себя в своих фантазиях тщеславными планами мятежа. Когда на следующий день доложили об этих инцидентах благословенному уху господина счастливых обстоятельств, вспыхнуло всепожирающее пламя его гнева, в сравнении с которым пламя ада еще можно назвать прохладным, и господин, чей девиз — триумф, получил приказ покорить город. Герои вытащили победоносной рукой клинки мести и разъяренные направились к городу. Так как теперь уже ничего нельзя было предотвратить и больше не было выбора, горожане защищались в смертельном страхе, вздрагивая как жертвы убоя...

Когда победоносные герои завоевали крепость и город был покорен, торжествующий господин счастливых обстоятельств послал отряд, который должен был защищать... кварталы саидов... Потом он приказал устроить бойню, дал предписания в отношении всех мыслимых видов наказаний и мести... И вышел приказ наместника гнева о том, что туме-ны, тысячи и сотни должны предъявлять доставшуюся им долю

голов, для регистрации которых были поставлены инспектора правящего дивана. Достойные доверия люди рассказывали, что воины, которые не хотели убивать собственными руками, покупали головы у своих товарищей и сдавали их; вначале одна голова стоила двадцать динаров, в конце, когда каждый доказал свою долю, голову предлагали за полдинара, хотя ни один покупатель не находился¹²⁵.

Кроме саидов и ученых выжили только те, кто защищал сборщиков налогов Тимура, кто, таким образом, объявлял себя сторонником его «мирного общества». Официально указанное количество отрубленных голов составляет семьдесят тысяч; Тимур приказал сложить из них пирамиды вокруг истерзанного города. Один свидетель сообщает: «... В тот день мы шли вдоль города. На одной стороне мы насчитали двадцать восемь сооруженных из голов пирамид, каждая из которых содержала более тысячи черепов — до двух тысяч, так что и среднем получается тысяча пятьсот. И на другой стороне города было то же самое»¹²⁶. Мерзости, о которых рассказывают в связи с резней в Исфахане, показывают Тимура как безжалостного, кровожадного мстителя, который не смягчается даже при виде невинных детей¹²⁷. Именно это могло быть, сентиментальным или полным ненависти приукрашиванием. Не вид зверств вызывал ужас — пирамиды из черепов не представляли ничего нового¹²⁸. Неслыханным было число жертв, это была, прежде всего, отличная инсценировка, холодный расчет, который исключал только тех лиц, проклятие которых могло навредить, ученость которых могла быть полезной, и тех, кто уже доказал свою преданность.

В действиях Тимура была железная логика, от которой у современников захватывает дух. К жестоким деспотам они привыкли; но обычно время от времени деспоты прощали, грешили против правил, которые они сами устанавливали. А разве Тимур раньше до этого не действовал нерешительно и не щадил врагов? Этот Тимур здесь, однако, не смягчается. И поэтому он превосходит многочисленных деспотов той эпохи и становится зловещим для людей.

Бойня в Исфахане произошла 18 ноября 1387 года. В декабре Тимур захватывает Шираз. Заин ал-Абидин, как выясняется, бежал в Ту стар к своему родственнику Шах-Мансуру. Тот радуется непредвиденному случаю, который подарил ему нелюбимого кузена. Он бросает в тюрьму ищущего убежище и готовится тоже заполучить Шираз. Там Тимур занят

установлением своего порядка; он распределяет провинции между князьями-Музаффаридами, которые присягнули ему на верность, рассылает во все области своей громадной империи известие о победе. Тут из Самарканда прибывает срочный курьер; всего за семнадцать дней он преодолевает большое расстояние; Тохтамыш напал на Бухару; его проводником является Султан Мухаммед, сын предателя Кайхосрова; Моголистан в союзе с Тохтамышем. Умар-шейх блокирован в крепости Андижана. Какие плохие вести! Тимур не колеблется. Он спешит со своим войском в Самарканд. Шел январь 1388 года¹²⁹.

ИРАН И ТУРАН

Зимой 1401 года Тимур стоял перед Алеппо. Между тем его привычкой стало приглашать к себе ученых города и вовлекать их в беседу. Одного из присутствующих судей он спросил о возрасте. «Пятьдесят семь лет», — гласил ответ; и остальные приглашенные достигли почти шестидесятилетнего возраста. «Я мог бы быть вашим отцом!» — заметил Тимур¹³⁰. Ему было бы тогда около семидесяти лет, если бы он родился в 1330 году. Это совпадает со свидетельством другого арабского источника, который относит его рождение к 728 году (х) (начался 1 ноября 1327)¹³¹. Самые старые персидские записи о жизни Тимура¹³² замалчивают дату рождения. Но уже в хронике Шамиса, которая ему была поручена, мы наталкиваемся на утверждение, что он родился в 736 г. (начался 21 августа 1335). Если считать это правильным, то беседа с судьями не имеет смысла, разве только предположить, что Тимур хотел похвастаться, что он улсе в восьмилетнем возрасте был способен зачать.

«В 736 году господство Чингисидов в Иране закончилось; там уже больше никого не оставалось из того рода, кто мог бы править как самодержец. Однако по времени закат той династии связан с появлением этого человека, прирожденного короля, с зарождением звезды счастья, полнолуния власти, великого эмира и завоевателя мира... героя, который прорывает фронты Ирана и Турана, богатыря счастливых обстоятельств, Александра этого времени...»¹³³. Так пишет Хафиз Абру (ум. 1430), и сразу бросается в глаза, что здесь имеется в виду не реальная, а идеальная дата. Установлением 736 года годом рождения поясняется место, которое Тимур должен занимать в истории Чингисидов — и этим самым во всемирной истории, которая, с точки

зрения хронистов того времени, достигла своей кульминации при Чингисидах.

И более точная дата — называется ночь на восьмое апреля, по-видимому, тоже вымышленная. И поэтому не может быть приведена в качестве аргумента для подлинности связанного с этой датой 736 года. Тимур — «господин счастливых обстоятельств»; только когда в гороскопе преобладали благоприятные созвездия, могло произойти его рождение¹³⁴. На самом деле мы точно не знаем, когда родился Тимур; попутным замечкам арабских источников следует больше доверять в этом отношении, чем более поздним персидским хронистам. Но их высказывания ни в коем случае нельзя считать ничего не стоящими. Они подтверждают, как все события рассматривались с позиций Чингисидов; история представляла собой историю потомков Чингисхана; это было первостепенным. Презирали династию Картидов; «верноподданному» не следовало властвовать и творить историю. Все снова и снова пытался Тимур смешать кровь великого завоевателя и учредителя Ясы со своей. Кажется, он был убежден, что только тогда его дела останутся в истории, если он как можно больше возьмет от наследства основателя монгольской империи для себя и своих детей и внуков. Он все-таки сам добился титула ханского «зятя»¹³⁵; многие из его потомков благодаря целеустремленной политике были отмечены благородным прямым происхождением от Чингисхана.

Шами (ум. до 1409), автор одной из двух летописей, написанных по поручению Тимура, подтверждает эту мысль во вступлении к своему труду. «Так как древо империи этого высочества выросло в саду счастья и в благословенном роду Чингисхана, да и так как усердие садовода, которым обладало это высочество, снова подвело в последнее время к саду той возвышенной династии исчезнувшую воду через ров, оживило предписания и правила, которые издал тот самодержец и господин счастливых обстоятельств Чингисхан, особенно способствовал возрождению благословенных потомков Чагатая и сделал их правителями Ирана и Турана, неизбежно придется» начинать историю Тимура с обзора всех событий со времен Чингисхана¹³⁶. Конечно, Тимур убеждался, чем быстрее он шел от победы к победе, в том, что он призван восстановить, а может быть, и завершить дело того человека, который его однажды начал, примирить мир под своей властью, превратить его в единый «мирный союз». Доказательство того, что Тимур считал обязательным порядок, который установил Чингисхан, встречаются очень часто. Он предпринимает

объединение Ирана, раздробленного «диадоха-ми», чтобы страной снова управлял один-единственный Чингисид, марионеточный хан, которого он выбрал; и он держится за чагатаевское ханство, хотя его правитель в наших глазах только марионетка.

Тимур и его окружение, конечно, возражали против этого пренебрежительного выражения, так как и отношения между «султаном Тимуром» и «самодержцем Союргатмисом», полностью отвечают воле Чингисхана. Рассказывают, что Чингисхан однажды предоставил своему сыну Чагатаю определенную область; но он поставил рядом с сыном одного человека из рода Барласов по имени Карачар, а этот Карачар был прямым предком Тимура. В подготовленном в 1425 году переработанном и дополненном издании биографии Тимура, написанной Шами, Карачар играет уже выдающуюся роль¹³⁷; потребность в узаконивании политической данности как осуществление воли Чингисхана видна очень ясно. По существу, рассказ о Карачаре Шами соотносит со временем Тимура. Чага-тай, второй сын Чингисхана, был его любимым сыном, он ведь с усердием заботился о сохранении Ясы; его отец выделил ему особые войсковые подразделения, во главе которых стоял тот самый Карачар из рода Барласов; Чагатай доверял ему безгранично. В наше время дальновидность Чингисхана удивительным образом обнаруживается: Тимур, потомок Карачара, помог потомку Чагатаю получить господство над «Ираном и Тураном, да и над большинством стран мира»¹³⁸. В некоторых поздних источниках находим, что особенные отношения между Тимуром и Союргатмисом были предопределены уже в мифической древности до объединения монголов: у одного хана по имени Тюмен родились как-то близнецы, которых он назвал Касули и Кубила; Кубила был прапрадедом Чингисхана; Тимур был отпрыском Касули в восьмом поколении¹³⁹. Однажды Касули приснилось, как из одежды Кубилы в вырезе у шеи поднялись и погасли одна за другой три звезды; за ними следовала четвертая, еще ярче, от которой откалывались другие и освещали другие области. Касули проснулся и размышлял об этой картине. Он снова погрузился в сон и увидел второй образ. Па этот раз из его собственной одежды поднялись семь звезд и, наконец, восьмая, необычайно сверкающая, из которой скоро также вышли несколько других. Толкование, которое дал Тюмен своему сыну Касули, не может быть неожиданностью для читателя. Но это еще не все. Кубила и Касули

заключили договор: «Ведение войны и эмират» были доверены Касули и его потомкам, «трон ханства» оставил за собой и своими потомками Кубила¹⁴⁰. В этой форме легенда, по-видимому, появилась только при последователях Тимура — восьмая звезда раскололась. Легенда, наконец, даже вплетена в предание о разделе империи Чингисханом: Ча-гатай получил от своего отца поручение в соответствии с «договором» между Кубилой и Касули передать управление своими землями Карачару¹⁴¹.

Невозможно проверить, действительно ли Тимур происходит от Карачара. Важно только то, что его фигура занимает свое законное место в истории Чин-гисидов. Это было неизбежно, так как просто поражает, как воспринимались предания из раннего монгольского периода, как они предписывали определенные воззрения и обязывали к определенным отношениям, и это даже в странах, которые были далеко от Средней Азии. Так некий Арпа, которого ильхан Абу Сайд предложил своим преемником, был отвергнут одним из эмиров со следующим обоснованием: его предку великий хан Хубилай поручил подавить принца Ариг-Буга, его брата и соперника; он, потомок того командира, назначенного Хубилаем, не может ничего другого, кроме как ненавидеть Арпу, так как он происходил от Ариг-Буга¹⁴².

Конечно, наследники Чингисхана больше не могли спокойно царствовать в сфере политических идеалов и стандартных исторических преданий. Круг представлений, вытекавших из культуры покоренных народов, на которых был ирано-исламский отпечаток, просочился в тот мир идей и незаметно приобрел удивительную степень влияния. Поразительно, с какой уверенностью будет действовать Тимур по другую сторону южной границы улуса Чагатая; здесь он пробивает, бесспорно, старый барьер, который более столетия отделял страну Чагатаев от ханства Хулагу и его наследников по линии Тулуя, то есть до первой половины четырнадцатого столетия и даже до тех времен, когда Тимур был еще жив, разделял две страны, развитие цивилизации которых происходило неравномерно со времен нашествия монголов¹⁴³. Тимур боролся за новый подъем Чагатаев, писал Шами; но Иран никогда не был частью улуса Чагатая. По какому праву смог Тимур потом поставить «диадохов» на колени? Только по праву более сильного? Возможны несколько ответов. Первый гласит, что раздоры правителей маленьких территорий не соответствуют идее Чингисхана о государстве: в Иране империя ильханов распалась на несколько враждующих друг с другом

княжеств, а достойного потомка Хулагу, который мог бы устроить это бедствие, не было в поле зрения. Тимур воздал должное воле великого распорядителя мира, подчинив «диадохов» чагатаевскому самодержцу¹⁴⁴. Впрочем, Чингисхан не мог издавать относительно Ирана никаких постановлений, так как страна только при Хулагу стала прочной составной частью великого ханства. Второй ответ исходит тоже из раздробленности империи ильханов. Он был высказан, очевидно, в начале «трехлетней кампании» и содержит уже в своей сути идею наследования: в Иране нет самодержца, — а им, конечно, может быть только Чингисид, — который защитил бы мусульман от нападений неверных, приведенных Тохтамышем. Признание исламской веры, таким образом, явилось аргументом; мусульманская часть монгольской империи, образованной из южного улуса Чагатая и бывших ильханских областей, рассматривается как единое государство, несмотря на недавние войны, которые вряд ли когда-нибудь прекратятся; в Моголистане правит неверный¹⁴⁵, а из неверных набирается войско Тохтамыша¹⁴⁶.

Мысль об объединении Ирана и Мавераннахра в единое государство, которое благодаря исламизации обеих областей примерно с середины четырнадцатого столетия становится приемлемой, кажется, могла быть не только делом Тимура и его окружения. В 1300 году, после смерти Хайду, Тува из Чагатаев передал великому хану послание, которое рекомендовало ему интерпретировать раздел стран Чингисхана среди его сыновей таким образом, что каждый потомок из четверых в своей области может совершенно свободно и не обращая внимания на интересы, ставящие его выше другого, распоряжаться и царствовать по своему усмотрению. Великий хан в ответ на это настоял на том, чтобы по воле Чингисхана те четверо действовали сообща в зависимости от их различных способностей на пользу всего государства¹⁴⁷. Он не одобрял, кроме того ссоры в громадной западной части монгольской империи, которую рассматривал все еще как единое подчиняющееся ему целое. В 1325 году разногласия между последним ильханом Абу Саидом и его военачальником Чобаном приближались к кульминации; Чобан просил у правителя разрешения повести войско на Хорасан, так как, вероятно, хотел избежать опасности пасть жертвой заговора. Он прибыл в Герат в нужный момент; Тармаширин, хан Чагатаев, был готов начать войну с империей ильханов. Чобан, который направил своего сына с войском против агрессоров, находился еще в Герате¹⁴⁸, когда к нему добралась миссия хана. Она передала документы, из которых явствовало, что великий

хан назначил его «эмиром эмиров», а значит, и поставил его над всеми другими военачальниками, и область, за которую должно было воевать это вновь созданное командование, была обозначена как «Иран и Туран»¹⁴⁹. Исламские страны по другую сторону Окса, таким образом, были тоже втянуты.

Понятие «Иран и Туран» ведет в мир представлений иранского национального эпоса, который нашел свое непревзойденное поэтическое воплощение в произведении Фирдоуси (ум. около 1025). Он рассказывает историю человечества, однако, с точки зрения Ирана: его герои, такие, как Рустам, стоят в центре, их противники — правители Турана, неиранских народов Средней Азии. То, что рассказывала «Шахнаме», воинам времен Тимура было известно; это не было минувшее прошлое, не сказание, которое относится к простому поучению и развлечению, это было настоящее прошлое. Это отражало жизнь тех мужчин, которые проводили свое существование в постоянной борьбе. В стихах Фирдоуси узнавали самих себя и свое окружение: крепость, в которую бежит предатель Зинде Хазам, когда Тимур приближается к Оксу, «в «Шахнаме» упоминается как Сафид-диз (Белый замок)»¹⁵⁰, как отмечает хронист Жазди; символом Амола на северном склоне горного хребта Эльбурс были четыре купольных свода, в которых, по преданию, покоились кости Фаридуна и его трех сыновей: из отношения к содержанию «Шахнаме» прославилось и место¹⁵¹.

Фаридун, как рассказывает Фирдоуси, победил жестокого грубого правителя Зохака; позже он поделил свою империю между сыновьями. Зальм получил страну Рум, западную часть; Иран образовал центр империи Фаридуна и был присужден Ираджу; Тур наследовал Туран, заселенные варварами степные области, которые на северо-востоке примыкали к Ирану. Через несколько лет Зальм начал питать злобу к своему отцу, потому что именно Ирадж, самый молодой из трех, имел право владеть богатым и цивилизованным центром. И Тур, «шахиншах тюрков и китайцев», был тоже недоволен своей долей, и так началась борьба румийцев, но прежде всего туранцев против Ирана — главный сюжет тех отрывков из «Шахнаме», которые освещают легендарное прошлое и в которых появляются народные герои¹⁵². Итак, были очень точные представления, где богатыри, которых воспевают Фирдоуси, разыгрывали свои бои; и полагали, что также знают, что Иран и Туран — и сюда же относится страна Рум — образовали однажды одно целое, которыми правил род Каянидов. Хотя спор между Ираном и Тураном в «Шахнаме»

понимается как борьба между цивилизацией и варварством, на самом деле она была выжана завистью братьев; собственно Иран и Туран связаны друг с другом под властью единого правителя, который снопа приносит им мир.

А разве не было уже однажды в Иране героя — правителя тюркского происхождения? Героя, который вернул Ирану утраченную власть? «Когда я смотрел на тот облик, похожий на Хосрова, я спросил одного из славных воинов: «Что это за властные черты? Что колышется там перед ним, все звезды щш его войска?» И тут мне ответили: «Это царь Рума и Индии... в Иране и Туране есть у него слуги, которые живут только его благоразумием, его приказами!.. Великий властитель мира Махмуд гонит овец и волков вместе на водопой! От Кашмира до моря Китая восхваляют его князя! Едва слизнет грудной ребенок в колыбели материнское молоко со своих губ, как сразу же называет Махмуда по имени!.. И, ты, поэт, восхваляй его!..»¹⁵³ Эти слова из вступления «Шахнаме» восхваляют Махмуда Газни (прав. 999-1031) — и указывают они ему, которого они прославляют как идеального правителя, не Иран и Туран в качестве его империи, а Рум, Индию и Китай как части света, в которых его слово ценится.

Во времена Тимура был уже давно практикуемый обычай сравнивать события монгольского периода с событиями «Шахнаме». Ужасающие войны с их тысячами и тысячами жертв были стилизованы в дуэли благородных героев — совершенно объяснимая попытка понять ужас и отогнать его¹⁵⁴. Уже Хулагу в одном послании египтянам посоветовал капитулировать, потому что слава его войска, между прочим, так же известна, «как героический эпос о Рустаме и Исфандияре»¹⁵⁵. После проигранной битвы у источника Голиафа плененного монгольского военачальника приводят к генералу мамлюков Кутузу, и между ними завязывается беседа, в которой побежденный, геройски глядя в лицо смерти, хвастается перед победителем необозримым количеством войск Хулагу, которые сразу выступят, как только он узнает о последних событиях и «море гнева его взволнуется». Кутуз протестует против такого рода хвастовства; рыцари Турана достигли своих успехов хитростями и уловками, а не мужскими достоинствами, как когда-то Рустам. В этот диалог, который есть у Рашид-ад-дина (ум. 1318), вставлены стихи, которые прочувствованы Фирдоуси и смонтированы передвижными декорациями его эпоса¹⁵⁶.

Чем новее описание исламо-монгольской истории, тем многочисленнее становятся намеки и заимствования, с помощью

которых сообщаемые события вовлекаются в мир идей Фирдоуси и его подражателей. Высшую степень подобной стилизации, которая определенно идет навстречу вкусу и представлениям ведущих слоев, делает Жазди в своей хронике жизни Тимура. Здесь не только натурные описания, которые он, ставит перед сообщениями о важных военных походах или битвах, — уже у Фирдоуси излюбленное средство введения новых эпизодов¹⁵⁷. Жазди также часто прерывает свое повествование в прозе стихотворными вставками, иногда длинными, подражающими эпосу Фирдоуси, в которых он ссылается на события «Шахнаме» и подчеркивает, что дела «господина счастливых обстоятельств» более славные, чем у Рустама¹⁵⁸. Вероятно, Жазди цитирует в этих местах свой собственный, посвященный Тимуру героический эпос; и это тоже имеет значительные примеры, которые относятся к позднему периоду ильханов¹⁵⁹.

Важный повод произносить такие хвастливые речи представил монгольский обычай, чтобы принцы и князья перед битвой выходили к полководцу, преклоняли колена, восхваляли его и его удачливость и пили за его здоровье. В окружении Тимура этот обычай часто практиковался¹⁶⁰. В придворной поэзии, которая независимо от этого посвящалась монгольским правителям, проявляется все ярче идейный мир иранского национального эпоса. «Я должен называть тебя «Светило Ирана», я должен называть тебя «Луна Ирана»? — Должно мое сердце выбирать тебя для направления молитвы, должен я называть тебя «святыня моей души»?.. Если ты во время пирушки пьешь вино, я узнаю в тебе Джамшида нашего времени, если ты скачешь туда на Рахше, я хочу называть тебя сыном Дастана...¹⁶¹» — звучит экзальтированно в стихах, посвященных султану Увайсу (прав. 1356-1374). А его сына Ахмеда (прав. 1356-1410) прославлял Хафиз (ум. 1390) как «хана, сына хана и шахиншаха из рода шахиншаха». В Ахмеди соединяли власть родов Хосрова и Чингизидов в одно целое¹⁶².

Поэтому не надо удивляться тому, что и Тимура его подданные одаривали подобными словами и что он, наконец, сам себя и свою историческую миссию стал находить не только в монгольских письменных источниках, но и в иранском эпосе. В этой связи вызов Юсуфа Суфи нужно представить поединком; герои «Шахиаме» часто решали исход войны этим путем. О том, что Тимур объединил «Иран и

Туран» под своим знаменем, говорит Джият-ад-дин Али, старший из двух хронистов, получивших поручение от Тимура, сразу во вступлении к своему произведению¹⁶³. Для Жазди в порядке вещей, что Тимур после укрепления своей власти в Туране приступил к покорению Ирана¹⁶⁴. Сообщение Саиф-ад-дина о предосудительном поведении «диадохов» появляется в таком виде только как повод к захвату западного Ирана. Наступлением на Шираз, в сердце Ирана, достигается большая цель: «Он выступил в избранный город Истахр¹⁶⁵, место происхождения правителей Ирана, — ... Тогда поскакали герои Тимура, злость в сердцах, полные нетерпеливого ожидания. —... Мир черный, как смоль, окутанный закружившейся пылью, войско, непостижимое в своем числе и цели... Так призывал господин счастливых обстоятельств, страж, поставленный Богом над вселенной»¹⁶⁶.

КИПЧАК

Когда с небесным войском Афрасяб,
великий хан, постоянно атакующий с Востока,
утром рано преодолел мираж,
он обратил в бегство войско звезд.
Дарий мира
призвал удаляться их справа и слева;
Он стал завоевывать страны,
в честь его резко звучали горны,
неслись их звуки до зеленого небосвода,
и буря потрепала тот лотос —
как будто гудели страшные трубы,
смущая архангела Исрафила*.
*Хатифи*¹

БЕЛАЯ ОРДА

Около десятилетия лежит между возвращением Саиф-ад-дина со своего паломничества и опрометчивым походом Тимура из Шираза и Самарканд. В 1378 году Тимур, очевидно, предположил, что тыл на

---

* Архангел Исрафил звуком трубы возвестит о начале Страшного суда.

— *Прим. ред.*

севере у него свободен и он может выступить в Иран, чтобы покончить с анархистскими действиями «диадохов». Но теперь оказалось, что рискованно было пренебрегать северными соседями Мавераннахра и бросить все силы на установление господства Турана в Иране.

Тохтамыш, приемный сын Тимура из рода Джучи, не только препятствовал — как это уже часто случалось в последние годы — мероприятиям в Иране, но и поднял оружие против своего терпеливого покровителя. К этому нужно было отнестись серьезно, так как Белая и Синяя Орда, объединенные в Золотую Орду рукой Тохтамыша, были мощными противниками. Еще в 1378 году Тимур верил, что начавшееся смыкание областей к востоку и северу от Аральского моря с далекими степями, которые простираются от реки Урал до Дона, может сорваться, а если нет, то хотя бы для него примет выгодный оборот. И Тохтамышу он отвел здесь роль послушного инструмента.

Этот молодой княжеский отпрыск принадлежал не к той линии потомков Джучи², которые тогда, когда Тимур несколько раз предпринимал походы против Хорезма, господствовали на территории Белой Орды. Урус-хан (прав. 1363-1376), энергичный поборник за объединение с Синей Ордой, пытался осуществить эту цель сразу же после вступления на престол, но наткнулся на откровенное осуждение его планов со стороны некоторых князей, среди них отца Тохтамыша, который искупил смертью свое сопротивление. Тохтамыш, едва успев повзрослеть, получил прощение Урус-хана. И все же он предпочел убежать к Тимуру³. Тот воспользовался благоприятным моментом, чтобы гюмешать созданию сильного каната, от правителей которого он не мог ожидать ничего хорошего. Хорезм бесспорно принадлежал улусу Джучи, и мятеж, который весной 1376 года сорвал поход Джа-хангира в Моголистан, научил Тимура, что его внутренние враги, которых, как он ошибочно полагал, он поборол в борьбе, строили козни, как и прежде, прошив него имеете с Джумндами. Мятежникам — среди них был Адилшах Джалаир, который до этого подготавливал заговор с целью убийства Тимура, — удалось спастись в области Урус-хана⁴, так как они рассчитывали на благосклонность правителя Белой Орды. Само собой подразумевалось, что Тимур со своей стороны использовал бежавшего Тохтамыша.

Ему он передал пограничный регион Отрэр, снабдил его также военным имуществом и лошадьми. Но Урус-хан раз за разом наносил претенденту полное поражение⁵. Рассказывают, что однажды

Тохтамыш едва унес ноги от своих преследователей благодаря тому, что он, пораженный стрелой, бросился в воду и прятался целый день в зарослях камыша. Там его нашли лежащим без сознания и спасли от верной смерти⁶. Этот эпизод относится к последним месяцам господства Урус-хана. Тохтамыша сопроводили к Тимуру в Бухару. Тимур снова оказал ему всяческое содействие, хотя миссия Белой Орды потребовала его выдачи, так как его обвиняли в убийстве одного из сыновей Урус-хана. В ответ на это Тимур сослался на законы гостеприимства, которые запрещают ему передавать беглеца его врагам. Таким образом, зимой 1376-1377 гг. дело дошло до войны, которая, однако, разрешилась не на поле битвы, так как Урус-хан умер естественной смертью, вследствие чего бои прекратились. Казалось, счастье было благосклонно к Тимуру, так как теперь он позволил Тохтамышу возвыситься до титула хана Белой Орды. Хотя сыновья Урус-хана, которые надеялись сохранить титул правителей за собой, весь 1377 год оказывали упорное, а вначале далее успешное сопротивление, все же в конце концов Тохтамыш одержал победу⁷.

В то время, когда силы Тимура большей частью были связаны стычками с Урус-ханом и его сыновьями, Юсуф Суфи, освободившийся от родственных уз с Тимуром вследствие смерти Джахангира, отважился напасть из Хорезма на Бухару⁸. Причиной этого, вероятно, было не только желание отомстить; Хорезм принадлежал издавна улусу Джучи, и Юсуф Суфи, таким образом, мог только помочь законным ханам в борьбе против Чагатаев. Тимур сначала не был в состоянии отражать удары; он ограничился миссией, которая, как мы уже знаем, была принята очень неприветливо. В 1378 году Саиф-ад-дин вернулся из Мекки. Весной 1379 года Тимур со своей армией продвинулся к Хорезму; страна была завоевана и разрушена. Теперь Тимур смог поверить, что, по меньшей мере, в области Белой Орды все было урегулировано в его пользу. Местный хан Тохтамыш был его творением; автономный княжеский род Суфи, в серьезных случаях явно стоявший на стороне Джучидов, выбыл из игры. Можно было приниматься за наведение порядка в Иране.

ЗОЛОТАЯ ОРДА

В благоприятный час, установленный астрологами, Тохтамыш взшел на престол Белой Орды. Однако присягу на верность местных

князей он принимал, конечно, не объявляя, что он всего-навсего ставленник Тимура. Говорили о неспособности и пьянстве наследников Урус-хана: для Тимура желанное оправдание своего похода, а для князей Белой Орды также желанный предлог для государственной измены, чтобы освободиться от господства клана Урус-хана, который угрожал стать могущественным⁹. Звучали также и обвинения, которыми обосновывались в недавней истории улуса Чагатая нарушение клятвы и убийство правителя. На словах все бунты были направлены против несправедливостей, но на деле всегда предусматривали восстановление необузданной свободы князей. И все же назначенные ими правители все снова и снова пытались ущемить их частные интересы; политическая традиция, проводимая Чингисханом, продолжала жить и действовать,

Тохтамыш был потомком Джучи. Как прислужник правителей Маверанпахра он вряд ли мог бы удержаться в улусе Джучи. Благоволившие к Тимуру источники то Ясс сетуют, что молодой хан слишком быстро стал уклоняться от влияния советников, которые его предупреждали о том, что нужно быть благодарным человеку, сделавшему его ханом. Все больше и больше Тохтамыш вместо этого доверял кругам, стоявшим близко к Урус-хану. Важную причину приближающейся ссоры с Тимуром нужно искать в наследстве ильханов. Почему именно Чагатаи должны его присвоить себе? Узбек (прав. 1312-1341), хан Синей Орды, после смерти Абу Сайда велел объявить свои притязания, так как в Иране посадили на трон за отсутствием более подходящего кандидата Арпу, дальнего потомка бунтаря Ариг-Буга. Брат Мункэ, Хулагу и Хубилая, Ариг-Буг когда-то стремился стать великим ханом, но был побежден Хубилаем. Шансы были только у потомков Хулагу, так что Узбек в 1335 году, возможно, приводил доказательства конца этой династии. Однако визирь Арпы информировал посланника Узбека, что Чингисхан в свое время передал Иран самому младшему сыну, Тулую, а не Джучи¹⁰, Теперь, более чем через сорок лет, Тохтамыш мог выступать как наследник с теми же правами, что и его предшественник Узбек. В 1395 году Тимур призовет османа Баязида к совместной борьбе против Тохтамыша, будет выдавать себя за восстановителя власти Чингисидов в Иране и оправдывать это тем, что монгольский завоеватель мира передал страну сначала Чагатаю, и только позже Тулую. Третью причину для войны не следует забывать! Мать Тохтамыша принадлежала к роду Конгират¹¹, от которого произошла и династия Суфи, правителей Хорезма. Опус-

тошительная война, которую Тимур вел в 1379 году против страны, лежащей к югу от Аральского моря, вследствие этого не могла не коснуться отношений с его приемным сыном.

Не совсем понятным образом Тохтамыш, к тому же, ввязался в борьбу за власть¹², которая разгорелась уже в 1357 году на территории Синей Орды — после смерти местного правителя Джанибека. Эти неурядицы дали Урус-хану возможность проводить политику соединения двух орд, следовательно, расширить свое влияние до Сарая и дальше до Дона.

Биографы Тимура не идут вслед за этими событиями; для них важно только то, что Тимур принял вражеского сына и помог ему получить власть. Политика Тохтамыша, которая вылилась в тяжелый конфликт с Тимуром, выглядит на этом фоне как черная неблагодарность. Осторожное взвешивание причин было не по нутру биографу. Один источник, который говорит о другом конце исламского мира, позволяет увидеть действия Тохтамыша в другом свете. В 1385 году он послал свою первую миссию к султану мамлюков, чтобы снова завязать когда-то бывшие близкими отношения между Сараем и Каиром. С недавнего времени там жил и учил высокочтимый Ибн Хальдун (ум. 1406). В свой большой исторический труд он вставил набросок жизни Тохтамыша, содержание которого, вероятно, опирается на высказывания той миссии. Поразительно, что Тохтамыш здесь становится внуком Джанибека (прав. 1341-1357), следовательно, он может претендовать на законность династического наследования. Эта генеалогия, конечно, фальшивая, должно быть, ставила целью повышение авторитета Тохтамыша во время переговоров с султаном; Ибн Хальдун, однако, добавляет, что Мамай, некоторое время самый влиятельный среди борющихся за власть князей Синей Орды, был породнен с Тохтамышем. Несмотря на это Мамай посадил на трон другого Джучида, прогнал Тохтамыша из Сарая и вынудил убежать к Урус-хану, откуда он, как мы уже слышали, бежал спасаться у Тимура. Причиной войн Тохтамыша против Урус-хана, по мнению Ибн Хальдуна, была «тоска по империи его отцов в Сарае»¹³. Только в одном жизнеописании Тимура есть маленькая, к тому же неопределенная ссылка на политику, которую проводил Тохтамыш после победы над наследниками Урус-хана. С огромным войском он прорвался в Сарай и в страну Мамай, то есть в Крым, и «благодаря благословенному покровительству господина

счастливых обстоятельств весь улус Джучи оказался под его властью»¹⁴. Но кое-что указывает на то, что Тохтамыш никогда не считал себя ставленником Тимура, а постоянно руководствовался своими целями, осуществление которых когда-нибудь должно было перечеркнуть планы его покровителя, ибо поскольку Тимур претендовал на политическое наследие ильханов, на его долю досталось и их враждебное отношение к потомкам Джучи. И почему Тохтамыш должен был спокойно наблюдать, как Чагатаи присваивали земли, на которые уже Узбек заявлял свои права? Кроме этого, теперь Каирский султанат настойчиво интересовался Тимуром; тот как раз переживал период перелома, связанный с большими потерями, и поэтому не мог так энергично вмешиваться в события, как, вероятно, надеялся Тохтамыш, а от мамлюков и их союзников исходила серьезная угроза для еще не закрепленного господства Тимура в Азербайджане и Западном Иране.

Но именно в восьмидесятые годы его завоевания приобретают черты, имеющие политическое значение для всего мира. В восточно-иранском пространстве стирается значение Окса как границы между Ираном и Тураном, между империей ильханов и улусом Чагатая. Вместо этого Яксарт теперь отделяет в своем течении на востоке империю Тимура от Моголистана, а на западе Мавераннахр — от обширных степей Белой и Синей Орды, вошедших в Золотую Орду при Тохтамыше. В Передней Азии на демаркационной линии Евфрата выкристаллизовываются теперь снова фронты, которые в течение целого столетия определяли политику и от которых ожидалось, что они растворятся после падения империи ильханов и волнений в Синей Орде после смерти Джанибека.

Тохтамыш выступил, как мы уже слышали, с громадным войском через Сарай на запад Синей Орды, Там Мамай, его шурина и соперника, попал в бедственное положение из-за русских князей, которые намеревались использовать распространяющуюся со времен Джанибека анархию в борьбе против своих верховных правителей. Дмитрий, великий князь Московский, в сентябре 1380 года смог нанести Мамаю на Куликовом поле на Дону поражение, которое ослабило мощь и авторитет Мамаю. Странники Мамаю откололись, эмиры перешли к Тохтамышу. Проигравший бежал в Каффу в Крыму, где был убит¹⁵. В то время как Тимур в начале восьмидесятых годов продвинулся через Хорасан на запад, Тохтамыш стремился укрепить свое

господство в западных областях Синей Орды и восстановить верховное господство над Россией. Его князья присягнули ему на верность; но это его не удовлетворило. Он должен был взять реванш за поражение на Куликовом поле. В 1382 году Тохтамыш взял Москву и сжег дотла¹⁶.

Возобновление ханата Джучидов заставило срочно заняться установлением границы на Кавказе. Там часто воевали ильханы и наследники Батыея. И теперь Тохтамыш внимательно следил за походами Тимура. То, что Тимур намеревался продвинуться на запад из Мазендерана, вдоль южного побережья Каспийского моря, было тревожно. Еще прежде, чем появились более точные сведения об успехе этого предприятия, Тохтамыш отправил в Тебриз миссию к Джалаиридам. Едва она успела прибыть в Баку, стало известно, что Тимур завоевал Астарабад и продвигается в направлении Гиляна; на серьезное сопротивление он не натолкнется, поэтому необходимо подготовить все для защиты Золотой Орды. Это сообщение посланник попросил передать Тохтамышу, прежде чем он сам двинулся дальше из Баку в Багдад, куда отправился Ахмад Увайс, Джалаирид¹⁷. Так как там зимой было, без сомнения приятнее, чем на сыром воздухе Тебриза, и более того — рубеж 1384-1385 годов, Тимур расположился лагерем со своим отрядом уже под Реем, и Султания, прежняя резиденция ильханов, сдалась в те дни без боя. Однако овладение Азербайджаном и Западным Ираном еще не было, собственно, целью Тимура. Он хотел схватить бежавшего из Мазендерана эмира Вали, который ускользнул от него и весной 1385 года еще не был выслежен. Тимур прекратил напрасные поиски и повернул на восток¹⁸.

Ахмад Увайс, между тем, наслаждался своим положением правители в Багдаде, внушая населению страх и отвращение. Он не воспринимал всерьез свое положение? Что осталось бы от его империи, если бы Тимур и Тохтамыш наскочили друг на друга в Азербайджане? Возможно, Тохтамыш и без того уже решился напасть на Тебриз и поэтому был благодарен, что его посыльный сообщил ему убедительную причину для войны. Во всяком случае, скоро каждый в Багдаде знал о скандальной любовной истории, которую начал Ахмад со слугой посла. Последний проявил свое возмущение, а Тохтамыш получил повод выступить на Тебриз и поставить перед своими эмирами далекую от действительности цель взять в плен Ахмада¹⁹. Об упорядоченной обороне города Тебриза Джалаиридами не могло быть

и речи. Эмир Вали, теперь снова откуда-то появившийся, попытался, правда, организовать защиту по поручению Ахмада Увай-са. Но напрасно! В октябре город был захвачен и опустошен²⁰. Но чтобы завладеть действительно всем Азербайджаном, у Тохтамыша не хватало сил; нагруженные добычей, его войска двинулись назад, на север. Этим походом он бросил вызов Тимуру, но, очевидно, не осмеливался открыто дать отпор правителю Мавераннахра на Кавказе. Он замыслил другое. Тимур после этого вызова действовал быстро. Хотя Тебриз еще никогда не принадлежал ему, он рассматривал его как часть своей империи, ибо своей задачей считал восстановление в Иране господства Чингисидов и содействие стране в создании правительства, которое гарантировало бы единство и безопасность, внутреннюю и внешнюю²¹. Так он пустился на рискованное мероприятие, трехлетнюю кампанию, в ходе которой его войска в 1387 году ввязались севернее Куры в стычки с отрядами войска Тохтамыша. Правитель Кипчака откомандировал свои вооруженные силы через Дербент на юг и приказал развернуться на Самуре: можно было предположить, что на этот раз он решил не избегать большой войны. Завоеванием Грузии и обращением ее царя в ислам Тимур приобрел хорошую стратегическую опору. Пока положение было несравнимо с положением 1385 года. Все же Тимур избежал большой битвы, более того, отпустил пленных воинов Кипчака с подарками, предупредив, чтобы Тохтамыш помнил их прежние тесные — как отца с сыном — связи²². На этот раз он ограничился отражением нескольких кипчакских патрульных отрядов и снова посвятил себя умиротворению Ирана, делу, которое затем так внезапно должен был прервать в январе 1388 года.

КРИЗИС 1388 ГОДА

В Мавераннахре между тем положение было бо-тсе чем беспокойное, и Тимур незамедлительно поспешил вернуться. Тохтамыш заключил союз со старыми противниками, которых Тимур, как он думал, давно победил. Осенью 1387 года кипчакское войско продвинулось к Яксарту. Оно не смогло взять маве-раннахрскую пограничную крепость, но опустошило окрестности, так что Умаршейх из Андижана должен был выступить с подкреплением. И из Самарканда войска вышли на север, объединились с другими и

заставили кипчаков начать битву под Отраром. Она закончилась поражением. Умар-шейх отступил в направлении Андижана. Между тем некоторые князья Моголистана, которые только и ждали ослабления Мавераннахра, быстро стянули большой отряд воинов. Умар-шейх увидел, что его сторонников было намного меньше, и окопался в Андижане. В Самарканде, между тем подготовились к защите города от кипчаков. И тут обнаружили, что нападение на севере не было единичной акцией. Южнее Тохтамыш приказал начать осаду Бухары. Уже до Карши, родины Тимура, продвинулись кипчакские патрульные отряды. Имело смысл предусмотрительно укрепить хотя бы Термез²³, стратегически важный пункт, который на Оксе связывал Хорасан с Мавераннахром.

Вес вы глядело так, будто Тохтамыш распланировал зажать в кольцо — от Яксарта и из области южнее Аральского моря, — а затем атаковать центр Мавераннахра и заручиться здесь поддержкой Моголистана. Камар-ад-дин, убежденный противник Тимура из северного улуса Чагатай, после своего поражения на поле битвы нашел путь к Тохтамышу. Теперь он служил в кипчакском войске. Соединениями, осуществляющими операции с юга, командовал Махмуд, сын Кайхосрова Хутталани²⁴, убитого за предательство в 1372 году, — последний, как помнится, поддерживал также близкие отношения с князьями Моголистана²⁵. Так старые враги Тимура, подавлению которых ему пришлось отдать все силы в первое десятилетие своего господства над Мавераннахром, использовали его вмешательство в иранские дела, чтобы обеспечить себе поддержку у молодого правителя Золотой Орды и поставить Тимура в безвыходное положение согласованными действиями.

Когда посол из Самарканда сообщил ошеломляющую весть, Тимур отдал некоторые распоряжения относительно управления Ширазом и Западным Ираном. Затем он успешно вернулся в Рей, где была его свита. Важные провинции Ирана он подчинил доверенным лицам. Своего сына Мираншаха и своего испытанного друга Саиф-ад-дина он послал вперед в Хорасан; там они должны были набирать войска²⁶. Только из-за слуха о возвращении Тимура кипчакских нападающих покинуло мужество. Во всяком случае, они не пытались навязать ему битву. Спокойно вошел он в свою столицу Самарканд. Он строил обширные планы, чтобы разбить своих врагов, но сначала счел необходимым привлечь к ответственности виновных в поражении

под Отраром. Чем больше он наводил справки об этом, тем отчетливее выяснялось, что соединения, которыми командовал его сын, потерпели поражение не в доблестном бою, а позорно бежали. Репутация боевого духа войска, презирающего смерть, а следовательно, их непобедимости была, может быть, одной из самых прочных основ его господства. Если его войска в битве вели себя бесчестно, то это следовало отнести на счет грубых ошибок отдельных командиров; их нужно допросить, уличить в преступлении и наказать, чтобы внушающий страх ореол войска был сохранен перед всем миром.

В пылу битвы под Отраром Умар-шейх заметил, что соединению Камар-ад-дина противостояли силы в недостаточном количестве, тогда он бросился сам в бой и, когда тот отступил, стал преследовать его. Командир, который в этот момент должен был отдавать приказы для следующих маневров, нашел пост полководца покинутым и повернул обратно, не спросив о местонахождении Умар-шейха. Он сообщил эмирам:

«Войско врага уничтожило наш центр. Хотя я искал принца Умар-шейха, я не нашел его на посту. Определенно он считал свою собственную жизнь самым лучшим трофеем и бежал!» Тогда эмиры Самарканда про себя подумали: «Если уже Рустам убегает с поля битвы, то чего мы медлим!» Только при одном слухе все одновременно предпочли бежать, чем устоять перед врагом. Лишь через некоторое время героический Умар-шейх выбрался на берег из того моря крови и добрался до расположения войск в Самарканде — но там он не нашел и следа их! Он направился в центр своих собственных вооруженных сил — там стойко стояли только три-четыре полка! Охваченный, как всегда, жаждой деятельности, в приливе ожесточения он бросился на колени и стал взывать к своим эмирам: «Живым я не могу предстать больше перед глазами его величества, господина счастливых обстоятельств! Лучше пусть я, спасая свою честь, погибну здесь, на поле боя!» Тогда один из уважаемых людей среди них схватился за узду и удержал его: «Даже семь планет, которые с высокого неба управляют миром, не бывают без застоя и регресса, без апогея и перигея. Ни на чью долю не выпадает победа и триумф надолго. Если и сегодня под влиянием круга обманчивой сферы упадет тень позора на облик нашего счастья, то давайте же будем надеяться на великодушие создателя, если впрямь нам подарена жизнь,

*когти льва, глаз сокола ее пронзят,
когти — стрелой ядовитой,
глаз — иглой золотой».*

Но в груди принца Умар-шейха горело такое пламя гнева, что он, направляя свой ум на героическую смерть, сорвал шапку со своей головы и дал поручение вокруг стоящим: «Если его величество, господин счастливых обстоятельств, снова будет на троне своего султаната, пусть он позволит мне получить удовлетворение от тех бесчестных предателей!» С этими словами он велел отпустить поводья и бросился на врага, быстрее стрелы, острее беспощадного меча .

Это сообщение о поражении у Отрара, которое пересекалась с расследованием, предпринятым Тимуром сразу после его возвращения из Ирана: Умар-шейх сохранил честь Тимуридов.

Тот несчастный, который распространил слух о бегстве принца, был найден. Ему состригли бороду, разрисовали лицо и укутали его в покрывало, как обычно носили его женщины²⁸.

Официальное разъяснение событий было, таким образом, сделано. Однако шаткое политическое и военное положение, в котором находился Тимур, было не так уж легко стабилизировать. Еще в 1388 году он снова напал на Хорезм. Кочевое население этой страны, которое было на стороне кипчаков, конечно, не позволило себя схватить, но оставшиеся в живых оседлые были все доставлены в Самарканд, после того как их поселения сравняли с землей. Без драконовских наказаний, без нагнетания страха и ужаса, полагает летописец Жазди, было невозможно завоевывать страны; но справедливый завоеватель мира направил потом свою заботу на восстановление: Тимур три года спустя велел построить крепость в том месте дельты Окса, которое когда-то Чингисхан присудил Чагатаю²⁹.

Тимур едва ли мог ожидать серьезной опасности со стороны Хорезма после того, как он так ужасно разрушил эту страну еще до походов на Иран. Но своим быстрым продвижением он закрыл самый короткий путь, но которому Тохтамыш смог бы установить связь с врагами в самом сердце Мавераннах-ра. Насколько правильно действовал Тимур, выяснилось сразу же: еще когда он в Хорезме устанавливал порядок по-своему, до принца Умар-шейха, который вернулся в Бухару, дошли благодаря одному случаю слухи, что некий Мухаммед Мирка замыслил на юге восстание. Вероятно, чтобы

обеспечить Тимуру вывод войск, он со своими войсками остановился в Самарканде, правда, не сразу после отхода главных сил. Тут, по-видимому, он осознал затруднительное положение, в котором находился Тимур. Вместо того чтобы выступить туда, он отступил на юг. На территории Термеза его войска предприняли первые атаки. Мухаммед Мирка, дальний родственник того самого убитого в 1372 году Кайхосрова, был назначен его наследником в господстве над туманами Хотталана и должен был вступить в брак с женщиной из рода Тимура. Все это теперь не мешало ему использовать представившуюся возможность для отстаивания своих вольностей. Он допустил, чтобы арсенал был разграблен и большая часть населения вооружилась. Однако, когда Умаршейх подошел со своим войском, наспех собранный отряд распался. Нигде не нашел помощи Мухаммед Мирка, его войско рассыпалось, он сам скрылся, но был выслежен и убит³⁰. Однако не только тумен Хотталана отказал тогда Тимуру в следовании за войском. И другие соединения юга бунтовали и лишали этим главные военные силы ценной помощи. Несмотря на это Тимур не стал терять даром драгоценное время, а приказал немедленно начать преследование мятежников. До самого Кандагара шли бои на истребление; некоторые мятежники убежали во дворец Дели³¹ — конечно, повод для того, чтобы позже Тимур обратил внимание на Индию. Только очень маленькое значение, кажется, при всех этих событиях имела смерть марионеточного хана Союргатмиза, которого посадил на трон Тимур. Осенью, после завершения кампании против Хорезма, его сын Махмуд смог принять это наследство³².

ВОЙНА НА СЕВЕРЕ

1388 год мог сорвать все планы Тимура. В конце, однако, появился все-таки повод для уверенности. Восстания на юге, возникшие, пожалуй, скорее в связи с обстоятельствами, а не запланированные и поэтому едва ли согласованные со стратегией Тохтамыша, остались без продолжительных последствий; повторное разрушение Хорезма защищало юго-западный фланг Мавераннахра от неожиданных нападений: исходная позиция на случай назревающих разногласий с Золотой Ордой была укреплена. Но тут срочно возникла такая же необходимость в другом месте, так как уже в конце 1388 года, посреди зимы, одна головная походная застава войска Тохтамыша переправилась через Яксарт, под Ходжентом, что могло привести к сотрудничеству

кипчаков с Моголистаном. Тимур даже не стал ожидать, пока собрались все мобилизованные соединения; он сразу же нанес удар, и успех был закономерным. В феврале 1389 года он снова направился в свою столицу; надо было воспрепятствовать закреплению врага к югу от Яксарта. Создавалось впечатление, будто бы полководцы Тохтамышша в этот момент не могли найти никакого решения; их отряды отступили на северо-запад, когда убедились в готовности Мавераннахра к обороне. Возможно, они все еще надеялись втянуть Тимура в войну на два фронта, так как в 1388 году после подавления мятежа Мухаммеда Мирки вспыхнуло восстание еще западнее, в Северном Хорасане, под руководством эмира Хаджи Бека из Джаун Курбана, дальнего родственника известного нам Али Бека. Тимур сделал этого Хаджи Бека наместником Туса, и тот теперь отплатил ему за покровительство уходом к Тохтамышу. Тимур сразу же откомандировал своего сына Мираншаха на северо-восток Хорасана; Мираншах, конечно, не одержал быстрой победы, но все же позаботился о том, чтобы восстание не разгорелось в полную силу. Вследствие этого планированию военных действий на северном фронте ничто не мешало.

Мы можем говорить с полным правом об обширном планировании и осторожной подготовке большой войны с Золотой Ордой и с Моголистаном. Если до сих пор казалось, будто Тимуру был силой навязан его врагами ход действий и он просто нанес ответный удар, то теперь он стремился сам определять свои решения. Отправкой миссии в Нанкин, ко двору императора Хунг-ву, он пытался политически обеспечить свои предстоящие мероприятия против Моголистана. Он обстоятельно занимался разведкой чужой территории, но больше не полагался на вождей, которые были под рукой. Далее он обдумал, как он мог обеспечить пополнение для своих войск. Плоды его многих побед над Моголистаном снова и снова ускользали от него не в последнюю очередь потому, что на громадных расстояниях малозаселенной страны, которые нужно было пройти в северной части Центральной Азии, не были оборудованы надежные лагерные стоянки, на которых можно было обновить истощенные силы. Это Тимур осознал во время походов через Моголистан в 1389 году, которые вели до Иртыша: три месяца пути представляло расстояние отсюда до Самарканда³⁴. Как бы хорошо ни шли дела, он велел прочесать эту громадную область в поисках монгольских отрядов. Он командировал также на северо-восток нескольких эмиров, разместив их там после последнего похода против

Тохтамыш в Туркестане. Один из них по приказу Тимура должен был заняться земледелием в местности, лежащей от Самарканда на расстоянии двух месяцев пути, — сюда осенью должны были прийти войска Мавераннахра. Этот эмир обязан был заготавливать провиант³⁵. Скорее случайно во время этого летнего похода натолкнулись на Хизир Ходжу, правителя Моголистана. Его войско было обращено в бегство, он сам бежал; воины Мавераннахра захватили трофеи, но собственно своей цели они не достигли. В августе 1389 года подразделения встретились в условленной местности, которая не только подходила для возделывания проса, но и представляла роскошные пастбища. После одного пиршества Тимур срочно вернулся через месяц с большей частью своего войска в Самарканд; оставшаяся команда должна была в течение зимы обеспечивать безопасность местности³⁶.

Еще во время летней кампании Тимур проводил в одном неустановленном месте с сопровождающими его князьями и чиновниками собрание совета, чтобы подытожить все приобретенные знания о дорогах в Моголистане и внести их в перечень³⁷. На следующий год Тимур сам не принимал участия в вылазках через Моголистан. Через Ташкент эмиры Мавераннахра продвинулись в область Иссык-Куля, где они получили поддержку полками Умар-шейха, который в прошлом году добрался до Кашгара. К северо-востоку от Алма-Аты они переправились через реку Или. Там они наткнулись на поле битвы, которое было усеяно трупами. Один оставшийся в живых сообщил им, что разведотряд, который они послали вперед, наткнулся на Камар-ад-дина и был полностью истреблен его войском. Сам Камар-ад-дин бежал на северо-восток через Иртыш в страну, «в которой живут соболя и горностаи». Эмиры нашли остатки плотов, на которых его люди переправились через реку. И эмиры Мавераннахра послали воинов на противоположный берег; те поместили некоторые высокие хвойные деревья раскаленным железом и государственными печатями, «чтобы на деревьях в лесу осталась метка от храбрых воинов господина счастливых обстоятельств; чтобы во вражеской стране не осталось ни кусочка земли, через который бы это войско не гнало своих победоносных коней». Затем войска после шестимесячного патрульного похода отправились на родину³⁸.

Между тем Тимур торопил с подготовкой к большой войне против Тохтамыша. Чтобы сначала врагу не были ясны его намерения, осенью 1390 года он отправился из Самарканда на северо-восток, переправился через Яксарт и под Ташкентом вошел в свой зимний

лагерь. Но он не ожидал весны в праздности. Он посетил снятую могилу под Ходжентом и получил наивысшее благословение для своего опасного намерения. Едва вернувшись в Ташкент, он серьезно заболел. Ему уже было больше шестидесяти лет, но он себя не щадил. Наоборот, и в этот раз он настаивал на выступлении войск, прежде чем действительно выздоровел и до того, как его сын Мираншах ему лично сообщил, что дела Хорасана складывались в пользу Мавераннахра³⁹. Тимур рассчитывал на годичную продолжительность предстоящего похода, и мобилизованных воинов надо было обеспечить соответствующим количеством провианта. Кроме того, было предписано следующее вооружение: для каждого человека один лук, тридцать стрел и колчан, меч и щит; каждые два человека должны были иметь в своем распоряжении одну запасную лошадь (для замены); каждая десятка распределялась в одну палатку и должна была быть снабжена двумя лопатами, киркой, серпом, пилой, топором, шилом, сотней игл, определенным количеством ниток и колеи и котлом; при проверке все это должно было предъявляться. На время похода была установлена норма зерна; введен строгий запрет на выпечку хлеба в пути, на приготовление блюд с лапшой. И у Тимура было маленькое домашнее хозяйство — только одна из жен должна была его сопровождать⁴⁰. Все было продумано до мельчайших подробностей, отсрочка была теперь больше невозможна. Посреди глубокой зимы, девятнадцатого января 1391 года, Тимур дал сигнал к выступлению, после того как посоветовался со своими астрологами. Немного позже он встретил посланников Тохтамыша, которые должны были попытаться в последний момент переубедить его: правитель Золотой Орды раскаивается в своих заблуждениях. Тимур, решение которого начать войну уже давно нельзя было отменить, напомнил об «отцовских благодеяниях», за которые Тохтамыш так мало его отблагодарил. «Счастье правления — это исток милости Бога! А я был предпосылкой для этого счастья!» Одного из советников можно было бы послать к Тохтамышу для переговоров, которые напоминали бы ему постоянно о его обязательствах по отношению к Тимуру!⁴¹ Впрочем, с посланниками обращались предупредительно и по всем правилам этикета, пока собрание принцев и князей не решило, что желательно взять их в плен и использовать как проводников⁴². Десять недель скакали по безводной степи. В начале апреля наконец представилась возможность напоить вдоволь животных и дать им несколько дней отдохнуть. В это время бежали двое слуг Едигея,

самого могущественного эмира Золотой Орды, которые находились в заключении в войске Тимура, и передали своему хозяину точные сведения о приближающемся враге. Неожиданность, которой хотел достичь Тимур, удерживая посланников, была этим сорвана.

Первого мая Тимур достиг высоты, которая была известна под названием Улу-Тадж. С нее он смог осмотреть далекие, сверкающие весенней зеленью степи. Он велел установить камень в память будущим поколениям⁴³. После четырехмесячного похода по стране, для пересечения которой требуется пять или семь месяцев, возникла угроза нехватки провианта. Соблюдение запрета на приготовление определенных блюд должно было находиться под строгим контролем. На зерно был установлен паек, можно было еще только варить ячменный суп, приготовленный с овощами; ровно 14 фунтов муки должны были составить шестьдесят мисок, и каждый воин довольствовался одной миской в день, а большинство не получали даже и этого. Они осматривали степь в поисках птичьих яиц и мелких животных, чтобы спастись от голодной смерти. Но все это не помогало. Тимуру пришлось прервать наступление и перестроить войско для охоты. Эмиры левого и правого крыла образовали цепь вокруг площади тридцать на тридцать парасангов, и когда через четыре дня облавы кольцо замкнулось, окружили такое количество газелей и дикого рогатого скота, что несмотря на большой недостаток в продуктах, были убиты только самые жирные животные⁴⁴.

После охоты Тимур произвел смотр войск. Все тумены заняли позицию на большой территории, перед каждым туменом князя и принцы, их предводители. Они подходили к нему в тот момент, когда Тимур следовал мимо них, жестами демонстрировали свою верность и услужливость, воспевая в хвалебных речах военное счастье и царскую сноровку избранного Богом.

Тут серп луны его зонта, высотой солнца над горизонтом, касающегося неба, бросил свой луч счастья на войско молодого героя, принца Мухаммед Султана — войско, от нахмуренного гневного лба которого вознеслось время, спутанное как волосы любимого; от яростного крика которого солнце смотрело из своей сферы подобно привычному к боли глазу возлюбленного, затуманенное и испуганное — это бесчисленное войско напирало на всей бесконечной шири той степи, построенное рядами... И когда его величество, господин счастливых обстоятельств направил свои

всеохватывающие глаза на тех кровожадных разрушителей мира, принц Мухаммед Султан справедливо привел в исполнение поздравление правителю и передал подарок, украшая свои хорошо обдуманые слова восхвалениями:

*О король на троне созидания,
светлолицыце просят защиты!
Твоя голова возвышается над всеми звездами,
твое войско завоевывает Восток и Запад!
Чтобы тебе поклониться, бросают луна и солнце
на землю в любое время чалму.
Пусть триумф будет знаком твоего господства,
и чтобы мы тебя никогда не опозорили!
Мы хотим бороться на поле битвы,
поддерживаемые твоей счастливой помощью.
О, какая милость будет оказана тому рабу,
который призван тебе служить!*

И теперь, когда таким образом всегда победоносные войска центра — в их многообразии похожие на море, как волны, их полки храбрых героев — были подвергнуты по очереди осмотру взглядом верховного правителя, эмиры и князя совершили обычные церемонии. И на правом крыле войска, чьим лозунгом была слава, стояли привыкшие к успеху герой принц Мираншах и храбрые бойцы, которые в качестве грима для их сияющих победно глаз знали только пыль поля битвы и щеки которых пылали розовым цветом от счастья только благодаря крови героических борцов на арене смелости, выстроенных в четком порядке. ...И как только его величество, господин счастливых обстоятельств, приблизился к ним, победа в стремени, слава на узде, принц Мираншах спешил, выступил вперед, совершил оказание всех положенных почестей так, как обязывает положение такого прославленного человека, стал на колени и позволил райской птице своего рта подобающей речью рассыпать жемчуг:

*Ты, король великодушный, с чистой верой,
озаряешь корону, трон и круг твоего правления!
Да, с тех пор как создатель мира
создал Вселенную, не было еще никогда правителя, подобного тебе.
Весь мир дал тебе великий Бог,*

*солнца яркий мяч, земли темную почву...
Твой раб и все войско, мы все стоим,
чтобы следовать за тобой, опоясанные мечами для военного дела!*

На слова Тимур обычно милостиво отвечал призывом к справедливому образу жизни, иссякающей верности и храбрости, недоверию и изменчивому счастью этого мира. Два дня продолжался смотр войск, который проходил по установленному самим Тимуром порядку⁴⁵.

Двенадцатого мая 1391 года он послал принца Мухаммеда Султана с авангардом. Вскоре после этого обнаружили несколько покинутых позиций, из чего заключили, что в любое время нужно рассчитывать на встречу с врагом. В конце мая достигли реки Урал⁴⁶, через которую можно было переправиться вброд в трех различных местах. Тимур, однако, опасался, что они охраняются; он предпочел переплыть реку в другом месте. Ровно через неделю на Самаре, разведчики, которые до этого уже слышали стук подков, не увидя всадников, схватили одну личность; схваченный на допросе выдал, что недавно еще ничего не знали о прибытии Тимура. Встревоженный убежавшими слугами Едигея, Тохтамыш начал набирать войско, которое будет превосходить врагов по числу вдвое. Тохтамыш приказал также охранять броды. Узнав об этом, Тимур их обошел, однако напасть на них не решился⁴⁷.

Очевидно, правитель Золотой Орды еще не был готов к битве. Несмотря на это Тимур приказал каждый вечер укреплять расположение лагеря, чтобы не быть захваченными врасплох. Медленно продвигался он на север; болотистую местность проходили с большим трудом. Напасть на след врага было чрезвычайно трудно. После нескольких тщетных разведок наконец увидели, что в одной лесистой местности поднимается дым: отряд из войска Золотой Орды. Тимур приказал немедленно схватить пленных. По их сведениям, Тохтамыш не появлялся в том месте, в котором должны были собраться призванные им войска; поэтому их отряд самовольно ушел в леса. Сын Мамаю, которого вскоре тоже как военнопленного привели к Тимуру, подтвердил это показание. По-видимому, Тохтамыш хотел заставить его бегать впустую. Тимуру грозил провал в его трудном предприятии, так как пойти на риск зимовать во вражеской стране он не мог ни в коем случае, ведь уже в марш-походе обнаружилась нехватка продуктов, и это несмотря на всю предусмотрительность, которую он проявил, позаботившись

заранее обо всем необходимым. Как непривычна была, в конце концов, страна, в которой теперь ночевали, причем не предвиделась ни одна битва! Так далеко прошли на север, что теперь, но время летнего солнцестояния «ночью, еще до того как окончательно исчезнет вечерний свет, уже брезжило утро»; иногда далее вечерняя молитва отпадала⁴⁸: ведь ее нужно совершать, как только нельзя будет отличить светлую нитку от темной.

Если враг сам не подставился, его нужно заманить. Маленькие отряды отправились в путь, для вида слоняясь беззаботно и без защиты. Они должны были выманить войско Тохтамыша из его укрытия и, как только он нападет, обратиться в бегство. Эта мера попала в цель. Тохтамыш больше не выжидал, а со своей стороны замахнулся для большого удара. Умар-шейх получил приказ двадцатью тысячами человек ринуться на главные военные силы Золотой Орды; враг не должен получить возможность привести упорядоченно свои силы в действие. Уже на следующий день поступили сведения о боях с авангардом врага. Теперь, наконец, восемнадцатого июня, Тимур смог выстроить свои войска для битвы. После шестидневных сильных ливней небо прояснилось; следовало быстрее начать военные действия, прежде чем снова помешает погода. «С Божьего согласия он разделил свое войско на семь боевых групп — тактическая мера, о которой еще никто никогда не слышал»⁴⁹. Смысл этого боевого порядка войск состоял в том, чтобы правое и левое крыло, еще разделенные на три самостоятельно действующих отряда⁵⁰, быстрее смогли приспособиться к непредвиденным поворотам военных событий. По числу бойцов Тимур, очевидно, проигрывал; стоило попытаться произвести впечатление на врага хладнокровием. В виду приближающихся войск Тохтамыша Тимур приказал своим частям спешиться и разбить палатки. Он тоже слез с лошади; как перед каждой крупной битвой, его попросили помолиться, и он «беседовал с глазу на глаз с миром тайных и сокрытых вещей»⁵¹. Только потом стали бить в литавры к нападению и трубить в рог. Теперь и сайд Берке, отпрыск рода Пророка, поднял с мольбой ⁵² руки к небу, декламируя слова из Корана, а затем бросил он землю в сторону врагов с проклятием: «Пусть ваше лицо будет обезображено!»⁵³ Разгорелась битва, и некоторое время полонение у воинов Маве-раннахра было совсем неблагоприятным. Хотя отдельные части Тимура имели успех, так как они гнались за убегающими врагами, основным военным силам Тохтамыша удалось в одном месте прорвать ряды противника и в тылу

Тимура собраться для атаки. Только осторожному Умар-шейху Тимур обязан тем, что он вовремя был поставлен в известность об этом опасном повороте дел. Так Тохтамыш не достиг победы, до которой было подать рукой. В его войске неожиданно пропало желание сопротивляться; оно рассыпалось и беспорядочно бежало, когда увидело перед собой повернувшие обратно части Тимура⁵⁴.

После победы Тимур отказался от длинной торжественной церемонии поздравления. Он даже приказал преследовать разлетевшихся кипчаков; каждая десятка должна была для этого призвать семь своих членов. Волга явилась для убежавших непреодолимым препятствием. Их догнали, отрядами взяли в плен. Некоторые князья из Золотой Орды перебежали из-за опасности поражения к Тимуру, который великодушно принял их, одного из них возвысил до хана, правда, вменил им в обязанность привести спой мирные объединения и с ними следовать за войском. Только один из кипчакских эмиров позже придерживался своего обещания, но и он тоже отступился от него, когда возвращавшиеся войска Мавераннахра добрались до реки Урал. Громадными были и трофеи в виде скота; воины, которые на пути туда с трудом собирали свой ежедневный рацион, теперь даже были не в состоянии гнать перед собой все награбленные стада и вынуждены были бросить многих животных. Но еще более ценной добычей были человеческие трофеи.

так много похожих на развратниц, девочек, так много ловких мальчиков — похитителей сердец устремились в войсковой лагерь, в котором нашел убежище триумф, что только часть, выбранная для его величества, «господина счастливых обстоятельств, составляла более пяти тысяч голов — девственницы с лунообразным лицом⁵⁵, юноши с фигурами кипариса и щеками, похожими на тюльпан такого вида, что даже восходящее солнце должно было уйти, пристыженное их освещающими мир лицами, их головой за занавесом, о котором говорится в откровении (сура 38,32): «Она скрывалась за покрывалом», и даже бодрствующий по ночам аскет, если бы увидел их во сне, сразу разорвал бы лохмотья своей сдержанности при виде солнца их красоты, как утро⁵⁶ — одежду ночи.

Только теперь наступило время отпраздновать победу. Почти месяц оставили для этого. Потом, однако, отправились в непрерывный путь назад. Тимур обогнал большое войско и уже в октябре 1391 года

был снова в Отраре, откуда ненадолго съездил в Самарканд. Мираншах немного позже переместился на юг, в Хорасан, где господство Тимура, очевидно, все еще не полностью было обеспечено. Примерно в то же самое время он отправил войско под командованием его внука Пир Мухаммеда Джахангира, в «империю Махмуда Газни», в те страны, которые простирались от Кабула до берега Инда. События 1388 года показали, что не надо было выпускать из поля зрения эту территорию. Сам Тимур провел зиму 1392 года не в своей столице, а отправился в зимний лагерь под Ташкентом, чтобы только весной вернуться в Самарканд. Был ли для этого какой-нибудь определенный повод или нужно было только продемонстрировать, что север, как и прежде, находится под пристальным наблюдением, неизвестно⁵⁷.

КОНЕЦ МУЗАФФАРИДОВ

Только несколько месяцев передышки позволил себе Тимур той зимой. Его беспокоило, видимо, то обстоятельство, что он оставил незаконченным дело для умиротворения Ирана. Прежде всего, запад Ирана — область, в которой правил Джалаирид Ахмад Увайс, погрязший в разврате, — совсем не был закреплен за Мавераннахром. Опасно пересеклись там интересы Мавераннахра с интересами Золотой Орды; но и арабской великой державе, империи мамлюков, и выскочке среди исламских султанов Осману с его резиденцией в Бурсе, который только что окончательно разбил на Косовом поле сербов и получил страны, имеющие важное значение для ислама, — не могло быть безразлично, в чьих руках находились те горные области, стратегическое значение которых вряд ли можно было переоценить. Войско Тохтамыша было разогнано, громадная добыча, которую загреб Тимур, ослабила Золотую Орду. Сразу не нужно было опасаться ответного удара; но Тохтамыш убежал, и князья кипчаков обманывали победителя и злоупотребляли его великодушием. Бесспорно, через несколько лет дело дошло бы до нового соотношения сил. Поэтому необходимо было завладеть западной частью Ирана раз и навсегда — «восстановить империю Хулагу», как описал Тимур эту задачу.

В начале июня 1392 года Тимур снова отправился в путь. Целью был Багдад, может быть, даже завоевание Сирии и Египта⁵⁸, значит, завершение того намерения, которое потерпело провал у Хулагу и позднее у ильхана Газана. Владение этими арабскими странами сделало

бы Тимура властителем частей Азии, населенных мусульманами, так как в этом случае Тохтамыш, который был в ссоре со своими западными соседями, русскими князьями, лишился бы своего важнейшего союзника, мамлюков. Вряд ли он смог бы собственными силами тогда еще выступить против Тимура — конечно, если предположить, что длительный контроль за громадным пространством от Ферганской долины до Нила был бы возможен. Тимур, очевидно, верил, что можно господствовать над всеми этими странами — в противном случае его действия не имели бы смысла. Итак, он выступил снова, начал пятилетнюю кампанию, правда, не догадываясь, что его предприятие затянется на долгое время.

В Бухаре он заболел: его вступление в северо-восточный Хорасан отодвинулось поэтому на несколько недель. Только в середине июля он попрощался со своим гаремом, который вернулся в Самарканд, в то время как он со своим главным войском подошел через Махан к хорасанской горной стране, где объединился с войсками, которые Пир Мухаммед набрал в Кандагаре. Первой важной целью был Астарабад, прежде столица княжества эмира Вали. Девятого сентября армия Тимура расположилась в палатках недалеко от этого места на берегу реки Горган⁵⁹. Отсюда до Дамагана простиралась, без сомнения, самая тяжелая часть пути от Мавераннахра до Западного Ирана. Крутая, покрытая лесом горная страна за восемь лет до этого уже доставила войску Мавераннахра лишения. Такими непроходимыми казались джунгли, что «и ветер мог только с большим трудом протиснуться через них и даже призрак ночного странника в них зацеплялся как рыба на удочку». Три дороги, каждая шириной в расстояние, которое пролетает стрела, приказал Тимур пробить в чаще. По не только местность была трудная. Еще хуже было то, что Тимур не мог рассчитывать на зависимость мелких князей, проживающих в своих недоступных замках. Хотя, если не было никакого другого выхода, они появлялись, чтобы услужить ему, потом снова окапывались. Не то, чтобы они смогли остановить громадные военные силы, но можно себе, пожалуй, представить обстоятельства, при которых было бы чрезвычайно неприятно, если бы они решились помешать связи с Мавераннахром. Между прочим, Тимур не любил оставлять в той местности, которую он завоевал, куски земли, владельцы которых не были ему подчинены. Так, в этот раз следовало уничтожить замок под Амолем. Сын местного князя появился перед Тимуром и

покорился ему; сам князь не думал следовать этому примеру. Замок был набит до отказа имуществом окрестных жителей. Речь идет о неверных, которые не знают мечети и не собираются в пятницу на богослужение общины, и это так, хотя владельцы замков претендуют на происхождение от Пророка. Девятнадцатого октября крепость наконец сдалась. Население было вырезано на основании того, что речь шла исключительно о шиитских еретиках. Только сайдам подарили жизнь как когда-то в Исфахане. Истинные сайды должны были, как упрекал их Тимур, встречать всех суннитских ученых с почитанием, а не поддаваться призывам сбежавшихся дerviшей к неуважению шариата⁶⁰.

Еще до начала зимы многие мавераннахрские соединения прошли через северный Иран до Султаньи. Некоторые места стоянки перед старой столицей ильханской империи остались Мираншаху. Он должен был ожидать прибытия обоза из Астарабата; в октябре из Самарканда выехал и гарем. Но Тимур не сразу выступил на Багдад; он откомандировал, скорее, только часть своего войска на запад, поставив перед ним задачу подчинить Курдистан и, таким образом, подготовить наступление на северные области Двуречья. Впрочем, зимнее время было благоприятно для наведения порядка в музаффаридских делах в Фарсе, которые он не смог урегулировать окончательно, когда из-за нападения Тохтамыша сломя голову должен был возвратиться в Самарканд. Более чем за четыре года, которые прошли с тех пор, Шах-Мансур, музаффаридский князь Хузестана, который приказал ослепить своего бежавшего в 1387 году от Тимура родственника Заина ал-Абидина⁶¹, вознесся до правителя Шираза, постоянного местопребывания династии, отстранив большинство членов своей семьи⁶². Тимур и его сын Умар-шейх действовали со своими соединениями всю зиму и весну на территории Хузестана⁶³.

В начале марта 1393 года Тимур отправился в Шираз без подчиненных его сыну войск, которые продолжали оставаться на юго-западе Ирана. Самым большим препятствием перед въездом в столицу Музаффаридов была возвышавшаяся перед ней Белая крепость, горный массив с собственными земледельческими и пастбищными угодьями, который был в состоянии выдержать длительную осаду. Подступы оказались недоступными. Тимур, не колеблясь, приказал идти на штурм, который удался, как рассказывают, благодаря смелому вступлению в бой принцев Мухаммеда Султана и Пир Мухаммеда⁶⁴, а также

семнадцатилетнего Шахруха. Именно он «разжег огонь борьбы таким образом, что клинок Марса в пятой сфере голубой небесной крепости накалился как железо в кузнечном горне». На следующее утро, «когда властитель планет их земли поднялся на высоту бирюзового замка сферы и погасил перед натиском своих лучей стаи звезд⁶⁵, которые подняли знамя тирании на горной крепости небесного свода без опор», атакующие карабкались по крутым скалам и проникли к ужасу защитников в убежище, считавшееся неприступным. Источники не замалчивают, что эта победа одержана с большими потерями⁶⁶.

С одной из горных вершин, примыкавших к высотам, за которые шел бой, Тимур наблюдал за происходящим. Комендант крепости, которого привели к нему как военнопленного, был убит. Нашли также ослепленного Заина ал-Абидина вместе с родственниками. Вместе с ними отправились дальше, все время разыскивая Шах-Мансура. Еще во время рекогносцировки он вырвался примерно с четырьмя тысячами конников из засады и бросился на войско Тимура, не готовое к бою, так как было как раз время общего богослужения в пятницу. Нанося удары со всех сторон, нападавшие раскололи ряды воинов Мавераннах-ра; Шах-Мансур отважно прорвался к Тимуру, которого прикрывали только немногие. Оцепенев то ли от ужаса, то ли от физической слабости, тот не двигался с места, и дважды меч Шах-Мансура зацепил его шлем. Наконец один из преданных ему воинов стал держать над ним щит, другой бросился навстречу атакующему, следующие тоже ринулись сюда и оттеснили нападавшего. Воины Мавераннахра, видя это нападение, неожиданно упали духом и помчались прочь, так как они вообразили, что их «господин счастливых обстоятельств» пал от руки врага. Тимур мог сказать, что ему повезло: вокруг Шахруха собрался ряд испытанных бойцов, которые остановили бежавших и воодушевили их на борьбу. В тот же день Шахрух бросил отрубленную голову Музаффариды в пыль к ногам Тимура⁶⁷.

После этой победы, которая снова позволила засиять данной Богом фортуне полководца Тимура, князя и принцы подошли к нему, упали перед ним на колени по монгольскому обычаю и пили за него⁶⁸. Теперь Шираз лежал перед ними. Они разграбили город, арестовали семью правителя; население Фарса и местные исламские сановники подали Тимуру жалобу на злодеяния Музаффаридов. Вместе с ширазскими ремесленниками, умения и навыки которых пользовались большим спросом при строительстве Самарканда, вскоре после этого два

ослепленных родственника Шах-Мансура отправились в путешествие в Маверан-нахр. Все остальные родственники из рода правителя, взрослые ли, маленькие ли, немного позже были убиты по приказанию Тимура. Новым правителем Фарса стал Умар-шейх. В середине июня Тимур вошел в Хамадан, где ему устроил многодневный праздник™ его сын Мираншах, назначенный правителем стран от Анатолии до Рея, от Баку до Мидии и этим вознесенный одновременно до наследника трона Хулагу.

ЗАВОЕВАНИЕ БАГДАДА

Десятого августа 1393 года у Тимура объявился посланник Ахмада Увайса из Багдада. Джелаирид видел гибель Музаффаридов — династии потомков ильханов, подобной его собственной династии, и не мог питать напрасно надежд в отношении своей собственной судьбы: известной целью Тимура было устранение наследственных князей, и Тимур взялся за это серьезно. Правда, было также известно, что добровольное подчинение и признание чагатаевской верховной власти могло отсрочить временно самое худшее. Но так как согласие Ахмада сдать добровольно, по мнению Тимура, было далеко недостаточным — ему неопределенно обещали чеканить его имя па багдадских монетах и поминать в богослужении по пятницам, — он не отказался от похода на Тигр. При свете факелов войско пересекало долины и овраги северных гор Загрос; Тимур, который в паланкине сопровождал войско, велел спрашивать местных жителей и узнал, что они сообщили в Багдад о приближении его войска через почтовых голубей. Таким же путем вслед за этим Тимур послал ложное известие, что в действительности речь шла о группах отставших от своих войск тюрок. Чтобы замаскировать свои истинные намерения, он на несколько дней задержался у могилы святого. Потом он форсированным маршем прошел остаток пути и тридцать первого августа стоял перед Багдадом. Ахмад, не поверив второму сообщению, велел разобрать мосты через Тигр, после чего отошел на западный берег. Воины Маверан-нахра обнаружили его роскошное судно, на котором переправили Тимура через реку. Днем позже несколько преследователей догнали Джелаирида под Кербелой. Маленький отряд не смог одолеть ожесточенно сражавшихся защитников правителя. Ахмад бежал. Таким образом, пришлось довольствоваться вместо него некоторыми из его родственников. Их, а также знаменитых художников и ученых, которых Тимур перетянул на

свою сторону во время двухмесячного пребывания в Багдаде, наконец отправили в Самарканд. Так как жители бывшего халифского города жаловались на неблагоприятный образ жизни, завоеватель показал себя истинным хранителем шариата; вино, которое изгнанный правитель держал на складе в большом количестве, было вылито в Тигр, «и рыбам тоже досталась доля от торжеств, так как они глотали вино»⁷¹.

Тимуру, однако, еще не подчинялись после изгнания Джелаирида страны между Баку и Багдадом, с которыми были особенно натянутые отношения. Слишком многие мелкие князья, втянутые в политику изменчивыми союзами, жили здесь на своих горах, на которые бросали алчные взгляды, прежде всего, мамлюки в Каире. Поэтому Тимур отправил в Каир посланника, который должен был рассеять возможные опасения, что сейчас начнется наступление на Сирию или Египет. Он велел передать, что хотя в прошлом правители из рода Чингисхана часто вели в Сирии войны, позже между ними и мамлюками наладились дипломатические отношения. Когда Абу Сайд (ум. 1335), последний из ильханов, был допущен к «господину милосердия», в Иране больше не было самодержца Чингисиды; «диадохи» и их скандальные дела разрушили страну. Но теперь благодаря решению Бога весь Иран до арабских границ был объединен им, Тимуром, в непосредственном соседстве с мамлюками; благополучие верноподданных требовало установления мирных отношений между обеими империями. Торговля и общение должны расцвести для пользы и блага обеих сторон. — Под Ар-Рахба на Евфрате были убиты посланники Тимура: когда-нибудь должна была начаться война с мамлюками⁷².

Что касается намерения уничтожить всех нарушителей спокойствия, которые сделали небезопасными торговые пути, Тимур задумал это серьезно. Жалобы багдадских купцов обратили его внимание на замок рыцарей-грабителей Такрит, владельцы которого причиняли зло караванам, направлявшимся в Сирию и Египет. Уже поздней осенью 1393 года Тимур взялся за дело. Он приказал окружить замок, срочно прокладывая в скалах штольни, которые в конце концов привели к обвалу части военных укреплений. Даже трогательная просьба матери владельца замка не переубедила Тимура. Такрит брали штурмом в начале декабря. В знак грозного предупреждения о своей решительности он распределил захваченный гарнизон между своими

соединениями с поручением отрубить головы всем преступникам. Пирамида из черепов и маленький остаток стены разоренной крепости остались потомкам как памятник-предупреждение⁷³. Несколько принцев и эмиров из войска Тимура были в это время направлены для подобных дел в другие области Двуречья. Он сам немного позже повел свое войско в северные окраинные области Ирака. Мелким князьям, правящим на апатолийско-азербайджанской пограничной территории, и вождям племен тюркских объединений он приказал передать послание такого содержания: те страны до недавнего времени были без сильного правителя, поэтому понятно, что они, те, кому направлено это послание, привыкли «играть на свободном поле в мяч сообразно своим желанием». С этим теперь покончено, так как он, Тимур, завоевал весь Ирак и требует, чтобы они «поставили ногу послушания на тропу службы ему» и отказались от грабежей, чтобы заслужить его милости⁷⁴. Действительно, в те дни собралось несколько владельцев замков у него, среди них султан Иса, князь Мардинский, который до сих пор большей своей частью был подчинен султану мамлюков⁷⁵.

Если недавно Тимур хотел сообщить мамлюкам, что он стремится к дружественным отношениям с ними, правда, помня и о войнах ильханов, то у него после убийств у Ар-Рахбы не оставалось другого выбора, как выступить против Сирии и Египта, тем более, что за это говорили и стратегические соображения. Борьба с Тохтамышем, которая окончательно не была завершена, наводила на мысль, что нужно нанести удар по самому сильному из возможных его союзников; в подтверждение очевидного для каждого притязания на ильханское наследие последовал приказ охранять северосирийскую и мессопотамскую территорию, так как вовлечение мамлюковских интересов в необозримую политическую структуру, важнейшие элементы которой наряду с мелкими князьями образовывали передвижные союзы бедуинов и тюрков, следовало ограничить сирийской землей, чтобы уменьшить опасность дестабилизации. Тимур призывал местных властителей, которые только что поклялись в готовности ему служить, выступить с войском против мамлюков, режим которых — это не могло от него ускользнуть — в последние годы сотрясали перевороты и братоубийственные войны ссорившихся партий. И султана Исы, князя Мардина, окрестности которого прочесывало войско Тимура на рубеже 1394-1395 гг., тоже касался этот приказ⁷⁶. Но Иса вышел из повиновения и заперся в своей крепости. Этого Тимур не мог оставить

так. Яса Чингисхана и монгольский обычай вообще не допускали, чтобы в тылу оставался враг, не присоединенный к «мирному содружеству», в то время как приступали к новым завоеваниям. Как под Амолем в первый год этой долгой кампании, так и теперь Мавераннахр приложил нее усилия, чтобы искоренить такие незаконные устремления. Султан Иса наконец снизошел все-таки к следованию за войском, этим все было готово к военному походу против мамлюков. Вскоре Умар-шейх со своим войском должен был прибыть из Фарса и объединиться с войском отца под Диярбакыром для нападения на Северную Сирию⁷⁷. Таково было положение вещей в начале февраля 1394 года. Но Тимур ждал своего сына напрасно. Вместо этого до него дошла печальная весть: Умар-шейху месяц назад в Курдистане при осаде замка попала стрела в артерию, и он от раны истек кровью. Как когда-то Чингисхан в Бамиане приказал истребить все живое, люден и животных, за то, что здесь погиб его любимый внук, так и теперь такое случилось с курдской крепостью. Возможно, серьезные надежды на «мирное содружество» были этим наказаны; о проведении военного похода против мамлюков нечего было и думать. В Фарсе нужно было сохранить только что завоеванную власть. Тимур назначил Пир Мухаммеда, которому только что исполнилось шестнадцать лет, сына Умар-шейха, новым наместником.

Но и его собственное положение на южном крае анатолийской горной страны неожиданно оказалось затруднительным. Султана Псу заподозрили в обмане Тимура и арестовали. Но от завладения Мардином пришлось отказаться, так как войско теперь, в конце зимы, страдало от ощутимой нехватки корма для скота. Продвижение наверх в горную страну, где в это время года было достаточно долин для пастбищ, было неизбежно. Ливии, похожие на всемирный потоп, сделали, однако, местность почти непроходимой; с большими потерями в животных тащились дальше, — расстилая на земле войлочные одеяла, циновки, чтобы не увязнуть глубоко⁷⁹. Казалось, счастье покинуло Тимура, и многие мелкие князья, которые только что тоже проявили готовность следовать за войском, отреклись от него. Так весна и лето 1394 года были наполнены многочисленными мелкими делами в азербайджано-анатолийском пространстве, которыми Тимур и его сыновья старались обеспечить свое господство. У Мардина и Амида, сильные укрепления которого произвели большое впечатление на одного из докладывающих, и у Авника под Эрзерумом до начала августа велась

война. Между тем у горного массива Алададж, северо-восточнее озера Ван, Тимур встретил свой гарем, который провел зиму в Султани. «И несколько дней они провели в безоблачном наслаждении. После этого они попросились на поминки усопшего принца Умар-шейха. Они представляли себе снова то несчастье, пронзающее сердце, сжигающее грудь. Эмиры, князья, принцы и жены причитали по поводу ужасного случая, пролили море слез. Но в конце концов они освободили свое сердце от всего этого и повернулись к другим делам...»⁸⁰.

ВТОРАЯ ПОБЕДА НАД ТОХТАМЫШЕМ

В конце лета Тимур приказал некоторым подразделениям отступить в Грузию; это значит, ему захотелось умножить свою славу борца за веру. Но, очевидно, это была не единственная причина для предприятия. Предстояла война с Тохтамышем. Насколько сильное войско снова организовал правитель Золотой Орды со времени прошлого вторжения Ма-вераннахра, источники умалчивают. По всей вероятности, Тимур был в некоторой степени информирован об изменениях по ту сторону Дербента; усилия последних лет, прежде всего, набеги на Грузию, которые, вероятно, должны были предостеречь страну от совместных действий с Тохтамышем, приобрели смысл. В горной стране Бингол, расположенной на полпути между Эрзерумом и Мушем, Тимур собрал войско для выступления на север. Свой гарем он отослал в Султанию, Шахрух был откомандирован в Самарканд как его регент. Он сам в середине сентября 1394 года прибыл в Тифлис. Там он узнал, что Тохтамыш уже стоит под Дербентом. Воины Маверакнахри пошли вниз по течению Куры, в ответ на это враги отступили. К северу от реки Тимур приказал разбить зимний лагерь⁸².

В начале марта 1395 года он дал приказ идти на север, где на Тереке укрепился Тохтамыш. Чтобы был предлог, который оправдывал бы это нападение, зимой к Тохтамышу отправили посольного, который должен был передать предупреждения и угрозы⁸³. Естественно, Тохтамыш не дал уговорить себя подчиниться, таким образом, его нужно было вразумить именно в битве. Бой вспыхнул в середине апреля, и как это было, когда последний раз мерялись силой с Золотой Ордой, так и сейчас войска Мавераннахра попали в тяжелое положение. По в конце концов они одержали верх; Тохтамыш отступил в глубь своей империи: под городом Булгаром, недалеко от места, где Кама

впадает в Волгу, затерялся его след в густых лесах⁸⁴ —точно так же, как и после предыдущего поражения. Между тем мавераннахрцы знали, что Тохтамыш в последнее время завязал близкие отношения с литовским великим князем Витовтом; Литва уже пятнадцать лет до этого была в союзе с татарами, а именно против Москвы, князь которой Дмитрий ушел тогда с Куликова поля победителем. Поддержкой Золотой Орды Витовт надеялся существенно усилить влияние на русские дела⁸⁵.

Преследуя Тохтамыша, Тимур встретил на Волге сына Урус-хана. Он назначил его номинальным ханом Золотой Орды и повел с собой⁸⁶. Но на изменение условий в Золотой Орде он этим повлиять не мог, так как противники Тохтамыша и центре улуса Джу-чи давно видели в Темур-Кутлуй-хане, старом сопернике Тохтамыша, своего собственного кандидата. Когда в 1399 году Тохтамыш с тыловым прикрытием Витовта снова хотел укрепить свою власть в Орде, именно тот Темур-Кутлуй выступил против него и обратил в бегство⁸⁷. Впрочем, это не просто видимость, будто Тимур после триумфа на Тереке серьезно подумывал об овладении империей Золотой Орды. После исчезновения Тохтамыша воины Мавераннахра достигли Московского княжества и отошли затем к устью Дона, куда наступал Мираншах с юго-востока. Затем были бои на Кубани с черкесами, поселения которых были разграблены. Остаток теплого времени года воины Мавераннахра провели за осадой и штурмом замков в грузинских горах⁸⁸. Все эти предприятия показывают собственные намерения Тимура: он придавал большое значение созданию как можно дальше продвинутой линии обороны от Золотой Орды. Своим походом на черкесов он затрагивал одновременно важные интересы мамлюков, так как в лице султана Баркука (прав. 1382-1399) в Каире пришли к власти черкесы, которые заботились о сохранении связей с их родиной, из которой они пополняли свои ряды. Тимур должен был, напротив, по возможности препятствовать взаимодействию между Каиром и Ордой, которое установилось в тринадцатом веке, — тогда кипчаки могли выступать в полках мамлюков.

Зимой 1396 года войска Тимура завоевали и разграбили сначала Астрахань, которая была защищена со стороны замерзшей реки укреплениями, построенными из льда. Другие подразделения опустошили Сарай, старую столицу Синей Орды. Причиной этого разбойничьего набега, из-за которого пришлось на время покинуть зимний лагерь на Тереке, была печальная необходимость.

Произошел массовый падеж скота, ужасающий недостаток зерна ставил под сомнение выживание войска. Но благодаря разбойничьим набегам можно было немного облегчить положение⁸⁹,

Как только наступила весна 1396 года, отважные вылазки против грузинских горных гнезд начались снова; они находились так высоко, что у «того, кто их рассматривал, шапка соскакивала с головы»⁹⁰, Тимур сам повел к этой цели войско, которое лучше всего ориентировалось в высокогорном массиве. Иногда даже эти люди не знали, что делать дальше. Если положение горы позволяло, то с более высоких скал спускали на канатах большие ящики, сколоченные на месте, с которых сражались против гарнизона⁹¹. Все эти усилия служили также цели передать Мираншаху, «наследнику трона Хулагу», как можно более защищенную империю, которая должна была простираться от Багдада до Баку, от Хамадана до Центральной Анатолии⁹². Настоятельно необходимым стало снова вмешательство Тимура в дела провинции Фарс летом. В Йезде вспыхнуло восстание; только после прибытия подкрепления Пир Мухаммед смог его подавить. До Хормуза на заливе попытался Тимур укрепить свое господство.

Однако все это происходило в то время, когда возвращение в Самарканд было уже решенным делом. Семнадцатого июля 1396 года Тимур отправился туда из Султании со своим войском⁹³. Он проехал через Хорасан, первый тимуридский наместник которого, сын Тимура Мираншах теперь имел резиденцию в Тебризе⁹⁴, взяв на себя трудную задачу защищать от Золотой Орды с трудом построенную заставу. Подчиняющийся Мираншаху мирный союз Тимур послал в Азербайджан, для усиления стоящих там войск⁹⁵. В 1397 году он назначил своего родившегося в 1377 году сына Шахруха наместником Хорасана; в июне тот прибыл в Герат⁹⁶. Ему стали принадлежать также Сис-тан и Мазендеран, военная дорога, ведущая оттуда на запад до Рея, а также горная страна Фирузкух⁹. После этих мер Иран казался, прежде всего, умиротворенным и подготовленным к нападению извне. До середины 1398 года Тимур занимался расширением своей столицы. Затем снова отправился в поход, в Индию.

Тохтамыш был навсегда исключен из числа врагов, но не благодаря последним победам Тимура; скорее бывшему фавориту «господина счастливых обстоятельств» после поражения от Темир-Кутлуга в 1399 году больше не удалось вернуть трон Золотой Орды.

Тохтамыш затерялся в отдаленных областях, так как его преследовали. В верхнем течении Оби, приблизительно между устьями Чулыма и Томи, он снова создал напоследок маленькое ханство, и ему еще пришлось апеллировать к великодушью Тимура, прежде чем он был убит в 1405 году под Тюменью в Западной Сибири Сади Бекком (прав. 1401-1407), преемником Темир Кутлуя⁹⁸.

ОХОТА И ВОЙНА

Ревностно верующий шахиншах, господин счастливых обстоятельств, по решению сфер их завоевавший мир заместитель Господа приказал войску сесть на коней и скакать плечом к плечу для освидетельствования, с оружием, подготовки к военным делам коня и всадника. У подножия хребта Эльбурс течет Самур, в пяти парасангах от Каспийского моря. Послушные приказу, сели на коней полки и выступили испытанным боевым порядком, левый фланг на гребне Эльбурс, правый на море. От гор до моря тянулись стройными рядами, железо вверху, железо внизу; шлемы проверенных в бою богатырей, подковы быстрых, как ветер коней! — Яркое сияние от диска луны! — Такое количество, что со времен Чингисхана никто не сообщал о чем-либо подобном, не говоря уже о том, что кто-то видел такое! Господин счастливых обстоятельств, облаканный фортуной, окруженный помощью Бога, сделал круг от левого фланга через центр к правому флангу армии, пароль которой триумф, и его благословенная персона сама произвела освидетельствование... Эмиры и их герои опустили на колени, раскрыли губы для слов искренней услужливости, для выражения похвалы, и готовности на жертвы:

*Счастливым предзнаменованием стал
ты для империи,
ты разбиваешь голову восстания!
В высшей сфере покоится твой трон,
твое счастье омолодило нам мир!
Головой и сердцем — всецело служили мы,
сокрушили нас и подковы твоего коня!
И были земля и море полны врагов
благодаря силе твоего счастья, коронованный
Течем мы с кровью по широкой долине
днем, когда идет рубка и бои на копьях,
С дубиной, пикой, клинком, стрелой растекаемся мы подобно Оксу.*

Все они на коленях подвели ему согласно обычаю свою оседланную лошадь. Но он говорил с ними благожелательно, привязал к себе их сердца, обещая милость правителя. И когда он, охраняемый Богом, вернулся в центр, ударили литавры и барабаны, трубили в рог и трубы, рубили обнаженными клинками в направлении врагов, и так сильно звучали трубы, что горы задрожали и море взволновалось⁹⁹.

Уже перед первой крупной битвой против Золотой Орды мы ознакомились с подобной сценой¹⁰⁰: смотр войск и присяга на верность одновременно. Сейчас мы находимся перед решающей битвой на Тереке. То, что были произнесены именно эти слова, невероятно. Нас занимает то обстоятельство, что летописец считает их уместными. Через несколько лет после смерти великого завоевателя он пишет для его сына Шахруха волнующую историю смелых военных походов. От пышных хвалебных речей он не может при этом отказаться, это нужно понимать. Но Жазди, наш хронист, не только произносит хвалебные речи, его труд свидетельствует о том, что его заботят подробности, факты, даты, и когда он с восхищением описывает громадные укрепления города Амида и уверяет, что он знает их не только понаслышке, а по собственному наблюдению¹⁰¹, то он имеет, наконец, на это право, так как он не был оторванным от мира кабинетным ученым, а, вероятно, имел собственный опыт военных времен. Он был подданным Тимуридов, а это были и те эмиры, которые присягали на верность Тимуру перед битвой на Тереке. Не дословное содержание передавали тогда, а, пожалуй, говорили о смысле в подобных ситуациях — и это достойно нашего внимания.

Перед битвой есть только друг или враг, только «мирное объединение», за вождя которого, «господина счастливых обстоятельств» отдают жизнь, и только закоренелые противники, которые должны быть уничтожены, так как недостаточно обратить их в бегство; они снова будут строить козни и пытаться помешать тому, чтобы весь мир стал единственным «мирным объединением». Совсем как учение пророка Мухаммеда о священной войне предусматривает только полную окончательную победу исламского государства как цель всех устремлений борцов за веру и допускает перемирие только при условии, что оно принесет выгоду исламу¹⁰², так и в политическом мышлении, приписываемом Чингисхану, война ведет к миру через полное уничтожение противника¹⁰³. Кровь убитых врагов, которая

окрашивает огромную территорию, —неопровержимый признак начала мировой империи равных, больше не делимых на различные соединения лояльности, тех, которые делятся с точки зрения чистой целесообразности на десятки и которым поручают по мере надобности считающиеся срочными задачи. Безжалостный целенаправленный рационализм низводил отдельного человека в мирном союзе до существа, ценность которого можно измерить только его функциональной способностью в глазах управляющей им воли. Его можно лишить жизни, если она не приносит никакой пользы. Это справедливо только для побежденных врагов; если они не погибли в бою, то оставшихся в живых распределяют между воинами, которые наворачивают то, что кажется необходимым для построения «мирного объединения». И только тот, кто сумеет служить по-особому — благочестивые божьи люди, ученые, ремесленники, — тот может рассчитывать на смягчение своей судьбы.

Война сравнима с охотой, правда, с охотой, при которой травят не одного зверя; осада со всех сторон, постепенное затягивание дикого зверя на постоянно суживающееся пространство, затем истребление всей кажущейся чем-то пригодной добычи — таков метод. Со времен античного мира это утвердилось в Азии¹⁰⁴. Древние арабы, однако, этого не практиковали — наличность живого в их скудных сухих странах слишком мала, — но они могли понаслышке это знать, ибо так, а не иначе принцы Сасанидов загоняли диких ослов на пограничной полосе между культурной страной и пустыней¹⁰⁵. В поле зрения исламских историографов попал этот метод с триумфальным шествием сельджуков, выходцев из Центральной Азии. Их султан Маликшах (прав. 1072-1092) привлек внимание, когда в окрестностях Неджефа велел согнать газелей и убил несколько тысяч; из рогов был на память сложен памятник, а немного позже подобным образом были опустошены окрестности Исфахана¹⁰⁶.

То, что монголы владели этим методом, многократно подтверждено¹⁰⁷. Рашид ад-дин¹⁰⁸ описывает нам подробности жизни при дворе в Каракоруме при Угедее. Мужчины развлекались стрельбой из лука и арбалета и борьбой. Кроме того, великий хан заставлял возводить насыпь из свай и глины длиной в два дня пути в области зимних пастбищ; эта насыпь имела несколько ворот. Ко времени охоты «собирали войско из всех областей, для того чтобы все воины образовали цепь загонщиков, и потом гнали дичь на ту насыпь. Цепь

окружения растягивалась на месяц пути. Зверей гнали к насыпи. Там войско уже плечом к плечу образовывало тесный круг. Сначала в него входил Угедей со своими близкими доверенными. Некоторое время он наблюдал за животными, потом убивал многих, и когда уже ему это надоедало, он скакал на возвышение посреди окруженной местности. По очереди входили теперь в круг принцы, после этого охотились весь народ и рядовой состав войска. Потом часть животных отпускали и, имитируя спортивные упражнения, ловили их палкой с лассо. Управляющие распределяли наконец всю добычу между принцами и полководцами всех рангов, так что никто не оставался без положенной ему доли. Принцы и полководцы совершали обряды, принятые в аудиенции для поздравлений. После девятидневного пира все возвращались в свои области и в свои палатки»¹⁰⁹. С военными рабами, ввезенными преимущественно из Куманских степей в Египет и Сирию (из их среды, в частности, вышли некоторые султаны мамлюков), описанный метод вошел и в сердце арабского мира. Так, Тенгиз, возвысившийся в 1313 году до наместника Дамаска, имел обыкновение ежегодно несколько дней охотиться на среднем Евфрате, иногда даже переправлялся через эту реку, пренебрегая границами с империей ильханов, и жители тех областей «тогда бежали от него до Тебриза, Султании, Мардина и Сиса»¹¹⁰. В то же самое время хан Олджайту (прав. 1304-1316), который несмотря на все опустошения, правил заселенной и застроенной в сравнении с Центральной Азией страной, не испытывая больше настоящего удовольствия от такого времяпрепровождения. Еще его отец Газан (прав. 1295-1304) провел реформы в интересах оседлого населения. Он придерживался того мнения, что хан не имел права подвергать опасности жизнь из-за участия в охоте, разве только если его персона была там необходима ¹¹¹, — очень похоже на утвержденное правило, что государь не имеет права бросаться в боевую суету ¹¹².

Властители Мавераннахра еще не разделяли такого мнения об охоте облавой. Тимур часто приказывал своим войскам развертываться в цепь для этого занятия, и не в последнюю очередь для того, чтобы спасти войско от голода ¹¹³. Охотники — те же воины. Они созываются, как и для похода; обязанность собираться в поход и на охоту одно и то же, как явствует из примера Угедая. Князья и полководцы руководят маневрами цепи, войсковые интенданты распределяют добычу. А после этого большой праздник победы. Охота облавой и война в представлении монголов переходят одно в другое¹¹⁴. Чингисхан очень серьезно

относился к охоте: «Охота — это дело, подобающее полководцам. Оруженосцы и воины должны поучиться, как подкрадываться к диким животным, как их убивать, как построить ряд, как в зависимости от числа загонщиков окружить дичь, как перед началом охоты организовать разведку, определить породу и количество животных. Если у полководцев нет боевых заданий для войска, то они всегда должны стремиться к охоте и побуждать войско к тому же. Охота — не самоцель, скорее войска должны овладеть этими задачами, как во сне»¹¹⁵. Во времена Тимура в Мавераннахре еще жило убеждение, что охота — лучшее упражнение для войны. С младенческого возраста будущий завоеватель мира резвился на лошади и пробовал пользоваться оружием, проводил дни за охотой и военным ремеслом; на охоту и на бои были направлены его помыслы¹¹⁶.

На охоте, как и на войне, четко определено расположение участвующих. Охотник — «мирное объединение» — противостоит тому, за кем охотятся — врагу — в сознании непримиримости. Охотник имеет право достичь своей цели уничтожением визави. Между окруженной дичью и окруженными врагами не существует принципиального различия. «Враг для правителя не лучше дикого осла!» — якобы внушал Чингисхан своему сыну Джучи, когда тот предоставил убежище одному князю меркитов¹¹⁷. Что обещает в будущем пользу, остается в живых; все другое истребляется, чтобы стремление к равенству, к упорядочению обстоятельств было удовлетворено! Отступить от такого мышления можно, по всей вероятности, в особых случаях, когда уже при Чингисхане — точно так же при Тимуре — для искупления за смерть близкого родственника уничтожалось все живое в окрестности места происшедшего несчастья¹¹⁸. То, что метод охоты облавой на громадной территории, проведение которой предполагает значительные возможности распоряжаться большими массами людей, смог так решительно перейти на методы ведения войны, кажется, является своеобразием центральноазиатских степных кочевников¹¹⁹. Лесные кочевники, описанные Рашид-ад-дином, которые разводили вместо баранов и крупного рогатого скота других животных¹²⁰, вряд ли приняли подобное военное искусство.

По Рашид-ад-Дину, именно Чингисхан ввел обычай убивать всех побежденных врагов, значит, обращаться с ними, как с окруженными дикими животными; это было надежно, ибо позволяло сохранять вокруг себя только единомышленников. — Но не иначе, как созданием

всеобъемлющего мирного порядка может быть достигнута убежденность, что небесное божество пригласило для этого великого хана на его должность. Как небо окружает всю землю, так и все народы подчинены земному, даже космическому порядку, предначертанному божеством; кто этот порядок отвергает, борется с избранным для его сохранения ханом, тот лишается защиты неба, делается врагом всего того, что существует в соответствии с небесной волей¹²¹.

«В чем заключается счастье мужчины?» — спросил однажды Чингисхан своих спутников. Они отвечали что-то об охоте вообще, о соколиной охоте в частности, о красивой одежде. «Хорошо вы говорили! Но настоящая жизнь мужчины заключается в том, чтобы нападать на врагов, истреблять их с корнем, заставить плакать их любимых, скакать на отобранных у них жирных жеребцах с золотыми седлами, животы их женщин использовать вместо подушки, целовать их рот!»¹²². С низвержением врагов связано лишение их чести — это, без сомнения, выходящая за рамки охотничьей метафоры черта. Победитель — это защитник порядка¹²³, которого хочет небо или Бог, побежденный — его недостойный противник. Чем решительнее триумф, тем яснее должен быть показан этот контраст. Сельджук Маликшах приказал сложить рога животных, своей добычи, как памятники; перенесенные в сферу войны пирамиды отрезанных голов показывают физическое уничтожение врагов, но прежде всего их моральное уничтожение. Кто заслужил такой позорной смерти, тот весь опозорен, с головы до пят¹²⁴, в назидание живым.

Так остается только победоносное «мирное объединение», принадлежность к которому является условием для сохранения жизни и достоинства. Это объединение в принципе всеобъемлющее; подобному покровительствовал Мухаммед. Вне его нет права на существование, а оно — объединение равных — полностью, по определению Ясы, предоставлено и распоряжение правителя¹²⁵. Оно означает осуществление благополучия на земле подобно тому, как на мусульманах по суре (3, 110) лежит ужасно тяжелый, но неоспоримый груз — образовать на земле самое лучшее объединение. Из убийств, из грабежей, из разрушения поднимается мирная империя¹²⁶, империя единства и согласия. Как когда-то, до появления Мухаммеда, бедуины, так и до Чингисхана народы Центральной Азии были без всеобщего руководства, говорит Рашид-ад-дин¹²⁷. Нет ничего хуже, чем мешать наконец достигнутому согласию. Шариат требует смерти не желающего покаяться

вероотступника, и монголы наказывали изменников с изощренной жестокостью. Князя Мосула, который не сдержал обещания союзу, Хулагу велел накрыть курдюками, закатать в войлок и крепко связать; в течение месяца предатель был заживо съеден червями¹²⁸. И при Тимуре унаследованная от его монгольских предков идея единого похожего мирового порядка, который он стремился восстановить устранением «диадохов», переkreщивается с исламским понятием единодушного объединения, каким его сформулировал суннизм¹²⁹. Не только Яса, ко и представления о политическом порядке суннитов в начале пятилетней кампании сделали необходимым штурм замка под Амолем и убийство «неверного» населения¹³⁰. Почитать полагалось Чингисидов и Саидов, потомков Мухаммеда; но решительно нужно было бороться за сохранение «единодушного объединения»; причисление к нему означало пощаду — значит, сделан правильный выбор. Поэтому Тимур однажды настоятельно признал Ходжу Али отказаться от шиитского вероисповедания¹³¹.

СОБЫТИЕ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ

Охотно служат литераторы правителям, поскольку это дает повод для предположения, что они совместно движут колесо истории. Когда Тимур в конце августа 1393 года стоял лагерем перед Багдадом — этот несносный Ахмад Увайс искал спасения в бегстве — нотабли и ученые города засвидетельствовали новому хозяину свое почтение, среди них, якобы, некий Шами; он позже хвастался в своей «Книге триумфа», что он тогда был первым, кто познал знаки времени и был допущен Тимуром к целованию ковра. Господин счастливых обстоятельств склонился благосклонно ко мне и похвалил за быстрое появление. Подняв меня немного из пыли, он обратился со своей благословенной речью, как и следовало, ко мне: «Пусть Бог подарит тебе свое милосердие! Из жителей этого города ты первый, кто пришел ко мне!» Но это все обстояло так: когда я подошел к воротам и посмотрел на Тигр, я не смог отличить реку от суши из-за громадного количества переправляющихся победоносных войск. Удивленный, сказал я себе: «Что это за люди, которые превосходят все остальные создания такого рода в непоколебимости и твердости, мужестве и смелости?» И я узнал, что этот господин счастливых обстоятельств располагает помощью Бога,

и все его последователи и приверженцы превосходят других людей благодаря большой силе и неистощимой храбрости». Предчувствие движения мира, когда оно очевидно каждому, не слишком красит дальновидного человека; он должен был уже давно все знать. Поэтому Шами не слишком строго в этом предисловии к «Книге триумфа» придерживается исторической правды, когда это касается его собственной персоны, так как только в конце 1400 года, когда Тимур осаждал Алеппо, Шами, который как раз отправился паломничать, попал в руки Чагатаидов. Он сам выболтал это при описании осады замка Алеппо ¹. Итак, никакого гениального предвидения: это только стилизация в отношении себя! Кажется, напротив, соответствуют истине его данные о начале работы над «Книгой триумфа». Шами, должно быть, находился с падением Алеппо в обозе полезных пленных. В 804 (x) (начался одиннадцатого августа 1401), так утверждает Шами, он получил чрезвычайно почетное, и в то же время очень щекотливое поручение соединить восхождение и дела «господина счастливых обстоятельств» в одной благоустроенной хронике. Уже имеющееся изложение этого материала, вероятно, не понравилось Тимуру; из высказывания Шами можно понять, что он чрезмерно разделяет восхождение и дела². Впрочем, правитель поставил условие, чтобы официозная хроника была не очень перегружена красноречивыми пустяками, так как если рассказ изобилует образными выражениями и поэтическими сравнениями, существует опасность, что вообще не поймешь смысла; среди десятков, и даже среди сотен людей найдется лишь один, который не потеряет нить, и, таким образом, произведение не достигнет своей цели³. Хроника, очевидно, должна была служить распространению славы «господина счастливых обстоятельств» и убедить массы подчиненных в том, что он действует по поручению Бога. Так, мы находим у Шами в первый раз перенесение даты рождения на 1335 год: Тимур — наследник империи ильханов, избранный Богом⁴. При оценке образования простолюдина Тимур, возможно, думал о самом себе. Изучению истории он посвящал много времени, но сам не читал, а заставлял читать себе персидские произведения, вставляя замечания и внося поправки, если замечал ошибочные отклонения от известного ему точного текста. Так как он, однако, не был силен в арабском⁵, он не мог разобраться в словесной витиеватости тогдашних персидских авторов без значительной меры знакомства с языком ученых ислама; он поступал правильно, настаивая на простоте. Стремление к простому, незамысловатому выражению, может

быть, связано с передаваемой из поколения в поколение антипатии Чингисхана к служебной переписке, перенасыщенной пышными титулованиями⁶. Около 1400 года в западном Иране в кругу Джелаирида Ахмада Увайса был уровень образования намного выше, чем на родине Тимура⁷, а с Запада пришел Шами. Это тоже следует учесть, если мы хотим понять предостережение. Вряд ли мы можем воспринимать поручение Тимура как критику стиля⁸ той более ранней хроники, переработки которой он требовал; порицать ее можно только ее несовершенный план.

Если мы в этом предшественнике Шами захотим узнать Джият-ад-дина Али из рода Жазди, — ничто не говорит против этого предположения, — то обнаружим недостаток; книга выстроена негармонично. Справедливо, однако, и то, что в этом есть доля вины самого правителя. По свидетельству Джият-ад-дина, который до этого особенно выделялся теологическими сочинениями, а не историческими, ему было поручено описать некоторые из больших походов Тимура, но особенно поход в Индию в 1398 году; для этой части, самой обширной, в его распоряжение был предоставлен в качестве источника «Дневник индийских завоеваний». И с Джият-ад-дином был согласован легко постижимый стиль. Гийят ад-дин происходил из Йезда; поэтому он вставил туда длинный трактат о разногласиях Тимура с Музаффаридами⁹, империи которых принадлежал тот город. В результате все, что Тимур совершил перед нападением на Индию, в труде Джият-ад-дина выделяется как скудная прелюдия. «По наивысшему приказу в начале этой книги счастья сообщается совсем мало об этих завоеваниях, так как, собственно, цель сочинения — описание завоевания стран и городов Индии», — пишет он¹⁰. «Счастье» светит, однако, не только в Индии; с самого начала Тимур должен был появиться как «господин счастливых обстоятельств». Показать это и было задачей Шами. У Джият-ад-дина риторическое преувеличение дел, предшествующих походу в Индию, удивительно противоречило скудости содержания¹¹. Здесь были неизбежны дополнения. Поэтому Шами подробно разъясняет притязания Тимура на господство: что они справедливы, выясняется для мусульманского ученого из суры 57, 25. Бог там говорит: «С чистыми доказательствами мы отправили наших посланников и с ними книгу и весы, чтобы люди действовали по справедливости. И мы отослали железо, в котором скрыта громадная боевая мощь и разнообразная польза для людей. Бог также хотел таким образом узнать, кто

поддерживает его и его посланников (не только внешне, но и в своей душе)... Но «Тимур» означает железо¹², следовательно, меч, при помощи которого людей ставили на свое место¹³ в те времена, когда неповиновение Богу брало верх. Кровное родство с Чингисханом, которое, по Шами, можно проследить по многим линиям, существует¹⁴. Взлет, бои, в ходе которых Тимур вознесся до правителя Мавераннахра, наконец, его крупные военные предприятия описываются подробно, причем все происходящее как можно теснее связывается с «господином счастливых обстоятельств». Только он действует; и события, которые начинает не он, в конце концов только отражение его дел, основанных на божественном внушении. Это ни в коем случае не означает, что такая концепция написания истории вредит верности в передаче деталей. Наоборот, собранный о Тимуре материал полностью включается. Точные данные о дате и месте при описании военных походов против Тохтамыша или о походе от Тустара на Шираз доказывают, что и Шами были доступны похожие на дневники заметки¹⁵. Доказано, что Тимур еще до начала войны приказывал представлять на утверждение письменные данные о странах, через которые он собирался двигаться, и о важных этапах похода¹⁶. Массой подробностей нельзя было пренебрегать ни в коем случае¹⁷; она, скорее, должна была принести пользу для проекта исторической картины соответствующей самооценки Тимура. Передаваемые события и манера их изложения образуют одно целое. Не только в событиях, но и в сообщении о событиях знакомимся мы с Тимуром и его временем.

Утонченного литературного образования, которое нашло себе прекраснейшее выражение в надуманном словесном искусстве, завоевателю не хватало. В этом он отличался, как уже сказано, от таких людей, как Ахмад Увайс. Все же он, должно быть, соприкоснулся с такими трудами, когда ему читали персидские летописи, в которых редко не доставало отточенного блеска. Он всегда отличал документы и послания¹⁹. Более того, в многочисленных случаях, как описано выше²⁰, не зная меры похвала, направлена Тимуру. Правда, мы не знаем, писалось ли это на персидском; в близком окружении Тимура применялся ча-гатайско-тюркский язык. Однако с трудом можно представить, что произносимые на этом языке слова преданности и поздравления были совершенно свободны от влияния персидской риторики и скрывающегося за нею мировоззрения²¹.

Образный язык, который нам пока чужд и звучит натянуто, даже

кажется пошлым — по тогдашнему понятию не просто украшение, которое можно выбросить без ущерба для содержания. Образы передают скорее смысл, лежащий над простыми фактами, первостепенное значение, существенное как для пишущего, так и для читателя и слушателя, так как голые понятия, которые конкретно описывают событие или фактический материал по делу, не отражают всю действительность именно потому, что этот фактический материал, это событие не являются всей действительностью. Тимур предостерегал Шами от экзальтированности — он не требовал отказа от образного языка, принятого в то время, и Шами не ставил себе никаких ограничений. Рождение и смерть, крупные сражения, решающие перемены в судьбах людей вызывали его все снова и снова на созерцания, подобные этому: «По решению Бога заболела дочь Тимура, и постепенно ее состояние ухудшалось... лекари больше не знали, что делать дальше... И через несколько дней порыв ветра жизненного срока сорвал тот цветок с ветки счастья жизни в пыль небытия; то солнце сферы счастья склонилось к заходу, та похожая на кипарис фигура стала как сухой бамбуковый ствол, та пурпурная краска поблекла до блеклой желтой... На помощь против произвола этого деспотического колеса судьбы! Горе из-за вероломства этой преходящей жизни! В конце розы сада, полные шипов!.. После вина этого праздничного пира ждут боли похмелья!

Вчера милый сад, широкий луг с тюльпанами,
пение птиц наполняло зеленеющую долину —
сегодня острые клинки колючего кустарника!
Разве цвела когда-нибудь здесь роза?²²

Ужасно непостоянство времени, радость обращается в страдание, непостижимо, как оно бесчувственно разрушает и уничтожает, что когда-то, расцветая и питая радостные надежды, несло наслаждение существованию.. Так гласит послание, воспринимаемое каждым, очень близкое каждому, которое передает образный язык читателю. «Если понятливый смотрит на смену дня и ночи, он узнает, что эти считанные дни пройдут и быстро исчезнет недолгое время счастья жизни, ничто не считается счастьем человека, не прочно обладание им!»²³ — дает Шами поразмыслить по поводу смерти марионеточного хана Союргатмиса — образы лишают отдельное событие его индивидуальности, включаются в общую судьбу человека, назначение которого можно прочесть по

возникновению и исчезновению в природе, по смене дня и ночи. Но это общее, при всей своей точности в частности, является, собственно, предметом внимания тогдашнего читателя или слушателя, так как на этом уровне встречаются собственный опыт и опыт «господина счастливых обстоятельств», одаренного Богом; неизмеримо страдание многих, чья жизнь в те жуткие времена ничего не стоила, в конце концов вызвано тиранией колеса судьбы таким же образом, что и триумф того человека, который был избран завоевателем мира. Однако образный язык, которым пользуются Щами, Жазди и другие хронисты, не останавливается на назывании того всеобщего. Они дают ему — большей частью опосредованно — то же толкование, пытаются воспринимать его сущность, именно в соответствии с учением о мирах, которое выражает свою готовность проникнуть в каждое событие, разгадать его: метафоры раскрывают внутреннюю связь явлений, облекают ее в абстрактные слова, чтобы разрушить достоверность, потому что она не поддается никакой рациональной аргументации. На нее можно только смотреть.

В 1312 году ильхану Олджайту был представлен человек по имени Шараф-ад-дин Абдаллах (род. 1265, ум. после 1328) из Шираза; он написал летопись, которая продолжила труд Ата Малик Джувеини до тех дней, а также следовала за событиями в монгольских областях за пределами империи ильханов. Олджайту как раз готовился к военному походу против мамлюков; значительные сирийские эмиры перебежали к нему и пробудили в нем надежду расширить границы своей империи до левантийского побережья. Зимой 1313 года монгольские войска прошли через Мосул до Евфрата; в феврале они заняли Ар-Рахбу²⁴. Олджайту, который ценил общение с учеными мужами, попросил летописца сопровождать его. От летописи, которую ему показали, он был в таком восторге, что наградил автора титулом «Вассаф», т.е. «Льстец (его высочества)». В пути часто представлялся случай обсуждать работу Вассафа, и выяснилось, что она не встретила всеобщего одобрения придворных. Они обнаружили в одном месте откровенное признание автора, что он взялся за дело не для того, чтобы просто точно нанизывать события. Тогда он мог бы быть кратким. Скорее он писал по всем правилам красноречия, «чтобы события и сопутствующие обстоятельства, которые, собственно, являются материалом исторической науки, были стилистически окрашены». Все осведомленные после изучения книги признали, что она в этом отношении далеко

превосходит все имевшееся до сих пор²⁵.

Беспользным баловством было то, за что упрекали Вассафа. В конце хроники, законченной в 1312 году и позднее дополненной, он сам сообщает об этом. Однако только название, которым он отбивается от критики, — «Некоторые добрые предзнаменования из сверхъестественного в конце книги», — выдает, что он чувствовал себя непонятым. Когда стало известно о его высокой награде, один придворный рискнул заявить, что речь идет только о виртуозной риторике; содержание можно понять только с большим трудом под всем великолепием, избытком хитроумных словесных структур. Но Олджайту взял хрониста под защиту: Основа «этой книги — это тропы канцелярского стиля и наука о красноречии, и пространными описаниями он правильно осветил те картины и в некоторых местах их пояснил». И во время похода он сочинил несколько статей о красноречии, которые доказывали, как неоправданны были те упреки. После того как Вассаф сообщил читателю, что его искусство встретило высочайшее одобрение, он изъявил готовность предложить свои услуги составить из нескольких легкопонижаемых персидских примеров короткое руководство пользования тропом, которое должно противостоять заблуждению, что все, что «лежит по ту сторону простого смысла слова, нельзя больше охватить выражением». Он сначала называет двадцать пять разновидностей метафоры и обозначает их арабскими терминами, затем кратко рассказывает о сути метонимии. И наконец, переходит к сравнению.

Снова в сочинениях на эту тему он выбирает обычное формальное разъяснение предмета, которое здесь не разбирается во всех частях. «Оба конца» сравнения, первичное и вторичное сравнение, могли бы по мере надобности быть сущностью или временным признаком, поясняет он. Кроме того, есть еще четыре вида, по которым сравниваемое и то, с чем это сравнивается, относятся друг к другу. Эти четыре увеличиваются до восьми, если засчитывать, что как сущность, так и временный признак могут или восприниматься чувственно, или раскрываться через разум; и еще одно удвоение возможностей вытекает из того обстоятельства, что сущность или временные признаки, воспринимаемые чувствами и открываемые разумом, могут быть даны реально или только как кажущиеся, соответственно, чисто по восприятию²⁶.

Если мы теперь посмотрим на широко распространенное и часто комментируемое арабское руководство по риторике, которое написал

Мухаммед Абд ар-Рахман ал-Казвини (ум.1338) из Дамаска примерно в то же время, сразу бросится в глаза, что иранское руководство отличается от его руководства основными положениями. Ал-Казвини, правда, использовал тот же метод систематического распределения; первичное и вторичное сравнения, однако, подразделяются у него на чувственные и разумные, а эти две категории снова воспринимаются как реальные, ложные, гипотетические²⁷. Как мы только что узнали, Вассаф тоже понимает различие в «воспринимаемом чувствами» и «понимаемом только разумом», но у него оно систематизируется делением на сущность и временный признак, взятым из учения о природе. Иначе, чем у Вассафа, риторика у ал-Казвини ограничивается стараниями обеспечить как можно шире и элегантнее выражение и подразумеваемый смысл. Слова, произносимые звуки, указывают на содержание, слова могут быть распространены конвенцией, сознательным соглашением среди людей или учреждением Бога — сущностью выраженного ими содержания, с природой в широком смысле они ни в коем случае не имеют ничего общего²⁸. Совсем иная теория у Вассафа! Сравнения связывают сущность или временный признак вещей или обстоятельств дела друг с другом; употребляемые слова, таким образом, имеют немного общего с сущностью вещей и обстоятельств дела!

Риторика²⁹, говорит Вассаф, ото не просто украшение — без него все равно можно передать смысл, если только обращать внимание на все появляющиеся правила словоупотребления, — нет, только «посредством красоты выражения доберешься до сути, высказанной словом»³⁰. Меткое слово — это не только эстетическое выполнение или перевыполнение языковой нормы, это вызов действительности космоса, которую слово не только представляет, но и в которой оно является участником; поскольку оно знак, оно направлено на суть вещей. Поднимающийся дым — это не просто поддающееся рациональному объяснению указание на наличие горения, это скорее часть его действительности, так как дым по природе связан с горением. Рядом с метким словом, совокупностью хорошей речи Вассаф ставит изящество³¹ выражения. С сущностью вещей оно не имеет ничего общего; оно предмет науки, занимающейся тропами. Она освещает служащие для украшения речевые формы³², среди которых есть виды, играющие особенностями арабского шрифта, а значит, они совсем не слышны, так же как и сравнения. И они,

рассматриваемые на первом плане, — тоже речевое украшение. Но не только это, так как они создают такую тесную связь выражения с действительностью, что наполняется знаковое значение слов и схватывается суть вещей, знаками которых они являются.

Вассаф дает к своим общим высказываниям об ораторском искусстве несколько примеров, которые должны удивить читателя своей виртуозностью и обольстить ею, чтобы прийти к суждению, что так отлично еще никто никогда не владел фигурой сравнения. При этом дата написания эпилога его произведения, дни около двадцатого марта 1313 года, дают повод к следующим пронеркам его умения: «...Инспектора войска весны — образ сонливых нарциссов перед глазами — распустили на боевых знаменах гиацинт, «выросший на изумруде», и повесили — гипотетически — острые, круто спадавшие, цепляющиеся за кайму одежды колючки — «па когти смертельной судьбы похожи они» — в локтевые сгибы торчащих вверх, похожих на свечи, развертывающихся стеблей мило выглядевших недолговечных роз, в которые зефир в своей влюбленности вдохнул свои чувства...»³³ Сравнения, которые попали в категорию вымышленных — носители знамен, которые приходили в голову любому при взгляде на нарциссы, творения фантазии — гипотетически — настоящим колючкам приписывается возможность уничтожения людей «когтями смертельной судьбы», а именно любовников, которые пытаются прорваться к розе, — и аффективных³⁴ — западному ветру приписывается тоска по любви, — он здесь объединил в импрессионистскую картину весну, мазки которой были бы доступны дальнейшим детальным анализам по законам риторики (правда, с побочным эффектом), а от этого страдает восприятие целого. Но весна, которая с непреодолимой силой начала свое победное шествие, — никто другой, как завоевывающий страны ильхан Олджайту! Его действие и господство космоса нельзя отделить друг от друга; оба сплавляются в одну-единственную действительность, значение которой проникает в сознание читателя или слушателя средствами красноречия.

Если мы теперь попытаемся раскрыть мировоззренческие корни этого красноречия, выяснится, что вполне уместен для них отказ доводить рациональное проникновение обстоятельства дела до крайности, так как отраженное восприятие всех явлений, открытых чувствам человека, является для виртуозов этой риторики

высочайшей формой человеческого познания, не проникательное расчленение разумом. Оно ни в коем случае не впадает, в этом убеждены, в последнюю, больше уже ничем не поколебимую уверенность в правде, уверенность, к которой так страстно стремятся, а заканчивается в лучшем случае познанием непреодолимого несовершенства разума, а следовательно, необходимостью отказаться от этого разума, если вообще достигается целебное состояние уверенности. Это был парадокс, в который попала суннитская теология к концу одиннадцатого века. И если уже нельзя было убедиться в связи феноменов этого мира, то этот мир, должно быть, тоже такой, в принципе, неисследованный: очень большое, но ограниченное число частиц субстанции, каждой из которых выделяется Богом по его произвольному решению в любой атом времени временной признак. Органичные связи для разума здесь не надо было искать; все понятия, которые он представлял себе для кажущихся понятными феноменов, которые воспринимают чувства, были не чем другим, как пустыми словами³⁵, и этими словами поэт снова может заниматься, чтобы они служили его желанию удивить читателя. Так, картине мира суннитской теологии конца одиннадцатого и двенадцатого веков подходит риторика Макамена ал-Харири (ум.1122)³⁶. Вызываются не сценарии картин — сочиняется украшение, с которым флиртует форма письма, меняется последовательность согласных и этим связываются корни слов; эта связь дана не благодаря общности содержания, а как раз только симулируется шутливыми изменениями последовательности согласных.

Суннитская теология и ее метафизика зашли в тупик; но большую массу верующих это мало беспокоило. Если уж творение осталось совсем непонятным, то стоило тем более тверже придерживаться откровения и всеобъемлющих норм жизни, переданных образцовыми действиями и речами Пророка, и направить все усилия на то, чтобы осуществить их. Стремление рационально познать мир, то есть Бога, было поражено изъясном кощунственного высокомерия; это было высокомерие — хотеть понять или вовсе вычислить действие созидания со стороны Бога. Только очень немногие в суннитских кругах еще поддерживали ту метафизику, которая основательно потерпела неудачу, потому что исходила из того, что человек совсем не может охватить собственными силами предмет своего познания. Конечно, эти теологи постепенно привлекали в свои

рассуждения побуждение мысли. Эти рассуждения были взяты из труда Авиценны. Но этим они отдалились от своих единоверцев — нефилософов, ненависть которых они постепенно возбудили. Но они создали новый фундамент для рациональной теологии и метафизики, отчего и теология и метафизика совершенно неожиданно приобрели силу — однако больше не в союзе с суннитским исламом.

Фахр-ад-дин ар-Рази (ум.1209)³⁷ освоился с теми представлениями, quintэссенцией которых было самообесценивание разума; но он думал в конце концов категориями «необходимо» и «невозможно»³⁸, навязанными Авиценной суннитской теологии. Необходимо — это Бог, Создатель, возможно — это мир. Стоило построить заново на этой основе суннитскую теологию, так как высказывания, которые теперь получали, должны были нацеливаться именно на существование Бога и мира, не могли быть отброшены как ничего не значащая речь, если вера должна была иметь какой-нибудь смысл. Старая теология позволяла восторжествовать Богу, делая зависимым создание в каждом атоме времени от его произвольного решения; теперь мир снова находится в том отношении к своему создателю, которое происходит в разуме, — если его мир, как это случалось, онтологически совершенно обесценить, это означало бы в конце концов отрицание Бога. Свое глубочайшее и исторически самое действенное выражение нашла новая теология в недостаточно, как и пантеизм, описанном учении Ибн аль-Араби (ум. 1240) о дополнении Творца и его труда.

Если прежде употребляемые людьми слова были простой последовательностью звуков, которые, как и всегда после осуществленного договора, указывали на вещи и обстоятельства дела, реальность которых осталась недосказанной и в крайнем случае могла пониматься как — конечно, переменчивая — привычка Бога, то они изображали теперь действительность, которая хоть и была создана Богом и ей не дали остановиться, но все же отмечена собственным могуществом и органичным характером. Самой утонченной формой этой действительности была человеческая душа, на долю которой в новой теологии как раз в процессе познания выпадала важная задача. Познание — это восприятие отражения; и пока оно образно, оно переходит границы того, что может быть схвачено словами. Ибн аль-Араби, который в письме хотел склонить Фахр-ад-дина ар-Рази к тому, чтобы заставить действовать губительное стремление к

рациональности познания и довериться, подобно ему, непосредственному обзору правды, снова говорил в своих трудах об осчастливливающем мгновении «звероподобия» познающего; обход поверх разума выпадает.

Из Шираза, из семьи врача происходил шафиит Махмуд Кутб-ад-дин (род. 1326). Уже в юности он работал в местной больнице. Затем он поехал к Насир-ад-дину ат-Туси и изучал у него труды Авиценны. Ильхан Абаджа (прав. 1265-1282) хвалил Махмуда как лучшего ученика из всех, кто был у ат-Туси. Ахмаду Тегудеру (прав. 1282-1284), первому из наследников Хулагу, кто стремился к миру с мамлюками, он служил посланником в Сирии. В Сивасе и Ма-латье служил он судьей, затем осел в Тебризе, чтобы там учить «наукам разума», а также теологии. Газан (прав. 1295-1304) тоже очень его ценил. Когда Кутб-ад-дин писал книгу, он обычно постился и бодрствовал ночью, «и набросок сразу лее был чистовым экземпляром». Как излагает Фахр-ад-дин в своей дискуссии понимание сути души, предполсенное прежде всего Авиценной, умерщвление плоти повышает возможность интуиции. «Я желал бы, — должно быть, однажды вздохнул Кутб-ад-дин, — чтобы я жил во времена Пророка, глухим и слепым, надеясь, что он бросит на меня свой взгляд...» Чувственное восприятие приводит в движение деятельность разума; но чего в действительности страстно желает Кутб ад-дин, это внутреннего непосредственного постюкения полноты бытия Мухаммеда .

Теперь мы немного лучше понимаем, что имеет в виду придворный льстец, когда он говорит, что в сравнениях связывают сущность и временной признак друг с другом в разнообразных формах. Понятия — это больше, чем простые оболочки, которые можно соединять со всевозможными красивыми образцами, — конечно, он не может совсем отказаться от этой риторики, корни которой лежат в прежнем толковании мира. Для этого она слишком подвижна. Но в сравнении, понятиям которого соответствует доступная пониманию действительность, структура созидания и органичный характер течения в нем разъясняются образно. Такой вид сравнений предполагает соответствующую ему космологию. В начале названного немногословного трактата, из которого мы взяли части, изображающие пробуждение весны, Вассаф обстоятельно восхваляет Бога, единственного, к кому не относится никакое сравнение, и поясняет так

свои естественно-философские убеждения, которые включают составные части идей, излучаемых Авиценной. Различными видами сравнения и возможностью оплодотворить сущность и вторичный признак для понимания содержания слов Бог дал человеку то высокое звание, на которое он намекает в суре 55, 4: «Он учил его выражаться», следовательно, учил риторике. Именно Создатель получает «с каплей воды под этим голубым небесным садом⁴⁰ алые щеки над стройными, как кипарис, туловищами для их украшения, похожие на свежие листочки цветка; именно Создатель назначает незаменимые души, как «будущих вестников-ангелов полководцами над империей тел; именно он определил золотое солнце... в доказательство чувственного восприятия посреди духовных сфер для животворна жителей подлунного пространства; подарил чистой душе, чтобы она владела земным миром, власть для управления странами в доказательство истинности знаний разума, подобных солнцу...»⁴¹. Господствует иенеобъяснимый произвол Бога, а его дело — Космос, в котором силы и права различны, по распределены остроумно: одухотворенные сферы оказывают свое влияние и, таким образом, как само солнце, животворящее светило, важно для человека, так и миру важна управляющая им душа. Господствуя над странами, правитель руководствуется разумом, сила которого не может восприниматься чувственно; напротив, господство солнца над империей возникновения и исчезновения - его можно ощущать снова каждый день.

То, что космология, на которую ссылается непосредственно Вассаф, образовала не только его личные наблюдения, но и наблюдения довольно широкого круга, выдает труд его более молодого современника и соотечественника Абд ар-Рахмана ал-Иджи (ум. 1355), который старался оживить ту, как он думал, дискредитированную и только поэтому еще редко изучаемую умозрительную теологию, которая все же была, собственно, королевой наук⁴². Повсюду в его изложении исламских устремлений в этой области дает он познать, что возвращается к теории философии Авиценны, переданной Фахр-ад-дином ар-Рази. Так, он объясняет особенности образов, составленных разумом, и отстраняет их от существующих в действительности; понятиям, с которыми работает наш ум, подходит специфическое бытие — к такому убеждению, должно быть, пришел до этого ар-Рази через борьбу с господствующей суннитской точкой зрения⁴³. Жизнь, наука, желание, умение,

наслаждение и боль, здоровье и болезнь — это свойства души человека; они действуют в нем одновременно органичным образом⁴⁴; так как и обычно, в созидании событие может быть объяснено как переплетение причин и следствий создания вещей и существ. По определению Бога, душа «сладкое как мед, направление молитвы любимого существа в подлунной области, нежный — нефизический — носитель силы⁴⁵ со свойством оживлять (любимые существа)», — пишет Вассаф во славу Бога в своей статье о сравнении⁴⁶; как любящий привязан к любимому, так и душа связана с телом, чтобы сообщить ему сноп способности и возможности наслаждения, поясняет ал-Иджи⁴⁷.

Прежде всего на востоке исламского мира, в иранской культурной области, была продолжена обработка учения Авиценны, и здесь, очевидно, были преобладающе благоприятные обстоятельства, которые способствовали взаимопроникновению риторики и богатства мысли. Правда, как еще не написана история овладения трактатом Авиценны мусульманами, так и побочные результаты того процесса тем более до сих пор остались незамеченными. Нескольких немногих намеков должно быть достаточно! Уже ранняя новоперсидская поэзия одиннадцатого столетия сравнивала явления природы с явлениями из области цивилизации: тень с армией, осень с волшебником, который превращает зелень в золото; птицу в кусте розы со жрецом перед своим идолом. Любили олицетворять времена года, ветер, облака. Порою образы приобретали собственную жизнь. Прекрасные качества князя были как облака, поэт — ракушка, из облаков он получает каплю, которую заставляет вырасти жемчугом⁴⁸. Фигуральную манеру говорить — сравнения, метафоры, иносказания — корни всего ораторского искусства объяснил живший в северо-восточном Иране Абд-аль-Кахир аль-Джурджани (ум. 1078) в своих «Тайнах искусства слова»⁴⁹. Если образные изображения являются преемниками изложенных перед этим мыслей или мысли сами были предложены в форме иносказаний, то их ценность повышалась и увеличивалась сила, чтобы победить души и оказать влияние на сердца людей. Уже здесь мы далеки от суннитской теологии, которая за одним Богом признает могущество влияния.

Однако аль-Джурджани принимает эту теологическую оговорку только в тот момент, когда речь идет о сути сравнения, не о его цели. Что благожелательная поэзия может и должна что-нибудь исправить у

того, кому она адресована, было ему слишком знакомо⁵¹, чтобы ему раскрылась теологическая сомнительность такого воззрения. Но предложение типа: «Весна ткала пеструю парчу» осознается им тотчас как неприличное — ничто не может сравниться с созидательной силой Бога. Аль-Джурджани подробно объясняет свой тезис: троп — это выражение, содержание которого на основе переосмысления, совершившегося в нем, не созвучно суждению разума. Но разум говорит, что кроме Бога нет независимой влиятельной силы; утверждать что-то другое было бы ложью. Троп может влиять только через переосмысление, при котором «вещь, которая является средством или так же хороша, как и средство, посредством которого действующий субъект вызывает нечто, была изображена сама действующим субъектом»⁵². Это соответствует привычке Бога, чтобы весной растения начинали пускать ростки и цвести, а из-за видимости следует говорить так, как будто бы растениям нужна весна, чтобы пробудиться. Относить явления природы на счет цивилизации путем поэтических сравнений в Иране одиннадцатого века считалось, как видно, ремесленнической обязанностью поэтов. Это подтверждает также иранский национальный эпос «Шахнаме» в изложении Фирдоуси (ум. между 1020 и 1025), которое, в отличие от фрагмента его предшественника Дакики (ум. 980), изобилует многочисленными отточенными описаниями природы, в которых находятся сравнения, со времен монголов проходящие и через персидскую историографию⁵³ — доказательство, впрочем, и приобретенной чеканки иранского мышления позднего средневековья через сказание о героях⁵⁴. В частности, в «Шахнаме» находятся уже те сравнения, которые заставляют светить солнце как воина-победителя или правителя, побеждающего в борьбе ночь. И ночь выступает как предводительница, ведущая свои войска в бой с уходящим днем⁵⁵. Естественная смена времен превращается, таким образом, в борьбу враждебных армий, и наоборот, победитель, на стороне которого стоит поэт или историограф, позволяет себя прославлять как солнцеподобного, торжествующего полководца.

Если аль-Джурджани только должен изложить, при каких условиях сравнение весны с ткачом можно оправдать, то это показывает, что в одиннадцатом веке еще не намеревались раскрывать этой речевой фигурой смысл, лежащий по ту сторону сообщения разума, а также, должно быть, не стремились к этому. Как мы

еще увидим, тогда слушали и торжественные восклицания упоенных Богом суфиев, не делая более глубоких исследований содержания, в котором часто было глумление над достоверной верой. Для мусульман такие слова еще не свидетельствовали о действительности, лежащей по ту сторону чувств и разума и все же познанной. Были только одиночные заблуждения, хотя и необъяснимые, но они еще не причиняли серьезного вреда хорошо продуманной системе идей ислама, дедуцированной из откровения и пророческого предания. Только с тринадцатого века, с появлением теологии единичности бытия, это изменилось; теперь область сверхъестественного опыта стала предметом не дающих покоя размышлений, и в этой области теперь была открыта причинность, которую прогнали из наблюдаемой природы в пользу беспредельного произвола Создателя-Бога.

Только о достижении стойкого впечатления могла идти речь, по аль-Джурджани. Инструмент сравнения сам по себе оставался не подчиненным разуму, так как он был (так надеялись) в состоянии маркировать границу между поэтическим сравнением и грешной ложью. Существовал только «исламский» мировой порядок, который установился из откровения и пророческого предания; а это творение, которому Бог не дал остановиться, было настолько рационально и доступно всем, когда разуму необходимо было дойти до понимания, что оно в каждое мгновение непосредственно с Богом. Потребовалась только теория отражения познания, чтобы освободить человеческую способность усвоения от этих оков. Когда это произошло, то у языка образов, ставшего постоянной составной частью риторики⁵⁶, расширилась и та задача, которую пытался описать Вассаф: раскрытие устройства мира и порядка исторических процессов в образе, больше не передаваемом ради цельности словами, — обилие познания, которое наступает в момент звероподобия, превышения разума, и передает святое послание о дополнении Создателя и его созидания.

Сообщение о событии, переведенное в образ, освобождает его поэтому от возможности выступать в двух качествах и дает ему смысл, который никогда не смог бы быть сотворен простым включением в цепь других событий, истолкованных разумом как «до того» или «после того». «До того» и «после того» создают только видимую связь обоснования для какого-либо события; но познаваемым должен стать космический порядок, в котором у него есть свое место. Тимур в Махаие был заключен в тюрьму Али Веком; для этого есть понятные

причины, постижимая предыстория, и так лее логично, что Али Бек позже должен был поплатиться за то, что он заставил Тимура страдать. Это первостепенное объяснение взаимосвязи событий. Но их смысл выясняется из сравнения с природой: сначала должно созреть в тесном окружении то, что позже должно организовать широкое воздействие, — в раковине вырастает жемчуг, прежде чем его блеск порадует глаз правителя; в почке розы смешивается запах, прежде чем он выйдет из раскрытого цветка. Весной 1370 года князя южного улуса Чагатай пришли к Тимуру, чтобы присягнуть ему на верность; предысторию и последствия можно восстановить из передаваемых источниками событий. Измерить значение этого события можно, только если поймешь его как триумф животворящего весеннего солнца над тиранией зимы. Брак между Джахангиром и Севин Бег имел веские политические причины; но он был, собственно, соединением драгоценного камня и жемчуга, союзом Марса и Венеры, который способствует счастью⁵⁷. — Как и почему в марте 1393 года дело дошло до штурма «Белой крепости» и наконец до уничтожения Му-заффарнда Шах-Мансура, можно заключить в первую очередь из тех фактов, которые передают источники; по в действительности свершилась неизбежная победа одного дневного светила над многими диадохами ночи, которые на время подчинили Иран своей тирании⁵⁸.

Сообщение, и которое вплетены сравнения, может придать событиям смысл, выходящий за рамки временных связей, а также унаследованных представлений о политическом порядке. Речь больше не идет о расположении в определенном порядке, о «до того» и «после того», об оценке соответствия идеи расширить «мирное общество» на весь мир или повенчать Иран с Тураном. События приобретают скорее степень космических, становятся отдельными шагами процесса доступного чувствам и разуму не непосредственно, а охватывающего все созидание, процесса, который не может быть злым, так как является проявлением самого Бога.

ТРЕТЬЯ КНИГА

ХАОС И КОСМОС

СИВАС

Какое прекрасное лицо, какой сладкий рот!
Какая прелесть, жертвой которой стало мое сердце! Лентой любви¹ обвязывают мои бедра его волосы,
с тех пор как он охватил меня как поясом для меча. Самое лучшее противоядие — твоя близость,
когда ты меня избегаешь — это как смертельный яд, Ни глаз, ни разум не понимают,
как прекрасен ты лицом и телом! Тысячами загадочных завитков падают твои локоны —
когда разрешатся эти вопросы? Как было бы просто поймать тебя,
если бы не мое «Я»² было препятствием! Любимый, хотя твои локоны тоже связаны,
я читаю по твоим губам ясные знаки. Как томлюсь я при виде твоих бедер, твоих волос!
Только попрошайка на пороге твоего дома!³
Пришла нежная весна — я хочу пить,
в этом мире всегда пьют только старое вино, И пьянея от распущенных локонов и глаз,
пью я вино, которое мешает мудрствованию! Я опытен в любви, когда мое сердце восплает!
Могу ли я думать о его вдохах во время слишком диких пирушек? Моя кровь ему запрещена,
но он ее пьет как дозволенную! И я хочу тоже выпить крови чистого вина,
запрещенной! У тебя черты Хизира — а если я Александр?¹
Если я и пью воду жизни в страхе темноты? Кажется, я совсем без весны бросился
в этот огонь любви.
И если я, юноша, выпью сейчас полный бокал? С тех пор как я знаю, что я совсем запутался
в твоих локонах, твоих чертах, На мне наложено бремя, каждое утро,
каждый вечер только пить.
Кади Бурхан-ад-дин (1345-1397)

ЛЕТОПИСЕЦ И ЕГО ПОКРОВИТЕЛЬ

В последний день августа 1393 года Тимур с тридцатью туменами впервые стоял перед Багдадом. Ахмад Увайс, бежавший несколько месяцев назад из Теб-риза, северной столицы его империи, на Тигр, верил, что спас если не свою империю, то хотя свою персону — это была ошибка, как мы уже знаем. Он поспешно удалился, едва не попав у Кербелы в руки преследователей. Его сопровождающие разбежались; каждый искал убежища.

Когда утреннее солнце⁵, которое пряло нити лучей, паслось на полях Девы и мир был опален пламенным дыханием самума, как кузнечный горн; когда лепящая жара обжигала птиц в воздухе, рыбу в воде, а огненный ветер сентября сам воспламенял воду в печи..., у тебя, ничтожного, слюна во рту и мозг в костях тоже засохли... от постоянной скачки, и у умирающего от жажды, каким я был, горели язык у нёба и горячий воздух в носу... Я спасался от этих мучений и искал убежища на священной могиле Хайри и провел несколько дней под его защитой, утром и вечером молясь и читая Коран. Тут порвались в святыню несколько проклятых татар и нашли меня ничтожного и нескольких служителей у подножья саркофага. Они потащили меня в Хиллу к (сыну Тимура) Мираншаху. Короче говоря, он уделил мне свое благосклонное внимание, И так я перенес с божьей милостью невредимым то ужасное несчастье. Наконец, после покорения и наказания Багдада, после резни и пленения населения той области, отправились в Диярбакыр. Когда добрались до окрестностей Мардина, я сказал себе: «...Как долго еще хочешь ты шлепать по непригодной для питья воде, как слепая птица, забиваться, как сова, в развалины?.. осуществи, наконец, то, что ты давно решил!»⁷

Это рассказывает писатель Азиз Ардашир ал-Ас-тарабади, как он попал в лапы воинов Мавераннахра. Перспектива провести остаток жизни арестантом на привилегированном положении в свите Тимура или одного из его сыновей не привлекала. Он замыслил побег — рискованное предприятие! Но в Сивасе правил ученый судья, не только друг поэтов, но и сам предававшийся их искусству и похожий в этом на Ах-мада Увайса, которого Азиз потерял из виду под Кер-белой. Ахмад Бурхан-ад-дин звали того анатолийского мелкого князя; он уже

был известен тем, что сопротивлялся стремлению Тимура завладеть горной страной на севере Месопотамии. Азиз, естественно, не забывал, что он когда-то в прошлом, еще в Багдаде, получил убедительные доказательства благородства этого человека, и намерение служить ему стало для него непреложным⁸.

Однажды ночью, когда войска расположились лагерем перед крепостью Салур⁹ между Мардином и Диярбакиром, Азиз незаметно ушел, найдя на некоторое время убежище в замке. В середине июля 1394 года он в первый раз засвидетельствовал свое почтение новому хозяину¹⁰.

Так описывает Азиз свои приключения в начале биографии кади (судьи) Бурхан-ад-дина, действительно великодушного и отзывчивого защитника несчастного писателя. Вероятно, все это ложь. Есть другое не менее драматическое сообщение о побеге Азиза к Бурхан-ад-дину, правда, сообщение, которое неприятно для обеих сторон, — история об интригах и алчности, так как Бурхан-ад-дин любил украшать круг своих спутников знаменитыми поэтами и учеными. Он привлекал их отовсюду в свой двор, заманивая обещаниями. Когда «есть о необычном таланте того Азиза, товарища по кутежам Ахмад Увайса, дошла до Сиваса, она не давала покоя Бурхан-ад-дину. Ту жемчужину он должен сманить у Джелаиридов и вставить в собственное ожерелье.

Он попросил Ахмада освободить этого человека, но Ахмад и не подумал сделать этого. Ставший недоверчивым, он приказал постоянно следить за Азизом, - к сожалению, недостаточного хорошо. Тайный посланник Бурхан-ад-Дина договорился с поэтом о побеге, вручив значительную сумму денег и обещая дальнейшие благодеяния. «И Азиз разделил в обоих султанах хорошие и плохие стороны как мыс разделяет сладкую и соленую воду». Однажды в полуденную жару — по крайней мере, хоть здесь совпадение с собственным описанием Азиза, — когда Ахмад спал в своем гареме, неверный проскользнул к берегу Тигра, снял свою одежду, прошлепал по илу к воде, проплыл некоторое расстояние, вышел в условленном месте на сушу и был препровожден посредниками Бурхан-ад-дина в Сивас. «Он исчез, как мышь в норе». Напрасно велел искать его Ахмад. Ложный след посчитали доказательством, что Азиз утонул. Биографией, которая, по суждению одного литератора начала пятнадцатого века, изяществом стиля оставила в тени все образцы, благодарит он своего нового хозяина за богатые подарки: Бурхан-ад-дин стал бессмертным, хотя несколько лет спустя нашел не очень славный

конец. Сам Азиз отправился после этого в Каир, где он, что называется, «умер смертью автора «Сихаха»¹¹. Лексикограф ал-Джаухари (ум. 1002) свалился с крыши великой мечети в Нишапуре, когда попытался лететь, привязав под каждую руку створку двери¹².

«ГОСПОДИН СЧАСТЛИВЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ»

Повествование Азиза Ардашира о жизни кади Бурхан-ад-дина нельзя понимать как верную копию политической истории Анатолии во второй половине четырнадцатого столетия. Конечно здесь узнаешь о многом, но, собственно, ценность этого произведения заключается во многих ссылках на мировоззрение автора и его сивасского мецената и в том, как запутанные политические и военные события включаются в это мировоззрение. Жизненный путь Бурхан-ад-дина, его привычка впутываться в неприятные дела и интриги маленьких и крупных властителей, а также праздники, которые он отмечает, ученые исследования, которыми он занимается, — все это описывается как постоянное проявление предназначения, которое Азиз обобщает известным нам понятием «господин счастливых обстоятельств», утверждая, что оно проявлялось уже у предков его героя.

Некий Мухаммед Расул Севинк из Хорезма, принадлежавший к тюркскому роду Салур, первый известный по имени прародитель кади, после долгих скитаний осел в Кастамону, предположительно, в связи с включением этой области в империю ильханов в 1290 году¹³. Прапрадед Бурхан-ад-дина родился в том городе и получил, как утверждает Азиз, добротное научное образование. Это возможно. Кастамону считался сборным пунктом туркмен, которые посвятили себя священной войне против Константинополя; он описывается как средний город с каменными домами, банями, рынками и мечетями. Местные правители в четырнадцатом веке были в союзе с мамлюкскими султанами против армянского князя из Козана, города у подножия среднего Тавра, который владел низменностью Адана, а благодаря этому и важным путем сообщения между Сирией и западноанатолийскими мусульманскими малыми государствами. Совместные политические интересы побуждали к обмену известиями¹⁴, так что можно предположить, что Кастамону давал приют и людям с некоторым исламским образованием.

Во всяком случае тот прапрадед обратил на себя внимание кади из

Кайсери, который отдал ему в жены одну из своих дочерей и определил на службу и важные учреждения, среди них, конечно, всдомстио самого кади. «И с тех пор его сыновья и внуки... постоянно занимали эти должности...»¹⁵

Один сын имел заслуги в обращении монгольских эмиров в ислам и поднялся на следующую ступень по лестнице к большому уважению: он сочетался браком с женщиной из значительного сельджукского рода и соединился, таким образом, с потомками тех борцов за веру, которые в одиннадцатом веке покорили Анатолию и начали отуречивание страны. Жена родила ему сына, Сулеймана Сирадж-ад-дина, дедушку Бурхан-ад-дина; с тех пор семья могла похвастаться самым почетным происхождением, которое можно было предъявлять в мусульманской Малой Азии¹⁶. Сулсйман вступил в брак, который еще больше поднял реноме семьи. В Кайсери он женился на дочери последнего румсельджукского султана, ее мать была знатной монголкой, сам султан — сыном ромейской княгини. Отца Бурхан-ад-дина звали Мухаммед Шамс-ад-дин. В жены ему отдали дочь одного визиря рум сельджуков.

Естественно, в лице Бурхан-ад-дина объединились все достоинства его предков, говорит Азиз. «Конечно, совпадение этих достоинств зависит от совпадения более высоких предрасположений и положения сфер, которое является ветвью объединенного действия духовных существ, результат которого снова следует снести к совпадению небесной благосклонности и божественного проявления». Все могущественные предки передали след их сущности Бурхан-ад-дину. «Поэтому он был учителем, судьей, визирем, эмиром и султаном... и зависимости от определенного времени, ^жанчппа! султанатом» — история жизни так необычна, что, по убеждению Азиза, она может быть только результатом сверхъестественного предназначения¹⁷.

Это позволяет узнать и гороскоп; конечно, ученые спорили о том, является ли положение звезд решающим при зачатии или во время рождения. Азиз не хочет исключать ни одну из обеих возможностей. Это ему и не нужно, так как Бурхан-ад-дин родился в Кайсери третьего рамадана 745 г. (8 января 1345); значит, он был зачат в месяц паломничества в Хиджаз предыдущего года. Оба момента, определяющие судьбу человека, приходятся на месяцы, которые у мусульман являются святыми. Разве Пророк не предсказывал: «В

начале Рамадана откроются ворота рая, ворота ада закроются, сатана будет закован в кандалы!»¹⁸ Из игры с тройкой — третий Рамадан — и цифр года рождения 745 автор получает дальнейшие указания на более высокое предназначение, складывает эти цифрами, получает 19, сумму семи планет и двенадцати знаков зодиака¹⁹.

Затем он анализирует гороскоп Бурхан-ад-дина — по-видимому, гороскоп часа рождения — по отдельности. Временной признак — Весы. Солнце стоит в области Надира; у него Атаир, темперамент которого соответствует темпераменту Марса и Юпитера; Сириус — ему свойствен темперамент Меркурия и Марса — следует установить па десятой степени временного признака: сильное господство элемента огня! Это указывает на высокое звание и на руководство, на проницательность и богатые знания, на независимость и большое количество слуг, на богатство и его умное применение; короче, «по воззрению мудрых знатоков звезд это гороскоп королей, султанов, государственных деятелей».

Юпитер и Сатурн вступают в союз в четвертом доме, которому подчинен Сатурн, и все зависит от Надира, «палаточного колышка земли»²⁰. Венера, хозяйка Весов²¹, а значит восходящей звезды, в области соединения находится между четвертым и пятым домом — в Водолее, который принадлежит Сатурну и является одним из трех знаков, относящихся к элементу воды, господином которого является Юпитер. Юпитер и Сатурн находятся в тройном сиянии" к восходящей звезде; не менее силен господствующий признак элемента воды! Рожденному под этим расположением звезд будут послушны громадные войска, власть в его роде будет долгой, вечно будут говорить о его великих делах; все князья будут искать дружбы с ним, прислушиваться к его словам.

Это все подтверждается тем, что двенадцатый дом, хозяином которого является Солнце, относится к созвездию Девы. Арктур и Спика, самая яркая звезда в созвездии Девы, с умеренными темпераментами Венеры и Меркурия находятся между обеими сферами эклиптики, которую называют «судьба счастья» и «судьба скрытого». Обусловленная мудрость, справедливость, чистота образа жизни, красноречие и большие знания, красота, храбрость и мужская добродетель. Так как, кроме этого, Марс находится в седьмом доме, следовательно, в позиции наибольшего влияния, Бурхан-ад-дин поборет любого из своих врагов²³. Антагонистические элементы вода и

огонь господствуют на его жизненном пути, и каждое качество достигает высочайшего уровня совершенства, как только оно включает свою противоположность: именно это и является счастливым соединением обстоятельств!

Собственно, всех тех снов и всех тех путеводных указаний и предостережений, которые передаются ему во сне, как во время бодрствования через Четырех праведных халифов и святых, занимающих в иерархии самые высокие посты, уже было бы достаточно, чтобы подтвердить необычайную благосклонность звезд, которые управляли жизненной судьбой Бурхан-ад-Дина. Но и опытом и логическими доказательствами следует подтвердить, что Бог, податель вещества и формы, материи и времени, устроил так, что небесные тела влияют на земное возникновение и исчезновение, отцовская среда — на материнские элементы; следы от этого повсюду ощутимы в образовании минералов, в росте растений и животных. Во влиянии звезд не следует сомневаться: еще несовершенные методы астрологии до сих пор, правда, давали повод для сомнений⁴. Азиз этим замечанием хочет сказать, что те сверхъестественные события вокруг Бурхан-ад-дина, которые он теперь должен описать, не просто слухи, распространяемые со слишком прозрачными целями, а проверенная истина, поскольку обнаруживается, что его меценат действительно «господин счастливых обстоятельств».

Как раз полтора года было мальчику и еще не был он отнят от груди, когда скончалась его мать. Он осиротел, как когда-то пророк Мухаммед. Только отцом воспитывался Бурхан-ад-дин, так что его характер формировался по мужскому существу, счастливое обстоятельство, как считает Азиз; отец выступает за область необходимо существующего и духовного, инстинкт материнства отличало, напротив, возможное существование, которое осуществляется в процессе воздействия и восприятия²⁵. Призвание определять существование людей будучи ученым или правителем, но не подчинять деспотической силе третьих формирует жизненный путь; для его прорыва требуется то, что сначала является мучительной потерей. Так гласит толкование, которое Азиз дает ранней потере матери.

ПРОЯВЛЕНИЕ ВЕЛИКОГО ВСЕМИРНОГО ЗАКОНА

Не все, что рассказывает Азиз, только более поздняя стилизация. Из других источников мы узнаем, что молодой Бурхан-ад-дин, который в Сивасе с увлечением отдавался своим научным исследованиям, имел обыкновение всегда одеваться как солдат и много времени тратил на то, чтобы упражняться в охоте²⁶, о близости которой к военному ремеслу мы уже знаем. Так, говорят, он рано сам убедился в предсказаниях, которые содержал его гороскоп. Должно быть, он часто вспоминал о происшествиях в детстве, которые подтверждали его необыкновенное призвание. Уже маленьким ребенком он удивлял свое окружение остротой восприятия и великолепной памятью; то, что с ним когда-либо случалось, оставалось у него на всю жизнь в памяти. «Мне было как раз два года, — рассказывал он однажды, — когда мне снилось, что с небесного купола точно над моей головой спустилась лампа, озаренная светом, и из этого света раздавалось: «Я всемогущий мира!» Дрожая от ужаса, маленький ребенок тогда проснулся, но еще не мог ничего соединить с тем словом. «Простая служанка Всемогущего мира», так звали женщину, которую он тогда знал; смысл выражения остался для него скрытым, и теперь, после сна, он не мог придумать никакого толкования. Даже еще недостаточная отличительная способность заставляла его сомневаться, слышал ли он слово со сна или наяву; но это прочно запечатлелось в его воспоминаниях. Азиз считал это событие святым чудом, чистым божественным внушением, вполне сравнимым с тем, которое однажды получил Мухаммед: «Уже в юности, которая является временем невинности души... быть отмеченным таким образом молсет быть равным засвидетельствованным чудесам²⁷ пророков, как и отличительным знаком святых, так как это событие узнавания включает в себе: лампу и свет, саморазоблачение тайны (божественного) и присутствие (наблюдающего), проявление и восприятие видимого, осуществление (его) и богослужение во дворе Единого. Это переживание подобно состоянию Моисея в начале (его пророчества) и началу прорыва (божественного) из долины, когда он услышал голос огня, который, собственно, и был сущностью света: «Поистине, я Бог»²⁸. Но «Всемогущий мира» — это указание на господство». Как говорит Азиз, арабское понятие «всемогущий» происходит от корня, смысл которого — объединение рассеянного, устранение недостатков, исправление ошибочного. «Мир» в арабском

имеет родственный корень с понятием «знание»; господство будет покоиться на точной проверке данного, на рациональных решениях, на совершенном понимании «пел и кого всемирного закона»²⁹, такого, каким он очевиден и не нуждается ни в каком объяснении. Но «лампа» — тонкая ширма между светом и наблюдателем и обозначает тонкую завесу между единственным, истинным, и — мыслящим. «Бог — это свет неба и земли. Его свет подобен сиянию из ниши, в которой стоит одна лампа. Лампа в стекле, стекло сверкает, как будто это искрящаяся звезда»³⁰. «Лампа» подразумевает приближение Его: «Бог спускается к следующему небу», — гласит послание, которое передается «в стремившемся к Мустафе (Мухаммеду) дыхании» божественного³¹.

Азизу эта картина сна, а также другие события доказывают, что сущность Бурхан-ад-дина похожа на сущность пророка Моисея. Как рассказывается в Коране, Бог приказал матери Моисея опустить грудного ребенка в Нил; астрологи предсказали фараону рождение человека, который погубит его, почему вскоре после этого вышло распоряжение убить всех новорожденных мальчиков³². Так обосновывает Азиз это поражающее поручение. Бурхан-ад-дин, еще ребенок, однажды играл на краю бассейна. Вдруг он сорвался, и случайно отец заметил беду и спас сына — полное совпадение событий, уверяет Азиз, только с незначительным отличием, что Моисей был возвращен своей матери, а Бурхан-ад-дин своему отцу.

Моисей однажды обжег язык, а Бурхан-ад-дин опалил себе руку огнем. Это тоже для Азиза четкое соответствие жизненных путей обоих. Согласно легенде, грудной ребенок Моисей теребил фараона за бороду и тараторил: «Этот человек мне не знаком!» — за что жена правителя наказала ребенку засунуть себе в рот кусок горячего угля³³, чтобы он еще раз опрометчиво не рассердил правителя. Рука и язык имеют одинаковый смысл, как, например, исходит из слова Пророка: «Истинный мусульманин тот, в языке и руке которого уверены братья по вере». Характер Моисея и Бурхан-ад-дина отшлифован преобладанием обоих противоположных элементов, огня и воды; приписать мягкость и доброту воде означает противопоставить гнев и боевое мужество.

«Теперь нужно знать, — заканчивает Азиз свои высказывания, — что тот факт, что кому-нибудь даются сущность Моисея, Авраама или Соломона и преобладание соответствующих качеств, ни в коем случае не исключает присуждения ему сущности Мухаммеда; и это не

мешает упомянутому безропотно повиноваться пророку Мухаммеду. Его слова: «Ученые моей общины похожи на пророков израильтян», скорее подтверждают, что (послушание Мухаммеду) только, собственно, становится возможным и усиливается. Сущность Мухаммеда — это воплощение всего совершенства — включает в себя все степени. Если ученому исламской общины, совершенному мастеру шариата, подходит одно из свойств сущности Моисея или Иисуса, то это показывает, как должны выполняться многие предназначения, прежде чем кому-нибудь может быть передана сущность Мухаммеда. (Достичь ранга Моисея) ни в коем случае не означает критику, однако считается, что кроме Мухаммеда никто в его общине не может взобраться на ступень, охватывающую все добродетели, все совершенство, так как он — это мозг, у которого проявляется высочайшее божье имя, он центр мира, квинтэссенция потомства Адама, соответственно слову Пророка: «В день воскрешения я — хозяин сыновей Адама — это не хвастовство! — и в моей руке будет знамя похвалы Бога — это не хвастовство!»³⁴ Так как султан (Бурхан-ад-дин) щедро наделен Богом и действует по его поручению... в нем отпечатались в любом случае качества некоторых пророков, святых или мудрецов, так как это те, в которых проявляется совершенство и красота; на них смотрит тот, кто ищет славы и чести; и после них приходят правители, которые стоят на страже шариата и при этом берут с них пример и хранят великий всемирный закон³⁵.

Что может означать стилизация Бурхан-ад-дина под второго Моисея? Что это за игра в сущность Авраама, Соломона и, наконец, Мухаммеда? Давайте немного предвосхитим ход события, заглянем в восьмидесятые годы, в то время, когда Бурхан-ад-дин, отныне правитель Синаса, стал важной фигурой на политической сцене Восточной Анатолии, которую Тимур стремился защитить от Тохтамыша и на которую османский султан Мурад I (прав. 1360-1389) и мамлюкский султан Баркук (прав. 1382-1399) уже бросают тень своего желания экспансии. Чрезвычайно подавленным показался тогда Бурхан-ад-дину во сне Пророк; правитель целовал его руку, на что тот, намекая на Мурада и Баркука, сказал ему загадочные слова: «Он прекрасен, и я прекрасен». Снова бросился Бурхан-ад-дин ему в ноги и крикнул: «О Пророк Бога, твоя сущность есть источник и происхождение абсолютной красоты!» Мухаммед ответил: «Ради красоты и он и я направили взгляды друг на друга. Но теперь он потерян, теперь я должен его предостеречь. Если он воспримет предостережение, то цель достигнута, если нет, то меч

Пир Али³⁶ наготове!» Тогда Мурад выступил против Сербии и вскоре после этого во время удачной для Османов битвы на Косовом поле нашел свою смерть при необычных обстоятельствах. Султан Баркук был свергнут заговорщиками и некоторое время находился в заключении. Для обоих подтвердилось то, что Бурхану в его сне провозгласил Пророк. «Более глубокий смысл заключен в том, что Бурхан-ад-дин видел пророка в одежде Ахмади-дервишей: Бурхан-ад-дин именно в те дни занимался «учением шейхов». Внешним поводом для этого было то, что искатель правды, шейх Садр ад-дин аль-Кунави³⁷ — да освятит Бог его могилу! — послал через шейха аль-Ислама Ала-ад-дина шейху Али³⁸ два бесценных ковра, перевязанных чистой чалмой с собственной головы. Дервиши, которые посвятили себя благочестивому образу жизни, преподнесли Бурхан-ад-дину как благословение «Послание мудрости», украшенное высокоблагородной надписью шейха.

Орден Ахмади-дервишей был основан одним магрибцем* по имени Ахмад аль-Бадави, который, после того как провел несколько лет в Мекке, в 1236 году после нескольких видений отправился в Ирак, чтобы разыскать могилы учителей-суфиев аль-Гиляни (ум. 1166) и ар-Рифаи (ум. 1175) и вступить в спиритуальный контакт с этими двумя святыми, у которых было много последователей. Немного позже у Ахмада было еще одно видение, во время которого ему было велено поселиться в Танте, где он умер в 1276 году³⁹, горячо почитаемый египетским народом. Красная одежда и красная чалма были отличительными признаками Ахмади-дервишей,⁴⁰ общины, которую тогдашний шариатский ислам не мог удовлетворить перед лицом беззакония, страданий и смуты.

«И если, — продолжает Азиз, — ищущему попадет в руки какая-нибудь книга и он ее прочитает, то невозможно описать наслаждение и удовольствие. Поэтому, когда Бурхан-ад-Дин начал изучать это произведение, служащее кладезем божьей истины, сокровищницей чуткости веры в единого Бога и ее испытания, и из строчек книги, которая является источником живой воды, хлебнул чистый глоток мудрости и познания, ему открылись родники божественных

---

* Магриб — мусульманская Северо-Западная Африка. — Прим. ред.

тайнств. Его внешний и внутренний глаз был озарен светом понимания истинной сущности всевышнего», и от него требовалось совершенствоваться в этой науке. Так он все больше и больше углублялся в те приносящие исцеление знания, «пока его светлой душе не открылись скрытые вещи мира сверхъестественного и чувственного, ворота добра и счастья — «а это бесценное приобретение!»⁴¹.

То, что Пророк явился Бурхан-ад-дину в образе Ах-мади-дервиша, является намеком именно на это состояние (знающего), которое наконец выпало на долю Бурхан-ад-дина благодаря благословенной силе того сна, так как, согласно поговорке «вода имеет тот же цвет, что и стеклянная посуда, в которую она налита», каждый видит Пророка в одежде, которая соответствует его собственному состоянию и рангу»⁴². Одежда Ахмади-дервиша наглядно показывает отход от простой учености шариата, от очевидного закона с его разнообразными отдельными определениями, и проникновение в суть великого всемирного закона, который показывает истинную и единственную первоначальную причину всех по ту сторону письменно зафиксированных, в споре со специалистами так или иначе истолкованных предписаний, также по ту сторону ощущаемого разнообразия феноменов: онтологическое дополнение создателя и созидания. В эти представления окунулся теперь Бурхан-ад-дин — мир идей, который увел бы его далеко от доверенного мира как формации, порожденной по решению Бога, а потому случайного и полностью подчиненного его господской воле. Если в суннитском исламе шариат был возложен на человека, хотя у него не было возможностей понять эти назначения, то по новому учению понимание хода вещей должно было достичь высшей точки в понимании закона, которому не нужны ни провозглашения его пророками, ни сохранение путем принуждения. «Послания мудрости» Ибн аль-Араби были как бы катехизисом учения о единственности бытия, который, конечно, не предлагал систематического отхода от принципов шариата. Это резко противоречило бы его намерениям. Ибн аль-Араби скорее изображает, как в судьбах пророков от Адама до Мухаммеда проявляется истина приносящих исцеление знаний — и только опосредованно, а именно благодаря тому, что эта истина становится очевидной, до сознания приверженца доводится то, как сильно заблуждались теология и учение шариата.

В изучение такой мудрости Бурхан-ад-дин углублялся,

возможно, уже пять лет, когда Азиз поступил к нему на службу; в этих обстоятельствах сочинять биографию правителя означало преобразить его жизнь в доказательство проявления всемирного закона. Педантичное изображение подробностей оставалось без смысла, пока не начала высвечивать эта истина. Указателей, которые облегчали работу по толкованию, было в «Посланиях мудрости» достаточно; в такие понятия, как сущность Моисея, могли вплестаться превосходные намеки, которые делали ненужными старания найти обоснованные доказательства — это была постоянная забота устаревшей науки о шариате. В «Посланиях» Ибн аль-Араби обстоятельно занимается образом Моисея, отчего, как он признается, до его сознания дошло, как отражается истинная правда в жизни пророков. Чтобы схватить Моисея, фараон приказал убить много невинных детей — Моисей представлял собой итог жизни и сверхъестественных способностей всех принесенных в жертву, значит, он был одарен Богом, как ни один человек до него. Но какая мудрость заключена в том, что он был посажен в сундучок и опущен в Нил?

Сундучок символизирует его бытие (человека), Нил — знания, которые он приобрел благодаря своей материальности через восприятие и соображение. Как только душа овладевает телом, чтобы управлять им, Бог предоставляет в распоряжение инструменты восприятия и взвешивания, чтобы она «управляла этим сундучком, в котором в настоящее время находится Бог». Он был брошен в Нил, чтобы Моисей приобрел знания. «Так он дал понять Моисею, что хотя душа, которая им управляла, была королем, он, сам Бог, управлял ею. Именно он дал ей силы, расцветшие в существовании человека, смысл и суть которого он наглядно пояснил, истолковав значение сундучка. Так управляет миром единственный, истинный Бог: Он управляет им только посредством самого себя, так же, как... зависят... последствия от своих причин: они часть мира, и все же в них проявляется управление Единственно-Истинным. И это также означает: он управляет миром один через образ мира. Именно поэтому он говорит о сотворении Адама как наброска всех качеств божественного, постигаемого в сущности, признаках и действиях: «Бог создал Адама по своему подобию!»... В этом благородном наброске, который является «совершенным человеком», но заложил все божественные имена, все реальные факты, которые выступают в макрокосмосе, вытекающем из божественного. Он сделал его душой космоса и подчинил ему ради совершенства образа Верхнее и Нижнее.

И, таким образом, как ничто в мире не восхваляет божественное, то нет и ничего, что 'не было бы подчинено этому человеку, так как это ему придает его собственный образ... Это знает «совершенный человек», человек-зверь этого не знает. Такова была видимость, как Моисея положили в сундук и как его бросили в Нил, видимость гибели — но по внутреннему смыслу это было его спасение от убийства. Так он выжил, как ускользают от смерти души благодаря знаниям...»⁴³

Сущность Моисея определена прорывом к познанию Единственно-Истинного⁴⁴, Управляющего миром, который равен ему по сути: Моисея как воплощение утонувшего, брошенного в море науки о законе, толкнули к смерти и в то же время на трудный путь к спасительному знанию; гибель и спасение дополняют друг друга в критический момент духовной биографии. И в гороскопе Бурхан-ад-дина элемент воды был силен — для многих плодов его деятельности. Напротив, огонь, второй важный элемент гороскопа, не принимается во внимание Ибн аль-Араби в изложении сущности Моисея, так как для него воинственное не заложено в этом пророке; Моисей был только посланником Бога. Необходимое дополнение приносящего исцеление знания при помощи меча в том далеком прошлом еще не существовало в едином лице; меч, скорее, противопоставлялся Моисею в образе фараона, хотя в сущности оба были одно и то же⁴⁵. Только в пророке Мухаммеде проявляется естественно все обилие бытия Космоса; он является — как это можно назвать — пророком и воином. В нем соединились противоречия в одно упорядоченное целое, в «совершенного человека», отражение и совокупность мира: все, что существует, подчинено ему как часть его всеобъемлющей сущности и только благодаря этому участию может пониматься как символ полной смысла данности⁴⁶. На эту ступень, на которую указал Аз из, не смог подняться никто, кроме Пророка ислама — даже когда в Бурхан-ад-дине встретились вода и огонь, как до этого было показано посредством гороскопа и событий детства. Это не умаление оценки несмотря на то, что определяющей является только сущность Моисея, а тонкая, но, тем не менее, сильная лесть, которую далее не надо было высказывать, так как она вытекала из того, что излагал Азиз.

Азиз, вероятно, не напрасно предполагал, что Бурхан-ад-дину был известен образ мыслей и слог «Посланий». В жизнях пророков, как учил Ибн аль-Араби, проявляется то, что лежит в основе всех событий, всех феноменов. Если это так, то биография выдающегося человека, такого

как Бурхан-ад-дин, все снова и снова совпадает с судьбой тех пророков. То, что сны когда-то вдохновляли не решавшегося вмешаться в политику анатолийских князей Бурхан-ад-дина — до-казано участие его в сущности Иосифа⁴⁷, а то, что, Бурхан-ад-дин был однажды взят в плен врагами, тем более указывало на это⁴⁸. Дервиш, который посоветовал Бурхан-ад-дину — нет, не только посоветовал, а вообще вложил в него энергию действовать, — этим дервишем был Иисус, который однажды вдохнул жизнь в птиц, вылепленных из глины⁴⁹.

«И если бы кое-чего из той сущности Иисуса не было и в моей душе, то тот почтенный (дервиш) не был бы так тесно связан со мной, так как настоящее братство предполагает духовное единодушие — принадлежность к одному и тому же виду соединения». Эти слова Азиз вкладывает в уста Бурхан-ад-дина⁵⁰. Иногда, правда, биограф в своих поисках созвучий с жизнью пророков соскальзывает в банальности. В начале политической карьеры Бурхан-ад-дин отпугнул отряд рыскавших по Анатолии монголов, отведя их нападение на Кайсери. Азизу вспомнился здесь следующий стих: «Если придет Моисей и бросит свой посох, то магия и волшебник бессильны»⁵¹.

ДЕРВИШ КАК ДУХОВНЫЙ ВОЖДЬ

Сведения о детстве и юности Бурхан-ад-дина распространяю гея почти исключительно в арабской и персидской литературе, в суфизме и исламском учении о Боге. Отец представил его одному знаменитому шейху, который был чрезвычайно удивлен знаниями мальчика в персидском языке и принял его в группу своих адептов — совсем как когда-то Моисей, который завоевал симпатию старого Шуаиба⁵², говорит Азиз. В двенадцать лет мальчик овладел грамматикой, риторикой, искусством стихосложения, а также арифметикой и логикой. Затем, примерно в 1356 году, ввиду разложения общества, которое стало причиной многих смут, по поручению отца он предпринял путешествие, которое привело его в княжество Караман. Оттуда оба на корабле отправились в Сирию⁵³. О причине этого путешествия не стоит говорить, однако ясно, что пятидесятые годы в Кайсери были периодом политического беспокойства, так как Эретна, князь в Кайсери и в середине четырнадцатого века самый могущественный человек в центре Анатолии, в 1352 году умер, а его сыновья стали спорить из-за наследства. Семью Бурхан-ад-дина, включенную из-за брачных союзов в руководящую прослойку, эти

события, должно быть, затронули. То, что его отец в Дамаске обсуждал положение с уполномоченными мамлюков, можно предположить, так как приблизительно за два десятилетия каирскому султану удалось расширить свое влияние до Центральной Анатолии. Эртна, который когда-то состоял на службе у ильханского наместника Кобана, возвысился под прикрытием мамлюков до правителя Сиваса, а позже Кайсери. Он мог использовать египетско-ильханское соперничество, когда после смерти Абу Сайда (прав. 1317-1335) началась борьба за владение империей, основанной Хулагу. В 1337 году Эртна признал господство султана мамлюков ан-Насир Мухаммеда (прав. до 1340)⁵⁴. Эта связь с Египтом важна для понимания политики Тимура в Анатолии, так как он хотел реставрировать империю ильханов и изгнать «диадохов».

Четыре месяца Бурхан-ад-дин жил тогда в Дамаске; затем он отправился назад в Кайсери, где сначала жил уединенно своими исследованиями, будто бы уже в молодые годы окруженный значительным количеством учеников. Его отец занимал должность судьи; Бурхан-ад-дин, вероятно, часто замещал его. Однако эта спокойная жизнь продолжалась недолго; уже в 1358 году он снова должен сопровождать своего отца в поездке на чужбину. На этот раз путь шел через Сирию в Египет — совпадение с жизнью Мухаммеда, считает Азиз, так как и тот в своей юности отправлялся, правда, вместе со своим дядей, в чужую страну, а именно в Сирию. В Египте Бурхан-ад-дин несмотря на болезнь занимался юриспруденцией, толкованием Корана и геометрией. Но потом он узнал, что знаменитый ученый Кутб-ад-дин ар-Рази находится в Дамаске. Какой удобный случай! Он немедленно поспешил в Сирию и удостоился чести послушать его. Полтора года учебы у Кутб-ад-дина, в которые он прорабатывал его собрание сочинений по толкованию Корана, возместили все предыдущие усилия, говорил Бурхан-ад-дин, бросая взгляд на прошлое⁵⁵. Впрочем, он тогда посвятил себя медицине, направляемый Мухаммедом Нили, обработку «Канона» Авиценны которого тот читал.

Бурхан-ад-дин дальше рассказывал: «Анатолийский дервиш в золотой одежде участвовал в занятиях Сайда Мухаммеда Нили, но всегда оставался на некотором расстоянии. Мухаммед постоянно окликал его : «Эй, анатолиец! Прочитай-ка нам газель!» Дервиш декламировал несколько стихов... Джелал-ад-дин Руми⁵⁶ и Сайд Мухаммед дали ему несколько разменных монет и приветливо говорили с ним. Однажды кто-то сказал в кругу: «Этот дервиш —

«господин нашего времени». Никогда он не бывает без божьего волнения, он излучает благоухание святости!» Присутствующие, неприятно пораженные, дали отпор этой точке зрения, но мое сердце это тронуло, моя душа была согласна с этим словом». Смысл этого рассказа позже будет ясен⁵⁷.

Встречи с такими людьми, которые общались с миром скрытого, в будущем образовали вехи жизни Бурхан-ад-дина. В 1365 году со своим отцом он отправился в утомительное путешествие к святым местам ислама в Хиджазе. В Мекке он натолкнулся на суфия и учителя единственности бытия Акшахри, человека, о котором говорили, что у него есть способности творить чудеса. Он взял мальчика из Кайсери за руку, повел его мимо всех тех мест, в которых слышатся молитвы, вымаливая благословение Бога — неизменный дар милости Бурхан-ад-дину, уже часть выполнения того предсказания, которое было передано двенадцатилетнему мальчику во сне, а также четкое указание на духовную близость к Аврааму и Мухаммеду⁵⁸. Обоим, как звучит это в исламской легенде, уже в детстве и юности открылась их избранность, было объявлено их будущее задание.

Отец Бурхан-ад-дина умер на обратном пути в Марат ан-Нумане. Снова мы наталкиваемся на неизвестное, когда спрашиваем о причинах этого паломничества. Конечно, оно служило исполнению религиозного долга, но для личностей, которые стояли в центре политической жизни и которые всегда должны были выстоять в борьбе с соперниками, путь в Мекку слишком часто был также бегством от врагов, мести которых они, должно быть, боялись. Во всяком случае, Бурхан-ад-дин не вернулся на родину, а искал убежища сначала в близко расположенном Алеппо. Только через некоторое время рискнул он вернуться в Кайсери, где его будто бы с радостью встретили, и как сын умершего судьи он пользовался некоторым уважением; однако господа более высокого ранга отнеслись к нему враждебно. И пророка Мухаммеда в начале его деятельности любили только простые люди, отмечает Азиз. Только через год могущественные мужи города изменили свое отношение, Бурхан-ад-дина пригласили на работу в управление судьи, где он имел большие заслуги в борьбе за новый порядок благочестивых учреждений и улучшение морали нотариусов⁵⁹. На завещания, которыми поддерживались общепользные и религиозные учреждения, направляли свои жадные взгляды правители, а нотариусы, услугами которых нужно было пользоваться даже при мелких правовых сделках, были не только в

Кайсери настоящим бичом.

Сын Эретны Мухаммед, которому угрожал его брат и военачальники, стремившиеся к свободе, был к Кайсери нерешительным правителем, и его власть закончилась внезапно в 1365 году, когда он пал жертвой одного нападения. Это было как раз в то время, когда Бурхан-ад-дин достиг своих первых успехов по службе.

Он сообщил своими собственными похожими на жемчужины словами: «Во время тех ужасных событий в Кайсери появился анатолийский дервиш, которого я видел в Дамаске, и неожиданно взялся за дело, которое разбиралось в момент его появления, хотя он не мог о нем услышать и узнать. И он точно изложил это дело. Присутствующие удивились этому озарению и были ошеломлены. А я, который узнал его и верил в его чудесную силу, был поэтому глубоко взволнован, и ощущение, что я был его адептом, укрепилось в моем сердце. Каждый раз эта вера удваивалась. Прибытие дервиша вызвало в моем характере непоколебимое спокойствие, радостное облегчение; темнота и мрак были вытеснены светом и прозрачностью. Наконец, он совершил так много святых чудес, что все волнение мыслей, которое из-за него появилось, выразило только те (внутренние изменения), все без исключения. И когда во время встречи ему задавали вопросы на разные темы, он всегда давал правильные ответы и высказывал то, что в зависимости от обстоятельств соответствовало истине, долго не раздумывая. Он имел обыкновение часто говорить, что не тот является сердечным другом, кто в счастье становится твоим спутником... а ...тот, кто в суровые времена, полные опасности, выполняет по отношению к другу долг настоящей поддержки... чтобы исполнить так а подобающей форме то, что является делом братства, мужского достоинства и рыцарства...»

Не только Бурхан-ад-дину направлял свои слова снова и снова дервиш; он сумел подобным образом так увлечь и других людей, что многие скоро были убеждены в его тесном общении с божественным, в его способности «преобразовывать образы и сворачивать пространство», даже верили, что его приказу повинуются все живые существа. Он считался для них «полюсом века»⁶⁰, вершиной иерархии святых, которые большей частью неузнанными работали среди людей; без таких святых мир был бы ужасен. Бурхан-ад-дин благодаря участию в сущности Иисуса — мы уже знаем об этом —

чувствовал родство душ с дервишем, который дал понять, что тот юный судья был предназначен для трона Кайсери. Но как Моисей со многими «как» и «почему» боялся передать задание, которое дано было ему Богом, так и Бурхан-ад-дин обдумывал безобидные толкования ясных слов дервиша. Дервиш, конечно, не упустил возможности заговорить с ним, величая его королем. «Как обстоят дела у вашей святости? — вздыхал Бурхан-ад-дин. — Вы себя совершенно... отрезали от этих ничтожных дел, от этого тщеславного украшения, все прикрыли далеким наследием вашего святого стремления, все, что не имеет ничего общего с Богом!» Больше всего он хочет стать тоже дервишем, заставил Азиз сказать своего покровителя, на что ему было дано разъяснение, что каждый должен соответствовать своему предназначению, а оно для Бурхан-ад-дина теперь было не в залатанной одежде.

Существуют сны, которые дают кади последнюю уверенность: громкие крики и причитания проникают в его ухо; он поднимается на крышу мечети, в которой живет; полчища терзающих насекомых напали на город, люди молят о помощи — это как всемирный потоп; как закончит его Бог? Тут блеснет что-то перед глазами того, кто видит сон — длинный пояс из стали, отделанный золотом, и баязидский капюшон дервиша; он хочет застегнуть пояс, но тот слишком длинен, и это удастся только тогда, когда появляется дервиш и помогает ему; дервиш также натягивает ему на голову капюшон адепта Баязида Б метами, вешает ему на плечо колчан. «Теперь мне эти вещи подарены с неба, почему не спадает прилив?» — «Подожди еще семь дней, пока появятся плоды!» — гласит ответ.

Толкование заставляет Азиза сразу продолжать: насекомые — накипь, которая основала в городах княжества господство ужаса; пояс подчиненности и капюшон дервиша — первоначальное слово «корона» — регалии власти по желанию Бога, которая связана с обязанностью послушания адепта, должны мы добавить. Длина пояса означает продолжительность правления, колчан олицетворяет деятельную силу. То, что инвеститура произошла на крыше, между небом и землей, свидетельствует о совершенстве в религиозных и мирских делах; совершена она была «людьми скрытого», а значит, Бурхан-ад-Дин сможет всегда полагаться на их помощь. Другие сны такого рода усиливают это; наконец, ему является сам Пророк, и Али аби-Талиб вручает колеблющемуся меч. Теперь больше невозможно избежать

призыва заниматься политикой⁶¹.

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ТРОН

После смерти Мухаммеда Эретны княжество распалось на несколько отдельных мелких княжеств, самое значительное из которых охватывало территорию вокруг Эрзинджана, где некий Мутаххартен захватил власть. Хотя сын Мухаммеда Эретны и его наследник Али Бек стремился снова подчинить себе из Кайсери фактически независимых эмиров, в конце концов его усилия оказались безрезультатными. Впрочем, кризис, в котором оказалось основанное Эретной княжество, нельзя объяснить только ошибками Али Бека. Благодаря монгольским сторонникам Эретна стал правителем, его сын Мухаммед, однако, старался помешать влиянию этих групп, при нем давно осевшие здесь смогли укрепить свое влияние. Монголы, должно быть, поэтому перекочевали на запад и юг, то есть в область князей Караманских⁶².

Как уже было не один раз, когда правитель действовал неудачно, летописцы, которые искали убедительные причины неудач, упрекали его в непригодности и развратном образе жизни. Бурхан-ад-Дин, судья Али Бека в Кайсери, честолюбие которого и раньше подстигивалось тем дервишем, нацелился на захват власти. Он воспользовался, как кажется, отсутствием Али Бека для попытки организовать путч. Его сторонники, очевидно, в достаточном количестве были приведены к нему его духовным покровителем. Правда, быстрое уничтожение Али Бека оказалось невозможным; Бурхан-ад-дин вскоре после этого заверил законного правителя в готовности к примирению. Али Бек вернулся в Кайсери; предатель-судья должен был, прежде всего, отстраниться от общественной деятельности.

Но без всяких раздумий он ухватился за первую возможность приблизиться к своей цели. Ала-ад-дин Халил, князь Карамана, послал войско против Кайсери. Участвовали в этом нападении те кочевавшие по Анатолии монголы и татары, которые в княжестве сыновей Эретны больше не чувствовали себя желанными. Когда Али Бек услышал о нападении, он бросил все и отправился в Сивас. Азиз, который, конечно, ничего не пропускает из того, что могло бы выставить на посмешище противников Бурхан-ад-дина, рассказывает, как

передается известие правителю, находившемуся в ванне, о наступлении врагов, и он, увенчанный цветами и еще с расческой в волосах, убегает. Бурхан-ад-дин предоставил себя в распоряжение нападавших и взял на себя командование караманскими подразделениями, которые окружили войска Али Бека, находящиеся в крепости Кайсери. В качестве вознаграждения Бурхан-ад-дину была обещана неприкосновенность семейного имения в Конье. Этот город недавно попал в руки караманских вооруженных отрядов. Видимо, Халил свое обещание не сдержал, так что Бурхан-ад-дин смотрел на новое предательство как на оправданное. Вместе с военными отрядами крепости, штурм которой он как раз подготовил, он напал теперь на осаждающих и прогнал их. То, что он до этого служил князю Карамана, после такого поворота могло показаться военной хитростью; во всяком случае вскоре после этого Бурхан-ад-дин и Али Бек снова вышли вместе на сцену. Конечно, отношение судьбы к законному наследнику княжества оставалось и впредь неясным, так как Бурхан-ад-дин призвал некоего Хаджи Ибрахима, бека Сиваса, распространить свою власть на Кайсери, после чего Али Бек некоторое время скрывался у рыскавших окрест монголов. Но с ними Хаджи Ибрахим не хотел связываться, и так случилось, что кади скоро сам должен был обратиться в бегство, после того как Али Бек смог снова обосноваться в Кайсери под прикрытием тех же кочующих отрядов. Бурхан-ад-дин спасся бегством в Сивас⁶³.

Борьба среднеанатолийских мелких князей и авантюристов за власть имела не только местное значение; она затрагивала непосредственно самые актуальные дела большой политики. В середине четырнадцатого века османское княжество, сначала одно из многих мелких владений, на которые разделилось наследие Сельджуков, превращается в великую империю. В 1356 году султан Орхан (прав. 1326-1360) переправляется через Дарданеллы, победоносно расширяет рамки своей власти вокруг христианских областей, что приносит ему славу в исламском мире, который в течение нескольких столетий изматывается в братоубийственной войне и терпит поражения от иноверных. Какие бы надежды на будущее Османы не связывали с присоединением Фракии, все исходит только из того, что наследник Орхана Мурад I (прав. 1360-1386) уже в 1366 году переносит резиденцию правителя из Бурсы в Адрианополь. У анатолийских мелких князей такие успехи не вызывают бурного восторга, и мамлюки, которые как раз намереваются выдвинуть

вперед и подстраховать через Тавр свой северный фланг, рассматривают такое развитие со смешанными чувствами. В Каире знают, что военные силы, которые где-либо в другом месте можно было бы использовать лучше, привязаны к анатолийской территории⁶⁴, и Ибн Хальдун, умный толкователь исламской истории, предостерегает в конце четырнадцатого столетия мамлюков, что все опасности, угроза которых исходит от Тимура, только временные; но угроза, которая исходит от Османов, останется⁶⁵.

Приблизительно с 1360 года Халил, князь Караманский, работал над созданием союза анатолийских правителей против Османов. Соответствующее соглашение, к которому присоединился и Мухаммед Эретна, вскоре после этого было заключено. Халил не мог быть равнодушным к тому, что сын Мухаммеда Эретны Али Бек оказался неспособным держать в порядке свое наследие. Анархия в центре Анатолии должна была соблазнить Османов на вторжение; бесполезным ударом по Бурсе Халил и без того их разгневал. Его попытка присвоить себе Кайсери была задумана хорошо; но это предприятие не было доведено до конца, так что все осталось нерешенным, ибо слишком много сил Халил не мог тратить на Кайсери. Петр I Лузиньянский (прав. 1359-1369), король Кипра, чувствовал себя обязанным выполнить миссию возрождения крестовых походов. С 1361 года он достиг некоторых успехов в области Анатолии, лежащей напротив его острова, и теперь, четыре года спустя, ему удалось при поддержке иоаннитов и Венеции свести флот в количестве ста пятнадцати кораблей с сильным экспедиционным корпусом. Александрия была захвачена, полностью разграблена и опустошена — удар, от которого крупная торговая столица оправилась с трудом. Начать войну с мамлюками в Египте нападающие, правда, не решились. Они удовлетворились громадной добычей и отступили⁶⁶. В эти годы караманские войска воевали с военными отрядами киприотов, прежде всего, в низовье Гексу. Когда сын Халила Ала-ад-дин, который руководил этими предприятиями, должно быть, узнал, что он больше не мог ожидать никакой помощи от мамлюков в войне против Петра Лузиньянского, он заключил с ним соглашение, которое обеспечивало status quo, а княжеству Караман одновременно дало возможность сохранить терпимые отношения с Каиром⁶⁷, так как Ала-ад-дин не мог совершенно отказаться от поддержки мамлюков. Нужно было держать в узде Османов. И к этому времени, концу шестидесятих годов, относится поход на Кайсери, который был нужен Бурхан-ад-дину, чтобы

маневрировать между различными силами: монголами и сторонниками Али Бека, внука Эретны; военачальниками, которые надеялись поделить княжество; великими державами, к которым — глядя на Кайсери — тогда, очевидно, можно причислить и караманцев, рискнувших дать вызов Османам, с тех пор как те все больше и больше поворачивались к Балканам.

Счастливо и спокойно живет Бурхан-ад-дин следующие годы. В постоянной борьбе он все больше и больше кажется единственным оплотом прочности. Какой-нибудь потомок Эретны должен быть формально признан князем; затем хотят объявить Бурхан-ад-дина его визирем и доверить ему фактическое господство над Сивасом. Это разрешение кризиса, который вырисовывался в Сивасе в конце семидесятых годов. Незадолго до этого не удалось из Сиваса вернуть Кайсери⁶⁸, так что прежде можно подумать только об обстановке на севере княжества. Однако Бурхан-ад-дин хочет только стать визирем, хотя все жители города, не только командиры боевых подразделений выступают за него, чужака. Но таким образом нельзя достичь мира. Бурхан-ад-Дин находит единодушное одобрение, но не хватает денег, которыми нужно укрепить власть значительных людей. Тогда он, прежде всего, лучше откажется от визирства⁶⁹. Кроме того, в этот момент Али Бек, законный князь, которого упорно преследуют враги, устанавливает с ними связь. После некоторых колебаний Али Бека привозят в Сивас; некоторое время на него смотрят как на правителя унаследованного княжества; но теперь, в начале лета 1378 года, Бурхан-ад-дин фактически становится визирем ⁷⁰. Ближайшее время заполнено небольшими военными походами, цель которых — восстановление княжества в прежних границах и подчинение местных властителей, которые использовали многолетнюю анархию для своей собственной выгоды. Азиз рисует своего покровителя смелым бойцом (другого от Азиза нечего было и ожидать), Али Бека, напротив, трусливым неудачником, который не может справиться с событиями и впадает в панику, когда его фаворит попадает в плен. Только благодаря хитрости Бурхан-ад-дина он снова выходит на свободу. Но Али Бек злом отплатил визирю за эту службу; он все больше жалуется, что визирь в эти волнующие дни вел беззаботную жизнь, безразличный к боли, которая ему, князю, отравила даже радость, получаемую от вина ⁷¹.

Бурхан-ад-дин пережил не только политические завихрения. В то время умер дервиш, который укрепил в нем веру в предназначение

быть правителем и предостерег его от тайных планов его врагов. Так как милость Бога, доказанная получением кади титула визиря, требовала, чтобы у него был постоянный советник, который сообщал бы ему о скрытых вещах, необходим был выбор нового шейха-суфия. Однако птица его души «взлетела из подземелья становления и нетерпения на башенки возвращения домой» ⁷² и, таким образом, нужно было искать третьего сверхъестественного руководителя. Его нашли в лице некоего Адилшаха из Сиваса, у которого вскоре была возможность доказать свою святость. Он обнаружил, что Али Бек и его любовник посягали на жизнь визиря. В снах Бурхан-ад-дин видел теперь близкий конец князя и собственное господство — святые, а также давно умершие последователи пророка Мухаммеда давали ему постоянно сведения о ходе дел, подтверждает Азиз ⁷³. В действительности, вскоре после этого Али Бек заболел чумой. Бурхан-ад-дин велел позвать врача, но что князю нельзя помочь, он знал и без того, так как именно той ночью кади раздарил сумку с пылью с могилы своего недавно умершего первого духовного вождя...⁷⁴

Бурхан-ад-дин незамедлительно лишил власти любовника Али Бека. Однако чтобы разъяснить, что не следует думать об узурпации, привели на собрание совета сына умершего князя, семилетнего мальчика.

Других многообещающих претендентов на княжеский трон, напротив, без всякого стеснения убрали с пути. 21 февраля 1380 года жители Сиваса присягли на верность Бурхан-ад-дину. Так как сын князя по-прежнему сидел на собрании совета, оставалось неясным, окончательно ли потеряли свое княжество потомки Эретны или нет ⁷⁵.

БОРЬБА И ПИР

На занятой шахматной доске азиатской политики Бурхан-ад-дин был больше, чем простая пешка; но дела обстояли так, что скорее он сам был в опасности, чем представлял угрозу для других, так как даже в княжестве Эретны, территорию которого он частично контролировал, у него были могущественные противники. В тот момент они не могли его свергнуть, тем более что были в соре друг с другом. Однако следовало предвидеть, что изменения в многослойном политическом устройстве Анатолии делали возможным новые коалиции. Если Бурхан-ад-дин хотел удержаться у власти, он должен был заручить-

ся поддержкой горожан — это ему было ясно уже давно, не наживая себе врагов в монгольских отрядах. Когда жители Сиваса присягали ему, он им обещал, что больше никого из их ближних противозаконно не будут притеснять; каждый спорный случай должен разрешаться по законам шариата, а именно, законными «судьями ислама»; от монгольских обычаев и нововведений, противоречащих шариату и поэтому достойных порицания, следует отказаться. Помещики, ремесленники и мастера — все они должны были заниматься своими делами, но только ими, полагаясь на благосклонность нового правителя⁷⁶.

Бурхан-ад-дин четко становится на сторону мусульманского оседлого населения, которое подвергается, как он видит, нападениям кочующих захватчиков. Восстановление исламской законности является его целью, и поэтому включает в свою программу то, что требовалось уже много раз со времени вторжения монголов и утверждения власти чужеземной военной элиты, большей частью турецкого происхождения; смелее все требовал этого Ибн Таймия⁷⁷, который в начале четырнадцатого века призывал мамлюков к «исламскому управлению государством». Чтобы его осуществить, правоведы и эмиры должны были работать рука об руку и именно на основе шариата⁷⁸. Создать фронт против кочевников-скотоводов в Сивасе было, конечно, невозможно. Только в их руках было сохранение военного искусства; городские ополчения вряд ли были способны укротить их, и уж тем более из одного-единственного города, так как даже после победы горожан сюда сразу устремились бы новые отряды, и кроме того, кочевники значили очень много в интригах правителей, даже если последние обещали ориентироваться скорее на желания оседлого населения. Когда несколько позже самаджар-монголы, предводители которых давно играли большую роль в княжестве, проходили мимо Сиваса на пути к своим летним пастбищам, Бурхан-ад-дин поспешил дать им подкрепление; они жаловались, что туркмены, вторгшиеся из Сирии, угрожали им во время их перекочевок⁷⁹.

Все свое внимание в первые месяцы своего правления Бурхан-ад-дин посвятил устранению соперника, который, чтобы скрыть свои намерения, требовал возведения на престол несовершеннолетнею сына Али Бека. В этом споре Бурхан-ад-дину предложили свои услуги монголы, которых он поддерживал вопреки своим обещаниям, как союзники, но доверять им он тоже не мог; он скорее подозревал, что

они под каким-нибудь предлогом только хотели вторгнуться в Сивас и разграбить город. И без их помощи победил он в конце концов своего конкурента в битве, совсем как предсказал его новый духовный вождь, погрузившись в медитацию: «Несомненно, что эти люди говорят языком божественной правды и слушают язык божественной правды». И Бурхан-ад-дин узнал об исходе спора уже во сне и рассказал об этом другим, «и знать и простонародье удивились тем откровениям и поразились им. Ужас охватил их сердца, и благоговение — их чувства, и все склонили голову в лакейском послушании»⁸⁰. Совершенно открыто Бурхан-ад-дин стал претендовать теперь на равенство по рангу с остальными правителями. Он послал через Анатолию в Сирию и Иран миссию с сообщением о победе, приказал называть отныне свое имя в проповедях по пятницам и украсил им монеты⁸¹.

Однако Бурхан-ад-дин не мог быть уверенным в своей власти. Любовник Али Бека все снова и снова находил возможность интриговать против него, и са-маджар-монголы тоже были недовольны его политикой. Обе стороны сдружились в заговоре против Бурхан-ад-дина. Предательство в войске, которое было в его распоряжении, ухудшило положение. Многие перебежали к монголам, которым, как сожалел Азиз, свойствен подлый характер⁸². Битву Бурхан-ад-дин проиграл. Он бежал с группой оставшихся в живых из его свиты. На маленький отряд внезапно напали враги, но он еще раз ускользнул и скрывался на территории, где повсюду подкарауливали монголы. При полных приключениях обстоятельствах он снова собрал несколько бойцов, послал кого-то в Сивас, чтобы дать знать о своем возвращении. Так, когда он под покровом ночи добрался до города, то нашел ворота открытыми и смог спастись. Заговорщики мало использовали свою победу. Они рассорились, вместо того чтобы напасть сообща. Некоторые из изменников вернулись, между тем, к Бурхан-ад-дину. Поэтому он смог наконец несмотря на поражение восторжествовать: конкуренты в конце концов утомонились. О раскаявшихся предателях он высказался, по описанию Азиза, следующими словами:

Мы несем бремя содержания войска, заботу о вооружении и провианте... много лет только ради дня, когда мы выступаем навстречу врагам, даже только ради мгновения, когда наши братья, с которыми мы делим соль и поддерживаем дружбу, должны, стоять за нас для нашей

честь, служащей гарантом их хорошей жизни и счастья, или для их собственного блага и их личной славы; должны помочь нам и отдать лучшие силы за нас, чтобы поблагодарить нас за это. Мы отличаем их от врагов и друзей не потому, что они в дни пирушек и общения... демонстрируют нам дружбу и симпатию... а в дни битвы и мужского достоинства выдают нас врагу и бегут! В таком случае нам не нужна ничья поддержка!⁸³

Однако заговорам против Бурхан-ад-дина вскоре снова не стало видно конца; бывший любовник Али Бека и предводитель самаджар-монголов по-прежнему стремились свергнуть его. Но Бурхан-ад-дин находился под защитой Бога, который теперь, когда при всякого рода бедах и опасностях его третий духовный вожь отправился на тот свет, послал ему без промедления помощь в лице ясновидящего, считающегося в народе сумасшедшим. Этот ясновидящий по имени Маулана Паса, правда, говорил всегда загадками⁸⁴, но его слова были, к счастью, достаточно ясными, чтобы вовремя сообщать Бурхан-ад-дину о готовящихся ударах врагов. Само собой разумеется, у противной стороны были свои святые⁸⁵.

Счастье и успех в некоторой степени не оставлял» Бурхан-ад-дина. Около 1383 года он разбил монголов под Токатом и захватил огромные трофеи — важный шаг для укрепления своей власти. Во всяком случае, так истолковывает Азиз победу. Бурхан-ад-дину сейчас сорок лунных лет, и сущность Мухаммеда, должно быть, стала очевидна в его жизненном пути: именно в начале пятого десятка жизни Мухаммед стал пророком, а это был решающий шаг к получению позднее полной власти и к действительно независимому господству⁸⁶.

Как Мухаммед после хиджры стремился адоевать свой родной город Мекку, так и Бурхан-ад-дин боролся за завоевание Кайсери. Если он хотел для этого использовать не слишком большие силы, то должен был на севере себя обезопасить. Но едва он продвинулся к своему родному городу, как Мутахартен, правитель Эрзинджана, которого он сначала недооценил, напал на Сивас, оставленный без войска. Бурхан-ад-дин мирно с ним договорился и завладел Кайсери уже в 1384 году. И Мухаммеду, наконец, удалось завоевать Мекку, и с тех пор как Султан взялся за меч и вмешался в дела политики, прошло почти семь лет, которые подразумевали те семь дней, которые, как он

рассказывал, он видел во сне — дни, полные волнений и тревог!⁸⁷ «Подожди еще семь дней!» — предуведомляли его, когда дервиши из потустороннего мира дали ему пояс, капюшон и колчан⁸⁸.

Когда Султан подчинил своей власти и урегулировал дела Кайсери, он вернулся в Сивас после восстановления согласия и завоевания того, чего он жаждал, и приступил к потягиванию вина и чоканью бокалами, общению и наслаждению и вымыл вином из бокала пыль злых дней из своей груди, совсем так, как сказал поэт:

*Попотчуй вином нежнорозовым
как анемона,
как слезы, блестящие на щеках любящего!
Знатоки дней никогда не хвастают ими,
еще перед бедой он хочет наслажденья.
Что такое жизнь? Сила и молодость,
бокалы и ласки с самым любимым!*
* * *

*Дух, не испачканный земной пылью,
из того чистого мира пришел сегодня
к тебе в гости. Подкрепляй его всегда утренним глотком,
прежде чем он скажет тебе: «Теперь твой вечер»⁸⁹.*

ПРИХОД ТИМУРА

Слишком скоро, иначе чем у Мухаммеда после триумфального вступления в Мекку, начались неудачи у Бурхан-ад-дина. Разногласия с княжеством Кара-ман, но прежде всего укрепление своих позиций в возвращенном Кайсери вынуждали Бурхан-ад-дина лавировать между многими силами и партиями. Даже владение Сивасом было ненадежно. Когда он вел войну у Кайсери, один портной и меняла в союзе с двумя ахи-дервишами⁹⁰ установили связь с врагами Бурхан-ад-дина. Один из этих двух божьих людей до этого поссорился с Бурхан-ад-дином и был изгнан из города. Но потом ему позволили вернуться и даже предоставили ему скит, из которого он завязал целую сеть предательских связей. Другой дервиш совершил паломничество в Ирак. На могиле Али аби-Талнба в Неджефе он был одет в латаную одежду шиитского ордена. После этого он вернулся в свой родной город⁹¹. Третий божий человек, который участвовал в этом заговоре против Бурхан-ад-дина,

был епископ. Целью было восстановление господства потомков Эретны. И после более шести лет султаната Бурхан-ад-дин в глазах многих оставался не кем иным, как разбойником, укравшим трон.

Однако он одержал победу и в этот раз и немного позже снова заставил Кайсери подчиниться своей власти. Он вернулся в Сивас и использовал после этого кажущееся спокойствие для широкомасштабных охотничьих предприятий, которые привели его к границам княжества Эрзинджан Мутаххартена. Вдруг ему приносят известие, что Тимур с громадными войсками блуждает на востоке Анатолии. Это был 1386 год. Мавераннахрская армия захватила Тебриз после того, как перед этим Тохтамыш со своими кипчаками напал на Азербайджан. В конце лета Тимур сам был на месте военных действий на северо-западе Ирана, занятый созданием надежного заслона от кипчаков западнее Каспийского моря и устранением «ди-адохов». Кем мог быть Бурхан-ад-дин в глазах Тимура, если не незаконным преемником «диадоха» Эретны? Ожидаемая со страхом война Тимура против Тохтамыша в конце концов ограничилась несколькими боями весной 1387 года⁹². Тимур все это время стремился заставить князей Восточной Анатолии быть ему обязанными, пусть даже силой оружия, так как в случае крупного конфликта с кипчаками он должен был иметь свободный тыл. Под Эрзерумом он побеждает турецкий союз «Черный баран», претендовавший на землю между озерами Ван и Урмия. Некоторые анатолийские правители были готовы подчиниться, среди них Мутаххартен, отправивший к Тимуру посланника⁹³. В Каире, между тем, беспокоятся — намеревается ли Тимур напасть на Сирию? Когда весной 1387 года стало известно, что Эдесса пала и Амид осажден, султану мамлюков пришлось серьезно подумать о защите своей империи. Через несколько месяцев в Каир приходит спасительное известие, что Тимур повернул в Южный Иран. С облегчением перестают всем этим заниматься⁹⁴.

Но вернемся к Бурхан-ад-дину! Он срочно возвращается в Сивас при известии о появлении Тимура в Восточной Анатолии и приказывает ремонтировать долговременные укрепления. Лично предстать перед Тимуром он не отваживается. Но не только от того непредсказуемого военачальника нужно защищаться. Будто на Анатолию напала не далеко превосходящая сила, а лишь еще один мелкий князь в лице какого-то Тимура борется за то, чтобы получить немного больше власти, продолжают в эти месяцы беспорядочные стычки. Мутаххартен, уже испытывающий ужас перед Тимуром, собирает

вокруг себя остатки побежденных туркменов; он хочет напасть на Сивас⁹⁵. Политическая ситуация в Анатолии становится все более непонятной. Найти себе какого-нибудь сильного союзника желательно в любом случае. Но кого? Скорее Бурхан-ад-дин мог бы найти поддержку еще у мамлюков в Сирии. Однако его отношения с ними более чем расстроены. Двуличие — обычное явление в маленьких войнах, в которых каждый когда-нибудь выступал против другого, каждый с кем-нибудь шел вместе. Недоверие витает под прикрытием многословных проявлений преданности.

Бурхан-ад-дин, хотя и не подчинился Тимуру, конечно, не мог выказать ему откровенной враждебности. Он посылает к Тимуру дервиша с посланием (какого содержания, не говорится); следует предположить притворную покорность. Собственно, задача посыльного — выведать численность войск и узнать все интересное о Тимуре и его окружении. Дервиши с такими поручениями не были редкостью. Тимур, который сам пользовался такими набожными разведчиками, обращался с посланником с необходимой хитростью. С сообщением для Бурхан-ад-дина он отпускает его в обратный путь. По дороге посланника перехватывает Мутаххартен, который обнаруживает письмо для Тимура. Нет ничего более срочного, как сообщить мамлюкам в Сирии, что Бурхан-ад-дин находится в тайной связи со страшным правителем Ма-вераннахра. Дурная репутация, которой кади пользуется у сирийских мамлюков, находит, видимо, подтверждение.

В области, которую охватывает севернее Алеппо дуга Евфрата, от Мараса вверх до Дивриджи, южнее Сиваса, с середины четырнадцатого века обосновалось объединение туркменов под владычеством Дулькадилов; мамлюки для обеспечения левого фланга своей империи претендовали на верховную власть над ним. Бурхан-ад-дин, который всегда умел сохранять независимость от мамлюков⁹⁶, давно считался другом Дулькадилов, оказывая им активную поддержку. В Сирии на это смотрели с недовольством, не имея возможности что-либо изменить. Пожалуй, вспомнили с затаенной злобой о том, что мамлюки когда-то помогли Эретне и его династии занять высокое положение; узурпация власти Бурхан-ад-дином уменьшила влияние мамлюков на Центральную Анатолию.

Какими напряженными были отношения между Сирией и Сивасом показывает один, сам по себе незначительный случай. Али Бек отправил по монгольскому обычаю купца⁹⁷, соответственно договору, с

товарами в поездку. Тот как раз находился в Сирии, когда Али Бек умер. Мамлюки воспрепятствовали тому, чтобы товар был возвращен в Сивас, на что Бурхан-ад-дин возместил свои убытки за счет купца султана Баркука. Когда в 1387 году ожидали нападения Тимура и готовились к обороне, насколько это было возможно, тот купец пожаловался войсковому интенданту Баркука в Дамаске. Баркук приказал вручить в Сивасе наштипованное оскорбительными выражениями послание, на которое Бурхан-ад-дин ответил в том же духе. Грубые письма с угрозами были обиходным стилем между враждующими державами⁹⁸. Но что сильнее всего должно было встревожить окружение Баркука — это замечание, которое Бурхан-ад-дин, по высказыванию Азиза, сделал просто шутя: он отныне больше не хочет терпеть, чтобы черкесские мальчики ездили в Сирию через его область ⁹⁹. Этим он задел, очевидно, самый чувствительный нерв мамлюкского султана, так как тот в Сирии и Египте должен был форсировать глубокие преобразования в отношениях власти, в ходе которых были вытеснены преимущественно военные тюркского происхождения со своих влиятельных постов. Вместо них теперь черкесы имели слово — перелом, который современный наблюдатель Ибн Хальдун оценил как смену «государства тюрков» государством черкесских военных рабов.

Баркук был вынужден пополнять силы людьми со своей родимы, и его мало забавляли шутки, какие позволял себе Бурхан-ад-дин. Тот, со своей стороны, ставил на многочисленных врагов, которые все еще были у Баркука внутри его империи, и на мятежника тюркского происхождения Минтаса, который старался с 1386 года оказать сопротивление черкесскому выскочке на сирийско-анатолийской пограничной территории. С этим Минтасом Бурхан-ад-дин заключил союз. По Азизу, для этого решающими были следующие обстоятельства: когда в 1382 году Баркук захватил власть в Каире, он начал вытеснять род и сторонников султана ал-Малика ан-Насира (прав. 1347-1351 и 1354-1361) со всех влиятельных постов. Речь шла о лицах монгольского происхождения из кипчакского рода; они были, очевидно, объединены сильным корпоративным духом и полны презрения к тому человеку, у которого, как они полагали, не было никакого исламского образования и благородного происхождения. За это высокомерие «тюрки» должны были теперь поплатиться. Они дрожали перед Баркуком,

ненавидели его. К ним принадлежал Минтас, который, чтобы спастись от преследований, стал рабом одного торговца и позволил ему продать себя султану. Так как Минтас таким образом перешел в собственность Баркука и в 1385 году был им выпущен на свободу, по мамлюкскому обычаю между обоими должны были бы установиться особые тесные доверительные отношения. Но Минтас догадывался, что султан приложит все силы, чтобы уничтожить его, как только он отразит Тимура. Вряд ли можно было ожидать примирения между Минтасом и Баркуком ввиду глубокой антипатии, которую питали друг к другу «тюрки» и черкесы, и следовало совершенно исключить это примирение после мятежа Минтаса¹⁰⁰. Минтас и Бурхан-ад-дин стали почти вынужденно союзниками, просто из-за политической ситуации, объединенные своей враждебностью к Баркуку; их области граничили друг с другом, так как Минтае командовал гарнизоном Малатья. Правитель Сиваса тешил себя надеждой, что как только Минтас укрепит свою власть на севере Сирии, он отвлечет на себя внимание недовольных мамлюков. При этом условии Бурхан-ад-дин имел бы в игре за власть в Анатолии лучшие карты¹⁰¹. Минтас измотался бы в борьбе против Баркука. В этой борьбе Тимуру, очевидно, не отводилась особая роль. Тем не менее это выразилось в том, что он, вместо того чтобы повернуть к Сирии, повернул на юго-восток и стал наводить порядок на свой лад в делах Музаффаридов.

Этот поворот событий поставил под сомнение расчет Бурхан-ад-дина. Если Тимур больше не представлял серьезной угрозы для мамлюкской империи, нужно было принимать во внимание, что Баркук все свои силы направит на покорение мятежника Минтаса. Таким образом, Бурхан-ад-дин должен был теперь приготовиться к скверным последствиям своего политического умничанья накануне, и они проявились очень скоро. Минтае боялся несдерживаемой мести Баркука и поэтому предложил Малатью своему си-васскому партнеру, видимо, потому, что ему самому было ясно, что он один не сможет удержать город. Лишь поколебавшись, пошел на это предложение Бурхан-ад-дин, пообещав организовать военный поход против Сирии и пожаловав Минтасу Никсар к северо-востоку от Токата. Но Бурхан-ад-дин хотел бы избежать видимости, что он бросает дерзкий вызов Баркуку. Под каким-то предлогом он приказал доставить в Сивас Минтаса как заключенного. Поход сирийских мамлюков против

Сиваса, однако, нельзя было уже предотвратить. Напрасно старался Бурхан-ад-дин убедить Йелбоджу ан-Насири, наместника Алеппо, в бесполезности этого предприятия. Бурхан-ад-дину передали слух, что его враги, которые с трудом примирились с узурпацией трона Эретны, побуждали ан-На-сира на это нарушение. Значит, он действовал не по приказу Баркука, а сам? Дальнейшие слухи свидетельствовали, что ан-Насир сам «турок», ненавидит черкеса Баркука и готов бороться за каирский трон.

Минтас, который открыто восстал против черкесов, мог (так размышлял Бурхан-ад-дин) в этой непонятной ситуации внести путаницу в войска ан-Насири. Поэтому он послал его, одетого в почетную одежду, в военную сутолоку перед Сивасом, и, действительно, многие сирийцы перебежали к Миитасу. Тут ан-Насири, наконец, предложил мир. О выдаче Минтаса сирийцам больше не было речи. Они отступили. Минтае, который теперь снова жил на свободе, использовал некоторых кочующих в области Сиваса монголов для нападения на возвращающихся домой сирийцев, что создало еще раз угрожающее положение для Бурхан-ад-дина. Но в конце концов из всех интриг он вышел невредимым, так как Йелбоджа ан-Насири объединился с Минтасом, и таким образом театр военных действий гражданской войны переместился, наконец, в Сирию¹⁰².

Бурхан-ад-дин, как хочет показать Азиз, ясно понял будущий ход вещей: угроза ан-Насири, что он готов завоевать Сивас, убежище Минтаса, не смогли повергнуть в панику правителя, имевшего тесные связи с империей скрытого; он велел передать правителю Алеппо, что неблагодарность по отношению к правителю, султану Бар-куку, никогда не будет оплачена: чувства антипатии и злобы быстро расколют ряды мамлюков, и пока еще скрытые враждующие группировки выступят открыто и нападут друг на друга¹⁰³. Все так и произошло. Бурхан-ад-дин был уверен в таком исходе событий «благодаря божественному внушению, откровению из области священного, которое было устремлено в сердце правителя, в котором отражается истина, и она была высказана его устами, которые умеют истолковывать все тонкости. — И Бог вливает правильные познания, и к нему мы поворачиваемся, готовые покаяться!»

Азиз, конечно, не всегда дружен с истиной; когда речь идет о восхвалении правителя, он ее порой искажает. Источники из мамлюкской властной сферы не знают ничего о подобных взглядах в

будущее и вытекающей отсюда гениальной стратегии. Они совершенно прозаически сообщают о поражении Бурхан-ад-дина от Йелбоджи ан-Насири и о признании верховной власти Баркука¹⁰⁴.

УТЕШИТЕЛЬНАЯ ВЕСТЬ

*Что Бог решил до всех времен, то происходит.
На что бы ни посмотрел глаз, он это увидит.
В мире земном и потустороннем
мы предоставляем Богу вещи.
Что же для нас Тохтамыш,
и что нам хромой Тимур?»⁰⁵*

Легкомысленно и почти фривольно звучат эти стихи Бурхан-ад-дина, едва ли как слова человека, который, захваченный вихрем все новых войн, постоянно борется за свое выживание, должен утвердиться в среде, в которой лояльность, даже любая дружба, может быть лицемерной и в которой самый близкий доверенный в следующее мгновение может стать предателем и погубить его. Мы едва ощущаем это во многих стихотворениях, которые написал Бурхан-ад-дин. Если бы у нас были только эти стихотворения, у нас создалось бы впечатление, что за ними стоял опьяненный счастьем человек, который проводит свои дни в веселом кругу спутников, свободных, как и он, от всяких забот о бытии и застрахованных от угроз будней: остроумные мысли о вине и любимых, о ничтожности земных усилий заполняли их беседы, и единственная боль, которую они знают, это жжение сердца, когда любовник, забавляясь, кокетливо дарит свою благосклонность другим. Только совершенно случайно и только единственный раз всплывают имена правителей, которые намереваются разрушить сложившиеся в Анатолии условия, но поэт совсем не позволяет подступиться к нему угрозе, исходящей от борьбы между Тохтамышем и Тимуром. С упованием па решение Бога, который и без того определяет исход всего происходящего, зарождающееся беспокойство в конце концов остается без внимания.

Если мы посмотрим на действия Бурхан-ад-дина, на важнейшие вехи его жизненного пути, то узнаем, что ему меньше всего было присуще упование на, что дела могут прекрасно идти своим чередом, потому что это заранее предопределено провидением.

Наоборот, воля к самоутверждению придает Бурхан-ад-дину мужество и волю к стремлению расширить рамки того, чего уже достигли его предки: пост кади (судьи). Он владеет инструментом тогдашней политики — холодностью, хитростью, лестью — так мастерски, что может отважиться отодвинуть в сторону членов законной семьи правителей и взять власть в свои руки. Это похищение трона не нашло, как показано, единодушного одобрения населения: что касается заговоров, Бурхан-ад-дин должен был постоянно быть начеку.

Теперь можно было бы сослаться на то, что Азиз рассказывает биографию кади как осуществление предназначения на господство, высчитанное по гороскопу; сны и предсказания дервишей, наконец также сходство с жизненным путем великих пророков и правителей, таких как Соломон и Мухаммед, — все это, должно быть, воздействовало само и формировало и укрепляло в нем убежденность в том, что он избран быть счастливым правителем. Если мы воспримем серьезно все эти сны и знаки и веру Бурхан-ад-дина, то логично, что он самоуверенно присвоил себе долю, которая ему, очевидно, предназначена Богом. И почему Бурхан-ад-дин не должен был поверить знакам, если их было так много? Конечно, этим ни в коем случае не объясняется, почему мир будней, о котором Азиз все снова и снова сообщает, хотя и не всегда достоверно, и мир стихов Бурхан-ад-дина далеки друг от друга.

Али Бек, сын Мухаммеда Эретны, у которого Бурхан-ад-дин отнял власть, был, по описанию Азиза, не знающий меры пьяница, который мало заботился о своем княжестве, так что, наконец, эмиры и нотабли не захотели его знать. «С утра до вечера предавался он вину и увеселениям, слушал восторженную игру на струнных инструментах и певцов... и тем, что он предавался своим страстям, он выпускал из рук поводья решения... От громких пирушек он забыл скрещивать оружие, и из общества прекрасных юношей он не мог вырваться для ведения войн. Настоящее раскаяние он уже давно продал за глоток вина...» Азиз должен был показать, насколько был прав Бурхан-ад-дин, когда он восстал против законного наследника княжеского трона: этот Али Бек все равно не смог бы сохранить свое наследие! И Азиз заканчивает этот отрывок персидскими стихами, в которых слушателю дается совет не проводить ни минуты без вина и любимой, так как нужно забыть земную жизнь

«Все заканчивается тем, что мыться отодвинуть в сторону членов законной семьи правителей и взять власть в свои руки. Это ничего не знаем о мире! Как счастлив тот, кто ничего не знает о мире!» Поэтому следует развлекаться с друзьями за вином! Кто постоянно думает о конце, о суде, о котором мы здесь внизу ничего не узнаем, тот пропустит настоящую жизнь: «Вино запрещено, но для понимающего не подходит упускать то, чем один раз насладиться является позором, а тысячу раз — мудрым образом жизни»¹⁰⁶.

Не в том, что Али Бек не отказывался от вина, упрекает его Азиз. И как бы он мог это делать? Бур-хан-ад-дин сам восхвалял в своих стихах вино, пение, прекрасный образ любовников, и довольно часто звучит в сообщениях Азиза, что кади все это подразумевал не просто как метафору; нет, критика Али Бека направлена на что-то другое, а именно на неуравновешенное отношение к компанейским пирушкам и героической борьбе. И то и другое вместе, в постоянной перемене, в зависимости от обстоятельств должно заполнять дни хорошего правителя: «Пирушки и борьба». Поэтому так описывает Азиз и жизнь кади Бурхан-ад-дина.

Уже при зарождении новоперсидской литературы в десятом веке обе сферы, будучи взаимосвязанными, являются любимой темой. «Шахнаме» Фирдоуси, где портреты правителей определяли в разноб-разной, до сих пор еще почти не исследованной манере отшлифованное иранской культурой понимание места руководящей прослойки периода расцвета и конца средневековья, снова и снова называет «Пирушки и борьбу» совокупностью всех дел князей ¹⁰⁸. О герое Годарце, который у Фирдоуси воплощает все мыслимые хорошие качества, он заставляет Рустама сказать:

*Величию, блеску, благородству и справедливости,
А также борьбе и празднеству научились мы у тебя*¹⁰⁹.

Но одного благородного чувства недостаточно; оно должно осуществляться в делах, и именно это происходит в борьбе и празднестве. Не только в прошлом ценилась эта максима; у Фирдоуси она обязательна и для князей современности, и в турке Махмуде Газневи (прав. 998-1030), которому он посвящает свое произведение, он восхваляет того правителя, который «во время пира является небом щедрости, в борьбе — дракона острый коготь — телом могучий слон,

душой Габриэль; руки — весеннее облако; сердце — как течение Нила»¹¹⁰. Война — это подавление противника, у него отнимают собственность; праздничный пир — это время щедрости, необузданной раздачи, возможности для любого жеста великодушия.

О пирах Азиз сообщает часто. То, что не только они должны занимать правителя, — убеждение, на котором он строит хулу в адрес Али Бека. Однако сочетанием борьбы и праздника не исчерпывается у Азиза в идеально типичном описании время господства Бурхан-ад-дина. Очевидно, не просто сказано, что султан выполнял все обязанности-как подобает. С тех пор как Фирдоуси дал в стихах образ правителя, шло, как мы уже узнали при анализе образного языка наших источников, глубокое преобразование мировоззрения. Явления и события этого мира вернули добрую часть могущественности бытия, в которой им было отказано суннитской теологией. Запутанное многообразие земного бытия начало снова связываться с Космосом. Пиршество и борьба больше не понимаются как два элемента правления, которыми попеременно хвастается хороший князь. Теперь обнаруживаются более глубокие, не каждому видимые связи между обоими элементами.

После лишений борьбы, усилий выступления и отхода, жестокости войны и боя, скачек и охоты облавой, Бурхан-ад-дин принял решение устроить пир и отдался тому, чтобы устроить праздник обрезания своих дорогих сыновей — дай им, Господи, долгую жизнь для добывания счастья! В большом зале, в котором распростертые луга расположились у головы Сатурна и у входа в который перигей порога достигал вершины неба... он велел раскатать ковры веселого общения, счастливый занял место на троне и приказал давать аудиенцию любому. Открыли сосуды и кувшины, полилось красное вино из горлышек фляжек, золотые чаши обходят по кругу... Похожий на волшебника виночерпий наливал кубок за кубком, добавлял радость за радостью, закрывал ворота печали, открывал дверь веселью. То он прелестной губой перед любящими заставлял бить райский фонтан, то сладкой улыбкой бросал сахар пирующим в рот.

*Умереть я хочу за обольстительного юношу!
Глазами Нарцисса он попадает в львиное сердце!
Турецкий месяц с нежными линиями,
как вода, на которой поднимает зыбь*

*дыхание ветра! Жемчужины он нанизывает, когда говорит,
сахар разламывает он, когда запинаясь.*

Дымок фимиама вился над зеленым куполом неба, мелодия звуков перехватывала дыхание у блистательно красивой Венеры... Пьющие, весело расслабившиеся виночерпии, исключительно кокетливые, любящие, воодушевленные певцы отдались пению! И когда теперь розового цвета вино обрушилось на дворец памяти, разум до последнего сопротивлялся. Но виночерпий, который в таверне цвета рисует краской Бога, смысл пурпуром чистым материальные отражения с зеркала сердца — и волшебным напитком цвета красной киновари нарисовал на одежде души одноцветный силуэт, и посмотри, позор и слава появились в одной картине, ислам и неверие выступили в одном образе!¹¹¹

«Краска Бога» — это выражение Корана, которое обозначает соединение с создателем, с основанной им верой¹¹². Истинное соединение с Богом получается с помощью шшочерпия. Вино, которое он подносит, наконец преодолевает сопротивление разума, который строго правит формами, а их воспринимают чувства; разум приводит в порядок ощущения, идентифицирует их содержание, связывает с определенными представлениями, короче, его империю образуют очевидные феномены этого мира и их обработка. До понимания высшей правды в сфере скрытого, недоступного чувствам, до того чтобы увидеть Бога¹¹³, он не может подняться. Это, как признал Ибн аль-Араби, возможно только тогда, когда империя разума преобладает — и вдруг мир открывается, как силуэт Бога, и несущественны различия, которые встречает разум между славой и позором, между исламом и неверием. Бог — мы, наша сущность, как тень неотделимая часть единого божественного¹¹⁴.

Сфера войны, борьба — это поле деятельности разума, поисков победы, планирования и встречного планирования; здесь господствуют неразбериха, успех и провал. Пирующему открывается истинная суть вещей, которая лежит по ту сторону деятельности разума; на пирушке открывается истинная сущность бытия, которое только и достойно быть воспетым в поэзии.

*Когда эти дела — разногласия с Ала ад-дином, князем Карамана —
были приведены в порядок, сердце Бурхан-ад-дина успокоилось из-за*

*состояния вещей в том пограничном районе и империя нашла свою совершенную гармонию, велел он устроить радостный кутеж и отдался наслаждению телом и душой компанейской выпивке. Чистым вином полного кубка полировал он зеркало сердца, ту стеклянную поверхность, от которой отражается картина скрытого мира, и смыл пыль событий времени с доски в своей груди. То, что злые глаза раздора спали, что дрожжи ссоры и мучений бездействовали, считал он превосходной добычей; и он воспринял как счастливое стечение обстоятельств то, что хоть на несколько дней оставалось для него благосклонным, и доброжелательным упрямое время, природа которого является причиной несчастья и ссоры, боли и муки и на объятия и благодеяния которого и на придаваемые им силу и изобилие нельзя рассчитывать. Так он быстро принялся участвовать в мимолетном времени, в непостоянстве жизни, Зачем ты хлопчешь под бременем этого мира? Опустоши стеклянный кубок с вином цвета розы! Он спасет тебя окончательно от печали! Для чего постоянно мучиться от боли, от которой здесь нет излечения? Пей вино из своего бокала, оно прогонит печаль неизлечимую. Пользуйся каждым мигом радости, господин! Быстро раскатывает мир ковер жизни! Небесные сферы в нем кружатся! Живи в веселье без грусти, так как боль и радость, обе проходят — и если ты их правильно взвесишь, тогда они обе равны!*¹¹⁵

Обворожительный образ любовника, его губы, его выющиеся локоны, все это, отмечает поэт, ощущает то тут, то там Бурхан-ад-дин и при опьянении. В вине сила, помогающая освободиться от этого выступающего на первый план ощущения и узнать, что по другую ее сторону появляется единый Бог¹¹⁶. Разнообразные, часто мучительные феномены мира — все они выступают за единого Бога, бытие которого они сами: вся Вселенная это свечение Бога — слишком явное, ощутимое, чтобы быть понятым чувствами, которые годятся только для познания кажущегося разнообразия¹¹⁷. Но кроме единого Бога нет никого другого, который бы действительно был. Это утешительное послание той эпохи, собственно, содержание поэзии Бурхан-ад-дина — а также его великого современника Хафиза из Шираза. Вино убирает в пьющем фантом собственного, обособленного бытия — таким образом, оно одно из средств, служащих тому, чтобы все снова и снова вселять убежденность в истинности того утешительного послания.

КАИР

Ахмад... аз-Зухури — поселился в Дамаске, носил одеяние дервишей. Однажды произошло его слияние с Богом, и с тех пор он говорил неразборчиво, и в то время ему открылось скрытое. Когда он жил в Дамаске, аз-Захир Баркук (позже султан) служил там простым солдатом; и ему как-то приснилось, как он проглотил луну, которая приняла форму каравая (хлеба), когда он ее увидел. На следующее утро Баркук прошел мимо дервиша Ахмада, который крикнул ему: «Баркук, ты съел каравай!» Поэтому Баркук твердо уверовал в связь Ахмада с потусторонними силами¹. И когда он стал султаном, он приблизил Ахмада к себе, почитал его, предоставил ему возможность ходатайствовать и не отказывал ему ни в чем. Он зашел так далеко, что даже позволил ему принимать участие в собраниях совета! Там Ахмад сидел с ним на его подушке, бранил его перед всеми эмирами и даже иногда плевал ему в лицо. А Баркук терпеливо все сносил. Даже к его гарему был допущен Ахмад, и женщины не закрывались перед ним чадрой. Передавались вердикты Ахмада, которые тут лее выполнялись. Люди твердо верили в него. Он умер в 801 году (начало 13 сентября 1398 г.)

Из биографического лексикона аль-Маркрузи (ум. 1442)²

ФРАНКИ В АЛЕКСАНДРИИ

Почти половину столетия ан-Насир Мухаммед был первостепенной фигурой в Каире. К его времени относится попытка мамлюков участвовать в разделе наследства ильханов, как показал пример Эретны. После гнусного, но удачливого Бейбарса (прав. 1260 - 1277), подлинного основателя мамлюкского султаната, именно ан-Насир утвердился на каирском троне окончательно в 1309 году через несколько десятилетий, заполненных борьбой за власть, и с тех пор до своей смерти в 1340 году спокойно смог править³.

После этого в летописях отмечены до 1363 года одиннадцать смен правителей. Последние инсценировал Йелбоджа Старший, военачальник, собравший вокруг себя воинство, которого все боялись. Он назначил правителей по своему усмотрению, несовершеннолетних сыновей

умерших султанов; себе он присвоил титул «великого эмира»⁴. Султан аль-Ашраф Шабан, юноша, которого посадили на трон в 1363 году, тоже был творением Йелбоджи. Его власть казалась непоколебимой, и все же через несколько лет он был убит своими собственными мамлюками, а те, свободные от своего деспота, но и покровителя, пали жертвами, за немногим исключением, необузданной ярости так долго мучимых жителей Каира⁵. Это обстоятельство способствовало тому, что аль-Ашраф Шабан смог утвердиться до 1376 года — период, который современник, оглядываясь на бывшую перед этим смуту, ощущал как счастливый⁶. Если можно говорить действительно об улучшении расшатанных условий жизни мамлюкской империи, то оно было коротким. Кроме того, к первым годам султана аль-Ашраф Шабана относится и роковое событие, которое раскрыло слабость империи: крестовый поход Петра I Лузиньянского, короля Кипра. Расхищение и разграбление Александрии в 1365 году явились кульминацией этого предприятия. Уже упомянутый современник, некий Мухаммед Касим ан-Нувайри из Александрии, рассказал об ужасных кошмарных снах, в которых объявлялось несчастье: одному человеку показалось, как будто бы у него сгорели указательный и средний пальцы, так что он больше не мог совершать ритуальную молитву по правилу: это не могло означать ничего другого, кроме катастрофы, которая разразится над исламом. А один купец увидел себя во сне в крепости на побережье, и мужчин и женщин снаружи охватил вдруг необъяснимый ужас; плача они били себя в грудь, умоляли посланника Бога о защите, «и потом я увидел орду франков, прикованных друг к другу, — они вторглись в Александрию; у некоторых из них были хвосты, как у обезьян». А один испытанный борец с неверными видел во сне в мае 1365 года в Дамаске, как ему приказали поспешить в Александрию, чтобы помолиться там за упокой мусульман. Когда он туда прибыл в сентябре, несчастье как раз произошло. «Я оделся как франк и смешался с ними, так как я понимал их язык. Я пробрался к королю Кипра, стал одним из его слуг. Я украл золотую шпору, которую позже заложил в ломбард за триста дирхамов серебром⁷. Франки тогда брали на службу мусульман, которые должны были тащить им награбленную добычу. «Мы вас после этого отпустим», — обещали они им. Когда франки закончили грабить, то схватили семьдесят человек из них и приковали к мачте корабля, который стоял на якоре у острова (Кипр), и открыли огонь, так что они сгорели»⁶.

Нападение на Александрию повредило авторитету мамлюкской

империи настолько, что Ала-ад-дин, князь Карамана, был вынужден искать компромисса с киприотами; так как он больше не мог рассчитывать на достойную упоминания поддержку со стороны мамлюков, то самым благоразумным было прекратить бои с Петром Лузиньянским⁹. Влияние мамлюков на политику Анатолии значительно снизилось несмотря на то, что Петр потерпел крах в дальнейших предприятиях, которые были направлены против Левантийского побережья: летом 1366 года часть его флота затонула во время шторма, немного позже попытка высадиться в Триполи была отбита¹⁰. Неизвестно, дошло ли до слуха мамлюков в Каире, что усилия Петра добиться энергичной поддержки в осуществлении своих военных планов от европейских королей принесли мало результатов: европейские поселения в Александрии были тоже разграблены его крестоносцами, и итальянские торговые республики приложили все силы к тому, чтобы их экономическим интересам снова не помешала такая война на религиозной основе, которая в их глазах могла только причинить зло¹¹.

Стремления восстановить Александрию не дало плодов. И в 1369 году посланник султана поехал на Кипр, он должен был согласовать мирный договор. Снова оживилась торговля. Пленных мусульман, конечно, не передали, они стали тем временем христианами¹². Угрожать султан не мог. Но он подготовился к одному предприятию, которое должно было вытеснить из памяти перенесенный позор: десант на Кипр. Для этого были построены корабли, среди них транспортное судно для лошадей. В роскошном облачении аль-Ашраф Шабан поскакал однажды в ноябре 1366 года из крепости вниз, к Нилу, чтобы увидеть укомплектованные экипажами для боя корабли, парадом плывущие по реке.

Йелбоджа Старший, создатель этого флота и сильный мужчина, который со своей солдатней вызывал страх и ужас, после маневров удалился в свою роскошную палатку. Торжества показали наблюдающей толпе его мощь. Но она оказалась более хрупкой, чем можно было предположить. Так как Йелбоджа был садистом, жестокой суровостью согнул он своих военных рабов; кто роптал, тому он велел отрезать язык. Делегация мамлюков за несколько дней до этого умоляла его о более мягком обращении, но была грубо выпровожена. Но в то время как Йелбоджа еще воображал себя на вершине власти, удар по нему уже был подготовлен. Его роскошная палатка была окружена. Когда он узнал об опасности, то оделся феллахом и ускользнул, объединил вокруг себя

в Каире всех тех, кто еще был ему верен, занял крепость, назначил нового султана. Но жители Каира (это мы уже слышали) не дали на этот раз себя снова запугать. Они отказались присягать на верность: базары были закрыты, чернь пела издевательские песни о Йелбодже. Аль-Ашраф Шабан находился в это время на западном берегу Нила под Имбаба; на лежащем перед ним острове на Ниле Замалек Йелбоджа собрал оставшиеся у него силы. Перед бесчисленными любопытствующими, которые не делали тайны из своей симпатии к аль-Ашраф Шабану, устраивали обе партии сильные перестрелки через рукав Нила, причем использовалось и огнестрельное оружие. Наконец, привели новый флот, чтобы доставить султана на восточный берег. При этом флот был сильно поврежден. Аль-Ашраф Шабан спасал для себя султана: Йелбоджа Старший наконец попал в руки собственных мамлюков и был убит¹³. Тиран был мертв; наступательная кампания тоже была проиграна.

КРИЗИС ИМПЕРИИ МАМЛЮКОВ

Пословица: «Нужно знать, кому давать взятку, так как каждый любит жизнь и хочет царствовать!»

По этому поводу одна история. Друг рассказал мне: «Как-то я совершал паломничество из Дамаска в святой Иерусалим. По пути остановился на ночлег. Было холодно и ветрено. Мы, несколько человек, (были в одном из складских помещений, среди нас один дрессировщик со своей женой, громадной обезьяной и клячей. Мы сидели и беседовали, и ночь продолжалась. Тут обезьяна притворилась, будто она совсем сонная и дремлет. «Эта обезьяна что-то намерена делать, — сказал я себе, — поэтому она представляется сонной и хочет, чтобы мы уснули!» Поэтому я стал внимательно за нею следить. Все наконец задремали, один я только притворился спящим. Я хотел увидеть, что она будет делать. Так как она теперь думала, что все спят, то направилась к жене своего хозяина, дрессировщика, и совокупилась с ней. Когда я это увидел, я привстал, и когда обезьяна заметила, что я за нею наблюдал, пошла и обшарила карман своего хозяина, вытащила кошелек с деньгами, а именно с пятьюстами дирхамов, и принесла его мне — как будто хотела сказать: «Возьми это и молчи!» Я взял деньги, помолчал и уснул, страшно удивленный тем, что увидел. Утром мы сидели вместе с дрессировщиком,

который вдруг заметил, что у него украдены деньги. Он закричал: «Слуги, дверь не открывать, мои деньги пропали, но обезьяна знает, кто это сделал, так как она охраняет нас, когда мы спим!» Слуга запер дверь. Я страшно испугался, что обезьяна укажет на меня, и не знал, что делать. Если бы я вытащил деньги и рассказал, что произошло, мне никто бы не поверил. Итак, я молчал. Когда стало совсем светло, пришли все обитатели ночлежки. Их было немного, среди них один еврей. Обезьяна осматривала всех по очереди. Наконец, она подошла к еврею, крепко уцепилась за него и начала визжать. Все закричали: «Это еврей, и никто другой украл у дрессировщика деньги!» Но еврей настаивал на своей невиновности. Теперь дверь снова была открыта. А я удивлялся обезьяне, что она уцепилась в еврея, а не в мусульманина. Дрессировщик потащил еврея к наместнику, чтобы тот приказал его высечь. Тогда я сказал себе: «Это несправедливо. Пойду к наместнику и расскажу, что я видел». Когда я к нему вошел, еврея уже приковали, чтобы бить. «Не его! — крикнул я. — Он ничего не сделал!» Теперь я сообщил все, как произошло, и отдал деньги дрессировщику. Наместник приказал убить обезьяну, и ее заковали и забили». Разве это не удивительно? Посмотри... на обезьяну! Она знала: надо дать взятку, тогда дело уладится! На сколько больше знают сыновья Адама об этом!¹⁴

Эту историю, от которой волосы встают дыбом, рассказывает нам Мухаммед Сасра из Дамаска, вставив ее в сообщение о разрушении его родного города во время волнений, в которых черкес Баркук снова завоевал для себя султанат после того, как его на несколько месяцев прогнали с каирского трона и держали в плену в крепости Керак. В декабре 1389 года Баркук сумел собрать под Дамаском вокруг себя часть своих старых сторонников: в самом городе, однако, он сначала не мог удержаться, так как чернь, подстрекаемая кади Ибн аль-Кураши, одержала верх. В последующих стычках, в которых особенно наводил ужас грохот пушек, целые кварталы города начинали гореть. Полный бессильной ярости Ибн Сасра сообщает: Ибн аль-Кураши и его сторонники, «дураки», сидят в безопасной башне, подстрекают ободряющими выкриками массы на борьбу и покорно мирятся с тем, что город превращается в развалины. Разве Пророк не предупреждал, что если два мусульманина скрестили друг против друга клинки, то оба сгорят в огне ада? Об этом вспоминает Ибн Сасра, и о своей ненависти к тому самому Ибн аль-Кураши пишет он в своем дневнике, чтобы облегчить душу. Неподкупным должен быть судья, требует Ибн Сасра с

ожесточением, правда, не объясняя нам, насколько нарушил эту заповедь Ибн аль-Кураши.

Он добавляет анекдот о силе воздействия подарков, которые приподмостятся в нужный момент, — именно таковы теперь исламские сановники, насквозь испорченные! Так сильно развращены люди властью денег, что даже обезьяна может следовать этому! Жалобы на судей и других чиновников, которые предоставляют свои услуги эмирам для прикрытия их предосудительных махинаций, не принимая во внимание шариат, соблюдение которого они должны гарантировать, в сирийских и египетских источниках четырнадцатого века не редкость. Мамлюки, часто лишь поверхностно знакомые с исламом, правят и притесняют по своим собственным правилам; они не изгоняли местных образованных мусульман, они подчинили их себе, так как именно мамлюки распределяли доходные должности. Политическое влияние семей, таких как Бану Сасра, из поколения в поколение занимавших посты, которые можно было получить только после обстоятельного изучения исламских наук, постепенно уменьшалось, по меньшей мере, с середины четырнадцатого века¹⁵.

Так возрастала, как казалось Ибн Сасре, власть чистых денег ¹⁶. Богатый маклер и бессовестный делец Ибн ан-Нашу - это был как раз человек по вкусу военных: он мог им достать необходимые деньги, и поэтому они сделали его эмиром — ранг, который ему никогда в жизни не удалось бы получить из-за его низкого происхождения! И, наконец, этот Ибн ан-Нашу, который брал себе должность за должность, был истинным правителем Дамаска. Значит, наступили плохие времена для тех, кто еще поддерживал старое образование! Ибн Сасра доверил своему дневнику многочисленные стихи, в которых говорится о всеильи денег: у кого есть деньги, к тому прислушиваются; деньги помогают трусу победить героя; деньги решают, что правильно, а что неверно, — короче, деньги могут просто все! И не в последнюю очередь именно дьявол сеет такую мудрость; Ибн Сасра верит в это совершенно серьезно¹⁷.

Жестокость, беззастенчивость — это было все, что ожидало местное население в городе и на селе от правящей военной касты. По поводу введения в должность наместника в Дамаске, в честь которого город, как обычно, должен был быть иллюминирован, Ибн-Сасра пишет, что население было очень обрадовано, так как впереди этого человека шла слава, что «он лишь немного вреда приносит людям»¹⁸. О грубой

силе и кровавых столкновениях между местным населением и мамлюками, которые большей частью одерживали верх благодаря их вооружению и владению военным искусством, источники рассказывают нередко¹⁹. Конечно, нельзя приписывать мамлюкам всю вину за нищету, о которой арабские летописцы четырнадцатого века сообщают так часто и, как это кажется, чаще, чем в предыдущие эпохи. Может быть, те, кто тогда писал историю, воспринимали нужду и коррупцию лишь острее, чем раньше, именно потому что они, принадлежащие к слою имеющих исламское образование в столицах, видели, что их общественному и политическому статусу все больше и больше угрожает опасность²⁰.

Кризис империи мамлюков, который начался в середине четырнадцатого столетия, имел много причин. Ужасное сокращение населения в год чумы 1349²¹ тоже относится к этим причинам; какое влияние мамлюки оказывали на менталитет, на настроение людей Ближнего Востока, до конца еще не известно. Однако можно себе представить, что расходы военной касты на свое содержание стали в смутное время еще более тяжким грузом, так как теперь они должны были лечь на плечи меньшего количества людей, чем до этого. Природные катастрофы тоже обостряли бедственное положение населения. Источники отмечают, что между 1365 и 1369 гг. Сирия подверглась нашествию саранчи. Против нее существовал только один способ борьбы: в Дамаске на башне замка и на одном из минаретов вешали медные бутылки, наполненные определенной, привезенной с Востока ключевой водой; она должна была привлечь птиц, похожих на скворцов, которые уже в воздухе ловили и поедали саранчу. Вера в то, что таким образом можно победить вредителей, была подтверждена документально и в Османской империи при Мехмеде Завоевателе (прав. 1444-1481). Египту, снабжение которого зависело от ежегодного паводка Нила, пришлось страдать не меньше. Зимой 1373-1374 гг. уровень воды в реке был значительно ниже среднего, так что султан приказал читать молитвы. Позже цены на продукты поднялись на такую высоту, что каждого зажиточного заставили государственной властью кормить определенное число бедных, которым под угрозой наказания распятием на кресте было запрещено просить милостыню на рынках. И подаяние было запрещено²². Очевидно, таким образом начинающий разваливаться султанат «тюрок» пытался бороться с нищетой и одновременно

препятствовать всяким волнениям. Что удивительно, так это то, что астрологи в таком положении предсказали на следующий год и на 777 (х) (начался 2 июня 1375) одни несчастья! Другого совсем не ожидали, и что плохие предсказания не подтвердились, это достойно внимания хрониста — причем он, по-видимому, подорожание в Сирии вообще не считал бедой²³.

Попытки обеспечения хотя бы скромным пропитанием живущего в нищете населения не стали предметом длительного внимания политиков. Это было совершенно невозможно, так как государственных доходов, из которых оплачивалась существенная часть расходов военного аппарата, не хватало везде и всюду. Чтобы избежать финансового кризиса, были придуманы многочисленные новые налоги, что порождало иногда странные бюрократические методы. Этим государство ставило на карту свой авторитет. Так, султан аль-Ашраф Шабан отменил в конце 1376 года изданный до этого закон о налогах с певцов и этим отказался от богатых сборов. Каждый музыкант, каждая певица должны были ежегодно выплачивать твердо установленную сумму в государственную казну и имели право выступать во время торжеств, таких как свадьба или праздник обрезания, только с разрешения, выписываемого для подобного случая, это разрешение можно было получить за плату. Каждую ночь контролеры совершали свой обход, чтобы установить, действительно ли покинули свои квартиры только те музыканты, которые на этот вечер получили право выступать. И проститутки облагались налогом; они должны были ежедневно вносить определенную сумму. Особенно в верхней части Египта и в дельте, говорят, имелись в городах целые кварталы борделей. «И если незнакомец проходил мимо этого места, совсем не собираясь зайти к проститутке, они набрасывались... на него и принуждали его к разврату, разве только он откупался какой-то суммой, которая была одинакова, занимался он с ними развратом или нет!» Иначе бедные проститутки не могли внести свои ежедневные налоги ²⁴. От этого позорного источника сбора²⁵ при аль-Ашрафе Шабане тоже отказались.

Подобными решениями, конечно, нельзя было достичь действительного облегчения от гнета налогов. Самовластные управляющие надоедали купцам и другим группам населения, у которых можно было кое-что взять, незаконными мерами, тоже не установленными султаном, закрывали пристанища на караванных

путях и требовали от упомянутых торговцев уплаты высокой суммы, для того чтобы с товаров снова был снят запрет²⁶. Если новый султан вступал на трон, что во второй половине четырнадцатого века было нередким событием, то провозглашалось, что такому произволу теперь должен быть положен конец: но через какое-то время все возвращалось к старому²⁷.

НОВЫЕ И СТАРЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ

Во времена мамлюков Каир был, без сомнения, самой значительной столицей ислама. Ибн Хальдун (ум. 1406), магрибец, вошел в город впервые в январе 1383 года. В своих воспоминаниях он находит слова, которые позволяют нам догадываться, каким волнующим для него был этот момент: «Я видел столицу земного бытия, сад мира, место, к которому устремляются все народы, дорожную станцию, мимо которой двигается человечество как масса муравьев, зал для аудиенций ислама, трон власти! Сияние дворцов и галерей с колоннами излучается отовсюду, суфийские конвенты и медресе сверкают со всех сторон, ярко, как месяц и звезды, светят ученые. На берегу Нила возвышается этот трон, на реке рая, на реке небесной воды, которая в изобилии утоляет жажду и дает им все мыслимые виды фруктов и хороших вещей. Я пересекал переулки города, через которые проходили массы людей, рынки, которые были переполнены товарами. Все снова и снова рассказывало нам об этом городе, о расцвете его культуры, об оживлении, присущем мировому городу. Совсем иначе описывали его наши учителя и друзья... были ли они паломниками в Мекку или купцами: я спросил... абу-Абдаллаха ал-Мухри, великого ученого Магриба, после его возвращения из паломничества...: «Как там Каир?» Тогда он ответил: «Тот, кто его никогда не видел, ничего не знает о величии ислама!»

Подобно Ибн Хальдуну чувствовал себя многочисленные мусульмане, плененные Каиром; полные собрания биографий того времени подтверждают это многими жизненными историями, которые начинаются где-то в исламском мире и заканчиваются в Каире. Политическая власть султана все больше и больше отставала от культурного излучения. Разграбление Александрии и его постыдные последствия каждому показали, как мало сопротивлялись мамлюки нападению, совершенному из-за моря. Не собственной силе, а

разногласию поддерживающих агрессора держав и жажде наживы, которые сорвали достижение далеко идущих целей, обязан султанат тем, что оккупация нижней части Египта тогда не состоялась. Прежде всего, генуэзцы были уверены, что они свои дела могли бы лучше вести на Ближнем Востоке, если бы они объединились с аль-Ашраф Шабаном. Поэтому они скоро отправили пленных назад, которые со времени крестового похода Петра I Лузиньянского находились в их тюрьме, и даже обещали убить кипрского короля, если им удастся его заполучить. Несколько позже генуэзцы выпросили для своих торговцев право возвращения в Александрию²⁹. В связи с этим следует упомянуть, что еще в 1338 году гагуэзец Франческо Баль-дуччи Пеголотти в своей торговой книге отметил, что в некоторой степени безопасный торговый путь из Тана в устье Дона в Китай становился все более рискованным по мере того, как распадалась империя, основанная Чингисханом. Свержение династии Юань в 1368 году окончательно уменьшило значение этого маршрута³⁰. Так становится понятным, что дальновидный генуэзец, должно быть, придавал большое значение освоению других путей, ведущих к богатствам Азии.

Каирский султанат поддерживал связи с Йеменом; этим он продолжал традицию, которую сохраняли уже шиитские Фатмиды и за которую усердно взялись также Айюбиды, которые в 1171 году снова установили в Египте суннитское господство³¹. Именно это обстоятельство соблазнило итальянские торговые республики на договор с мамлюками, владевшими Красным морем, а поэтому и важным отрезком морского пути в Индию и Юго-Восток Азии. Сообщения из Центра Африки свидетельствовали о хороших отношениях с Каиром. Король Эфиопии с помощью мамлюкских специалистов, которые поступили к нему на службу, создал войско, соответствующее требованиям времени, и в 1380 году продвинулся к южной границе наместничества Асуана. Посольство султана, которое, впрочем, могло располагать средствами лишь благодаря тому, что религиозные пожертвования использовались не по назначению, должно было восстановить мир; Эфиопия ответила ему только весной 1383 года, уже при султанате черкеса Баркука³².

Мамлюки наверняка извлекли прежде выгоду из внимания, которое им уделили торговые республики, и стремились поддержать его. В апреле 1383 года несколько европейских кораблей ночью вошли в гавань Александрии, с них сошли на берег воины и завязали

с мамлюкскими войсками бой, но вынуждены были наконец отступить безрезультатно. Наместник султана конфисковал в качестве компенсации за этот набег имущество проживающих в Александрии европейских купцов. Это так сильно разозлило Баркука, что он освободил наместника от должности³³. Позже султанат, конечно, заметил, что любовь к режиму в Каире окрыляла активность европейских торговцев меньше, чем жажда разузнать, каким путем индийские товары попадали на каирский рынок. Поэтому свободу передвижения европейцев ограничили и запретили им пробираться через Каир в центр страны или к Красному морю³⁴.

Центр Африки и торговый путь в Индию, на котором Йемен был стратегически чрезвычайно важной остановкой, имели большое значение для европейских торговых республик. Для политики каирского султаната они были только дополнительной ареной — различная ориентация интересов, которая только в 1500 году, когда у мамлюков вырвали господство над Красным морем португальцы, показала свое значение. Для султана Каира, «столицы ислама», это оказалось намного важнее, чем быть признанным верховным правителем священных городов Мекки и Медины.

Шериф Мекки должен был постоянно удерживаться подарками и более или менее неприкрытым давлением от того, чтобы кому-то другому отдать честь упоминания имени в молитве по пятницам. Снаряжение и военная безопасность караванов паломников, отправляющихся в путь ежегодно из Египта, было, естественно, одной из самых важных задач султана, нацеленных на сохранение своего авторитета. До середины четырнадцатого века мамлюки были довольно могущественны, чтобы спокойно определять, кто должен быть наследником пророка в Мекке. Еще в шестидесятые годы они вмешивались в его полномочия, отменяли налоги, которые паломники воспринимали как тяжкие, возмещали ему их из городской кассы и отправляли значительное количество зерна в Хидшаз, чтобы предотвратить голод, который там начинался.

Волнения вокруг каирского трона, однако, уже начались в это время, чем сразу воспользовались другие исламские правители. Джелаирид Шейх Увайс велел передать потомку Пророка ценные подарки, среди них подсвечник для Каабы. Таким образом он достиг того, что наряду с султаном Египта упоминался в открытой молитве³⁵. И Музаффарид Шах-Шуджа заботился о благе родного города Пророка и

учредил там в 1369 году больницу, в которой, правда, должны были лечиться только персы³⁶. Настало время, чтобы аль-Ашраф Шабан однажды лично взял на себя тяготы путешествия в Хиджаз. В конце 1376 года это путешествие должно было начаться. Перед отъездом он велел переправить в крепость Керак всех братьев и дядей по отцовской линии, чтобы они не смогли в его отсутствие поднять путч против него. На станциях, где планировались остановки, султан велел сделать запасы продовольствия. В октябре в Каире собрали громадное количество лошадей и верблюдов, загрузили их дорогими материалами различного вида, самым важным имуществом султана. Других лошадей накрыли позолоченными седлами и чепраками. В караване находились девять паломников на верблюдах, накрытых покрывалами, затканными золотом; за ними следовали сорок также роскошно оборудованных носилок для гарема аль-Ашраф Шабана. В обозе пятьсот верблюдов были загружены сладостями, фруктами, напитками и вареньем; чтобы эту массу лакомств опрыскать, потребовалось, как рассказывали, четыреста миткалов³⁸ мускуса. Два каравана верблюдов тащили овощи, два других — цветущие кусты вместе с корнями: жасмин, розы, левкой, мирру... Растения были сложены в деревянные ящики, заделанные смолой. Шумным событием была отправка в путь каравана, пишет хронист. Даже у жителей города мира она вызвала интерес: «Конечно, некоторые люди обиделись на султана, что он в путь Хиджаз взял с собой музыкантов, артистов из театра теней и арабских певцов». Прошел слух, что он запасся даже вином. Разве это все подобающий багаж верующего, который отправляется в паломничество к храму Бога, спрашивали многие любопытные³⁹. Еще прежде чем караван покинул черту города Каира, аль-Ашраф Шабан составил завещание, в котором установил, что в случае его кончины трон должен унаследовать его сын Али. Примерно две недели спустя в Каире начался бунт; мамлюки потребовали уже сейчас возвысить Али до султана, так как аль-Ашраф Шабан был убит в пути. Хотя это известие еще не было подтверждено, мятежники уже заставили присягать на верность восьмилетнему мальчику и поделили между собой доходные места. Скоро узнали, что действительно произошло. Под Акабой к султану обратились несколько мамлюков за кормом для их верховых животных; он хотел уговорить их подождать, на что они еще настойчивее повторили свое требование, теперь также требуя дополнительное жалование. Когда аль-Ашраф

Шабан отдыхал в своей палатке, мятежники ворвались туда и хотели схватить правителя. Но он в суматохе ускользнул, убежал в Каир, где спрятался у одной родственницы. Между тем новые военачальники велели объявить, что тот, кто предоставит убежище султану, будет повешен, а кто его выдаст, получит пять тысяч динаров. Через несколько дней женщина его выдала; его схватили, доставили в крепость и жестоко пытали, чтобы он выдал место, где спрятаны сокровища, которые он присвоил себе. Немного позже он был убит ночью одним мамлюком. Труп, ужасно оскверненный, был брошен в колодезь⁴⁰. Для режима мамлюков было счастьем, что в 1374 году Шейх Увайс умер. Его наследник Хусейн Увейс (прав. 1374-1382) поддерживал, как это уже делал его отец⁴¹, дипломатические отношения с Каиром⁴²; но он был недостаточно силен, чтобы выступить в Хиджазе как равноправный соперник мамлюков. Вместо Джелаиридов мамлюки назвали другого султана. Он послал покрывало для Каабы в Мекку и несмотря на сопротивление египетских эмиров покрыл им «дом Бога»⁴³.

УСПЕХИ В ОБЛАСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Каирские султаны не могли в то время думать только о сохранении своего исламского престижа. Жизненно важным для них было развитие событий на сирийско-анатолийской пограничной территории. Там, а не в Хиджазе, решалась судьба империи и ее военной касты; там на севере и северо-востоке уже сто лет проходила граница между арабским миром и областями, которыми владели ильханы и династии их потомков. Еще при Газане (прав. 1295-1304) эти два мира вели войну, Сирия была разрушена. Распад империи ильханов уменьшил опасность нового нападения на Сирию. Но пограничная территория не была спокойной и безопасной. Слишком много местных князей проводили там свою политику самовольно, и кочующие туркменские отряды вмешивались в политику, как и шейхи бедуинов, которые контролировали область, простиравшуюся от среднего течения Евфрата далеко на юг⁴⁴.

Величайшей заботой Каира в конце четырнадцатого века, правда, уже больше не была защита от нападений из некогда ильханских областей. Скорее их угнетенное состояние вызывало превращение Османской империи из анатолийского карликового княжества с центром в Бурсе в великую державу, которая после победы на Балканах

перенесла свою столицу в Адрианополь, но неминуемо подчинит себе всю Анатолию. Снова каирскому султанату будет угрожать могущественный исламский противник. Сначала, конечно, казалось, что политическая ситуация развивается благоприятно. Многие мелкие князья и эмиры хотели, чтобы Каир стал их защитником, может быть, и союзником; но, возможно, были и другие причины для расширения в значительной степени влияния мамлюков в Каппадокии. Во всяком случае, в начале 1375 года предводитель туркменов прибыл в Каир и подчинился господству султана. Со своими отрядами он занимался разбоем у Эльбистана в верховьях Сейхана. Теперь он украсил себя титулом эмира и получил ленное военное поместье. Подобными средствами султан давно пытался привязать к себе бедуинов окраинных зон Сирии и Палестины. Туркменскому князю, однако, было наказано оставаться в Каире⁴⁵, чего большей частью от бедуинов не требовали.

Осенью того же года на долю аль-Ашраф Шабаиа выпал еще один значительный успех. Правитель замка Синджар, который лежит приблизительно в ста километрах восточнее Мосула, стал тоже под защиту султана⁴⁶; теперь власть султана формально простиралась далеко через Евфрат на северо-восток. Но самое значительное присоединение земель аль-Ашраф Шабан смог отметить уже в конце 1374 года. Его наместник в Алеппо победил князя Козанского и увел его в кандалах. Когда об этой победе узнали в Каире, заставили бить в барабаны и украшать город; в течение семи дней были торжества, и победителя прославляли в стихах. Из завоеванной страны образовали вместе с Тарсусом и Аданой пограничную область, непосредственно подчиненную Каиру⁴⁷. Этим Каир расширил свою территорию до Тавра, до княжества Ка-раман, которое десятилетие назад заключило соглашение с Петром I Лузипьянским, не совсем, правда, прерывая отношения с мамлюками. А князя Карамана, как помнится, работали над созданием широкого фронта против Османов⁴⁸. Так захват Козана расширил влияние мамлюков в Анатолии; но также вырисовалась для них опасность быть втянутыми в войну с Османами. Впрочем, едва ли было случайностью, что расположения каирского султана в те годы добивался византийский император. В начале 1376 года в Каир прибыла миссия из Константинополя, которая передала в качестве подарка удивившее всех механическое чудо ларец. Он открывался через каждый час и выпускал фигуру, стучавшую костанъетами. Кроме

того, через каждую минуту падал латунный шарик⁴⁹. Политические линии связи, которые здесь обрисовываются — Византия и Каир с общностью интересов, — не так уж новы, как может показаться. Они простираются от времен консолидации государства мамлюков при султанах Бейбарсе (прав. 1260-1277), который использовал глубоко укоренившуюся антипатию между родами Мункэ и Джучи, хозяина Кипчакской степи, для того чтобы приглушить агрессивный пыл Хулагу и его сторонников⁵⁰. За хорошие отношения между Каиром и Сараем он болел душой, возможно, также потому, что сам был выходцем из степей, и к тому же большинство военных рабов импортировались в Египет оттуда. Если эту связь хотели сохранить, то нужно было поддерживать дружбу с императором Византии, который со своей стороны не мог радоваться тому, что династия ильханов расширила свое господство на центральную Анатолию. Кроме того, у Бейбарса и византийцев был еще один враг — те европейские державы, которые несли ответственность за господство «латинских императоров» в Константинополе с 1204 года по 1261 год. Среди итальянских республик была Генуя, восставшая против тех «латинян» на греческой земле. За поражение от соперников, Венеции и Пизы, в морской битве у Аккона 24 июня 1258 года⁵¹ через несколько лет генуэзцы были в избытке вознаграждены: Михаил VIII Палеолог, который с помощью генуэзцев вернул старую столицу империи, предоставил им большие привилегии, право построить в Пере поселение, которое делало возможным для них плавать в Крым и до устья Дона. Поэтому они смогли основать тот важный форпост торговли с дальними странами Центральной и Восточной Азии⁵², который спустя сто лет, после развала монгольских империй, потерял свое значение и заставил их переориентироваться. То, что Генуя так быстро отослала назад свою долю мусульманских пленников, которых Петр Лузиньянский захватил в Александрии, и попыталась наладить отношения с каирским султаном, не было минутным порывом⁵³. Сохранение хороших отношений с Кипчакской степью — основой существования мамлюкского султаната, предполагало дружественное отношение к византийскому императору и делало невозможным недружественное отношение генуэзцев к нему. В течение десятилетий после смерти ан-Насира Мухаммеда (прав. до 1340), когда господство «турок» в Египте и Сирии приближалось к концу, и после разграбления Александрии Петром I этот принцип внешней политики мамлюков по-прежнему имел силу. Но постепенно

изменилось положение держав, которые его выдвинули. Империя ильханов распалась; угроза с востока и северо-востока, казалось, исчезает, так как, хотя Шейх Увайс и вел себя вызывающе с мамлюкским султаном в Мекке, не могло быть и речи о серьезной опасности империи со стороны Джелаиридов. Они благоразумно поддерживали контакты с Каиром. В результате в последние десять лет турецкого мамлюкского султаната произошло даже расширение сферы его господства через Евфрат. Усиление влияния было, правда, связано с ущербом: опасность столкновения с быстро приобретающим силу султанатом Османов значительно увеличивалась после образования новой провинции Адана. Но с этим можно было смириться, если бы у них был по ту сторону Черного моря и Кавказа испытанный союзник, который как раз стремился бы к тому, чтобы усилить свою власть слиянием Синей и Белой Орды. Тогда еще нельзя было предположить, что гигантская империя Золотой Орды в девяностые годы во время военных походов Тимура и затем вследствие внутренней смуты так сильно опустошится и население ее так сильно сократится, что ее нельзя будет больше принимать в расчет как источник получения военных рабов. Внутриполитическое и экономическое состояние каирского султаната казалось скверным, но в совместной игре с другими силами можно было отметить и некоторые успехи. Так почему не был возможен новый порядок внутренних отношений?

НАЧАЛО ЧЕРКЕССКОГО СУЛТАНАТА

Читатель, очевидно, вспомнит, при каких постыдных обстоятельствах сделался небоеспособным флот, готовый отплыть к Кипру. Йелбоджа Старший вскоре после этого был обезглавлен мамлюками. Так каирское население освободилось от тирана, и оно должно за это быть благодарным мамлюкам, которых тот самый Йелбоджа завербовал, но потом из-за своей жестокости отдалился от них. Каирцам, однако, было безразлично, кто их от него освободил. Они мстили всем, кто имел дела с ненавистным им человеком; кого из мамлюков подозревали в близости к нему, жизнь того была в опасности и он должен был смотреть, как его имущество расхищалось⁵⁴. Аль-Ашраф Шабан благодаря помощи каирского населения остался на троне и начал настоящую охоту на мамлюков Йелбоджи Старшего. Сотням из них прибывали гвоздями руки к балкам и возили их на спинах верблюдов по

городу, после чего разрубали пополам или топили. Многих сослали в Ассуан или Дамаск, некоторые видные деятели были посажены в мрачное подземелье в замке Керак и снова увидели свободу только через несколько лет. К этим немногим счастливым принадлежал и некий Баркук⁵⁵. Султанат аль-Ашраф Шаба-на закончился в 1376 году неудачным, уже описанным паломничеством. Смена на троне снова дала возможность соперничающим мамлюкским военачальникам враждовать друг с другом. Группировки искали подкрепления, и тут вспомнили о тех, кто выжил после расправы с Йелбоджой; среди них был и Баркук, которого теперь повысили, перескочив через один титул. Еще летом 1377 года он появился при каирском дворе обершталмейстером⁵⁶. Бесцеремонно и целеустремленно укреплял он свои позиции; так, в апреле 1378 года он не побоялся фактически «прикарманить» султана аль-Мансура Али, десятилетнего мальчика, и добился чина «атабека войска в Египте», то есть заместителя главнокомандующего — несовершеннолетнего правителя⁵⁷. На рубеже 1379-1380 годов вспыхнул бунт против Баркука, но он сразу оказался на месте, приказал арестовать своих противников и их мамлюков. Но не только это! Кто хочет царствовать, тому нужны деньги. Он схватил одного из финансовых инспекторов аль-Ашраф Шабана и приказал пытать его до тех пор, пока тот не выдал, где аль-Ашраф Шабан спрятал свои сокровища⁵⁸. Одним словом, Баркук приложил все усилия к тому, чтобы укрепить и расширить свою власть, которая ему досталась благодаря непредвиденным обстоятельствам. Стремился ли он к единовластию?

19 мая 1381 года султана аль-Мансура Али в отроческом возрасте унесла смерть от чумы⁵⁹. Слухи носились по Каиру: присвоит ли теперь Баркук себе султанат? Но могущественные эмиры еще не были готовы терпеть господство этого выскочки из среды мамлюков Йелбоджи Старшего⁶⁰. Баркук, однако, стремился завладеть каирским тронном не только политическими средствами, силой и интригами.

В мае 1381 года в Каире появился почтенный шейх и сведущий в делах Бога Сиди Али ар-Руби — да хранит его милосердный Бог! Он поднялся (в крепость) к атабеку Баркуку, два дня оставался у него и предсказал ему словами, что он -получит султанат девятнадцатого рамадана 784 (х) (26 ноября 1382 г.). Затем он объявил людям, что по истечении месяца чума отступит из египетских земель и там наступит зажиточная жизнь. Наконец, он сообщил, что султан аль-Мансур Али

умрет девятнадцатого мая. Ни в одном из своих предсказаний шейх Али ар-Руби не ошибался! Он еще несколько дней пробыл в Каире, затем вернулся к себе на родину⁶¹.

И другие божьи люди, которые имели возможность ознакомиться с сокровенным, уже знали, что Баркуку предстояло великое⁶². Но он еще раз из осторожности спрятался. Он пригласил к себе халифа, ту бессильную фигуру будто бы аббасидского происхождения, которая должна была дать мамлюкским султанам исламскую законность, значительных эмиров и судей, и предложил поискать среди детей аль-Ашраф Шабана подходящего кандидата. Нелегким был выбор. Некоторые были еще очень малы, другие — мечены оспой. Самый старший мальчик среди них, девяти лет⁶³, немного моложе, чем умерший султан, показался им, наконец, подходящим. «Поэтому халиф присягнул ему, эмиры принесли ему присягу и целовали руку; после этого они целовали перед ним землю... (затем) на него накинули мантию султана, и он поскакал в убранстве властителя... к залу приемов в горной крепости⁶⁴ и занял место на султанском троне. Снова эмиры целовали перед ним землю. Перед ним расстелили праздничный стол, и эмиры ели... После этого (новый) султан ал-Малик ас-Салих поднялся, вошел в замок и наградил халифа аль-Мутаваккила роскошным почетным одеянием... а также атабека, который, как и раньше, занимал пост интенданта армии и регента-правителя стран, так как султан был несовершеннолетним⁶⁵». Конец тюркской династии в Египте был только отодвинут, а не предотвращен. Когда в октябре 1381 года на небосводе появилась комета, осведомленные больше не могли сомневаться, что приближалась катастрофа. Когда Каин убил Абелья, когда всемирный потоп обрушился на людей, перед убийством Утмана, перед смертью многих аббасидских халифов, перед вспышкой чумы — всегда появлялись кометы. И эта, конечно, должна была предвещать гибель правящей династии, а не что-то другое⁶⁶.

Только на предзнаменования Баркук, конечно, не полагался. Он был черкесом и, говорят, из знатного рода. Мальчиком его похитили из родительского имения и угнали в Каир; его первым хозяином был Фахр-ад-дин Утман Мусафир, почему Баркук и носил имя аль-Утмани. Тюрки называли его Алтунбод-жа⁶⁷. Когда он был продан жестокому Йелбодже, тот дал ему прозвище Баркук, что означает просто «абрикос» и может намекать на желтоватый цвет кожи. Когда Баркук возвысился до регента империи, он убедил того самого Фахр-ад-

дина привезти в Каир отца как военного раба, с которым в ранней юности его разлучила судьба. Наконец, весной 1381 года Баркук смог его обнять — точно на том месте, где когда-то Иосиф смог увидеть снова своего отца Иакова, сообщает хронист. Баркук велел организовать большой праздник, иллюминировать город, и в торжественной процессии повел своего отца по украшенному Каиру вверх к крепости. Там сын призвал отца принять ислам, и отец обратился в новую веру. Сын подарил ему свободу и велел ему сделать обрезание. Долго побыть им вместе не пришлось, уже в 1382 году отец умер. Но не только его привез Баркук с родины. Целеустремленно он вытеснял мамлюков тюркского происхождения с самых влиятельных позиций, отправлял их в самые отдаленные провинции, направлял на освободившиеся места соотечественников. Так постепенно он создал себе — по крайней мере, в Каире — власть, которую вряд ли можно было сокрушить⁶⁸.

Предсказания и трезво рассчитанное маневрирование сановниками, которые могли воспрепятствовать его взлету, казались Баркуку еще недостаточными для завоевания султаната. К тюркским правителям, между тем, привыкли; но к черкесу? В исламской теории государства с одиннадцатого века популярной была точка зрения, что обладание фактической властью теми, кто ее имеет и кто ее проводит с пользой для ислама, дает право стать законным исламским правителем⁶⁹. Попытки ученых-правоведов повлиять на более прочное закрепление власти правителя в шариате и уйти от обычая последующего узаконивания любой, также и предосудительной узурпации, остались также без последствий, как и то, что аббасидский халиф в Каире оставался без власти: каждому, у кого за плечами была военная служба или которого ведущие эмиры выбирали на этот пост, должен был придать видимость законности. Еще более, чем исламские сановники, которые как судьи все еще продолжали необходимую деятельность, этот аббасид был зависим от расположения мамлюков. Баркук смог положиться на то, что ему, когда придет время, с этой стороны не откажут в формальной церемонии вступления во власть. Но все же было необходимо и ликование народных масс, в котором он мог бы подавить возможное возмущение тюркских противников.

Но пока он проявлял предусмотрительность — распространяли довольно пошлую легенду, которая сочинила для черкеса чисто арабское происхождение, и не какое-нибудь! Нет, это должен был быть арабский род правителей. И таким образом пришли к царю Гассанидов

Джабал аль-Айхаму, который правил⁷⁰ во времена Пророка в Сирии⁷¹. В лице черкеса Баркука (в это должна была поверить чернь) Египтом и Сирией правил, наконец, снова араб.

Этот эпохальный поворот, инсценированный с целью пропаганды как точное осуществление предсказания⁷², относился к 26 ноября 1382 года. За месяц до этого заговор некоторых мамлюков султана против Баркука, о котором ему вовремя сообщили, дал ему желанный повод посадить в тюрьму или сослать многочисленных врагов. Теперь он сознал самых важных эмиров, халифа и верховных суден четырех правовых школ на собрание совета. Им он доложил, что страна находится в жалком состоянии; повсюду бедуины позволяют себе совершать дерзкие грабительские набеги. Наместники показали себя непослушными. Короче говоря, с мальчиком в сане султана ничего не получится, это должен быть крепкий мужчина среднего возраста, опытный в делах правления тюрк. Так говорил Баркук, хорошо зная, что такого тюрка нет нигде в поле зрения. Судьи послушно обратились к халифу: «Самое лучшее было бы, если бы атабек Баркук был султаном!» Согласие в кругу собравшихся было единодушным. Мальчик ал-Малик ас-Салих был лишен своего сана⁷³. Уже к полуденной молитве Баркук принимал присягу присутствующих на верность. В праздничном шествии народные певцы и поэты впереди, на стороне Баркука несут балдахин и зонт правителя, регалии султанского отличия; затем он отправился от конюшни в замок, чтобы, наконец, вступить на престол⁷⁴, который ему полтора года назад пришлось предоставить тюркскому ребенку.

НЕНАДЕЖНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧЕНЫХ

Как раз четыре года пробыл Баркук в Каире султаном, когда к нему привели несколько закованных в *железо* ученых-правоведов Дамаска. Их обвиняли в том, что они подстрекали народ против правителя: «Правительство султана незаконно, так как он все больше и больше действует против закона. Народу из-за него приходится плохо. Он не заботится о делах верующих как справедливый правитель!» Баркук жестко сделал им выговор, а затем отдал приказ сначала их помучить, а потом бросить в тюрьму⁷⁵. Это было не первое его столкновение с представителями исламских ученых, негодование которых тогда проявилось из-за его финансовой политики⁷⁶. «Как может разумный человек хотеть зарабатывать себе на пропитание именно в Египте?» Этим саркастическим вопросом начал

современный литератор стихи, в которых он жаловался на бессмысленность такого укрепления устоев; тюрки и султан присваивали себе треть продуктов, египтяне, исповедующие христианство, — как ловкие управленческие малолюбимые чиновники — половину, а простому человеку остается как раз одна шестая часть⁷⁷. Еще когда Баркук был регентом империи и вместе с эмиром Баракой управлял судьбами Египта и Сирии, появилась шутка: «Своей большой сетью Барака и Баркук опустошают мир!» Все важные посты даются за взятку, к тому же негодным кандидатом, так что неудивительно, что империя с тех пор распадается все быстрее⁷⁸.

Трудно определить, насколько близки к истине эти упреки. То, что в них выражались, прежде всего, недовольство и неприязнь исламского сословия ученых, часто отчетливо видно. Знатоки шариата, число которых благодаря многим пожертвованиям на учебу со стороны разбогатевших эмиров и других сановников возрастало с подозрительной быстротой и превысило во много раз потребность в них, вели ожесточенную борьбу еще до прихода к власти Баркука за те судейские и профессорские места, которые достаточно оплачивались и к тому же открывали новые источники дохода. Большинство соискателей участвовали в бесполезной гонке, так как прибыльные места циркулировали среди родственников нескольких кланов, примерно как Бану Сасра в Дамаске или Бану Джа-мая в Каире⁷⁹.

Совершенно очевидно, Баркука довольно рано стали очень не любить в этих кругах — как раз потому, что он не хотел с ними играть в так хорошо обкатанную игру за лучшие возможности обогащения⁸⁰. Он вспугнул осевшие здесь судейские семьи тем, что взял на себя смелость покровительствовать и посторонним, которые показали ему подходящими, как, например, некий Ибн ал-Мулаккин. В этом случае определенно договорились, что Ибн ал-Мулаккин не должен платить деньги Баркуку в качестве вознаграждения за назначение судьей шафиитской правовой школы. Предшественник, уволенный со своего места из-за злоупотребления по службе, затеял интригу, в которой нового судью упрекали во взятке, на что Баркук, полный гнева, воздержался от его назначения⁸¹. Еще больше, чем политика назначения, пренебрегающая устоявшимися предосудительными правилами, должна была огорчить влиятельные семьи ученых попытка Баркука отрезать их от самого обильного источника побочных доходов и вместо этого направлять доходы в казну. Уже в 1300 году известный каирский шафиит жаловался

в одном стихотворении, что мамлюкские эмиры выказывают презрение благочестивым знатокам исламской науки как дикому скоту и ввергают их в нищету. Один молодой ученый, позднее обезглавленный из-за свободомыслия, высмеял в ответных стихах такую жалость к самому себе — те мамлюки являются сами достойным сожаления скотом, а знатоки шариата — погонщики, которым не нужно было благодаря их знаниям и их — мнимой — бедности бояться за свою судьбу в потустороннем мире⁸². Бедный, но честный, так, правда, гласил жизненный принцип могущественных родов; но тот, кто становился судьей, заведовал благочестивыми пожертвованиями, а там было многое, что можно было отложить в сторону. Особую ловкость в этом проявил Бадр-ад-дин Джамая (ум. 1333); его упрекали в бранных стихах за развалившиеся медресе, построенные на пожертвования; он особенно ярый представитель «людей с тай-лазаном», которые жирели на средства, предназначенные на благочестивые цели⁸³. То, что Бадр-ад-дин в биографических лексиконах, которые выходили из-под пера людей его сословия, восхвалялся как хороший управляющий⁸⁴, нас не удивляет. Независимые источники, напротив, подтверждают неллицеприятное подозрение.

В первой половине четырнадцатого века, периоде относительно безопасных условий жизни и растущего благосостояния, сильно увеличилось число пожертвований, особенно после чумы 1349 года⁸⁵. В то же время доходы от сельского хозяйства уменьшились, не в последнюю очередь из-за отсутствия рабочей силы⁸⁶, следовательно, снизились доходы эмиров из военных ленных поместий. Тем более велико было искушение использовать на содержание армии средства, собранные как пожертвования. Противоречия между интересами влиятельных семей ученых и государственным аппаратом под властью военных, который, как говорят, уже с конца тринадцатого века потихоньку распух, должны были поэтому при Баркуке как-то прорваться.

Баркук смело взялся за проблему пожертвований, намереваясь решить ее в пользу султаната. Уже пятого апреля 1379 года, более чем за три года до вступления на престол, он и несколько других эмиров созвали ведущих судей, чтобы посоветоваться о том, как можно помешать злоупотреблению правового института пожертвованиями; все чаще скупались частными лицами угождая с помощью правовых трюков и после этого превращались в благочестивые пожертвования, благодаря чему доход с них не подлежал поступлению в государственную казну⁸⁷. Боевая мощь

«армии мусульман постепенно истощалась из-за этих дурных традиций». Бар-кук потребовал изменить такое положение. Руководитель одного из суфийских конвентов очень резко возражал (ничего другого и не следовало ожидать) против этого требования. Один судья из шафиитов, старой правовой школы Египта, для видимости показал себя более обходительным, но в действительности выступал так же точно за сохранение преимуществ своего сословия: пожертвования мечетей и медресе нельзя было трогать ни в коем случае, как вообще все, что предназначалось ученым и студентам. Но государственной казне должна быть возвращена та земля, которая была похищена у государства путем подтасовки фактов и после этого отдавалась «в пользу какой-нибудь Айши или Фатимы». Этим, очевидно, утверждалось, что ревизия имущества ученого сословия, связанного официальной деятельностью с султанатом и находящегося на содержании султаната, должна состояться; пусть правитель возмещает свои убытки за счет земли, от которой питается популярный священный клир, который процветает в тех местах, которые связаны вопреки всем историческим доказательствам с фигурами из окружения Мухаммеда⁸⁸. Наивные и бесконтрольные верования были и без того уже давно бельмом в глазу высокообразованных хранителей шариата и предания о Пророке⁸⁹. Только верховный судья шафиитов Ибн аби л-Бака ас-Субки в беседе выставил как довод то, что вся земля принадлежит султану, и он может поступать с нею, как он хочет⁹⁰. Это было, конечно, мнение, которое хотел услышать Баркук, и им также можно было руководствоваться с точки зрения истории права. Нужно только вернуться в довольно далекое прошлое, а именно во времена вступления исламистов во владение землей⁹¹.

Единого мнения по этому вопросу у присутствующих не было. И тот шафиит, который предложил компромисс, в конце концов сказал, что эмиры и без того делали то, что им кажется правильным, а если судья возражает, его незамедлительно заменяют другим. Баркука вообще-то больше не интересовали ученые споры. Он приказал экспроприировать пожертвования и распределить между мамлюками как военные ленные поместья⁹². Конечно, прежде всего между черкесами. Неслыханным было это оскорбление ученых, кто мог сомневаться в этом? Один из участников совещания, достойный господин с необыкновенно пышными атрибутами своего положения — его борода отросла до самых ног и ночью ее нужно было завязывать узлом — не пережил этого унижения. Вернувшись домой, он сразу заболел от тоски и умер⁹³. Баркук,

разумеется, не мог добиться принципиальных изменений земельного права. Привилегированные стойко защищали свои доходы. Когда в конце лета 1387 года многое указывало на то, что Тимур нападет на мамлюкскую империю, из-за чего нужно было срочно доставать деньги на вооружение и на обеспечение продовольствием армии, Баркук снова созвал судей, указал на пустую государственную казну и потребовал ликвидировать пожертвования, которые поддерживали медресе и мечети. Снова он натолкнулся на решительный отказ. Несмотря на разрушительные последствия, которые, очевидно, принесло бы нападение Тимура на Сирию и Египет, судей удалось лишь уговорить предоставить в распоряжение доходы только за один год⁹⁴.

Не только то, что султан бросал жадные взгляды на доходы учителей медресе и судей, смущало сословие ученых. И другие мероприятия Баркука способствовали тому, чтобы питать дурное настроение, которое Ибн Сасра доверил своему дневнику, жалуясь в нем на власть денег и бессилие благочестивого образования. Очень быстрый рост числа образованных знатоков шариата обострил борьбу за прибыльные должности. Уже в 1372 году султанат распорядился, чтобы в каждом нотариате сидели только четверо работающих; верховные судьи, которые выполняли свои сделки через поверенных, должны были еще терпеть в канцеляриях нотариусов, по мере необходимости собственной правовой школы⁹⁵. Это указывает на жестокую конкуренцию в борьбе за клиентов. Особенно неутешительно тогда шли дела у ша-фиитов, направление которых в Египте до того времени неоспоримо доминировало, так как в 1371 году верховный судья ханафитов в Каире добился, чтобы ученики его правовой школы и в будущем имели право работать во всех провинциальных городах, что раньше им было, видимо, запрещено. И в придворном протоколе ханафиты добились тогда равного положения с шафиитами⁹⁶. Это обстоятельство обязано, конечно, сильному давлению с востока исламского мира, где больше всего была распространена правовая школа Абу Ханифа. Сообщения о грязных интригах, при помощи которых ханафиты и шафии-ты пытались вытеснить друг друга из расположения эмиров⁹⁷, подтверждали неопределенность, от которой страдало сословие ученых. Баркук мало считался с этим. Осенью 1380 года он приказал, чтобы каждый верховный судья брал на службу только четырех уполномоченных⁹⁸, через двенадцать лет это коснулось и остальных судей. Они должны были довольствоваться пятью

уполномоченными на каждого, «так как их стало слишком много»³⁹. Одним словом, считает хронист, с султанатом Баркука начался закат сословия ученых, которое раньше пользовалось всеобщим уважением. И при сыне Баркука ан-На-сир Фарадже (прав. 1399-1412) настолько был подорван авторитет этого сословия, что чернь позволяла себе дерзкие выражения по отношению к ученым. Как бы они могли еще пользоваться уважением, когда они «ради земных благ (в торговле) из-за постов (столь) унижались!»¹⁰⁰.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРИЧИНЫ НЕНАДЕЖНОГО ПОЛОЖЕНИЯ УЧЕНЫХ

Умар Исхак Ахмад ал-Газневи Сирадж-ад-дин (ум. 1372), индеец, судья ханафитов в Каире... Он изучал право в Дели... потом отправился в паломничество. (В Мекке) он услышал у шейха Хидра, управляющего конвента ас-Сидра¹⁰¹ «милостивый дар познания» и передал это произведение... Раньше, еще примерно в 1340 году, он приехал в Каир, слушал там лекции у Ахмад Мансура ал-Джаухари...¹⁰² Я читал письменные зарисовки судьи Таки-ад-дин аз-Зубайри¹⁰³. Сирадж-ад-дин был превосходным ученым, который пользовался уважением при любом султанате. Когда он приехал в Каир, он прежде всего посетил лекции судьи Зейн-ад-дина аль-Биста-ми, судьи ханафитов в те дни. Позже он присоединился к судье Ала-ад-дину ат-Турку мани. Тот позволил ему составить договоры в канцелярии между обоими замками напротив медресе Салихия¹⁰⁴ и покончить с назидательными дискуссиями. Значение Сир ад ж-ад-дина росло, когда умер Ала-ад дин и его сын Джемал-ад-дин принял пост своего отца. Джемал-ад-дин определил индийца к своему единственному поверенному, который всегда улаживал все дела. Затем умер управитель рынка Каира, который также занимал должность войскового судьи. Индеец попросил эмира Шейху¹⁰⁵ дать ему эту должность. Шейху отказал, но дал ему очень хорошее ленное поместье. Потом индеец обратился к Саргатмису¹⁰⁶ и ходатайствовал о должности, и тот возложил ее на него. Шейху поэтому разозлился. Вскоре после этого Шейху был убит, и индеец теперь оказывал значительное влияние на Саргатмиса и султана ал-Хасана (второе правл. 1354-1361). Правда, когда Саргатмиса арестовали, аль-Хармас¹⁰⁷ начал вести интриги против индийца и уверял Джемал-ад-дина ат-Турку мани: «Султан распорядился освободить индийца от должности». Так Джемал-ад-дин забрал у него и место поверенного. Поэтому

Сирадж-ад-дин изменил свое мнение о кади (Джемал-ад-дине), избегал его и оставался в собственном доме, где его отыскивали многие люди, чтобы учиться у него. Через некоторое время султан аль-Хасан привлёк его к себе. Индиец и Ибн ан-Наккаш ¹⁰⁸ с тех пор были причислены к собеседникам султана; они сопровождали его, когда он с войском покидал город и когда он снова входил в Каир, и он предоставлял в распоряжение обоих громадные доходы. Случилось так, что аль-Хармас отправился в 1359 году в паломничество. Так у обоих появилась возможность оклеветать его у султана; они информировали аль-Хасана, и в конце концов султан сместил его: аль-Хармас был подвергнут известному наказанию¹⁰⁹. Теперь индеец был могущественным. Но затем, во время Йелбод-жи (Старшего) он лишился влияния, после того как султан аль-Хасан был арестован¹¹⁰. Однако когда султан аль-Ашраф Шабан был возведен на престол, Сирадж-ад-дина снова повысили как протеже эмира Улджея и других. В 1368 году он получил должность судьи ханафитов, и когда умер аль-Бистами, Си-радж-ад-дину была дополнительно дана должность учителя мечети Ибн Тулуна. Когда Улджей контролировал пожертвования, Сирадж-ад-дин придирался к пожертвованиям шафитов и скрывал использованные не по назначению доходы у ханафитов. Несмотря на дружеские отношения с эмиром Улджеем, он грубо набросился на него при проверке медресе аль-Ашраф: «Доходы с твоего военного ленного поместья составили два миллиона дирхамов, а не кажется ли тебе, что это слишком много для бедного ученого-правоведа?» Улджей ответил: «Я сохраняю поместье, чтобы я мог защитить страну мусульман», на что Сирадж-ад-дин повысил тон: «Никто, кроме ученых-правоведов, не может научить вас священной войне!..» Сирадж-ад-дин аль-Хинди обладал разносторонними знаниями, он был энергичной и уважаемой личностью. Он вступался за суфиев, которые признавали единственность Бога, и наказал Ибн аби-Хаджалу из-за его пренебрежительных замечаний об Ибн аль-Фариде»¹¹¹.

Это биография того кади, который в 1371 году добился занесенного в протокол равноправия ханафитов с шафиитами. Скудные данные показывают ошеломляющую зависимость мусульманских чиновников от расположения эмиров — обстоятельство, которое могло сделать возможным проникновение на высшие позиции чужих, в данном случае индийца Сирадж-ад-дина, и поставило под сомнение преимущества коренного населения. Так, эта короткая биография читается как наглядный пример развития, описанного в вышеизложенной статье, и

как пример мелкой ревности между шафиитами и ханафитами. Однако не только власть и материальные привилегии сословия ученых-правоведов оказались в опасности в четырнадцатом веке. Еще больше их должно было беспокоить то, что нематериальному фундаменту их авторитета угрожает серьезная опасность. Индиец Сирадж ад-дин, который прибыл в Каир, чтобы сделать карьеру, объявил себя сторонником единобожия того суфийского направления, которое преимущественно опиралось на сочинения Ибн аль-Араби (ум. в 1240). Кроме того, он получил право преподавать «Милостивый дар познания» Омара ас-Сухраварди (ум. 1234). Этот суфийский трактат тогда особенно много читали в индийском исламе¹¹², содержание его, правда, тогда еще нельзя было причислить к «пантеизму». А поэзия Ибн аль-Фарида (ум. 1235) подходит к этому идейному направлению уже значительно ближе¹¹³. Ибн аби-Хаджала сочинил целую книгу с критикой Ибн аль-Фарида и пантеистического суфизма и упрекнул поэта, прежде всего, в пристрастии к вину знатоков единобожия. Раздел, в котором Ибн аль-Фарид развил суфийское толкование вина, очень любили; Сирадж-ад-дин не допускал, чтобы это учение поносили, и принимал меры против непоколебимых защитников шариата¹¹⁴.

Уже Ибн Таймия в начале четырнадцатого века вел ожесточенную борьбу против такого вида исламской набожности, который видел Бога во всем созданном и поэтому приписывал религиозности ученых и чиновников султаната, изложенной в законах и нормах, обращенной к Пророку, только ничтожную долю истины, а то и вообще ложь: и тогда уже ощущалось, что мамлюкские властители неоднократно склонялись к этой форме веры, может быть, не понимая ее духовных корней¹¹⁵. В отличие от времен Айюбидов, продлившихся до середины тринадцатого века, совместное существование султаната и шариата уже больше не было несогласованным при мамлюках; ученым все еще удавалось до середины четырнадцатого века сохранять в некоторой степени свое влияние¹¹⁶. Все же среди них крепло мнение, что «философы и еретические новаторы» излишне взяли в свои руки «страны ислама»¹¹⁷. Есть доказательства, что в пятнадцатом веке даже в мечетях в Гуджарате читались сочинения Ибн аль-Араби¹¹⁸. Ханафиты, которые заседали в Египте на шафиитов, считались как раз наиболее восприимчивыми к тем идеям. Так, о некоем Таджри-бирмисе Юсуфе известно, что он был ханафитом, «хотя он любил знатоков предания (о Пророке)... постоянно поносил Ибн аль-Араби и подобного рода су-

фийских философов и настолько в этом переусердствовал, что сжег все его книги, какие только мог заполучить, и даже привязал к хвосту собаки «Каменя мудрости». Среди мамлюков Баркука у него были свои сторонники¹¹⁹; однако этот Таджрибирмис скорее исключение.

Сам Баркук окружал себя такими людьми, как Ахмад аз-Зухури ¹²⁰, людьми, которые могли растолковать ему скрытую причину очевидного события, а не учеными, для которых оценка поступков нормами шариата была целью жизни. Для широких масс способность воздействовать на то, что скрыто от непосредственного восприятия человеком, была и без того важным пробным камнем для законного властвования, определенно важнее, чем научное изложение шариата. Когда Баркук узурпировал султанский трон, полил сильный дождь, так что повсюду была грязь, «и поэтому радовались люди»¹²¹, которые сделали вывод, что новый правитель обладает скрытыми благословенными силами. Защищать и по возможности умножать такие силы было в интересах султана. Поэтому освобождение от должности управителя рынка он немедленно отменил, узнав, что чернь с этим не согласна; так как при том управителе рынка на базаре было обилие продуктов и низкие цены, то приносящие счастье способности нужно было отнести на счет смещенного¹²². Подобных людей правителю нужно привязывать к себе! Например, ханафита аль-Бабарти, знатока сочинений шиитского визиря и философа Насир-ад-дина ат-Туси и приверженца учения о единобожии — у него был приход при медресе. Баркук настолько почитал его, что ему ничего не стоило скакать под окном его кельи и начинать с ним беседу с места, которое находилось ниже окна, и даже приглашать к участию в совместной конной прогулке¹²³. Или того ученого-правоведа аль-Хилали, который жил в Алеппо в одном ските и был глубоко почитаем населением: говорили, что он не только обладал исцеляющими силами, но и разбирался в алхимии и в изготовлении небесного цвета. Баркук велел доставить его в Каир¹²⁴. Или того Ибн Зуккая, образованного шафии-та, который посвятил себя астрологии и правописанию, собирал растения и травы и с этой целью кочевал по стране, выступал как суфий, привлекал к себе сердца людей — и его неоднократно просил Баркук приехать в Каир, а его сын и наследник ан-Насир Фарадж в конце концов стал настолько зависеть от этого святого, что все свои военные походы планировал только по гороскопам, которые составлял Ибн Зуккая¹²⁶. Нет, с теми, кто видел сокровенное, нельзя портить отношения! Имело смысл стать на их сторону, даже если они мешали общественному порядку, как тот самый шейх Шамс-ад-дин аль-

Кунави, у которого был свой скит в Миззе под Дамаском: его упрекали в том, что он сеет раздоры, и судьи, соответственно, докладывали в Каир, но Баркук ответил указом, в котором подтверждалось почитание шейха и выражалась просьба к нему, чтобы он пожелал ему, султану, счастья; а выступавшие против шейха должны быть наказаны¹²⁷.

ЗАГОВОР ПРОТИВ БАРКУКА

Подобного рода бесцеремонного обращения с учеными шариата Баркук не боялся: какой мир идей был более популярным, он правильно понял и сделал из этого выводы, выгодные для сохранения власти и к тому же отвечающие его собственным убеждениям. Но это означало, что его султанат способствует перестановкам в обществе, которые наметились уже до захвата власти Баркуком. Постоянным в этом процессе оставалось лишь положение эмиров и их военных рабов. Однако это лишь на первый взгляд. То, что кипчаки заменялись черкесами, отняло у состоятельных семей ученого сословия партнеров, с которыми они уже привыкли работать. Но черкесы, как доказывает уже упоминаемая родословная Баркука, выступили с претензиями на происхождение от разогнанных знатных арабских родов — выдумка, которую без всякого сомнения, нужно было использовать новому султанату для подогревания ненависти к тюркам, кипчаки, вытесняемые Баркуком, и чуждые арабам обычаи, которые они принесли с собой, теперь отвергались.

В конце 1383 года Баркук выехал верхом, чтобы принять участие в ритуальной молитве. В этот раз он впервые отказался от балдахина и от зонта правителя¹²⁹, бывших до тех пор обычными регалиями. Обычай держать зонт над султаном, говорят, пришел из Центральной Азии. Каркук был последним султаном, который каждое воскресенье пил кумыс со своими мамлюками; как многие другие обычаи, связанные до тех пор с саном султана, этот обычай тоже устарел¹³⁰. Разрыв с центральноазиатской традицией представляет, пожалуй, также введение игры с копьем, на которую сходились с 1386 года воины на глазах правителя¹³¹. К предпочитаемому оружию тюркских и монгольских конных армий копье, во всяком случае, не причисляется.

Политика, которую осуществлял Баркук и в которой проиграли старая мусульманская ученая элита и эмиры тюркского происхождения, не оставалась бесспорной. Осенью 1383 года Баркук оказался впервые в

серьезной опасности, когда он чуть не заплатил жизнью за смелость своей программы правления. Если судить поверхностно, то речь идет, как это описывают хронисты, о заговоре тюркских и курдских эмиров и военных отрядов, численностью около восьмисот человек, которые спланировали убить султана при выходе на игру в поло. Но Баркук был предупрежден о покушении своим наместником в Дамаске. Необычным было, правда, то, что аббасидский марионеточный халиф аль-Мутаваккиль был впутан в заговор, даже, по высказываниям обоих предполагаемых заправил, подстрекал к заговору — и притом с обоснованием, что Баркук узурпатор и, более того, не отменил, как было обещано, налоги, которые противоречат шариату. Созванные верховные судьи четырех правовых школ не хотели снизить до того, чтобы объявить требуемую Баркуком в указе казнь халифа законной. Султан должен был довольствоваться тем, чтобы посадить аль-Мутаваккиля в тюрьму. Для зачинщиков дело закончилось не так благополучно¹³².

Большинство летописцев замалчивают другие, закулисные стороны; но один раз появляется указание на то, что Баркук непосредственно после наказания заговорщиков лишил князя бедуинов Нуайра Хайяна эмирского сана и передал его некоему Утману Кара. Тот, получив соответствующий указ, приехал из Каира в Алеппо: вместе с местным наместником Йелбоджей ан-Насири он напал на лагерь Нуайра и разграбил его — победа, которая не давала Сирии покоя в ближайшее время¹³³. Впервые мы наталкиваемся на имя Нуайра в 1366 году; вместе со своим отцом он находится в резиденции каирского султана, тогда им был аль-Ашраф Шабаи. Бедуины рода ал-Фадл как раз убежали из-под верховной власти Джелаирида Увайса, посланники которого напрасно излагали в Каире просьбу о выдаче беглецов. Беглецам же были даже возвращены их прежние военные ленные поместья, которыми они владели в местности Тадмор. В 1380 году султан назначает Нуайра «эмиром арабов»¹³⁴; после этого он заставил заговорить о себе в связи с тем, что предоставил убелсище впадшему в немилость предшественнику Йелбоджи ан-Насири, наместнику Баркука в Алеппо¹³⁵.

Но что общего во всем этом с заговором против Баркука? Мы слышали о четырех ученых-правоведах из Дамаска, которых на пятом году его султаната привели к нему и затем посадили в тюрьму, потому что они своими жалобами на произвол и несправедливость подстрекали к волнениям¹³⁶. Заправила, Ахмад аль-Бурхан, был молодой человек

немногим более тридцати лет; он повсюду заявлял, что намерен восстановить халифат, так как только араб из рода Курейш имеет право править мусульманами. Он возмущался тем, как Баркук обращался с обвиненным в заговоре аль-Мутаваккилем, поехал по Сирии и Ираку, призывая к его свержению, и в Дамаске, наконец, добился большого признания. В Каире его тоже знали. Он был страстным почитателем Ибн Таймии, того ханбалита, который в начале четырнадцатого века отважился сопротивляться правителям в Каире¹³⁷. Ибн Таймия тогда неоднократно ссорился с султанами и сидел в заключении. Из тюрьмы Ибн Таймия освобожден благодаря заступничеству предшественника эмира Нуайра. Во второй половине тринадцатого и начале четырнадцатого века федерация рода ал-Фадл играла решающую роль в отношениях между империями мамлюков и ильханов, так как область, которую она контролировала, простиралась от верхнего Евфрата вплоть до окрестностей Басры. Это был беспокойный пограничный район между враждующими соседями. Присвоением ранга эмира и предоставлением обширных военных ленных поместий Бейбарс и его наследник старались купить расположение рода ал-Фадл. Эта политика была успешной до двадцатых годов. А потом значительные союзы, руководимые родом эмира ал-Фадл, перешли на другую сторону. Однако так же, как и мамлюки, ильханы и их наследники, должно быть, недостаточно были уверены в лояльности этих бедуинов. В 1366 году, как мы уже слышали, Нуайр и его отец снова повернулись к Каиру.

В родовом союзе ал-Фадл — как и у других бедуинов¹³⁸ — аббасидские халифы были в наибольшем почете. Славное прошлое в глазах бедуинов никоим образом не померкло с разрушением Багдада ханом Хулагу. Идея прежнего порядка во главе с халифом } продолжала жить в сердцах; надежду урезать власть чужих султанов они не оставили. В попытках реставрировать господство Аббасидов в Багдаде, предпринятых после 1258 года, союз ал-Фадл играл решающую роль. Мечты о халифате ярко выразились в приукрашенной генеалогии рода ал-Фадл: она восходила к одному мальчику, которого зачал Бармахид Джафар Яхья с аль-Аббасой, сестрой Харун ар-Рашида (прав. 786-809). Отношения Ибн Таймии с членами рода ал-Фадл были близкие; для них он написал сжато изложенное учение об исламской вере. Султаны, вероятно, смотрели на эту связь влиятельного ученого, относившегося к ним критически, если не крайне отрицательно, то с большим недоверием¹³⁹.

И теперь, спустя более полстолетия, те очертания снова всплыли, снова определяли события: агитация за создание свободного от господства султанов халифата, неповиновение рода ал-Фадл. Только одно было теперь другим: султан должен был принимать в расчет и жаждущих мести вытесненных мамлюков тюркского происхождения; они, искусные в бою, в нарастающем движении против Баркука взяли руководство на себя.

Внешняя политика Баркука была чрезвычайно успешной; не только Синджар¹⁴⁰ встал под защиту его султаната, но и Такрит и Кайсери последовали этому примеру в конце 1383 года¹⁴¹. Кайсери тогда находился в состоянии борьбы с Бурхан-ад-дином, который выступил из Сиваса против своего родного города, чтобы его вернуть. Это удалось ему сделать уже год спустя¹⁴². Баркук был, конечно, не в состоянии надолго обеспечить свое господство в тех окраинных районах империи. И Такрит мамлюки не смогли защитить; через десять лет, когда Тимур очистил район сосредоточения войск против Сирии от возможных нарушителей спокойствия, Такрит сравнивали с землей¹⁴³. Но этого всего сейчас еще нельзя было знать. Во всяком случае в те дни Баркук казался подходящим верховным правителем, приятнее, чем Джелаирид Ахмад, который в 1383 году еще совсем не прочно сидел в седле¹⁴⁴. Через пять лет под защиту Баркука стал и туркменский князь Кара Мухаммед, который присвоил себе Тебриз; в своем незащищенном положении он считал полезным этот шаг, что говорит о большом уважении, которое в то время завоевал Баркук¹⁴⁵. То, что господство Баркука над окраинными областями, которые охватывали территорию от Адана на западе до Такрита на востоке и до Тебриза на севере, осталось незакрепленным, он должен был отнести на свой счет, так как именно туда он перевел многих из смещенных им мамлюков аль-Ашраф Шабана. Очевидно, он полагал, что там они не могли стать для него опасными. Когда начались волнения, главным образом в Сирии, это выявилось как роковое ошибочное решение. Сначала Минтае, которого он назначил управляющим замка Малатья, в 1386 году объединил вокруг себя многих из прежних мамлюков аль-Ашраф Шабана. Это все не осталось скрытым от Баркука, и он отдал приказ заместнику в Алеппо Йелбодже ан-Насири навести порядок на северной границе. Минтае объединился с кади Бурхан-ад-дином из Сиваса; воины из Алеппо, хотя и дошли до того города, никак не могли добиться выдачи Минтаса. Он ускользнул; Сивас в целях предос-

торожности перешел под власть Баркука¹⁴⁶.

Это все происходило, когда Тимур надеялся сплотить Иран во время своей трехлетней кампании и старался защитить страну с севера, от кипчаков. Мятеж Митаса относился к тому времени, когда укрепление анатолийского фронта требовало особого внимания султана в Каире и его наместника в Алеппо. Нападение Тимура весной 1387 года нельзя было исключить. Но когда затем воины Мавераннахра повернули на Исфахан и Шираз, а позже далее Тебриз стал мамлюкским, ослабло напряжение, которое заставляло эмиров пограничного региона сотрудничать с Баркуком. Теперь быстро выяснилось, что мятеж «тюркских» мамлюков ни в коей мере не ограничивался тем ударом по Сивасу, так как Минтае был еще на свободе, и не только он был врагом черкесов в Каире. Возможно, совершенно неудовлетворительный исход битвы за Сивас¹⁴⁷ вызвал негодование в рядах Йелбоджи ан-Насири; в конце 1388 года он известил Баркука об отказе повиноваться. Внешним поводом для этого послужил спор с предшественником в должности наместника Алеппо. Баркук велел передать ан-Насири ценный подарок и попросил его приехать в Каир для урегулирования неприятных дел. Ан-Насири правильно опасался коварства своего господина и оттягивал поездку, выставив как довод то, что активность Минтаса в провинции Козан не дает ему возможности уехать из Алеппо. Это была, конечно, отговорка, подлая ложь, так как Йелбоджа завязал дружбу с Минтасом, а тот тогда был, пожалуй, самым важным сообщником и привел к нему отряды туркмен и бедуинов. Может быть, Баркук уже и знал об этой государственной измене. Во всяком случае, осторожность была жизненно важна для обеих сторон. И ан-Насири скоро донесли, что его предшественник по службе, подстрекаемый султаном, хочет его убить. Последствия этого разоблачения можно представить: преданные ан-Насири алеппинские мамлюки изъявили готовность нанести удар; они привлекли в союзники наместников Триполи и Козана; гарнизон Хамы также перешел к ним. И Халил Дулькадир со своими туркменами, и Нуайр предоставили себя в распоряжение ан-Насири. Тогда Баркук решил наступать, но совершил ошибку, арестовав халифа, которого он, зная об агитации Ибн аль-Бурхана, должно быть, посчитал сообщником восставших. Это было на руку Йелбодже ан-Насири. Настрой против султана был таким угрожающим, что первого марта 1389 года он снова освободил Аббасида.

Отныне меры Баркука все больше и больше выдают обычно не свойственную ему лихорадочную суетливость. Он отменяет непопулярные законы, вскоре после этого снова утверждает их; каирских эмиров нужно было деньгами удерживать под своим влиянием. Они же должны были идти в бой за него против ан-Насири. В апреле 1389 года он продвигается до Дамаска. Что там происходит, не совсем ясно. Во всяком случае, оказывается, что мятежник имеет преимущество. Баркук пытается еще раз привлечь на свою сторону население отменой налогов; речь идет о том, чтобы удержать мятежника ан-Насири, отклонившего предложение о мире, от нападения на столицу, Каир нужно подготовить к обороне. И еще одно вырывается у Баркука — или от него это просто потребовалось: в пятницу, седьмого мая, в проповеди называют имя халифа перед именем султана. Но все уступки Баркука слишком запоздали. Через три с половиной недели после этого Йелбоджа ан-Насири стоит перед Каиром. Баркук просит сохранить ему жизнь и получает совет спрятаться на некоторое время, пока не улеглась ярость врагов. Он следует этому совету, свидетельствующему о том, что в высших разрядах эмиров остается некоторая степень товарищества при любых противоречиях. Через два дня он отдаст себя в руки ан-Насири, который велит переправить его в крепость Керак. Минтас, который выехал в Каир вместе с ан-Насири, проявляет между тем заботу о халифе, личности, необходимой для того, чтобы узаконить нового правителя. Правда, Йелбоджа отказывается от предложенного султаната. В том же 1382 году Хаджи, свергнутого Баркуком, назначают марионеточным султаном, как говорят, после проведенной ради этой должности жеребьевки.

Минтасу было бы лучше, если бы Баркука убили. Подозрение, что черкес скоро станет для него опасным, подтвердилось скорее, чем можно было себе представить. Один раз Баркук уже сидел в заключении в Кераке, тогда, когда аль-Ашраф Шабан хотел освободиться от влияния мамлюков Йелбоджи Старшего. Так случилось, что Баркук и теперь легко отделался. Он смог быстро расположить к себе правителя Керака. К тому же выяснилось, что жена одного из служащих, подчиненных управляющему замком, была дочерью того самого Йелбоджи Старшего¹⁴⁹. Она преданно заботилась о нем, в то время как в Каире коалиция победителей получила трещину, когда требовалось особая прочность. Ан-Насири и Минтас — оба хотели фак-

тической власти, а значит назначения марионеточного султана! Но Минтас оказался более ловким; он врасплох захватил ан-Насири и доставил его в кандалах в Александрию. Помогли в осуществлении этого удара собранные Баркуком деньги, которые Минтае присвоил себе, дополнив суммами, выжатыми у сановников изгнанного султана¹⁵⁰. Как только Минтасу больше незачем стало делить власть с Йелбоджой ап-Насири, он велел передать коменданту Керака приказ незамедлительно убить Баркука. Но теперь было слишком поздно! Уже давно мнимый заключенный в Кераке приобрел авторитет: его сообщники убили предъявителя приказа. Разогнанные мамлюки Баркука нашли к нему дорогу; к ним присоединились отряды бедуинов. Воодушевленный предсказаниями одного дервиша в октябре 1389 года Баркук выступил в направлении Дамаска с войском в количестве около тысячи человек. Войска, которые выслал им навстречу наместник Дамаска, были обращены в бегство. Началась двухмесячная осада города. Весть о побеге Баркука распространилась в Сирии и заставила некоторых эмиров еще раз поразмыслить о преданности новому каирскому режиму; многие пришли к выводу, что он того не стоит. Но Минтас, несмотря на это не сдался.

Он сам отправился в Сирию, халифа и марионеточного султана взял с собой. Но столкновения с войском Баркука египтяне не выдержали, и Минтас должен был радоваться тому, что смог убежать в Дамаск. Баркук привлек к себе халифа и остальных сановников, и они снова присягнули ему на верность. Поздней зимой 1390 года, после едва ожидаемого поворота дел Баркук вернулся в Каир, чтобы подготовить все для решающей битвы с Минтасом. Последний, между тем, установил в Дамаске террор; с необычной даже для его современников жестокостью поступил он со сторонниками Баркука¹⁵¹ и к тому же искал поддержки у бедуинов, которые в этой неясной политической ситуации, когда господство мамлюков в Сирии и Палестине рухнуло, силой вошли в страну. Все сообщение было парализовано, что для Минтаса имело неприятные последствия, поскольку он не мог узнать, что предпринял Баркук в Каире. Только в конце апреля стало известно, что подходят египетские войска.

Сам Баркук не возглавлял их. Сначала без него нельзя было обойтись в Каире. Помимо того, он замыслил возвращение Сирии сопернику Минтаса, Йел-бодже ан-Насири: конечно, Йелбоджа приложил бы все силы, чтобы вернуть наместничество в Алеппо. Однако

одной решительностью в борьбе против Минтаса нельзя было чего-либо добиться в 1390 году. Йелбоджа ан-Насири, обосновавшийся в Дамаске, вынужден был сначала отдать Минтасу север. В конце мая 1391 года ан-Насири выступил в направлении долины Бекаа, откуда намеревался ударить по Минтасу. К ужасу населения утром четвертого июня Минтае снова вошел в оставленный без какой-либо защиты город, но только несколько часов мог наслаждаться этим успехом, так как уже вечером клубы пыли на горизонте возвестили о возвращении ан-Насири. На улицах завязались ожесточенные бои. Столица частично еще была в руках немногочисленных войск, преданных ан-Насири и Баркуку; из орудий оттуда стреляли по кварталам, которые с утра контролировал Минтае. Но у него была только одна пушка. Ужасы боев описывает Ибн Сасра в своем дневнике. Дом за домом превращался в руины, пожары довершали разрушение. Обе стороны призывали чернь биться на их стороне. Весь июнь продолжались стрельба, разрушение и пожары. В самом конце месяца Йелбоджа ан-Насири и его сторонники вновь приободрились: султан, как им сообщили, уже стоит под Газой; войскам, воюющим в Дамаске, выплачиваются деньги — теперь положение должно измениться, надеялось население. Но и у Минтаса был повод для ликования. Двадцать третьего июля к нему присоединились около тысячи конных бедуинов. Но предательство в собственных рядах скоро ослабило его войска, так что двадцать четвертого августа, когда Баркук наконец вошел в опустошенный город, он ускользнул в горы Хауран в сопровождении бедуинского князя Нуайра¹⁵². Баркук использовал осень 1391 года для восстания своего господства на севере Сирии. Он выступил походом на Алеппо, захватил Йелбоджу ан-Насири, который ему больше был ненужен, и убил его, так как боялся, что ан-Насири захочет втянуть его в долгую борьбу с Минтасом, чтобы наконец одержать победу (как смеющийся третий) за счет других¹⁵³. Между тем. Минтае бродил в районе верхнего Евфрата. В 1392 году он находился с бедуинами Нуайра в области Сала-мия. Об этом донесли султану, который пообещал роду ал-Фадл большое вознаграждение за возвращение в его подчинение. Перед этим соблазном бедуины не могли устоять. Они выдали Минтаса в Алеппо, где его посадили в тюрьму и вскоре после этого убили. Голова, отделенная от туловища, была повсюду в Сирии выставляема на обозрение, а двадцать первого июня 1393 года наконец доставлена в Каир, там показана толпе и повешена на Баб

Зувейла¹⁵⁴. Баркук снова крепко держал империю в руках.

Это было кстати, так как известия с востока исламского мира становились все тревожнее. Тимур занял Багдад; Ахмад Увайс бежал на Евфрат и попросил у мамлюков убежища¹⁵⁵. Ни на одно мгновение не поторопился Баркук завоевывать север и запад Сирии и успокоить бедуинов! Но, возможно, этим он если не перечеркнул планы Тимура, то хотя бы ощутимо их поломал. Давайте вспомним о том, что Тимур в феврале 1394 года встретился со своим сыном Умар-шейхом под Диярбакыром и хотел оттуда двинуться в Сирию¹⁵⁶.

Ввиду вновь укрепившегося господства Баркука было бы для Тимура неразумно начинать эту войну любой ценой. Весть о внезапной кончине его сына и неблагоприятные погодные условия, по-видимому, были внешними причинами того, что он к тому времени отказался от большой битвы. Притом Тимур уважал Баркука. Через шесть лет, узнав о его смерти, он так обрадовался, что подарил сообщившему это известие пятнадцать тысяч динаров¹⁵⁷.

СУФИЗМ ДЕРВИШЕЙ

Ибн аль-Хилал, необычайно умный человек... родился в семидесятые годы (XIV столетия), вырос в Дамаске, приехал на рубеже столетий в Алеппо и изучал там право и теологию. Когда разразилось несчастье с татарами, он попал пленным в войско Тимура и был тяжело ранен в голову. Но он убежал и добрался до Каира... и там примкнул на некоторое время к суфию аль-Билали. Затем он вернулся в Алеппо. Он углубился в учение о единственности Бога, агитировал за него и с тех пор произносил слова восторженного божественного упоения... Многие люди разыскивали его... Он делал глупые высказывания, примерно, что он абсолютный муджтахид¹⁵⁸. Он также не воздерживался от критики крупных богословов. Он имел представление о всемирном законе, но не заботился о религиозных обрядах, пренебрегал общественным богослужением. Он утверждал, что узнает наставления непосредственно во дворца сверхъестественной иерархии и что он центр круга¹⁵⁹. Высказывания чистого неверия допускала его последователи. Однажды он услышал, как кто-то прочитал хвалебное стихотворение Пророку. «Это про меня! — крикнул он и настойчиво внушал своим приверженцам: — Если вы считаете меня меньше, чем Пророком, то вы недооцениваете мой ранг!» При этом он утверждал, что сам общается в

*бодрствующем состоянии со всеми пророками и разговаривает с ангелами: и он должен быть вознесен на небо., (он привлекал много внимания), многие нападали на него, но некоторые из великих заступались за него. Он умер двадцать седьмого октября 1420 года*¹⁶⁰.

Военная каста грубо притесняла ученых, выжимала из них высказывания, которые должны были оправдывать незаконные насильственные действия. Даже такой человек, как Ибн Хальдун, не мог избежать этого. Когда Минтас короткое время правил в Каире, он заставил его и других ученых составить юридическое заключение в духе изменившихся политических условий. Как только Баркук в 1390 году вернулся в Каир, Ибн Хальдун из-за этого был освобожден от своей должности, хотя, как он уверяет в своих воспоминаниях, «по возможности в текст вставляли скрытые намеки»¹⁶¹. Однако неуверенность, которая подтачивала чувство собственного достоинства сословия ученых, происходила, как уже говорилось, не только от чувства, что находишься во власти эмиров. Неприятное чувство причиняли прежде всего знаки, которые предвещали потерю уважения к знатокам шариата в широких слоях населения. Знание откровения и устанавливающие нормы высказывания Мухаммеда и его сподвижников больше не удовлетворяли многих людей в качестве путеводной нити в их жизни и как утешение в ужасные времена. Пример этого — глубокое изменение суфизма. Результаты этого изменения долго потрясали сословие ученых. Как оно должно было справляться с этим вызовом? И могло ли вообще оно сделать это?

В XI веке шариатская ученость достигла высшей степени влияния на исламское общество, особенно в странах, управляемых Сельджуками, таких как Магриб, и в Андалусии. Знатоков исламского права возводили на государственные посты¹⁶². Задачи, стоящие перед ними, они могли выполнить только потому, что сами были кровно связаны с миром идей народной набожности. Многие ученые-правоведы заявляли о своей принадлежности к суфизму, который стремился к углублению религиозности масс. Выражением проникновенной преданности исламу должно было быть непереносное выполнение норм шариата; кто к этому стремился, мог надеяться на то, что будет причислен к будущим обитателям рая, избранным Богом еще до сотворения мира. Суфизм и юриспруденция стремились к общей цели и при этом дополняли друг друга¹⁶³. Конечно, в XI веке были и

такие направления суфизма, которые равнодушно или вообще отрицательно смотрели на науку о законах, но их сторонниками были люди малоуважаемые¹⁶⁴.

В тринадцатом и четырнадцатом веках решающим образом изменилось соотношение между суфизмом и юриспруденцией, так как суфизм изменяет характер. Набожность народа, которая запечатлевается этим новым суфизмом, больше не годится в качестве фундамента верности законам. Наоборот, она ставит под сомнение смысл шариата! Уже в начале четырнадцатого века Ибн Таймия в одном послании отмечал, что только поверхностно исламизированные монголы питают пристрастие к философии, рационалистической теологии и к учению о единственности Бога. Они верили только в одну часть ислама, считал ученый¹⁶⁵. Понятиями, имеющимися в его распоряжении, он пытался охарактеризовать тот мир идей, который представлял угрозу для традиции, в которой он получил образование. Он учился связывать необозримое многообразие бытия с большим, но все же обозримым количеством норм и определений, которые опирались на стихи Корана или предания о Пророке. Такие люди, как Ибн Таймия, посвятили свою жизнь сохранению ислама как религии закона; шариат был для них воплощением веры, ведущей к исцелению, которую определил так и ни на йоту иначе Бог, творец Вселенной и судья в конце истории. Аристотелевская философия, преобразованная в духе неоплатонизма;», сделала из персонального Бога безличное высшее существо, устремленное в мир; рационалистическая теология объявила понятия, приспособленные к пронизательней силе человека, то понятия, которыми говорит о Боге и его намерениях откровение, неудачными или в лучшем случае значительными в переносном смысле; и для учения о единственности Бога, самого новейшего среди трех достойных сожаления направлений мысли, творение было необходимым дополнением творца и этим, следовательно, было одинаково и бытие. Ислам шариата, однако, не мог отказаться от законодателя — Бога, в бытие резко отделенного от творений; из его онтологического превосходства вытекает безусловная значимость шариата, как и из его слов, стоящих над историей¹⁶⁶. Кто подвергал это сомнению, одновременно сомневался в праведности жизни ученых-правоведов. Суфии начала четырнадцатого века, как поясняет Ибн Таймия, настаивали на утверждении, что выразить Бога можно только посредством столь же высокой божественной

речи. В этом учении Ибн Таймия возвращается к точке зрения ранних рационалистов, утверждавших, что о самом Боге человеческие слова, собственно, ничего не могут сказать. Это учение теперь, правда, следует связать еще с предосудительным включением того, что творца и его творение объединяет бытие. Бессмысленное высокомерие проявляется в этом новом толковании ислама; это религия фараона, который, как рассказывает многообразно Коран, сам объявил себя Богом, пишет рассерженно Ибн Таймия¹⁶⁷. Такие лжеучения приносят больше вреда, чем разбой, даже чем прием (в пищу) яда, и кто их внушает мусульманам, подобен предводителю каравана паломников, который сопровождает хадж вместо Мекки на Кипр, в бастион неверных франков¹⁶⁸.

Теология единственности Бога кажется Таймии такой же самонадеянной и противоречащей исламу, как и поведение ее защитников. Те суфии хвастались, что во время пиров, под музыку и танцы, открывается им самое высшее, когда они соприкасаются с миром сокровенного, и ангелы и пророки подходят к ним, чтобы с ними потанцевать¹⁶⁹. Не руководству ученых шариата доверились те заблуждающиеся, а шейхам-суфиям, которые сознательно пренебрегали божественным законом — и при этом были настолько бесстыдны, что выдавали «людей под навесом» за своих предшественников. Но это были неимущие верующие, которые проводили ночи под навесом молитвенной площади Мухаммеда в Медине и жили на подавание молодой исламской общины. Ранний суфизм почитал в них тех благочестивых, которые, не владея ничем мирским, уже в земной жизни всецело посвятили себя Богу; и ошибочное производное понятие «суфии» от арабского слова «укрытие» (суффа) старо¹⁷⁰. Ибн Таймия отвергает его как неудачное; при этом, однако, он ведет речь о проклятии суфизма дервишей, раафостраненного в его время, суфизма, который сводился, по его мнению, неправильно к тем беднякам Медины. Истинный суфизм заключается для него в строго аскетическом укладе жизни; но это не означает — находиться на иждивении своих единоверцев. Скорее, нужно собственным трудом зарабатывать себе на хлеб и, если это возможно, делиться великодушно с нищими. Ибн Таймия отстаивает точку зрения ученых шариата, которая была подтверждена с десятого века. Для них было омерзительным требовать для себя вещи, на которые они, возможно, не имели никакого права — в день Страшного суда Бог

строго наказал бы всех за незаконно приобретенное имущество¹⁷¹.

В суфизме дервишей эта рассудительная мораль, которая стремилась к законному владению повседневным, была принесена в жертву восхвалению бедности, которая близка к отрицанию необходимости трудиться. Нищенство, как писал Ибн Таймия, сделали профессией¹⁷². Ученые шариата предполагали общество, члены которого работали бы с ответственностью для себя и для общества верующих, поколение за поколением¹⁷³. Только такой жизненный уклад молено создать по нормам шариата, а не бродячее существование попрашай-ки-дервпша. Его учение, напротив, гласило, что существует другой путь к Богу, не через веру в посланника Бога и не через подражание его образу жизни. Есть святые, которые не нуждаются в Пророке. Разве не превосходил Хидр сопровождающего его пророка Моисея в познании скрытых связей всех событий?¹⁷⁴ В восемнадцатой суре рассказывается, как Моисей встречает у источника живой воды одного юношу, который обладает знаниями, полученными непосредственно от Бога (стих 65); Моисей просит разрешения стать его спутником; тот соглашается, но ставит условие, чтобы Моисей не спрашивал о смысле поступков, которые ему с его человеческим разумом показались бессмысленными. Когда Моисей в третий раз нарушает это условие, тот юноша, который в народной религиозной легенде носит имя Хидр¹⁷⁵, покидает его. Таким образом, в суфизме дервишей святые считаются более совершенными, чем пророк Мухаммед: «люди под навесом» знали, о чем говорил с Богом пророк Мухаммед во время его небесного путешествия; своему посланнику Мухаммеду Бог запретил раскрывать эти тайны, поэтому Пророка рассердило, как те открыто говорили друг с другом обо всем; тогда Бог успокоил своего пророка указанием на то, что он непосредственно сам известил их об этих вещах¹⁷⁶.

Другие дервиши, такие как Ибн Таймия, придерживались мнения, что вера не имеет ничего общего с соблюдением законов, так как, принимая во внимание единственность Бога, будет все, а также и очевидный «враг» Бога необходимым дополнением единого Бога. Между безбожником и верным хранителем шариата существует только одно очевидное различие, так могут явно отличаться друг от друга только творец и творение. Так и «люди под навесом» вели войну против пророка Мухаммеда на стороне политеистов¹⁷⁷, именно потому что его послание создало наряду с провозглашенным им шариатом ложное онтологическое разделение между Богом и его творением, и под

угрозой всемирного суда также между неверующими и набожными, — к лишенным родины и жалким кочевникам, которых гнали через страны в «тысячах» и «туменах» во время военных походов правителей, к ним ко всем должен был обращаться дервиш-суфий; люди, как те двое оборванных мужчин, которые, как сообщил Ибн Арабшах, прислушивались к читателю Корана Джемал-ад-дину, жаловались ему, что им невозможно жить по исламскому закону, и выразили надежду, что декламация священных слов искупит их тяжкие грехи¹⁷⁸.

Мораль ученых шариата и полное сомнений приспособление повседневной жизни к переданному закону не могли быть их делом. Так они не могли найти путь к Богу. Их путь к Богу шел не через ученость, а был указан им святыми, мог, как с возмущением констатирует Ибн Таймия, включать опьянение, танец, восторженную просьбу о прощении¹⁷⁹. Но все это не означает, что суфизм дервишей возник у исламизированных азиатских кочевников-скотоводов. История их успеха остается невыясненной. Теологические и мировоззренческие основы этого суфизма можно, однако, понимать как совершенствование восприятия, достигнутого в аша-ритизме одиннадцатого века¹⁸⁰. Если, как учили ашариты, собственное стремление онтологически слабых людей не может привести к познанию Бога, а это скорее милостивый подарок создателя избранным еще до всех времен¹⁸¹, то почему же тогда есть еще окольные пути через святое писание и пророческие предания? В этом была безвыходность ашаритизма. Едва ли можно оспаривать, что непосредственное усвоение целебной истины не только возможно, но даже желательно. Ибн аль-Араби (ум. 1240) смело не обращал внимания на такие противоречия и претендовал на то, чтобы получить знание о Боге и мире сокровенного в неожиданной форме; и Умару ас-Сухраварди (ум. 1234), очень образованному в области суфизма тринадцатого-четырнадцатого веков, не были чужды подобного рода представления; его главный труд носит программное название «Милостивый дар познания». Но оба выделяют не начало, а кульминацию развития, зародившегося в одиннадцатом веке внутри старого шариата на научной основе. Хорасанец Абу Сайд абил-Хаир (ум. 1049) соединил в себе аскетизм традиционного стиля с качествами святого", из-за чего вступил в конфликт с учеными-правоведами¹⁸². То, что индивидуальность человека была непостоянной, а его дела отличались постоянством еще меньше — это было так точно подчинено знатоками шариата и виртуозами воздержания разнообразным правовым нормам, — это все непонятно

тем ученым, так как они не осознают тождественность любимого и любящего, творца и стремящегося к нему творения¹⁸³, так однажды ответил Абу Сайд на вопрос. И в его кругу экстаз, вызываемый музыкой и танцами, использовали, чтобы приблизиться к Богу, — практика, тогда еще считавшаяся предосудительной¹⁸⁴.

Ибн Хальдун признавал, что суфизм дервишей, который он тоже резко отвергал, был совершенствованием старых воззрений. В одной статье о суфизме он отличал получение знаний с помощью откровения, что характерно для Пророка, от опыта видений святого, который Ибн Хальдун понимает как непосредственное открытие истины. Антропологические предпосылки, на которых основывается его теория, должны быть разъяснены в другой связи¹⁸⁵. Добытое знание, в противоположность увиденному, можно скорее выразить словами; призывают Пророка, чтобы он объявил, предупредил. У святого — иначе! Открытие истины выпадает на его долю только в конце его долгого пути, на котором он подвергает себя величайшим нагрузкам. И эти нагрузки соответствуют в основном идеалам старого суфизма, связанного с исполнением шариата. Они, по Ибн Хальдуну, бывают трех видов: страх перед Богом, причина которого кроется в стремлении спастись и который побуждает строго соблюдать запреты Бога; воспитание души согласно нормам образа жизни, которые предписывают Коран и пророческие предания; подавление сил, которые воздействуют на утверждения «Я» перед Богом, а также укрощение телесных побуждений, пока тело не будет похоже на труп. Страх перед Богом и укрощение страстей души полностью созвучны шариату. Затруднения вызывает третье усилие суфизма; здесь слишком легко можно перейти границу с монашеским образом жизни, запрещенным в исламе, но, прежде всего, определенные лишения, связанные с покаянием, могут принести к такому помутнению сознания, что человек не в состоянии будет управлять своими действиями¹⁸⁶. Но вообще, говорит Ибн Хальдун, как раз только третье усилие вызывает видение.

В страхе перед Богом и в укрощении страстей души Ибн Хальдун видит необходимость первых ступеней укрощения плоти; только тот, кто живет по закону и управляет своими страстями, может продолжать путь к духовидцу, к святому. Именно эта необходимость отвергается суфизмом дервишей. Так, у его адептов не хватает даже укрепленной исламской веры, чтобы правильно истолковывать восторженный

возглас «Хвала мне! Как я могуществен!» Баязид Бистами выкрикнул это в экстазе, и нужно знать, что такое проявление нельзя воспринимать буквально. Ибн Хальдун бросает упрек в адрес суфизма дервишей за неподходящую попытку получить представление о тайне тех, кажущихся противоречащими закону слов и установить их космологическую или метафизическую первопричину. Суфизм дервишей всегда означает и науку о в конечном счете непознаваемом, то есть исследование явившегося в видениях с использованием терминологии, заимствованной из наук, изучающих предметы, которые могут восприниматься чувствами, а оцениваются разумом. Основой всех этих неприемлемых новомодных умозрений о сокровенном является, как подробно объясняет Ибн Хальдун, учение о единственности Бога¹⁸⁷.

В старом суфизме, связанном с шариатом, сознательно отказались от подобного. Насколько это было правильно, видно сейчас: суфии-еретики злоупотребляли распространенным учением о пути суфиев, чтобы совратить невежд и легковверных к признанию неисламского учения Ибн аль-Араби и других провозвестников единственности Бога. В одном послании Ибн Хальдун предостерегал власти, чтобы они воспрепятствовали таким проискам, так как уже повсюду у населения циркулировали сочинения тех лжеучителей. Правители, обязанные заботиться об умножении благ людей, должны были принять меры против этих происков. Если эти книги заполучили, то их нужно сжечь или смыть текст со страниц¹⁸⁸.

ДАМАСК

В этом году (1388) появилось очень много известий о Тимуре — пусть проклянет его Бог! — а именно то, что он завоевал Тебриз, что он нагоняет страх и ужас на людей, что с ним много народу и что он выступил на Сирию. Нельзя осуждать людей за страх. Что только не происходило с Дамаском и его жителями, когда в 1260 году войско Хулагу — пусть покарает его Бог! — ворвался в город, а потом еще хуже в 1299 году, когда пришли войска Газана! Какие страдания вынесли тогда жители Дамаска от монголов! Поэтому они пришли в ужас, когда услышали о Тимуре и что он разграбил Тебриз, а теперь идет на Сирию. Из различных мест приходит несчастье! Как

правдиво то, что написал в стихах аль-Мимар аль Мисри!

Приходит с Востока один юноша, его лик,
более сияющий, чем полная луна!
Гибко сгибается его фигура,
еще более гибкая, чем ветка.
«Откуда ты?» — спросил я, когда он пришел
искусить меня. Он молчал
и смотрел на Восток. И тут я крикнул:
«Оттуда постоянно приходит наказание!»

И посланник Бога — пусть Бог помолится за него и подарит ему исцеление! — сказал: «Благослови нашу Сирию, Боже, и наш Йемен!» Тут кто-то спросил: «И наш Восток, о посланник Бога?», на что Мухаммед повысил тон: «Там поднимается род сатаны, там девять десятых всего колдовства; все вредные новшества, все несчастья — большей частью приходят с Востока!»¹

Ибн Сасра (ум. после 1397)

ТЕНЬ ТИМУРА

Не слишком хорошо знали в Дамаске о событиях на Востоке исламского мира. Иначе не пришлось бы в начале 1388 года бояться нападения Тимура на Сирию, так как уже в январе он получил известие о луте млении войск Тохтамыша и спешно отправился в Манераннахр ². Но неточные сведения о событиях и закулисной стороне этих событий и воспоминания о монгольском вторжении прошлых лет пробудили худшие опасения. На Нил тоже длительное время поступали неполные сведения об этом необычном Тимуре. Сообщение о его восхождении на престол правителя страны за Оксом дошло, правда, до Каира в середине лета 1371 года³, но то, что это событие могло бы иметь какое-то значение для мамлюков, конечно, нельзя было предвидеть. При всем желании Баркук позднее не мог бы догадаться, что его политика укрепления влияния мамлюков на территории Анатолии затронет интересы того неутомимого, но далекого воина. Только оглядываясь на прошлое, когда Тимур именно на рубеже пятнадцатого века фактически замахнулся для удара по мамлюкам, один каирский ученый, имеющий склонности к поэзии, заметил что числовое

значение букв, выражающих понятие «Божья кара», есть ровно 1371⁴.

Война Тимура против эмира Вали из Мазендерана и сразу после нее трехлетняя кампания с 1386 по 1388 год дали, однако, повод для серьезных тревог, о чем уже говорилось. В марте 1386 года князь Мардина сообщил в Каир, что войска Тимура захватили и разграбили Тебриз⁵. Поздней осенью узнали более точно: Ахмад Увайс послал миссию в Каир. То, что она сообщила, совпадает в основном с тем, что передает историография Тимуридов. Уже давно войска Чага-таев активно действовали в Иране, приблизительно год назад разграбили Тебриз и окрестности; и теперь пришел Тимур и потребовал, чтобы Ахмад Увайе подчинился ему — он должен чеканить монеты с именем Тимура и упоминать его в проповедях по пятницам⁶. Знали ли в Каире, что военные походы Тимура в тот год были задуманы для уничтожения иранских мелких князей и отражения Тохтамыша, который незадолго до этого руководил разбойничьим набегом на Тебриз?

Если Ахмад Увайс, вероятно, убаюкивал себя надеждой, что султан Баркук окажет ему поддержку, то он заблуждался. Стабилизации джелаиридской империи, интересы которой в Анатолии, должно быть, совершенно противоречили мамлюкским⁷, никто в Каире не стремился содействовать. Ничего не изменилось от того, что Ахмад Увайс попросил настоятельно предупредить султана о предполагаемом намерении Тимура пойти на мамлюкскую империю в 1387 году. Не Джелаирид, а правитель кипчаков, Тохтамыш оказался Баркуку подходящим в этом положении партнером. Взаимодействие мамлюков с потомками Батыя хорошо сработало против ильханов, почему бы и не против Тимура, который как раз собирался присвоить себе их наследство? Еще в 1386 году из Каира отправилась миссия в Куманскую степь⁸. В начале 1387 года в Малатье готовится заговор Минтаса; влияние Баркука на Восточную Анатолию убывает. Вскоре после этого в Каире становится известно, что войска Тимура осаждают Амид, а Кара Мухаммед, предводитель туркменов «Черного барана», разбитый мавераннахрской армией, ищет убежища в Малатье. Теперь, действительно, нужно было торопиться, потому что как молено было бы в таких обстоятельствах успешно отражать нападение Тимура на Сирию? Но военная касса султана пуста. В удручающих ссорах с учеными-правоведами Баркук силой добивается того, что хотя бы был внесен эквивалент годового

дохода с поместий, освобожденных от налогов благодаря пожертвованиям с благочестивыми целями. Четыре эмира с войсками отправляются в Алеппо, где ожидают хорошие вести: Кара Мухаммед разбил чагатаевское войско, которым командовал сын Тимура; Тимур отступает из Восточной Анатолии!⁹

Еще раз легко отделались, толком не зная, почему. Если бы Тимур планировал серьезно удар по Дамаску, то мамлюкский султан едва ли нашел бы средства на оборону. Но внимание Тимура было направлено, прежде всего, на Иран и границу на Кавказе. Поэтому начинающиеся стычки с мятежниками из-за Минтаса не привели к катастрофическим последствиям, которые могли бы быть в другом случае.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ВОЙНЫ

В конце 1392 года население Сирии и Египта снова было напугано известиями о том самом Тимуре. Он наносит удар по Западу, желая сначала уничтожить Музафарида Шах-Мансура в Ширазе. Но снова волнения, на этот раз в Самарканде, вынудили агрессора отступить¹⁰. Источники, близко стоящие к Тимуром, называют заболевание полководца под Бухарой ответственным за временное прекращение военного похода; кроме этого, наступление Тимура затягивалось из-за борьбы с еретиками Сайдами под Амоллом¹¹. Шах-Мансур воспользовался непредвиденной отсрочкой¹², чтобы получше подготовиться к борьбе, и лишь с большим трудом Тимур избежал поражения и даже смерти в решающей битве¹³. В тяжелых боях воины Мавераниахра в ответ на это победили летом 1393 года своих врагов в Западном Иране и вошли осенью в Иран. Все это происходит в то время, когда в Сирии бедуин Нуайр отворачивается от своих соратников, мятежников Минтаса, и предает султана Баркука. Даже в Каире людей охватил ужас, когда они услышали, что Синджар и Тебриз, находившиеся с некоторого времени под властью мамлюков¹⁴, были опустошены Тимуром, и что Багдад взят¹⁵. Как можно было вооружиться к отражению такого агрессора после только что окончившейся гражданской войны? Уже с середины 1393 года Тимур постарался прозондировать почву для нападения на мамлюков и посеять замешательство целенаправленной ложной информацией. В Каире как раз с ликованием встретили сообщение о смерти Минтаса, когда в мае или июне прибыла миссия, которая

принесла послание Тохта-мышы с выражением дружбы — фиктивное послание, как потом выяснилось, составленное по приказу Тимура¹⁶. Вероятно, представитель рода Чагатая надеялся, что сможет ввести Баркука в заблуждение ложной надеждой на поддержку кипчаков. На южной окраине Анатолии, куда мамлюки как раз распространили в последние годы свое влияние, Тимур, очевидно, хотел оживить для своей пользы старые связи с ильханами, наследником которых он себя считал. Мадж-ад-дин Иса, князь Мардина, сообщил летом Баркуку не только о военных успехах мавераннахрцев в Азербайджане, но и предупредил его о том, что Тимур потребовал от него подчинения, и он не нашел другого выхода, кроме как извиниться за контакты с Каиром. Тимур не хотел ни с чем считаться ради того, чтобы султан Египта даже не мог ничего сказать в Марди-не. Другие известия подтверждали также, что Тимур стремился подорвать положение мамлюков в прежнем пограничном с империей ильханов районе. Так, он велел передать наместнику Ар-Рахба подарки в знак выражения дружбы и — как дерзкое требование предательства по отношению к Баркуку! Ибн Сасра, внимательно наблюдавший за политическим развитием того времени, пишет в своем дневнике, что этот план Тимура провалился, посланников разрубили пополам — злодеяние, искупления которого Тимур будет постоянно жаждать в последующие годы.

В Каире скоро слышали также о смерти Шах-Мансура — мало радующая весть, так как Чагатаиды теперь не должны были ожидать какой-либо серьезной опасности с юго-востока. Отрубленную голову Музаф-фарида Тимур приказал отправить в Багдад Ахмаду Увайсу вместе с настоятельным советом сдаться добровольно. Ахмад тоже начал чеканить монеты с именем Тимура, но это не могло спасти его от нападения — Багдад пал¹⁷. В сентябре 1393 года прибыл еще один посланник из Мардина в Каир; между тем Тимур завладел и страной курдов: двадцать шесть городов Востока — вероятно, имеется в виду северо-восточный пограничный район мамлюкской империи — присвоил он себе и прилагал большие усилия, чтобы покорить и Басру. Итак, внушающие опасение перспективы! Миссия османского султана Баязида (прав. 1389-1402) укрепила опасения еще больше: она описала действия Тимура и предупредила Баркука, чтобы он был начеку. Но был еще один проблеск надежды. Бои за Басру развивались не так, как, вероятно, ожидал Тимур. Князь бедуинов Салих Джа-улан¹⁹ успешно отразил атаки и взял в плен сына Тимура Мираншаха — неприятный

случай, о котором умалчивают летописцы из окружения Тимуридов. По-видимому, Мираншах освободился только в результате обмена на одного из сыновей Ахмада Увайса, удерживаемого Тимуром²⁰. Того, что поражение под Басрой помешало бы мавераннахрцам напасть на Сирию, конечно, вряд ли можно было ожидать.

Баркук не мог уйти от вооружения войск, которые были бы в состоянии защитить империю. Относящийся к этому указ послали в Дамаск, где он, как пишет Ибн Сасра, восемнадцатого октября 1393 года был объявлен: наместник должен со своим войском продвинуться к Евфрату. Восторга у мамлюков этот приказ не вызвал, пишет Ибн Сасра и сообщает о мероприятиях населения Дамаска для защиты города, а также об усилиях судей поощрить желание защитить город. Войско султана уже подошло для поддержки. Неделей позже жители Дамаска смогли ощутить последствия подготовки к войне: зерно было конфисковано, и лишения людей стали еще больше, чем в дни правления Минтаса. Одновременно в городе распространились страшные слухи о неистовствах маве-раннахрцев в Багдаде; самые различные народности были в войске Тимура, всего около пятисот тысяч боеспособных мужчин²¹.

Вскоре появился повод к новым тревогам. В Алеппо с конца лета Ахмад Увайс ожидал, что Баркук предоставит ему убежище в мамлюкской империи. После того как султан посоветовался со своими эмирами, он приказал сопроводить в Каир низвергнутого с престола правителя²² со всеми подобающими ему почестями — решение, которое могло только укрепить враждебное отношение Тимура к мамлюкам. В середине декабря Джелаирид со своей свитой прибыл проездом в Дамаск. Как и полагалось правителю, он был принят наместником. Но город наводнили чужие, «злодеи, которые не считали прием гашиша позором; совершенно открыто совершали они мерзости... Из-за отсутствия у них манер их ненавидели жители Дамаска, и Бог решил только Тимура поставить над Ахмадом и его кликой, потому что они своими злодеяниями заслуживали этого». Таково было мнение Ибн Сасры, который поддерживает мнение тимуридских источников о Джелаиридах и сразу же добавляет еще сообщение наместника Иерусалима, который возмущен тем, что те странные гости, когда находились в его городе, отказались выразить почтение святыне, а предпочли отправиться за покупкой наркотиков²³.

В конце года Ахмад Увайс со своей свитой отправился в Каир, где Баркук приготовил ему роскошный прием и завалил его ценными подарками. Он назначил ему также удел²⁴. Проявляя такую широту натуры, султан, видимо, лелеял надежду на то, что он сможет расширить свое господство до Ирака, как когда-то уже пытался сделать это Бейбарс, если только тот самый Тимур снова отступит за Оке. Что Баркук вынашивал такие задние мысли, выдает нам то обстоятельство, что он породнился с Джелаиридами — средство для обоснования претензий на власть, которым также часто пользовался Тимур.

Между тем Баркук форсировал в Каире подготовку к военному походу против Тимура; распространившаяся в Дамаске весть, что султан сам пойдет со своим войском, соответствовала действительности. Но сейчас, как это уже было не раз, султан должен был решить неприятный вопрос, как ему финансировать вооружение своих войск. Через несколько дней после приезда Ахмада как раз пришло известие о нападении Тимура на Эдессу. Баркук произвел смотр войск, причем они начали бунтовать из-за недостаточных выплат, и это в присутствии гостя²⁶! Как можно было побороть усталость мамлюков от войн? Имуществом сирот, которым заведовали судьи! Один шафи-ит среди них, который не хотел и в беде идти на такие махинации, был снят со своей должности, на которую уже давно положил глаз соперник; он одобрил предосудительный способ и заплатил сверху значительную сумму за назначение на такой желанный пост. Кроме того, три состоятельных торговца должны были подписаться принудительно на заем в размере миллиона серебряных дирхамов всего²⁷; и другим способом попытался Баркук поднять моральный дух своих войск. Когда султан, готовый выступить, расположился со своим лагерем за пределами Каира, кто-то подошел к нему и рассказал, что ему приснился Пророк; Баркуку предсказана победа, поскольку он прилежно читал наизусть первую суру. Баркук вознаградил за радостную весть деньгами. Хронист, который описывает этот случай, считает это все заранее обусловленным²⁸.

Тимур, со сноси стороны, послал известие врагам и пригрозил их уничтожением, если они только не сдадутся и в знак этого не признают чагатайского марионеточного хана своим новым правителем. Ибн Сасра цитирует слово в слово ПИСЬМО с угрозами в адрес Баркука; воины Тимура являются войском Бога, созданным им в

гневе на заблуждения мусульман; непобедима эта армия, нельзя остановить ее воинов, которых обзывают неверными, но которые в действительности являются инструментом Бога, посланным, чтобы наказать не разобравшихся с религией! Без сомнения, Тимур знал настроение людей в странах, которым он грозил войной и разрушениями, так как Ибн Сасра признает в своем дневнике, что тяжелое время, которое пришлось переживать, было наказанием за несоблюдение правил шариата. О чем умалчивает дамаский летописец, это чрезвычайно мучительный для Баркука намек на расхищение денег сирот и на пышно процветающую коррупцию, который Тимур велел вставить в послание. Он, вероятно, был информирован об этом самым лучшим образом, впрочем, немного позже в Каире было арестовано несколько шпионов²⁹. Но Баркук не дал себя запугать; он ответил на послание Тимура тоже грубыми словами, подчеркнул отличное состояние мамлюкского оружия и похвастал, как хорошо натренированы его бойцы³⁰ — преимущество, которое отсутствовало у подавляющего большинства наскоро собранных войск Тимура.

Посольство к Баркуку, в которое входили захваченные Тимуром багдадцы, имело также и политическое поручение. Оно должно было выразить султану недовольство Тимура по поводу того, что Ахмад Увайс нашел убежище в Каире, и пригрозить ужасными последствиями в том случае, если беглец не будет выдан³¹. Об этом, конечно, нечего было и думать; таким шагом Баркук был бы у всех на виду обесчещен. Оставалась только война.

В конце марта султан с египетским войском подошел к Дамаску. Там встретились с ним посланники Тохтамышы и Османа Баязида I. Оба правителя ходатайствовали о союзе против Тимура³². Третий тоже предложил мамлюкскому султану заключить пакт: кади Бурхан-ад-дин, правитель Кайсери, Сиваса и Токата. Намерения его не были ясны! Когда Тимур в 1387 году в первый раз готовился к нападению на Сирию, Бурхан-ад-дин хитро держался между всеми фронтами. К Тимуру он явился не для того, чтобы подчиниться, по и сердить непредсказуемого представителя династии Чагатаев тоже не хотел. Поэтому, а также из-за его неоднозначного отношения к мятежнику Минтасу, у Баркука он не был в большом почете; Бурхан-ад-дин, правда, довольно рано смог отдалиться от предательских планов алеппшского наместника Йелбоджи ан-Насири. Тогда, когда

мятеж против Баркука превратился в поединок между ан-Насири и Минтасом на сирийской земле³³, независимость Бурхан-ад-дина была спасена. Кроме того, Тимур снова отступил в Мавераннахр и в последующие годы вел войну против Тохтамыша в степях севернее Каспийского моря. Это значительно расширило поле деятельности Бурхан-ад-дина в Анатолии. Он использовал его в боях против Баязида, который после победы на Косовом поле уделял больше, чем предшественник, внимания Анатолии. Там, возле Сиваса, было оно, княжество Караман, которое сопротивлялось формирующемуся господству Османов.

АНАТОЛИЙСКОЕ ПРЕДПОЛЬЕ

После того как Тимур завоевал Эдессу³⁴, настал момент потребовать от Бурхан-ад-дина четкого решения. Тимур уведомил его, что он должен подчиниться ча-гатаевскому ханату. Как рассказывает Азиз, он узнал, что Бурхан-ад-дин собирается покорить многочисленных анатолийских князей, которые с ним враждуют, что позволяет судить о его удивительной судьбе. Очевидно, Тимур надеялся по-хорошему привлечь на свою сторону этого кади из Сиваса. Посланника, который передал это требование Бурхан-ад-дину, сопровождал Мутаххартеп из Эрзинджана. Этот князь уже давно примкнул к большому отряду сопровождающих Тимура и должен был, вероятно, воодушевить кади на подобный шаг. Прежде чем было прочитано содержание послания Тимура, было оставлено пустое сидение, перед которым князь из Эрзинджана при назывании имени завоевателя «по монгольскому обычаю» упал навзничь, целовал пыль, потом поднялся на колени и пел дифирамбы. Не в последнюю очередь этот отвратительный спектакль заставил Бурхан-ад-дина отклонить дерзкое требование представителя Чагатаидов — и это несмотря на многочисленные печальные вести о военных успехах Тимура на территории Южной Анатолии! Конечно, Бурхан-ад-дин был достаточно умен, чтобы не отвечать Тимуру грубым отказом. Он отправил назад посланника со сдержанным, изложенным в почтительной форме отказом — а затем все свои силы бросил на укрепление стен Сиваса³⁵.

Агитация Тимура за политический союз в масштабе необозримой Анатолии не была напрасной. Наряду с Бурхан-ад-дином там действовал Баязид, который, как окажется, не с самого начала

считался противником Чагатаидов³⁶, так как ослабление анатолийских княжеств было чрезвычайно удобно Осману. Там был и князь Карамана, который мог думать только о том, чтобы с поддержкой Чагатаидов победить Османов и кади. Князь Карамана — какая неприятная неожиданность для Бурхан-ад-дина — скоро поменял тактику, пообещав Тимуру следовать за его войском против Сирии или против Баязида. И туркмены Дулкадира предложили Тимуру свои услуги; они хотели указать его войскам дорогу в Сирию. Сверх того, Бурхан-ад-дину пришлось обратить внимание на преданного Тимуру правителя Эрзинджана³⁷ — положение становилось чрезвычайно трудным. Какую-нибудь выгоду вряд ли можно было извлечь из запоздалого подчинения: благоприятный момент был упущен! Но Бурхан-ад-дин снова совершил смелый поворот. Он возобновил свои связи с Баркуком, которые никогда полностью не обрывались, хотя каирский султан сердился из-за союза кади с Тимуром. Только слишком быстро снова дал знать о себе представитель Чагатаидов. На этот раз кади задержал посланника Тимура, правда, на почетных условиях. Затем он дал знать Баркуку, что Сивас занимает ключевую позицию между Сирией и Румелией; если Тимур присвоит себе этот город, то это неизбежно означает разрушение Сирии, украшения ислама. Он, Бурхан-ад-дин, готов взять на себя защиту. Баркук был достаточно осторожен, решив проверить правдивость этого прекрасного намерения кади. Он потребовал выдачи задержанного чагатайского посланника. Бурхан-ад-дин выполнил неохотно это желание, которое не отвечало хорошим обычаям, пишет Азиз³⁸.

Снова странный полумрак падает на действия Бурхан-ад-дина, так как, согласно другому источнику, он добился благосклонности Баркука преступлением: он велел обезглавить главу посольства Тимура, остальных его членов частью отослал к Баязиду, а частью Баркуку. Кроме того, он велел передать обоим султанам, что отклоняет дерзкое требование Тимура и становится на сторону защитников ислама³⁹. Баркук, действительно, принял в те дни в Дамаске посланников, которые заверили его в лояльности Бурхан-ад-дина в предстоящей борьбе против Тимура. Вскоре после этого снова в Сивас прибыли посланники Тимура, потребовали освобождения их предшественников и предостерегли кади от того, чтобы он не полагался на крепость городских стен. Они указали, между прочим, на гнусные поступки Баркука и добавили, что та империя — имеются в виду Сирия и Египет —

принадлежала когда-то Чингисхану, потом Хулагу, а теперь, естественно, чагатайскому (марионеточному) хану Махмуду. Ответ Бурхан-ад-дина Азиз передает следующим образом:

Во-первых, что касается предостережения, что мы не очень должны полагаться на военные укрепления Сиваса, то Тимур должен был бы глубже задуматься о нас... и своим острым умом... понять, что мы как раз не относимся к тем людям, у которых только один глаз или которые косят и которые взиду существования единой, чистой божественной сути приписывают человеческому существованию какое-либо значение, которые забывают господство истинного правителя, восхищаются сами собою, ослеплены собственной волей и собственной силой и, презирая власть Бога милосердного, подчиняются мнимой власти сатаны и, таким образом, стремятся к порабощению себе подобных товарищей... Во всех случаях жизни мы с полным доверием цепляемся за ремень седла заботы возвышенного... божественного величества... И во-вторых, утверждение, что вы подчинили себе много людей подобного рода, что вы можете мобилизовать больше и лучше вооруженное войско, чем мы... Теперь мы и нам подобные найдем убежище у власти создателя, а не у творений... Такие люди, как мы, могучи благодаря стекающей к нам божьей милости, а не благодаря человеческим вспомогательным благам; так как Бог укрепляет нашу спину, нам не нужно затылок нашей гордости правителя утомлять в поклонах ради оказания любезности какому-нибудь творению... И в-третьих, к тому, что Египет и Сирия принадлежали Чингисхану и от него перешли по наследству к Хулагу — так ни от одного благоразумного не может быть скрыто то, что благодаря открытым разумом и переданным доказательствам... овладение верой и миром через Бога передано его посланнику Мухаммеду... От него оно перешло к его великим и знаменитым сподвижникам, а от них к могущественным халифам и благородным родственникам (Пророка). После крушения их господства стало обычаем, что тот, кто владеет обоими священными городами, был поверенным халифов и султаном султанов исламских стран, и остальные сохраняющие веру и шариат правители оказывали послушание его заповедям и запретам... Почитая этот обычай, мы отправили (посланника) Кутлушаха по приказу султана Баркука в Каир и теперь ждем ответа, чтобы изложить все то, что султан признает правильным...⁴¹

Итак, последнюю ответственность несет Баркук, дал понять Бурхан-ад-дин. Положение кади становилось, между тем, все более опасным. После смерти своего сына Умар-шейха Тимур отставил нападение на Сирию; об этом в Сипасе, возможно, еще никто не знал. Он все силы приложил к тому, чтобы в Восточной Анатолии удержать свободным тыл для дальнейших предприятий против Тохтамыша, которые предполагалось вести через Кавказ. Его войска заняли Эрзерум и уже направились к Сивасу! Смятение и ужас охватили население города. За предложение о создании союза Баркука и Баязида ответственность, по-видимому, должен был нести последний, а именно помощью на тот случай, если Тимур действительно нападет на Сивас⁴². Но на это всерьез надеяться не стоило, тем более, нужно было учитывать честолюбие Баязида и его стремление решать анатолийские дела полностью в пользу расширения османского господства. Маулана Паса, дервиш, который передал Бурхан-ад-дину о состоянии дел в мире сокровенного, потом тоже, как сообщает Азиз, в те напряженные дни высказал мнение, метко выразившее запутанные обстоятельства. «Тимур — ваш друг!» — должно быть, сказал он, так как только продвижение завоевателя в Анатолию помешало Баркуку и Баязиду осуществить уничтожение княжества Сивас, о чем они договорились. Для Бурхан-ад-дина было приятной неожиданностью узнать, что Тимур выступил не на Сивас, а что он уже в пути в Грузию⁴³. Или он все же был связан со «своим другом Тимуром», о чем умалчивают источники? Мы не знаем этого. Во всяком случае, в последующие годы Бурхан-ад-дин претендовал на роль мстителя, который, наконец, вел войну при поддержке Сирии⁴⁴ против тех анатолийских князей, которые открыто стали на сторону Тимура — против Мутаххартена из Эрзинджана и Караманов. Лучшего оправдания для политики в собственных интересах быть не могло. Несмотря на все это постепенно власть ускользала от Бурхан-ад-дина; предательство в его ближайшем окружении закончилось уже в 1396 году почти присоединением Сиваса к княжеству Караман⁴⁵. И Мутаххартена нельзя было победить. Уже почти смешно звучало, когда Бурхан-ад-дин хвастался перед ним хорошими связями с Баркуком и предупреждал его, чтобы он не соблазнялся победой, которую недавно одержал над ним, правителем Сиваса. Среди описания боев против Мутаххартена Азиз обрывает жизнеописание Бурхан-ад-дина⁴⁶; хронист, как мы уже слышали, уехал в Каир. В Сивасе, видимо,

больше нечего было писать. Из другого источника мы знаем, что кади Бурхан-ад-дин пал жертвой убийства в никогда не прекращающихся малых войнах в июне или июле 1397 года⁴⁷. Сивас перешел в подчинение Баязида⁴⁸, выгодой для него кончились войны кади против Карамана и Эрзинджана.

НОВАЯ УГРОЗА СИРИИ

Поворот Тимура на север поразил не только Бурхан-ад-дина. И Баркук, должно быть, вздохнул облегченно. После того как он вошел в Дамаск, он последовательно организовывал большие столкновения с завоевателем. Ахмад Увайс отступил с поддержкой мамлюков уже в июне 1394 года из Дамаска в Багдад⁴⁹. Сам султан немного позже выступил на Алеппо, чтобы оттуда руководить боями, местом которых будет Анатолия. С удовлетворением он скоро узнал, что Ахмад снова завладел своим тронном. Кроме того, Баркук получил предложение Бурхан-ад-дина о заключении союза⁵⁰, а также известие о том, что князь бедуинов Нуайр предоставил себя и своих воинов в распоряжение Джелаириду⁵¹. Близкие к Тимуру источники причину отхода на север объяснили внезапной смертью Умар-шейха. Но одно это несчастье едва ли было причиной. Хотя арабские хронисты и обнаружили, с какими прежде всего финансовыми трудностями проходило создание фронта против Тимура, он все же находился под впечатлением успехов Баркука! Только когда этого энергичного султана больше не было в живых, он рискнул напасть на Сирию, и там понял, что страх мавераннахрских эмиров перед профессионализмом, с которым мамлюки вели военные действия, не был беспочвенным.

В конце сентября 1394 года Баркук вернулся из Алеппо; как триумфатор вошел он десятого декабря в Каир⁵³. Разве мог он теперь надеяться на продолжительный мир на северной границе? Казалось, успехи в области политики указывали на это; и Мардин скоро снова оказался под верховной властью мамлюков⁵⁴. Тимуру не удалось на долгое время завербовать в Анатолии союзников; влияние, которое каирский султанат там приобрел со времен развала империи ильханов, оказалось сильнее. Но в Каире в ближайшее время все больше опасались, что истинным врагом мамлюков является не беспокойный представитель Чагатаидов, который, как оказалось, в районе сосредоточения

войск против Сирии всегда будет действовать только как тиран, а честолюбивый Осман Баязид. Баркук скоро узнал, что против Тимура можно в любое время заключить союз. Но что случилось бы, если бы тот Осман, которого все боялись, перед именем которого всегда говорилось страшное слово «молния»⁵⁵, заявил претензии именно на тот пограничный район и напал бы на империю мамлюков? Опасение вызвало в Каире также строительство флота Баязидом. Баркук все силы приложил к тому, чтобы завоевать расположение Османов; однако многочисленные египетские миссии, видимо, остались без ответа⁵⁶, что не уменьшило волнений в Каире. Некоторые выдающиеся личности, как например, чтец Корана Шамс-ад-дин аль-Джазари или один из египетских визирей султана, переехали на север, и Баязид самым лучшим образом приветствовал их и обеспечивал достаточными доходами⁵⁷. И это Баркук, возможно, принимал к сведению с очень неприятным чувством.

Если правильно были прочитаны знаки, то, казалось, что война с Османами надвигается. В это время в мамлюкский двор поступали сведения о победах Тимура в России и Крыму⁵⁸. А если бы он вернулся в Анатолию, согласие Баязида на союз в этом случае осталось бы в силе? И этот страшный вопрос нужно было задавать себе ввиду неясной позиции Османов, и он стал особенно важным, когда в конце ноября 1395 года в Каир прибыл посланник турк-менского князя Кара Юсуфа и выдал султану одного пленного, некоего Атламиса, военачальника, находившегося в родстве с Тимуром, которого Чагата-иды оставили комендантом оккупационных войск крепости Авник, восточнее Эрзерума⁵⁹. Кара Юсуф уверил этим подарком мамлюкского султана в своей лояльности и надеялся в бесконечной борьбе за владение Тебризом, в который снова вторгся также Дже-лаирид, на прикрытие Баркука с тыла. Но Тебриз образовал краеугольный камень в намерении Тимура реставрировать империю ильханов, и, таким образом, нужно было опасаться, что придется заплатить позже высокой ценой за бескорыстное внимание туркмена.

В мае 1396 года Баркук узнал, что Тимур вернулся из Кипчакских степей; курьер Баязида передал египтянам это известие по воде⁶⁰.

Султан был ошеломлен и велел сообщить всюду о предстоящем военном походе. У Баркука, действительно, были основания бояться, так как Тимур не позволил обращаться к нему по делу Атламиса и потребовал его выдачи. Баркук не пошел на это, более того, заставил

Атламиса сочинить письмо Тимуру, в котором он должен был безмерно прославлять приятную заботу о нем в Каире. Это письмо было приложено к ответу султана, в котором он предлагал общий обмен пленными⁶². Итак, Тимур снова был там! Борьбу за Тебриз он быстро закончил в своем духе; Тебриз стал резиденцией его сына Мираншаха, который сразу после этого вторгся в южные окраинные области Анатолии и начал осаду Мосула; Кара Юсуф бежал в Сирию. Когда у Эрзинджа-на собрались преданные Тимуру князья, Баркук отдал приказ войскам направиться туда⁶³. В этом опасном положении Баязид осознал, что, может быть, было целесообразно приобрести своего возможного союзника в далеком Каире, и несколько раз передавал ему подарки⁶⁴. Но Тимур в конце своей пятилетней кампании вернулся на родину. Годом позже услышали, что он там не задержался надолго.

Через Йемен в Каир дошла весть, что он выступил походом на Индию. Более точные сведения поступили только летом 1399 года. Мавераннахрцы взяли громадное количество пленных и теперь пытались доставить свою добычу на рынок в Хорасан, но из-за превышения предложения над спросом все было продано только по низким ценам⁶⁶.

СМЕНА ВЛАСТИ В КАИРЕ

Десятого июня 1399 года тяжелое расстройство желудка уложило султана Баркука в постель. В последующие дни его состояние быстро ухудшалось; и очень скоро прошел слух, что он умер, на что торговцы из страха перед грабежами забаррикадировали свои магазины. Султан позвал халифа и других сановников к своему смертному ложу. У них он принял присягу на верность его сыну Фараджу, который, таким образом был назначен наследником. Сумму в восемьдесят тысяч динаров объявил он для строительства своей гробницы, чтобы обрести свой последний покой у ног знаменитых святых дервишей, среди которых Ахмед аз-Зухурис⁶⁷. Щедро пожертвовал он и нуждающимся — говорят, почти пятнадцать тысяч динаров. Немного позже, в ночь на двадцатое июня, он скончался⁶⁸.

Примерно в то же время получили более точные сведения о новых победах Тимура и одновременно услышали, что Баязид теперь серьезно собирается напасть на анатолийский форпост мамлюкской

империи. В конце июля стало известно, что Малатья и Эльбис-тан пали. Но в окружении нового султана, видно, ничему не доверяли; предполагали ложное сообщение, которое должно было выманить из Каира правителя и его доверенных⁶⁹, и потом боялись переворота. В самом деле, в Сирии при эмире Танаме готовился заговор против Фараджа. А известия из Анатолии соответствовали действительности. Как обычно, если нельзя было избежать военного похода, эмиры, халиф, шейх аль-Ислам и четыре верховных судьи были приглашены на собрание совета, и там обсуждались опротивевшие вопросы финансирования, и предложения были также известны: конфискация имущества купцов, временное использование не по назначению пожертвований⁷⁰. В конце концов собрали войско, правда, не для войны против Баязида, а против мятежного Танама.

Этот Танам был заслуженный офицер Баркука, который откомандировал его в 1395 году с войсками в Сивас, где он помогал кади Бурхан-ад-дину в войнах против анатолийского союзника Тимура⁷¹. После смерти Баркука Танам мобилизовал своих многочисленных сирийских сторонников и выступил в направлении Каира, чтобы эффективно представить свои притязания на власть. Каирцы выступили ему навстречу. Когда они дошли до Газы, то узнали, что мятежники расположились лагерем под Ар-Рамлой.

На какое-то мгновение установилось перемирие, которое было нарушено из-за недовольства эмиров в окружении Танама. Битва, которая последовала за этим, окончилась поражением мятежников. Фарадж укрепил свое господство в Сирии, Танам находился под арестом в крепости Дамаска, где в конце апреля 1400 года был убит⁷². Молодой султан, которого придворная клика велела признать совершеннолетним как раз перед военным походом на Сирию, чтобы лишить его влияния Атабека, назначенного Баркуком⁷³, смог себя почувствовать действительно властителем мамлюкской империи. Ход дела не дал ему возможности долго радоваться этому. Еще в Дамаске ему сообщили, что в Ар-Рахбе два князя ждут разрешения вступить на территорию мамлюкской империи — как ищущие убежища. Это были туркмен Кара Юсуф и Дже-лаирид Ахмад Увайс. Торжества, которые должны были состояться в конце мая по поводу возвращения султана в Каир⁷⁴, вряд ли могли ввести в заблуждение, скрыть недалекую угрозу.

НАЧАЛО СЕМИЛЕТНЕЙ КАМПАНИИ

К сверкающим перлам сокровенной мудрости, которые достал⁷⁵ благородный посланник Бога, морской водолаз, о котором говорится: «Его сердце не выдумывает того, что он видит» (Сура 53,11), со дна океана, о котором говорят: «И я узнал все знания старого и позднего сокрытого», и предназначил для украшения фортуны своей достойной уважения общины, относится слово, сверкающее, как благородный камень: «Если Бог хочет привести в исполнение свое решение, он лишает смысленных разума»... и закрывает им взгляд на то, что им полезно, так что они в своем воображении совершают поступки, которые бросают их в пучину гибели. Так, наконец, происходит то, на что направлена воля Бога. К единичным вещам этой удивительной тайны... относится также то, что создатель непреложного решения своим каламом записал, еще до того как потоки источников событий били из родника небытия, что страна Сирия должна стать в это время полем битвы полков гнева и мести. Так у могущественных той страны глаза были поражены слепотой из-за рокового водопада гордости и высокомерия; они сбились с пути правильных дел и осмелились на дерзкие злодеяния. К ним относятся следующие: когда в 1393 году знамена, лозунгом которых был триумф, бросили свою победоносную тень на город благополучия, на Багдад, господин счастливых обстоятельств послал образованного и благородного шейха из Савы... посланником в сопровождении маленького отряда к Баркуку, правителю в Каире... Когда этот шейх прибыл в Ар-Рахбу на границе с Сирией, как обычно, его там задержали и сообщили в Каир. Баркук, по своему слабоумию и глупости, подстрекаемый султаном Ахмадом, Джелаири-дами, приказал убить посланника. Хотя религиозные и государственные законы и правила никоим образом не позволяли беспокоить посланников, отправили того шейха и всю его свиту на тот свет клинком произвола и дерзости и не подумали о губительном конце, который должно было повлечь за собой такое ужасное преступление. Действительно ли они не слышали историю о хорезмском шахе Мухаммеде и его приказе убить посланника и купцов завоевателя мира Чингисхана и о последствиях?.. Такое поведение, бесспорно, указывает на потерю разума, как сказано в вышеупомянутом изречении Пророка⁷⁶.

Не только убийство посланников Тимура в Ар-Рахбе,

преступление, о котором сообщал в своем дневнике Ибн Сасра⁷⁷, но и арест Атламиса в Каире тимуридский хронист Жазди причисляет к глупостям, которые вызвали войну против мамлюкской империи. В ходе событий, словно типизированном вышеупомянутом словом Пророка, дается волнующий пример чудовищного преступления и судьбы хорезмийского шаха Мухаммеда, обнаруживается простая и каждому понятная конструкция, в которой располагаются все события, вытекающие из «источников небытия». Действительные причины уменьшаются до случайностей, которые позволяют, в лучшем случае, приукрасить события. В начале лета 1399 года Тимур вернулся из Индии в Самарканд. После пира, который освободил душу от гнета военного похода, он посетил могилу Кутама Аббаса, того сподвижника Пророка, который принимал такое большое участие в распространении ислама в Центральной Азии в середине седьмого века. После этого Тимур заложил фундамент новой мечети в Самарканде в благоприятный, предсказанный астрологами момент. Однако быстрее, чем ему хотелось бы, появились трудности, которые заключались в том, чтобы удержать такую гигантскую империю. В письме, которое он дал в 1393 году посланнику, убитому под Ар-Рахбой, он сообщал Баркуку, что время «днадохов» на исламской земле уже истекло; восстановление старого чингисидского порядка сделало необходимым завязывание дружеских отношений между ним и султаном Каира⁷⁸. Последовали победы над кипчаками; пятилетняя кампания, казалось, достигла своей цели. Империя мамлюков осталась нетронутой.

Однако в то время как Тимур после этого шел от одного триумфа к другому в Индии, созданный в Иране порядок оказался в величайшей опасности. Как известно, северо-запад Тимур доверил своему сыну Мираншаху; в Ширазе была резиденция Пир Мухаммеда, сына Умар-шейха. Но скоро оказалось, что оба не оправдали возложенных на них ожиданий. О Мираншахе узнали, что после несчастного случая на охоте, который произошел с ним осенью 1396 года, его характер изменился в худшую сторону; принц стал вспыльчивым и непредсказуемым, попал под влияние жаждущих наслаждений друзей, которые все дальше и дальше вели его к гибели. Жестокие преступления вызвали восстание и разрушение тимуридского господства в той области, которая была чрезвычайно важной в плане стратегии. Жена Мираншаха, дочь одного хана и, следовательно, чингисидской крови, сама поехала в Самарканд, чтобы пожаловаться

Тимуру на своего мужа. Вызвать тревогу у Тимура должно было, прежде всего то обстоятельство, что Мираншах оказался неспособным помешать Ахмаду Увайсу повторно захватить Багдад. Еще в середине лета 1397 года — Тимур в это время возвращался в Самарканд — Мираншах погубил войско. Возлагая надежды на то, что Джелаирид убежит, как только услышит о приближении чагатайских соединений, Мираншах выступил ш Тсбриза без достаточной подготовки. Однако Ахмад терпеливо выжидал в Багдаде. Между тем в Тебризе начались раздоры, так что Мираншах поспешил вернуться. Войска, брошенные иод Багдадом, были полностью уничтожены. Кто избежал смерти на поле боя, умер от голода и жажды. Авторитету Тимура был нанесен тяжелый ущерб.

Итак, нужно было немедленно проследить за порядком. Еще в 1399 году Тимур приказал своему сыну Шахруху, который управлял Хорасаном из Герата, выступить в Азербайджан. Немного позже, всего после четырехмесячного отдыха от напряженного труда, он последовал за ним, определенно не подозревая, что эта кампания продолжится семь лет. Он добрался до войска Шахруха под Реем. Через некоторое время Мираншах предстал перед своим отцом, который встретил его в высшей степени холодно. Вину за ошибки принца свалили на его собеседников и друзей — знаменитых и многоуважаемых литераторов, ученых и музыкантов. Они все заплатились головой за преступления Мираншаха; принц же остался в войске рядом со своим отцом. На «трон Хулагу» должен был теперь взойти Мухаммед Султан, сын умершего Джахангира⁷⁹.

Только что были улажены неприятные дела, когда Тимур получил два радостных для него известия: умер Баркук и больше не было в живых правителя Китая! Князя Моголистана, которых Тимур еще никогда не мог покорить надолго, впутались, как узнал Тимур, в братоубийственную войну. Значит, если он восстановит господство Чингисидов и в Восточной Азии, то они не будут способны оказать общее сопротивление. Из благодарности Богу, который осуществил такой многообещающий поворот событий, Тимур сначала, как рассказывает хронист Шами, посвятил себя священной войне с неверными жителями гор Грузии⁸⁰.

В РЯДАХ ЧАГАТАИДОВ УСТАЛИ ОТ ВОЙН

Тимуровские хроники создают впечатление, что тогда Тимур снова был воодушевлен в стремлении к завоеваниям, в желании выполнить наконец завет Чингисхана. В его самом близком окружении, вероятно, также в кругу принцев, однако, больше не были готовы к тому, чтобы все снова и снова выступить в один поход за другим. Постепенно зрело сопротивление. В тимуридских источниках — это изменившийся характер Мираншаха и нашептывания его друзей, которые привели к ссоре с отцом. Ибн Арабшах, который, должно быть, в своем жизнеописании Тимура не обращает внимания ни на какую чувствительность тимуридов, рассказывает об одном письме Мираншаха к отцу, где осуждалась жажда Тимура к новым завоеваниям; совершенно откровенно сын говорил о том, что Тимур достиг старческого возраста; ему следует отказаться от руководства правительственными делами⁸¹. Это письмо было, вероятно, доставлено Тимуру во время похода в Индию.

Не только Мираншах, но и Пир Мухаммед в Ширазе, видимо, ополчился против господства неутомимого Тимура. Тот требовал от него, чтобы он подготовился с находящимися в его подчинении войсками к будущим походам. Однако Пир Мухаммед ссылаясь на болезнь и оставался в Ширазе. Он якобы даже планировал при помощи яда убрать с дороги неприятных людей, напоминающих ему о его обязанностях. Во всяком случае он был арестован преданными Тимуру эмирами и летом 1400 года привезен к его деду, который в то время воевал на территории Эрзерума. Снова были казнены ближайшие спутники непослушного принца, в то время как он отделался наказанием палками⁸².

Немного позже Тимур завоевал город Сивас; своему союзнику Мутахартену дал он затем поручение охранять северные области Анатолии. Он сам повернул на юг и занял Эльбистан: ему чуть не удалось захватить беглых князей Кара Юсуфа и Ахмада Увай-са, когда он собирался брать штурмом крепость Ба-хасну недалеко от Аинтаба⁸³; он стоял всего примерно в ста километрах севернее Алеппо. Казалось, нападение на Сирию пройдет без заминки. Но тут произошло нечто неслыханное; военачальники пришли к Тимуру и попросили временно прекратить военные походы! Нужно срочно набраться сил; едва успев вернуться из Индии, выступили на запад, теперь готовятся напасть на Сирию. Это совсем нелегкая борьба, так как страна защищена многочисленными, хорошо оборудованными крепостями. Мамлюкские войска, как известно любому, превосходно вооружены и испытаны в

боях. Короче говоря, борьбу с мамлюкской империей нельзя начинать, прежде чем воины достаточно не отдохнут и не устранят недостаток снаряжения и продовольствия. Здесь, на чужбине, этого не может произойти; чагатаидов нужно на продолжительное время отпустить на родину.

Мы не знаем, как Тимур усмирил недовольство своих военачальников и убедил их в правильности его целей. Тимуридские хроники сообщают, что он сослался на поддержку Бога, которая все еще выпадает на его долю; не от выдающегося военного снаряжения и не от хорошего физического состояния армии зависит это, а от духа, который ее вдохновляет, от желания победить.

ПАДЕНИЕ АЛЕППО

На мамлюкской стороне, вероятно, ничего не знали об этих событиях во вражеском войске. С ужасом услышали в Каире о кажущемся неудержимым продвижении Тимура. В середине сентября, говорят, Аинтаб пал; из города и прилегающих имений согнали людей и часть из них заживо сожгли, часть столкнули в ямы, которые до этого должны были вырыть сами жертвы. Вскоре после этого в Алеппо прибыла миссия Тимура, которая принесла обычное требование подчиниться. Наместник Алеппо велел убить послов и все силы приложил к тому, чтобы подготовить город к предстоящей осаде. Между тем в Каире закончились достаточно известные ссоры из-за необходимого количества денег, без которых нельзя было направить войско в Сирию. В ноябре посланник Чагатаидов добрался до Каира⁸⁵. Послание Тимура, которое он должен был вручить, содержало подробное изложение политических целей завоевателя: после того как он однажды привел в порядок запутанные отношения в Мавераннахре и Хорасане, Иран тоже был умиротворен; мелких династий, которые причинили так много вреда той стране, больше не существует. Дружеские, благоприятные для торговли связи он хотел завязать после этого с Баркуком, но тот не пошел на такое предложение. Наоборот, тем убийством (вероятно, имеется в виду преступление в Ар-Рахбе) — Баркук спровоцировал военный поход, организованный с целью мести, который был отложен потому, что нужно было окончательно уничтожить неблагодарного Тохтамыша. Затем Тимур получил известие, что его внук Пир Мухаммед, во время наместни-

чества которого пали Газни и Кабул, в Индустане и даже в Гуджарате одержал победу. Это обстоятельство требовало личного принятия решительных мер в Индии. Вернувшись, он начал строить необыкновенную великолепную мечеть в Самарканде, а затем предпринял поход на запад, который должен был смыть тот позор, который навлек на него Баркук. Под Реем он узнал о смерти Баркука и поэтому сначала прервал наступление, так как первая причина для военного похода, месть за смерть посла, со смертью султана отпала. Нельзя ли с легкостью устранить и вторую причину, плен Атламиса, благодаря чему избежали бы большого кровопролития? Фарадж не следует плохому примеру своего отца, а принимает совет Тимура отпустить пленного и приобрести вечную дружбу с Чагатаидами⁸⁶.

В Алеппо, между тем, были собраны сирийские мамлюкские эмиры с их военными частями, всего около трех тысяч конников, из которых Дамаск при его наместнике Судумс поставил немногим более четверти конников. Вожди мамлюков не могли согласовать, какие шаги следует теперь предпринять, а Тимур этим воспользовался, раздувая ссору. Ловко сеял он среди них недоверие к алеппинцу Демирдасу; тот сам позвал его, Чагатаида, потому что страна была не защищена; если он хочет сохранить свой пост, он должен арестовать наместника Дамаска Судуна. Посланник Тимура, который вручил это послание, так компрометирующее Демирдаса, был убит Судуном, но хитрый Тимур внес смуту и недоверие в ряды своих врагов⁸⁷.

Двадцать восьмого октября 1400 года войско Тимура начало смыкать кольцо вокруг Алеппо. Медленно, как бы робкими шагами и полные сомнений, подступали чагатаиды; сначала они окапывались за рвом, как будто боялись расположившихся в городе войск. Эти войска, вдохновленные колебанием врагов, со своей стороны заняли позицию перед воротами Алеппо. Несколько дней прошли в небольших стычках: даже население отваживалось подойти к стенам, чтобы понаблюдать за перестрелкой. Вдруг Тимур приказал дать сигнал к атаке. В панике все бросились обратно в город, всадники и пешие, солдаты и зеваки. У ворот, в узких переулках сотни людей затоптали насмерть, раздавили напивавшие сзади. Улицы были завалены горами трупов в человеческий рост. В неопишуемой сумятице некоторые мамлюкские части разбежались, некоторые воины спаслись в крепости, среди них Демирдас и Судун. Город был брошен на произвол грабящих чагатаидов⁸⁸.

Крепость Алеппо, настоящий шедевр, окружал широкий ров; склоны горы, на которой стояла крепость, были покрыты громадными каменными блоками; саперы нигде не могли начать свою работу. Тимур приказал осыпать гарнизон непрерывно градом стрел, так что никто не отваживался выглянуть из-за стены. Этим он создал возможность спустить воду из рва и в удобном месте форсировать создание минного коридора. «Я, ничтожный», — рассказывает Шами⁸⁹, — на пути в Хидшаз добрался до Алеппо и был взят в плен несколькими чагатаидами. Я наблюдал особенное зрелище, о котором хотел бы здесь сообщить. Я стоял на крыше напротив крепости и рассматривал господство создателя и смелость тех людей, как вдруг отворились ворота крепости, пять вооруженных мужественных воинов вышли и бросились на саперов. Когда те осознали опасность, они помчались на открытое пространство и уложили тех пять конников стрелами, стреляя снизу. Гарнизон крепости издал скорбный крик. Пять смельчаков обвязали себя канатами, концы которых держали мужчины в крепости. Они дернули теперь за канаты и подняли наверх тех пятерых, живых или мертвых, я не знаю. После этого никто больше не отваживался смотреть через отверстие башни, не говоря уже о том, чтобы выйти⁹⁰. Наконец гарнизон крепости сдался, повинувшись требованию Тимура.

Судуна заковали в цепи, с Демирдасом, напротив, обращались предупредительно. Громадное количество ценного имущества, которое принесло туда население с начала боев для сохранности, попало в руки врагов. Пятнадцать дней, по другим источникам, в течение целого месяца, позволил Тимур своим обнищавшим войскам грабить Алеппо и окрестности; сообщается об их отвратительных зверствах. В конце он укрепил свой триумф пирамидами из черепов, которые велел складывать так, чтобы лица мертвых смотрели на проходящих мимо⁹¹. Хотя чагатаидам дали возможность отдохнуть в Алеппо недели — впервые после долгого перерыва была разбита палатка Тимура для аудиенции — и награбленным добром были заткнуты самые зияющие дыры в обеспечении, эмиры снова пошли к своему полководцу и указали на совершенно недостаточное снаряжение войска; они настоятельно советовали отступить к побережью Средиземного моря и провести там зиму, чтобы будущей весной отдохнувшими и укрепившимися частями начать битву с мамлюками. Тимур не дал ввести себя в заблуждение такими просьбами. Он приказал отойти в Хомс. Оттуда он взял курс не

на Дамаск, ведущий через бесплодную страну, а двинулся с севера к равнине Бекаа и занял Баалбек. С удивлением описывает хронист Хафиз Абру, который находился в войске Тимура, гигантские каменные блоки античного города; без сомнения, это все могло быть только делом царя и пророка Соломона, которому служили джины⁹².

СТРАДАНИЯ ДАМАСКА

Двадцатого декабря 1400 года Тимур выступил из Баалбека на Дамаск. Его первой остановкой была могила, в которой, говорили, нашел вечный покой Нои . Султан Фарадж и его советники, между тем, пришли после долгой борьбы к мнению, что нужно в Сирии занять позицию для оборонительного боя. Уже в ноябре мамлюкские сановники вместе с верховными судьями и шейхом аль-Исламом на лошадях прошли через Каир и объявили священную войну Тимуру, «так как он завоевывал страны и добрался до Алеппо. Он убивал грудных детей у груди матерей, разорял дома, молитвенные места, мечети для молитв по пятницам, осквернял их, превращая в конюшни. А теперь он выступает против вас, чтобы разрушить вашу страну, убить ваших мужей и детей, угнать ваших женщин!» Под причитания населения был произведен смотр войскам, отряжаемым на войну. Еще больше, чем в Каире, люди в Дамаске были охвачены паникой, когда услышали о судьбе Алеппо. Они тасили все свое имущество в город, где, как они предполагали, будет безопасно; крепость была подготовлена к оборонительному бою; были устроены катапульты, уложены снаряды. Из Хамы прибывали с ужасающими известиями беженцы-мамлюки. Многие солдаты Дамаска хотели, подобно им, искать спасения в бегстве. Поэтому вышел указ: кто побежит, имущество его будет отдано на разграбление. Таковы были обстоятельства, в которых велись работы по улучшению укреплений в городе! Затем печальная весть, что крепость в Алеппо капитулировала! И одновременно — посланник Тимура, который призвал мамлюков Дамаска сдаться! Тогда заместитель коменданта — Су-дун же был в плену у Тимура — посчитал разумным оставить город. Но возбужденная толпа людей помешала ему в этом. «Никто не обнажит свое оружие! Город сдается Тимуру!» — выкрикивали в переулках. Главнокомандующий же крепости хотел выждать. Наконец спасительная весть из Каира: приближается султан со своими вооруженными силами! Прекратились разговоры о бегстве⁹⁴.

Примерно за две недели до того, как Тимур выступил из Баалбека, египетское войско под командованием султана Фараджа уже дошло до Газы, ворот в Палестину. Там Фарадж посоветовался с офицерами по вопросу тактики, которой нужно следовать. Один из них, Таджрибирди, отец летописца Юсуфа Таджри-бирди, порекомендовал султану оставаться в войсках под Газой. Дамаск — хорошо укрепленный город с достаточным количеством продуктов. Жителей и местные мамлюкские части нужно приободрить, чтобы они смогли терпеливо выждать. Даже если Тимур окружит город, он не сможет его взять. В его громадном войске слишком скоро почувствуют ощутимый недостаток во всем необходимом, и потом Тимур будет стоять перед выбором из двух зол: или он бросается со своими изнуренными войсками на отдохнувших солдат султана и терпит поражение, или снизойдет до позорного отступления. На Евфрате Фарадж сможет потом его догнать и уничтожить. Сам Тимур, когда узнал об этих планах после взятия Дамаска, высказался об этом вскользь⁹⁵.

Но все это было слишком поздно для мамлюков, прежде всего для населения Дамаска, которому предстояли ужасные мучения, так как предложенная тактика не соблюдалась; эмира Таджрибирди оклеветали, будто он был сторонником Танама, и обвинили в предательских связях с Тимуром. Все же Фарадж назначил его наместником Дамаска, куда он незамедлительно отправился, чтобы руководить мероприятиями по защите города. Султан, напротив, совершенно спокойно продвигался вперед и добрался до Дамаска только двадцать третьего декабря; «его вступление в город было ужасным днем, потому что люди кричали в панике, плакали и молили бога о победе». Через несколько дней палаточный лагерь султана за городом был готов, ожидали нападения чагатаидов. Конная головная походная застава нападающих появилась внезапно, но была уничтожена мамлюками. Несколько врагов перебежали к султану и предупредили его о коварном и подлом ведении войны Тимуром. Кроме того, Фараджу сообщили, что тимуридский гарнизон Алеппо был разбит и уничтожен; затем тимуридское объединение под Триполи попало в ловушку и было забито населением камнями; впрочем, половина войск Тимура готова дезертировать. Очевидно, султан поверил всему этому и стал чувствовать себя в безопасности.

Но потом вдруг войско Тимура оказалось совсем близко от Дамаска, заняло позицию под деревней Катана и вынудило вскоре после этого султана начать битву, в которой левый фланг египетских войск

был обращен в бегство. В следующие дни война ограничилась несколькими боями; большинство соединений обеих армий не покидали своих квартир. Кроме того, Тимур неоднократно предлагал султану переговоры об обмене пленными; он также снова потребовал выдачи Атламиса и обнадежил перспективой освобождения эмиров, которые попали в его руки в Алеппо. Серьезные переговоры, однако, не начинались, и, кажется, за это упущение должны были нести ответственность султан и его окружение, так как там были больше озабочены внутренними напряженными отношениями среди соперничающих кланов, чем требованиями войны с Тимуром; победа Фараджа над Танамом, очевидно, еще долго не способствовала урегулированию размолвок среди мамлюкских руководителей. Чем дольше безрезультатно велись бои, тем больше разваливалось египетское войско. Двадцать девятого декабря исчезла большая группа высших офицеров: поговаривали, что они поспешили обратно в Каир, чтобы там возвести на престол другого султана. Девятью днями позже, в ночь на седьмое января 1401 года, Фарадж тоже исчез; более того, кажется, его даже вынудили уехать в Каир эмиры, которые оставались с ним. Офицеры и высокие сановники из управления сломя голову бросили на произвол судьбы армию; некоторые высокопоставленные личности из Египта, судьи и эмиры, поспешили за ними, но в пути на них напали бедуины и ограбили. Свидетели сообщают, что повсюду валялось выброшенное оружие и оставленное снаряжение, так что было трудно прокладывать путь верхом через этот хаос, чтобы догнать султана. Этот неожиданный развал мамлюкской армии, естественно, заметили чагатайды. Они нападали на спасавшихся бегством и многих взяли в плен; беспорядок достиг почти невыносимых размеров. Совершенно оборванные, изголодавшиеся, часто вообще раздетые, говорят, прибыли позже одиночные мамлюки султана в Каир, и высокие эмиры лишились своих воинских частей почти до последнего человека⁹⁶. Поистине постыдное поражение, и это совершенно без серьезной борьбы!

А ведь мамлюки были хорошо информированы через перебежчиков о безнадежном положении у врагов со снабжением. Среди этих перебежчиков был Султан Хусейн, тимуридский принц. Эмиссару Тимура, который потребовал выдачи Султана Хусейна, продемонстрировали современное огнестрельное оружие, в надежде, что это произведет на него впечатление. Во время ответного визита

мамлюкского посланника Тимур говорил о мире. Ему ничего другого не оставалось, так как в той области, где стояло его войско, уже давно все заросло травой. Чтобы дело не дошло до катастрофы, ему нужно было поменять месторасположение лагеря. Эту возможность решительной атаки мамлюки оставили неиспользованной⁹⁷. Все это указывает на то, что в войске султана в те дни считали важнее нечто другое, а не войну против чагатаидов.

Итак, Дамаск с массой оставшихся в стенах города мамлюков низшего сословия был предоставлен самому себе. Беженцы из Алеппо, Хамы и Хомса пополняли ряды этих мамлюков. Как только наступил день того несчастливого седьмого января, войско Тимура двинулось в город, и разгорелась ожесточенная борьба, в которой защитники добились успеха; они не могли помешать тому, чтоб чагатаиды заняли и разграбили пригороды, знаменитые своим прибыльным садоводством. Тимур не преминул в это время посетить почитаемые там могилы двух жен Пророка и его чтеца молитв, абиссинца Билама. Затем он стал на постой в Аль-Каср-аль-Аблак, увеселительном замке султана⁹⁸.

Что потом произошло и какая судьба постигла Дамаск, описывается в летописях по-разному. Тимуридские источники пишут, что жители были так запуганы случившимся за пределами города, что послали делегацию к Тимуру, которая должна была просить о мире⁹⁹. Иначе в арабских сообщениях: чагатаиды просили назвать двух уполномоченных; эти уполномоченные пришли к Тимуру и должны были вести переговоры о перемирии. В этом предложении летописец Ибн Таджрибирди видит подтверждение планов его отца, отставленных египтянами в сторону¹⁰⁰, и, пожалуй, поэтому настаивает на том, чтобы инициатива переговоров исходила от осаждающих. Ибн Халь-дун, свидетель, блокированный в Дамаске, пишет, напротив, о собрании судей и ученых-правоведов в медресе Адилия, в котором он сам принимал участие; там пришла в голову мысль попросить Тимура пощадить город и его жителей — предложение, которое не нашло одобрения у коменданта крепости. Неприятную миссию поручили ханбалиту Бурхан-ад-дин Муфлиху¹⁰¹, честолюбивому человеку, который владел языками персидским и тюркским¹⁰².

Тимур встретил его чрезвычайно предупредительно. Дамаск — город пророков и сподвижников Мухаммеда: как можно разрушать такой город? Нет, он его пощадит и жертвует деньги и товары,

которые от него ускользнули из-за отказа грабить город, как милостыню от него и его сыновей. Причиной нападения на Сирию было будто бы только преступление алеп-пинского наместника. Он, как помнится, убил посланника Тимура¹⁰³. Наместник теперь его пленник, и, таким образом, он, удовлетворенный, может пойти на уступку. По обычаю: жители стран, через которые он проезжает после заключения мира, преподносят ему подарки из девяти предметов¹⁰⁴; именно этого он ждет и от жителей Дамаска перед своим уходом.

Результат переговоров с Тимуром был ужасающе многозначным. Безопасность только имелась в виду; его обещание, что он будет рассматривать добычу, от которой отказались он и его сыновья, как милостыню, было очень неопределенным и связывало только его и его родственников, но не многочисленных эмиров и их изголодавшиеся войска. Даже если у Тимура были честные намерения, будет ли он вообще в состоянии сдержать их страсть к грабежу, разжигаемую неприкрытой нищетой? И двусмысленной была также демонстрация уважения к «городу пророков и сподвижников». Тимур придерживается мнения, что сирийцы на заре ислама сильно провинились, потому что позволяли себе не оказывать необходимое уважение Мухаммеду и его родственникам. Уже в Алеппо в одной беседе, на которую Тимур пригласил к себе местных ученых, он упрекнул присутствующих, говоря, что неправильно почитать всех сподвижников Пророка; ведь это значит и тех, кто выступал против Али и его потомков. Когда один ученый позволил себе льстиво заметить, что он как-то читал в заметках на полях одной книги, что обоих первых халифов Омейядов, пожалуй, нужно проклинать, Тимур впал в ярость из-за такой отвратительной недобросовестности.

Легкомысленно подойти к вопросу об Алидах Тимуру было нельзя! Если ильхану Газану во сне являлся кузен и зять Пророка, чтобы побрататься с ним, то Тимуриды были убеждены в том, что Али сверхъестественным образом стал их предком! Как святой дух появился перед Мариеп в образе «красивого человека» (благочестивого?) и предсказал ей рождение Иисуса, так и Алап Кува, прародительница Чингисидов и линии Тимура, однажды забеременела от прозрачного «чистого света» сыном Али — «и она не была распутницей!» Это провозглашает надпись на саркофаге Тимура с намеком на рассказ о божьей матери в Коране (сура 19, стих 17 и 28)¹⁰⁵. Дамаск, бывшая резиденция Омейядов, которые преследовали

Алидов, имел все основания дрожать перед «господином счастливых обстоятельств». Замышлял ли он запоздавшую месть? Могилы Умм Хабибы и Умм Салямы, двух жен Пророка, находившиеся возле города, он нашел в плачевном состоянии во время своего посещения, состоявшегося несколько дней назад. Могилы не были так огорожены и не ухожены, как, по его мнению, они заслуживали; поэтому он сам дал приказ соорудить достойный памятник¹⁰⁶. Ссылку на ранг города Дамаска поэтому нельзя было понимать как угрозу в адрес жителей, которые должны были вложить свою судьбу в его руки пересылкой подарков из девяти предметов по всей форме.

В Дамаске очень хорошо понимали, как тревожно было то, что должен был сообщить им Бурхан-ад-дин Ибн Муфлих. Но он закрывал глаза на опасности и направил все свое красноречие на то, чтобы убедить недоверчивых колеблющихся в мирной воле и добрых намерениях Тимура, и наконец склонил большинство к желаемому мышлению. Каждый, кто противился прекращению перемирия, выторгованного Ибн Муфлихом, достоин смерти, объявили жителям. Между тем к городской стене прибыл посланник Тимура, который потребовал передать подарки из девяти предметов. Вопреки возражению коменданта крепости Ибн Муфлих и некоторые сановники отправились в лагерь Тимура. Там их приветливо встретили и оставили на ночь. На следующий день они вернулись с письмом, в котором жителям Дамаска была гарантирована пощада. Ворота были открыты для движения; тимуридский эмир занял там пост, чтобы воспрепятствовать проникновению в крепость не имеющих на то права чагатаидов. Партия, выступающая с Ибн Муфлихом за мир, ликовала и восхваляла Тимура и его благородные качества; наконец Тимур выбрал из их среды также представителей власти, которые отныне должны были нести ответственность за Дамаск. Ибн Муфлих с большим усердием взялся за задачу взыскать тот миллион динаров, которые потребовал Тимур в качестве вознаграждения за пощаду. Уже скоро ученый-правовед смог вручить эту громадную сумму завоевателю. Тот удостоил подношение лишь коротким взглядом, а затем дал волю своему гневу. Тысяча туманов, значит тысячу раз по десять тысяч динаров была договоренность! Ибн Муфлиха схватили и выставили из палатки для аудиенций; к нему приставили несколько эмиров, которые следили за его отчаянными усилиями собрать недостающие девять десятых.

От каждого жителя потребовали десять дирхамов; все владельцы

земельных участков кроме этого должны были выплатить сумму, которая соответствовала доходам за трехмесячную аренду их участка. Была нужна грубая сила, чтобы собрать требуемую сумму. Из-за принудительных мер хозяйство в городе пришло в упадок; поэтому продукты едва доставлялись, так что цены неизмеримо росли. Кроме того, теперь чагатайские военные были передислоцированы в город; богослужение по пятницам должно было проводиться от имени привезенного Тимуром марионеточного хана. При взятии крепости разгорелись жестокие бои, в ходе которых были уничтожены целые кварталы. Когда наконец в одном из туннелей, сооруженных саперами, вспыхнул огонь, рухнули расположенные над ним стены к башни. Гарнизон не видел другого выхода, как передать ключи завоевателям. Сокровища, накопленные годами внутри крепости, попали в руки Тимура; войска, которые так долго оборонялись от могущественного врага, были распределены как пленные в победоносном войске.

Жадность чагатаидов к добыче была ненасытна. До самых убогих приборов заставляли они отдавать все оборудование, от которого отказались египтяне; все оружие, которое находилось в руках жителей Дамаска, было тоже собрано. После того как Ибн Муфлих и его помощники оказали и эту услугу, Тимур их арестовал и заставил нарисовать точный план города, посредством которого он распределил отдельные кварталы между своими эмирами. Со своими единомышленниками они напали на население, чтобы забрать у них последнее. Они избивали и пытали, подвешивали людей за ноги, «засовывали людям в нос куски ткани, заполненные мягкой глиной — каждый раз, когда истязаемый издавал стон, кляп проникал все дальше, почти до удушья! И если их жертва уже почти умирала, они убирали кляп, чтобы она немного отдохнула. А потом они начинали применять другие виды пыток, так что истязаемый завидовал товарищам, которые уже умерли... К тому же они хватили и жен, дочерей и сыновей и делили их... между собой. Затем истязаемый должен был смотреть, как они насиляют его жену или дочь, занимаются гомосексуализмом с его сыном. Истязаемый ревел от боли, сын и дочь кричали от стыда за то, что их изнасиловали. И все это днем на глазах у всех!»¹⁰⁸. Давайте прекратим описывать зверства, которые были предвидимым результатом безответственного миролюбия Ибн Муфлиха!

СБЛИЖЕНИЕ ТИМУРА С ФАРАДЖЕМ

Наконец семнадцатого марта 1401 года закончились недели ужаса. Тимур со своим войском отправился на север. Художники и ремесленники, тюркские, абиссинские и индийские рабы и многие жители Дамаска были угнаны. Когда проходили через Алеппо, довершили там дело разрушения; здания крепости сровняли с землей, город сожгли¹⁰⁹. После этого Тимур отправил часть своих войск на войну против Грузии, которая окончилась осенью 1401 года заключением мира, жесткого для проигравших¹¹⁰. Сам он провел лето того года в военных операциях в северном Двуречье. Сначала он окружил Мардин, но смог завоевать и уничтожить только город, не крепость; она находилась на скальном массиве, таком мощном, что укрепление нельзя было разрушить минированием. Тимур снова отступил ни с чем и выступил против Багдада. Ему очень не понравилось, что Ахмад Увайс начал восстанавливать свою власть, и, кроме того, вступил в связь с султаном Баязидом. Некоторые сложности чагатаидов в Анатолии Тимур относил на счет интриг Джелаирида, который вместе с туркменом Кара Юсуфом уговорил Османов на войну против Эрзинджана.

Ахмад доверил свою столицу одному из своих эмиров, как только узнал о приближении тимуридских соединений, и отступил на юг, видимо, в район Хиллы, где стояло его войско¹¹¹. После длительной осады Багдада войска Тимура девятого июля 1401 года приступили к штурму и преодолели укрепления. Население, рассыпавшееся из-за сильного притеснения во все стороны, нашло путь к бегству закрытым; вся окрестность была оцеплена врагами; и началась резня, которая даже по тимуридским источникам достигла необычайных размеров. «И относительно мужчин и женщин, стариков и молодых, которые остались в городе, был издан приказ — всех убить. Так это случилось, и восьмидесятилетним стариком и восьмилетним мальчиком, всеми ими торговали на базаре гнева по одной и той же цене — ураган пренебрежения властителя начал бушевать и погрузил корабль жизни в пучину гибели — буря гнева швыряла благо их существования на берег утраты». Лишь немногие, среди них прежде всего ученые и дервиши, избежали смерти, и после резни город был превращен в развалины¹¹².

Эти бесчисленные убийства и разрушения, видимо, должны были раз и навсегда лишить Джелаирида возможности помешать порядку, за восстановлением которого нерешительно гонялся Тимур. Едва успев уничтожить Багдад, он поспешил в Азербайджан. Еще на

пути туда он собрал саидов, нотаблей и ученых Ирана вокруг себя и заполнил время беседами по вопросам веры и права точно так же, как он это часто делал в Алеппо и Дамаске, а также раньше. Во время броска на север он носился с мыслью снова продвинуться в Кипчакские степи, но потом удовлетворился войной с Грузией. Кроме того, он послал войска в Эрзерун; активность Баязида внушала ему опасения. Еще в зимнем лагере в Карабахе, в который он вошел с большей частью своих войск в начале ноября, он узнал, что Ахмад Увайс летом бежал к Баязиду; тот ему посоветовал привлечь на юге Багдада новые силы, чтобы таким образом расколоть войско Тимура, который, как свидетельствуют слухи, планировал наступление на Анатолию. И действительно, Ахмад снова в своей совершенно разграбленной столице устроил резиденцию. Поэтому еще зимой Тимур двинул войска на юг, но они надолго задержались в заснеженной горной стране Курдистан, ведя малые бои. Когда они наконец прибыли в Багдад, Ахмад снова бежал в Хиллу¹¹³.

Без сомнения, Тимур за эти месяцы увидел в Ба-язиде своего самого главного врага. В отношениях между чагатаидами и мамлюками, напротив, ослабла напряженность, после того как Фарадж и многие из его эмиров поспешили обратно в Египет. Еще в то время как Тимур мучил население Дамаска, послал он одного доверенного в Каир, чтобы снова потребовать освобождение Атламиса. На этот раз его посол был принят со всем уважением; ему пообещали выполнить просьбу, правда, не проявили слишком большой спешки. Только в конце 1402 года, после победы Тимура над Баязидом, сообразовали отпустить Атламиса, после того как Тимур еще раз энергично напомнил египтянам об их обещании. В июле 1403 года послы, которые сопровождали Атламиса к Тимуру, вернулись домой с многочисленными ценными подарками для Фараджа, среди них боевой слон, две пантеры и два сокола для охоты, но прежде всего с почетной одеждой султана; это, как полагает современный наблюдатель, должно быть, означает, что мамлюкский правитель в Египте и Сирии является теперь только наместником чагатаидов. Этот наблюдатель только предполагал, а в окружении Тимура были убеждены, что Фарадж покорился, согласился ежегодно выплачивать дань и наносить на монеты мамлюков имя «господина счастливых обстоятельств». Шами сообщает, что Тимур, после того как египетские посланники объяснили все

таким образом, стал относиться к султану Фараджу «как к сыну»¹¹⁴ — как когда-то к принцу Тохтамышу!

ВСТРЕЧА С ТИМУРОМ

Несчастный Бурхан-ад-дин Муфлих ревностно исполнял все желания Тимура, которого интересовали не только трофеи для финансирования новых военных походов. Самарканд, столица его империи, должен был стать столицей всех искусств и наук. Он хотел общаться с самыми знаменитыми учеными того времени и перевести их, если это было возможно, во всемирный центр, который он готовился основать. Он услышал, что прославленный маликитский ученый-правовед и историограф Ибн Хальдун скрывается в Дамаске, куда он прибыл в свите султана Фа-раджа. Ибн Муфлиху было поручено доставить Ибн Хальдуна.

В угнетенном состоянии из-за неизвестности, что могло ждать его у Тимура, появился Ибн Хальдун на рассвете у городских ворот; там несколько кади ожидали момента, когда будет открыто движение. Для встречи Ибн Хальдуна сюда прибыл посланник Тимура; чтобы избежать ненужной волокиты, Ибн Хальдуна спустили на канате со стены. Его вежливо поприветствовали и проводили в палатку, разбитую совсем рядом с палаткой Тимура. Вскоре Тимур велел позвать ученого. Позже Ибн Хальдун в своих воспоминаниях описал встречу с Чагатаидом. «Я вошел в его палатку для аудиенции; он лежал на подушках, опираясь на локти. Ему подавали блюда с кушаньями, и он указывал на толпы монголов, которые сидели группами перед палаткой. Войдя, я начал свою речь к нему с «салам» и выразил свою преданность жестами. Тогда он поднял свою голову и вытянул руку навстречу мне, так что я смог ее поцеловать. Потом он велел мне сесть, и я сел там, где я как раз стоял. Из круга его доверенных он вызвал хорезмийского ханафитского ученого-правоведа Абу аль-Джаббар ан-Нумана, который был у нас переводчиком».

Тимур сначала осведомился, почему Ибн Хальдун покинул свою родину и как принял его Баркук. Ибн Хальдун доложил обо всем, также о своем назначении на пост маликитского судьи Каира. После этого заговорили о географии Северной Африки, рассказы Ибн Хальдуна не удовлетворили Тимура; он призвал своего гостя составить описание тех стран со всеми подробностями, что и было сделано в последующие дни. В конце беседы были предложены кушанья, Ибн Хальдун ел их и хвалил,

что Тимур «очень хорошо воспринял. Потом я снова сел, и мы молчали. Но меня охватил страх, я все же, должно быть, думал о том, что случилось с шафиитским верховным судьей Садр аль-дин аль Мунави¹¹⁵. Преследующие египетское войско схватили его под Шахха-бом¹¹⁶ и посадили в тюрьму, чтобы выжать выкуп... Поэтому я обдумывал слова, которые хотел ему сказать, чтобы польстить ему восхвалением его персоны и его господства, так как я слышал раньше в Магрибе много предсказаний о гибельных событиях, связанных с его появлением. Астрологи, которые занимались союзами обеих внешних планет (Юпитера и Сатурна), наблюдали союз в десятом знаке гороскопа¹¹⁷, который относится к знакам, подчиняющимся стихии воздуха, еще в 66 году (VIII века по мусульманскому летосчислению)¹¹⁸. Однажды днем 761 года я встретил в караван-мечети в Фесе Абу Али Бади-са, проповедника из Константина, который разбирался в той науке. Я спросил об ожидаемом соединении и его последствиях. Он ответил: «Оно указывает на ужасного возмутителя на северо-востоке, который происходит из народа кочевников-скотоводов, живущего в палатках. Этот народ будет покорять империи, свергать династии, завладеет большей частью мира». Я продолжал спрашивать: «Когда появится тот возмутитель?» — «В году 84-м распространится о нем весть». То же самое написал мне еврей Ибн Зарзар, врач и астролог короля франков, сына¹¹⁹ Альфонса. И мой учитель, великий знаток рациональных наук, Мухаммед Ибрахим аль-Абили¹²⁰ — да хранит его Бог! — сказал мне, когда я обратился к нему: «Его появление близко! Если ты останешься жив, то его, конечно, увидишь».

«От магрибских суфиев мы часто слышали, что они ожидали этого события и полагали, что ему будет предшествовать Фатими, о чем говорят шииты, ссылаясь в своих предсказаниях на изречения Пророка¹²¹. Знаток магрибских святых... рассказал мне, что их учитель однажды сказал им сразу после утренней молитвы: «В этот день родится Фатими, последний властитель!» И это было в сороковые годы восьмого века. Из-за всех этих намеков я ожидал его в своих мыслях. В страхе я пришел к мысли заговорить с Тимуром о подобных вещах; может, я ему понравлюсь, и он поэтому будет питать ко мне доверие. Поэтому я обратился к нему со следующими словами: «Пусть Бог всегда будет помогать тебе! Уже тридцать или сорок лет мне хочется тебя встретить». В ответ на это переводчик Абд аль-Джаббар спросил меня: «По какой причине?» — «По двум причинам, — сказал я. — Во-первых, потому что

ты султан мира, король мира земного. Я не думаю, что со времен Адама до сегодняшних дней среди творений появлялся властитель, равный тебе. Я не имею обыкновения болтать наобум, более того, я ученый! Я объясню тебе: власть короля происходит только из общности крови; чем больше эта общность количеством, тем могущественнее королевство. Теперь ученые с давних пор единодушны в том, что самых многочисленных народов человечества два — арабы и тюрки. Вы очень хорошо знаете, какая могущественная королевская власть была у арабов, когда они, объединившись верой, сплотились вокруг своего Пророка. И то, что тюрки довели правителей персов до страшного бедственного положения, и Афрасьяб, тюркский король, вырвал Хорасан из их рук, свидетельствует о том, какая высокая доля выпала тюркам в королевском правлении. Ни один из королей земли не смог когда-либо полагаться на такое сильное чувство коллективизма, ни шах Сасанидов, ни император (Византии), ни Александр или Навуходоносор... Что они все по сравнению с тюрками? Это ясное доказательство моего утверждения о королевском господстве. Вторая причина, которая поддерживала во мне желание встретить его, были предсказания магрибских астрологов и святых». И я упомянул то, что только что здесь рассказал¹²²».

Тимур велел Ибн Хальдуну дать разъяснение по Навуходоносору; тот считался тогда персидским полководцем, а не государем; значит, его положение было сравнимо с тем, которое было у Тимура по отношению к чагатайскому марионеточному хану. На это обстоятельство указал сам Тимур. Как раз в этот момент до него дошла весть, что городские ворота Дамаска открылись; пришли судьи, чтобы подчиниться и получить прощение из рук завоевателя. Тимур, который не мог идти из-за увечья в колене, без промедления сел на лошадь и поскакал к городу в гудящем барабанном шуме. Ибн Хальдун вскоре после этого стал свидетелем беседы с судьями, во время которой речь шла и о мерах, при помощи которых можно подготовить штурм крепости. В дни, когда бушевала битва за форт, Ибн Хальдун составил в лагере Тимура затребованное донесение о географии Магриба¹²³.

Кроме того, Ибн Хальдун раздобыл несколько подарков, которые он вскоре поднес Тимуру; великолепный экземпляр Корана, ковер для молитвы, отрывок из очень популярных хвалебных стихов Пророку, автором которых был аль-Бузири (ум. 1293), четыре шкатулки с египетским узором. Тимур все благосклонно принял, даже откликнулся на просьбы Ибн Халь-дуна выписать всем арестованным чтецам

Корана, авторам диванов и так далее, которые, должно быть, будут сопровождать чагатаидов в далекий Самарканд, документ, который гарантировал бы им безопасность души и тела. Когда наконец пришел день отхода чага-таевидов, Ибн Хальдун смог отправиться в путешествие в Каир, на свою вторую родину. Он отправился в путь к побережью Средиземного моря, так как надеялся, что в Сафаде найдет корабль, который отправится в Египет. Еще до того, как он добрался до портового города, у него и его попутчиков бедуины отобрали все имущество, далее одежду. Голые, пробивались они в Сафад. Через несколько дней османский парусник приплыл в порт. До Газы путешествовали на корабле. Оттуда Ибн Хальдун продолжил обратный путь по суше¹²⁴.

ЯВНОЕ И СОКРОВЕННОЕ

Обращение Ибн Хальдуна к Тимуру, в котором он в сжатой форме связал свою теорию о ходе истории с предсказаниями астрологов, читается как скрытое отмежевание веры от какого-либо влияния сверхъестественных сил на события в этом мире; только чтобы получить благосклонность Тимура и чтобы не быть угнанным в далекий Самарканд, он упомянул спекуляции магрибских суфиев с появлением Фатими. И мышление Ибн Хальдуна понималось до сих пор как относящееся к совсем земным силам — из динамики чувства солидарности общностей, которые понимаются как родственные по крови, он объясняет восхождение династий; неизбежный развал этого чувства солидарности в ходе совершенствования обычаев, которое начинается сразу после захвата власти, ослабляет боевую силу и оканчивается свержением пережившей саму себя династии. Общности с неизрасходованным чувством солидарности занимают свое место, игра начинается сначала¹²⁵. Трудность в этой действительно простой теории представляла роль, которую играли религиозные пожертвования, основание ислама Мухаммедом в этом процессе становления и уничтожения господства. Ибн Хальдун помогал себе дальше представлением, что через овладение проявленной верой чувство солидарности, влияющее самопроизвольно и до сих пор неожиданное, даже вредя общности, очищается до силы внутреннего руководства, осознанного индивидуумом в своей истине, и единственному членуобщности дается возможность подчиниться руководству внешнего мира, связанному с религиозными нормами, при

отказе от всех поисков собственного «я». Другими словами, коллектив с узаконенным исламским господством может избежать распада¹²⁶.

Учение Ибн Хальдуна о ходе истории и его обоснованности охватывает не только социологическую и религиозную сферу, но и космологическую. Он признается в сообщении о беседе с Тимуром, как сильно его будоражат намеки сведущих в астрономии суфиев и как он сам трудится над дальнейшим разъяснением этой тайны. То, что он превозносил Тимура как того самого предсказанного, могло быть вынужденной лестью — но, напротив, нелицемерным является убеждение, что за всеми земными событиями, беспорядочность которых можно уже немного разглядеть учением о влиянии чувства солидарности, царит космический порядок; он, правда, не каждому непосредственно виден, суть его, однако, может быть считана людьми, сведущими в разнообразных знаках.

Именно скотоводы-кочевники содействовали тому внушающему ужас возмутителю в том, чтобы он господствовал над миром, услышал однажды в Фесе Ибн Хальдун от Абу Али Бадиса. Кочевой образ жизни скрывал те силы, влияние которых он пытался обосновать в теории во «Введении» в историческую науку, написанном в 1377 году, значит, около шестнадцати лет после беседы в караван-мечети. Между обеими датами лежат годы политической и дипломатической деятельности и эффективных исследований исламской истории; свой большой исторический труд он завершил вчерне¹²⁷. Его теория, следовательно, результат очень долгого духовного процесса, в котором он учился понимать эпохальные события как результат совпадения нескольких, смотря по обстоятельствам, только для себя исследованных компонентов. Грубой силы варварской клановой солидарности недостаточно, чтобы вызвать свержение данных условий господства; они, скорее, достигли определенного уровня закостенелости. Восторг, который может вызвать религиозное послание в общностях, объединенных клановой солидарностью, — еще один фактор, который нужно учитывать. Как силы, освобожденные чувством солидарности, имеют историческое значение длительное время только в соединении с представлениями о порядке, обоснованными с точки зрения религии, так и набожный энтузиазм без совместных действий с теми силами может привести только к мимолетным результатам¹²⁸. Так представляется сторона истории, непосредственно доступная чувственному восприятию и разуму.

За этим скрывается действительность, которая иногда стихийно открывается святому, духовидцу, но которая может быть раскрыта и при помощи магических манипуляций. Ибн Хальдун ни в коем случае не отрицает наличие такой действительности. Что он отрицает, так это утверждение современного суфизма дервишей, что можно стать ясновидящим, не соблюдая законов шариата. Это самомнение, а не ясновидение само по себе и космологический порядок, скрытый под поверхностью явлений, доступных чувствам, отвергает он в своих сочинениях, направленных против суфизма дервишей. И во «Введении» Ибн Хальдун пишет, что в суфизме с некоторого времени принято разбирать учение о единственности бытия и о том, что святым присуща божественная сущность. Так как в Северной Африке ожидаемый человек, который будет олицетворять самое совершенное воплощение божественного, называется именем «Фатими», заимствованным из шиитской эсхатологии, то Ибн Хальдун предполагает сильное влияние сторонников партии Али на тогдашних суфиев¹²⁹. В тринадцатом и четырнадцатом столетиях были действительно отдельные люди, которые воспользовались ожиданием того спасителя и объявили себя «Фатими», соответственно, и последним правителем. Они все, как замечает Ибн Хальдун, должны были потерпеть неудачу, так как у них не было поддержки сильного солидного общества. К тому же ни при наследниках Фатимы, дочери Пророка, ни при Курейшитах вообще не было заметно чувства солидарности; другие народы теперь одухотворены таким ощущением¹³⁰. Уже в 1377 году Ибн Хальдун, видимо, имел в виду тюрок, так как он изложил это Тимуру двадцать четыре года спустя. В этой связи следует вспомнить также о распространенном в исламской историографии представлении, что Чингисхан был не только завоевателем, но и законодателем.

Если хочешь понять ход истории, восхождение могущественных династий, нужно связать предсказания будущих событий, возмутителя на северо-востоке, о котором было извещено союзом Юпитера и Сатурна в десятом знаке зодиака, с другими, доступными пониманию данностями; только из обобщения таких компонентов вытекает возможность понимания, которое в этом случае рассматривает также и знаки из области сокровенного. Каким бы путем ни передавалось представление о событиях космоса, сокрытых от органов чувств — будь то творение Бога или дополнение его существования — это представление содержит неоценимую познавательную ценность. Во

«Введении» Ибн Хальдун описывает некоторые методы, которые — наряду с произвольными видениями и снами — могут дать человеку такое представление.

Когда Ибн Хальдун написал в 1377 году «Введение», он еще очень сдержанно говорил о быстрых путях сверхъестественного восприятия, как, например, астрология, наблюдения с птичьего полета и другие; допускал, конечно, что у людей есть способности к такой деятельности и что правитель берет их на службу для своих целей. Многочисленные примеры и из исламской истории известны. Тем не менее, шариат запрещает овладевать при помощи названных методов знаниями, которые Бог вообще не разрешает получать людям, помимо некоторых исключительных случаев, в которых создатель сам раскрывает это избранным им. Ибн Хальдун верит, что подобное случается, прежде всего, в снах или это сопутствующее явление святости человека. Сверхъестественные познания, достигнутые преднамеренно при выполнении определенных занятий, могут быть, конечно, ошибочными¹³¹. Если же, напротив, сверхъестественное представление выпадает на долю суфиев, собственная цель которых — растворение в едином Боге, то следует говорить об акте божьей милости, о чуде. Примеры, которые Ибн Хальдун здесь приводит, доказывают, что он убежден в истине таких неумышленных представлений. Правда, исламский юрист, который хотел бы судить о таких явлениях в зависимости от верности шариату лиц, с которыми они происходят, ступает на зыбкую почву. Есть суфии, которые в силу того, что они, очевидно, душевнобольные, совершенно не могли бы действовать в духе шариата по закону, и все же они имели бы бесспорно высокий ранг святости. Святость не ограничивалась теми людьми, которые жили строго по шариату¹³². Невольно признает здесь Ибн Хальдун, как хрупка преграда, которую ученые шариата защищают от суфизма дервишей. Ибн Хальдун во «Введении» делает в одном месте наброски антропологических предпосылок сверхъестественного познания.

Чувственные впечатления человеческой души мешают вступить в связь с областью сокровенного своим, свойственным ей образом. В глубоком сне это, конечно, может случиться, когда на некоторое время сбрасывается завеса материальности, «или с помощью способности, которая находится... только в определенных людях, как, например, в предсказателях, или с помощью лишений для искупления грехов, как

это делают суфии»¹³³. Действенность определенных приемов прочтения сокровенного для Ибн Хальдуна, следовательно, вне всяких сомнений, высока. Он описывает вслед за этими высказываниями искусство предсказания с помощью «Заираджи», техники, которая, очевидно, имеет преимущество в том, что она не запрещена шариатом, так как она была разработана Мухаммедом Ахмедом аль-Марракуши, умершим в 1337 году. В 1370 году Ибн Хальдун посвящен в тайны «Заираджи». Вначале он сомневался в этом искусстве, так как не хотел верить преданию, которое связало этот метод с пророком Мухаммедом и, таким образом, объявило его допустимым, сообщает один очевидец. Но затем спросили саму «Заираджу», применяется ли она уже издавна, и выяснилось, что уже Идрис, литературный герой среди пророков доисламского периода, знал ее. Ибн Хальдун был вне себя от радости от этого ответа.

У «Заираджи» речь идет о схеме концентрических кругов, которые подчинены планетным сферам, четырем стихиям, «созданным вещам, спиритуализму и другим видам существования и знаний». Так называемые струны делят схему кругов на двенадцать сегментов, предоставленных знакам зодиака; на каждую струну пишут определенные комбинации букв, которые стоят здесь по их численным значениям. На каждые двенадцать полей заносят по семь наименований наук, например, «геометрия», или другие понятия, как «победа» или «отец и мать». На обратной стороне листа рисуют сетку из двадцати пяти квадратов, которые заполняются буквами и цифрами по установленному образцу. В запутанном методе, который подробно описывает Ибн Хальдун, можно дедуцировать ответы на написанные вопросы¹³⁴.

Совершенно откровенно Ибн Хальдун не признался в том, что он получил сверхъестественные представления с помощью «Заираджи»; он только признал, что он в этом разобрался¹³⁵. В его сочинении, направленном против суфизма дервишей, много места уделяется методу высматривания сокровенного, а также методам магического влияния действительности. Очень подробно цитирует он таких авторов, как египтянин аль-Буни (ум. 1251), возможно, самый главный авторитет в этой области в исламское средневековье¹³⁶; он копирует его космографию, предположения для тогдашних методов познания и влияния, но также упоминает в этой связи и Ибн аль-Фарида, Ибн аль-Араби и других учителей единственности бытия. И он ни в малейшей степени не оспаривает то, что с помощью магии можно проникать в «мир

природы»; это многократно проверено¹³⁷.

Таким образом, и такой человек, как Ибн Халь-дун, ученый шариата и пронизательный историк-философ, также оказался затронутым мощным потоком идей, теологические и космологические идеи которого были доказаны метким словом о единственности бытия. Единственность бытия означает, что все явления связаны друг с другом и что они не имеют воспринимаемых человеческими органами чувств корней в области сокровенного, которое является необходимым дополнением мира чувств. Если хочешь обосновать события, воспринимаемые миром чувств, понять историю, нужно также попытаться увидеть корни явлений, уходящие в область сокровенного.

АНКАРА

Для всех разумных людей стал несомненным факт, неоднократно подтвержденный опытом и событиями, что развитие этого мира зависит от справедливости и что любая жизнь расцветает только тогда, когда почитаются хорошие обычаи. Благодаря тому, что теперь сооружается высокая крыша мира, раскрашивается ковер земли, руководитель и подчиненный, правитель и верноподданный получили отведенное им место... Небо, которое является верхней частью космоса, было предназначено херувимам Бога, а место всех стран Бога — на земле... Если различие между высоким и низким исчезает, то устройство мира расшатывается... Чтобы помешать этому, разуму были даны полномочия отделить хорошее от плохого, благородное от пошлого... Законы, данные Богом, и стихи чудесного (божественного) откровения как искусные врачи; если смесь соков разума уклоняется от естественного убеждения, так что он предпочитает... плохое хорошему, те врачи предостерегают: «Никого нет среди нас, кто не имел бы определенного ранга!» (сура 37, 164)... Теперь в мастерской бытия царствование имеет то же самое воздействие, что и те искусные мастера: как врач может считать позволительным отделить определенный член для предотвращения общего ущерба, так и государи принимаются тоже за отделение и сортировку... и подобными мерами сплачивают мир... Эти соображения следующим образом вставляются в наш

рассказ: мир долгое время был лишен тени могущественных султанов, и в любой империи кто-то захватывал власть. Так, страна Рум при царствовании Баязида погибла от молнии. Баязид с некоторого времени... хвастался своей независимостью, и теперь коварный демон вложил в его мозг яйцо переоценки самого себя, так что он стал заблуждаться в отношении своей власти, превысил предназначенный ему ранг, поставил свою ногу за пределы выделенного ему ковра и (в пику) такому величию... когда порог двора великие люди этого времени целуют губою рабства, постоянно говорил он о непослушании и направлял пошлые письма господину счастливых обстоятельств¹...

Шами (ум. до 1409)

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЗАКЛЮЧИТЬ СОЮЗ

С 1335 года Анатолия больше не наслаждалась «тенью ильханидского султана, дающей прохладу». И здесь гибель династии, основанной Хулагу, представила авантюристам и бывшим вассалам возможность возвыситься до ранга мелких князей — например, в Кайсери Эретне и его потомкам. Однако самое позднее с 1381 года они мирились с властью кади Бурхан-ад-дина, который без всякого стеснения и постоянно в союзе со счастьем до середины девяностых годов держал нити анатолийской политики в руках. Его самыми опасными соперниками, видимо, были князья Карамана; их намерения, конечно, совпадали в одном пункте с намерениями Бурхан-ад-дина: речь шла о том, чтобы выманить Османа Баязида из Анатолии. До середины четырнадцатого столетия Османы владели лишь сравнительно маленькой территорией, расположенной на западной окраине. Потом были захватывающие дух успехи на Балканах, увенчанные победой на Косовом поле. Но там султан Мурад пал в конце битвы, в то время как его войска торжествовали — благоприятное стечение обстоятельств для мелких князей Западной Анатолии, которые стремились под руководством Алад-Дина из Карамана сразу урезать власть Османов, от которой исходила угроза. Но напрасно! Сын и наследник Мурада понимал эту опасность; уже в 1390 году он предпринял поход на юго-запад и насильственно присоединил княжества Айдин, Сарухан и Ментесе. Весной 1392 года он выступил в Среднюю Анатолию, завоевал почти всю страну Кандароджуллари и этим ощутимо помешал окружению кади

Бурхан-ад-дина. О том, какая значительная военная сила была тогда в распоряжении Бурхан-ад-дина, свидетельствует тяжелое поражение, которое он нанес через несколько месяцев османскому султану². Нам становится понятным, что Бурхан-ад-дин чувствовал себя достаточно сильным после этой победы, чтобы в последующие годы проводить описанную хитрую политику проволочек в отношении Тимура, и что тот также не пытался во что бы то ни стало дать решающий бой правителю Сиваса³.

Только что кратко описанные обстоятельства определяют угол зрения, под которым Тимур впервые воспринял Османа Баязида — как нежелательного оккупанта, вторгшегося в ту часть Анатолии, которой когда-то владели ильханы; как несовершеннолетнего сорвиголову, который осложнил завершение великой задачи реставрации монгольского господства. И это именно теперь, когда Тимур пожинал там первые плоды своих усилий: уже в 1387 году, во время трехлетней кампании, Мутаххартен, князь Эрзинджана и постоянный враг Бурхан-ад-дина, заверил Чагатаида в своей преданности. Когда в 1394 году Тимур после взятия Багдада во второй раз вступил в Анатолию, Мутаххартен снова быстро подчинился ему и обеспечил себе господство в своем княжестве⁴. Тогда Тимур получил этим в свои руки богатый перспективный опорный пункт для захвата новых земель. Разве не было бы лучше всего выставить снова из Анатолии Баязида и Османов, которым завоевания на Балканах принесли славу храбрых борцов за веру, — как раз ссылаясь на то, что султан может умножать свои заслуги перед религией только в Европе, а не здесь, на земле, уже давно ставшей мусульманской?

Приблизительно в апреле 1395 года, после победы над Тохтамышем на Тереке, Тимур приказал сочинить подробное послание Баязиду, содержание которого передано в собрании писем. Как следует из одного замечания, это уже вторая попытка Чагатаида завязать дружеские отношения с Баязидом; миссия, раньше отправленная Мираншахом, не дошла до Османа, так как тот отдавался тогда борьбе за религию на западе. Тимур тоже попытался держать Баязида в курсе всех предприятий, когда он с конца лета 1394 года вел войну против христиан в Грузии, стремясь укрепить плацдарм для борьбы с Тохтамышем⁵.

До сих пор между ним, Тимуром, и Баязидом, блестящим примером всех борцов за истинную веру, еще не было никакой

дружбы. Но слышали, что как на самом востоке вели войну с целью уничтожения заблуждающихся, так и Баязид на западе боролся с отрекающимися от шариата, и триумф ислама стал для него делом, которому он отдавался всей душой. Это в высшей степени похвально, и в той степени, как Баязид боролся за распространение ислама «в западных странах», Бог позволил выпасть на его долю «всякого рода счастья и доказательств милости» — другими словами: «Будь умным и довольствуйся западом!», так как «твоему светлейшему духу открывается следующее: когда Чингисхан стал правителем Ирана и Турана по предназначению не имеющего начала вечно (в бытие) выступающего (космоса), и солнце его счастья возшло на вершину господства, он поделил империи между своими сыновьями. Весь Иран он передал своему сыну Чагатаю, и по его приказам уполномоченные управляли некоторое время страной самым лучшим образом. Однако когда Мункэ взшел на престол... мог свободно решать судьбы империи, послал своего брата Хулагу... в Иран и передал ему ту страну, то он и его потомки царствовали там... и мы долго спорили с ними из-за Ирана, вели часто войны с ильханами. Когда наконец та страна лишилась украшений рода Чингисхана», она оказалась в хаосе, жизнь разрушилась. Это обстоятельство, уверяет Тимур, после долгого совещания заставило чагатайского хана решиться на очередной поход в (только что об этом говорилось) области, первоначально выделенные Чагатаю. Но поход должен был прерваться, когда в 1388 году Тохтамыш напал на страну по ту сторону Окса.

Тимур коротко упоминает о своем большом походе в империю кипчаков; с тех пор к востоку от Волги правил Темир-Кутлуй⁶, который враждовал с Тохтамышем. Этот Темир-Кутлуй много лет жил в окружении чагатайского хана. Теперь наступил момент завершить то, что должны были отложить в 1388 году, — возвращение Ирана Чингисидам. Владение всем Ираном и несколькими горными странами позволило собрать такое громадное войско, что Тохтамыш и его соратники спасались бегством. Здесь Тимур начинает хвастаться; победа, одержанная в середине апреля 1395 года на Тереке, вовсе не была блестящей⁷. Очевидно, Тохтамыш пытался, продолжает Тимур, утвердиться на той стороне Днепра, поддерживал же он связи с неверными франками — подразумеваются русские и литовцы⁸. Если бы это известие оказалось правильным, то было бы желательно, чтобы чагатаиды продвинулись с востока, а османы с запада в страны

севернее Черного моря.

Ловко связал Тимур оправдание своих войн — они должны отвоевать наследие Чингисидов, предназначенное вечным Небом, — с долгом борьбы за веру⁹; возлагались надежды на совместную выгоду, которая досталась бы Баязиду, только если бы он покинул Анатолию. — И этим он должен утешиться! — Тимур вкрадывается в доверие к султану, раскрывая ему свои планы на ближайшее будущее: как только будет улажено неприятное дело с Тохтамышем, он хочет преподать надлежащий урок тому черкесскому выскочке, похитителю трона Баркуку, который не побоялся взять в плен халифа, а также тому кади из Сиваса, который объединился с черкесом. Повторным приглашением вступить друг с другом в дружеские связи заканчивается письмо Тимура к Баязиду¹⁰.

ВОЙНА ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Осман, правда, не стал поступать на службу к Тимуру. Чагатаиды должны были сами бродить по странам севернее Черного моря, но они не схватили Тохтамыша¹¹. Несолоно хлебавши, возвратились из Кипчакских степей. Пятилетняя кампания близилась к концу, а у Тимура и его войск больше не было сил осуществить объявленный поход против Баркука¹². Но отложить — не значит отменить! В 1399 году Тимур снова выступил на запад. И в этот раз, должно быть, дело дошло до столкновения с Баязидом, так как османы использовали время, чтобы значительно расширить свое влияние в Анатолии. Они осмелились продвинуться далеко вперед в область, которая когда-то принадлежала ильханам. В 1397 году Бурхан-ад-дин пал жертвой покушения — событие, которое Тимур воспринял с радостью¹³. Но последствия могли ему не понравиться. Нотабли Сиваса, которые уже при Бурхан-ад-дине заставили заговорить о себе как о самостоятельной политической силе¹⁴, обратились к Баязиду, который расширил свои владения в Анатолии за счет значительных частей княжества Караман и за счет области Амасья. В нем они увидели могущественного князя, который мог защитить их город в бесконечных войнах эмиров. Баязид послал своего сына Сулеймана в Сивас. Однако Осман этим не удовлетворился. Смерть Баркука и последующее ослабление мамлюкской империи соблазнили его продвинуться в 1399 году до верхнего Евфрата и занять Малатью, Эльбистан и другие форпосты

каирского султаната. Этим он серьезно расстроил планы приближающегося Тимура.

Но семилетняя кампания, которая началась через несколько месяцев после окончания индийской экспедиции, не сразу была нацелена против Баязида: скорее Тимур взял под прицел еще раз Грузию. Лишь год назад он вел войну в Индии, а сейчас покорил со своими войсками так далеко расположенный Кавказ — достижение, па которое вряд ли был способен сам Александр, говорит Шами¹⁵. Зиму 1399-1400 годов Тимур провел, как уже было не раз, в области Карабаха. Как только ослабли суровые морозы, на собрании совета решили напасть на грузинского князя, который предоставил убежище сыну Ахмада Увайса. Для Тимура речь шла, как и раньше, об исключении тех возможных претендентов, которые могли бы помешать его делу восстановления чингисидского господства. Казалось, он еще не хочет померяться силой с Баязидом. Впрочем, он принял Мутаххартена из Эрзинджана, который заверил его в своей неизменной верности¹⁶. Анатолийские дела, должно быть, Тимур тоже в то время не выпускал из поля зрения. Они развивались совсем не так, как ему хотелось бы. Баязид теперь совершенно открыто объединился с теми, кто больше всего мешал планам Тимура: с Ахмадом Увайсом, Джелаиридом, который не хотел терять княжество, взятое его отцом из наследства ильханов, и с Кара Юсуфом, предводителем туркменов «Черного барана», которые заняли Тебриз в первый раз, когда Тимур в 1388 году неожиданно поспешил назад в Ма-вераннахр. Именно Кара Юсуф летом 1395 года победил того самого Атламиса, чагатайского коменданта Авника, которого взяли в плен и выслали в Каир¹⁷, — как раз в то время, когда «господин счастливых обстоятельств» безрезультатно преследовал спасающегося бегством Тохтамыша! Теперь, четыре года спустя, Кара Юсуф сообщил османскому султану, что «проклятый Тимур» снова прибыл из Турана в Иран и присвоил себе ханат, основанный Хулагу; пусть Баязид поручит эмирам на своей границе быть очень бдительными; он, Кара Юсуф, хочет остановить чагатайдов; война против Тимура важнее борьбы против неверных. Баязид велел ответить, что нужно разбить ту «злую собаку»; Кара Юсуф должен привлечь к себе в союзники князей Ширвана, Гиляна, Курдистана и Луристана¹⁸.

Собственно, Ахмад Увайс и Кара Юсуф были соперниками, но то, что Тимур теперь в третий раз вторгся в Западный Иран и на Кавказ, свело их вместе. Кара Юсуф и его туркмены кочевали в начале лета 1400

года под Диярбакыром. Там распространилась весть, что воины Мавераннахра разбили свой лагерь в горах Бингола южнее Эрзерума после последних успехов в боях против грузин. Ахмад, который не сомневался в упорстве, с которым Тимур преследовал Джелаиридов, предполагая, что предстоит атака, двинулся на север с силами, какие он смог мобилизовать, и под Мосулом натолкнулся на Кара Юсуфа. Оба признали, что сами они не смогут отразить нападение Тимура. Они решили двигаться со своими сторонниками к Баязиду, но дополнительно просить помощи у каирского султана Фа-раджа, сына Баркука. Когда они проходили через область Алеппо, мамлюкский наместник Вовлек их в долгие бои; ответ на просьбу обоих спасающихся бегством князей, очевидно, еще не был объявлен¹⁹.

Между тем Мутаххартен привел к своему защитнику Тимуру несколько отрядов туркмен²⁰ и, таким образом, сделал все, чтобы только скорее выполнить желание Баязида присоединить Эрзинджан к своей империи²¹. Когда Мутаххартен весной 1400 года появился перед Тимуром, очевидно, прежде всего, говорили о походе на Анатолию, который, как правильно предположил Ахмад Увайс, начался с продвижения в Бингола. Несмотря на предостережения, которые Кара Юсуф велел передать султану османов, тот уделил мало внимания в те месяцы Анатолии. В четвертый раз он осаждал Константинополь, и казалось, в этот раз успех был близок²². Тимур, сваливая вину за начинающуюся войну на своего противника, еще раз передал Баязиду предупреждение не нарушать установленные им границы — это, должно быть, был намек на угрозу Эрзинджану со стороны Османов. Конечно, тиму-ридская летопись возмущается высокомерием, с которым султан отвел то предупреждение, в котором снова говорилось о большом значении войны с франками и о возможном ущербе от иных действий. Уже в августе войска Тимура окружили Сивас, завоевали крепость и перебили защитников самым жестоким способом²³. В то время как осадные орудия и саперы делали свою разрушительную работу, сообщили, что Кара Юсуф и Ахмад Увайс были на пути к Баязиду. Чагатайский отряд выследил их, схватил и доставил вместе с частью гарема Джелаирида к Тимуру²⁴. Тимур вскоре после этого уехал из Сиваса и отправился на юг, захватив крепости Эльбнстан и Малатью, которые лишь недавно Баязид присоединил к своей империи. Осенью 1400 года чагатаиды стояли перед Алеппо, зимой Дамаск пережил описанные недели ужаса²⁵.

ТАКТИКА ОБЕИХ СТОРОН

Известие о нападении на Кара Юсуфа и Ахмада Увайса настигло Баязида у Константинополя. Ахмад Увайс велел ему передать, что южнее Мурата на него и на Кара Юсуфа напал сторожевой отряд Тимура; но против ожидания сохранили ему жизнь. — О неприятной потере части гарема Ахмад умолчал. — Вскоре Тимур перейдет к нападению — в этом уверены в Сирии и Египте. Баязид ответил, с гордостью указывая на то, что он одержал большие победы как борец за веру — в 1394 году взятие Салоник; в 1396 году победа над королем Сигизмундом Венгерским и его союзниками, французами, Немецким рыцарским орденом и Иоаннитами, выступление которых благословил папа как крестовый поход. И теперь, в момент решающего удара по Константинополю, этот проклятый Тимур! К перемирию с византийцами он относился слишком беззаботно, сообщает Баязид Джелаириду, подтвердив, что нужно для отпора Тимуру прервать войну против неверных²⁶.

Война против чагатаидов Баязиду была совсем некстати. Но он не мог оставить Сивас для разграбления. Так он вошел в Анатолию, в то время как войско Тимура продвинулось на юг, в Алеппо, и, очевидно, снова взяло Сивас, так как Ахмад Увайс, брошенный, между тем, на произвол судьбы Кара Юсуфом, поехал через Сивас и Анкару в Аксарай, где его приветствовал Баязид. Султан предоставил в распоряжение своего гостя область Кютахья, для того чтобы он мог вести соответствующую его рангу жизнь во время пребывания у Османов. Немного позже вступил и Кара Юсуф на османскую землю и был пожалован лепным поместьем Аксараем²⁷. Войско Тимура — как мы знаем, уставшее от войны²⁸, — вторглось, между тем, в Сирию. Возможно, Баязид ожидал, что в борьбе против мамлюков оно измотается? Предостерегающее известие Тимура с требованием незамедлительно выдать ему Кара Юсуфа и Джелаирида, а султану посвятить себя священной борьбе против франков²⁹ не произвело, очевидно, впечатления. До весны 1401 года свирепствовали чагатаиды в Сирии; богатые трофеи, которые они раздобыли жестокостью и презрением к людям, возможно, казались им справедливой компенсацией за пережитые лишения. Таким истощенным, какими они были перед нападением на Сирию, не хватило бы сил для отступления и полного лишения похода

через Анатолию. Но этот переход стал теперь неизбежен, так как Баязид ни в коей мере не дал себя запугать победой над Сивасом и решил укрепить свою власть в Центральной Анатолии. Летом 1401 года он появился перед Эрзинджа-ном и заставил Мутаххартена, надежного союзника Тимура, покориться. Область, приобретенную таким образом, он доверил управлять Кара Юсуфу. Только когда местное население слишком громко стало роптать, он отобрал у Мутаххартена княжество; его жителей, однако, он приказал угнать в Бурсу³⁰.

В это время Тимур со своими главными вооруженными силами стоял на севере Двуречья, безуспешно стараясь занять крепость Мардина; потом он узнал, что Ахмад Увайс вернулся в Багдад и пытался возобновить там свое господство. Это была чрезвычайно неприятная неожиданность, показавшая, что чагатаидов теснили с севера и с юга. Почти просительно звучит теперь письмо, которое просит вручить Осману Тимур и в котором он снова предлагает ему дружеские отношения. Он хочет информировать султана обо всех шагах; тот должен знать, что в Багдаде восстала чернь против тимуридской оккупационной власти и что он, Тимур, теперь, несмотря на летний зной, выступает (в поход), чтобы подавить восстание; потом войска вернутся в летний лагерь на альпийские пастбища Ала-даджа. Теперь, действительно, наступило такое время, что и Баязид посылает к нему высокопоставленное лицо с пожеланием победы над мамлюками; для быстрого продвижения сил против неверных — Тимур ссылается на свои успехи в борьбе с грузинами и абхазами — необходима дружба между ним и Баязидом³¹. В следующем послании Тимур сожалеет, что между ним и султаном османов испортились отношения; султан, по-видимому, ему не доверяет, и поэтому он торжественно заверяет, что у него честные намерения. Тимур намекает на то, что Баязид лелеял мысль быть посредником между ним и мамлюками при отношениях дружеского доверия. Но, как уведомляет Тимур адресата, возможности посредничества совсем не было, так как в этом деле Чагатаиды были правы с точек зрения «божьего закона, разума и чести». Убийство посланника под Ар-Рахба и взятие в плен Атламиса сделали неизбежным нападение на Сирию. Впрочем, Баязид, династия которого уже такое долгое время владела султанатом, намного превосходил по достоинству выскочку Баркука и с полным правом отнял несколько провинций в Анатолии. Как он мог обращаться к Фараджу, отпрыску такого жалкого раба, в официальных письмах со словами «сын» и «султан обоих священных городов»? Ахмад Увайс сеет смуту из

Багдада; если Джелаирид снова будет искать убежища у Османов, то Баязид ни в коем случае не должен его принимать; Ахмад — правитель, от которого отвернулось счастье. Но что угрожает отравить зарождающуюся дружбу Тимура с Баязидом — это нападение на Эрзинджан, на которое, очевидно, подстрекал Османа Кара Юсуф. Этот Кара Юсуф должен быть выдан. Однако Тимур сам не хотел в этот момент выступать со своим войском в Эрзинджан³², а только в Алададж, так как «не хотел несчастья...».

И это письмо вместе с ответом Баязида вошло в собрание образцов дипломатических документов и поэтому передано потомкам. Баязид указал Тимуру на то, что он предпринял достойные порицания попытки посредничества только в пользу мусульман, как раз в Мекке и Медине; его образ действия нельзя истолковывать в этом отношении так, что он начал дружить с мамлюками; он продолжает оставаться их врагом. С Ахмадом Увайсом, напротив, его связывает долгая дружба и поэтому он его не выдаст. Даже Хулагу, основатель империи ильханов, не требовал от мамлюка Бейбарса, чтобы тот отправил назад потомка последнего аббасидского халифа. Из некоторых намеков Баязида ясно, что Тимур, очевидно, намеревался устроить суд над Ахмадом и Кара Юсуфом на «ильханском собрании совета»³³. Наконец Тимур представил османскому султану значительное предложение по урегулированию ссор в Центральной Анатолии: Баязид должен отступить из области, которая принадлежит Мутаххартену, и освободить лежащую там крепость Камах; при этих условиях Ча-гатаиды намеревались в будущем воздержаться от любого посягательства на Сивас, Малатью и Эльбистан³⁴. Итак, Баязид без борьбы получил назад район сосредоточения войск против мамлюков, врагом которых он себя считал, по собственному признанию.

В середине лета 1401 года Тимур превратил Багдад в развалины и приказал вырезать большую часть населения. Теперь пока нельзя было и думать о том, чтобы открыть против него второй фронт. Не в последнюю очередь это причина того, что Баязид вдруг стал стараться улучшить отношения с Тимуром. Он отправил послов в зимний лагерь чагатаидов, попытался использовать и Мутаххартена. Однако упорный отказ Баязида изгнать Кара Юсуфа привел, по описанию тимуридских источников, все хлопоты о компромиссе к провалу. Тимур настаивал на своем требовании и велел передать, что в следующем году весной он подойдет к границам Османской империи и будет ждать ответа султана.

В середине марта 1402 года Тимур осуществил свою угрозу: он

двинулся от зимнего лагеря на запад, правда, еще раз передав Баязиду свою точку зрения и к тому же настоятельно требуя освобождения крепости Камах, важнейшего замка в княжестве Мутаххартена³⁵. Слух, что Кара Юсуф теперь больше не с Баязидом, не смог поколебать теперь Тимура в его решении. Он завоевал Камах и продвинулся потом в Сивас. Посольство Баязида, которое должно было переубедить его в последнюю минуту подарками, ничего не добилось.

Перед Сивасом он устроил смотр войскам — спектакль, который должен был запугать османских послов. «И мысли омрачились, и их разум пришел в замешательство». С требованием Тимура сопроводить к нему всех родственников Мутаххартена, угнанных Баязидом в Бурсу, а султану дать одного из своих сыновей в заложники, отправились они домой³⁶.

БИТВА ПОД АНКАРОЙ

Снова удалось Тимуру нарисовать перед своим врагом картину необыкновенной сплоченности. Причины, которые прежде побуждали его добиваться дружбы Баязида, были устранены в его глазах; возможная угроза с юга была ликвидирована. И это для Тимура было, очевидно, самым решающим, а не моральное состояние его войск, о котором уже давно ничего хорошего нельзя было сказать. На собрании эмиров и князей, которое в конце зимы 1402 года должно было решить вопрос о будущих военных походах, Тимур перечислил все, что было за войну против Баязида. Остальные присутствующие назначили одного из их среды, который должен был доложить «господину счастливых обстоятельств» их опасения. В данный момент не выгодно наступать на империю Османов. Более того, астрологи узнали, что царь чагатаидов во время похода в страну Рум погибнет; «конечно, полководец должен сам распоряжаться!» Разозленный Тимур спросил о доказательстве истинности этого предсказания, но не получил ответа. Тогда один из эмиров предложил:

«Если полководец считает это -правильным, мы должны предпринять этот поход несмотря на недостаточную подготовку эмиров и вопреки решению астрологов, Мы надеемся на поддержку Бога, на побежда-ющую счастливую силу, и так завоеван будет. Рум, а Баязид

Молниеносный... закован в кандалы, так как он был чрезмерно еысокомерен,- и настал конец его господству. Господин счастливых обстоятельств позвал своего астролога и приказал: «Скажи мне откровенно, что тебе стало известно из положения звезд?» Тот ответил: «Астрологический календарь, который я составил на этот год, я доложил, С величайшей осторожностью я истолковал приметы и записал их значения. Восходящая звезда твоей власти чрезвычайно сильна, восходящая звезда власти врагов очень слаба». Теперь в созвездии Овна появилась комета, от вечерней молитвы до исчезновения сумерек; позже она стала видима и на западе, потом исчезла. Через несколько дней ее можно было увидеть на востоке. Астролог прочитал господину счастливых обстоятельств из книги Мухъи-ад-дина аль-Магриби, что, если комета появляется в созвездии Овна, правитель с востока завладеет страной Рум, а правитель Рума будет взят в плен. Господин счастливых обстоятельств велел принести ему ту книгу, выказав свое недоверие. Почти сто лет прошло со времени написания этой книги (а теперь появилась комета)! Ее слова принесли Тимур у облегчение и он подтвердил свое решение выступить походом на Рум³⁷.

Предсказание, которое несмотря на давность не могло относиться к уже происшедшему событию, рассеяло последние сомнения. Теперь уже стояли под Сивасом, следовательно, вступили на землю, на которую претендовал Баязид. Часть чагатайского войска через Кайсери продвинулась к Анкаре; Тимур следовал на некотором расстоянии. Под Анкарой он узнал, что Баязид со своей армией уже близко. Тимуридские источники повествуют, что ряды чагатаидов охватывало все большее беспокойство, далее уныние; они опасались, что изнуренные лишениями дальнего похода уступят противнику на его собственной территории; однако Тимур провел ночь перед битвой в молитве и утром уверенно расположил свои войска для боя. Сведения о ходе последовавших боев противоречивы; даже точная дата неизвестна, вероятно, она выпадает на последние дни июля 1402 года. Битва закончилась сокрушительным поражением Баязида, которому не удалось подстеречь Тимура за пределами османской территории. Вместо этого он был вынужден гнаться за агрессорами, так что вступил в решающий бой с истощенными силами. Кроме того, чагатаиды внедрились многочисленных шпионов в османские войска. Им удалось уговорить дезертировать татарский контингент, который находился под командованием Баязида. Более того, чагатаиды превосходили его армию численностью³⁸. Несомненно только то, что бегущие

османские войска не смогли защитить своего султана: его окружили и взяли в плен³⁹.

Одним ударом было уничтожено дело всей жизни аязида: самая большая часть его анатолийских завоеваний снова была потеряна, о штурме Константинополя нечего было и думать; империя оказалась в кризисе, из которого ее вывел только Мехмед II (прав. 1444-1446 и 1451-1481). Византийцы же, наоборот, могли торжествовать. Император Мануил II (прав. 1391-1425) посетил в это время важные европейские дворы, чтобы вымолить поддержку против Османов. Его наместник в Константинополе, после того как получил победную вест, послал большую сумму денег и многочисленные подарки; Тимур дал ему знать, что согласен с тем, чтобы принимать ту же самую дань, которую византийцы должны были вносить до сих пор Баязиду. Шами делает из этого поспешный вывод, что в Константинополе — подобно тому, что и в Трапезунде — согласились на введение подушной подати и тем самым, на признание мусульманского суверенитета. В этом нет ничего, кроме лести, которой Тимур, должно быть, возвышался до исполнителя самого горячего желания всех борцов за веру.

Французский король Карл VI (прав. 1380-1422), усердный вдохновитель крестового похода против Османов, потерпевшего неудачу несколько лет назад, видимо, давно возлагал надежды на того удивительного завоевателя и захотел установить с ним контакт. Теперь Тимур удостоил его ответом, который он доверил одному доминиканцу итальянского происхождения, занимавшему пост епископа Султании; Тимур победил общего врага, было написано в послании, и в остальном счастлив узнать о здоровье «великого князя» и надеется, что в будущем между обеими странами будут ездить туда и обратно купцы, деятельность которых приведет «мир к расцвету». О слишком глубоком уважении эти строчки, которые Тимур велел передать лишь через монаха, а не эмира, не говорят. И в Кастилию и Англию, в Геную и Венецию сообщил Тимур о своей победе над Баязидом. Такие подробности Шами не выболтал бы, даже если бы он их знал, если бы Тимур сам не заговорил о предосудительном заинтересованном объединении с «франками»⁴⁰.

Как раз после победы над Баязидом Тимур должен был доказать на глазах у мусульман серьезность своих намерений в борьбе за веру. Он притворился, что отныне будет сражаться с «франками» за распространение ислама, как до этого делал его пленный враг. Но чагатаиды не

укоренились глубоко в Малой Азии, и поэтому завоевание некоторых крепостей, например, Измира⁴¹, было не чем иным, как мимолетным обозначением притязаний, не рассчитанных на продолжительное время. Наряду с византийцами самую большую выгоду из поражения Баязида извлекли мамлюки. Опасения Ибн Хальдуна, что Осман распространит свое господство на юг, были теперь беспредметными. Но, как и в случае с Константинополем, здесь тоже *отложено* — не означает *отменено*⁴².

Вскоре после своего триумфа Тимур снова обратился к Востоку, к странам Кавказа. Там мы находим его в 1403 году с усердием предающимся войне с грузинами, абхазами и армянами так, как будто он хотел еще задним числом лишить Баязида венца самого удачного борца за веру того времени. Однако слух, что Ахмад Увайс был схвачен в Сирии переодетым в дервиша, а мамлюки захватили в плен Кара Юсуфа, вероятно, напомнил Тимур о том, что все его громадные усилия, которые требовали не один раз его войска, в конце концов не привели к удовлетворительным результатам. На всякий случай он отправил миссию, которая, как мы догадываемся, должна была потребовать от мамлюкского султана выдачи тех двоих⁴³. Тимур не смог претворить идею реставрации наследия Чингисхана в длительный политический строй. Существовали только он его сыновья и внуки, его доверенные, и существовали его враги, которых нужно было устранить с тыла боя. Мысль о постоянном воздействии с помощью институтов, каким бы фрагментарным оно ни было, ему приходила в голову. Евразия была для него его любимой шахматной доской, где он переставлял фигуры, Пока однажды всем врагам не был объявлен мат⁴⁴. Не только Анатолию и Кавказ он оставил без мирного порядка; и в Иране он должен был снова и снова принимать меры против бунтовщиков. 1404 год, обратный путь в Самарканд больше нельзя было откладывать; ему пришлось хотя бы формально обеспечить господство над основными исламскими областями. Умару Бахадуру, сыну Мираншаха, с позором свергнутого с «трона Хулагу»⁴⁵, должно быть, теперь, когда империя стала непобедимой, можно доверить некоторые страны, являющиеся — по представлению Тимура — чингисидской территорией. Документ, составленный для этой цели, называет Мидию от Рея до Азербайджана, Кавказ до Дербента, включая Грузию и страну абхазов, а также Диярбакиры и Ирак до Хидшаза, страну Рум до Истанбула, страну франков — вероятно, Трапезундскую империю⁴⁶, — а также Сирию до Александрии и до Нила⁴⁷. Документ датирован концом месяца шабана 806 года⁴⁸, значит, был написан в первой половине марта

1404 года. В середине лета того же года Тимур, наконец, добрался до своего любимого Самарканда⁴⁹. Семилетняя кампания закончилась.

БАЯЗИД И ТИМУР

Баязид и Тимур. Столкновение этих двоих великих завоевателей вдохновляло фантазию людей не только на исламском Востоке, но и в Европе. Рассматривая ретроспективу, можно сказать, что именно высокомерие Баязида привело к катастрофе под Анкарой, и поэтому катастрофа явилась справедливым наказанием⁵⁰. Да, ужасным, страшным напоминанием является падение Баязида. Он много раз хотел бежать из плена и, наконец, был заперт Тимуром в клетку с железными решетками, и, подобно дикому зверю, его возили за Тимуром⁵¹. Кое-что другое, худшее, могут сообщить тимуридские источники. С Баязида сняли оковы и великодушно допустили к целованию ковра. Тимур упрекал своего поверженного врага в недостойных, эгоистичных действиях, восстающих против постановления судьбы. «Если бы ты думал и на примере других поостерегся, то это было бы лучше, чем теперь другие остерегаются на твоём примере!» Загнанный до полной подавленности, Баязид унился до положения раба Тимура и в ответ на это был одет им в почетную одежду⁵². Победённому врагу в шаблоне монгольского мышления, который признает право на жизнь только для членов «мирного сообщества», не остается ничего кроме морального самоуничтожения. Только как нищий раб может он, пока это нравится охраняемому небом «господину счастливых обстоятельств», быть наделен из его руки новым существованием. Кого удивит то, что Шами сообщает о тяжелом душевном заболевании, которое поразило Баязида. Все искусство врачей оказалось бесполезным.

Напрасно он надеялся и на утешение звезд. Тимур утверждает, что исход битвы за Анкару был заранее предопределен «благодаря воздействию неба и предназначению Бога». Баязид попросил о беседе с астрологом Тимура. Просьба была удовлетворена, и тимуридский летописец Хафиз-и Абру, говорят, был свидетелем разговора между пленным султаном и астрологом. «Да, в той книге так написано!» — поучали Баязида. У него было еще много других вопросов, и он попросил астролога время от времени его посещать. «Исследуй мой гороскоп! С такими людьми, как ты, я на короткой ноге. Как только я с ними

поговору, моя душа находит облегчение!»⁵³ Продолжительным это облегчение не могло быть. Как проявлялось страдание Баязида, источники умалчивают. Он скончался от этих страданий девятого марта 1403 года под Акшехиром⁵⁴.

ХАОС И КОСМОС

«Возвышенный создатель причин — полны благословения его имена! — по своей воле, которая не знает причин, связал исполнение любого события... с наличием посредника, связующего члена, чтобы в движении мира... проявились тайны его чудесной всеохватывающей мудрости. У кого есть разум, тот видит, что ничто в этом мире не происходит без мудрости Бога, хотя создатель мог бы действовать произвольно. Божественное послушание¹, единственное, что вызывает все события, есть, таким образом, одно-единственное, что превосходит эту исключительность... привязывает, в свою очередь, к этой исключительности процветание того мыслимого многообразия, и многообразии (мира) никоим образом не могло бы быть упорядочено без этой единственности; так следует устройство дворца калифа² человеческому телу, которое является микрокосмосом, следует указаниям единственной души, без которой в нем не было бы постоянно излучающегося внимания и ничто бы не осуществилось. Точно так же существование многообразия макрокосмоса зависит от полноты власти и повелевающей силы превосходящего всех суверена...»³

Эти слова летописец Жазди находит для вступления к своему сообщению о противоборстве Тимура с Баязидом. Многообразие человеческого тела благодаря душе становится органичным целым; всемирный правитель Тимур заставляет необозримое многообразие человеческих устремлений объединиться в остроумной гармонии; весь ход вещей в конце концов проникается словом Бога, его мудростью, является только ограниченному числу наблюдателей как гибельный беспорядок, хаос. Скрытым за запутанной несовместимостью всего существующего лежит единое строение, и поэтому кажущееся неуправляемым является познанным разумом. Весь космос

наполнен влиянием Бога, и Бог всегда действует мудро, хотя мог бы, являясь таким всемогущим, поступать самовольно, вопреки всей мудрости.

Как это мировоззрение отражается в языке летописи, превращая кажущуюся страшной путаницу событий в растолкованное сообщение и раскрывая этим ее целебный характер, мы уже разбирали. Микрокосмос отдельного человека, доступная нашим действиям земля, наконец, Вселенная — эти три области бытия, в которых аналогичным образом вплетаются друг в друга единственность и многообразие, определены на долгое время мудростью Бога. Неисчисляющим творцом добра и зла, как учила суннитская теология, которая господствовала с одиннадцатого века, не мог быть этот мудрый Бог. Вопрос, что такое добро и зло, оказался под углом зрения все пронизывающего, всем управляющего строения Бога, мнимой проблемой, вытекающей из недостатка возможности восприятия широких масс, которая не пронизывает поверхность явления, а запутывается в многообразии. Ибн аль-Ара-би, великий проповедник новой и, как он полагал, превосходящей суннизм формы ислама, в 1190 году увидел в Кордове толпу всех пророков от Адама до Мухаммеда, и они раскрыли ему смысл подлинной веры: «Нет ни одного зверя, которого бы Бог не держал за вихры! Мой господин на верном пути!» — написано в суре 11, 56. Каким радостным посланием были эти слова Пророка, разъясняет Ибн аль-Араби: Бог, по своей истинной сути, является экстрактом наших чувств; он на небе и на земле, в каждом месте, в котором мы находимся, и он вообще каша сущность — ничто с ним не сравнится (сура 42, 11), и это означает, что нет ничего, кроме него, он в каждой вещи!

Вещи, отличающиеся от наших чувств, определения, разработанные разумом, это все образует кажущийся мир многообразия; речь идет о том, чтобы понять единую, подлинную сущность многообразного, и этого никогда не достигают с помощью разума, лишь в состоянии, которое наступает после превышения возможностей разума, в состоянии звероподобия, как говорит Ибн аль-Араби. «Я смотрел и хотел сказать, что я воспринимал, но не мог этого сделать. Не было разницы между мной и онемевшим... (В этом состоянии) ясновидящий превращается просто в разум, отделенный от естественной материи. Так он воспринимает то, что лежит в основе отражения, выявляющегося в природе»⁴. Что может

еще означать при этом опыте высочайшей уверенности в благе шариат со всей его казуистикой, связанной с высшими формами проявления; что такое все теологические мудрствования по вопросу, справедлив ли Бог — по человеческим понятиям! Или является ли добрым или злым, по его или по нашему суждению, какое-либо действие? На явления пристально смотрят защитники шариата и все, кто не может оставить рационалистическую теологию. У них перед глазами лежит мир как загадочный хаос, трудно переносимое нагромождение страдания, силы и произвола, и их Бог такой же загадочный и тиран. Однако кто раскрывается идеям, самым эффективным проповедником которых был Ибн аль-Араби, тому хаос становится только иллюзией, тому навстречу сияет скрытый космос, собственное бытие.

Разнообразны — и даже еще не основательно отобраны, не говоря уже о том, что не исследованы — литературные формы и образец мышления, с помощью которых эта совокупность идей с конца двенадцатого века завоевала исламский мир⁵ и заглушила унаследованные науки. В исследовании это решительно отрицающее исламскую бездну между творцом и творением толкование мира как проявления божественной сущности постоянно воспринималось только как отмеченный мистикой монизм совершенно эзотерического характера; и в этом смысле говорили даже некоторые защитники такого толкования мира: эзотерики, теологи и знатоки шариата выдают поверхность явления за истинный смысл, эзотерики, немногие, действительно познающие, однако, разгадывают это заблуждение⁶. Словам Ибн аль-Араби тоже можно было приписать такое высокомерие, которое оставляет введенным в заблуждение только одно: пожать плечами; но это было бы в конце концов злонамеренным недоразумением. Многочисленные статьи Ибн аль-Араби доказывают, что у него речь шла не о совершенствовании способа представлять себе Бога, доступного лишь немногим, а о совершенстве ислама, об окончательном понимании святого послания, направленного каждому человеку! «Нет животного, которого Бог не держал бы за вихры». — И это также не круг невольных эзотериков, которому Ибн Таймия в начале четырнадцатого века объявил войну всеми силами, а многослойное, мощное течение времени, навстречу которому он бросается; оно поддерживалось и поддерживается выдающимися учеными, пользуется

большой любовью у правящих, дервишами приносится в народ разного рода фокусами, и Ибн Таймия, остроумный теолог — а он был таковым — точно представил логически непреодолимую пропасть, которая отделяла его от учителей «единственности бытия»: ислам шариата может представлять себе послушание Богу только как приказ, закон или как какой-нибудь конкретный, в отдельном случае доступный пониманию акт созидания, и никогда как силу, проникающую через космос и непрерывно действующую, а поэтому все оправдывающую, отменяющую разницу между добром и злом⁷. Уже Фахр-ад-дин ар-Рази (ум. 1209) — мы знаем его как суннитского теолога, который не прятался от мучительных вопросов⁸, — вынужден был согласиться с представлениями тогдашних суфиев, «наших сподвижников», которые доказывали наличие единственного духа, проникающего во все тела, подчиненные возникновению и исчезновению; отсюда снова появляется возможность святых творить чудеса. Дух, а не тело совершает в прямом смысле действия. Но согласно суре 16, 2 дух, приносимый вниз ангелами, является частью божественного соединения, которое, как подчеркивает и Жазди, является единственным. Ар-Рази сообщает теперь, что углубленное познание Бога святым, просмотр событий в области сокровенного делают тот дух послушным, так как он относится не к явлениям, которые возникают и исчезают, разделяются и разрываются, а к «миру небес». Заключение в смертную оболочку человека, он большей частью забывает свое происхождение и становится слабым, как тело. Однако если он знаком с познанием Бога и любовью к нему, если он еще мало принимает участия в управлении этим телом и посылает ему свет освященных небесных духов с божьего трона и льется над ним, то он приобретает силу управлять телами этого мира так, как управляют небесные духи человеческими поступками. Это «чудеса святых». Дух людей различен, так же как и духи небес. Теперь, если душа сильна «силой святого природного свойства, сияющей сущности, предрасположения, стремящегося наверх»⁹, то определенные упражнения, которые «стряхивают с нее пыль мира возникновения и исчезновения», могли бы сделать ее способной «свободно владеть субстанцией мира возникновения и исчезновения — с помощью света познания насквозь божественного величества»¹⁰. Ар-Рази, который здесь, очевидно, передает взгляды

суфиев, его «сподвижников», ни в коем случае не отмежевывается на деле от таких мыслей. Существенной для него является оговорка: истинные святые, как он считает, боялись чудес, так как они могли бы соблазнить их стать высокомерными и этим отдалить от Бога. Так будет лучше всего, если человек, который стал святым, ничего об этом не знает¹¹. В четырнадцатом веке такой страх исчез; святые скрывали свое проникновение в сокровенное и свою способность влиять на него.

Этому способствовало то, что все, что ар-Рази анализировал в понятиях науки¹², было перенесено через столетие после него также в народную поэзию, смешано с различными легко запечатлевающимися картинками и переведено с научного арабского на язык простолюдина. Один пример может это пояснить: «Гарибнаме» дервиша Али Ашик-Паши (1271-1332), написанное по-тюркски, охватывающее около двенадцати тысяч двустиший учебное стихотворение, которое, как свидетельствует большое число рукописей, пользовалось в Анатолии величайшей любовью. Уже происхождение автора позволяет нам догадаться, к каким кругам он преимущественно надеялся обратиться: его дедом был Баба Ильяс, туркмен, которого во время нападения монголов занесло из Хорезма в Анатолию; его причисляли к дервишам рифаи¹³. Он поселился в Амасье, совершал чудеса и собирал вокруг себя адептов и этим вызывал подозрение румсельджукского султана. Во время одного столкновения с его войсками Баба Ильяс будто бы таинственным образом исчез¹⁴. Его сыновья и внуки относились к выдающимся фигурам анатолийского суфизма в конце тринадцатого и в начале четырнадцатого веков, среди них Али Ашик, который с двадцатипятилетнего возраста руководил конвентом суфиев Киршехира, но также вмешивался и в политику. Князя Карамана, в то время хозяева той области, якобы отправили его как-то даже посланником в Каир. Свое «Гарибнаме», пожалуй, последнее из громадного количества произведений, он окончил в 1330 году¹⁵.

Мир — это только знак, который указывает на Бога; самая большая часть его — его собственное существование — сокрыта. «Будь то сферы, ангелы, небеса — без всякого сомнения, Он душа всего этого!» Однако если все понимается как простое явление, то оно не достигает Его истинной сути¹⁶. В разнообразной форме Лаппс играет мыслями дополняемости микрокосмоса и макрокосмоса; все, что есть в мире, есть и в отдельном человеке — материк: тело, горы —

члены, дождь — слезы, ночь — невежество; все формации на земле — сокрытые волнения души. Изучая самого себя, человек замечает, что его тело похоже на город со всеми видами ремесел и искусств, и с двумя враждующими правителями, разумом и страстной душой; оба борются за обладание сердцем, которое в аналогии с макрокосмосом соответствует небу. Святые при этом могут помочь, чтобы разум наконец одержал победу; они учат истинной вере, иначе тот город был бы местом неверия. Возможно, поэтому перед святыми признаются своих грехах и каются. Они передают прощение, они проводники к благополучию. Все снова и снова Али Ашик ставит эту задачу святых на передний план¹⁷.

Но как осуществляется многообразие, и почему оно в самом деле только одна родственная суть? Бог создал по своему подобию макрокосмос, «самого высокого раба» (улу кул), затем заставил зазвучать звуки гармонии, и тот проснулся для жизни, пришел во вращательное движение, то вращение, которому подражают дервиши во время их собраний¹⁸. «Мир не существовал. Бог дал ему существование. Он сделал его для целостности пленником любви!»¹⁹ Любовь пронизывает все существующее, она влияет всегда, помогает разуму вывести человека на правильный путь. Задуманное первоначально Авиценной (ум. 1037) как большое, не требующее ответа на вопрос о происхождении соображение, которое заставляет душу каждой сферы удерживать ее во вращательном движении и этим побуждать осуществлять то, что в ней заложено как возможность, любовь, вожделение, теперь истолковывается как флюид с творческой силой, который лежит скрытым во всем живущем²⁰. Святые, какими мы их увидим, — люди, в которых концентрируется проходящая через космос сила любви в необычных размерах. Вследствие этой имеющейся у них высокоэффективной энергии они получают власть над сердцами людей, за обладание которыми, как мы уже слышали, борются друг с другом страстная душа и разум²¹. Таи можно оправдать участие снятых в политике, в решениях князей. Впрочем, у Али Ашика не найдешь стройной теории о взаимоотношениях многообразия явлений и единственности бытия. Он наглядно показывает в картинах, что он имеет в виду: человек ничтожен по сравнению с Богом, только капля в сравнении с океаном²² — но именно из того же самого материала. У страстной души и алчности свой трон; они стремятся к наслаждению этим

миром. Любовь и жизненная энергия²³ призывают тех двоих к возвращению на родину, к Богу, к морю; но те уже привыкли к материку, к роковому миру явлений и не находят пути назад²⁴. Каждая единственность — это единственность Бога; свобода проявляется в теле непослушных Богу, а поэтому и в том, что является судьбой; достичь единственности значит достичь Бога, а это значит «встать за спиной самодержца»²⁵. Снова сверкает политическая сторона учения о единственности бытия.

Различны возможности, которыми человек может увидеть движение волн на море, доступное всем его чувствам, очертания тела, той горсти земли, временно отделенные от единого Бога²⁶. Когда мы открываем глаза, мы видим только этот мир; мы их закроем, и тогда понимаем скрытую суть. Это рекомендует Али Ашик²⁷. Однако также возможно, что явления сами просвечиваются. «На что указывает суфий «глазами» и «губами» любимого, на что «щекой», «локонами», на что «пушком бороды» и «родинкой»?» — гласит надпись в стихотворении Шабистари, написанном в 1317 году на персидском языке, в котором он объясняет терминологию учения о единственности бытия. «Все, что есть в мире чувственного восприятия, это только отблеск солнца того мира», — начинает он свое изложение. Как локон, пушок бороды и брови — этот мир: все в отведенном ему месте прекрасно, и однажды в красоте, в другой раз в недоступном величии сверкнет оно — основные черты прекрасного лица являются зашифрованными чертами Бога, божества, которое иногда видится как прекрасное и восхитительное, иногда как жестокое и неприступное. Милость и гнев являются качествами истинного Бога, и в щеке и в локоне любимого снова окажется и то и другое. Через черты любовника узнаваем единый Бог, со всеми качествами и состоянием, которые суфий ощущает сам у себя и в Нем, догадывается о Нем, существование которого он разделяет: он становится тоскующим и опьяненным при виде глаза, выздоровление предсказывают губы; локоны, хаос этого мира, пленяют любовника, приковывают его, однако природа этого мира двусмысленна, так как любимый вытирает ее с лица, любовник потрясен его красотой, обилием существования в нем единого Бога²⁸; и о красоте свидетельствует также щека, пушок бороды вырывается, как живая вода из источника, из которого пил когда-то Хизир²⁹; родинка на щеке — это центр круга, который охватывает оба мира, это один центр всего бытия³⁰.

Не всегда способность высматривать собственное Через явления является сама по себе. В быстром гонимом кружении, в постоянном повторении святого слова, на многочисленных других практических занятиях гибельное господство пяти чувств может отступить, для того чтобы человек был готов увидеть единого Бога. Но прежде всего это случается в опьянении: «Потягивая вино самозабвения большими глотками, ты найдешь, может быть, на некоторое время безопасность от самого себя, позволишь себе стать каплей в море! — Пей вино, так как бокал — это облик любимого, пьяный глаз кутилы! — Ищи себе вино без бокала и кубка, вино само притягивает вино, которое наливает виночерпий!»³¹ Пей вино из кубка единого Бога, «облик которого никогда не пропадает» (сура 55, 27), о котором говорится: «Ваш господин дает вам выпить!» (сура 76, 21). «Он истинный виночерпий!»³² Все становится безразличным, безразличным в самом деле; виночерпий, вино и бокал, все они имеют еще значение, пока внутренний глаз увлекает их к единому Богу. Толкователь пятнадцатого столетия при освещении этих стихов Ша-бистари допускает, что фактически это обстоит так; но потом он добавляет, что речь идет здесь только о «появлении божества чистого существования», которое не нуждается в бокале³³: медленно вновь приобретает почву ислам шариата, обреченный на наслаждение вином, но это больше не относится к нашей теме³⁴.

Недостаточно увидеть истинную суть вещей; нужно, однако, если уверен в этом знании, уметь расшифровать, как будет Здесь и Сейчас, прежде всего как сложится будущее! Нет хаоса, мудрость Бога во всем. Все связано со всем разумным образом. Шли различными путями, чтобы удовлетворить такую жажду знаний. — В 1304 году Ибн Таймия получил запрос из Гиляна: язык, будь его содержание истинно или ложно, будь то проклятие или что-то другое, поэзия или проза, а также звуки животных — это все, не имея начала, вечно; так звучит точка зрения, распространенная в Гиляне. Ей тщетно противопоставляли учение Ахмада Ханбала, которое признает только слова создателя о вечном бытии. Только из страха он приписывал все одной речи Бога о вечности, возражали гилянцы. Действительно ли это так, или можно опровергнуть то учение о вечном существовании всех звуков? Нужно ли принимать меры против его сторонников? Ибн Таймия в своем ответе сказал, что, само собой разумеется, только слово Бога как нематериальный носитель содержания откровения, вечно; звуки любой

декламации Корана случайны. В другом случае Ибн Таймия разъясняет вопрос, являются ли буквы вечными, или, напротив, случайна только их конкретизация на письме и в речи. Только если убежден в том, что причина и вызванное ею, следовательно, все происходящее в мире образует постоянное взаимодействие — что, таким образом, никакой личный создатель не принимает решения и не выполняет его, — только потом приходишь к мысли, что по мере надобности произнесенный звук чтеца является также звуком Бога³⁶. Только при этом условии, которое, естественно, отвергает Ибн Таймия, буквы и подчиненные им звуки становятся знаками внутренних связей всего того, что заканчивается в космосе.

В то, что это действительно так, не верило тогда лишь крошечное меньшинство. Во всяком случае, и Али Ашик высказался за вечность букв³⁷. Однако это не было только как зарница, которая предшествовала появлению того Фадлаллаха из Астарбада, который привлекал так много внимания в конце четырнадцатого века. Он учил, что Бог раскрывается в слове, которое состоит из букв, соответственно звуков; в совокупности букв (по арабски: хуруф) мы охватываем все творческие влиятельные силы, которые исходят от этого слова, в буквах он сам проявляется. Интерпретация слова Божьего состоит в преобразовании положений Корана в другие, буквы которых соответствуют тому же значению чисел. Так объясняется непрерывное изменение элементов, которое составляет мир, так каждый атом становится говорящим языком. А так как Фадлаллах утверждал, что он сам все это видел, он налагал на своих сторонников бремя изменения вероисповедания: «Я подтверждаю, что нет Бога, кроме Ф — Л», я хочу сказать: кроме Фадлаллаха³⁸. Следовать за ним с сознавшим этого означает получить рай, быть избавленным от обязанности исламской веры и устранить разницу между «разрешено» и «запрещено». Впервые обратили внимание на этого человека в 1387 году в Тебризе.³⁸ Он не хотел довольствоваться жизнью руководителя секты; он велел вербовать приверженцев повсюду в Иране, позже и в Анатолии, Сирии, в Ираке, видел себя во сне размахивающим мечом воином, зятем Тох-тамышша, даже тешил себя надеждой расположить к себе Тимура, завязал отношения с его сыном Мираншахом. Тот, правда, по приказу Тимура в 1401 году велел его обезглавить. Преемники на посту руководителя секты продолжали верить, что они привлекают к своему учению могущественных людей того времени, как, например, туркменского князя Кара Юсуфа, который в 1406

году, вскоре после смерти Тимура, победил и убил сына Мираншаха Абу Бакра. Вплоть до пятнадцатого столетия хуруфи заставляли говорить о себе; они занимались миссионерством, прежде всего, в Османской империи и завязывали связи даже с султаном Мехмедом, завоевателем Константинополя³⁹.

Чтобы объяснить ход вещей, они пытались фальсифицировать исламское вероисповедание рискованным образом; смелость, которая потрясла Тимура, имеющего склонность к окрашенным суннизмом ханафитам так же, как и «неисламских», настроенных против шариата саидов, крепость которых под Амолем он однажды безжалостно разрушил⁴⁰. Были другие, более безобидные пути добиться тех желаемых знаний. Мечта и в исламской культуре понималась как раскрытие сущности дел, которые не были или еще не были доступны чувствам⁴¹. Тимур снова ссылался в своих решениях на явления в снах⁴². И к тому Фадлаллаху, главе школы хуруфи, люди устремились толпами, потому что он так хорошо разбирался в толковании снов⁴³. В обществе, картина мира которого определена единственностью бытия всех, потребность в объяснении картин и сцен, виденных во сне, должна ощущаться как особенно неотложная, так как все настоящее не только находится в связи друг с другом, но и прошлое и будущее связаны теснейшим, как бы органичным образом со скользящим через времена моментом, который называют настоящим. Но он образует, как мы уже знаем, только поверхностный слой истинного бытия, познать который в состоянии, очевидно, только наши чувства.

Не событие, на которое воздействовал Бог, в котором что-то сообщается, является сном при этом условии, но, скорее, взгляд на гигантское влияние бытия в том мире скрытого для чувств, короткий взгляд космоса под покровом предполагаемого хаоса. Так, Фадлаллах убеждал, что испытываемое человеком после смерти должно быть загадано ему во сне. Если он «не отбился от дикого зверя, который ему снился, — потому что это было наказание за плохие дела, а потому он смог бы его убить в мире сна, если бы во внешнем мире отказался от тех плохих дел, — значит, он не раскаялся, и такое будет с ним в том мире. Как только связь с телом распалась, он пошел к тем зверям»⁴⁴.

Сны больше не являются знаками чего-нибудь, они приобретают сами могущество существования — представление, которое обозначалось уже у Авиценны⁴⁵. Затем, в двенадцатом веке, речь идет о том, что душа больше не воспринимает просто картинки того, что происходит в мире

сверхчувственного, более того, она сама участвует в тех скрытых событиях, которые все снова и снова распространяются на мир чувств; воображаемые демоны могут бесчинствовать в области очевидного, Ибн аль-Араби полагает, что все обитатели рая будут иметь такие свойства, что все, что формируется в их представлении, будет показываться как действительно существующее; в мире земном не каждый обладает такой способностью⁴⁶. Но все же из учения о единственности бытия следует, что уже здесь воображение и мир фактов начинают впадать в одно; и из этого своеобразного переплетения, с трудом нами понимаемого, следует то, что для Тимура и его современников было действительным. Можем ли мы еще измерить, какой убедительной силой обладал сон для самого Тимура и для его соратников? И не его ли душа, его сущность, принимала участие в формировании тех видений, которые давали ему уверенность в его следующих шагах? Да и не были ли видения уже предпринятыми действиями?

Еще отчетливее, чем во сне, становится при взгляде на звезды момент активного вмешательства в ход вещей, а также при других методах искусства предсказания, которые тогда практиковались⁴⁷, речь шла не просто о познании грядущего, но также о влиянии на него. Авиценна считал шарлатанством такое практическое применение астрономии и космологических воззрений, на которых она основана⁴⁸. Теперь, однако, ее не боятся. Один трактат по астрологии, широко распространенный в период позднего средневековья, недвусмысленно подчеркивал, что образы в этой подлунной сфере повиновались образам на небесных сферах, на созвездиях, так как между образами там и здесь царил — не определенная ближе — тождественность, которая может узнаваться человеком⁴⁹. Следовательно, астрология учитывает не только излучающиеся с планет силы, она берет их для своей цели также у сферы неподвижных звезд, из бесчисленных светящихся точек которой человек как хочет составляет картины, которые он дедуцировал из предметов и живых существ своего подлунного окружения; созвездия — это не химеры; они действительно в более высокой могущественности бытия, когда найдешь их под луной. В общих чертах Авиценна говорил о том, что в нашей жизненной сфере царил бы хаос, если бы не было тех небесных сил порядка⁵⁰, которые он, конечно, не хотел расшифровывать. Именно это -- согласно античным источникам — между тем случилось, и так ими стали манипулировать.

Наш трактат старается спасти онтологическую реальность

созвездий от критики исламских теологов, которые всецело не могут признать, что те, а не Аллах, управляют земными делами. Картины, в которые группировались определенные звезды, могли бы так совсем не восприниматься нашими взглядами! Мы добавляем несколько точек к невидимому на небе образу, учит нас автор трактата. И эти сами по себе невероятные дополнения не могут быть сделаны в результате деятельности человеческого разума, а лишь в результате божественного внушения, и оно как-то выпало на долю Авбраама. Впрочем, даже Птолемей настаивал на том, что астролог должен не только иметь совершенные знания и большой опыт, но и должен также ревностно почитать Бога⁵¹. Значит, и здесь, как и у святых, наделенных даром видения, процесс познания связан с тем, что достигается с трудом готовность к этому. Святые получают дар видеть сокровенное, так как единичное и многообразие явлений дополнительно связаны друг с другом. Для астролога земля, женский пол, поглощает соединения неба, мужского пола⁵²: астрология гармонирует с мировоззрением единственности бытия .

Но как воспринимает подлунная сфера те соединения? Наш мир состоит из четырех элементов; силы воздействия каждого небесного тела подчинены одному из этих четырех элементов. У одного минерала можно определить проще всего пропорцию составных частей смеси элементов, и поэтому довольно точно знают и влияние неба, которому оно подвержено. Труднее с этим у растений, еще труднее у животных. Совершенно запутанно обстоят дела у человека, так как в нем смесь достигает высочайшей степени совокупности. Но не только это! «В человеке плотнее всего Божественное излучение и небесная сила. Божественное излучение — это разум, небесная сила — природа. Поэтому астрологи могут узнавать, какому влиянию подвержены Важное и Незначительное, и определить общие и специальные силы воздействия у них всех. Именно Божественное излучение и небесная сила помогают понять, как небесные тела влияют на подлунные, так как из-за Божественного излучения те двое так тесно связаны друг с другом благодаря соответствию рода (небесного светила и подчиненных ему подлунных существ и явлений)⁵⁴. Поэтому имеет значение следующее: Чем благороднее человек, тем чище влияние его восходящей звезды!» Обыкновенный человек может родиться под тем же самым появляющимся созвездием, что и правящий всем миром, но из него не выйдет ничего, кроме погонщика мулов; большое значение

имеет именно качество земной субстанции, то есть как далеко она идет навстречу небесным силам воздействия. И Ибн Хальдун знал, что земные и небесные условия вместе определяют ход вещей⁵⁵. Дальше в трактате говорится, что только когда в появляющемся созвездии есть очень сильная неподвижная звезда — у кади Бурхан-ад-дина Сириус⁵⁶ — или при определенном другом, редком положении звезд основа в некоторой степени подавлена, молено предсказать возвышение простого человека до короля. Но если такое редкое положение звезд попадает на основу, настроенную и без того на королевство, то соответствующий человек завладеет всеми семью атмосферами⁵⁷.

В изложении нашего трактата об астрологии в одном месте есть трещина: не в определенной форме говорится, что через благородного человека намного сильнее, чем через других, приходит «Божественное излучение»; значит, он сильнее, чем его ближние, приобщен к мировому порядку, он воплощает его таким образом, в котором остальным отказано⁵⁸. В этом отношении он встречается со святыми. В представлении тогдашних мусульман святые образуют многоступенчатую иерархию, общность, существующую наряду с обладающими земной властью, связь которых с областью сокровенного мешает тому, чтобы земная жизнь окончательно погрузилась в нищету и хаос. Ибн аль-Араби, а также другие авторы оставили подробные описания этой иерархии, которая (это следует иметь в виду) воспринималась как общность людей, которые здесь и сейчас живут и работают на земле. Ибн аль-Араби говорит о посланниках Бога, которые сочетают в себе пророчество, божественное откровение, соответственно святость и истинную религиозность; эти посланники самая важная «опора Дома человеческого рода»; Мухаммед был последним из этого ряда, который передал откровение Бога. Но и после его смерти постоянно имеются посланники «с естественным телом и душой», которые признают ислам, последнюю и окончательную веру. Глава иерархии — это Идрис⁵⁹, который был послан Богом на четвертое небо, так же как и Илья, Иисус и Хизир⁶⁰. Один из этих четверых, которые все физически присутствуют в мире, называется «полюсом». Он «место космоса, на которое смотрит единый Бог, истинный». Двое из них «имамы»; все четверо также носят название «колышки шатра», так как при помощи одного Бог сохраняет веру, через второго — святость, через третьего — пророчество, через четвертого —

миссию Бога, таким образом, через всех вместе — ислам⁶¹. «И у каждого из этих четверых в любое время в мусульманской общине лицо, которое совершенно соответствует ему душой, хотя сам живет. Большинство святых из обычных рангов наших сподвижников не знают «полюс», обоих «имамов» или «колышек шатра», а только их представителей... Поэтому каждый в этой общине стремится к этим рангам, и если он их завоевывает или ему их дарят, он все равно знает, что он, собственно, только представитель»⁶². Миссия Бога, таким образом, не погасла на Мухаммеде, вопреки расхожей точке зрения; она продолжает существовать, хотя и внутри ислама и не принося новое по содержанию откровение; и каждому мусульманину дана возможность стать душой, представителем Идриса, Ильи, Иисуса или Хизира, значит по способности к познанию стать равным тем четверым. Какой вызов исламу шариата! Ибн аль-Араби полностью осознает свою смелость; он призывает читателя взвесить важность этого открытия: еще никто никогда не высказывал этого, и он это делает только на основании внушений, «и то, что мы упоминали, знают только «заместители», но не знают даже другие святые!»⁶³

Ибн аль-Араби добавляет подробные разъяснения. «Полюса», которые еще носят название «помощь», частично были идентичны знаменитым халифам, частично мужчины — и женщины — занимали этот пост без реальной силы, например, Баязид Вистами. Оба «имама» как визири были связаны с «полюсом». Четыре «колышка шатра», наконец, охраняли четыре страны света, «и я видел одного из них в Фесе, носящего имя Ибн Джадун. Он зарабатывал себе на жизнь процеживанием хны»⁶⁴. Следующую ступень занимали «заменимые», числом всего или семь или сорок — постоянно рассчитывающие на включение Индивидуумов более высоких степеней. Каждый из них защищает одну из семи атмосфер или одну империю, и если он должен покинуть по какой-либо причине свое местожительство, он оставляет другого человека, который полностью похож на него. «Это происходит часто. Я видел это собственными глазами и встречал в Мекке семь «заменимых»...»⁶⁵ Ибн аль-Араби описывает здесь подгруппы «заменимых» и в конце концов начинает говорить о различных категориях необозримо большого количества обычных святых.

Не только Ибн аль-Араби был убежден в том, что есть —

количество тех, кто был в более высоком ранге, неизменно — общность божьих людей, которые, оставаясь в повседневной жизни, поддерживают и защищают ее именно потому, что они одновременно происходят родом из области сокровенного. В четырнадцатом веке эту отрадную уверенность можно показать повсюду в исламском мире — то, что Ибн аль-Араби характеризует как открытие, на которое он отважился только на основании божественного внушения, стало теперь общим достоянием. Распространились всякого рода удивительные разработки этих представлений. Например, один суфий, родом из Египта, верил, что святой, который имеет ранг «помощи», — самый главный из всех и живет в Мекке, введенный Хизи-ром в свою должность; и если Хизир этого времени умирает, на «помощь» упадет листок бумаги с именем преемника; Хизир тех дней — это рубеж четырнадцатого века — человек из Забида в Йемене по имени ал-Хусейн Юсуф⁶⁶. Нас не удивит, что Ибн Таймия ожесточенно борется против таких представлений, которые, как он доказывает, не имеют никакого фундамента в сунне, переданной потомкам; хадитов, на которых ссылались для оправдания таких учений, он разоблачает как обманщиков; и число святых, которые, по мнению тех Людей, должно быть, уже жили в то время, когда был призван Мухаммед, возможно, не соответствует истине — тогда еще не было мусульман, кроме Пророка. Впрочем, ислам запрещает в бедственном положении возлагать надежды на людей; один Бог истинный помощник⁶⁷. Но что могли сделать все эти хорошо обоснованные, разумные аргументы против такого мощного направления того времени? Они все исходят еще из набожности, которую Бог один приписал всему существованию и все снова и снова наталкивал верующего на его ничтожность, ханжество, которое в гордости за чудеса Не смогло увидеть ничего, кроме ослепления и переоценки суфиями самих себя⁶⁸. Но теперь речь шла не больше и не меньше, как об участии в едином, истинном, божественном бытии!

И речь шла об участии в господстве над космосом — требование, которое можно было оправдать только в том случае, если согласиться с тем, что флюид, который действует на этот космос, проявляется в необычно большом количестве святых. Бог создал три трона, на которых царствуют сыновья Адама; нет, их, должно быть, строго держали в узде; кто возвысится над одним из

этих троих, будет вечно счастлив⁶⁹, «пока на все времена не уляжется пыль смещения с должности и унижения на шлейф его избранности». Это трон царя, ученого и святого; с ними Бог управляет своей империей, они необходимы, чтобы мир продолжал существовать. Однако, замечает Али Ашик, «пока есть кто-то, кто имеет в своем распоряжении трон, этот трон невоспринимаем, знай это!»⁷⁰ Итак, нельзя узнать, кто будет возглавлять иерархию эмиров, ученых или святых.

На первом троне сидит султан. Всеобъемлюще его господство, весь мир подчинен ему; если он захочет, он справедлив и мягок, весь народ приглашает на пир. А если захочет, он деспотичен и разрушает страну, нет ничего, до чего не могла бы дотянуться его рука! Второй трон заняли ученые, которые управляют порядком в вере при помощи шариата; они знают, что такое Чистый и Нечистый, учат людей действовать соответственно истинным религиозным обрядам. Третий трон был доверен святым, которые очищают души людей и возвращают Богу и которые укрощают в теле страстную душу.

Во взаимодействии всех троих, каждого в своей области, осуществляется для Али Ашика порядок в космосе, но по своему рангу три правителя, очевидно, не равны. Султан дает свои приказы; справедливы ли они или это чистый произвол, их нужно выполнять, и каждого, кто сопротивляется, он может убить — только не ученых, знатоков шариата. Кто не подчиняется их решению, тот в день Страшного суда будет стоять там с «черным лицом».

И, наконец, святые, которые управляют сердцами; с благоговением остальные люди бросаются ниц перед ними. Бог научил их языку сверхчеловеческой силы⁷¹; кто это отрицает, тот теряет видения, благословенные Богом. Благородное происхождение, разум и счастье властвования укрепляют уважение к султану; знания, справедливые поступки, скромность сохраняют ученым власть в их империи. Но святые правят там, где исконная сфера Бога, в сердцах, поэтому святые связаны непосредственно с Богом. Их он награждает, чтобы они исполняли свои обязанности: любовью, которая движет вперед создание от придания формы к приданию формы; чистым сердцем, в котором Бог светит сам; природное свойство, подобное Богу, с которым они получили создание мира невредимым⁷². «Приобретайте душевный склад Бога!» — якобы сказал Пророк. В канонических собраниях такое

слово, которое в ушах верного шариату мусульманина звучит как богохульство, конечно, нельзя найти. Святой на своем троне повелевает всей Вселенной!

Глубина того, что здесь подразумевается, не может быть охвачена словами, сердце должно ее ощутить⁷³. Али Ашик уверяет в этом слушателя. Яснее, чем сделал это он, нельзя изложить право святых распоряжаться сердцами созданий почти так, как заместителям Бога. Самые важные элементы космологии, которые носят это право, Али Ашик назвал. Однако если у толкователя Шабистари мы догадывались, что ислам шариата не совсем был побежден, то стихотворение Али Ашика, которое создано в предшествующем столетии, поставляет для этого факта еще один признак. Возможно, эрудиция шариата и почитание святых существуют рядом друг с Другом. Ибн Таймия узнал, что их теоретические предпосылки несовместимы; но жизненная реальность ислама позднего средневековья может их объединить - этому учит нас Ибн Хальдун; и вместе они могут выполнять государственную функцию, как показывает нам Османская империя, начала которой лежат в Анатолии дервиша Али Ашика⁷⁴.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

ВЛАСТЬ НАД МИРОМ

ДЕЛИ

Из речи мяча к клюшке для поло:

Пусть будет моя голова жертвой твоей ноги!

Из любви приношу ее тебе! Одна твоя нога возвышает мою голову.

Почему бы не отважиться на это с твоей ногой?

Ты постоянно хранил верность, только ты поднял меня из пыли!

Ариффи (ум. 1449)¹

БОРЕЦ ЗА ВЕРУ

Давайте еще раз направим свой взор на конец пятилетней кампании! Не всех целей достиг Тимур, но он мог себе сказать, что он восстановил империю иль-ханов. Его сын Мираншах, как и отец породнившийся с потомками Чагатая², был назначен правителем, и это был действительно правильный выбор, так как прежде чем Хулагу, брат Мункэ, завладел Ираном и этим привел к власти там же род Тулуя, страна была собственностью Чагатаев: так распорядился сам Чингисхан. Во всяком случае, Тимур сообщил об этом в те дни султану Баязиду³. В 1396 году была еще не совсем закончена реставрация, которую Тимур считал первоочередной задачей: еще не хватало Центральной Анатолии, бывшего княжества Эретны; и мамлюкскую империю с Баркуком во главе, которого боялись Чагатаиды, еще не поставили на место; она бросила наглый вызов «господину счастливых обстоятельств» убийством у Ар-Рахба и общими действиями с Кара Юсуфом при угоне Атламиса. Этот счет был еще открыт! Казалось, Тохтамыш, напротив, наконец был побежден, граница с улусом Джучидов была защищена.

Как когда-то Чингисхан, так и семидесятилетний Тимур доверил теперь своим сыновьям части гигантской империи для самостоятельного управления и расширения: Мираншаху — запад, Шахруху — восток Ирана с Гератом в качестве княжеской резиденции. В Ширазе правил Пир Мухаммед, сын Умар-шейха. В области, из которой когда-то прославленный борец за веру Махмуд (прав. 999-1030) нес ислам в Индию, Тимур впервые в 1392 году послал сына Джуханги-ра, которого тоже звали Пир Мухаммед. Казалось, теперь представился удобный случай утвердиться в Индии, так как султанат Дели длительное время находился в состоянии упадка; собственно, власть находилась в руках ссорящихся между собой эмиров. Кроме того, там предоставляли убежище мятежникам, которые восстали в период кризиса 1388 года против Тимура⁴ — хороший повод для войны. Самого «господина счастливых обстоятельств» ожидали, правда, другие, великие задачи — в этот раз на Востоке. С тех пор как династии Юань в 1368 году пришлось отказаться от Пекина, Чингисиды владели еще только западными провинциями Китая и северными окраинными областями. В 1389 году Тимур, который тогда вел войну против Тохтамыша, завязал знакомство с Хунг-ву, новым сильным господином Китая, и, как требовалось от «варвара», заплатил ему дань.

По свидетельству Жазди, в 1397 году миссия Хунг-ву, презрительно называемого «хан свиной», передала подарки⁵, по-видному, чтобы

потребовать обещанные выплаты и дальнейшее признание верховного господства. В Маверанпахре слышали, что император Хунг-ву враг ислама и все силы прикладывает к тому, чтобы уничтожить в своей империи эту веру. Тимур откомандировал одного принца на границу Моголистана и приказал построить форт и возделывать поля для посева зерновых⁶.

Во время этой подготовки к военному походу на Восток неожиданно появились неприятные сообщения: Пир Мухаммед, сын Джахангира, очевидно, не оправдал возложенных на него ожиданий; он окружил крепость города Мултана, но не смог ее взять. «В той местности большинство неверных, идолопоклонников и заблудших язычников. Для того чтобы теперь были подняты знамена священной войны и предприняты всяческие усилия для поддержки исламской веры, туда выступил господин счастливых обстоятельств, взваливая на себя большие заботы и бесконечные лишения...»⁷ Мульта, тогда столица Пенджаба, уже давно был исламским. Но его князья, которые хвастались курейшитским происхождением, стали очень состоятельными совершенно неисламским образом: они пользовались частью даров, которые набожные паломники со всей Индии дарили статуе Бога в храме Солнца⁸. Возможно, эти обстоятельства Тимур имел в виду, когда говорил, что хотя ислам господствует в Дели и в некоторых других местах, многие части страны «замараны злостным существованием проклятых неверных и лжеучением идолопоклонников, а (мусульманские) правители тех местностей до сегодняшнего дня ограничивались слишком незначительными высказываниями против тех потерянных, даже предоставляли им безопасность в их упрямом неверии, их заблуждении, их враждебности...»⁹ Еще не слишком давно случилось, что Тимур в первый раз предложил свою дружбу борцу за веру Баязиду и говорил о том, что он хочет на Востоке, как тот Осман на Западе, приобрести для ислама новую страну. Момент для этого казался благоприятным ввиду слабости султаната Дели; к тому же, манила сверхбогатая добыча. Итак, почему не идти по стопам великого Махмуда из Газни?

Но и мысль о еще незавершенном восстановлении чингисидского господства, очевидно, сыграла для Тимура определенную роль, хотя в источниках ничего подобного не упоминается. Ильхан Олджайту требовал для своего рода землю до Ганга. Через столетия устремления Картидов Герата присвоить себе погруженное в анархию наследие ильханов и снова навести порядок вызвали недовольство Казагана.

Картиды тогда подстраховали себя поддержкой султана Дели¹⁰.

ВОЙНА В ИНДИИ

В середине августа 1398 года чагатайское войско достигло района Кабула, а это значит, границы султаната Дели. Здесь попрощался «господин счастливых обстоятельств» с некоторыми членами своей семьи и отправил их в обратный путь в Самарканд. Сначала Тимур попытал счастья как борец за веру в высокогорном массиве севернее реки Кабул. До вечных снегов гнал он свои войска, которые с трудом прокладывали путь через массы снега, волоча с собой своего полководца на помосте; иногда он продирался пешком, опираясь на палку и подстраховавшись канатом, так же, как и его воины. Наконец, в глубокой долине они высмотрели врагов, которых стоило обратить в ислам — жалкие, едва одетые фигуры, которые спасались со своими нищенскими пожитками на одной высотке. Тимур велел поджечь их хижины и приказал захватить укрепленное место. Три дня продолжались бои, потом высота была взята, побежденные молили о пощаде, притворились, что примут ислам, но не сдержали этого обещания и в наказание были вырезаны. Это знаменательное событие Тимур велел запечатлеть в надписи как напоминание потомкам. Но затем ему пришлось узнать, что поисковая развед-группа, которую он послал к другой крепости, бежала от врагов еще до того, как они показались, — неслыханный позор! Эту ошибку попытались исправить, как могли, потом решили отступить в Кабул¹¹.

Очевидно, было не так просто повторить подвиги Махмуда из Газни. Во всяком случае, это малообещающее начало Насир-ад-дин Умар, отпрыск мавераннахрской семьи ученых, пропустил в своем дневнике, который он вел во время индийской кампании, находясь в непосредственном окружении Тимура¹². Вместо этого он подробно описывал общение на дипломатической почве в лагере под Кабулом. Посол, который посетил «хана свиней», доложил, что прибыли послы из Моголистана и из Золотой Орды. Последние заверили, что Едигей и поддерживаемый им хан Темир-Кутлуй, раскаявшись, снова подчинились Тимуру. Тот самый Темир-Кутлуй, которого Тимур три года назад в письме к Баязиду хвалил как человека Чагатаидов в Орде, к сожалению, тоже не был надежнее Тохтамышша. Но и в 1395 году он не был кандидатом, которого желал бы Тимур для ханата Джучидов. Но

литовский великий князь Витовт, у которого нашел убежище Тохтамыш, угрожал Темир-Кутлую, обещая предать мечу и огню всю Орду, если тот не подчинится добровольно; Темир-Кутлуй хотел подчиниться; Едигей, напротив, на свой страх и риск проводил прямо противоположную политику, на что Витовт готовился к войне и собирал многочисленных союзников¹³. Поэтому им теперь было в высшей степени благоразумно снова урегулировать свои отношения с Тимуром. Конечно, вряд ли можно приписать возможность какой-нибудь помощи со стороны Чагатайдов в победе, которую одержали Темир-Кутлуй и Едигей год спустя¹⁴ в битве на Ворскле. Но даже в войсковом лагере под Кабулом Тимур держит в руках все нити большой политики, и эта политика тоже прибыльная; в то же самое время один тимуридский сановник с богатой добычей из Фарса присоединяется к жаждущим деятельности борцам за веру¹⁵ — это подходящее начало для сообщения о великих победах в Индии!

Первый шаг на пути к Гангу у Насир-ад-дина Умара — освобождение расположенного под Газни района Ирьяба от афганских грабителей, на которых жаловались Тимуру. Он сразу же выносит злодеям строгое наказание, которое предписывает Коран. Главные военные силы тем временем наступают, уничтожая банды разбойников, следующие через нынешнюю афганскую провинцию Пактию к Инду, к которому они подошли двадцатого сентября 1398 года¹⁶. Через реку наводят вспомогательный мост. Это затягивание наступления предоставляет снова возможность Тимуру для дипломатических переговоров. Он отпускает посланника из Кашмира с поручением пригласить его господина прийти в местечко под названием Дипал-пур, где он хочет оказать ему милость, допустить его к целованию ковра. Он также отпускает на родину посланников из Мекки и Медины, которые, как написано у Насир-ад-дина Умара, «направлению молитвы счастья правителя и святыне надежд человечества» передали желание, чтобы «подобные фениксу-завоевавшие мир знамена распустили свои крылья-фортуны над головой каждого», а также бросили на ту страну «тень своей заботы и своей защиты»¹⁷. Догадывались ли мамлюки в Каире, которые ревниво стремились к своему господству над обоими священными городами ислама, хотя бы немного о том, что Тимур был готов бросить им вызов не только с севера и востока, но также в Хидшазе?

Тимур продвигался дальше на юго-восток. Бои, которые

приходилось вести его войскам, не были легкими. К тому же их настиг голод; они пришли в такое состояние, в котором их больше нельзя было сдерживать, они грабили и убивали всех, кого хватало. Только саидов и ученых, на указах которых базируется толкование предписаний шариата, которые несли слово божие, смог спасти Тимур. И насколько обе группы заслуживали этих забот, многословно указывает Насир-ад-дин Умар. В конце концов, он же сам принадлежал к ученым, и при продвижении Тимура даже должен был позаботиться о безопасности коллег в одном поселении, покинутом остальными жителями. Многочисленные русла рек и болота затрудняли продвижение вперед. Наконец 26 октября Пир Мухаммед подошел со своим войском из Мултана; он захватил богатые трофеи, но ему и его воинам пришлось вынести большие лишения. Тимур велел поделить все награбленное добро между эмирами. Теперь ему срочно потребовалась их преданность, так как жители Дипалпура убили его посла; на добровольное подчинение правителя Кашмира нечего было надеяться.

Наступление на Дели могло бы стать чрезвычайно рискованной авантюрой, так как отступление с севера представляло бы большую угрозу. Тимур не оставил это без последствий, но спешно двинул свое войско вперед, чтобы разрушить крепость Бхатнаир, в которую бежали жители Дипалпура²⁰, так как она считалась одной из самых надежных крепостей в Индии. Двадцать парасангов прошли за два дня без какой-либо остановки для отдыха, а затем цель была достигнута. Сразу начали делать подкопы под стены. Осажденные решили, что сопротивление бессмысленно, и попросили пощады. Выбрали пятнадцать беженцев из Дипалпура и убили в знак возмездия. Боясь за свою жизнь, оставшиеся в крепости закрыли ворота, но потом передумали и сдались. Из-за такого непостоянства и потому что многие из них «были неверными, подонками и преступниками, вспыхнуло пламя царского гнева, и последовал приказ, чтобы все войско вошло в крепость и подожгло здания. Неверные обитатели крепости сжигали своих жен, своих детей и свое имущество; те, которые утверждали, что они мусульмане, отрезали головы у своих жен и детей, как у баранов». Не боясь смерти, защитники ринулись в бой, чтобы найти собственную гибель. Лишь немногие из нападавших избежали тяжелых ранений, и, как рассказывает Насир-ад-дин Умар, чагатаевские военачальники тоже

не один раз оказывались в опасности. Тринадцатого ноября всю местность сровняли с землей; Тимур двинулся дальше²¹.

Сначала продвигались не в строгом порядке; отдельные соединения самостоятельно выполняли боевые задачи против «разбойников». Двадцать шестого ноября все части войска снова соединились, и теперь двигались дальше в боевом порядке, так как надо было рассчитывать и на атаку со стороны войска султана Дели²². Долго выдержать это было невозможно; куда бы они ни приходили, жители сжигали свои дома и бежали по направлению к Дели, ничего не оставляя. Кормить войска поэтому вряд ли еще было возможно, да и скот, который взяли с собой, бедствовал. Поэтому нужно было попытаться занять укрепленные места, которые были расположены не слишком далеко от дороги, и раздобыть провиант. Четвертого декабря в покинутом городе Панипате нашли полный амбар зерна; содержимое было поделено между войсками²³. Теперь стояли приблизительно в пятидесяти километрах севернее Дели. Тимур приказал правому флангу войска напасть на укрепленный замок Джахан-нумэ, расположенный лишь в двух парасангах от столицы, и разграбить его. Другие воинские части переправились через Джамну и начали продвигаться к крепости Луни, куда за ними последовал Тимур девятого октября — в той области было достаточно пастбищ. Во время обеденной молитвы войсковые команды начали разрушать стены, к вечерней молитве с этим было покончено. Затем снова обычные грабежи и убийства — и еще в тот же день двинулись дальше на юг к высоте у Джахан-нуме. Тимур велел произвести разведку местности, а также области южнее Дели. Двенадцатого декабря самолично рассматривал сооружения Джахан-нумэ.

Как теперь архитектурные постройки Джахан-нумэ, «зеркала мира»²⁵, сверкают под лучами завоевывающих мир знамен и широкая территория тех мест для прогулок превратилась благодаря счастливому блеску украшающей мир диадемы в долину роз, от которого появились дух и истинное значение этого названия (тут можно было сказать с полным правом: «Его строитель»), султан Фирузшах (прав. 1351-1388) выразил этим названием настоящее вдохновение; из области сокроленного на его долю вытала ссылка на то, что эта архитектурная постройка со временем станет зеркалом мира с пребыванием всего мира под одной-единственной маской, всего господства в одном-единственном теле». Любопытный счастливчик, который с

помощью создателя достигнет выдающейся ступени господина счастливых обстоятельств, равных которому нет, увидит весь мир в одном дворце и все создания земли в одном лице²⁶, Воспримет в один-единственный момент ясным глазом все эпохи времени — с тех пор, как мир стал вращаться, до конца рода человеческого. Пусть никто, бросив короткий взгляд, не посчитает все это притворным преувеличением! Высокоблагородный создатель в восхваляемом Коране называет своего друга Авраама — о нем молитва милосердного! — «моя общность» (сура 16,120); Бог говорил о человеке ради его славы и чести, как об общности²⁷.

Гарнизон Джахан-нумэ предпринял вылазку на слонах, приспособленных для войны, но неожиданно нашел обратный путь отрезанным и должен был спастись бегством в Дели — многообещающее предзнаменование, полагает Насир-ад-дин Умар. Тимур приказал подготовить теперь все для атаки на Дели. Без всякого поручения, как утверждает хронист, астрологи принялись за работу, чтобы выяснить, благоприятен ли час. Однако мавераннахрский знаток шариата замечает в решительной форме, что истинно верующие знали, что все в сфере появления и исчезновения ни в коем случае не происходит по созвездиям; они ничего не могли сами по себе и уж совсем ничего против воли Бога; они должны были следовать его решению! «Они все сами находятся в кругах вещей, начинающих свое существование — как и циркулирование присущего правителю мира душевного склада, в котором проявляются чудеса силы божественного предназначения». Наоборот, существование правителя мира заставляет звезды служить ему; как же он должен был тогда заботиться о союзе звезд, предвещающих несчастье?²⁸ Нет, утром перед атакой на Дели Тимур другим образом искал многообещающее предзнаменование, которое ему было нужно. На рассвете дня, «который является часом удачи», он открыл Коран, и в глаза ему бросился следующий стих: «Земная жизнь похожа на воду, которую мы посылаем с неба. Растения земли, которые поедаются людьми и скотом, поглощают ее. Затем, как только земля нарядилась и украсилась, а ее жители полагают, что все в их силах, ночью или днем приходит наш рок над всей землей! Как подкошенные, мы позволяем всему выглядеть так, как будто бы за день до этого ничего не существовало!» (сура 10, 24). Ссылка на тщеславие надежд, которыми льстили себя защитники Дели! И еще раз спросил он Коран, на суре 16, 75 он открылся: «Бог уравнил

крепостного раба, который не может ничего изменить, и того, кому мы предоставляем хорошее пропитание, из которого он затем тайком и открыто подает милостыню». Разве такие люди равны? «Разве для замыслов могли бы быть более благоприятные предзнаменования, чем эти оба стиха?» — спрашивает Насир-ад-дин Умар своих читателей. Конечно, нет! Итак, Тимур со своими воинскими соединениями, которые под его командованием немного отдохнули на плодородных пастбищах восточнее Джухан-нумэ, уже пятнадцатого декабря снова переправился через реку. Двумя днями позже войска были расположены для битвы²⁹.

Тимур не полагался полностью на благоприятное предзнаменование; прежде чем вступить в бой, он сделал все, чтобы добиться благоприятного для него исхода. До ста тысяч пленных собралось со времени перехода через Инд; не могли ли они в предстоящей битве выступить на стороне султана Дели? Тимур решил, что все боеспособные мужчины из тех «индийских неверных и идолопоклонников» должны быть предусмотрительно убиты. И Насир-ад-дин Умар, который «еще никогда не забил ни одного барана», должен был выполнять приказ и велел убить в тот день десять пленных, которых он присвоил себе. На каждые десять индийских женщин и детей был приставлен для охраны старшина³⁰.

То, что несмотря на всю осторожность предстоял нелегкий поход, чагатаидам было ясно. Войска Дели великолепно вооружены, и когда они предстали перед нападающими, некоторые пали духом, как сообщает Насир-ад-дин Умар: «Десять тысяч конников и двадцать тысяч пехотинцев с полным снаряжением (мобилизовали правители Дели) и сто двадцать слонов, страшных, как море в шторм, вооруженных и закованных в броню, заняли позицию. Деревянные сиденья, защищенные бруствером, были водружены на эти громадные существа. Арбалетчики артиллеристы выстраивались возле ряда слонов, экипажи слонов, хоботы которых были прикованы цепями друг к другу, были вооружены стрелами и руками. Как бы ни привыкло воевать ...победоносное войско, все это давало повод для многих раздумий, прежде всего, из-за тех гигантских слонов, которые издали внушали такой ужас, что некоторые выдающиеся... ученые, принадлежавшие ко двору, где все находили убежище, забыли свое мужское достоинство. И когда его высочество слуга (чингисидского хана) спросил их: «Где

же будет сейчас ваше место?» — они ответили, охваченные ужасом: «Там, где принцессы!». Тогда господин счастливых обстоятельств улыбнулся³¹.

Рассказчик получил от Тимура поручение отметить колышками место для молитвы, и полководец молил Бога о победе. После этого он сделал несколько распоряжений, которыми усиливал более всего подверженные опасности части своего войска. Затем ряды воинов сошлись друг с другом. Чагатаидам нужно было как можно быстрее сделать слонов небоеспособными, расстреливая слугителей, которые сидели на них. Это удалось; хотя «звериный блок», возможно, своим видом вызывал ужас, его боевая мощь была сравнительно ничтожна, так как прикованным друг к другу животным, конечно, было слишком трудно маневрировать³². Но так как они представляли главную силу защитников, вокруг которых группировались их части, они, неспособные быстро двигаться, могли только обеспечить круговую оборону. Защитники пытались отражать атаки быстрых чагатаидов, которые их скоро окружили; таким образом, катастрофы было не избежать. Султан Дели и его верховный главнокомандующий бежали с поля боя и пытались найти защиту за стенами столицы³³. К вечеру победоносное войско расположилось перед укреплениями Дели.

Из сострадания к невинным жителям Тимур отложил штурм, хотя успех был возможен. Под покровом ночи султан и его ближайшие доверенные ушли тайком. Утром восемнадцатого декабря Тимур остановился перед воротами дворца, принимая ученых и религиозных сановников, после них заместителя коменданта города, назначенного бежавшим правителем, и глав административных учреждений. Через два дня, в пятницу, Насир-ад-дин Умар получил приказ отправиться в мечеть (для молитв по пятницам) вместе с другими знатоками закона и религиозного обряда, которые сопровождали Тимура в военном походе, и «украсить султанскими титулами» проповедь. «И так как теперь утро исполнения желаний высунуло свою голову из выреза того, к чему стремились, солнце счастья показало свой лик с востока радости, весело и радостно настроенные сотрапезники ощущают желание побыть в компании и хотят дать повод украшающим мир чувствам (господина счастливых обстоятельств) перейти от поля битвы к прелестной долине... его высочество заставил зазеленеть луг шаловливого поведения и росток радостного общества... и с животворным дыханием радости воздух

стал благоухающим и освежающим, и приверженцы укрощающего счастья правителя просили, как это было принято, благословения от Тимура» .

В то время как Тимур и его знатные люди воздавали должное обычаю после боя устраивать пир, в Дели произошел чреватый последствиями инцидент. Группа воинов столпилась у ворот города, «как голодные волки, которые нападают на стадо», и напала на горожан. Сразу же были откомандированы эмиры, которые должны были подавлять подобные нарушения дисциплины. Но это оказалось невозможным, так как в то же время составители диванов* делили деньги, выжатые у населения. Более того, часть войска находилась уже внутри крепости, чтобы отоварить ордера на получение сахара и зерна; у других воинских отрядов было поручение выследить слуг побежденного султана. Сверх всего этого те придворные дамы, которые сопровождали Тимура, осматривали город со своей свитой. Ситуация вышла из-под контроля. Жадность к добыче охватила вдруг чагатаидов, жители защищали свою жизнь, дома пылали неизвестно кем подожженные, захватчиками или местными жителями. Эмиры из страха, что невыполнение приказа рассердит Тимура, закрыли ворота, так что до следующего дня у грабителей — говорят, их было пятнадцать тысяч — не было возможности убежать. Их неистовство было невозможно обуздать. Так продолжалось несколько дней. Наконец, мародеры доставили свои трофеи (людьми) к стенам; даже самый простой воин гнал самое меньшее двадцать мужчин, женщин и детей, большие эмиры — целые толпы. Ремесленники и художники остались закрепленными за представителями самого близкого окружения Тимура, и некоторый контингент был предназначен для оставшейся в Самарканде знати. И, наконец, каменотесов Тимур выбрал для себя, так как он лелеял мысль украсить Самарканд роскошными мечетями. Вызванное этим падение цен на иранских рынках рабов вскоре после этого зарегистрировали, как мы уже слышали, и мамлюкские хронисты. Уже свыше было решено, что Дели должен быть уничтожен несмотря на то, что все требования Тимура были выполнены; когда «господин счастливых обстоятельств» узнал о несчастье, было слишком поздно; «как только

---

* В данном случае - списки податей.

стрела божественного предназначения вынеслась с молниеносной быстротой из лука воли (создателя), она неумолимо попадает в свою цель», — замечает Насир-ад-дин Умар³⁵.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ИЗ ИНДИИ

Первого января 1399 года чагатаиды отступили, чтобы нагрянуть в другие местности. Они продвинулись дальше на восток и уже через восемь дней стояли у верхнего течения Ганга. Они нашли брод, и часть из них переправилась через реку. На одну ночь Тимур остался на этом берегу и только на следующий день решил напасть на расположенное в верхнем течении местечко с названием Туджлук. «Господин счастливых обстоятельств» во время всего этого похода был в дурном настроении, болезненная опухоль предплечья причиняла ему много забот. Неожиданно он получил сообщение о приближении врага на 48 кораблях. Тимур приказал своим войскам немедленно двигаться к воде, «и в горячем стремлении бороться за веру и за звание борца за религию бесследно исчезла досада, которая появилась до того. И когда море искрящейся натуры великого властителя разбушевало у берега, тогда настоящее море затихло, испуганное брызгами волн, в поту стыда...»³⁶ Не обращая внимания на опасности, чагатаиды на своих лошадях бросились в воду, и завязался знаменательный бой, счастливый исход которого для Тимура снова дает возможность Насир-ад-дину Умару блеснуть словами. Последовали дальнейшие завоевания; как-то в один день «господин счастливых обстоятельств» захватил три крепости. Как сообщает летописец, все устроилось таким образом, который не мог бы быть благоприятнее. Тимур был неутолим; когда бы и где бы ни сообщалось ему о скоплении неверных, он приказывал атаковать. Некоторые из его эмиров советовали ему пощадить себя. Он отказывался: «Религиозная война приносит двойную пользу: прекрасное искупление (в потустороннем мире) и богатая награда (в земной жизни)... Преследуя эту двойную пользу, я стремлюсь к тому, чтобы завоевать для самого себя оставшееся счастье и немедленную выгоду для бедных в войске, у которых нет ке мула... Заботиться о подданных — хороший обычай справедливых царей...» — Ответ, который нужно бы написать темным зрачком на белке глаза или закрепить золотыми чернилами, считает Насир-ад-дину Умар³⁷.

Разбойничьи набеги следовали один за другим; все области на

Ганге, заселенные «неверными», должны платить султанату Дели подушную подать, однако в период неурядиц на престоле платежи приостанавливались³⁸. Так звучит оправдание для ярости. Но в этих походах Тимур и с самим собой не считался ни капли. Он пробирался в джунгли, которые казались ему еще гуще, чем леса Мазендерана, — ничто не могло ему помешать. И он преследовал всех, кто не исповедовал исламскую веру, с присущей ему хитростью. «И слава этих прославленных завоеваний во всех частях света достигла степени достоверности самым лучшим образом засвидетельствованного слова Пророка... неверие и многобожие были отменены... и восторжествовал закон шарията»³⁹.

После событий в верхнем течении Ганга Тимур обратил свое внимание на северо-запад. Большая войсковая группа была откомандирована в Лахор. Полководец сам приступил к подготовке завоевания Кашмира; его правителя он уже в Дели призывал подчиниться. Чагатаиды дошли до Джамму, когда узнали, что власть «господина счастливых обстоятельств» признается, и ему должны быть переданы тридцать тысяч лошадей, как требовали послы Тимура; их поставка, конечно, продлится еще некоторое время, поэтому князь еще не может явиться к Тимуру для целования ковра. Тимур был недоволен этим результатом миссии; его посредники слишком много потребовали. В тот момент, когда войско благодаря многочисленным разбойничьим набегам не терпело нужды, Тимур, очевидно, придавал большое значение быстрому выполнению формального акта порабощения. 25 февраля он велел передать князю Кашмира, чтобы в течение четырех недель он появился на Инде.

В то же самое время Тимур получил сообщение о завоевании Лахора; население, как обычно, заплатило значительными суммами за безопасность для жизни. Немного позже до Тимура дошли вести от его сыновей, которых он оставил на западе для сохранения империи. Они сообщали ему, как обстоят дела в Египте и Анатолии, в Сирии и Ираке, в Кипчакской степи и в Иране, и велели передать ему подарки. Он сам отправил одного посла в Самарканд, чтобы там были проинформированы о его великих победах в Индии и как подобает встречали его по возвращении. Его сыновья, оставшиеся в столице, должны были (таково было его желание) выступить ему навстречу, и он сам теперь больше не мог оставаться со своими главными военными силами. Он обогнал их, «для того чтобы его дети и знатные люди империи, даже все подданные

удостоились чести увидеть его сияющий лик»⁴⁰.

Десятого марта он снова переправился через Инд, где тем временем соорудили мост. Под Газни он на несколько дней задержался, чтобы проконтролировать продолжение работ у местной крепости. Немного позже он проехал по долине, в которой почитался один святой, Ахмед Ходжа Афган. На его долю выпало неоценимое счастье «встретить» Богом избранного завоевателя мира. «Теперь считается святостью расстелить скатерть званого обеда... но также предложить от богатых даров из дома правоверения еду для ума, сердца и души. Его высочество обладает — нужно благодарить Бога! — таким глубоким знанием божественных вещей, что святым этого мира подобает внимательно прислушиваться на кайме царского ковра, для чего они украшают себе уши жемчугами слов правителя. При этой представившейся возможности... победоносные воины ожидали... что (Ахмед Ходжа Афган) от себя устроит званый обед... Однако он подарил только милость своего присутствия и не пригласил за стол; несмотря на его яркое присутствие он не принес войскам никакой пользы... Он был, как обманчивая молния, которая после вспышки не увлажняет горло жаждущего... Принято сохранять внешность и внутреннюю часть чистыми, как с водой... так как форма и содержание, оба связаны друг с другом; обозначение и обозначаемое, оба следует учитывать при сообщении об общем или об особенном, которое проявляется в какой-нибудь личности»⁴¹. Но такая скупость повлияла на то, что вера в святость того самого Ахмеда Ходжи была поколеблена⁴².

Восемнадцатого марта Тимур прибыл в Кабул. Его мучил тяжелый приступ подагры; он не был больше в состоянии держать повод своего коня, и поэтому пришлось его нести. Прибытие части его гарема из Самарканда смогло в этих мучениях его немного утешить. Лишь постепенно улучшалось его состояние, после того как дали богатую милостыню⁴³. Через область Баглан ехали к Оксу, через который переправились под Термезом. Туда выступили ему навстречу другие члены его семьи, а также многие сановники из Самарканда, и теперь устроили подобающий пир. В середине апреля Тимур отдыхал две недели на своей родине в Кеше, в конце месяца он снова был в Самарканде. Первое, что он там сделал — перед этим он только выделил время для одной ванны — было посещение могилы Кутама аль-Аббаса⁴⁴. В нем жители Самарканда почитали близкого родственника пророка Мухаммеда и одновременно борца за веру, который там умер мучительной смертью в 677 году⁴⁵.

РАСПОРЯЖАТЬСЯ ЗЕМНОЙ ЖИЗНЬЮ

Неизвестно, знал ли Тимур старое сказание, что Самарканд считается отправной точкой смелых завоевательных походов в Китай и Тибет: один йеменский правитель приходит со своим войском из Ирака в страну Согдиану, штурмом захватывает ее столицу, сравнивает ее с землей, убивает жителей, как скот на бойне, продвигается дальше в Китай, где он и его воины умерли от жажды; его внук, в поисках пропавших без вести, велит на месте развалин построить Самарканд, великолепнее, чем он был до этого⁴⁶. Эта фантастическая история — отблеск событий первых арабских набегов в Центральную Азию, с которыми также связано имя Кутама аль-Аббаса. Она происходит, как и подобные сказания, относящиеся к другим областям исламского мира, из среднего и позднего периода правления Омейядов, когда йеменские арабы все больше и больше стали чувствовать себя обойденными в политическом и военном отношении. Они создали себе своих героических борцов за веру и перенесли их дела далеко назад до появления североарабского пророка Мухаммеда; но прежде всего они объявляли те войны как борьбу за создание единого, охватывающего весь известный мир исламского порядка, который нужно было завоевывать мечом и беспощадным истреблением неверных, пленением и переселением побежденных. В двурогом Александре, который превращается в того йеменского правителя, сказочные йеменские борцы за веру находят свое впечатляющее воплощение⁴⁷: это он, о котором Бог говорит в Коране (сура 18, 84): «Мы дали ему власть на земле и показали ему доступ ко всему». На персидском языке сначала Фирдоуси в «Шахнаме» воспел того Александра, который по желанию Бога и его решению владел миром; в двенадцатом столетии Низами Гянджеви (ум. 1209) подхватил этот материал и создал богатый мыслями эпос, который быстро завоевал прочное место в образовании средневекового Ирана⁴⁸.

Апокрифическим словом Пророка начинаются заметки Насир-ад-дина Умара о военном походе в Индию: «Сердца владык — это сокровищницы Бога на земле». Они охватывают скрытое от остальных людей, все пронизывающее божественное желание; они «форпосты тайн сокровенного, отражающий мир бокал вина!»⁴⁹. И «когда перо божественной воли начинает двигаться, чтобы великое дело, схватывающее совокупность (мира), осуществилось, то оно является

блестящему разуму Александра времени, Фариду-на⁵⁰ века, так что он берет его с боем»⁵¹. Идея о правителе, который владеет миром, появляется здесь включенной в совокупность идей о единственности бытия, как это, например, изложено Али Ашиком⁵²; это воззрение придает Александру из Корана, получившему доступ «ко всему», силу убеждения, которая, должно быть, у него отсутствовала, пока существующий, доступный нашим чувствам мир был открыт исключительно не подлежащему вычислению решению Бога⁵³.

Этот Тимур, «господин счастливых обстоятельств», «наделен, подобно Александру, властью»; это объясняет Насир-ад-дин Умар в ссылке на суру 18, 84 ⁵⁴. Он второй Александр, Александр этой эпохи⁵⁵. Таков его джихад, которым он хвастается перед Баязидом — не только старательное упражнение обязанности веры, которая хотя возлагается не на всех мусульман, но все же по мере надобности на достаточное количество из них. Он скорее истинное действие, в котором может стать очевидным, что Тимур осуществляет непосредственное веление Бога, звезды — счастливые обстоятельства — раскрыли это в гороскопе, но если они отказываются от битвы, время которой он считает благоприятным, то он с этим не считается: само божье слово, привлеченное как предзнаменование, нужно изложить так, чтобы оно подтвердило решение завоевателя мира. Он владеет миром и победа над Дели тому доказательство! Так, во всяком случае, мы должны понимать Насир-ад-дина Умара. Убийство пленных индийцев в этом свете становится справедливым мероприятием, и то, что эта битва у Дели стоила больше человеческих жизней, чем бойня под Исфаханом или Систаном, можно констатировать без признаков потрясения. Наоборот, в этом проявляется совершенное веление Бога, и это обстоятельство можно выразить в формулировке: «Из-за множества раненых и убитых поле битвы было похоже на горы и холмы, и головы строптивых превратились под клюшками для поло и ногами лошадей в крутящиеся мячи...»⁵⁶ Безвольный мяч, который гоняют клюшкой для поло через игровое поле по усмотрению любимого, это в пятнадцатом веке становится обычной картиной господства, которым человек обязан Богу или правителю, щедро одаренному им; это картина ничтожности любовника перед всемогуществом любимого⁵⁷, воспринимаемых чувствами явлений перед единственным, единым Богом.

Так в этом свете исчезает жестокость Тимура, что снова и снова подчеркивают арабские источники, и хитрость Тимура теряет свой коварный привкус, превращается во все предусматривающее, основанное

на знании сокровенного благоразумие. Повседневная военная хитрость теряет свое значение и проявляется очень редко. Что достойно внимания в арабских источниках — наряду с большим числом жертв — битву за Дели Насир-ад-дин Умар обходил молчанием: хитростью Тимур вывел из строя слонов — он велел забить железные крюки, потом приказал своим войскам притвориться, будто они обратились в бегство; погнавшиеся за ними животные поранили себе ноги и мучимые болями больше не могли маневрировать. Они совсем впали в панику, когда он навстречу им выслал верблюдов, которые несли легковоспламеняющийся материал, который подожгли как раз перед линией битвы⁵⁸. Все виды коварства, которые враги могли найти у Тимура, до вручения фальсифицированных посланий⁵⁹, все это для его сторонников, если они это упоминают, является доказательством того, что земная жизнь была передана в его распоряжение, что он ею умел управлять. К тому же еще осмотрительность, с которой он имел обыкновение планировать свои походы ⁶⁰, с которой он проводил разведку еще до того, как она ему действительно была нужна. Благодаря своим многочисленным шпионам он всегда был в курсе дел страны, прежде чем он вступал на ее территорию; он знал, например, обо всех событиях, чрезвычайно неприятных для каирского султана, и использовал свои знания в случае надобности. То, что о нем говорили тайком в лагере врагов, будто он в союзе с сатаной, не удивляет⁶¹.

Он один хотел возглавлять все свои предприятия; поэтому он, как рассказывают, хотя и советовался со своими доверенными, но иногда оставлял их в неведении относительно своих истинных намерений. Все снова и снова он мог извлекать выгоду из эффекта неожиданности, которого он добивался. Даже Ибн Арабшейх, который испытывал к нему все что угодно, только не расположение, допускал, что все эти способности свидетельствуют о том, что Тимур получал вдохновение от Бога — но, возможно, не как милостыню, а чтобы тем надежнее предать его проклятию⁶². И внушение, которое выпадает на долю святого, может быть роковым, прежде всего, если он стремится сознательно его использовать⁶³. Об ужасах войны нельзя было говорить в присутствии Тимура, утверждает Ибн Арабшейх⁶⁴. Кажется, в глазах полководца они были неизбежным сопутствующим явлением исполнения той миссии, которую ему поручили. То, что враг, который не вступил в «мирное сообщество», поплатился своей жизнью⁶⁵, в этой связи тоже следует обдумать.

Но что означает распоряжаться земной жизнью? Это предполагает определенную разумом связь со способами власти и с людьми, и все меры, которые принимаются, вытекают только из решения «господина счастливых обстоятельств», которому помогает сам Бог. Тимур отдает распоряжения на главных местах военных действий и на второстепенных, он дает указания посланникам, решает судьбы стран света; и победа, и поражение зависят только от его приказов. Только тех людей, которые полезны для выполнения его планов, может он уважать: саидов, ученых и святых, ремесленников, врачей и астрологов — но не поэтов. Историографию он любит; сам неграмотный, он часто заставлял читать из летописей на персидском языке и скоро знал их наизусть благодаря своей исключительной памяти так, что исправлял ошибки чтецов. Очень много внимания он уделял также пророкам доисламского периода⁶⁶. История — это дела великих властителей подобных ему, и пророки были посланы Богом, чтобы политически объединить человечество единственным, религиозно узаконенным устройством — так, как Александр, который выступает в эпосе Низами полководцем и пророком; и так, как начинал это делать Мухаммед! Чингисиды были призваны восстановить это дело, которое оказалось в опасности из-за ошибок людей — вспомним о «диадохах»! — и присоединить части света, в которых еще имели вес неверные. Это была миссия Тимура; притязания ислама смешались с притязаниями Чингисидов⁶⁷.

Тимур, кажется, наряду с поэзией, уклонялся и от других видов развлечения и пустого времяпрепровождения, за одним исключением: он был восторженным шахматистом и привлек в свое окружение целый ряд мастеров этого искусства, среди них и некоего Ала-ад-дин ат-Табризи. Этот человек, автор учебного пособия по игре в шахматы, умел играть вслепую против нескольких игроков. В то время как они долго раздумывали над каждым ходом, ат-Табризи сразу переставлял свои фигуры и, казалось, не раздумывая. Али аби-Талиб однажды явился ему во сне и вручил шахматную доску; и с тех пор его никто больше не смог победить. И ат-Табризи, таким образом, действовал по внушению из сокровенного; по праву мог сказать ему Тимур: «Ты суверен в царстве шахмат, так же как я суверен в царстве власти!»⁶⁸ — шахматная доска была маленьким миром. Игрок составлял план, передвигал фигуры, чтобы оставить в неизвестности противника относительно собственных намерений, следующих шагов, чтобы расставить ловушку, а потом разбить. Цель игры — не ничья,

компромисс, а уничтожение противника, полная победа «мирного сообщества». В игре Тимур постоянно тренировал то, к чему он стремился в действительности. Действительность была разнообразна, нужно было справиться с самыми различными условиями. Так, Тимур не ограничивался обычной шахматной доской; в его присутствии играли за продолговатой доской и круглой; он сам спроектировал большую доску с полями десять на десять и увеличил воюющие соединения верблюдами и муллами⁶⁹, по Ибн Арабшаху — двумя верблюдами, жирафами, разведчиками, осадными машинами и одним визирем⁷⁰.

Для избранного Богом «господина счастливых обстоятельств» мир — это доска, на которой он передвигает фигуры до своей победы. В его сердце, поясняет Насир-ад-дин Умар, веление Бога присутствует на земле. Тимур появился к определенному моменту, чтобы таким образом быть возвышенным Богом над всеми остальными людьми. Жазди пишет, что по распоряжению Тимура возникла рифмованная тюркская хроника его дел и тот контролируемый самим Тимуром исторический труд, о котором говорил уже Шами⁷¹; сведения о возвышении Тимура, правда, были скудные и должны были быть дополнены им, Жазди, во времена правления Шахруха⁷². Один из дворцов, которые Тимур велел заложить в конце своей жизни в окрестностях Самарканда, был раскрашен картинками, которые прославляли его победы, изображали, как представляли перед ним послы, как покоренные султаны бросались в пыль, и показывали его семью, его доверенных, ученых, саидов, знатных людей империи, «все совершенно так, как в действительности», чтобы все, кто сам не видел это событие, мог получить о нем представление. Когда он не находился в своей резиденции, жители, должно быть, прогуливались в этих садах⁷³.

Тимур теперь был убежден в своей величии. Но его все еще окружали астрологи, хотя он мог, как рассказывал Насир-ад-дин Умар, не обращать внимания на их оговорки в решающий момент. Для Насир-ад-дина Умара причина этого кроется в вере в превосходящую, единственно определяющую силу, силу Бога. Это, видимо, только полуправда, так как если все явления этого мира находятся в связи, которую может обнаружить пытливый ум, как только увидит их глубинные корни, которые ведут в сферу сокровенного, то, видимо, не только возможно из космических знаков

сделать вывод о происходящем теперь или в будущем; также возможны изменения выводов: если с очевидным в это мгновение дела обстоят так или иначе, то построение космических указаний соответствует; а если астрологи, видимо, со своими вычислениями пришли к другому результату, то тогда они ошиблись в расчетах.

То, что определенные земные условия, должно быть, сопровождаются соответствующими им указаниями из сокровенного, что, таким образом, позволяет сделать вывод о событиях по состоянию звезд, а этим и о всеобщей связи, в которой отдельное необычное событие может быть размещено, доказывает Жазди своими высказываниями о дате рождения и гороскопе Тимура. Он исходит из описания сна Качули⁷⁴: та восьмая яркая звезда, которая вышла из его одежды, — равный солнцу счастливый правитель, который освещает семь атмосфер земли; он родился 25 месяца шабан 736 года (8 апреля 1336 г.), под знаком Овна, который относится к Марсу и стихией которого является огонь. Так как при обосновании ти-муридской династии «благословенное существование того величия было фундаментом непоколебимого рода последнего навеки господина счастливых обстоятельств, и так как для восходящей звезды такого сооружения в любом отношении целесообразна стабильность, а мир неизбежно меняется, божественная мудрость потребовала... чтобы чудесная восходящая звезда была звездным знаком, стабильность которого не допускает разрушения. Этим свойством украшен звездный знак Козерога...» Хотя он сам по себе принадлежит к тем, которые указывают на большие изменения, его господином является Сатурн, стихия которого земля, «крайность постоянства». Такое смешение контрастов — изменение и постоянство — самое сильное из всех мыслимых указаний на продолжительность, так как «высшую степень совершенства достигает свойство, как только оно сможет содержать в себе свою противоположность»; так говорится в ряду священных божьих имен: «Первый и Последний, Явное и Скрытое». «Из этих хитроумных... соображений становится ясно, что для восходящей звезды космических событий, поскольку для них требуется момент стабильности, самым подходящим звездным знаком может быть только Козерог». Жазди разбирает другие признаки гороскопа Тимура, которые — из взгляда на прошлое — должны быть такими, а не иными⁷⁵; при этом неясно, относит ли он их к 8 апреля 1336 года⁷⁶. Но что это уже может означать? И эта дата, как мы знаем, только подогнана к событию. Разве не бесчестно конструировать

задним числом положение звезд применительно к событиям? И вообще, имеет ли смысл такая астрология? Дадим еще раз слово тому трактату, которому мы уже обязаны рядом общих представлений об астрологии. Она (как мы читали) имеет дело не только с «необходимыми» естественными явлениями, но также с такими, с которыми нельзя быть уверенным, «возможны» ли они вообще. Суннитский теолог, такой как Насир-ад-дин Умар, может здесь возразить, что астрология бесполезна, потому что любое явление, осуществляемое Богом по его необъяснимой воле, в момент его возникновения необходимо. Автор трактата знает это возражение, и он не оспаривает его правильности. Но мы постоянно остаемся в неведении, даже в невежестве, именно ввиду событий, происходящих в будущем. И в такой степени мы включили соображение о возможных происшествиях с привлечением космического порядка и пытались составить себе мнение об этом, что вероятно произойдет. «Это незнание — основа для нашей цивилизации. Если бы не было этого незнания... тогда бы на этом свете не было планирования всех стремлений и оно осталось бы недоставленным посланием. Тогда любое врачебное лечение, любой совет правоведов, пробуждение пророков и их призыв к вере — тогда все это было бы суетным и ничтожным!»⁷⁷.

Здесь не только выявлена возможность того, что набожные ученые-правоведы могут верить во всемогущество Бога и все же заниматься астрологией, а предпринята попытка примирить учение о непрерывности существования космоса с независимо решающим создателем⁷⁸. Далее также говорится, что представление человека, особенно щедро наделенного Богом, о событиях этого мира может простираться дальше, чем представление астрологов с их — возможно — ошибочными расчетами. Если в трактате говорится, что именно эта неуверенность подстегивает к предвидимому осторожному поступку, то в действительности в этом лежит глубокое познание, которое, касаясь личности Тимура, однако, ведет к двусмысленному изложению его дел. Был ли он убежден в том, что он в конце концов действовал свободно и ответственно за себя, следовательно, как индивидуум, или оправдывает ли его уверенность, что он был избран, как его уверяли со всех сторон? Распоряжался ли он от своего имени миром и было ли все, что делалось для узаконивания его войн, не чем иным, как прекрасной, целенаправленной инсценировкой? Или он распоряжался все же от имени того, Другого, миром, о котором постоянно твердили его

придворные льстецы, и не только они? С этими вопросами мы должны будем согласиться.

Тимур, победоносный, нагруженный добычей, с многими пленными для своей безлюдной страны, вернулся из Индии. Во время похода послы много раз информировали его об обстановке на западе империи. Казалось, его сыновья и внуки искусно решают свои задачи. А затем внезапно разочарование! О сумасбродстве Мираншаха, его самовольном господстве, о его возмущении тайно донесли «господину счастливых обстоятельств»; но прежде всего это, видимо, были известия о совершенно неудавшемся походе Мираншаха в Багдад⁷⁹, которые заставили неотложно еще раз продвинуться на запад и теперь без всякого снисхождения уничтожить врагов. Со всей жестокостью к себе и к своим войскам ринулся Тимур в новую кампанию, определенно не догадываясь, как долго она продлится*. То, что его эмиры не раз роптали, его не удерживало: если бы он сломался перед ними, он бы больше не был «господином счастливых обстоятельств», которому Бог дал землю, чтобы он ею распоряжался.

САМАРКАНД

Сподвижник Пророка Анас Малик — пусть Бог благоволит к нему — рассказал об одном городе за Оксом, который называется Самарканд. Затем он приказал: «Не говорите «Самарканд», а «охраняемый город!» На вопрос, чем защищается Самарканд, он ответил: «Мой любимый, посланник Бога — пусть Бог помолится за него и передаст мирный привет — сообщил мне об одном городе... за Оксом, который называется «Охраняемый». У каждого из его ворот стоят пять тысяч ангелов для его охраны и прославляют и восхваляют Бога, а над городом пять тысяч ангелов распростили свои крылья, чтобы охранять жителей, и над этими ангелами стоит еще один с тысячью головами, тысячью ртами, тысячью языками и восклицает: «О бессмертный, о бессмертный! О Аллах, который является не кем иным, как Богом! Защити этот город!» И за городом лежит один из лугов рая! Там текут сладкие воды; кто их пьет, пьет воду рая, а кто там купается, тот освобождается от всех грехов, как в тот день, когда его родила мать... Кто умирает в этом городе, умирает словно на седьмом небе, и будет созываться с ангелами

в раю в день Страшного суда...»

Ас-Самани (ум. 1117)

ПОЕЗДКА В САМАРКАНД

Двадцать второго мая 1403 года из Севильи вышел в море парусник; на борту находился Рой Гонзалес де Клавийо, рыцарь из Мадрида. Король Кастилии Генрих III (прав. 1390-1406) отправил его в путешествие к Тимуру. Уже давно короли Кастилии хорошо были информированы о событиях в исламском мире². Намечавшееся падение Константинополя заставило особенно неотложно выяснить, какую политику будет проводить предполагаемый новый государь императорского города, султан Баязид. Поэтому Генрих III уже в 1400 году распорядился послать миссию в Малую Азию: она стала свидетельницей поражения Баязида под Анкарой. Тимур обошелся чрезвычайно милостиво с членами посольства, которые, таким образом, оказались в его руках, вскоре после этого отпустил их на родину с приветствиями Генриху III и отправил с ними одного из своих эмиров. Король Кастилии чувствовал себя вынужденным ответить на этот дружеский жест отправкой высокопоставленного представителя. Тимур со своими войсками воевал в начале лета 1403 года в области Восточной Анатолии и Кавказа. Еще совсем не было известно, что он станет лишь на короткое время главенствующим мусульманским властелином Ближнего Востока. Рой Гонзалес де Клавийо поэтому получил задание укрепить случайно возникшую связь с тем выдающимся завоевателем.

Зиму 1403-1404 гг. Клавийо провел в Трапезундс-кой империи, которая еще до битвы под Анкарой должна была покориться Тимуру³. Когда он летом 1404 года вернулся в свою столицу Самарканд, Клавийо должен был, по-хорошему или по-плохому, следовать за ним. Двадцать первого августа он добрался до Окса под Термезом, где была важная переправа через Оке. Здесь был строгий контроль, которому подвергались обычные путешественники. Уехать из Мавераннахра в направлении Хорасана было возможно только в том случае, если имелся пропуск. Слишком много людей приказал Тимур угнать на свою родину, чтобы она процветала. В Иране и Хорасане Клавийо бросилось в глаза необычайно большое количество вдов и беспризорных сирот. Кормильцы семей пали не только в войнах; многие из них, как свидетельствуют все новые и новые источники, были захвачены в плен и

отправлены на строительство городов Мавераннахра. Власти применяли различные методы, чтобы затруднить им побег через Окс⁴. Двадцать восьмого августа Клавийо проехал через Кеш. Он узнал, что за двадцать лет город, откуда был родом Тимур, расширился⁵. Замок, который велел построить завоеватель Хорезма и Герата, Клавийо нашел хорошо укрепленным и защищенным рвом и подъемным мостом. Соборная мечеть, построить которую приказал Тимур⁶, еще не была закончена, хотя надгробие над могилой, в которой был похоронен его отец, а также другая гробница, предназначенная для приема бранных останков «господина счастливых обстоятельств», были завершены⁷. В Кеше Клавийо рассказали, как Тимур молодым человеком с маленькой бандой товарищей воровал скот; это совпадает с сообщениями враждебно настроенных к нему летописцев. Испанец также узнал о той авантюре, когда Тимур был ранен в Систане; ошибочно это связали с его набегом за Окс, во время которого он доставал лошадей себе и эмиру Хусейну для запланированного предприятия в Систане⁸. Так через сорок лет после событий появилась легенда о «хромом Тимуре», человеке, который за воровство в юности заплатил увечьем своих конечностей⁹.

Тридцать первого августа Клавийо достиг пригорода Самарканда. Там в одном из роскошных садов, разбитых по царскому приказу, была приготовлена квартира, которую он делил с послом мамлюкского султана Фараджа, сына Баркука; египетские посланники встретились в Рее с испанцами, и с тех пор путешествовали вместе. Обширную территорию, которая была засажена фруктовыми деревьями различных видов, окружала стена, длина которой, по оценке Клавийо, составляла одну милю. Ручьи текли через парк, в котором была дичь и фазаны. Он разделялся аллеями, которые пересекались в правом углу, на маленькие земельные участки. В середине каждой из этих аллей тянулась насыпанная из земли плотина. На искусственно созданном холме стояли похожие на дворцы здания с богато украшенными, облицованными кафельными плитками покоем. Эта возвышенность была защищена глубоким рвом, в который наливалась вода из трубы. Через мост проходили к воротам, а потом к лестнице, которая вела наверх к зданию. Но не там наверху, а в другой части огороженного сада жили послы; вблизи одного ручья для них были разбиты палатки¹⁰.

СОБОРНАЯ МЕЧЕТЬ

Около пяти лет прилагал большие усилия Тимур для расширения своей столицы. Помнится, при победах в Индии большое число художников и ремесленников попали в плен. Он велел многих из них передать своим приближенным, а те должны были принимать участие в великом деле и соревноваться между собой в роскошной отделке построек. За собой Тимур оставил каменотесов. Ему нужно было их умение для возведения мечети, громадного молельного дома, который должен был быть как бы земной копией рая, местом, на котором верующие, окруженные неземной красотой, предавались бы только почитанию единого Бога. В мае 1399 года в назначенный астрологом час, был заложен фундамент ¹¹. Внутренний двор был размером восемьдесят восемь метров на семьдесят; в него входили через портал и видели напротив него на другом конце двора огромный ливан, вход в саму мечеть, которая была покрыта сводом, держащимся на барабанах, так что получился зал высотой около пятидесяти пяти метров. Двор был со всех сторон окружен постройками; крыша этих помещений держалась на карнизе, который несли пятиметровые колонны, сложенные из обтесанного камня. Как портал, так и ливан были фланкированы двумя восьмигранными минаретами каждый. По поперечной оси два небольших здания с куполами, простиравшиеся на восемьдесят восемь метров, окаймляли двор.

Началом работ руководил Тимур лично. Но скоро его оторвали от этой деятельности тревожные события на западе его империи; в то время как он находился далеко от своей столицы во время семилетней кампании, постройка быстро росла в высоту. Как во время военных предприятий, Тимур и здесь настаивал на напряжении сил, на скорейшем исполнении. Затраты при этом не играли никакой роли. Летом 1404 года Тимур вернулся; архитектурное сооружение было закончено, но оно получилось не таким, каким он его себе представлял. Хотя колоннада «была подобна вершине сфер», она показалась ему слишком маленькой в сравнении с купольным сводом над молельным залом. Начальника финансового управления Тимур посчитал виновным в этой ошибке и приговорил его к смерти.

К роскошным образцам на одежде славы, к главнейшим в перечне великих дел относятся сооружения с целью благотворительности: мечети, медресе, монастыри суфиев, постоянные дворы, наконец, цистерны и колодцы, которые Тимур велел устроить в пустыне. Одно из этих

сооружений — Соборная мечеть в резиденции, в Самарканде, которую он построил в своей чистой и совершенной, доброй вере. «Молитвенные дома Бога строятся только теми, кто верит в Бога и в день Страшного суда» (сура 9, 18). Пусть будут вечно существовать их фундаменты подобно фундаментам святынь в Мекке! Пусть будут их вечно прославлять в мире как Мекку! Он выбрал себе путеводной нитью следующее слово Пророка, которое вытекало из божественного внушения: «Кто строит мечеть, пусть она даже будет такой маленькой, как гнездо рябчика, тому Бог построит дом в раю!»¹³ С предельным старанием взялся Тимур за основание и строительство. Фундамент был заложен так надежно, как основание горы, как основа его счастливого господства. Как дамба Александра...¹⁴ мечеть строилась из обтесанных камней. Ниши для молитв он велел облицевать стальными плитами необычной формы с чудесными гравюрами и элегантными росчерками в высшей степени художественного совершенства; подобные, нигде нельзя... было увидеть в семи атмосферах. Четыре минарета, как стрелы, поднимаются в четырех углах так высоко, что с них можно увидеть невооруженным глазом скрытые свойства небесных тел и созвездий. И ливан, похожий на небесный свод, касающийся Малой Медведицы, в своем совершенном искусстве предмет зависти коллекции картин Китая. Около четырехсот мраморных колонн были доставлены из самых отдаленных областей в кратчайшие сроки на тележках, которые тащили громадные слоны, с привлечением всей транспортной техники для тяжелых грузов. Двор и крыша заставили побледнеть рай и высокую небесную крышу от зависти, так как крыша лежала на прочных опорах и сильных сводчатых ребрах, и стороны двора украсили различной отделкой, узорами и изображениями, которые сделаны из яшмы. До конца света строение с его убранством сохранится от разрушения, так как его фундамент укрепили так прочно, что землетрясение ему не нанесет вреда, а осадные машины ударов судьбы не могут пробить брешь в фундаментной стене. На парапете Ливана, за которым открываются ворота в «рай, широкий, как небо и земля» (сура 3, 127), читаешь надпись: «Войдите в безопасность, приветствуемые мирным салютом» (сура 15, 46). И «кто войдет, тот в безопасности» (сура 3, 91) высечено на плитах, которые, из единого материала... образуют там основу — на такую мостовую смотрит завистливо сам священный рай, но мечеть появляется как тот «Ирам с высокой колонной, равной которой не было создано нигде» (сура 89, 7-8). Внутреннее помещение мастера из Багдада и Басры... выстлали циновками; ремесленники из Фарса и Кирмана покрыли каждое место изготовленными точно по размеру шелковыми коврами; мастера из Алеппо

прикрепили позолоченные подсвечники в помещении под куполами — подобно небесным светилам под опрокинутым котлом сфер¹⁵.

Быстрота, даже спешка, с которой Тимур вел стройку, для исламского Востока с его политической нестабильностью необычны. Резиденция, которую создавал для себя ильхан Олджайту¹⁶, была тоже продуктом центрального планирования и быстрого исполнения. Для испанского посла Клавийо, конечно, было важным примечание, в какое короткое (даже трудно себе представить) время была завершена стройка. Он описывает, как в Самарканде в течение немногих недель возникла крытая навесом базарная улица¹⁷. То, что подобные строения, возможно, не всегда были прочными, становится ясным. Это обнаружилось довольно скоро и в Соборной мечети Тимура в Самарканде, как рассказывает Ибн Арабшах: порою камни отрывались от стен и падали на молящихся; однажды, видимо, было так много больших кусков, что люди, охваченные страхом, ринулись к выходу, и тот, кто произносил молитву (чтобы за ним повторяли), остался в одиночестве¹⁸.

ГНЕВ И ВЕЛИКОДУШИЕ

Соборную мечеть в Самарканде начали строить сразу после возвращения Тимура из Индии. И во время семилетней кампании Тимура не покидала мысль, что он должен увековечить славу достойными внимания архитектурными сооружениями. После своих побед в Сирии и разрушения Багдада он отправился в конце 1401 года в зимний лагерь в Карабах. Во время охоты он наткнулся на разрушенный канал длиной около десяти парасангов, который брал свое начало из Аракса и впадал в Каспийское море. Только в течение одного месяца Тимур велел восстановить канал. Он назвал его каналом Барласа, чтобы имя рода, из которого он вышел, навсегда осталось связанным с этим добрым делом, так как он надеялся, что на берегах поселятся люди и построят деревни и мельницы, так чтобы его дело дало толчок расцвету страны¹⁹. Завоеватель мира, которому Бог или небо дало в руки ключи ко всем странам, обнаруживает своими делами, что у него в распоряжении были бесконечные сокровища милости²⁰, а она бывает двух видов; уничтожение врагов и создание освобожденной империи. К концу семилетней кампании он дал поручение восстановить Багдад, превращенный в развалины, и снова позволить расцвести

измученному Ираку:

Так как теперь благородный Бог подчинил все обитаемые страны во всем мире исполняемым приказам, мы желаем, чтобы, подобно тому, как повсюду знают последствия нашего гнева, и наши милости и благодеяния записали и читали о них. Так как султан — тень Бога, он с одной стороны, сжигает горящим пламенем своего гнева врагов, а с другой стороны, в состоянии милосердия и доброты зажигает свечи великодушия во мраке души тех, которые его любят²¹. В гибельном сопротивлении нашим победоносным войскам багдадцы предоставили свою страну и ее подданных для уничтожения, так что для них это была месть (за их преступления) и с ними дело дошло до того, что «град обрушился на их город и сбил с кустов роз всю листву». Но теперь, когда султан со всей своей энергией утолил жажду мести, а те получили возмездие за свои преступления, царский орел нашего милосердия снова раскрывает крылья своего великодушия и хочет сделать ту сторону резиденцией феникса справедливости и из развалин привести ее к новому расцвету, так как все люди должны знать, что означают агрессивность и жажда мести и как далеко простираются милосердие и доброта.

Так Шами, свидетель событий, заставляет говорить «господина счастливых обстоятельств», что все сановники согласились с этим намерением. Багдад всегда был оплотом набожной учености; забота о возрождении этого города и всего Двуречья обещала долговечную славу в земной жизни и обретение заслуги перед потусторонним миром. Принцу доверили задачу руководить восстановлением и «смазывать раны раненых той страны мазью справедливости таким обра-эм, что (уже) в будущем году... паломники смогут оттуда отправиться в Хиджаз» . Усилия, направленные на восстановление Багдада, служили цели расширить влияние Тимура на оба священных города, как было ему предложено посольством Хиджаза в начале индийского похода²³. После того как мамлюкское войско не сумело под Дамаском дать ему отпор²⁴, он мог вполне считать себя самым могущественным исламским султаном и претендовать на Мекку и Медину. Но забота о расцвете завоеванной — и поэтому подчиненной законной власти — страны заключается в том, чтобы она (забота) проявлялась как неотделимое дополнение силы гнева. Великодушие и гнев — дополнительные аспекты получаемой от Бога власти, и именно только что названная цель

показывает, чему должны оба служить: восстановлению и поддержанию основанного Богом и отражающегося, между прочим, в обрядах паломников порядка земной жизни. Там, где это удастся, рай уже обеспечен.

«Именно бог назначил вас наместниками на земле и одного из вас возвысил на несколько ступеней над другими, чтобы испытать вас в обстоятельствах, которые он вам создавал» (сура 6, 165). «Он позволил вам возникнуть из земли и приказал вам самим добывать себе пропитание» (сура II, 61). Этими двумя стихами Корана²⁵ Шами открывает свое сообщение о еще одном благотворительном деле Тимура: он велел восстановить город Байлакан, расположенный северо-западнее Муганской степи недалеко от западного берега Аракса, который был уничтожен в 1220 году монголами²⁶. План соответствовал образцу, которого обычно придерживались «в Туране» и которому следовал Тимур в подобных делах в Иране: размечался вежами большой четырехугольник, который разбивался на меньшие двумя базарными улицами, пересекающимися в правом углу. Размер четырехугольника составлял около тысячи семисот метров; более десяти метров высотой и восьми метров шириной были укрепления. Стороны четырехугольника были защищены башнями; жилье для караульных подразделений было встроено в насыпь. Перед ней был вырыт глубокий ров шириной в тридцать метров²⁷. Только месяц, будто бы, продолжались эти работы в городе, утверждает Шами и добавляет, что если бы такое удалось какому-нибудь другому правителю в течение года, то уже был бы повод у всех для удивления.

И люди увидели картину исступления и жажды мести, милости и великодушия в зеркале его управления миром; как только его жажда мести раскрывает длань, все переворачивается вверх дном; и как только губы его доброты сладко улыбаются, он делает все земное веселым и светлым. Да, люди узнали, что господин счастливых обстоятельств является личностью, в которой открывается привлекающее и отталкивающее возвышенного величества (единого Бога)²⁸.

Гнев и доброта укрепляют порядок, который Бог предусматривает для земной жизни. А где могли бы более четко проявиться, чем в столице Тимура Самарканде, гнев и доброта, которыми он управляет миром? Самарканд — центр мира, в нем, вследствие этого, божественный порядок

достигает самой высокой, какая только возможна на земле, степени концентрации. Поэтому Самарканд — порог рая. Это символизирует Соборная мечеть, и надписи с цитатами из Корана, размещенные в ней, воскрешают это в памяти у невнимательного. Но не только это сооружение, но и другие должны были вызывать у людей такие представления. Сад, который описал Клавийо, не оставляет в этом сомнения, и дворец, построенный посреди него на искусственном холме, предназначен для избранного небом, единым Богом повелителя мира, усовершенствованного до уровня рая; «Сад Ирама», «Краса мира», «Сад рая» назывались парковые ансамбли, которыми Тимур украшал свою столицу. И ближе к центру мира группировались столицы покоренных стран: Султания, Шираз, Багдад, Дамаск, Каир — так назывались по приказу Тимура разбитые в черте города Самарканда сады²⁹. Три круга, выстроенные в треугольник, Тимур велел отчеканить на своих монетах и выжечь на своем скоте. Они символизировали его господство над тремя частями мира; так полагает, во всяком случае, Клавийо³⁰. Самарканд и окрестности — отражение мирового господства.

АУДИЕНЦИЯ У ТИМУРА

Восьмого сентября испанского посла вызвали из описанного выше «рая», чтобы отвести его к Тимуру. Клавийо, вероятно, не знал, что старый завоеватель проводил тогда съезд князей, поэтому в Самарканд съехались многочисленные зависимые властители или их послы. Испанцы случайно встретили в Иране послов мамлюкского султана Фараджа и с тех пор почти всегда оставались вместе с ними. И на аудиенцию им было приказано явиться вместе. Тиму-ридская историография, правда, не принимала во внимание испанцев; с точки зрения Самарканда и мусульман, они были слишком незначительны; важны были, напротив, египтяне, которые к тому же везли подарки, привлекающие внимание: наряду с обычными дорожными тканями и благородными камнями — жираф, «одну из странностей божественного творения», и девять — приносящее счастье число! — экземпляров птицы страуса³¹.

Путь посланников пролегал по равнине, на которой выстроились сад за садом, а между ними были дома и рынки. Около трех часов пополудни добрались до территории обширного парка за городом; во дворце, который он окружал, «господин счастливых обстоятельств» в те дни устроил прием. Клавийо и его сопровождающие спешили и прежде

всего были приглашены в здание, расположенное за пределами парка. Подарки, которые прислал Генрих III, нужно было вручить двум эмирам, которые несли их правителю. После этого посланники могли войти в парк через украшенный кафелем портал; первое, что бросилось в глаза, были шесть слонов, укомплектованных командой. Эмиры, которые взяли подарки к себе, проводили иностранцев в прихожую, в которой они встретили старого человека; как им сказали, это был племянник Тимура. Они почтительно поклонились ему. Затем их провели в другие покои к внукам Тимура, которым они тоже поклонились. Один из принцев потребовал письмо испанского короля, чтобы передать его «господину счастливых обстоятельств». Теперь тот пожелал, чтобы испанцы предстали перед ним. «Тимур находился перед Ливаном роскошного дворца; он сидел на земле. Перед ним фонтан выбрасывал высоко вверх свою воду, и в воде были видны несколько красных яблок. Тимур сидел с подогнутыми ногами на вышитых золотом коврах между круглыми подушками. На нем была шелковая одежда и высокий белый головной убор, на остром конце которого сверкал рубин в обрамлении жемчуга и благородных камней. Как только послы увидели господина, они поклонились, упав на колени и скрестив руки на груди». Это повторили они три раза, делая каждый раз несколько шагов к правителю. По его знаку они, наконец, поднялись и были осыпаны комплиментами со стороны близких доверенных Тимура: все происходило вблизи него, чтобы господин лучше мог увидеть, так как он плохо видел. Из-за его преклонного возраста у него совсем закрылись веки. «Как дела у моего сына, короля? В добром ли он здравии?» — осведомился Тимур. Получив ответ, он обратился к своим собеседникам, среди которых был сын Тохтамышша³², и объявил им: «Это послы, которых послал ко мне мой сын, король Испании, великий король франков. Он живет на краю света. Эти франки действительно великий народ, и я хочу благословить короля Испании, моего сына. Было бы хорошо, если бы он вас послал ко мне только с письмом и без подарков, так как я удовлетворен тем, что получил известие о его здоровье и его благополучии!» О содержании письма Генриха III должны были сообщить Тимуру немного позже, так как возникли трудности с переводом. Клавию пишет: «Магистр-теолог» Тимура предложил свои услуги в переводе письма, так как он единственный, кто разбирается в этом. Послов направили в помещение на правой стороне дивана, под которым сидел Тимур. Там они встретили послов китайского императора, которые

пришли, чтобы потребовать от Чагатаидов возобновления выплаты дани, прекращенной несколько лет назад³³.

По настоятельному требованию Тимура испанцам велели занять места, расположенные выше мест для китайцев³⁴ — явный признак напряженности между Самаркандом и династией Мин.

Прибыли другие послы. Как только все были расположены за длинным столом соответственно их значению и распоряжению Тимура, подали еду: громадное количество жареного, вареного, копченого мяса, целых баранов, даже лошадей. Все положили на громадные, разостланные на земле скатерти из кожи. Если Тимур хотел поесть блюдо, приготовленное из какого-нибудь животного, то скатерть подтаскивали к нему, повара спешили с ножами, опускались на колени на скатерть и начинали резать мясо. Куски укладывали в большие миски из серебра, золота или даже фарфора. Лакомым кусочком считалось мясо бедра лошади; и лошадиная тибуха и целые бараньи головы накладывались в миски. Подходили другие слуги, посыпали блюдо солью, поливали соусом. И, наконец, накрывали еду несколько раз сложенными хлебными лепешками. Затем сыновья и внуки Тимура и придворные группой в три человека брали по одной миске для правителя и каждого посла и несли их к месту каждого. Гости не успевали поесть из того, что им подавалось, а уже следовала перемена — другие виды мясных блюд; однако было принято кормить остатками — если угодно в данном случае говорить об остатках — сопровождающих послов. «Принесли так много блюд, что было чему удивляться!» — восторгается Клавийо. В конце были поданы фрукты; пить давали, прежде всего, подслащенное жирное молоко.

После трапезы Тимуру были показаны подарки всех посланников, среди них также триста лошадей, которые были переданы ему в тот день. После этого иностранцам показали их жилье³⁵.

Ни в одном из своих садовых дворцов Тимур не находился долго, и тот, в котором он принимал послов, он покинул через неделю. Он переехал в другой, и по этому поводу был устроен праздник, на который было приглашено много гостей, среди них и испанцы. Клавийо описывает новое местопребывание, похожее на то, в котором его поселили после прибытия в Самарканд: сложенный из кирпичей, выложенный кафелем портал, за ним аллеи и деревянные террасы, густые, разнообразные древонасаждения, роскошные палатки из крас-ного сукна и пестрых вышитых золотом тканей, в середине замок с крестообразным

основанием, богато украшенный орнаментом. Внутри здания Клавийо увидел обитые серебром и золотом столы, на которых стояли бокалы и кувшины, унизанные благородными камнями; ковры покрывали землю, стены были завешены шелковыми шальями. На праздничный обед испанцы в этот раз опоздали, не объявился их переводчик. Тимур рассердился на принцев, которым было поручено обслуживание иностранцев, из-за их небрежности и дал знать гостям, чтобы следующий раз они незамедлительно последовали приглашению³⁶. Как следует из сообщения Клавийо, до его отъезда двадцать первого ноября ему представлялось достаточно случаев для этого.

ЦЕНТР МИРА

Мир встречался в те недели в Самарканде, и отовсюду прибывали послы. Короля испанцев, тех самых франков на западном краю обитаемой земли, Тимур назвал своим «сыном», благосклонное обращение для неверного правителя; этим обращением, например, пользовался и Осман Сулейман Великолепный в 1533 году на мировых переговорах с Габсбургом Фердинандом I³⁷. Притязания на опеку, которые нельзя определить точнее, эта формула, без сомнения, содержит. Другой конец мира, Китай, оказался в подчинении у «вора и злого человека»³⁸, императора династии Мин; по праву он (Китай) тоже принадлежал к империи Тимура; во всяком случае он видел такие обстоятельства, что подтверждает уже давно подготовленный им поход на восток. И мамлюкский султан Фарадж в глазах «господина счастливых обстоятельств» был не кем иным, как наместником, который теперь отправил своего посла в Самарканд, чтобы поблагодарить за почетную одежду и подарки, которые он получил в июле 1403 года³⁹. И, наконец, священные города ислама! Тот каирский наместник не мог их защищать и расширять, это мог сделать только избранный повелитель мира. Восстановление Багдада уже давно было подготовлено, и в то время как в Самарканде устраивали торжества, Тимур приказал разведать путь в Мекку, замерить святыню и посчитать колонны окружающей ее мечети. Он планировал поход в Мекку, кульминацией которого должно было стать покрытие святыни пожертвованной им кисвой⁴⁰. Так во времена «господина счастливых обстоятельств» империя разрослась до чудовищных размеров; в Самарканд устремились толпы людей из всех стран света; слышались самые

разные языки, можно было любоваться одеждой со всех концов света. Тысячи толпились день за днем, чтобы засвидетельствовать свое почтение Тимуру и вручить ему подарки. Затраты на одежду, которые делали многие иностранцы, казались Хафизу Абру, свидетелю и тимуридско-му летописцу, достойными внимания и вызывали у него восхищение: едва ли был кто-нибудь, кто довольствовался бы обычным полотном; дорогие ткани из Египта и Китая, из провинций Ирана, из Индии и России поражали его. Знатные люди государства и эмиры, продолжает Хафизу Абру, из страха перед гневом Тимура не позволяли себе никакой непорядочности при всех наверняка неизмеримых богатствах, накопившихся в Самарканде, — почему также были как нельзя лучше обеспечены войско и челядь! И сами придворные стали «богатыми на жемчуг и золото, как море и рудник!» «Как нарцисс и лилия украшают они себя серебряным поясом, золотой диадемой!»⁴¹

СВАДЬБА

День князя казался Тимуру самым подходящим для женитьбы его пяти внуков, среди них Улугбека (прав. 1447—1449), известного мецената астрономов, ставшего позже правителем Самарканда, которому тогда было десять лет ⁴². Начало праздника пришлось на девятое октября, по свидетельству Клавийо. Как было принято в подобных случаях, устроили народный праздник, в котором должны были участвовать все ремесла города. Торговцы, повара, мясники, пекари и сапожники, все они по высочайшему приказу должны были явиться и организовать рынок, а также для развлечения толпы выставить на обозрение свою работу⁴³. Жазди описывает происходящее в стихах: он восхваляет витрины торговцев благородными камнями и ювелиров; торговцы сукном разбили палатку из дорогих тканей, внутри сидят певцы «с голосами соловьиными... и похищают сердца мужчин и женщин обольстительным взглядом!» У каждого ремесла есть такая палатка, всего их, говорят, было сто. Под грохот барабанов и труб, под шум и крики предлагают продавцы фруктов свои плоды. Мясники и кожевники влезли в звериные шкуры: бараны, тигры, львы длинными рядами проходят мимо зрителей; с использованием палок, тростника, веревок и шерсти смастерили подобие верблюда, в который помещен конструктор, «чтобы показать всему миру свое искусство, и теперь ты видишь: как только занавес (в буквальном смысле) падает, творец виден в своем произведении! И так

обстоят дела со всем в мире. Взгляни на это острым взглядом! Мир в своей целостности- ничто, и бытие, которое он представляет, остается скрытым для глаза, который молится на образ...»⁴⁴ Чесальщики шерсти демонстрируют башню с птицами, все изготовлено хлопка и тростника. Дубильщики привязали два па-шкина к верблюду — в каждом стоит юноша, в руках они держат кожаный платок, который они ритмично складывают, топая при этом ногами по дну паланкина и приводя толпу в сильное возбуждение. Ремесленники, плетущие циновки, сплели картину из тончайших нитей тростника, красота которой пристыжала даже Мани, великого художника⁴⁵. Паяцы и акробаты озадачивали толпу своими фокусами. Один канатоходец больше всех понравился Жазди, но заканчивает он свое стихотворение ссылкой на то, что это было самое малое из всех чудес праздничного дня⁴⁶. Клавийо коротко касается увеселений в своих сообщениях. Его внимание привлекли многие виселицы, которые были установлены в непосредственной близости. Тимур приказал это сделать, потому что как великодушные, так и беспощадная строгость должны быть одинаково видны во время торжеств⁴⁷. Руководитель дивана*, который управлял Самаркандом во время семилетней кампании, из-за некоторых упущений, как мы уже слышали, был приговорен к смертной казни. По ходатайству его должны были помиловать за взнос громадной суммы, однако, так как у него под пытками не могли больше ничего выжать, он был подвешен за ноги. Привязан к виселице был также начальник конюшни, так как некоторых из трех тысяч коней, переданных Тимуром за семь лет до этого, больше нельзя было найти. Торговцы и ремесленники были казнены за мошенничество. Наказание именно могущественных людей, как говорит Клавийо, сеяло среди населения страх и ужас⁴⁸.

Возле территории веселья и ужаса Тимур велел построить большой палаточный город. Эмиры и знатные люди империи, иностранные и местные сановники, все они получили выделенные им места, и они знали, что была воля правителя, чтобы они при украшении своих палаток сделали затраты, какие только можно себе представить. Покои для себя Тимур приказал разбить в центре; высокий ливан из сукна, удерживаемый двумя несущими столбами, образовал вход. Куполами,

---

* В данном случае — собрание сановников. — *Прим. ред.*

подобно залам со сводами, возвышались за ним роскошные палатки, некоторые из сукна, затканного золотом, другие из тканей, которые были унизаны жемчугом и драгоценными камнями. Занавесом у ворот служили настенные ковры, один из них принадлежал султану Баязиду. Ибн Арабшах, который, вероятно, сам видел это, рассказывает об искусно сделанных растениях, животных, людях, которые казались живыми⁴⁹. Недалеко от дворца-палатки Тимура оборудовали зал для приемов, похожий на гигантский зонтик. На многочисленных шестах лежала крыша из ткани, для закрепления которой слуги должны были рисковать жизнью из-за опасного лазания наверх⁵⁰. Таким образом, целый палаточный город был миром в миниатюре, сгруппированным вокруг «господина счастливых обстоятельств», ориентированным на него, предоставленным в его распоряжение как фигуры на шахматной доске.

Астрологи установили благоприятный для исполнения бракосочетаний час. Были подписаны предусмотренные шариатом контракты. Затем знаменитый чтец Корана Шамс-ад-дин аль-Джазари произнес торжественную речь. Мы уже знаем его; менее десятилетия до этого он покинул Каир Баркука и перешел к Баязиду; после поражения Баязида его угнали в Самарканд⁵¹. Следующим за ним был верховный судья, который взял у принцев обещание оставаться всегда верными ханафит-ской правовой школе. После этого Тимур занял место на троне в палатке для приемов. Великие эмиры, местные и иностранные, большой дугой выстроились перед ним на расстоянии, «которое отмерит лошадь, если ее пришпорить». Всадники в роскошных одеждах сновали туда-сюда; слоны с богато украшенными накидками были расставлены по постам на краю сцены. Скульптуры львов с мечом в лапе были сгруппированы в ногах балдахина; на каждом льве установили кубки из хрусталя, золота или яшмы, которые были наполнены жемчужинами, и чаши, в которых лежали кучи монет. Когда началась церемония поздравления, жемчужинами и монетами стали обсыпать новобрачных. Затем раздавали бокалы с вином, араком или кумысом, и все пили, как того требовал передаваемый из поколения в поколение монгольский обычай, за новобрачных, после чего начался пир, пышность которого трудно выразить словами. После того как откушала звать, одарили и простой народ; сосуды с вином были доставлены на луг, на котором веселились массы, и скоро там тоже пошли по кругу бокалы — «между ними ходили с бокалами, наполненными прозрачным вином⁵², — наслаждение для пьющих!» (сура 37, 45) (это описание рая в Коране, казалось, стало

действительностью, пишет Жазди).

И разве в Коране также не говорится: «Не слышны (в раю) ни мешающая болтовня, ни брань, а только слово «Мир! Мир!»? — без ссор земных будней, не потревоженные никакими спорами должны веселиться люди; это был приказ Тимура, который он велел огласить. «Там собралась такая толпа народа, как будто пришли все жители мира: воины и горожане, благородные и простолюдины, жители Дамаска и Рума, персы и турки; все в радостном настроении и непринужденные; ни одно тело не избито, ни одно сердце не оскорблено... злые события сбивали кулаками, скорбь затапывали ногами». Так толпа была охвачена райским единодушием; вино — оно заставляет исчезать мнимые различия в мире феноменов⁵⁴ — давало уму ясность; больному оно давало лечение, старику — молодость, оно услаждало души, окрашивало щеки, создавало гармонию телесных соков, освобождало от влияния сатаны: «Все люди, и старые и молодые — этот окрылен, тот опьянен, совсем пьяный третий! В каждой руке кубок, на губах у всех песня; каждый с радостью пьет за здоровье другого!.. Все желания людей исполнились, все веселы, знатный ли ты или ничтожен...» Подобно вину, музыка тоже способствовала согласию сердец. Звучали тюркские и монгольские, арабские и китайские, персидские и другие мелодии; певцы и музыканты, играющие на струнных инструментах, — «они похищали сотни сердец своим кокетством⁵⁵ — все растворились в едином Боге»⁵⁶.

«И так как во время того раскрывающего сердца⁵⁷ праздника страстное желание любого жаждущего украшалось роскошной одеждой всяческого исполнения желаний», то приказали привести мулов, нагруженных почетными одеждami для новобрачных принцев, чтобы каждому из них, соответственно обычаю, набросить на плечи тяжелые, затканые золотом халаты, надеть головной убор, застегнуть пояса и бросить дорогие циновки к ногам. Те принцы каждый раз присягали на верность «господину счастливых обстоятельств», и снова и снова их осыпали жемчугом и монетами. Сам Тимур, как пишет Ибн Арабшах, наконец, больше не мог усидеть на своем месте. «Он вытянул свои руки за помощью... и ему помогли встать на ноги... и он стоял там, скрюченный и согбенный, и, старый и хромой, он танцевал, с трудом удерживая равновесие...» И тут осыпали приносящими счастье драгоценностями также завоевателя мира⁵⁸.

«Когда наступила ночь, и обширная страна, благодаря многим

факелам и фонарям, осуществила благородный стих Корана: «Мы украшали самое низкое небо лампами» (сура 41, 12)... в самый надежный и счастливый час, тогда внуки сферы господства и успеха отправились в покои объединения. Отныне часовой у двери стыдливости сбрасывает завесу приличия...» На следующее утро Тимур посетил покои принцев; радость по поводу заключения браков ⁵⁹ становилась все больше, снова сыпались дождем драгоценности. Но на этом празднества еще не заканчивались; они продолжались два месяца, до поздней осени. Только тогда Тимур посвятил себя снова делам империи⁶⁰.

НА ПУТИ В КИТАЙ

Он вошел своим путем, безжалостный к плохо одетым, без сострадания к опаленным холодом телам... На замерзшем Яксарте свежий зимний ветер нагромоздил высокий бастион:

Я увидел, что через реку перекинут мост,
построенный богом трона, похожий на бастион.
Я плакал, и видите, мои слезы, они блестили,
как благородное вино, замерзшее до состояния кристалла

Но в своем гибельном упрямстве он не позволил остановиться. Так зима замахнулась на него для уничтожающего удара, обрушилась отовсюду на него опаляющим ледяным ветром; как в сухие заросли тростника натравливала она ураган со всех сторон на войско и хлестала соломинки воинов ледяной бурей — все снова и снова! Он, однако, со своей громадной армией шел своим путем, без сострадания к пленным, не помогая изнуренным, превосходя своей холодностью зимнюю стужу... И вдруг зима крикнула ему: «Остановись, несчастный! Спокойно, злой тиран! Как долго еще ты хочешь жечь сердца своим огнем?.. Если ты один из двух обреченных на ад, то я второй! Мы оба связаны вместе цепью, чтобы разрушать страны и людей — какой злосчастный союз! Хотя ты уже дыхание многих... велел остудить, мое ледяное дыхание холоднее твоего!.. Клянусь Аллахом, тебя я не уважаю! Возьми, что я тебе приношу!»¹

Ибн Арабшах (ум. 1450)

СВЯЗИ С КИТАЕМ

В пятилетней кампании Тимур расширил свое господство до Анатолии; реставрация господства Чингисидов над Ираном и его западными пограничными областями, казалось, удалась. Наступило время обратить взор на Восток. Умиротворение беспокойного Моголистана не могло быть конечной целью военных походов за Яксарт, предпринимаемых много лет. Не напрасно летом 1390 года чагатайские дозорные отряды маркировали деревья на другом берегу Иртыша атрибутами власти Тимура² — намек на то, что только у моря на востоке заканчивалась земля, которая была передана Чингисидам по велению вечного неба! В 1368 году Тоджон-Тимур, великий хан и правитель Китая, был изгнан из Пекина; он спасся бегством в область теперешней Монголии. Однако он не считал свое дело проигранным. Несколько районов Китая, таких как Юньнань на юге и полуостров Ляодун на севере, стойко держались против династии Мин: провинции Сычуань, Кансу и Шань-си до 1387 года оставались во власти монголов. Пока Тоджон-Тимур не завоевал весь Китай, он велел называть свою империю тем самым названием «Северный Юань»; значит, он сохранял имена и притязание Чингисидов на власть. Однако Тоджон-Тимур умер уже в 1370 году. Преемник поссорился в этой критической ситуации с одним из самых могущественных монгольских военачальников и вынужден был бежать в Каракорум; его сын попал в руки приверженцев династии Мин.

В восьмидесятые годы обострились военные споры между Мин и Северным Юанем. Монгольские позиции в трех китайских западных провинциях начали ослабляться. Уже в 1380 году китайцы развили наступление до Каракорума и разрушили город. Восемнадцатого марта они нанесли решающий удар Северному Юаню на озере Буйр, расположенном на восточном краю теперешней Внешней Монголии. Тоджус-Тимур, с 1388 года великий хан, смог бежать, но немного позже был убит. Усилия внутри Монголии обеспечить другому Чингисиду из этой линии признание великим ханом потерпели неудачу³; теперь господствовали условия, которые были похожи на условия Абу-Саида. Тимур, вероятно, знал, что Монголия с 1388 года была без общепризнанного правителя и что династия Мин в то же время рас-

пространила свою власть также на Кансу, Шаньси и Сычуань. Это было в тот драматичный момент, когда Тохтамыш, используя отсутствие Тимура, перенес войну в союзе с Моголистаном в центральные области своего бывшего приемного отца. В 1389 году в Нанкин, столицу Мин, впервые прибыла миссия Тимура, вероятно, для того, чтобы обеспечить Ча-гатаидам безопасность: чтобы с востока не появилась дополнительная опасность в борьбе против Тохтамыша и Моголистана. Китайской стороной, в ответ на услугу, была получена обычная дань, и тем самым осуществлено принятие своего рода вассальных отношений. Через пять лет в Нанкине была снова подтверждена чагатайская миссия, однако неизвестно, носило ли это официальный характер⁴.

То, что Тимур почти до 1396 года действительно платил дань династии Мин, видно из сообщения Клавийо. Испанец узнал в Самарканде, что китайские послы, с которыми так грубо обращались, имели поручение взыскать дань⁵, невыплачиваемую восемь лет. В самом деле, пребывание послов китайского императора в Самарканде в конце ноября 1397 года подтверждено. Жазди мимоходом упоминает, что после того как они удостоились чести целования ковра, вероятно, отправились в путешествие на родину⁶. Это, очевидно, только половина истины, так как возглавляющий группу посланников находился в Самарканде под арестом и был освобожден только через десять лет, после смерти Тимура⁷. Как уже говорилось, в 1397 году Тимур вынашивал идею напасть на Китай после восстановления господства Чингисидов в Западной Азии. Он издал приказ сделать пограничную с Моголистаном страну областью для развертывания войск⁸. Отказ его внука Пир Мухаммеда выступить в долине Инда и тревожные новости об ошибках Миран-шаха после возвращения из Индии отвлекли внимание Тимура от Востока. Совместный путь с династией Мин, вероятно, следует отнести на счет затруднений в конце восьмидесятых годов. После пятилетней кампании, казалось, открывается возможность восстановить в Китае власть Чингисидов; однако, предположительно, Тимур не думал о том, чтобы помочь снова взойти на пекинский трон династии Юань. Восстановление Чингисидского господства происходило бы, без сомнения, в пользу линии Чагатая. Формулировка в письме, которое Тимур переслал Осману Баязиду в апреле 1395 года, доказывает это. Он поясняет, что Чингисхан когда-то дал власть Чагатаю во всем Иране; то, что Хулагу и его преемник правили там более семидесяти пяти лет, является нарушением закона об освященном наследии завоевателя

мира⁹; великий хан Мункэ, прародитель династии Юань и брат Хулагу, таким образом, отодвигается в своеобразный полумрак, и это ввиду окончательного поражения, которое было нанесено его последнему отпрыску Тоджс-Тимуру несколько лет назад на озере Буйр!

ИНЦИДЕНТ

В начале семилетней кампании Тимур потребовал отчета у своего сына Мираншаха, а тут до него дошла весть о смерти Баркука, но не только эта весть; ему сообщили также, что умер Хун-ву, энергичный основатель династии Мин. Как в империи мамлюков, так и в Китае после кончины сильного человека, который держал все нити в своих руках, наступило время смут¹⁰, которое закончил в 1402 году Юнь-ло. Таким образом, появилась благоприятная возможность напасть на Китай, однако сейчас Тимур со своим войском стоял уже на западе Ирана, и сначала нужно было довести до конца здесь все, что он наметил сделать. Чагатаиды в это время не бездействовали на востоке. Примерно в те дни, когда Тимур узнал о кончине двух своих могущественных противников, он получил сообщение о событиях в Моголистане. И Хизир Оджлан, его давний враг среди монгольских князей, «ответил на зов смерти», и среди его сыновей начались ожесточенные ссоры за наследование. Искандер, сын Умар-шейха, который уже давно в Андижане взял на себя задачу своего умершего отца¹¹ и командовал самым важным восточным форпостом империи, воспользовался этой возможностью и через южный склон Тянь-Шаня выступил в Кашгар; там он объединился с войсками эмиров, которые должны были по приказу Тимура осуществлять некоторый контроль внутри Моголистана. Вместе они продвинулись на юго-восток, разрушили Яркент, позже повернули на север и двинулись в Аксу, край оазисов с тремя крепостями, которые были захвачены после длительной осады. При этом им достались также товары китайских купцов. После того как они побродили по области Аксу, они опустошили долину реки Тарим и выступили затем на юг в направлении Хотана. «А от Хотана до Пекина, который является столицей Китая, сто шестьдесят одна станция по обработанной земле, где найдешь воду», — добавляет Жазди; кроме того, можно добраться от Хотана лишь за сорок дней до границы Китая, правда, если пойти через необитаемые области; хотя в той пустыне не нужно глубоко копать, чтобы натолкнуться на воду, однако она нередко бывает такой отравленной, что ее использование

приводит к смерти. Скучным описанием маршрута от Хотана до Самарканда, всего сорок станций, заканчивается короткое уклонение Жазди от темы в область географии.

Другие принцы, которые также были знакомы с задачами на востоке империи, завидовали успехам Искандера; как говорят, они были несогласны с самовольными наступлениями. Тимур категорически запретил завоевание всего Моголистана, которое планировал Искандер. Поэтому Искандер отступил на юг и захватил Хотан, который до сих пор подчинялся Китаю. Искандер, разумеется, хвастал своими победами; он послал Тимуру в Сирию подарок из девяти предметов, «(девочек) с фигурами фей из Хотана и Алма-Аты; стройных, как пиния, (юношей) из Киргизии и Бешбулака». Это, возможно, тем более рассердило его соперников. Они велели доставить его из Андижана в Самарканд, обвинили его в непослушании и заковали в кандалы. Его атабек — Искандеру было только пятнадцать лет — и другие эмиры из окружения принца заплатились головой. Эти события относятся к весне 1400 года¹².

В те месяцы Тимур посвятил себя войне за веру против грузин; как говорят, из благодарности Богу, который уничтожил китайского «хана свиней», палача мусульман¹³. Затем Тимур вторгся в Сирию. Во время этого похода его настигла весть о мало радующих раздорах среди принцев в Самарканде. Он откомандировал одного из своих эмиров, Аллахдада, на восток и поручил ему урегулировать обстановку в области, пограничной с Моголистаном. Зимой 1401-1402 года Тимур расположился лагерем со своим войском в Карабахе. Своего внука Мухаммеда Султана, который вместе со старым боевым товарищем эмиром Саиф-ад-дином нес ответственность за начавшуюся в 1397 году подготовку к походу на восток и был движущей силой в интригах против Искандера, он назначил ответственным за донесения. Саиф-ад-дин умер во время путешествия, но Мухаммед Султан встретился со своим дедушкой еще в зимнем лагере; закованного в кандалы Искандера он привел с собой. Тимур поступил мягко и милостиво с юношей, который, может быть, был немного слишком неосмотрительным, подарил ему свободу и приказал, чтобы в будущем он участвовал в кампании вместе с остальными принцами. Для Мухаммеда Султана, однако, Тимур строил большие планы; для него он предназначил «трон Хулагу», которого Мираншах оказался недостойным¹⁴.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Аллахдад был одним из самых близких доверенных Тимура; он назывался братом эмира Саиф-ад-дина¹⁵. Источники упоминают его в первый раз в связи с пятилетней кампанией, а именно во время осады Мардина, которая относится к зиме 1393-94 года¹⁶. Часто его имя всплывает в сообщении о походе в Индию; он якобы был полководцем элитных частей Тимура¹⁷. В хронике Шами он затем еще раз мимоходом упоминается при перестрелках под Дамаском¹⁸. С другой стороны, узнаем, что после завершения похода в Сирию ему поручили, очевидно, чрезвычайно трудную задачу. В середине лета 1401 года Тимур опустошил Багдад, чтобы в назревающем конфликте с Баязидом оставить себе путь к отступлению. Теперь он уже к началу семилетней кампании откомандировал одного из своих внуков Руста-ма Умар-шейха в Фарс; оттуда он вместе со своим братом Пир Мухаммедом должен был умиротворить Луристан.

Сотрудничество обоих сыновей Умар-шейха, однако, продолжалось недолго. Пир Мухаммед, которого подозревали и без того в нелояльности к «господину счастливых обстоятельств»¹⁹, видимо, подозревал, что война против луров только предлог, чтобы захватить его при первом удобном случае; он отговаривался заболеванием, чтобы избежать участия в совместном походе. Но и Рустам скоро перестал беспокоиться о собственном поручении. Он действовал на свой страх и риск, но с посредственным успехом в Хузистане и в нижнем течении Тигра. Этим воспользовался между тем выздоровевший Пир Мухаммед, чтобы торжественно вступить в качестве эмира в Шираз. Однако там его больше не желали видеть; несколько придворных арестовали его и сообщили Тимуру, что Пир Мухаммед планировал государственную измену.

В этом запутанном положении Тимур послал Аллахдада в Фарс для расследования дела; Рустам получил приказ незамедлительно выступить со своими войсками в Шираз. Аллахдад первым прибыл в город, дал себя убедить, говорят, с помощью крупной взятки, в вине принца и его клики и жестоко расправился с некоторыми. В то время как Аллахдад сопровождал к Тимуру закованного в цепи Пир Мухаммеда, Рустам, вернувшись в Шираз, возвысился до правителя Фарса. Некоторое время спустя Пир Мухаммеду было снова доверено наместничество в Фарсе²⁰. Эта действительно темная афера, кажется, омрачила отношение Аллахдада с Тимуром. Во всяком случае, в это время получила огласку также ссора между Мухаммедом Султаном и Искандером; Аллахдад должен был уехать на восток, чтобы там следить за порядком, и он

рассматривал это как административное взыскание, которым был обязан наущничеству его завистников и тайных врагов. Во всяком случае, это пишет Ибн Арабшах, который позже познакомился с Аллахдадом и позволил ему, впрочем, рассказать одну шутку о риске при молитве в новой мечети Самарканда²¹ — признак отрицательного отношения Аллахдада к Тимуру, которое, наконец, овладело им. Ибн Арабшах в этой связи выдает, что Аллахдада давно подозревали в том, что он самым бессовестным образом обогатился в Сирии. Итак, теперь он взял на себя те обязанности, при исполнении которых его «брат» Саиф-ад-дин совершил выдающееся: Саиф-ад-дин, как мы помним, незадолго до этого умер в пути к Тимуру.

Состояние тех наружных постов, о которых должен был позаботиться Аллахдад, после ссоры между Мухаммед Султаном и Искандером, очевидно, было не наилучшим. С тех пор постоянно приходилось обороняться от атак монголов. На повестке дня были грабежи. Однако Тимур требовал от Аллахдада не только безопасности пограничных областей и непрерывной информации обо всем, что там происходило. Он дал также указание разведать все ведущие на восток маршруты; топографию следовало описать точнейшим образом, написать расстояния между отдельными станциями, а именно от Самарканда до Китая.

Аллахдад повиновался и начертил ему все это самым прекрасным и элегантным образом, а именно: он велел принести несколько листов самой чистой бумаги и приклеил их один к другому, так что они образовали квадрат. На нем он начертил карту со всеми теми местами и тем, что можно было в них встретить движущееся и покоящееся. Он объяснил на этой карте все, как приказал Тимур, — все на востоке и западе, все близкое и далекое, справа и слева, равнины и горы, длину и ширину, небо и землю, голые земли и покрытые лесом, пыльное и засаженное зелеными растениями, и это от одной реки к другой, от станции к станции. Он давал очерк²² каждого места, пояснял путь туда, называл имя правителя города²³ и таким образом он объяснил Тимуру преимущества и недостатки и принес скрытое бытие в мир понятного чувством, как будто он видит это перед собой и оно служит ему в качестве проводника. Как было поручено Аллахдаду, он послал карту Тимуру, когда тот кочевал еще в стране Рум.

Преимущества точной разведки вражеской страны, еще до того как началась война, Тимур пытался использовать самое позднее в период больших разногласий с Тохтамышем, и прошло не так много времени с тех пор, когда Ибн Хальдун начертил ему карту Магриба. Как только карта оказалась в руках Тимура, он сразу принял следующие меры. Ряд эмиров высокого ранга получили указание двигаться к Аллахдаду; сообщая они должны были построить форт в десяти днях пути по ту сторону области, подготовленной для наступления, а значит, уже далеко в пределах Моголистана. Это произошло летом 1404 года, когда Тимур вернулся на родину. Однако вскоре после этого он велел приостановить работы на этом форпосте и приказал отступить; ему стало ясно, что прежде всего требуются люди для посева зерновых культур, для того чтобы накапливать провиант в достаточном количестве²⁶.

После того как закончились многонедельные торжества в Самарканде, Тимур стал отдавать последние распоряжения для предстоящего военного похода, по его оценке, очень длительного. Он отпустил иностранных послов, среди которых был и Клавийо, в их родные страны, египтянам дал настоятельное предостережение в дорогу. Пусть султан Фарадж арестует Ахмада Увайса, который нашел убежище у мамлюков, и пошлет в Самарканд вместе с отрубленной головой Кара Юсуфа. Аргуншах, эмир, который отличился в последних войнах против Моголистана, был назначен комендантом Самарканда. Принцам Улугбе-ку и Халилу Султану он поручил командовать районом Ташкента. Андижан он передал Ибрахиму Султану с категоричным наставлением продвинуться до Кашгара. Один эмир, который попал в немилость, был послан якобы даже к Иссик-Кулю²⁷. За верность этого последнего сообщения говорит то, что принц Искандер смог командировать во время своего смелого вторжения в Таримский бассейн контингент войск из Моголистана к себе в Кашгар.

План выступления позволяет узнать три обычные колонны наступления. Правое крыло должно выступить из Ташкента; чуть ли не из Отрара, со среднего течения Яксарта Тимур хотел, как потом выяснится, ударить центром, которым командовал Султан Ху-сейн, сын одной из его дочерей. Военный поход, таким образом, был продуман и подготовлен до мельчайших подробностей; как только немного улучшится зимняя непогода, должна начаться война.

Ибн Арабшах рассказывает — и опирается при этом, вероятно, на Аллахдада, — что рассчитывали на четырехгодичную разлуку с родиной. Чтобы перевозить громадное количество материальной части, сделали

пятьсот повозок, колеса которых были обиты железом²⁸. Из другого источника узнали о необычайно богатом снабжении войск продовольствием²⁹. Скудным, правда, был запас корма для скота, однако надеялись на то, что уже в марте найдут достаточно пастбищ³⁰.

Двадцать седьмого ноября 1404 года Тимур отправился из Самарканда на север. «Господина счастливых обстоятельств» сопровождали многочисленные принцы и принцессы. Они должны были с ним разыскать надгробный памятник Ахмада Ясави (ум. 1166), который находился недалеко от Отрара, и вымолить у этого любимого друга Бога благословение. Шесть лет назад Тимур велел украсить гробницу святого знаменем. Было запланировано, что свита, которая не воюет, сразу после церемоний паломничества расстанется с Тимуром и вернется в Самарканд³¹. Из-за необычайно суровой зимы продвижение к Яксарту оказалось чрезвычайно мучительным. Бури и массы снега делали почти невозможным продвижение вперед. Чтобы потери людей и животных были не слишком велики, Тимур прервал поход в одной местности, по названию Аксулат, в которой построил несколько хижин для защиты от самой страшной непогоды. Там терпеливо выжидали приблизительно пятьдесят дней³².

Для Тимура, должно быть, это было безрадостное время, не только из-за отвратительных условий похода, но и из-за в высшей степени опасного инцидента. Его сыновья и внуки давали ему не только счастье. Джахангир умер слишком рано. Умар-шейх, у которого было так много заслуг на форпосте Андижана, погиб во время пятилетней кампании. Мираншах, который когда-то попал в руки врагов в Ираке, не смог выполнить огромной задачи, которую приготовил для него Тимур; Султан Хусейн заключил перед Дамаском договор с мамлюками и этим опозорил семью; Пир Мухаммед, сын Умар-шейха, вел себя в Ширазе неоднозначно. Перед Мултаном одноименный сын Джахангира произвел малоубедительное впечатление. Успехи Искандера в войне с Моголистаном и в Таримском бассейне из-за раздора, который они вызвали, предстали в неприятном мрачном свете. На Мухаммеда Султана, которого он послал вместе с Искандером, обвиненным в самоуправстве, в Карабах, казалось, он мог надеяться, так как видел в нем подходящего преемника Мираншаха; однако Мухаммед Султан умер от болезни тринадцатого марта 1403 года в Анатолии — удар судьбы, который Тимур перенес тяжело и который он едва смог преодолеть. Оправдает ли надежды Умар Бахадур, который только что вошел в

Западный Иран, было еще неизвестно³³. Шахрух, который управлял Хорасаном из Герата, был в те дни, когда шла война с Китаем, одним из немногих, на лояльность которых Тимур непоколебимо надеялся. И Халил Султан, сын Мираншаха, пользовался его полным доверием. Его послал он после битвы под Анкарой с известием об одержанной победе в Самарканд и дал ему в помощники одного эмира, который так же, как и Аллахдад, должен был охранять район сосредоточения войск от Китая³⁴. Теперь Тимур назначил своего внука Халила Султана верховным главнокомандующим правого фланга, который собирался под Ташкентом³⁵.

Несмотря на это отношение Тимура к Халилу Султану больше не было неомраченным. Неприятный семейный инцидент нельзя было скрыть, и он вызвал гнев правителя. Халил, женатый на дочери племянника Тимура, был пленен очарованием наложницы умершего три года назад Саиф-ад-дина. Шад Малик звали даму. Когда Тимур летом вернулся из Западной Азии, ревнивая жена Халила устроила ему скандал. Разъяренный Тимур приказал разыскать ту самую Шад Малик и убить; однако Пир Мухаммед, сын Джахангира, попросил сохранить ей жизнь, и этим на первых порах все было улажено. Но в Аксулате Тимура уведомили, что Халил ту любовницу все еще держит при себе, и она даже сопровождала его в Ташкент. Итак, принц открыто воспротивился воле «господина счастливых обстоятельств»! Теперь ему не будет пощады. В этом кризисе супруга Тимура, которая знала о его безумной любви к своим детям и внукам, уговорила нескольких эмиров сообщить со всей осторожностью, что «в раковине той дамы спрятан жемчуг отпрыска из чресл принца». Так была спасена жизнь любовницы; до родов она оставалась под покровительством гарема; затем была отдана в жены черному рабу. После смерти Тимура она снова была с Халил ом Султаном, который теперь женился на ней по всем правилам. Она скверно отблагодарила гарем Тимура за спасение: двух самых красивых вдов она велела отравить (так рассказывают), потому что боялась, что Халил мог бы обратить на них свое внимание³⁶.

О последствиях этого столкновения с непослушным внуком Тимур в то время не мог догадаться. Он был в хорошем расположении духа. Шестого января 1405 года Юпитер и Сатурн вступили в союз — событие, которое, видимо, укрепило нетерпеливого в своем решении Тимура оставить Аксулат и, чего бы это ни стоило, идти дальше в Отрар и совершить паломничество к могиле Ахмада Ясави. Расположенным в

лагере под Ташкентом войсковым частям он велел передать приказ вторгнуться во вражеский Моголис-тан, как только будет стоять «солнце в середине знака зодиака Рыб», значит в начале марта. Немногим больше, чем через неделю Тимур добрался из Аксу-лата к Яксарту, через который нужно было переправиться на пути к лагерю под Отраром; это не создало трудности, так как на реке был толстый лед. С конца ноября до конца марта той зимой Оке и Як-сарт были покрыты льдом, замечает Жазди. Под Отраром, куда Тимур прибыл четырнадцатого января, он нашел приют в доме одного эмира и поэтому был лучше обеспечен, чем в Аксулате. Но как раз в тот день, когда он въехал в дом, там вспыхнул пожар, который, правда, скоро смогли потушить; но это посчитали плохим предзнаменованием, и окружение правителя забеспокоилось, так как и без того многим из его доверенных снились кошмарные сны. Но Тимур был непоколебим в достижении своей цели; он приказал разведать проходимость путей, но должен был снизойти до понимания, что сейчас нечего было и думать о дальнейшем продвижении.

В то время как Тимур ожидал в бездействии, к нему привели одного человека по имени Кара Ходжа — посланника Тохтамыша! «Господин счастливых обстоятельств» принял его, как того требовал обычай: справа от его трона сидели потомки Джучи и Угедея, которых он привел с собой, слева — тимуридские принцы; высокопоставленные эмиры ввели посланника, и он был «осчастливлен милостью поцеловать ковер». Затем он вручил послание Тохтамыша, заключавшее слова извинения: «Я ощутил наказание за мою неблагодарность. Если бы царская милость могла зачеркнуть росчерком пера прощения список преступлений, который я, слабый, совершил, то я никогда снова не буду вытаскивать голову из ошейника послушания, никогда снова не отступлю ни на шаг от улицы повинования!» Тимур показал себя примирившимся и пообещал послу: «По окончании этого военного похода, если Бог благосклонен ко мне, я освобожу улус Джучи и передам Тохтамышу!»³⁷ Какая упорная приверженность к старым связям, даже если они не оправдали надежды! И какая не знающая усталости готовность навязать миру порядок, который воспринимается как единственно правильный! И какая слепота в отношении все больше и больше приближающейся действительности! Его сыновья никогда не завершат его дела, когда он умрет, — догадывался ли он об этом? Уже во время семилетней кампании проявилось это; и некоторые эмиры

следовали за ним тоже неохотно, указали ему еще до нападения на Сирию, потом снова перед битвой с Баязидом на переутомление войск, а этим и на невыполнимость того, к чему он чувствовал себя призванным!³⁸ Но он не уступил, вообще не смог больше осознать неосуществимость своих планов.

Он думал о том, что могло бы приблизить его к его целям. Послам Тохтамыша нужно было дать с собой богатые подарки; жены и принцы, которые сопровождали «господина счастливых обстоятельств» до Отрара, должны были теперь вернуться в Самарканд. Уже пора было начинать борьбу за веру против китайцев³. Наконец, он, Тимур, все так установил; ужасные холода не смогли его удержать. Понимали ли его еще соратники? Аллахдад рассказывает Ибн Арабшаху, что в пограничном форте ему был передан приказ Тимура приготовить достаточно муки для проходящих войск. Но как запустить водяные мельницы в жестокий мороз? В отчаянии Аллахдад попытался это сделать, но все было напрасно. С ужасом ждал он прихода войск, так как был уверен, что живым из этой ситуации не выйдет⁴⁰, тем более, что Тимур уже давно затаил к нему неприязнь!

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ

Одиннадцатого февраля Тимур хотел выступить из Отрара в направлении Моголистана; думали ли еще о паломничестве, неизвестно. Последние дни, которые остались до прощания с его семьей, он, который никогда не был развратным кутилой, провел в компании, распивая вино. Но и этого еще недостаточно. Вдруг он стал мечтать об араке, веществе, которое «является субстанцией огня в виде воды, вещество такое тонкое, как воздух, так что глаз его не воспринимает, такое улетучивающееся, что не смешивается с плотным элементом земли». Два дня Тимур не переставал пить арак; он пил, не закусывая ни кусочком хлеба⁴¹. Потом наступил момент выступления.

Однако как раз одиннадцатого января у него появилась сильная лихорадка, и «смесь жизненных соков сошла с тропы уравновешенности». Болезнь быстро обострялась, сопротивляемость тела, изнуренного бесчисленными лишениями, убывала на глазах. Его врачи, «из которых каждый был Гаденом своего времени и Гиппократом своего века», скоро поняли, что все их искусство не подействует, да день за днем появлялось новое страдание. Но Тимур все время был в здравом

рассудке и чувствовал, что его конец близок. Он позвал к себе принцев и принцесс из гарема, придворных и значительных эмиров, которые сопровождали его в Отрар, и объявил им, что знает о своей скорой смерти и ожидает ее спокойно; он возражает против обычного в таких случаях громкого плача. Эмирам и принцам он приказал позаботиться о том, чтобы Пир Мухаммед, сын Джухангира, стал его преемником; они все должны дать обязательство привести к соответствующей присяге остальных его потомков. Предложение одного из присутствующих, что нужно срочно вызвать принцев из лагеря под Ташкентом, он отверг. Его жизнь так долго не продлится; всех тех, кто здесь в Отраре присутствует, достаточно для того, чтобы засвидетельствовать его последнюю волю. В конце он предостерег их: «Что бы я ни говорил и ни советовал, вы не можете ни в чем проявлять слабость, вы должны крепко держать в руках рукоятку меча, так как если тело позорят, а в сердце допускают слабость, то это ведет к уничтожению разума и к смерти души. Низость не позволить достичь того, к чему стремился; кто проявляет слабость, тот не достигнет того, чего он желает»⁴³.

БОРЬБА ЗА САМАРКАНД

Тимур скончался восемнадцатого февраля 1405 года⁴⁴. Что должно было теперь случиться? Самым близким родственникам, которые находились в Отраре, настоятельно советовали пока не надевать траурной одежды и удерживаться от плача; с точки зрения государственного благоразумия, это нецелесообразно. После того как труп набальзамировали розовой водой, мускусом и камфарой, его положили в паланкин, который отправился с соблюдением строжайшей тайны ночью в Самарканд. Хотя пребывающие в Отраре принцы и эмиры сразу после кончины «господина счастливых обстоятельств» отправили послания к наместникам во всех провинциях и к командующим войсками, готовыми к наступлению на Могилистан и Китай, и предупредили их, что «обласканный счастьем сокол вылетел из гнезда обманчивого мира в степь дома постоянства», со всей серьезностью рекомендовали им терпеливо выжидать на посту и не пренебрегать переданными им обязанностями. Однако когда империя переживала смерть завоевателя, нужно было чрезвычайно осторожно и быстро приниматься за дело. Пир Мухаммед, избранный Тимуром в пре-

емники, стоял под Кандагаром, а значит был слишком далеко от Самарканда, чтобы в короткий срок вступить в право наследования и задушить в зародыше вспыхнувшее восстание. Надеялись, что монголы, те самые «бандиты», не поверят известию о смерти Тимура, если оно вообще скоро дойдет до них. Вообще, лучше всего было бы выступить из Отрара против Мо-голистана и начать, как было запланировано, военный поход, для которого было все подготовлено, правда, с ограниченными целями. Нужно было победить монголов, прежде чем они, зная о смерти их непоколебимого врага, перестанут бояться Чагатаидов. Хал ил Султан должен был нанести удар из Ташкента. Это в Отраре приблизительно обдумывали.

Через день после того, как труп правителя отправили в Самарканд, принцесс тоже отослали туда. Все сделано, чтобы исполнилась последняя воля Тимура, думали в Отраре эмиры и принцы, которые, в свою очередь, выступили в Моголистан, при этом призвав еще раз через курьеров остальные войска незамедлительно приступить к наступлению. Однако перед мертвым «господином счастливых обстоятельств» больше никто не дрожал, тем более те честолюбивые принцы, которые очень неохотно подчинялись старику.

Первым, кто оставил свой пост и попытался отхватить себе лучший кусок наследства, был Султан Хусейн, полководец левого фланга. Вероятно, от его лагеря до Отрара было не так далеко, как от Ташкента, так что он первым узнал о событиях, которые освобождали его от тягостных оков лояльности — его и его соперников. Отношения Султана Хусейна с Тимуром и без того были сложными, с тех пор как он под Дамаском перебежал к мамлюкам, и теперь он, наконец, мог вознаградить себя за прошлые унижения⁴⁵. Он быстро собрал вокруг себя около тысячи конников, покинул свою позицию и спешно отправился в Самарканд, который, действительно, был более приятным местом пребывания, чем терзаемая зимними холодами степь, и к тому же Самарканд был переполнен сокровищами со всего света! Ошеломлены, даже напуганы были в Отраре, когда узнали об этой подлости! Все прекрасные планы, которые как раз обдумывались, были сорваны. В Самарканд послали курьеров предупредить коменданта города о возможном нападении авантюриста; и начальнику каравана, который вез труп Тимура в паланкине в столицу, сообщили, что произошло, настоятельно напомнив ему о

необходимости величайшей осторожности, о готовности к тому, что Султан Хусейн завладеет телом Тимура, чтобы такой драгоценной добычей добиться прохода. Халила Султана в Ташкенте тоже срочно проинформировали о таком повороте дел; его заклинали отказаться от похода в Китай, вернуться в области с пастбищами, предназначенные для него, и там подождать, пока к нему не присоединятся из Отрара, чтобы вместе решить, как можно исполнить последнюю волю «господина счастливых обстоятельств»⁴⁶.

Разве можно было действительно еще надеяться, что эти распоряжения будут соблюдаться в какой-либо форме? Пожалуй, вряд ли! Султан Хусейн помчался, чтобы ухватить для себя хороший кусок наследства; среди принцев он был первый, кто осуществил то, к чему в равной степени стремились и другие. Полководцы центра поспешно выступили из Отрара в Самарканд, и притом готовые к бою. Скоро они догнали караван принцесс и снова пережили горькую неожиданность. Халил Султан не только не ждал распоряжений центра, но сам уже давно двигался в Самарканд, с наместником которого он уже давно был единомышлен. Но не только это! Принцы и высокие сановники правого фланга, которым он командовал, уже давно присягнули ему на верность⁴⁷. Правда, он еще не вступил во владение Самаркандом, но старания эмиров центра отвлекли наместника от поддержки Халила Султана потерпели крах. Посредники получили отказ. Будут ли чинить препятствие принцессам при въезде в город? После некоторого колебания они рискнули появиться у ворот города в траурной одежде под причитания. В день их прибытия им преградили путь, но на следующее утро они смогли торжественно вступить в город. Они направились к усыпальнице, в которой обрел вечный покой Мухаммед Султан⁴⁹, умерший под Акшехиром в Анатолии. Там начались траурные церемонии для мертвого «господина счастливых обстоятельств».

Они обнажили головы, рвали на себе волосы, расцарапывали себе щеки, бросались в пыль. И принцессы, и эмиры, которые были в городе, жены аристократов и сановников империи, все они распустили волосы и покрыли черной краской лицо, набросили на затылок войлочную накидку и устремились сюда. И принцы... и знатные люди империи... надели другую одежду и явились. Все жители закрыли рынки и начали громко причитать, причитания разнеслись по всему миру. Плач и вопли были так сильны, что страх наступления того

страшного дня, о котором говорится: «Затем мы складываем небо, как пишущий свое письмо» (сура 21, 104), привел в волнение небосвод... Горе мне! Солнце на сфере султаната и мирового господства зашло. Угроза Бога сбывается!» (сура 10, 55). Удивительно то, что земля из-за криков скорбящих, воздух из-за испарения плача пропитались слезами черного дождя и потемнели! Месяц апогея справедливости и мирового порядка был опрокинут в тень. «Все должно погибнуть!» (сура 28, 88). Как мог бы кто-нибудь сохранить самообладание и спокойствие?⁷⁵⁰

В это время эмиры и принцы центра, после того как они расстались с принцессами, добрались до Бухары. Оттуда они установили связь с Шахрухом, который, помнится, имел резиденцию в Герате и управлял Хорасаном. К нему обратились они за помощью; он должен их поддержать в том, чтобы выполнить завещание Тимура. Полного единодушия среди них тоже не было. Во всяком случае все, кто притворился, что воля Тимура для него священна, решили переправиться через Оке в направлении юга; они присоединились к Шахруху, который расположился лагерем под Андохом. Между тем Халил Султан добрался до Самарканда восемнадцатого марта 1405 года. Как следовало ожидать по положению дел, он завладел им и скопившимися в нем сокровищами. Чтобы хотя бы для вида исполнить последнюю волю Тимура, на трон марионеточного хана посадили девятилетнего мальчика, племянника того Пир Мухаммеда, которому когда-то так бесцеремонно помешали взять на себя власть — кровь Чингисидов уже давно самым разнообразным образом вошла в потомство Тимура. Через несколько дней после этого удара, которым завещание «господина счастливых обстоятельств» таким бессовестным образом было превратно истолковано, Халил велел повторить траурную церемонию у гроба Тимура, лучше инсценировав ее, чем прежде. Снова родственники и друзья и все жители должны были надеть черную одежду и причитать; чтобы подчеркнуть при этом усердие бедных и дервишей, их завалили подарками и пригласили на роскошные поминки. После этого снова раздались вопли, усиленные гремющими ударами гигантского турецкого барабана. Наконец порвали натяжку струны — никогда не должен прозвучать снова этот инструмент! Несколько дней продолжалось оживление; поэты читали жалобные стихи: всемирный порядок разрушен, нет больше могущественного тирана, и поэтому исчезла справедливость; так был велик страх

перед его гневом, что янтарь не рискнул бы присвоить себе соломинку!⁵¹ Не только на земле, но и при дворе сфер царят растерянность и замешательство, планеты сброшены со своей орбиты, у Марса сломана пика, у Венеры лопнул ручной барабан, Солнце, как когда-то Иосифа, толкнули в глубокую яму, почернел лик Луны, и без проводника блуждает гигантское войско звезд, все закрыты войлочной траурной накидкой над небом!⁵²

КОНЕЦ ХАЛИЛА СУЛТАНА

Халил Султан был не последним победителем в борьбе за власть: поэтому хронисты осудили его деяния, но в оправдание принца учли, что его на все подстрекала та самая любовница Шад Малик⁵³. Целых четыре года понадобилось Халилу Султану, чтобы промотать все то, что награбил и натащил в Самарканд его дед в бесконечных военных походах. Совсем иначе, чем завоеватель мира, хотел все сделать его внук⁵⁴. И та дама усиленно его в этом поддерживала; он в конце концов до такой степени стал зависим от нее, что стал пренебрегать самыми элементарными обязанностями по отношению к вдовам Тимура. Он должен был бы их выдать замуж за высокопоставленных лиц или влиятельных принцев. Но что он сделал вместо этого? Он выбрал для них мужей, которые даже не имели права служить во дворе Тимура⁵⁵. В общем и целом злая сплетня!

Но не из-за расточительности или неуважения к гарему Тимура он потерпел крах. На то есть более очевидные причины. Началось переселение народов из Ма-вераннахра; все, кто пережил войну и угон, устремились к себе на родину⁵⁶. И в Мавераннахре было достаточно ссор, чтобы подорвать позицию Халила Султана. Тот самый Аллахдад, который из-за невыполнимого приказа Тимура, должно быть, еще боялся за свою жизнь, больше не заботился о своих обязанностях, несмотря на противоположные распоряжения нового властителя; выстроенный с таким трудом фронт против Моголистана развалился, командующие войсками стали воевать друг с другом; Аллахдад пробился в Самарканд, помирился там с Халилом Султаном, стал его визирем. К востоку от Яксарта эмиры без руководителя объединились с монголами; кипчаки угрожали Хорезму; с юга, из Кандагара Пир Мухаммед продвинулся в область Балха, чтобы завладеть своим наследием. И

Султан Хусейн спутал все планы, отошел от Халила, бежал в Герат и встретил радушный прием у Шахруха⁵⁷. Попытки самаркандцев установить связь с Мираншахом и его сыном Абу Бакром и таким образом получить поддержку на западе не удались⁵⁸. Чем запутаннее была ситуация, тем больше влияния приобретал Шахрух, только потому что он смог выждать и еще не был втянут в войны. Пир Мухаммед установил с ним контакт и старался убедить его в том, что его обязанность осуществить последнюю волю умершего; Шахрух должен был с боями освободить путь в Самарканд для него, который собственными силами, вероятно, не мог победить войска Халила Султана. О том, что Пир Мухаммед может вступить во владение всем наследством Тимура, уже давно не было речи — и по положению дел больше уже и быть не могло. Речь в прошении Пир Мухаммеда к Шахруху шла только о господстве над Мавераннахром⁵⁹.

К войне между Мавераннахром и Хорасаном — по старому образцу — вынуждали обстоятельства. Летом 1407 года Халил Султан приказал восстановить крепость Термеза и подчинил ее командованию Аллахдада; на противоположном берегу Окса войска Шахруха соорудили форт⁶⁰. Между тем придворные интриги в Самарканде становились все более невыносимыми. Халил Султан находился в подчинении у своей любовницы, об этом уже знали давно; а она была зависима от своего слуги Баба Термеса. Это было что-то новое и дало повод строящим козни друг другу эмирам теперь самим выступить против него. Один из них, Худайдад, во время одного налета в 1409 году взял в плен внука Тимура и присвоил себе господство над Самаркандом.

Теперь ничто больше не держит Шахруха в Хорасане, он наступает на столицу. Худайдад бежит с Халилом Султаном в Андижан, к границе Моголистана. Однако там, в одиночестве, принц и свергнутый правитель долго не выдерживает. Он рискует вернуться в Самарканд; ему удастся примириться с его дядей Шахрухом, который великодушно сводит его с горячо любимой Шах Малик, из-за которой было так много осложнений. Позже Шахрух назначает Халила наместником Рея. Но Шахрух не только великодушен, он также осторожен. Халил Султан умирает, едва успев приступить к исполнению своих обязанностей — предположительно от яда⁶¹.

ГУР-ЭМИР

Смертная оболочка Тимура покоилась во время всех этих

беспорядков, всех этих позорных интриг в здании, в котором несколько лет назад был похоронен Мухаммед Султан. Сириец Ибн Арабшах, который во время господства Халила Султана, говорят, пребывал в Самарканде⁶², оставил нам описание внутренней части этого временного мавзолея: могила была накрыта коврами; оружие Тимура и другие предметы из его личного имущества, все украшенные драгоценными камнями, были укреплены на стенах, золотые и серебряные подсвечники свисали с потолков; ковры из шелка и парчи заглушали шаги посетителей, которые в большом количестве являлись день за днем, надеясь на то, что у могилы этого великого человека будут услышаны их молитвы. Даже тот, кто проезжал мимо снаружи, кланялся, слезая с лошади, чтобы почтить мертвого. Как пишет Ибн Арабшах, набальзамированный труп переложили в стальной гроб, который сделал кузнец из Шираза⁶³.

Когда в 1409 году Шахрух захватил Самарканд, он, верный приверженец шариата, положил конец такому запрещенному исламским законом культу. Имущество «господина счастливых обстоятельств», выставленное на обозрение, было переведено в государственную казну. Вскоре после этого Шахрух выполнил давнее желание своего мертвого отца. Труп того самого сайда Берке, который однажды предсказал⁶⁴ ему господство, был доставлен из Андохя в Самарканд и снова захоронен в одном мавзолее в непосредственной близости с могилой Мухаммеда Султана. Тимур был перенесен и покоем отныне в ногах сайда⁶⁵, а рядом с Тимуром положили его внука Мухаммеда Султана на вечный покой. Позже другие Тимуриды были захоронены в комплексе зданий, который получил, наконец, название Гур-Эмир, Мавзолей эмира⁶⁶. Советские археологи в 1941 году открыли гробы; все они были из дерева, от стали не было и следа. В одном они нашли скелет высокого мужчины⁶⁷ с искривлениями на правом плече и правом колене — именно таким описал его Ибн Хальдун⁶⁸.

Пусть «господин счастливых обстоятельств», защищенный от дальнейшей назойливости, ждет в мире для воскресения и суда!

ВОЗМОЖНОСТЬ РАСПОРЯЖАТЬСЯ МИРОМ

Ибн Арабшах, автор самого значительного жизнеописания Тимура, был родом из Дамаска. Там он родился в ноябре 1388 года.

«Случилось так, что во время испытания года 803 (нач. 22 августа 1400 г.) я отправился от проклятого Тимура в Самарканд вместе со своей матерью и своими братьями — а затем в страну Катхай, чтобы поискать возвышенные религиозные знания. Я остался в Мавераннахре, посвятив себя этому занятию». Это замечание выходит из-под пера самого Ибн Арабшаха, оно было написано в то время, когда он уже давно не жил в сфере власти Ти-муридов. Относился ли он в возрасте двенадцати лет к угнанным на Восток жителям Дамаска? Его слова скорее доводят до сведения, что его мать со своими сыновьями шла по собственному почину. В Мавераннахре и в Моголистане — эта страна, по-видимому, подразумевается под Катхаем — у него была возможность жить полностью своими занятиями; он изучал персидский язык, постигал письменность также монгольскую. Но прежде всего он общался со значительными учеными, которые ввели его в шариат и другие традиционные науки ислама. Большой частью, как говорит Шамс-ад-дин аль-Газари¹, эти учителя прибыли с Запада. В 1407 году Ибн Арабшах был еще в Самарканде: время правления Халила Султана, богатое скандалами, он описывает очень живо — те годы, в которые сыновья и дети Тимура как раз не дорожили его памятью². Ибн Арабшах, говорят, потом вскоре отправился на родину — так как сокровища были потрачены впустую, ученые разлетелись во все страны света. Через Хорезм, Астрахань, Крым, где он задерживался по мере надобности на некоторое время, вел его путь к Османам, которым он служил около десяти лет. В начале декабря 1421 года, к празднеству жертвоприношения, в Алеппо он снова ступил на сирийскую землю³.

Не столько эта немного упадочная среда Халила Султана в Самарканде определила образ Тимура в изображении Ибн Арабшаха, сколько понимание мира учеными шариата и знатоками традиционных исламских наук. Для них Тимур был кем-то вроде мутази-лита, борца за направление веры, давно побежденное суннизмом, приписывавшее людям способность к свободным решениям и действиям с собственной ответственностью за них, результаты которых можно было определить внутримировыми критериями. «Если ты честен, ты будешь спасен», — гласил девиз на перстне с печатью Тимура. Сверх того, в его непосредственном окружении постоянно был один мутазилит, а именно тот самый хорезмиец Абд аль-Джаббар! Мы встречали его перед Дамаском, где он переводил речь Ибн Хальдуна, обращенную к Тимуру⁴.

«господин счастливых обстоятельств», разозленный разрушением могил двух жен Пророка, как уже прежде в Алеппо, подверг строгому допросу местных ученых⁵. Муавия, первый халиф Омейядов (прав. 660-680), но прежде всего его сын Язид (прав. 680-684) взяли на себя тяжелую вину за их войны против Али, двоюродного брата и зятя Пророка, и против сына Али Хусейна: они злодеи⁶. Этим утверждением Тимур затронул старый исламский спор, который закончили в суннизме примиряющей формулой, что можно только добром помянуть предков, сподвижников пророка Мухаммеда; ни о ком из них нельзя сказать ничего плохого. На вопрос, кому следует приписать вину за роковые ранние гражданские войны, тот вопрос, из которого пышно произросла ненависть между приверженцами разных сторон, не могли ответить когда-то и мутазилиты. Но они настаивали на том, что здесь замешана была приписываемая кому-то вина и, следовательно, одна из обеих сторон, должно быть, совершила тяжкий грех. Но так как по учению суннитов, существа совсем не обладают могущественностью бытия, необходимой для самостоятельных действий, человек не может также привлечь к ответственности противников гражданской войны⁷. Когда Тимур несмотря на это говорил о преступниках, его собеседники, должно быть, вспоминали о мутазилитском ходе мыслей. Конечно, завоеватель был далек от мысли раздувать теологический диспут; неизвестно, разбирался ли он вообще в этой области. Для него речь шла в Дамаске лишь о чуждой ему позиции сирийских предков по отношению к Алидам, его «духовным предкам»⁸. Разве не нужно было бы чествовать сирийских предков так же, как он, Тимур, чествовал Алидов, а также Чингисидов?⁹

Для сторонников унаследованного ислама шариата было, во всяком случае, решенным делом, что монгольские завоеватели — и Тимур тоже — в кощунственной манере признавали свою собственную способность, свои действия, просчитанные наперед, свою смелость основой своих успехов. Хулагу спросил последнего багдадского Аббасида, почему он вовремя не вооружался для войны, и тот ответил ссылкой на предназначение бога¹⁰. Борца за человеческую независимость видели и в Тимуре. Его далеко идущие планы, его хитрый образ действий — все говорило за это! Так были распланированы его повседневные дела, а игра в шахматы заполняла часы его наслаждений! Но все человеческие планы — это в конце концов переоценка самого себя, ведущая к гибели. Это мораль,

вытекающая из истории жизни того дерзкого Тимура, каким описал его Ибн Арабшах. Великолепная сцена, в которой зима предвещает предстоящую гибель «господину счастливых обстоятельств», тащившемуся вперед из последних сил, показывает нам квинтэссенцию толкования, которое может дать ученый суннитского шариата образу Тимура ¹¹.

И Ибн Арабшах не боится обострить это толкование до неприятного, Хорезмийский литератор, известный своим метким сарказмом, рассказал ему, как он однажды пришел к Тимуру, когда тот сидя на холме наблюдал за ходом битвы, охраняемый лишь двумя слугами. Чтобы получить еще лучший обзор происходящего, Тимур приказал обоим поднять его высоко и поставить на ноги. Они схватили его под мышки, подняли и принесли к входу в палатку. Вдруг ему пришлось отослать одного из слуг по какому-то важному делу, и рассказчик должен был теперь помогать поддерживать полководца; затем и для второго слуги появилось неотложное поручение, и Тимур крикнул: «Пустите меня на землю!». «И он упал, как гнилая кость!.. Я остался с ним один, — продолжил рассказчик, — тут Тимур обратился ко мне со словами: «Посмотри на мою слабость и беспомощность! У меня нет руки, которая может хватать, нет ноги, которая может бегать; если бы меня положили, я бы погиб. Оставшись один, я не могу себе ни принести пользу, ни навредить, ни принести добро, ни отразить зло! А теперь сообрази, как всевышний Бог подчинил мне людей, облегчил мне доступ к закрытым странам, как он сделал так, что страх передо мной заставляет дрожать Восток и Запад! Как он умирал передо мной королей и великих правителей, хосровов и цезарей! Разве все это не его дела?! Кем же я являюсь, как не тем Сатихом без костей?»¹² Для меня не существует ворот для входа, нет собственных сил — только эти действия (Бога)!» — и он заплакал, и я тоже должен был плакать, пока слезы не увлажнили отворот на моем рукаве». «Теперь посмотри на этого беспомощного высушенного сурка!»¹³, — торжествует Ибн Арабшах, — как же он в конце концов пришел к теории о предназначении!»¹⁴

Как далеко мы здесь отклонились от толкования, которое дадут Тимуру столетием позже в Европе периода Ренессанса! В 1577 году Л. Леруа опубликовал свою книгу «La Vicissitude ou Variete des Choses en

l'Universe»* — попытка понять новый век и сравнить с прошлым, возвращение потерянных знаний, изобретение книгопечатания, компаса и усовершенствований в военном деле, открытие чужих стран, но и появление неизвестных донныне болезней и новых сект, — все это наложило на время свой отпечаток, пишет Леруа, и человеком этой эпохи является не кто иной, как «великих и непобедимый Тимур, который в 1400 году приводил в ужас мир своим именем... Избранный для великий дел — так как несмотря на его нищету вначале в его характере проявилось великодушие к другим — его товарищи выбрали его в игре правителем. Он принял это с хорошим намерением, как тот, кто уже тогда стремился к большим делам по своему разумению, и заставил своих товарищей поклясться в верности. И так как они поклялись ему действовать по его воле и не оставлять его в беде, он вознесся до их предводителя и приказал им отказаться пасти скот, потому что это недостойная деятельность, которая вряд ли служит приобретению славы и богатства, а вместо этого вооружиться и следовать за ним. Так они сумели из своей маленькой низменной участи, в которой они вели унижительную жизнь, прийти к громадному, неожиданному счастью!»¹⁵ Ибн Арабшах обратил внимание только на конец; то, что человек делает от своего имени, не что другое, как преступление, знак его высокомерия, и должен быть обречен ввиду непреодолимой силы принуждения Бога. Леруа, напротив, прославляет в Тимуре героя нового времени, который, хорошо понимая возможности, заложенные в человеке, берет судьбу в свои руки; новый человек исследует движение планет, зная, что познание никогда не окончится; неутомимый как сферы он старается извлечь пользу из проницательности и, таким образом, он получает наконец высочайшее земное наслаждение: корону мирового господства! Это план жизни нового времени; знаменитая и пережившая многочисленные постановки пьеса Марло «Маленький барабан» показывает его удивляющейся публике ¹⁶.

Однако давайте вернемся в исламский мир! В конце описания военного похода в Дели мы подбрасываем вопрос, распорядился ли Тимур жизнью на земле от собственного имени — как это ценится у героических личностей Леруа и Марло — или он как инструмент

---

* «Превращение или разнообразие вещей во Вселенной» (фр.).

божественного провидения считал, что все его действия были, следовательно, только исполнением послания, определенного вне его личности, как предполагает используемая для запугивания, относимая к Чингисхану речь о «биче» или о «гневе» Бога¹⁷. Окончательного подтверждения этого добиться было нельзя, так как претендовать на более высокое призвание — это только попытка оправдаться перед третьим; Тимур настроился с этой целью на традицию избранного небом Чингисида¹⁸ и в зависимости от успеха он выигрывал в отношении достоверности, конечно, и для себя. Однако истории, подобные встрече Хулагу с последним багдадским халифом, учат тому, чтобы активность предвидения образовала существенный момент этой традиции, и как раз на этом месте загорается неприязнь Ибн Арабшаха.

Обосновать основные положения исламской веры, что мир это дело лично Создателя-Бога — такую задачу ставили перед собой мутазилиты девятого и десятого веков. Что, собственно, «создать» — вокруг этого вопроса вертелось их учение о бытие, и в ответах, которые они давали, они приписывали творению разумный характер. Казалось, во всем господствовал сразу понятный для умного наблюдателя, хотелось бы сказать, повседневный рационализм, который, возвышенный до совершенства, был также рационализмом действий Создателя. Заблуждения в разумном — то есть зло — исходили только из несовершенства Создателя. Ашаритская теология разрушила в десятом веке уверенность, что существует аналогия между творением Бога и истинным, соответствующим шариату разумным действием его созданий. Мутазилиты должны были разыграть еще раз одну и ту же проблему: каким образом разумный, постоянно стремящийся к лучшему — и всегда достижимому благодаря совершенству его сущности — Бог порождает несовершенные существа? Ответ, естественно, гласит: «Потому что он хочет испытать их». Но этот ответ не удовлетворил спрашивающего, так как у него возникает тогда еще вопрос: «Не является ли такое испытание актом произвола?» Ашариты считали, что поступки Бога нельзя измерять разумом, который они объявляли чисто человеческим мерилем, которое нельзя применять к Богу. Бог настолько другой, настолько непостижимый, что его творениям не остается ничего другого, как подчиняться его требованиям без всякого мудрствования. Ашаритское учение о бытие поэтому своеобразным образом представляет радикальным

противопоставление создателя и создаваемого. Оно перекладывает всю могущественность бытия только на Создателя; от решения Бога, которое невозможно разгадать, зависит мир в любое мгновение своего существования. Для него не остается существование в прямом значении этого слова. — Это теология, родственная исламу, который выбирает шариат центром существования: предписания шариата — это неизменная, лишенная истории воля Создателя, и эти предписания должны выполняться, далее если они кажутся людям неразумными, как это может происходить от случая к случаю, поясняют ученые-правоведы на основе предания Пророка¹⁹.

В противопоставлении понятий «созданный» и «создатель» содержится общий ответ на вопрос о бытии, и для ашаритов он звучит так: Богу присуще вечное, сохраняющееся непостижимо могущественное бытие, творениям же, напротив, присуще существование, срок которого определяется Богом и которому внутри этого срока не хватает любого существования как такового, любой непрерывности: об обоих видах существования можно составить представление, только пока оно называется в чисто формальном отношении бытие существования. Но все же это понятие работает и, таким образом, открывает возможность вслед за Авиценной поразмышлять о том, что является существованием Бога, и прежде всего о том, что такое существование творения. Вопрос о бытии казался сам по себе на первых порах решающим; но опыт учит, что существование преходящей непрерывности в созданном мире является благом. Этим обратили внимание на отдельно существующее и его состояние, на его нечто. Нечто, как пояснил аль-Иджи (ум. 1355)²⁰, никогда не существует в абстрагированной форме; оно всегда возникает в индивидуальном виде. Нечто «человек» даже не существует, пока оно может быть дано в наброске и разработано дальше в уме мыслителя; имеется только конкретный Амир, конкретный Сайд, «частичные тождества»²¹.

Аль-Иджи оставил это в своей попытке оживления рациональной теологии при достигнутом ашаритами строгом отделении от творческого и созданного бытия. Иначе действовал Ибн аль-Араби; он снова наполнил истонченное до формального понятия бытие, которое охватывало обе области, содержанием, тем, что он хотел, как это уже отмечалось раньше, понимать под ним вечное существование Бога, которое начинает существовать в необозримом

многообразии созданного мира. Только в индивидуальном, в отдельном существе, проявляется и постигается нами единственность бытия. Даже сами способы, которыми раскрывалось одно бытие и той самой личности в определенное время, всегда различны. В личности кади Бурхан-ад-дина проявляется сущность Мухаммеда, Иисуса, Моисея и других пророков попеременно и в особых обстоятельствах²². То, что можно знать, по своей сути различно, так же как и различны ощущения, из переработки которых проистекло знание, и именно не из-за различного вида ощущений, а из-за ощущаемых вещей. «Бог превратил в существо²³ того, кто воспринимает своими органами восприятия²⁴ окружающую среду»²⁵. Человек, следовательно, тоже по учению о единственности бытия в зависимости от обстоятельств индивидуальное существо, и как одиночка через свои чувства и свой разум он завязывает отношения с другими формами бытия. Но это одно существо — и в этом гениальность двусмысленного образа действий. Ибн аль-Араби является одновременно существом вообще: индивидуальность и единственность Вселенной совпадают!

Учение о единственности бытия скрывало в себе, как уже подчеркивалось в другом месте²⁶, грубый вызов исламу шариата. Если любой, как всегда, развитой индивид является проявлением единого существования и носит в себе право на свои действия, вопрос об обязывающем характере закона, правильное проявление которого контролируется специалистами, обращен в пустоту²⁷. Вместо этого умозрение о назначении индивида внутри космического хода вещей, в котором складывается существование от вечности к вечности, приобретает большое значение. Пророческий взгляд на это событие, а также на его рациональное, позволяющее предвидеть толкование методами астрологии и других видов искусства предсказания, образует свод над шариатом как традиционное основание управления жизнью. Как «господин счастливых обстоятельств», а не как набожный застенчивый исполнитель шариата предстает Тимур перед своими мусульманскими современниками; как «господин счастливых обстоятельств» он тоже включен в ход истории²⁸ и распоряжается земной жизнью — человек, возвысившийся над себе подобными, неповторимость которого все больше воспринималась его ближайшим окружением как утомительная и мучительная — очевидно, в той мере, в какой он сам был убежден в этой исключительности. И все же его поступки оправдываются как раз не

его личностью, не заложенными в ней способностями и не историческими обстоятельствами, в которых он должен ориентироваться, а вовлечением «господина счастливых обстоятельств» в более высокую, сверхиндивидуальную связь. Не человек Тимур сам по себе повелевает странами и народами, а та власть, загадочная и запутанная поверхность которой образует мир сокровенного и подлинный порядок которой может быть увиден в области сокровенного. Итак, здесь тоже такое чуждое нам слияние друг с другом индивидуальности и вселенской единственности!

«Господин счастливых обстоятельств» не только один из многих династий мира, хотя и вышедший далеко за рамки посредственности; он скорее изглаживает из памяти всю предыдущую власть и основывает ее заново. После его появления по праву есть только еще властители, которых он узаконил. Но он сам, его род, не узаконен людьми; его предок засвидетельствован необычным образом. Рашид-ад-дин, летописец поздних ильханов, видит в Чингисхане первого «господина счастливых обстоятельств», а его род начинается с девственницы Алан Куву. Она забеременела сверхъестественным образом старейшим предком завоевателя мира, избранного миром; родившись от чистого воздуха, Чингисхан объединяет человечество, создает его новый всеобъемлющий порядок подобно тому, как когда-то пророк Мухаммед. Тимур перенимает эти представления, но, как мы уже знаем, продвигает на передний план связь с основателем ислама так открыто, как еще не отваживались это сделать ильханы позднего периода: свет сыновей Али, внуков Мухаммеда, входит в Алан Куву.

Как «господин счастливых обстоятельств» и одновременно человек, которого легендарная история его предков удостоверяет могущественным поверенным Чингисидов²⁹, Тимур одновременно работает по ту сторону существующих политических условий, по другую сторону поведения «диадохов», над великим делом реставрации мирового господства Чингисидов. Европейскому современнику, который, очевидно, ничего не знает обо всем этом, он дает образ борца, который по собственному закону управляет миром.

Благодаря заложенным в нем достоинствам и способностям, которые он использует целеустремленно и целесообразно, он покоряет страны, завоевывает корону власти — высшее наслаждение — и сбрасывает в пыль старый порядок мира: побежденный султан Баязид

служит ему скамейкой, на которую он становится, чтобы сесть на трон. Это Тимур, в котором Л. Леруа видит героя эпохи! Законы поведения он носит в себе самом, и ему благоприятствует фортуна именно потому, что он умеет направить парус корабля своей жизни таким образом, что его несет к цели³⁰, которую он определил. Таким образом, кажется, что Тимур воплощает человека, об образе которого Бог в знаменитой «Речи о достоинстве человека» Пико делла Мирандола (1463-1494) говорит: «Ни прочного места, ни свойственного тебе образа, ни особого наследия мы не дали тебе, Адам, для того чтобы ты владел местом, образом, дарами, которые ты выбираешь по собственному желанию и своему решению. Все другие существа получили твердо установленную природу (вещей) и удерживаются нами заранее определенными законами. Одного тебя не связывают никакие ограничения, разве только ты сам себе установишь их по своему желанию, которое я тебе дал. В центр мира поставил я тебя, чтобы тебе было полегче осмотреться вокруг и увидеть все, что в нем есть. Я создал тебя существом ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, только чтобы ты был своим собственным свободным скульптором и борцом и чтобы смог принять любую форму, какую ты себе только пожелаешь...»³¹

Незаконченным в исламской культуре остается поворот к несущему ответственность за самого себя человеку, который в меру собственного познания и способностей управляет миром и который может, как отмечает Пико делла Мирандола, возвыситься здесь до ангела, но и деградировать до животного. Почти в одно и то же время в Европе и в исламе наступает образование нового мышления, в котором «единичность творений» получает основную степень³². Но индивидуализация понятия сути ввиду слишком прочной обратной связи единичного с общим, как она существует в исторической идее единственности бытия, не могла в исламском мире одержать победу. К тому же набожность шариата — а с этим и родственное ей толкование отношений между Богом, миром и человеком — окончательно не вытеснена, ее представителям даже удалось, как учит картина о трех тронах Али Аши-ка³³, подхватить эти умозрения и использовать для нового обоснования выдвинутой ими позиции! Это своеобразная духовная чересполосица, которая дает фон для необычной жизненной судьбы Тимура. Но почему поворот остается незаконченным? События последних месяцев в жизни Тимура дают нам предварительный ответ на

этот вопрос. Но еще прежде чем он умрет, дело его начинает приходить в упадок, и через несколько лет оно будет растрчено зря. Оно не прочное, так как целиком зависит от его личности, «господина счастливых обстоятельств». Нет институтов, которые могли бы продлить работу Тимура. И только если институты власти — а значит и жизненные гарантии индивидуума — достигли определенной плотности и устойчивости³⁴, индивидуум действительно свободен, чтобы управлять миром, и его дело, может быть, переживет его. Это невысказанное предположение³⁵, о котором, может быть, даже не догадывались Пико делла Мирандола и ему подобные авторы; это была предпосылка для проекта нового человека. Если ее не было или если она дана не в достаточной мере, то не каждому человеку может быть просто присуждена возможность самоопределяемого действия, но только одному, на избранность которого в области сокровенного имеются четкие указания — «господину счастливых обстоятельств».

ПЕРЕЧЕНЬ ВАЖНЫХ ПОНЯТИЙ

Аббасиды — династия халифов Багдада (750-1258), а позже — Каира (примерно с 1260); они ведут свою родословную от Аббаса, дяди Пророка Мухаммеда.

Алиды — потомки Али аби Талиба, двоюродного брата и зятя Пророка Мухаммеда.

Ашариты — рационалистическое теологическое течение внутри суннитского ислама, который видит в аль Ашари (ум. 935) своего основателя,

Великий хан — именной глава всех князей, соответственно, ханов, восходящих по родословному дереву к Чингисхану.

Военные ленные поместья — земли, раздаваемые за долгую военную службу.

Двенадцатый имам — глава общины имамитского направления шиитского ислама, якобы исчезнувший в 874 году; имамитские шииты ожидают его возвращения на землю непосредственно перед концом света.

Дервиши — мужчины, которые благодаря особому образу жизни стремились заглянуть в «мир сокровенного»; частично

объединенные в общины, они с XIII века представляли приверженцев суфизма.

Джелаир — значительный монгольский род в Мавераннахре.

Джелаириды — одна из династий наследников ильханов; Джелаириды (1336—1432) владели территориями в Азербайджане, Западном Иране и Ираке.

Диван — название высшего государственного совета при правителе.

Золотая Орда — империя, образовавшаяся из слияния я Синей и Белой Орды, происходившего в 1380 году, которая охватывала области от юга России, доставшиеся когда-то старшему сыну Чингисхана Джучи, до региона к востоку от Аральского озера (Орда — татарское «urdu» — войсковой лагерь).

Ильханы — название династии монгольских правителей в Иране, основанной Хулагу (1256-1336).

Каракитай — остатки народа китаи, которые после развала империи Ляо в Северном Китае в первой половине двенадцатого века продвинулись на Запад и основали новую империю, простиравшуюся от Таримского бассейна до Яксарта.

Кипчак — тюркоязычный народ, вторгшийся с одиннадцатого века с Иртыша на запад, который занял степи юга России (Кипчакская степь); на Руси их называли половцами, в Зап. Европе — куманами; из области Кипчакской степи в XIII-XIV вв. мамлюки рекрутировали молодежь.

Кисва — плат, которым завешена святыня в Мекке.

Ливан — высокое сводчатое здание с открытой внешней стороной, которая образует большой дугообразный вход.

Мавераннахр — страна между Оксом (Амударьей) и Яксартом (Сырдарьей)

Маликиты — см. правовые школы.

Мамлюки — белые военные рабы большей частью тюркского, с конца четырнадцатого века — все больше черкесского происхождения: с 1250 до 1517 они господствовали в Египте и Сирии.

Медресе — общественная школа, в которой изучается преимущественно исламское право.

Моголистан — северная, расположенная по ту

сторону Яксарта (Сыр-Дарьи) часть улуса Чагатая (см. также Туркестан).

Музаффариды — династия наследников ильханов в Южном Иране (1314-1393).

Парасанг — мера длины (около 5,5 км).

Подарки из девяти предметов — подарки правителю или завоевателю, состоящие из девяти предметов, приносящие счастье.

Правовые школы — направления основ, толкования и применения шариата; среди тюркоязычных народов господствующей была ханафитская школа, в Египте — шафиитская, в Северной Африке и Андалусии — маликитская.

Сайд — потомок Пророка Мухаммеда.

Сафавиды — династия, правившая в Иране с 1501 по 1732 год.

Святые — см. дервиши.

Сельджуки — широко разветвленный тюркский род правителей в Иране, Анатолии (Румсельджуки в Конье) и Сирии (около 1040 года до конца XII века, в Конье — приблизительно до 1300г).

Султан — исламский тип правителя, возникший с появлением Сельджуков, который, будучи фактически независимым от халифата, часто опирается на чужеземный слой военных и заставляет узаконивать свою власть халифом с опорой на ислам.

Суннитский ислам — форма ислама, которой придерживается подавляющее большинство мусульман; суннизм находит свою жизненную среду в усвоении идеализированного предания — речей и поступков Пророка (сунна) и в стремлении воплотить в действительность это предание в повседневной жизни.

Суфизм — исламское направление с мистическими, аскетическими, частично и теософистскими чертами.

Татары — восточномонгольский народ, покоренный Чингисханом в 1202 году; в Передней Азии и Европе это название до сих пор переносится на всех монголов.

Терьяк — все излечивающее средство.

Туркестан — страна по ту сторону Яксарты/Сырдарьи (см. также Моголистан)

Туркмены — здесь: кочующие тюркские родовые

союзы в Анатолии и в Азербайджане, а также в Хорасане.

Тюрбэ — гробница, накрытая конической крышей или куполом.

Улус — родовой союз, подчиненный монгольскому правителю, соответственно его владения.

Фатимиды — династия халифов Алидов в Северной Африке и Египте (909-1171).

Хан — титул тюркского и монгольского правителя (см. Великий хан).

Ханафиты — см. правовые школы.

Ханбалиты — см. правовые школы.

Хорасан — область Северо-Восточного Ирана до Окса (Аму-Дарьи), таким образом, большая, чем нынешняя одноименная провинция Ирана.

Хорезмшахи — происходившая от тюрков, обосновавшаяся в Хорезме династия правителей (1077—1231).

Халиф — «преемник Пророка» Мухаммеда, самый высокий по рангу исламский правитель: с одиннадцатого столетия халифы династии Аббасидов были вынуждены узаконить господство так называемых султанов, фактически независимых от них; только в этой функции в Каире был возрожден халифат Аббасидов мамлюками после 1260 года.

Цикл животных — в Восточной и Центральной Азии принятое летосчисление по двенадцатилетнему циклу, названному именами животных: 1360г. — крысы; 1361г. — быка; 1362г. — тигра; 1363г. — зайца; 1364г. — дракона; 1365г. — змеи; 1366г. — лошади; 1367г. — овцы; 1368г. — обезьяны; 1369г. — петуха; 1370г. — собаки; 1371г. — свиньи; 1372г. — крысы и так далее.

Шафииты — см. правовые школы.

Шахнаме — «Книга о царях», иранский национальный эпос.

Шерифы Мекки — княжеский род Алидов.

Шиитский ислам — исламское направление веры, история которого тесно связана с Алидами; только им приписывают шииты право господства над мусульманами. Некоторые шиитские направления считают исламские государства, в которых правят другие княжеские рода, «государствами лжи». Есть еще шиитские направления, которые полагают, что главы общин (имамы) из

наследников Али аби Талиба наделены божественным вдохновением и поэтому являются посредниками при лечении.

Эмир — собственно: военный руководитель; в частности — титул князя рода.

Яса — изложенный в письменной форме закон монголов, принадлежащий Чингисхану.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

К ПЕРВОЙ КНИГЕ

I

1141 — Сельджук Санджар побежден каракитаями; хорезмшахи, первоначально наместники Сельджуков, отныне превращаются в правящую силу на исламском Востоке.

ок.1205 — Хорезмшах Ала-ад-дин Мухаммед (прав.1200—1220) проводит политику разрушения империи каракитаев; позже он пытается подчинить своему влиянию халифат.

1206 — Темучина (1155-1227) объявляют Великим ханом Чингисханом.

1219 — Инцидент под Отраром; начало завоевания Ирана монголами.

1220—1231 — Хорезмшах Джелал-ад-дин тщетно старается склонить исламских правителей к борьбе против интервентов.

1238 — Монгольский полководец Кормаджан, воюющий в Иране, впервые призывает багдадского халифа подчиниться.

1246 — Избрание Гуюка Великим ханом; ухудшение отношений монголов с последним багдадским халифом аль-Мустасимом и связанными с ним Исма-илитами Аламута.

1256 — Хулагу, которому его брат Мункэ, Великий хан, поручает защиту Ирана, уничтожает империю Исмаилитов.

1258 — Хулагу захватывает Багдад; убийство аль-Мустасима.

1260 — Мамлюк Бейбарс отбивает в Палестине

нашествие монголов на Египет. Впоследствии в Иране, Ираке и частично в Анатолии образуется империя ильханов, преемников Хулагу. В Сирии и Египте продолжают править мамлюки, они принимают в 1261 г. — мнимого? — Аббасида и возвышают его до марионеточного халифа без власти.

II

1228 — Первый съезд князей на реке Керулен в Монголии после смерти Чингисхана.

1241 — Смерть Чагатая.

1251 — При поддержке Батыя Мункэ, сын Тулуя, избирается Великим ханом; ослабление власти потомков Угедея и Чагатая.

1261 — Внук Чагатая Алуджу извлекает пользу из раздора между братьями Хубилаем и Лриг-Бугом из-за наследования Мункэ и обеспечивает себе власть над странами между Оксом и Алтайскими горами.

с 1267 — Область между Оксом и Яксартом из-за конфликта между Ильханами, Чагатаидаман и Хайду, потомком Угедея, много раз разоряется.

1300 — Чагатаид Тува в послании Великому хану подтверждает единодушие Чингисидов.

до 1306 — Туве удается уменьшить влияние сыновей Хайду и снова сохранить Мавераниахр для Чагатаидов.

1318—1326 — Кебек стремится наладить управление в Мавераннахре; он основывает город-резиденцию Карши; брат и преемник Кебека Тармаширин переходит в ислам; его прогоняют эмиры, которые боятся за свою свободу. Раздел улуса Чагатай на регион по другую сторону Яксарта — Мого-листан и регион между Яксартом и Оксом наметился.

1330—1345 — Газан снова подхватывает политику Кебека; зимой 1345-1346 гг. он подчиняется мятежнику Казагану.

до 1359 — Господство эмира Казагана, узаконенное марионеточными ханами чингисидского происхождения.

1351 — Казаган побеждает князя Герата; войны с Хорезмом.

ок. 1360 — Сын и наследник Казагана Абдаллах

выбирает Самарканд резиденцией правителей; конфликты с боявшимися за свою свободу эмирами и убийство Абдаллаха; вмешательство Тоглук-Тимура, правителя Моголистана, который проводит политику воссоединения обеих частей улуса Чагатай.

1362 — Эмир Хусейн, внук Казагана, собирает вокруг себя остатки его сторонников; один из свиты эмира Хусейна — Тимур.

КО ВТОРОЙ КНИГЕ

I

1360—1361 — Тоглук-Тимур, хан Моголнстана, продвигается в южный улус Чагатай. Тимур покидает Хаджи Барласа и подчиняется хану.

1361 — Тимур добивается для эмира Хусейна, внука Казагана, наследственного господства над Балхом, а затем отправляется к хану, снова прорвавшемуся на юг.

1362 — Тоглук-Тимур принимает меры против эмиров юга; Тимур, который видит их судьбу, объединяется с рыскающим повсюду эмиром Хусейном.

1363 — Арест Тимура в Махане у Али Бека; затем поход в Систан и ранение. Позже Тимур и эмир Хусейн завязали несколько боев с войсками Моголистана.

1364 — После смерти Тоглук-Тимура господство Моголистана на юге разваливается; Тимур и эмир Хусейн преследуют бегущих врагов и пытаются позднее ограничить власть князей юга.

1365 — Эмир Хусейн и Тимур терпят тяжелое поражение в «илистой войне» против Моголистана; отношения между эмиром Хусейном и Тимуром ухудшаются.

до 1370 — Недоверие между эмиром Хусейном, который, как и Казаган, хотел править Мавераннахром, и Тимуром возрастает; Тимур предает эмира Хусейна и побеждает его.

1370 — Тимур принимает присягу князей южного улуса Чагатай на верность.

1372 — После раскрытия заговора и боев в Моголистане Тимур выступает против Хорезма.

1373 — Второй военный поход в Хорезм из-за сотрудничества местного правителя с заговорщиками.

1374 — Сын Тимура Джахангир женится на представительнице рода Чингисидов.

1375 — Военный поход в Моголистан; новый заговор против Тимура.

1376 — Военные походы в Моголистан и Хорезм.

1379 — Четвертый поход в Хорезм, разрушение страны. Начало вторжения в Хорасан и Иран с целью уничтожения господства «диадохов».

1381—1382 — Тимур завоевывает Хорасан.

1383—1385 — Начало войны против эмира Вали, правителя Мазендерана; бон в Моголистане и Систане. Война в Мазендеране и южнее Каспийского моря с большими потерями; эмир Вали ускользает.

1385—1386 — Тохтамыш, хан Золотой Орды, продвигается до Тебриза, но потом снова отступает на север. Эмира Вали выдает и убивает сын Тимура Мираншах, которого отец назначает наместником Хорасана.

1386—1388 — Трехлетняя кампания: Тимур пытается успокоить Иран и защитить от нападения со стороны империи Золотой Орды.

II

1363—1376 — Урус-хан, правитель Белой Орды, стремится к объединению своей империи с Синей Ордой. Тимур принимает княжеского сына Тохтамыша, враждующего с Урус-ханом, и надеется с его помощью управлять развитием событий в империи Белой Орды в свою пользу.

1378—1380 — Тохтамыш захватывает территорию Синей Орды, в которой царит анархия после смерти местного хана Джанибека; объединение обеих Орд.

1388 — Тимур стабилизирует ситуацию в Мавераннахре, в который в отсутствие Тимура вторгся Тохтамыш. После этого он в пятый раз ведет войну с Хорезмом.

1391 — Большой поход против Тохтамыша; битва на Верхней Волге.

1392—1396 — Пятилетняя кампания: Тимур закрепляет свое

господство над Ираном, накладывает руку на Восточную Анатолию, Азербайджан и Северную Месопотамию, завоевывает Багдад. Наступление на Сирию, запланированное на 1394 год, не состоится. В 1395 году Тимур одерживает победу над войском Тохтамыша на Тереке.

К ТРЕТЬЕЙ КНИГЕ

с 1340 — Свержение господства тюркских мамлюков в Египте и Сирии; однако внешнеполитические успехи мамлюков на южном и юго-восточном пространстве делают возможным крах империи ильханов.

1363 — Предводитель мамлюков Йелбоджа Старший сажает на каирский трон аль-Ашраф Шабана.

1365 — Петр I, король Кипра, позволяет разграбить Александрию.

1376 — Убийство султана аль-Ашраф Шабана; затем восхождение на престол черкеса Баркука, выходца из мамлюков Йелбоджи.

1380 — Кади Бурхан-ад-дин захватывает власть в Сивасе и становится важной фигурой в запутанной политической игре в Анатолии.

1382 — Баркук в Каире получает титул султана.

1387 — Во время трехлетней кампании Тимура впервые возникает опасность войны между ним и мамлюками.

1388-1393 — Гражданская война в империи мамлюков.

1392—1396 — Во время пятилетней кампании Тимур намеревается напасть на Сирию (в 1393 г. убийство чагатайских послов в ар-Рахбе); смерть Умар-шейха заставляет его отказаться от этого военного похода.

1397 — Смерть кади Бурхан-ад-дипа; Осман Баязид расширяет свои позиции в Центральной Анатолии и этим затрагивает коренные интересы Тимура.

1398-1399 — Поход Тимура в Индию.

1399 — Тимур в Западной Азии; начало семилетней кампании. Смерть Баркука; его сын Фарадж становится султаном в Каире.

1400 — Тимур в Анатолии; он завоевывает Сивас.

1400-1401 — Война в Сирии; Алеппо и Дамаск разрушены;

вторжение в Ирак и разрушение Багдада.

1402 — Битва под Анкарой; взятие в плен Баязида.

1404 — Тимур возвращается в Самарканд, конец семилетней кампании.

К ЧЕТВЕРТОЙ КНИГЕ

1368-1388 — Крах монгольского господства в Китае.

1389 — Посланник Тимура посещает Нанкин; Тимур платит императору Мин дань до 1396 года.

1397 — Планы военного похода на Восток.

1400 — Несанкционированный поход Искандера в Таримский бассейн.

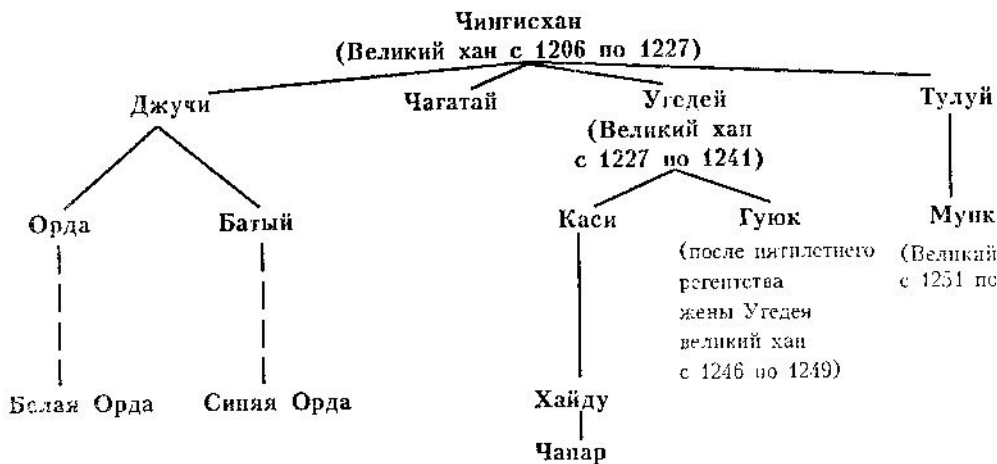
1404 — Большой праздник в Самарканде; китайские посланники требуют продолжения выплат дани.

1405 — Подготовка к военному походу против Моголистана и Китая. Тимур умирает 18 февраля в Отраре.

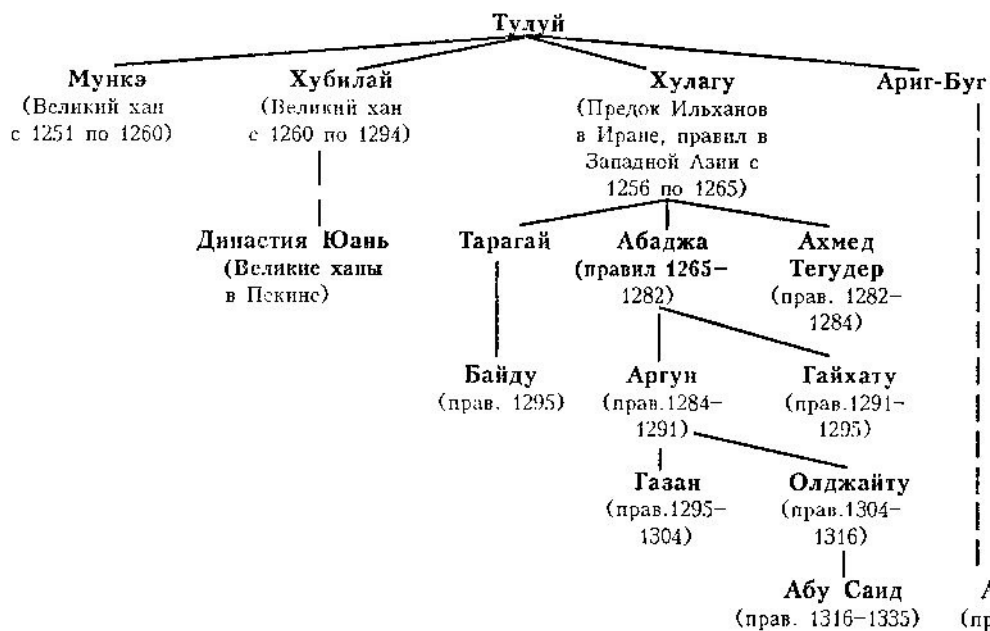
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

Приводятся не полные ветви, а лишь те лица, которые упоминаются в тексте

1. Наследники Чингисхана (обзорно); наследники Угедея

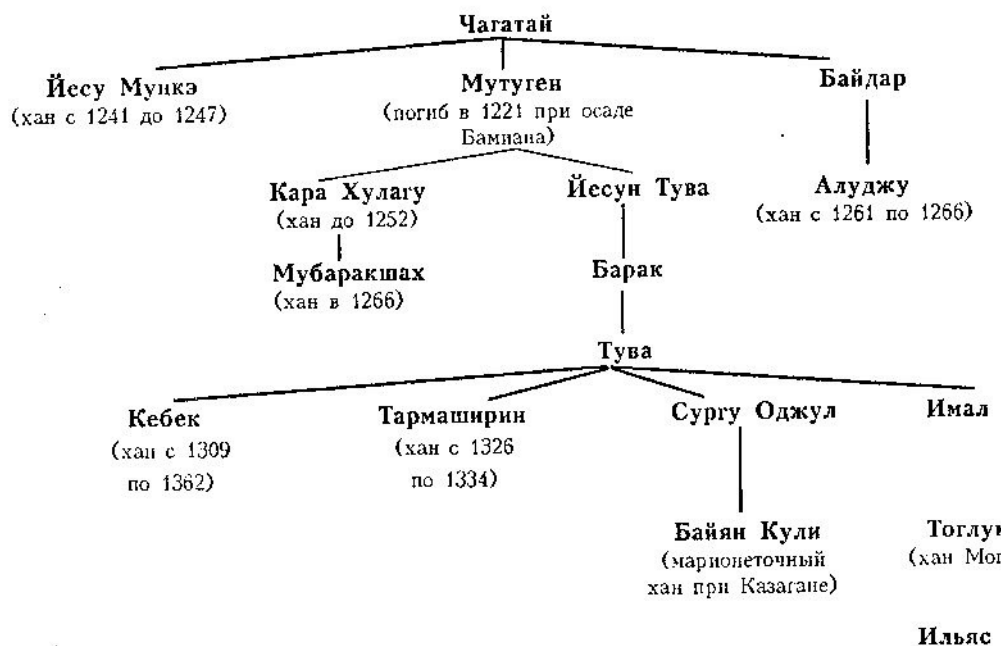

2. Ильханы и великие ханы

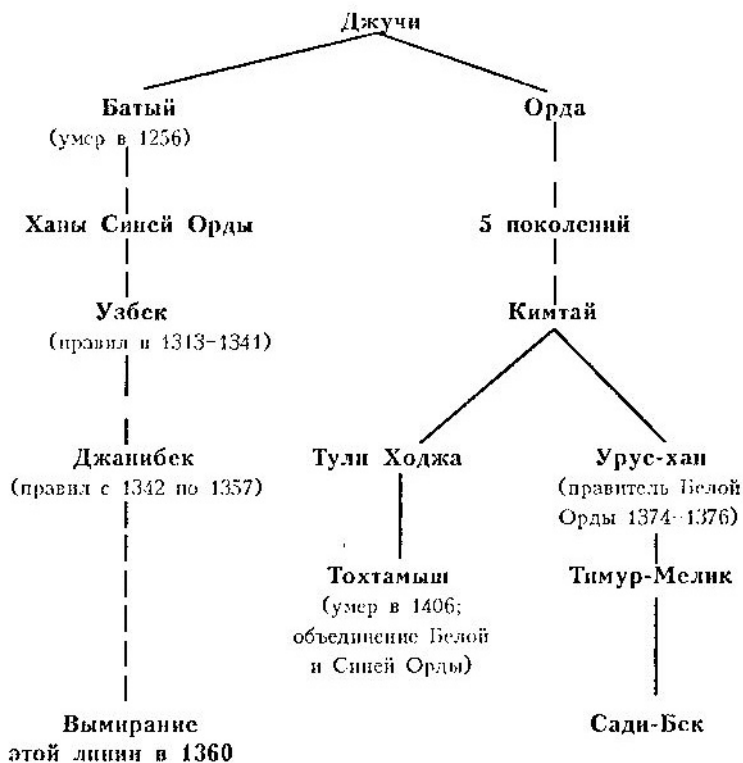

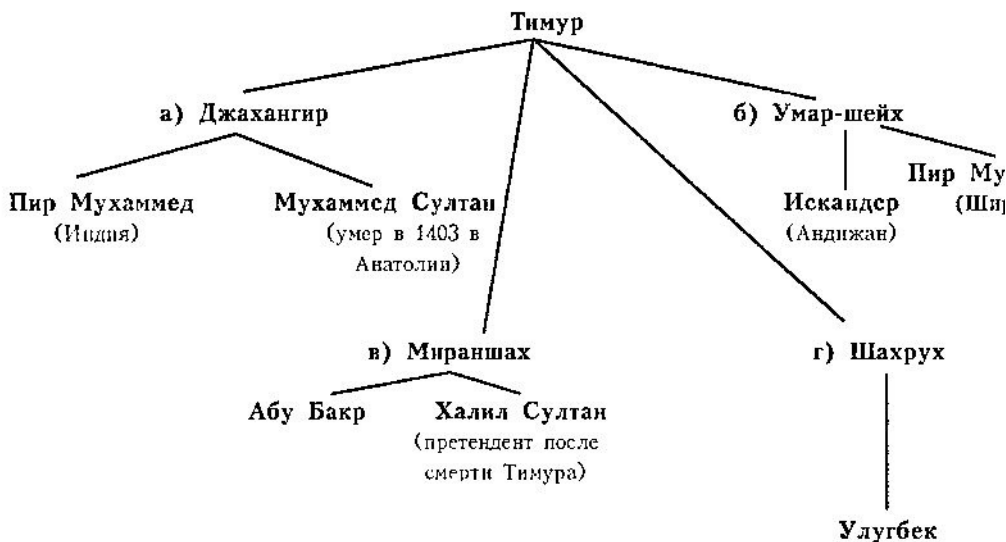
3. Чагатаиды

4. Потомки Джучи

5. Сыновья и внуки Тимура

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ. ВЕЛИКИЙ ТИМУР

1 Cahen, Claude: Der Islam I (Fischer Weltgeschichte 14), 329f; Roemer, Persiens Weg in die Neuzeit, 113 ff.

2 О нем: «Biographie» Tamerlans: Libri IX... autore Baptista Campofulgoso. Basel 1567,378-380 und 1211L

3 Немецкая редакция von Pedro de Mexias «Suva de varia leccion»: Petri Messiae von Sibilia vilualtige beschreibung / christenlicher vnnnd Heidnischer Keyseren /Künigen/ weltweiser Männeren gedächtnuß wirdige Historien Basel 1564, CLXlf.; Pedro de Mexia nennt «Baptista Fulgosus» als die Hauptquelle.

4 См.ниже.

5 Petri Messiae..., XXV. CXLII.

6 Leroy, Loys: De la vicissitude ou variete des choses en l'univers, Paris 1577. 107 af.; vgl. unten 428.

7 König.Rene: Niccolö Machiavelli. Zur Krisenanalyse einer Zeitenwende. 2. Aufl., München 1979, 290ff.

8 Smith, Hallett: Tamburlaine and the Renaissance, in: Elizabethan Studies and Other Essays in Honor of George F. Reynolds. (University of Colorado Studies, Series B, II/4) Boulder 1945 (126-131), 130.

9 Stender-Petersen, Adolf: Geschichte der russischen Literatur. 3. Auflage. München 1978. 289f.

10 Roemer, Persiens Weg in die Neuzeit, 121ff.

11 Bregel'.Persidskaja literatura, II, 792-797.

12 Немецкий перевод: Zahiruddin Muhammad Babur: Die Erinnerungen des ersten Großmoguls von Indien. Das Babur-natna. Zürich 1988.

13 Hierüber Bregel', loc.cit. В источниках, написанных современниками Тимура, нет ссылок на подобное собрание. То, что восхваляется образцовость его поведения и рекомендуется для подражания (Säml/T., 273. Zeile 26), здесь не может служить доводом.

14 Nagel, Staat und Glaubensgemeinschaft, II, 77ff.; ders., Die Festung des Glaubens, 293ff.

15 См.ниже.

16 Nagel, Die. Festung des Glaubens. 307ff.

17 Ср.: Vgl. Peuckert. Will-Erich: Die große Wende, Hamburg 194-8, 403.

18 Раннее упоминание этого прозвища, которым отмечен Румсельджук Кайхосров I (ум. 1210), прославляемый как завоеватель мира: Rāwandl, Rāhat as-sudūr, 465, Zeile 6.

ПЕРВАЯ КНИГА. БАГДАД

1 Azzāwi, Tarih. I, 222, ein weiteres Trauergedicht von al-Kūfi: Kutubl, Fawāt, II. 230ff.; I, 222; еще одно стихотворение аль-Куфи; даты его жизни там же, IV, 102.

2 Ibn KatTr, Bidaja, XIII, 192.

3 MS Ahlwardt 5891. Fol. 50a.

4 Muslim, SahTb, kusuf, Nr. 9. Абу Шама проясняет этот намек, цитируя аш-Шафи, который отрицает законность природы и поэтому в противовес астрономам настаивает на том, что затмение луны и начало праздника могли очень хорошо совпадать. Еще сегодня в суннитском исламе серп луны должен быть «видим» в начале

Рамадана; предварительные расчеты начала поста не заслуживают доверия

5 Сура 77, 32 и далее.

6 Abu Säma, Dail, 189-192.

7 Ibn KatTr, Bidaja. 191; Басра находится у юго-западного края горного хребта Хауран.

8 Первое число месяца рамадан 654 относится к 22 сентября 1256 г.; Абу Шама, Abu Sama, Dan, 194 и ас-Субки оцениват ретроспективно землетрясение в Медине и наводнение в Багдаде как предзнаменование падения Аббасидов (Subkl, Tabaqät, IV, 1120.

9 Абу Шама, там же, 192.

10 Guwaini, Gahän-gusä. III. 107ff., 117.

11 Там же, 113, 133, 138; ср. Там же 274, очень точно: и Lewis, Assasinen, 130ff.

12 Правитель исмалитов Джелал-ад-дин Гасан III (прав. 1210-1221) перешел в суннизм и объединился с халифом (A. Hartmann. an-Näsir, ISSff.). О поведении князя Мосула (Ibn KatTr, Bidaja, XIII, 200), который уже в конце сороковых годов работал против Багдада, ср.: Mosheim, Historia. Teil II, 51f.!

13 Сообщение ат-Туси о завоевании Багдада в Guwaini, op.cit., III, 284 (далее об этом A. Boyle, The Death of the Last Abbasid Caliph. in: Journal of Semitic Studies VI /1961, 145-161). В соответствии со следующим документом Хулагу хотел, как когда-то Сельджуки, связать брачными отношениями свою семью с семьей халифа; под предлогом переговоров об этом аль-Мустасима и сопровождающих выманили за стены города (Subki, Tabagät, IV, 114).

14 Guwaini, op.cit., III, 288.

15 Ibn Katlr, Bidaja, XIII, 201f.; гарантия безопасности для потомков Пророка, ученых, христианских священников и так далее: Guwaini, op.cit., III, 288.

16 Guwaini, op.cit., III, 291.

17 Ibn KatTr, Bidaja, XIII, 200f ; об этом виде убийства ср. также Guwainf.op. cit. , 1,231; рассказывали также, что аль-Мутасим будто бы повешен или утоплен (ср. Spies in: Der Islam XL/ 1965, 106f.).

18 Ibn Katlr, Bidaja, XIII. 196. 201.

19 Там же, 201 ; ср. Данные у SubkT, Tabaqät, IV. 110.

20 Ibn at-Tiqtaqä, al-Fahrl, 333; «Абу Бакр» напоминает шиитам о первом преемнике Мухаммеда, которого они считают узурпатором.

- 21 Там же, 335.
- 22 Ibn KatTr, Bidaja, XIII, 201.
- 23 Ibn at-Tiqtaqä, al-Fahrl, 338.
- 24 Там же, 335, строка 4.
- 25 Guwaini, Gahän-gusä, III, 280f.
- 26 Spuler. Die Mongolen in Iran. 23; A. Hartmann, an-Näsir, 83; ср. Также замечания Azzäwi. Tarih, I, 95 f.
- 27 Lewis. Die Assassinen, 126; Ibn al-Atir, al-Kamil, XII, 495.
- 28 Там же, 372-380; Todt, Diss. über die letzten Abbasiden, 69ff.
- 29 Guwaini, Gahän-gusä, I, 205; Rasid ad-Din/ K., 568.
- 30 Doerfer, Elemente, Nr. 653, d. h.; они вступили в «Мирное сообщество» не воюющих друг с другом родов – соответствующее политическое соединение. См. также Федоров-Давыдов, Строй, 44. Ярлык – это указ великого хана (Doerfer, op.cit., IV, Nr. 1849).
- 31 Guwaini, op.cit., I, 212f. Через тридцать лет этот же самый военачальник, Чирамун, назначается монгольским наместником Грузии. (Spuler, Die Mongolen in Iran, 69, 352. Vgl. feiner AzzäwT, Tarih, 1,173). Возможно, жалоба Чирамуна была направлена против попыток халифа аль-Мустаншира (прав. 1226-1242), при котором в 1242 году была одержана победа над монголами под Ирбилем. Аль-Мстаншир, кроме того, велел укрепить Багдад (Rasid ad-Din/K., 575f). После того, как Мункэ стал в 1251 году великим ханом, перед ним появился некий Шамс-ад-дин аль-Газвини и подал жалобу на Исмаилитов и Аббасидов (Rasid ad-Din/K., 684f.) — обстоятельство, которое определенно служило оправданию похода Хулагу на запад. О контактах Элчигэдэя с Людовиком IX см.: Mosheim, Historia, II, 47f. (lat. Übersetzung des persischen Briefes), а также там же, I, 40-52.
- 32 Doerfer, Elemente, Nr. 933: красная печать для дел, касающихся всей империи, например, назначение на определенную должность.
- 33 GuwainT, Gahän-gusä, I, 114; Rasid ad-Dm/k., 367.
- 34 Haenisch, Geheime Geschichte. 90; ср. Дальше Sagaster, Herrschaftsideologie, 223. Taube, Geheime Geschichte, 135.
- 35 Haenisch, в указанном месте и далее, например, 104; Taube, в указанном месте и далее, например, 156. Отчет о поездке «Constabularius Armeniae» подтверждает мнение, очевидно, распространенное монголами, что Бог избрал великого хана, чтобы истребить злые народы (Mosheim, op.cit., II, 51). К этому отчету см. также

Yule, Cathay. I, CXXVII. К узакониванию притязания на всеобщее господство Чингисхана ср. Н. Franke, From Tribal Chieftain, 15ff.

36 NasawT, STrat Galäl ad-Dm, 64.; Ibn al-AtTr, al-Kämil, XII, 318; vgl. A. Hartmann, an-Näsir, 83; ferner Rasid ad-Dm/ K., 706; о шиитских представлениях о «государстве лжи», в котором они обречены жить, см. Nagel, Staat und Glaubensgemeinschaft, I, 215.

37 Ибн аль-Асир, там же, 375, 376, 378, 384, 392, 393, 500, 501; отчеты Ибн аль-Асира поразительно совпадают с изображениями вторжения монголов в Венгрию (Göckenjan/Sweeney, Mongolensturm, 106, 155, 170ff., 247ff.).

38 Ибн аль-Асир, там же, 503, 504; см. также Низави, Сират Джелал-ад-дин, 391, 392; к слухам о его смерти ср. Субки, Табакат, новое издание, I, 342. Рукопись Эсад Эфенди № 3333 (Sari Abdallah münseati) содержит переписку, в которой Джелал-ад-Дин умоляет о помощи Румсельджука Ала-ад-дин Кей-Кубада I (прав. 1219-1236). «Султан Запада» отказывает в ней, ссылаясь на священную войну, которую он вел против Византии, а также борьбу за возврат Анатолии, якобы предсказанную Ибн аль-Араби (EI2, s. v. Ibn al ArabT. 708). Поражение от Ала-ад-дина летом 1230 года существенно способствовало провалу Джелал-ад-дина.

39 Цитат из суры 19, 23; через сорок лет Вильгельм из Триполи своем трактате «Die statu saracenorum» писал, что мусульманские астрологи предсказали конец господству ислама в Палестине (P. A. Throop, Criticism of the Crusade, Amsterdam 1940, 121). Следовательно в XIII веке были часты предсказания гибели мусульманского мира.

40 Подразумеваются грабежи Иерусалимского храма вавилонянами.

41 Ibn al-Atir. al-Kämil. XII, 358f.

42 Летом 1218 года; ср. Runciman, Kreuzzüge, 929, F. Gabriell, Die Kreuzzüge aus arabischer Sicht, 313ff.; Gottschalk. Al-Malik al-Kamil von Egypten (sie!) und seine Zeit, Wiesbaden 1958, 58ff.

43 Ибн аль-Асир, там же, 376. О европейской надежде на то, что монголы уничтожат ислам, ср. Runciman, Kreuzzüge, 1119 und Mayer, Kreuzzüge, 2521

44 Guwaim, Gahän-gusä. I, 81; vgl. ebd., 17.

45 Текст: qanqan; должно быть, подразумевается Угедей.

46 Ibn Katir. Bidäja, XIII, 155f.

47 Guwaini, op.cit., I,117f. Еще Ибн Халдун знал о том, что Тулуб была выделена область, которая простиралась от Хорасана до Ирака и на юге охватывала Фарс, Систан и Синд (aT-Тарі«р, 381); ср. дальше Fol. 51b.

48 Spuler, Die Mongolen in Iran, 175, 275, 388; Rasid ad-Dln/K., 559.

49 Azzawl. Ta rih, I, 222.

ОТРАР

1 Mirhwänd, Raudat as-safä, V, 80.

2 Центральная Азия, 107; Barthold, ZwölfVorlesungen, 121, 155.

3 Эти даты по Rasid ad- Din/k., 335; vgl. Taube, Geheime Geschichte, а также примечание к параграфу 237. По Джелал аль-Карши, правители найманов вызвали нападением на Алмалык гнев Чингисхана, который поддерживал дружеские отношения я князьями этого города. (Barthold,Turkestan - Teksty,135f.).

4 Guwaim, Gahän-gusä, 1, 49, 52ff, Rasid ad-Din/K., 338. Под «Алмалыком» следует понимать сегодняшнюю Алма-Ату, ср. Barthold, Socinenija, IV, 79ff.

5 Rasidad-Dln/K.,338.

6 Nasawl, Slrat Caläl ad-Dm, 46: ср. дыше примечание 3.

7 GuwainT, Gahän-gusä, II, 100; ср. Rasid ad-Din/K., 345 ult. und 346, Zeile 7 ff. l

8 Текст: malbüs wa-mafrüs.

9 Ortaq, ср. Doerfer, Elemente, Nr. 446!

10 О караванном пути ср. Центральную Азию, 171 О положении Отрара ср.также Бабура, «Воспоминания», 908.

11 Так у Джувейни, So ftuwaim, Gahan-gusa,1,61.1 кинтар соответствует примерно 52 кг. (Hinz, Islamische Maße und Gewichte, 26).

12 Там же, 58-62 Rasid ad-Din/K., 342-344; NasawT, Slrat Galäl ad-Din, 85-88; ср. Guwaim, op.at., II, 198!

13 Guwaini, op.cit., I, 66 und 92.

14 Там же, II, 109.

15 Там же, II, 105; Hasasii, в указанном месте, 106 .

16 Hasasii, в указанном месте, 116-119, ан-Назави, должно быть выкупил свое владение (Brockelmann, GAL, SI, 552).

- 17 GuwainT, Gahän-gusä, I, 75.
- 18 Там же; 101,104.
- 19 Там же; 105.
- 20 Там же;140.
- 21 Там же; 128.
- 22 NasawT, Naftat al-masdür,94f.
- 23 Там же, Введение, 79.
- 24 Там же, 93.
- 25 Guwaim, op.cit., II, 269; о военном походе Чормагана см.также Taube, Geheime Geschichte, §§ 260, 270, 274!
- 26 Spuler, Die Mongolen in Iran, 38f.
- 27 Якут посетил эту область в 1218 году и называют это расстояние (Mugam al-buldan, s.v. Damagän).
- 28 Guwaim, op.cit., II, 278.
- 29 Doerfer, Elemente, Nr. 266: «Первоначально взимался лишь по случаю как натуральная повинность. Позже твердые налоги для кочевников и крестьян»; в остальном ср. Allsen, Mongol Imperialism, 144ff.
- 30 Guwaim, op.cit., II, 254; то, что посольства были бичом для населения, узнал уже Угедей, который поэтому и пытался их реформировать.
- 31 Spuler, Die Mongolen in Iran, 308.
- 32 Guwaim. op.cit., II, 238.
- 33 О гигантском росте частных усадеб персидских чиновников, служащих монголам, ср. Lambton, Landlord and Peasant, 96ff.l
- 34 Guwaim, op cit., III, 105.
- 35 Rasid ad-Din/K., 1028f.
- 36 Там же, 1030, строка.
- 37 Там же, 1029 и 1045 очень мелкий; ср. Clavijo, Narrative, III.f.I
- 38 Там же, 1044. Медленный процесс сближения монгольских правителей с культурой управляемых ими стран принес, как установил Х.Франке относительно династии Юань, изменение идеологии монгольского господства: Небо подчинило землю Чингисидам для того, чтобы среди покоренных установить мир – говорят, это было со времен Хубилая (прав. 1260-1294). Эта идея указывает на возрастающую заинтересованность в благополучии завоеванных стран (From Tribal Chieftain 16).

39 Rasiḍ-ad-din/K., 1103.

40 Там же, 71.

41 Подобно этому действовал Мухаммед после победы под Бадром (сура 8, 67); ср. Rasiḍ ad-Din/K., 199.

42 Rasiḍ ad-Din/K., 1106f.; ferner Lambton, Landlord and Peasant, 91; опыт, правда, был менее радостным (там же, 93).

43 Spuler, Die Mongolen in Iran, 320ff. Для Систана попытки восстановления передаются с 1264 года (Tānh-i Sīstān, 404, 406, 408). Громадные разрушения и человеческие потери подтверждаются с другой стороны (отчет о поездке «Constabularius Armeniae» 1248 г. Королю Кипра, Mosheim, Historia, II, 49ff). Их недооценка (Barthold, Uluḡ Beg, 8) неоправданна. Lambton, Landlord and Peasant, 98ff говорит о росте враждебности между крестьянами и правящими, который вызывает снижение продуктивности.

44 Rasiḍ -ad-Din/K., 1086.

45 Там же, 989.

46 Мир идей этой торжествующей формы ислама был давно распространен в некоторых основных чертах; это узнаешь, например, в некоторых чертах, которыми аль-Хаким ат-Тирмиди наделяет уже в IX веке образ святого. Однако к различиям нельзя относиться пренебрежительно (ср. Ниже, 305).

47 Subkl, Tabaqāt, новое издание 1,324; ср. Замечания аль-Умари об упадке правовой науки в Мавераннахре. (Uman/Lech, arab. Text. 36)1

ЧАГАТАЙ

1 Guwaim, Gahan-gusä, 1. 30 vgl. AN Asiq, Ganbnäme. Kapitel 1/9.

2 Создаем почтовой связи и службы связи пытались преодолеть эти трудности (Spuler, Die Mongolen in Iran, 349ff.; Olbricht, Peter: Das Postwesen in China unter der Mongolenherrschaft, Wiesbaden 1954).

3 Центральная Азия, 113.

4 Haenisch, Geheime Geschichte, §§ 99f. und 109f.; Taube, ebd.

5 Там же, § 234.

6 Rasiḍ-ad-din/K., 223; рассказанная здесь история о затруднительных обстоятельствах, при которых Бортэ пришлось

рожать, должна была, очевидно, отвлечь внимание от этих неприятных обстоятельств. О проблемах датирования этого события ср. Pelliot/Hambis, Campagnes, 265f.!

7 Haenisch und Taube, § 254 . О датировании «Geheimen Geschichte» см. Taube, 287f.

8 Haenisch mid Taube , § 280.

9 Там же, Ebd., §§202ff.

10 Там же, Ebd., §279.

11 Там же, Ebd. , §§ 269ff. О датировании Угедей см. Ögödeis s. Taube, 267.

12 Там же, Ebd., §§275ff.

13 Guwaim, Gahän-gusä, I, 29.

14 Vgl. Rasid ad-Dm/K., 541. Характерно, что Джучи, родоначальника Золотой Орды, враждующей с ильханами, здесь обошли молчанием. Угедей, напротив, представлен своим отцом как тот, кто может поручиться за богатство и благополучие. Тулуй – как образец мужского достоинства и воспитания. Ср. ниже 142, 347.

15 Guwaini. op. cit., I, 30.

16 Или 599 h: Rasid ad-Din/K., 292; vgl. Haenisch und Taube. §§ 170-185.

17 О «Haqän» см. Doerfer, Elemente, Nr. 1161.

18 Haenisch und Taube, §§202-229.

19 О Кайалик см. s. Barthold, Ocerk istorii Semirec'ja, 51: может быть, именно Джувеини служил потомкам Тулуя, само собой разумеется – Иран принадлежал им.

20 О юрте см. Doerfer. Elemente. Nr. 1914: «Weidegebiet, Aranage eines Prinzen».

21 GuwainI, Gahän-gusä, I, 31 f.

22 Во время этого собрания князей отец Джувеини был назначен руководителем дивана (там же, ebd., Einleitung, XXIVf, Rasid ad-Dln/K., 605).

23 Совсем кратко: Heissig, Mongolenreiche, 362f., in: Propyläen-Weltgeschichte, Frankfurt 1964, IV.343-372.

24 Guwaini, Gahän-gusä, III, 15-29, vgl. ebd., 3ff.! По NachNatanzi, 71f., Мункэ лично Батгя, который после этого поддерживал его кандидатуру и военными средствами.

25 Rasid-ad-dm/K., 581 f.

26 Guwaim, Gahän-gusä, III, 28.

- 27 Там же, 38.
- 28 Там же, 40-53.
- 29 Теперешний Урумчи (Oliver, *The Chaghatai Mughals*, 79).
- 30 Spuler, *Die Goldene Horde*, 41f.; Jakubowskij, *Timur*, 48. О двусмысленном применении понятий «Синяя Орда» и «Белая Орда» ср. Barthold, *Vorlesungen*, 171 ff.
- 31 Об этом информирует Spuler, *Die Mongolen in Iran*, в отдельных главах, посвященных правителям.
- 32 Heissig, *op.cit.*, 363. (Там Ариг-Буг ошибочно называется потомком Угедея). Известие об этом споре за престолонаследие дошло до Дамаска осенью; Хулагу стал на стону Хубилая, поэтому на него пошел войной Берке, брат Батыя (Abu Sama, *Dail*, 220). По другому источнику, Берке и Хулагу рассорились, правда, из-за вопросов, связанных с данью (Ibn Saddäd bei JOnlm, *Dail mirät az-zamän*, I, 497Ü).
- 33 Rasid-ad-dm/K., 620.
- 34 IA, s. v. Cagatay (Barthold), 268, Aubin, *Qaraunas*, 82.
- 35 Rabld-ad-dm/K., 623.
- 36 Spuler, *Die Mongolen in Iran*. 61.
- 37 Rasid-ad-din/K., 628-632.
- 38 Об «улусе» ср. Doerfer, *Elemente*, Nr. 54: «Все подданные одного правителя, коалиция родовых групп при едином правителе; подданные, однако, превратившиеся в деклассированные элементы (в противоположность понятию «караку»; ср. ниже «Баязид Бистами», прим.7).
- 39 Ср. IA, s. v. Barak Nau; предложенная ранее дата смерти Алуджу подтверждается данными Вассафа: умер в 662 (x) (i 263), а в 663(x) в Узкенте Мубарак-шах взшел на престол (Wassäf, 15, 66f.; Wassäf/H., 22f h 128).
- 40 jakubowskij. *Tiniur*, 49.
- 41 Wassaf. 131f.; Wassäf/H., 126.
- 42 Wassaf, 76f.; Wassäf/H., 134-148.
- 43 Ср. выше 35ff.
- 44 Подразумевается иранская династия монголов: ильханы (ср. выше «Багдад», прим. 30).
- 45 Один пример: Rasid ad-Dm/K., 879.
- 46 I мен = 832 грамма (после реформы мер при Газане).
- 47 Wassäf/H., 134.
- 48 Там же 148ff.; ср. Rasid ad-Din/K., 767.

- 49 Rasid-ad-Din/K., 857f.; о Наврузе см. Spuler, Die Mongolen in Iran, 78ff.
- 50 Ср. выше 37.
- 51 Spuler, op cit., 70 ff.
- 52 Rasid-ad-din/K., 855. Об истории Мавераннахра XIII в. см. также Barhold, Turkestan, Kapitel VI!
- 53 Князь Синей Орды, правил 1267-1280.
- 54 Имеются в виду освоенные области Мавераннахра.
- 55 Rasid-ad-Din/K., 747ff. О троне как «месте счастья» см. Sagaster, Herrschaftsidee und Friedensgedanke bei den Mongolen!
- 56 Wassäf/H., 149, 153.
- 57 Wassäf 452. По Mirhwänd, Raudat as-safä, V, 218 Хайду умер в раджабе 702 (начался 19.02.1303).
- 58 Текст: sajin ejen; имеется в виду Хулагу (ср. Вассаф, 506, строка 4-я снизу).
- 59 Текст: agacp. Doefer, Elemente, Nr. 211.
- 60 Wassäf 454 Датирование упоминемого здесь сбрания князей 1231 годом ложно; оно состоялось только в 1235 году. (Weiers, Die Mongolen, 195; Vgl. Abra-mowsky, Die chinesischen Annalen, 131 f.f.; s[^]ech Aan 1263 r.).
- 61 Ср. выше 48.
- 62 Wassäf, 455.
- 63 Талеган относится к району Балха (Krawulsky, Horäsän zur Timuridenzeit, 11, 507); Местность Тайхан, которая расположена между Балхом и Бадахшаном, см. Жазди, I, 63; после этого следует Хисар С-бан, не установлен; Саксин был расположен предположительно в устье Волги (IA, s.v. Saksim); «Ganges», в тексте стоит q-n-g-j; здесь следует T t-r-s-w (?). Ср., впрочем, Spuler, Goldene Horde, 274.
- 64 Wassäf, 476f.
- 65 Spuler. Die Mongolen in Iran, 251 f.
- 66 Краткое описание восхождения Чингисхана со ссылками на остальную литературу дает Н.-Р. Каемпфе, Cinggis Khan, in Weiers, Die Mongolen, 183-191.
- 67 В подобном положении находилась зарождающаяся исламская империя во времена правления халифа Утмана (прав. 644-656). Правда, там так силен был религиозный момент, что Утмана, возможно, упрекали в nepотизме и неуважении принципов, освященных верой.

68 Ср. Выше 33. Ученого-хадита могло занести во времена монголов в Пекин (Ibn Nagar, Durar, II, 446, Nr. 2334). Об обмене товарами как действию благотворительных обществ ср.напр.: В. А. Gehlen, *Urmensch und Spätkultur*, 46.

69 Wassäf, 271 ff.. Rasid ad-Din/К., 835f., и приведенная там литература. Если я правильно понимаю данные Вассафа (506, строка 15), то эта сделка была намечена не кассами для компенсации, созданными в Китае с этой целью, так как эти кассы пользовались дурной славой за их мошенничество (Franke, *Geld und Wirtschaft*, 41f. und 59).

70 Wassäf, 505f . О коммерческих поездках на джонке сообщает также Ibn Battu-ta, *Voyages*. IV; один купец, проживавший в Алеппо (ум. 1313), поехал в Китай и приобрел продажей шелка большое богатство (Ibn Nagar, Durar. II, 493. Nr. 2450; ebd., IV, 16, Nr. 3853).

71 Ср. Выше 42.

72 UmarT/Lech, arab. Text, 39f.

73 Spuler, *Die Mongolen in Iran*, 335 ff.

74 Umarl/Lech, арабский текст,41.

75 Там же, 61; шариат позволяет это только в экстренных случаях.

76 Oliver, *The Chaghatay Mughals*, 105f., Spuler, *Die Mongolen in Iran*, 97ff.

77 Barthold, *UliigBeg*, 14f., ср. Spuler, *op.cit.*,98; для многих районов империи ильханов доказано дробление на тюмени (Spuler, *op.cit.*, 333, Anm. 3l). Ср. Fedorov-Davidov, *Stroj*, 1221.

78 Ср.данные у Barthold. *Ulug Beg*, 11.

79 Jakubowskij, аналогичное развитие к более прочному структурированию государственного устройства на территории Золотой Орды приводит Fedorov-Davydov, *Stroj*, HOff. an.

80 UmarT/Lech, arab. Text, 49. , арабский текст.

81 Там же, 41.

82 Ibn Battüta/G., III, 560ff.; Aubin, *Qagatai et le Khorassan*, 22.

83 Oliver, ' *op.cit.*, 106 ff.

84 Ibn Battüta/G., III. 562 ff.

85 Oliver, *op.cit.*, 117.

86 Эти события, а также хронология последующих чагатайских марионеточных узурпаторов нашли отражение у Price, *Chronological Retrospect*, III, 5ff. Vgl. Jazdi, I, 21 und Mirhwand, *Raudat as-*

safä, VI, 6f.l

87 Mirhwand, op. cit., 7; одна из непонятных в тогдашнем исламском мире мер узурпаторов для получения видимости законности (ср. Schregle, Die Sultanin von Ägypten, Wiesbaden 1961); о роде Караунас см. сочинения Аубин!

88 Häfiz-i Abrü/T., 9.

89 Mirhwänd, op. cit., 7.

90 Häfiz-i Abrü/T., 10.

91 Там же. Вероятно, этот поход не был направлен против султана Дели, Мухаммеда Туглака; может быть, речь шла даже о его поддержке (см. Jackson, The Mongols and the Delhi Sultanate, 151).

92 Jazdi, I, 24-28. vgl. Aubin, Cagatai et le Khorassan, 31 ff.

93 Mirhwand, op.cit., 8.

94 Описание расположения этого места у bei Barlhold, Turkestan, 69.

95 Там же, 428; ср. Жазди I, 29.

96 Häfiz-i Abrü/T., 10; то же самое рассказывается о Тимуриде Шахрухе (ум. 1447) (Там же, 132).

97 Säml/T., 14.

98 Häfiz-i Abrü/T., 11. Смерть Казагана здесь датирована годом 760 (x) (начался 3.12.1358); таким образом, должно быть, она наступила летом 1359 г.

99 Бартольд, Улугбек, русский текст в сочинениях II/2, 34.

100 Säml/T., 27.

101 Häfiz-i Abbrü/T., Hf.; Jazdi, 1,30ff. Vgl. Price, Chronological Retrospect, III, 7ff.

БАЯЗИД БИСТАМИ

1 Abu Nuaim, Hilja, X, 38-40 типология чудес исламских святых, остфвляющая без внимания историческое развитие: Grämlich, R.: Die Wunder der Freunde Gottes. Wiesbaden 1987.

2 Ср. выше 57.

3 Ibn Taimija, Maglnii'at al-fatawi al-kubra, IV, 286f

4 Rasid-ad-dm/K., 788.

5 Подробно у Вассафа, 110-18; Wassaf/H., 215ff.; Spuler. Die Mongolen in Iran, 69f.

6 Rasid-ad-Din/K., 960.

7 Qaracu, s. Doerfer, Elemente, Nr. 274: «Человек из простого народа, нечингизид». Ср. Выше 53.

8 Rasid-ad-Din/K., 88 f.

9 Там же, 896.

10 Там же, 901, правая колонка.

11 Старий эмир Навруз, который убедил Газана принять ислам, немного позднее был казнен, так как полагали, что его уличили в государственной измене из-за отношений с Каиром (Spuler, Die Mongolen in Iran, 82).

12 Rasid-ad-Din/K., 941.

13 Nagel, Staat und Glaubensgemeinschaft, II, 77ff und ders. В начале мамлюкского султаната ввиду исторических обстоятельств был снова затронут вопрос о законности фактической власти (Madelung, A Treatise on the Imamate dedicated to the Sultan Baybars. Vortrag, gehalten aufdem KongreC der UEAI m Budapest 1988).

14 Rasid-ad-dln/K., 984 f. Чингисхан, возможно, презирал мусульман, потому что они убили потомков Пророка (Qasani Tarih Ulgaitu 90f), ср. ниже 333.

15 В Китае Юаней наблюдался процесс привития истолкований Чингисхана к буддийской Чакраварте. Таким образом, там тоже включали идею монгольского генеалогического узаконивания в чужое, высокорелигиозное предание (Franke, From Tribal Chieftain, 54 ff).

16 Nagel Festung des Glaubens, 363f. Ханафиты, школа которых постоянно доминировала на Востоке, видимо, не могли забыть, что именно шафиит Рашид-ад-дин, суфий и ученый-правовед, обратил в ислам Газан-хана (Ibn Hagar, Durar, I, 69f, Nr. 181).

17 Qasani, op. cit., 96-99; vgl. ebd., 124, 131. Впрочем, после смерти ильхана Аргуна в 1291 году монголы сами убили многих евреев, потому что они подозревали его визиря, еврея Сад-ад-Даулу, в том, что он отравил правителя (Ibn Katir Bidaja, XIII, 324; данные о погромах в Ширазе, Багдаде и так далее, связанных с убийством, находим у Вассафа, 245). Означении грозы в монгольской народной религии ср. Die Mongolen in Iran, 144. Благодаря другому чуду Олджайту якобы отговорили от его плана принудительной шиитизации своей страны (Azzawi, Tarih, I, 408).

18 Qasani, op. cit., 95; vfl Hafiz-i Abru Dail 48 ff. und Azzawi, Tanh, I, 407 ff. und 419 ff.

- 19 Там же, 101; ср. Halm Shia, 85ff.
- 20 Qasani, 132. Действительно ли так разыгрывалось это неприятное дело? Кашани, сочинитель, от всего сердца ненавидел Рашид-ад-дина, потому что считал, что тот обманул его. Рашид-ад-дин приписал себе большой исторический труд, который написал он, Кашани; Рашид-ад-дин остался должен обещанную выше плату.
- 21 Ср. выше³⁹.
- 22 См. выше 54.
- 23 Qasani, 16 сура 12,31; ср. ниже 293.
- 24 Qasani, 235ff; ср. Franke, From Tribal Chieftain, 40f. Газан интересовался ясновидящими из других стран, например, одним багдадским ханбалитом, котрый прославился своими трудами для толкования снов; Газан проверил в Багдаде его умение (Ibn Hagar, Durar, III, 90, Nr. 2675).
- 25 Qasani, 19 (sahib-giran).
- 26 Там же, 236; ср. Вассаф, на страницах 357-369, описанные последствия союза Марса и Сатурна 9.04.1299 г.
- 27 Qasani, 48.
- 28 Franke, From Tribal Chieftain 37.
- 29 Mirwand, Raudat as-safa, V, 205.
- 30 Qasani, 48.
- 31 Ibn Hagar, Durar, III, 202L, Nr. 2915; vgl. III, 257f., 3047!
- 32 Шафиит Низам-ад-дин Абд аль-Малик писал для него катехизис (Кашани, 103,116). Совсем другой вопрос, на который ответить еще труднее, это объединения кочевников, вторгшихся в Иран после исламизации. Можно предположить, что унаследованные религиозные представления еще упорнее сохранялись у них и что они, скорее всего, приняли популярный ислам, сильно отмеченный культом святых
- 33 Qasani, 49; Ritter, Die Aussproche des Bayezid Bistami, 231.
- 34 В изречениях Баязид не использует это событие, а только ссылается на то, что подобное утверждение годится для того, чтобы вводить людей в заблуждение (см. выше 70).
- 35 Sarrag, Kitab al-llama. 380.
- 36 Там же, 382; Abdel-Kader.Junayd, jlt.
- 37 Nagel. Rechtleitung und Kalifat. 184ff.
- 38 Hugwin/N.,238ff.
- 39 Там же, 239.

40 Nicholson, *An Early Version of the Miraj of Abu Yazid al-Bistami*, in: *Islamica* 111/1926, 402-4 If f.

41 Hugwiri/N.; суфизм монгольского периода оказывается под влиянием идей аль-Хаким ат-Тирмиди (IX век). Он утверждал, что есть несколько сятых (друзей Бога), которым Бог сам сказал свои слова. Ат-Тирмиди стали подозревать – впрочем несправедливо – в том, что он ставил святых над пророками. Если ат-Тирмиди в свое время, может быть, был индивидуалистом, то он полностью поддерживает традицию раннего суфизма, поскольку строгое обуздание страстной души для него – это необходимое условие для состояния святого (Radtke, *Al-Hakim at-Tirmidi*, 92, 95). Понятие «доказательство (Бога)» находят уже у ат-Тирмиди. Оно самое совершенное среди «друзей Бога». Но это еще не «доказательство» Бога в отношении всего творения, а только в отношении святых. (Tirmidi, *Hatm*, 344).

42 Это показывает лексикон ученых, в котором именно эти слои поставили себе памятник. В нем примерно с XIII столетия выдающиеся представители военной элиты, принадлежащие к другим ррдам, тоже учитывались по мере того, как – например, в империи мамлюков – эти слои попадали в зависимость от нее.

43 Ср. напр., Dermenghem, *Le culte des saints dans l'Islam Maghrebin*, Paris 1954.

44 Attar, *Tadkira*, I, 161.

45 Там же, 163.

46 Haenisch und Taube. § 204.

47 Там же, §244.

48 Ср. M. Eliade. *Schamanismus*, 179.192.

49 Hoffmann, *Die Religionen Tibets*, 132ff., Sagaster, *Herrschaftsideologie*, 227%., ders., *Die Weiße Geschichte*. 33ff; Franke, *From Tribal Chieftain*, 58ff..

50 Mirhwand, V, 136.

51 Там же, 218. Подобное сообщается о Тохтае (прав. 1289-1312), правителе Синей Орды (Ihn Nagar, *Durar*, II, 327, Nr. 2044). Шаманов, сопровождающих монгольских правителей, мусульмане называли «колдунами» (sahara) (ср. Junini. *Bail*, I, 497f) и придавали этому понятию, как учит сообщение об Абу Якуб ас-Саккаки, привычное им значение.

52 IA, s. v. Tekuder; junini, *Dail*. IV. 215; далее. Один из религиозных приемных отцов Текюдера, согласно статье в JA, уже

носит титул «ишан». Может быть, эти данные анахронизм (ср. Schimmel, *Mystical Dimension*, 365 h EP, s. v. Ishan).

- 53 Meier, *Die Fawa' ih al-gamal*, Einführung, 53 ff
- 54 Richard, *La conversion de Berke*, in: REI XXXV/1967, 173-184.
- 55 EP, s. v. Kukri; Meier, *Fawaih*, Einleitung 42f.
- 56 Meier, *Die Fawa' ih al-gamal*, арабский текст, 18.
- 57 Там же, Введение, 97; ср. Там же ниже 365.
- 58 Razi, *Tafsir XXI* 91 (комментарии к суре 18, 12).
- 59 Там же, 93-97; ср. 85.
- 60 Там же, 95; ср. Там же, XX, 146 (комментарии к суре 17, 1).

Абд аль-Карим аль-Кушайри, один из авторитетов трезвого суфизма, часто цитируемый ар-Раджи, в одной статье о небесном путешествии Пророка допускает, что суфию может сниться его уход в небо; в состоянии между сном и бодрствованием тоже мог бы встретиться подобный опыт (Qusairi, *Kitab al-mirag*, ed. Ali Hasan Abd al-Qadir, Kairo 1964, 75f.). В 1200 году, как писал ар-Раджи, речь шла все же не об этом, а о нацеленном чудотворном влиянии в подлунном мире, как откровенно высказывается Кубра в только что процитированном отрывке.

- 61 IbnTaimija, *Magmuat ar-rasail*, I, 151.
- 62 Там же, 140.
- 63 Там же, 140.
- 64 IbnTaimija, *Magmuat ar-rasail*, I, 134.
- 65 Там же, 143.
- 66 Там же, 140.
- 67 Там же, 154.
- 68 Там же, 149. Ср. по этой тематике также Ibn Taimila.al

Furqan.

- 69 Ср. Ibn Katir, *Bidaja*, XIII. 298.
- 70 IbnTaimija, *Magmuat ar-rasail*, I, 142.
- 71 Safadi, *al-Wafi*, X, 360L, Nr. 4855; Ibn Hagar, *Durar*, II, 300 Nr.

1965.

- 72 IbnTaimija, *Magmuat ar-rasail*, I, 135.
- 73 Ibn Katir, *Bidaja*, XIV, 36, Zeile nil.
- 74 IbnTaimija. op.cit. 141. Zeile 8ff.
- 75 Таким образом, например, кадий и учитель-историограф

Ибн аль-Варди (ум. 1349) должен был сбрить красивую бороду, которая закрывала всю грудь (Аби 1-Fida, *Миълазаг*, IV. 214). Сбрить себе бороду

означало погрешить против Пророка. Дервиши, которые это делали, приобретали репутацию тех, кто ввел «неприемлемые новшества» (Idris b. Baidakin at-Turkumani, al-Luma, 191).

76 Ibn Hagar, Durar, V. 69. Nr.4692; ср. также примеры в Azzawi.Tarih, 1,238 und 462.

77 Ibn Katir. Bidija, XIV, 274.

ВТОРАЯ КНИГА. МАХАН

1 Hätifi, TimQr-näme, 15 ult.-16, Zeile 18.

2 Natanzi, 119.

3 Sämi/T., 19f. Hafiz-i Abru/T., 15; датирование ср.Jazdi, I, 47ff.

4 Jazdi, 1,50.

5 Hafiz-i Abrü/T., 16, Zeile 8; Natami, 212.

6 Natami, 212.

7 Sämi/T., 20.

8 Jazdi, 1,80.

9 Ср. Выше 68.

10 Али Бек принадлежал к роду Джаюн Курбан, произошедшему от потомков тех, кого ильхан Газан выделил в качестве «заглаживания вины» сыну эмира Навруза, убитому в 1297 году в результате интриг (Spuler, Die Mongolen in Iran. 82). Этот сын к тому же получил область, присужденную Конге Калатом Natanzi, 154), расположенную приблизительно в 200 км западнее Герата. Когда Тимур захватил Хорасан, он переселил Али Бека и его род на Восток. (Häfiz-i Abrü/T., 4.9; ср. также ниже 161). Об Али Беке и его брате Мухаммеде см. Smith, Sarbadar 125.

11 Jazdi, I. 52.

12 Natanzi, 121; Sämi/T., 21.

13 Hwandamir, Nabib, III, (В 699 г. выдача эмира Навруза ильханам), 378 (в 727 г. убийство эмира Кобана).

14 См. выше 67.

15 О датировании см. Fasih al-HwäfT, Mugmal, IV, 91. 16. см. Выше 67; Jazdi, I, 29.

17 Häfiz-i Abrü/T., 16f.

18 Ср. Jazdi, 1, 67 возможно, там была родина Тимура; родился он по Tagribir-di, al-Manhal в одном местечке под названием

Ходжа Абаджа, относящемся к Кешу, расположенному на расстоянии одного дня пути от Самарканда.

19 Ibn Arabsah, 44.

20 Sämi/T., 21. Jazdi, 1,54.

21 Там же, 53.

22 Aubin, Qaraunas, 70, 73 ff

23 Spuler, Die Mongolen in Iran, 62, 131 f., 335' Aubin, Qaraunas, 73 ff., 83.

24 Его имя было Изз ад-дин (ср. Bosworth, Dynasties, 104), а не Кутб ад-дин, как ошибочно полагает Натанзи, 122; речь идет о том, что его перепутали с правителем Систана, которого Тимур одолел 20 годами позже (ср. Natanzi, 320ff).

25 Sämi/T., 22; Jardi I, 55-57".

26 Natanzi, 123; Ibn Haldun. Tarif, 382ff; Ibn Arabsah, 49.

27 См. выше 26.

28 Год рождения Тимура ср. ниже 175.

29 Это датирование у Fasih al-Hwafi, Mugmal, IV, 90.

30 Natanzi, 263. Zu Haggi mid Bayan Sulduss. Ando. Emire, 75 und 115.

31 «Мулюк ат-Таваиф»; об использовании этого понятия в старой исламской историографии см. Nagel, Staat und Glaubensgemeinschaft, I, 283f. Дальше ср. также Ando, Emire, Teil B/H.

32 В советское время назывался Ленинабад

33 Zambaur, Manuel 250.

34 Spuler, Die Mongolen in Iran, 101; ср. Выше см далее Hafiz-i Abru. Dail, 63 ff, 91 ff, h 259,. Ясавурияне в преследовании своих целей связывались с ильханом Абу Саидом (прав. 1317-1335) (Hafiz-i Abru Dail, 80ff); ср. Manz, Rise, 164f.l

35 В старых источниках большей частью называется Кеш.

36 Jazdi, I, 32: Muhammad.

37 См. выше 66.

38 Natanzi, 204.; для обозначения понятия Караунас ср. Barthold, Vorlesungen, 215, но прежде всех Aubin, Qaraunas. und Ando. Emire, 5255., его предположение о том, что когда известные родовые князья после 1350 года командовали соединениями Караунас, то речь шла в отношении последних о родовом союзе, не является вынужденным. Если можно верить Арабшаху (47), у того султана, выходца из рода Караунас, было по одному визирю из значительных

четырёх южночагатаевских княжеских родов; этим он продемонстрировал свою волю образовать власть, стоящую над ними (ср. ниже 104).

39 Natanzi, 117, 204; Sämi/T., 15; Häfiz-i Abrü/T., 12; Jazdi, I, 32; Hwandamir, Habib, III, 398; ср. Taiose Barthold, Vorlesungen, 218f. n Manz, Rise, 27f und dies., The Ulus Chaghatay, 83 ff.

40 Barthold, Vorlesungen, 215; Clavljo, Narrative, 122.

41 Natanzi, 205; Sämi/T., 15.

42 Sämi/T., 16; Häfiz-i Abrü/T., 12.

43 Jazdi, 1,35.

44 Häfiz-iAbrü/T., 12f.

45 Sämi/T., 16; Jazdi, I, 36, Häfiz-i Abrü/T., 13.

46 Jazdi, I, 37ff.; Häfiz-i Abrü/T., 13.

47 Jazdi, I, 38f.

48 Ebd., 40-42; Häfiz-i Abrü/T., 13f.

49 Jazdi, I, 43.

50 Там же, 44.

51 Natanzi, 210; Sämi/T., 18f, Jazdi, I, 45-47.

52 Sämi/T., 25; Jazdi, 165 f.

53 Ср., например, Natanzi 217.

54 Jazdi, I, 67.

55 Там же, 68, строка Ebd., 68, Zone 2: R-s-m-s; Jazdi, /U., 1021: Sarns; Sämi/T., 25 ult.: R-z-maz.

56 Об этом хадисе см. Ibn Hanbai, Musnad, IV, 10; Darimi, Sunan, ru'ja, Nr. 2; сон «парит» над сновидцем, и когда тот о нем рассказывает, то он сбывается (Darimi, ebd., Nr. 11; Ibn Hanbai, a.a.O.).

57 Сура 38, 26.

58 Мухаммед, вероятно, после того как увидел сон, отправился в 628 году в паломничество в Мекку, по отношению к которой тогда он был настроен враждебно. Это мероприятие окончилось у Худайбия, которое создало — вопреки намерению жителей Мекки — предпосылки для овладения городом Пророком в 630 году.

59 Jazdi, I, 681., vgl. Sämi/T., 26 mid Natanzi, 220.

60 Jazdi, 1,67.

61 Там же, 71, Natanzi, not.

62 Jazdi, 72.

63 Natanzi, 129.

- 64 Jazdi, 1,73 ult.
65 Natanzi, 129.
66 Там же, 222. KaKy Sämi/T., 27, Taicny Natanzi, 221 и 222 съезд князей бы л ошибочно перенесен на 761 год (начался 23.11.1359). Jazdi, I, 72, Zeile 6 h Fasih al-Hwäfi, Mugmal, IV, приводят год 765, что соответствует течению событий. Только к 765 году подходят также данные о «годе дракона» Sami/T. , 28 относит дату следующего нападения монголов на «год змеи» , под чем, возможно, подразумевается 766 год — еще одна причина для датирования, которое я предпочитаю).
- 67 Sämi/T., 271 Jazdi, I, 75f.
68 Jazdi, I, 82. ср. ниже 338. см. Tafotce Sämi/T., 28, Zeile 6.
69 Jazdi, I, 78 О «дождевом камне» см. Doerfer, Elemente, nz.
157. Влияние дождя на кольчугу описывает также 853, Zeile.
70 Häfiz-i Abrü/T., 21.
71 Sämi/T., 28-31. Jazdi, 1,77-85.
72 SämT/T., 32, 1,86.
73 Sämi/T., 33.
74 Jazdi, I, 90; ср. Там же, 119 ниже.
75 Там же, 91.
76 Jazdi, I, 91 («год собаки»), вероятно, ошибка. «Год собаки» приходится на 1370 год. Я читаю at yil («Год лошади»). Добавленному здесь датированию начала магометанского летосчисления 777 год тоже, возможно, не соответствует. Может быть, приведенный в примечании текст калькуттского издания «767 (x)» (оканчивается 6.9.1366), правильный. Тогда нужно было бы подумать о конце лета 1366 года.
- 77 Jazdi, I, 94f., Sami/T., 361.
78 Jazdi, I, 95; ср. Там же, 52.
79 Там же, 96.
80 Там же, 98; Sämi/T., 38f; ср. Ibn-Arabsah. 51 f!
81 Sämi/T., 38-41; Häfiz-i Abrü/T., переносит это событие на конец 767 года, то есть на конец лета 1366 года.
82 Jazdi, I, 119f.
83 SämT/T., 471 Jazdi, I, 121.
84 SämT/T., 48; Jazdj. I, 122.
85 Sämi/T., 491, Jazdi, I, 125f.
86 Jazdi, I, 126; ср. SämT/T., 49 und Häfiz-i Abrü/T., 25.

87 Jazdi, I 131, Внутри крепости находилось кладбище с могилами многочисленных святых (Jazdi/U., Fol. 351a).

88 Jazdi, I, 132.

89 SämI/'T., 53 hhjkc. Jazdi, I, 135.

90 SämT/T., 55f.; Jazdi, I, 137ff.

91 Jazdi, I, 142.

92 SämT/T., 57.

93 По исламскому представлению первая сура, которая носит характер молитвы, охватывает все содержание откровения, которое изложено в остальных частях Корана. Следующая цитата взята из суры 33, 35.

94 Jazdi, I, 146.

95 SämT/T., I 55 BHioy.

96 Häfiz-i Abrü/T., 27.

97 Jazdi, I, 149f.

98 Джелал-ад-дин Руми (1207-1273), может быть, самый значительный поэт суфизма, обработал в своих произведениях многочисленные притчи и Истории, которые таким образом стали известны.

99 Сура 7, 34 itra 16, 61.

100 Jazdi, I 152f.; vgl. Natanzi. 274 und Sämi/T., 59.

101 SämT/T., 60 Jazdi, I, 154.

102 Jazdi, I, 155. .

103 Ср.: сура 2, 2461

104 В исламской теории государства калиф, преемник посланника Бога, должен утверждать фактических властителей, султанов (Nagel. Staat und Glaubensgemeinschaft, I., 345ff); в идеальном случае калиф должен был происходить из рода Мухаммеда, Курейш. Роль халифа здесь берет на себя хан чингисидского происхождения; он утверждает подлинного властителя Тимура.

105 Sämi/T., 57f.

106 См. выше 67.

107 SämT/T., 57., Zeile 5.

108 Jazdi, I, 157f.

109 См. Выше 47. Но Jazdi, I, 161f.

111 Ibn Arabsah, 481, чтобы связать, ср. ниже 412.

112 Коран предсказывает, что в день Страшного суда все люди, сплотившись вокруг своих теперешних пророков, предстанут

перед Божьим судом (сура 17, 71).

113 Выбор животных только ради рифмы.

114 Ibn Arabsah. 481-486. О методах мобилизации населения информирует Allsen, *Mongol Imperialism*, 116ff. О положении ученых — ср. ниже 370.

115 SämT/T., 249, 272ff.; Jazdi, II, 351.

116 Ibn Arabsah, 481.

117 Nagel, *Staat und Glaubensgemeinschaft*, I, 45ff.

118 Ср., например, Rasid ad-Din/K., 864 справа; Manz. *Rise*. 83-106!

119 См. выше 41.

120 Ibn Arabsah 475.

121 Sämi/T., 69.

122 Там же, 42.

123 Guwaini, *Gahan-gusa*, I, 24.

124 Ibn Battuta/G..11343.

125 Häfiz-i Abrü/T., 38.

126 SämT/T., 95, ниже.

127 Там же, 174.

128 Ср. замечание у Maqrizi, *Suluk*. III, 1042.

129 См. ниже 331.

130 Ibn Arabsah, 479.

131 SämT/T., 129 ниже; ср. выше 26.

132 Jazdi, I, 82f.

133 Там же, 89.

134 EP, s. v. Djalair.

135 Natanzi, 197; ср. в этой главе, примечание 10! Далее негудерьяны, Spuler. *Die Mongolen in Iran* 62. см. Taioice Manz. *Rise* 27L: Такими старыми родами были Арлат, Барлас, Джелаир и Зюлдус.

136 См. выше; ср. Rasidad-Dm/K., 305 Выше Ibn Hagar, *Durar*, II, 13, Nr. 1295.

137 Ibn Arabsah, 481.

138 Там же; ср. также, что пишет Ибн Арабшах в 320 году об анатолийских татарах, которые привели с собой особенно много «ученых»! Краткое описание кочевого образа жизни дает также Clavijo, *Narrative*. 112.

139 Rasidad-Dm/K., 208.

140 Häfiz-i Abrü/T., 10 внизу; ср. Doerfer, *Elemente*, Nr. 468.

- 141 Sämi/T., 22, Zeile 18ff.
142 Ibn Arabsah, 336.
143 IbnTagribirdl, al-Manhal, I, Pol. 135b.
144 Ibn Arabsah, 39-46.
145 Pis-kaskard: SämT/T., 21 Zeile 5.
146 Jazdi, I, 58.
147 Там же, 62; ср. Там же, 66.
148 Guwaini, Gahan-gusa, I, см. Там же, 95f.
149 Jazdi, I, 63; ср. далее зависимость Тимура от эмира Хусейна в войне против Моголистана в 765 году (Jazdi, 1,72,77f SämT/T., 33); см. также Deerfur, Ekmente, K? 674 Тимур поручает своему сыну Джахангиру авангард после его бракосочетания (Jazdi, 1,189 und 196).
150 Jazdi, I,66 внизу.
151 Там же, 92.
152 Aziz, Bazm, 265 это против мужского достоинства — вести войну с зятем. То, что эмир Хусейн отдал в жены Тимуру свою сестру, только когда тот добился первой победы над Ходжа Ильясом (Natanzi 198), противоречит всем другим источникам.
153 Ibn Arabsah, 44, vgl. Ibn Tagribirdi. al-Manhal. I. Pol. 415b.
154 Doerfer, Elemente, Nr. 22 (Bd. I, 135).
155 Sämi/T., 45.
156 Там же, 16.
157 Vgl. Jazdi, I, 43f.
158 Ср. Hafiz-i Abru/T.,1 Далее пример у Natanzi, 77.
159 Rasid ad-Dm/K., 885 справа; ср. там же, 897, 903, 1076!
160 SämT/T., 18.
161 Natanzi, 125und227f.
162 См. выше (тиран Газан).
163 Natami, 127f, Hafiz-i Abru/T., 19f, Jazdi, 1,84.
164 Aziz, Bazm, 316.
165 Natanzi, 231 Hafiz-i Abru/T., 22; Jazdi. 1,86.
166 Natanzi, 227,23tf; Jazdi, I, 84. Натанзи, Хафиз и-Абру и Жазди называют предводителями городской милиции Сарбадарьянов и связывают с названием династии Сарбадарьяны, существующей в Северном Хорасане во время этих событий. Они вышли в конце времен ильханов из движения сельского и городского населения, которое занималось нападением на поддерживающий государство слой кочевников (Smith, Sarbadar Dynasty 106 ff). Ср. далее Bartol'd, Socinenija,

П12, 362ff. О медленном восстановлении городов ср. так же у Федорова-Давыдова Г.А., «Строй», 82-108.

ИРАН

1 Сказочная лошадь Рустама, героя иранского национального эпоса.

2 Образ из иранского национального эпоса.

3 В иранском национальном эпосе Александр воевал против Дария.

4 Hätîß, Timnr-näme, 47. Zeile 2, zweiter Halbvers, bis Zeile 5; 48, Zeile 2-6.

5 См. Выше 112; ср. Manz, Rise, 511

6 Natanzi, 292, 409; по Жазди, I, 164 речь идет даже о Тиленси и его отце Байрамшейхе.

7 Natanzi, 292-295. Säml/T., 62f.

8 Jazdi, I, 157; Hafiz-i Abru/T; 29.

9 Natanzi, 294, 410.

10 Там же, 114, 125.

11 Там же, 6, 297.

12 Jazdi, I, 171.

13 Там же, 169 («год свиньи», 772 г.).

14 Natanzi, 296.

15 Jazdi, I, 168f.

16 Jäqüt, Buldan, CM. Zurnuq.

17 Natanzi, 299, 411; Sami/T., ср., впрочем, Manz, The Ulus Chaghatay, 96ff!

18 Nagel, Pestling des Glaubens, 338f.

19 Ders., Staat und Glaubensgemeinschaft, I, 215.

20 Hwandamir, Habib, III 384; вместо «tasdiq», для аль-Хвафи истинной верой был «taslim»; о «tasdiq» ср. Wensinck, Muslim Creed, 194. Ср. далее Hwandamir, iaM »е, 388 (шиитизация Сарбадарьянов; ханафитский указ, вероятно, обязывал Картидов бороться с шиитами).

21 Nagel, Rechtleitung und Kalifat, 184ff., ders., Staat und Glaubensgemeinschaft, I, 1971 ср. Выше 133, mrae 370.

22 Hwindamir, a.a.O., 385.

23 Там же, 220. Mazzaoui, Michel: The Origins of the Safawids, Wiesbaden 1972, 57: über die Ausbreitung des Ordens zur Zeit Abu Sa'id's.

- 24 Smith, Sarbadar Dynasty, 95-114.
- 25 Там же, 104.
- 26 См. выше, 133.
- 27 Тимур, конечно, не думал о том, чтобы официально проводить шиитскую политику, которая сводилась в конце концов к признанию незаконности власти Чингисхана; по собственному пониманию, они были назначены Богом — отражение этого представления еще также было у Тимура (ср. Manz, Sumbolism of Sovereignty, 117).
- 28 Mirhwand, Raudat as-safa, VI, 8.
- 29 Häfiz-i Abrü/T., 32.
- 30 Natanzi, 300f., 412, 427 SämT/T., 65; Häfiz-i Abrü/T., 31 f. Jazdi, 1 173f. Об обычае Чингисхана участвовать в далеких мероприятиях контингентов войск всех сыновей, ср. Aubin, Oaraunas. 70; см. также Jazdi/U., Pol. 49 b h 57 a.
- 31 Guwaini, Cahan-gusa. I, 96ff.
- 32 Natanzi, 209ff.
- 33 Там же, 247.
- 34 Там же, 248.
- 35 Jazdi, I, 179.
- 36 Узбек после смерти Абу Сайда был втянут в 1335 году в бои ильханов за преемственность и при этом проводил военные операции из Хорезма (Spuler, Die Goldene Horde, 95f.).
- 37 Jazdi, I, 180f
- 38 Там же, 181; ср. далее Natanzi, 303, 412; Sämi/T., 65-67; Hafiz-i Abrü/T., 32-34.
- 39 Узбек после смерти Абу Сайда был втянут в 1335 году в бои ильханов за преемственность и при этом проводил военные операции из Хорезма (Widengren, Die Religionen Irans. 153), так как необходимое для всех королевское благополучие нельзя ставить на карту.
- 40 Арабское mahd прозвище для княжеских жен; mahd-i ulja (самая высокая люлька), прозвище для главной жены правителя.
- 41 Кайдафа, в сказании об Александре в «Шахнаме» правительница Андалузии.
- 42 Jazdi, I. 185.
- 43 SämT/T., 68; Hafiz-i Abrü/T., 34f., Jazdi, I, 182-188.
- 44 Поэтому и частое сравнение оживающей весной земли с

приближающимся войском.

45 Natanzi, 125 ему присуще достоинство Амир аль-Умара

46 Sämi/T., 69f.; Jazdi, 1,188-192.

47 Häfiz-i AbrQ/T., 351 Jazdi, I, 1931 о смерти Мухаммеда
Зюлдуса ср. также Sämi/T., 71, Zeile 51.

48 SämT/T., 71.

49 Jazdi, I, 195.

50 Там же, 196. Наместник Андижана, назначенный
Тимуром, поддержал Адил-шаха. Спустя два года Джелаиры снова были
объединены при Сарибодже (Manz, Rise, 158). Крепость Андижан в
1275году была основана Хайду иТувой (Babur, Erinnerungen. 910).

51 Сура 78, 9.

52 Jazdi, I, 198f.

53 Там же, 200-204.

54 Häfiz-i Abru/T., 18.

55 См. Выше 67.

56 Häfiz-i Abrü/T., Dail, 155.

57 Häfiz-i Abrü/T., 37.

58 Там же, 40.

59 См. следующую главу!

60 Jazdi, 1,214.

61 См. Выше 145.

62 См. Выше 150.

63 SämT/T., 80; Jazdi, I, 216fi.

64 См. Выше. Еще один подобный случай произошел в конце
1383 года в Систане (Jazdi, I, 268).

65 В современных странах демократического или
диктаторского толка вернулись к этому виду варварства именно для
того, чтобы в достаточной степени мобилизовать массы.

66 Jazdi, I, 218.

67 Намек на суру Иосифа.

68 Natanzi, 304-306; SämT/T., Säml/T., 80f.; Jazdi, 220f.

69 Natanzi, 304-306; Säml/T., Säml/T., 80f.; Jazdi, 220f.

70 Jazdi, I, 215; Faraid-iGijati, Fol. 47bf, 58 bf., 197b; дата
возвышения до султана: Aubin, Cağatay et le Khorassan. И для
Музаффаридов, которые хотели из Шираза навести порядок в Иране,
из-за чего и начался конфликт с Картидами, анархия после Абу Саида
была оправданием для их действий (Muin ad-DinJazdi, 90f.; 117ff.).

- 71 Город легендарного народа Ад; он, говорят, отличался своими великолепными садами (сура98,7).
- 72 Häfiz-i Abrü Cinq opuscles, 59; Vgl. Häfiz-i Abrü/T., 45 см.ниже 405ff.
- 73 Häfiz-i Abrü/T., 45, Zeile 6.
- 74 Vgl. Jazdi, 1,225.
- 75 Там же, 223.
- 76 Там же, 228.
- 77 Там же, 231.
- 78 Там же, 233-237; SämT/T., 81-84, Häfiz-i Abrü Ging opuscles, 63-66.
- 79 См.выше 136.
- 80 Säml/T., 85; 238-241. Aubin, La fin. del'etat Sarbadar, 105f.
- 81 Häfiz-i Abrü/T., 46; Jazdi, I, 241-244.
- 82 Säml/T., 86-88; Jazdi, I, 248-250.
- 83 Jazdi, I, 250.
- 84 Там же, 253.
- 85 Säml/T., Häfiz-i Abrü/T., 46-49; Jazdi, I, 252-259; cp. Aubin, La fin de l'etat Sarbadar, 108-112!
- 86 Spuler, Die Mongolen in Iran, 107ff.
- 87 Smith, History of the Sarbadar Dynasty, 135ff.
- 88 Häfiz-i Abrü Cinq opuscles, Zusätze, 6.
- 39 Там же, Текст II.
- 90 Smith, op.cit, 149,152ff.
- 91 Häfiz-i Abrü, Cinq opuscles, 112. остальные подробности у Aubin, La fin de retat Sarbadar, 99ff.
- 92 Jazdi, 1263; Aubin, op. cit., 109.
- 93 Jazdi, 1,259.
- 94 Säml/T., 92f., Jazdi, 1,264,271.
- 95 Jazdi, I, 275.
- 96 Säml/T., 94. Jazdi, I, 271.
- 97 Jazdi, I, 271., о резне см. ниже 215.
- 98 Jazdi, 1,282.
- 99 см. Выше 126.
- 100 SämT/T., 96; Jazdi, I, 279ff.
- 101 SämT/T., Jazdi, I, 283ff.
- 102 Häfiz-i Abrü, Cinq opuscles, 13f.
- 103 Häfiz-i Abrü. Dail,239 (Emenda tionen durchTauerin: AO

XXIH/1955,104), Zeitzeugenbericht des Schreibers des Emirs Adit (Dail, 242, Zeile 12); несколько иная версия Häfiz-i Abrü, Cinq opuscles, 14; Jazdi, I, 290.

104 Häfiz-i Abrü/T.,' 55.

105 Jazdi, I, 286.

106 Данные о эмире Адиле есть у Häfiz-i Abrü, Dail, 196, 198, 215, 231, 240ff. См. дальше Жазди, I, 288. О попытках Тимура завязать связи с Востоком см. Hi-fiz-i Abru/T., 56! Очевидно, это наступление развивалось до Хузистана, так как Ходжа Али умер, говорят, под Хувейза (Daulatsah, Tadmira, 288).

107 Säml/T., 98-100; Jazdi, I, 288-292.

108 Jazdi, I, 292 f.

109 Spuler. Die Mongolen in Iran, 279f.

110 Säml/T., 99-101; Jazdi, I, 289-297.

111 Jazdi, I, 297. Maqrizi, Uqud, Fol. 14a; Ibn Hagar, Inba, I, 336; Ibn Arabsah, 104-1 1 1 .

112 Säml/T., 102; Jazdi, I, 300.

113 Jazdi, I, 308-311.

114 Säml/T., 104.

115 Säml/T., 891; Jazdi, I, 254 f.

116 см. выше 163.

117 Säml/T., 95.

118 Mahmud Qutbi bei Mustaufi, The Tarikh-i guzida, engl. Paraphrase, 182f.

119 Там же, 197.

120 Там же, 196.

121 Там же, 192-194.

122 Сначала, очевидно, у Jazdi, den Daulatsah, Tadmira, называют единственным свидетелем в тексте. Письмо называется также в историческом экскурсе о Музафаридах, написанном Махмудом Катби Mustaufi, op. cit., 196; другие источники: Jazdi; Sari Abdullah munseati, Fol. 19bff.

123 Mustaufi, op.cit., 198.

124 Cp.супа7, 179 n 25, 441

125 Jazdi, I, 312ff.

126 Häfiz-i Abrü/T., 126 62; Häfiz-i Abrü, Dail, 243, Clavijo (Narrative, 103) видел в другом месте подобные пирамиды, скрепляющиеся при помощи глины.

- 127 Ibn Arabsah, 101 Ibn Hagar, *Tarih Timur Lank*, Fol. 187 a.
- 128 См. Выше 164.
- 129 Mustaufi, *op.cit.*", 199ff.; *Gijat ad-Din Ali*, 31; Sami/T., 105; *Häfiz-i Abrü/T.*, 62; *Jazdi*, 1,315-320.
- 130 Sahawi, *Dau*, III, 50; ср. Ibn Hagar, *Tarih Timur Lank*, Fol. ISOb: «Тимур сам постоянно говорил, что он родился в год убийства Кобанаи (см. S. Ma-han, *Anm.* 13), то есть в 1327/28 гг.
- 131 Ibn Tagribirdi, *al-Manhal*, I, Fol. 414 b.
- 132 Это означает Джийят-ад-дин Али и Шами; по поводу различных дат возникновения разделов труда Джийят-ад-дина Али см. Woods, *Rise of Timurid Historiography*, 94.
- 133 *Häfiz-i Abrü/T.*, 187.
- 134 см. ниже; ср. описание у *Jazdi*, I, 9ff
- 135 см. Выше 119.
- 136 *Säml/T.* К своему произведению Шами пишет подробное вступление, которое должно разъяснить эту связь (*Jazdi/U.*, XXVII). Ср. Так же письмо Тимура к османскому султану Баязиду (*Togan Timur's Osteuropapolitik*, 295, Zeile 8). Остальное см. ниже 347.
- 137 *Sämi/T.*, 58; *Jazdi/U.*, Pol.23a-29a; о дате редактирования произведения Жазди см. Woods, *op.cit.*, 100.
- 138 *Sämi/T.*, 10, 14.
- 139 *Jazdi/U.*, Fol. 24aff. Надписи на могилах Тимура и его сына Мираншаха доказывают, что это была официальная генеалогия Тимура (Семенов, *Надписи*, I, 52, 52; II, 51, где «ибн» перед «Чингисхан», по-видимому, неправильно прочитано).
- 140 *Hwandamir, op.cit.*, 14f.
- 141 Там же, 47; и другие события монгольской истории теперь соответственно, ср. там же, 91, строка 12; ср. Manz, *Symbolism of Sovereignty*, 110f; *The Rise and Rule of Tamerlane*, 156f.
- 142 *Häfiz-i Abrü, Dail*, 148 ср. Hirne 185.
- 143 см. Выше 56; ср. ниже 347.
- 144 см. Выше 155.
- 145 см. Выше 114.
- 146 *Sämi/T.*, 97, Zeile 211 *Jazdi*, I, 286, Zeile 4.
- 147 см. Выше 60.
- 148 *Spuler, Die Mongolen in Iran*, 104.
- 149 *Häfiz-i Abrü, Dail*, 121 ;ср. *Spuler, op. cit.*, 223; следует отметить, что Мухаммед Джувеини, отец историографа Ата Малик

Джувейни, в одном источнике имеет титул «визиря Ирана и Турана» (Abu Bakr ibn az-Zaki, Raudat al-kot-tab, ed. AllSevim, Ankara 1972, 178). К сожалению, нельзя установить, идет ли речь об официально присвоенном великим ханом титуле.

150 Jazdi, I, 165.

151 Daulatsah, Tadmira, 297f; в «Шахнаме» Фаридун упоминается только в другой связи с Амолем (Monchi-Zade, Topographisch-historische Studien, 490. f1jM). Для Жазди и без того географическая традиция старого Ирана была обязательной, так как считала провинцию Фарс центром обитаемого мира. (Jazdi, I, 440).

152 Фирдоуси, Шахнаме, Фаридун, стих 178-301.

153 Там же, Предисловие, стих 194-203.

154 К сожалению, нет никаких сведений об истории написания произведения Фирдоуси

155 Rasid-ad-Dm/K., 721, Zeile 7.

156 Там же, 723; ср. там же, 726! Уже в позднюю эпоху Сельджуков стилизуют правителей по образцу героев «Шахнаме», как можно узнать из Реванди, Рахат аз-Судур.

157 Ср. Hörn, Die Sonnenaufgänge im Schahname!

158 Один пример: Jazdi, 1,287.

159 Bregel', 807; Browne, Literary History, 111,95-98; Murtadawi, Mugallidin, 162-172.

160 Пример: Jazdi, I, 437; ср. ср. ниже изображение большого военного похода в Кипчакские степи.

161 D. h. Rustam: Daulatsah. Tadmira, 271 f.

162 Там же, 305; ср., однако, варианты в Hafiz. Diwan. Nr. 463!

163 Gijat ad-Din Al i, I.

164 Jazdi, I, 225; ; ср. стихи, которыми Жазди начинает сообщение о военном походе в Мазандаран (там же, 276)1

165 Династия Сасанидов происходила из области Истхар.

166 Jazdi, 1.31 1 f.

КИПЧАК

1 Natifi, Timur-name, 125. Афрасяб, в «Шахнаме» герой Турана, лежащего к северо-востоку от Ирана, непобедим, как восходящее солнце; так и Тимур здесь идет с Востока на битву с кипчаками. Перед ее началом так громко звучали горны, что сам Исрафил, который будет

дуть в трубы в день Страшного суда, не смог бы выдержать; еще дерево лотос далеко в раю (сура 53,14 и 16) растреплет порыв ветра, который создают музыканты, дующие в трубы.

2 Ср. статью den Artikel Toktamis in IA! Bei Spuler, Die Goldene Horde, Stammtafel II; Туи (Тули?) Ходжу, отца Тохтамыша ошибочно превращают в потомка Джучи (основателя Орды), в то время как он в действительности происходит от Тоджа Тимура Джучи.

3 Natanzi, 92f.

4 см. BNiie.

5 Sämi/T., 75.

6 ТаМ xe Hafiz-i Abrü/T., 41 f.

7 Sämi/T., 76-78. Jazdi, I. 209-213; Natanzi, 420-427.

8 см. Выше 153.

9 Sämi/T., 77; Jazdi, I, 213; Natanzi, 426.

10 Sämi/T., 78, Zeile 17: Люди из рода Манджжукт, который, например, тоже поставлял посланников Урус-хана к Тимуру; (там же; 75, строка 18) Gijati, 67f.

11 Natanzi, 96. vgl. IA, s. v. Toktamis, 4151

12 Hierüber im Detail Spuler, Die Goldene Horde, 120.

13 Ibn Haldun, ibar.V, 1141-1143.

14 О возвращении Тохтамыша ср. также Федорова-Давыдова, 152

15 Nitshe, I, 162.f.

16 Там же, 162-172.

17 Häfiz-i Abrfl, Dail, 235.

18 см. Выше 166.

19 Häfiz-i Abrü, Dail, 236.

20 Sämi/T., 97f.; Ср. дату по Häfiz-i Abrü/T., 63-65.

21 см. Выше 176; ср. Sämi/T., 98, Zeile 2f.

22 Sämi/T., IOf., Выше 183.

23 Sämi/T., 106; Jazdi, 317-320; Häfiz-i Abrü/T., 63-65.

24 Häfiz-i Abrü/T., 63.

25 см. Выше 113.

26 Häfiz-i Abrü/T., 66.

27 Там же, 63.

28 Jazdi, I, 322.

29 Там же, 324; 06 об отвратительных обстоятельствах угона см. Hafiz-i Abru/T., 67 f. Дополнение о разрушении и

строительстве ср. ниже 398.

30 Sämi/T., 109; Jazdi, I, 325ff.

31 Jazdi, 1,330.

32 Jazdi, I, ТаММте; Sämi/T., 111.

33 Häfiz-i Abrü/T., 76; полное описание восстания Хаджи Бека там же, 75-92.

34 Jazdi, I, 341f.; о миссии в Китай см. ниже 410.

35 Там же, 344,347; ср. Häfiz-i Abrü/T., 74. Тимур не доверял Едигею, могущественному эмиру Золотой Орды, сопернику Тохтамыша (ср. Spuler, Die Goldene Horde, 136ff); он расписывал Тимуру легкий поход в цветущую страну (Maqzi, Uqrid, Fol. 149a)

36 Jazdi, 1.348L

37 Sämi/T., ср. Ниже 414.

38 Jazdi, 1,355.

39 Там же, 356.

40 Häfiz-i Abrü/T., «Brot und Nudelgerichte», s. Doerfer, Elemente, Nr. 876 und 1643!; Приготовление блюд из лапши описывает Clavijo, Narrative, 113.

41 Jazdi, I, 359 hit; Ср. Häfiz-i Abrü/T., 43, Zeile 21 f.

42 Natanzi, 344.

43 Jazdi, I, 359f.

44 Там же, 361; Natanzi, 344.

45 Jazdi, I, 365-370; ср. Doerfer, Elemente, Nr. 50 (см. особенно Bd. 1. 170)!

46 Jazdi, I, 372, Zeile 19: t-j-q; Natanzi, 345: Jaiq.

47 Natanzi, 346. ср. Jazdi, I, 374.

48 Jazdi, 1.380.

49 Там же, 381.

50 Это освещает Natanzi, 348.

51 Jazdi, 1,385.

52 см. выше 116.

53 Jazdi, I, 386.

54 Там же, 389; ср. Tarne Säml/T., 123 f. h Natanzi, 349.

55 «Лицо как луна», идеал красоты у монголов, у одного из предков Чингисхана был сын, которого называли «девочка-хан», так как он отличался девичьей красотой: «Большое, светлое (персидский, gusade, ср. с арабским maftuh), совершенно круглое лицо с полным двойным подбородком...» (Rasid-ad-Dm/ K., 188). Этот идеал красоты со

времен монголов вошел в персидскую живопись и поэзию.

56 Следует дополнить: ...одежду ночи разрывает Jazdi, I, 394f.

57 Jazdi, 1.395-4011 Säml/T., 1124f.

58 Ср. Natanzi, 361.

59 Jazdi, 1.408ult.

60 Там же, 409-414; Säml/T., 127ff.

61 см. выше 174.

62 Jazdi, I, 425ff

63 Там же, 421-423 и 427; Sämi/T., 129ff

64 Там же, 132; Jazdi, I, 430f.

65 Jvazdl, 431.

66 Sami/T., 132.

67 Там же, 143; Жазди, I, 437. В арабском мире рассказывалось, что Тимур, оставленный многими преданными, спрятался у своих женщин и поэтому был не замечен Шах-Мансуром (Ibn Hagar. Tarih Timur Lank, Fol. 186a). В Münseat-i selatin Феридун Бека (133-137) находится послание Шах-Мансура, отправленное османскому султану Баязиду, датированное 802 (х) (начался 24.7.1400), в котором Шах-Мансур называет себя братом Шах-Шуджи. Шах-Мансур, погибший под «Белой крепостью», смерть которого засвидетельствована арабскими источниками (Ibn Hagar Inba, I, 465; Aini, Iqdal-Goman, Fol. 102bf.), был племянником Шах-Шуджн; брат по имени Мансур не подтвержден источниками. Nawai, Asnad, 40, исправляет дату на 792 год и идентифицирует автора письма с Шах-Мансуром, опираясь на мнимое ответное послание Баязида (Феридун Бек, 139), которое говорит о взятии Шираза и о побеге Ахмада Увайса к Баязиду. И то и другое произошло лишь после смерти Шах-Мансура. Зачем нужно было бы Баязиду отвечать мертвецу? Итак, остались противоречия.

68 Jazdi, I, 437 ниже.

69 Там же, 445.

70 Там же, 438-445 Sämi/t., 136f.

71 Jazdi, I, 450-457; Sämi/t., 138L; еще несколько подробностей у Aubin, Tameiiane a Bagdad, b: Arabica VI/1959, 303-309.

72 Jazdi, I, 458; ср. ниже 311 322.

73 Sämi/T., 141-144, Häfiz-i Abrü/t., 109f.; Jazdi, 1,460-467.

74 Jazdi, I, 468; ср. ТаКӑе, 472 (список феодалов, которые явились, чтобы подчиниться); ср. далее выше 170.

75 Jazdi, 1,471.

- 76 Там же, Aajiee Sämi/T., 146f.
77 Jazdi, I, 473; Sämi/T., 147f
78 См. Выше 37.
79 Jazdi, 1,478; Sämi/T., 149, Häfiz-i Abrü/T., 114.
80 Sämi/T., 153. vgl. Jazdi, I, 489.
81 Jazdi, I, 502.
82 Sämi/T., 157; Jazdi, I, 520-522.
83 Jazdi, I, 523-525.
84 Там же, 539; Сафаргалиев, Распад Золотой Орды, 165.
85 Всемирная история. Пропилеи, V, 251 Die Goldene Horde, 131 f. О дальнейшем развитии отношений с Витовтом ср. Греков /Якубовский, Золотая Орда, 380! Тимур со своей стороны пытался сбалансировать неприятную для него коалицию между Тохтамышем и литовцем тем, что он уговаривал османского султана Баязида начать войну с «неверными франками» (Togan.Timur rs Osteuropapolitik, 282L, ср. Ниже 347).
86 Jazdi, I, 538f.
87 Nitsche, I, 192ff; ср.ниже 347,378.
88 Jazdi, I, 544ff.
89 Там же, 552.
90 Sami/T., 162.
91 Там же, 165 Jazdi, I, 556 ; Hafiz-i Abru/T., 12of.
92 Jazdi, I, 558f.
93 Sami/T., 166.
94 Jazdi, I, 558f.
95 Hafiz-i Abru/T., 129.
96 Jazdi, I, 575.
97 Там же, 573.
98 IA, s.v. Toktamis, 419, Spuler, Die Goldene Horde, 140f; Греков/Якубовский, Золотая Орда,383; об обстоятельствах нового сближения Тохтамыша Тимуром см.прежде всего у Сафаргалиева, Распад Золотой Орды, 180-182.
99 Jazdi, I, 527f.
100 См.выше 196.
101 Jazdi, I, 484;строка 9.
102 Hierzu Kruce, Hans: Islamische Volkerrechtslehre. Phil. Disc. Gettingen 1953 ff
103 Ср.выше; Яса запрещает оставлять в живых врагов,

находящихся в тылу.

104 Realencyclopädie d. class. Altertumswissenschaft, IX, 562f. (Jagdgehege).

105 Christensen, Artur: L'Iran sous les Sassanides, Kopenhagen 1944. 469ff.

106 Nagel, Festung des Glaubens, 276.

107 Doerfer, Elemente, Nr. 161.

108 см. Выше 45.

109 Rasidad-Dm/K., 479.

110 Ibn Hagar, Durar, II, 57f., Nr. 1424.

111 Qasani, 228.

112 Ср. выше 144.

113 См. выше; примеры охоты облавой, организованной Тимуром: Jazdi, 293, 338, 442, 444, 446, 487, 501.

114 Ср. Alken, Mongol Imperialism, 6f.I

115 Guwaini, Gahangusa, 1, 19.

116 Jazdi, 1, 12; ср. Н. Н. Turney-High: Primitive War, Univ. of South Carolina Press 1971, 238f Тесные связи войны и охоты освещаются, к сожалению, в статьях Die Jagd bei den altaischen Volkern (Asiatische Forschungen 26, Wiesbaden 1968) (исключение: там же, 94).

117 Rasidad-Din/K., 73, строка 9.

118 Guwaini, Gahangusa, I, 105, 104; см. Выше 207.

119 Тезис, развиваемый Mongol Imperialism (besonders 7f.), что монголы великолепно умели мобилизовать человеческие и материальные ресурсы стран, покоренных ими, я считаю правильным.

120 Rasid ad-Dшт/K., 83f.

121 Там же; 71, 173, а также 73 ниже; см. выше 26. О небесном божестве ср. Roux, Teil 1. 211-214 und 225ff., Teil 2. 39-47 und SOff; ders., Elements chamaniques dans les textes premongols. b: Anthropos LIII/1958 (441-456). 452.

122 Rasidad-Din/K., 83f.

123 См. выше. То, что война у монголов носит уже черты современной «тотальной» войны, обратило на себя внимание (Mongol Imperialism, 224f).

124 Häfiz-i AbrO, Dail, 133; казнь означает одновременно бесчестье перед друзьями и врагами.

125 см. Выше 120.

126 Rasid ad-Dln/K., ср. Там же, 213 и 215.

- 127 Там же, 165.
- 128 Там же, 731.
- 129 Nagel, *Rechtleitung und Kalifat*, 257ff.
- 130 см. Выше 202.
- 131 см. Выше 160.

СОБЫТИЕ И СООБЩЕНИЕ

- 1 Sämi/Т., 139 h 227, Häfiz-i Abrü/Т., 160.
- 2 Sämi/Т., II, строка2.
- 3 Там же, строка 3-7.
- 4 см. Выше 175.
- 5 Ibn Arabsah. 455.
- 6 Guwaini, *Gahangusa*, I, 19.
- 7 Давлетшах (*Tadkirat*, 306f.) замечает, что при дворе Ахмад Увайса расцветала поэзия; Тимур сожалел, что не может сочинять, как тот Джелаирид.
- 8 So Hinz, *Quellenstudien*, 359.
- 9 Там же, 358, А.А.Семенов, русский перевод «Дневника», констатирует, что источник Джият-ад-дина посвящен внуку Тимура Халил Султану, а затем был переработан Джият-ад-дином (Семенов, *Дневник*, предисловие, 7). Отсутствие целостности в произведении, последняя часть которого, возможно, была добавлена только после смерти Тимура, описывает Woods. *Timurid Historiography*, 94.
- 10 Gijaz ad-Din, *Ruzname*, 43.
- 11 Так и у Семенова, в указанном месте, 8.
- 12 См. выше стихотворение.
- 13 Sämi/Т., 7f.
- 14 Там же, 9 n 1 2.
- 15 Hinz, *op.cit*, 360.
- 16 Häfiz-iAbrü/Т., 200.
- 17 Тимур обладал ошеломляющим знанием деталей истории и географии исламского мира (Ибн Арабшах, 453).
- 18 Там же 454.
- 19 Пример: Roemer, *Staatsschreiben der Timuridenzeit. Das Sarafname des Abdal-lah Marwarid in kritischer Auswertung*. Wiesbaden 1952.
- 20 Ср. Выше 198.

21 О влиянии персидской литературы на чагатаевскую см. F.Köprülü, *Çagatay edebiyatı* 2801 То, что концепция Ирана — Турана, заимствованная из иранского эпоса, повлияла в измененном виде на политические цели Тимура, было уже описано.

22 Saml/T., 86.

23 Там же, III.

24 Spuler, *Die Mongolen in Iran*, 96.

25 Hammer- Purgstall, *Redekilnste*, litf.

26 Wassaf, 593.

27 Mehlen, *Rhetorik*. 20f.

28 О соотношении «lafz» h «ma'na» в ашаритском понимании см. Nagel, *Festung des Glaubens*, 229-240.

29 Balagat.

30 Wassaf, 593. Zeile 12f.

31 Fasahat.

32 Tazjinat.

33 Wassaf, 594

34 Hajali, wahmi, wigdani; vgl. Mehren, *op.cit.*, 21.

35 Nagel. *Festung des Glaubens*, 233ff.

36 На немецкий язык переведен с подражанием арабскому стилю Рюккертом. *Abu Seid von Serug*, Stuttgart 1864.

37 См. Выше, 82

38 Nagel, *Ibn al-Arabi...*, 216ff.

39 Там же, 219 n 233. Cp. zia[^]ee die Vita des Qutbad-Din bei Ibn Nagar, *Durar*, V, 108f, Nr. 4785: Ученый-правовед ад-Дахаби, радуясь высокой оценке, которую дал Кутб-зд-дин знатокам Корана, превратно истолковывает его изречение как выражение любви к неинтеллектуальной «вере старых бабенок», как отказ от рационализма (cp. Nagel, *Festung des Glaubens*, 352ff), а не его трансцендентности.

40 В подлунной сфере, в мире возникновения и исчезновения.

41 Wassaf. 594.

42 Igi, *Mawiqif*, 4.

43 Там же 143 h 52; Nagel. *Ibn al-Arabi*.

44 Igi, *op. cit.*, 139-160, 229ff. h 257ff.

45 По-персидски: ma ni-ji latif.

46 Wassaf, 594.

- 47 Igi, 261.
- 48 De Fouchecour, C.-H.: Ladescription de lanature danslapoesie lyrique persa-ne an XI siecle, Paris 1969, 8-12.
- 49 Gurgani/Rltter, 45f.
- 50 Там же, 128.
- 51 Cp. Nagel. Wege zu den ästhetischen Grundlagen der mittelalterlichen persischen Dichtung, 209.
- 52 Gurgani/Rmer, 410-415.
- 53 Horn, R.; Die Sonnenaufgänge im Schahname, b: Bezold (Hg.), Orientalische Studien. Th. Nöldeke zum 70. Geburtstag, Gießen 1906, II, 1039-1056.
- 54 см. Выше 180.
- 55 Hörn, op.at.
- 56 Трудно оценить влияние расцвета персидского канцелярского стиля на развитие образной речи. Во всяком случае, уже Майхани (XII век) указывает на то, что высокий стиль требует выражать многие вещи образно и с метафорами. Не нужно писать: «NN много знает», но «у NN знаний море безбрежное». Чем больше вводится метафор и тропов, тем больший успех будет иметь канцелярист. (Dastur-i dabiri.ed. Adnan Sadik Erzi. Ankara 1962. 32). Философские основы исламской риторики позднего средневековья освещает D. Black, Logic and Aristotle's Rhetoric and Poetics in Medieval Arabic Philosophy, Leiden 1990. Прежде всего отрывки текста, переданные на 185 и 203 и сразу же подвергшиеся анализу, кажутся мне соответствующими тематике, обрисованной в этой статье; к сожалению, автор придерживается лишь философских высказываний, не заботясь об их отношении к настоящей поэзии.
- 57 См. Выше 119, 145.
- 58 См. Выше 203.
- 59 Nagel, Ibn al-Arabi..., 237f.

ТРЕТЬЯ КНИГА. СИВАС

1 Лента любви вокруг бедер: намек на жест, которым выражают готовность услужить, то есть «повязать вокруг бедер пояс услужливости».

2 То, что суфии настаивают на собственной индивидуальности, мешает их слиянию с Богом.

- 3 Образ самого большого самоуничужения.
- 4 О Хизире (Хидр) ср. ниже 305.
- 5 Ergin (Hg.), Kadi Burhaneddin divani, Nr. 434 und 657.
- 6 Газела: 1) утреннее солнце, посылающее похуже на нити лучи и 2) газель. Игру слов, вытекающую из этого двойного смысла, передать не удалось
- 7 Aziz, 22ff Упоминаемая могила — это гробница Хусейна Али. (Giesecke, Das Werk des Aziz, 9).
- 8 Aziz, 18.
- 9 Jaqut, Buldan, s. v. as-Saur.
- 10 Aziz, 25.
- 11 Ibn Arabsah, 188f.; эта версия есть и у Magrisl, Uqūd, Fol 56a (Biographie des Qadis Burhan ad-Din).
- 12 Jaqut, Mugam al-udaba, II, 269.
- 13 Pitcher, Ottoman Empire, 32; приблизительно до 1390 года Кастамону оставался в руках Кандароджуллари, потомков первого ильханского наместника (этого) места (Pitcher, 55).
- 14 Qalqasandi, Subh, V, 342, 348 h 365; Yucel, Coban/Candar 49ff.
- 15 Aziz, 45, Там же 43; упомянутый кади Хутани, наставник прапрадеда, возможно, идентичен Али Мухаммед Абдаллаху аль-Хутани, умершему в 717 (х), «тюркскому Факиху». (Ibn Nagar, Durar, III, 185, Nr. 2875).
- 16 Ср. рассказ о происхождении Османской династии: R. Kreutel (Übers.): Vom Hirtenzelt zur Hohen Pforte, Graz/Wien/Koln 1959, 20-23. Дополнительные данные о предках Бурхан-ад-дина у Yucel, Kadi Burhaneddin, 15ff.
- 17 Aziz, 47.
- 18 Часто подтверждаемые варианты в дословном тексте, например, Buhari, Sa-hih, säum Nr. 5
- 19 Aziz, 49.
- 20 По-арабски: watad, восточная точка и западная точка, зенит и надир называются «четыре колышка палатки». (Hwarizmi, Mafatah al-ulum, 132) «Grad des Aszendenten»: MS Ahlwardt 5891 f. 29 a.
- 21 Венера, богиня Весов, см. Ritter, Picatrix, 191.
- 22 Текст: har do nazir bi-tali bi-nazar-i tatlit.
- 23 Aziz 51f; схема гороскопа с Весами в качестве восходящей звезды см. Gijati, Tarih, 83; ср. дальше ниже 392; о терминах: Ullann,

Natur- und Geheim Wissenschaften, 345 ff.

24 Aziz, 51.

25 Ср. Там же, 46 ниже.

26 Там же, 53; Maqrizi, Uqud, Fol. 55; а. Ученость в ранней юности — важный элемент в биографии правителя (ср., например, Муин ад- дин; произведение Азиза, кажется, обязано своим образом такому же идеальному типу правителя; бросается в глаза и общность стиля).

27 По исламским представлениям все пророки на глазах у всех доказали определенными чудесами, что они были избранныками.

28 Сура 28, 30.

29 Намус-и Акбар; ср. об этом ниже.

30 «Стих о свете», сура 24,35.

31 Aziz. 55. Согласно изречению, вложенному в у ста Мухаммеда, в последнюю треть каждой ночи Бог опускает небо, ближе всего расположенное к земле, чтобы услышать молитвы благочестивых (Muslim, Sahih, salat al-musafirin Nr. 168-170). «Дуновение» в терминологии теологии единственности бытия подразумевает «благоухание близости бога». «Когда познающие (arifun) воспринимает аромат (arf) этих вдыханий», они осознают, что скрывает то благотворное состояние: божественное бытие (Ibn al-Arabi, Futuhat, 11, 365f., § 571). Игра слов «аромат» (arf) и «познавать» (arafa) встречаются уже и в Ibn Oasis «Halan-nalain».

32 О рождении Моисея и об астрологах см. Tabari, Annales, I, 445f., Spreyer, Erzählungen, 240.

33 Согласно суре 20, 27 Моисей попросил Бога при избрании развязать узел в языке; легенда, приведенная толкователями Корана, должна объяснить происхождение «узла».

34 Части этого предания встречаются как передвижная декорация в сборниках канонов.

35 Aziz, 57f.

36 Имеется в виду Али аби-Талиб, ср. Азиз, 384 ниже.

37 Умер в 1274 году; важный хронист сочинений Ибн аль-Араби.

38 Не идентифицировано.

39 Арабский:: Fusus al-hikam. Nagel, Ibn al-Arabi..., 223.

40 El1, s. v. Ahmedal-Badawi; Kummerer, Ahmadiya, 2 «61»; ср. Bwiue83ff.

- 41 Сура 37, 60; «неоценимый выигрыш» — спасение от адского пламени, которое описывается в этой суре, очень метко.
- 42 Aziz. 383f.
- 43 Ibnal'Arabi, Fusus, 197-199.
- 44 Там же, 202.
- 45 Там же, 200.
- 46 Там же, 199.
- 47 Aziz, 90, 306.
- 48 Там же, 115.
- 49 Ihn al-Arabi, Fusus, 140; Баязид Вистами дунул на растоптанного им муравья и снова пробудил его к жизни, при этом он был похож на «явление Иисуса».
- 50 Aziz, 83.
- 51 Там же, ср.сура27, 10-13; 28; 31, 7, 107; 26, 23-51.
- 52 Speyer, Erzählungen, 249ff.
- 53 Aziz, 59-62; об этом путешествии ср. также Yucel.Kadi Burhaneddin, 19f; уже Сирадж- ад-дин, дедушка Бурхан-ад-дина, много раз ездил в Египет (Yucel, Coban/Candar, 186).
- 54 EI2, s. v. Eretna; Qalqasandi, Subh, V, 363, Umari/T., 28 undSO. О «брачной» политике Эретны, которую должны были укрепить связи со сферой власти мамлюков, ср. также заметки у Ibn Hagar, Durar, II,95,Nr 150I(Hasan b. Eretna).
- 55 Aziz, 67.
- 56 О нем см. Rypka, Iranische Literaturgeschichte, 229ff.
- 57 Aziz. 681 Как написано у йбн Арабшаха, Бурхан-ад-дину в Египте было предсказано дервишем, что он когда-нибудь будет правителем Анатолии.
- 58 Азиз, 69.
- 59 Там же, 74-78.
- 60 Там же, 80-82.
- 61 Там же, 85-90. В первом сне истолковывается принадлежность Бурхан-ад-дшга к ордену Ахмадия, члены которого также назывались «товарищи под одной крышей». Крышей была любимая площадь аль-Бадани, так как он оттуда мог созерцать небо (Kümmerer, Die Ahmadiya, 4).
- 62 Yucel, Kadi Burhaneddin, 22.
- 63 Азиз, 96-111. Перечисление эмиров, которые после смерти Мухаммеда Эретны ссорились из-за власти и борьбой которых

друг с другом Бурхан-ад-дин воспользовался, есть также у Maqrizi, Ugd, Fol. 55 af.

64 Ср. изречение брата аль-Калкашандиса (QalqaSāndi. V, 366).

65 Ibn Ijas 1/2, 476.

66 Maier, Cypern, 91.

67 Tekindag, Karamanlilar, in: IA, V (316-330), 322.

68 Азиз, 107.

69 Там же, 126-130.

70 Там же, 134.

71 Там же, 138-141, 161; ср. 92.

72 Там же, 171.

73 Там же, 175.

74 Там же, 180.

75 Там же, 182, 222, 224, 234.

76 Там же, 223.

77 О нем см. выше 83.

78 Nagel, Staat und Glaubensgemeinschaft, II, 118-140.

79 Азиз, 234.

80 Там же, 252.

81 Там же, 254.

82 Там же, 267.

83 Там же, 277.

84 Там же, 283, 309.

85 Там же, 287.

86 Там же, 300.

87 Там же, 305.

88 См. выше 250.

89 Азиз, 307.

90 «Ахи» называют членов молодежных союзов, которые в XIV столетии существовали во многих анатолийских городах и деревнях и в области, граничащей с Византийской империей; многие их члены занимались ремеслами (Taeschner, Zünfte und Bruderschaften, 27 ff., F. Koprulu, Osmanti Devletinin kuru-lusu, 90-92). О тесных связях Бурхан-ад-дина с этими союзами ср. Sagatay, Bir Türk kurumu olan Ahilik, 99.

91 Азиз, 326; «после разрушения Басры» — поход Мираншаха в Южный Ирак (SāmT/T., 144), который состоялся в 1393

году, не может здесь подразумеваться.

92 См. выше; о победе Тимура над Тохтамышем см. Sümer, Kara Koyunlular, 49f.

93 Jazdl, I. 303. 306.

94 Ibn Ijas, I /2, 386f.; Ibn Hagar, Inba, I, 335.

95 Азиз, 339.

96 Краткий обзор дипломатических связей между Каиром и анатолийскими князьями: Qalqasandi, Subh, V, 340-355; Сивас только при Баркуке начал поддерживать эти дипломатические связи.

97 См. выше 34.

98 По поводу писем с угрозами см. ниже 313.

99 Азиз, 304-342. Из-за разорения Золотой Орды Тимуром продажа тюркско-кипчакских рабов в Египет захирела в 90-е годы (Magrizi, Ugud, Fol. 150 b).

100 Ibn Haldun, Ibar, V, 798, 979. Ibn Hatib an-Nasirija, Fol. 204 b.

101 Азиз, см. также Sümer, Kara Koyunlular, 51f.

102 Азиз, 350-363.

103 Там же, 363.

104 Там же Ibn Hagar. Inba, I, 332f.

105 Ergin (Hg.), Kadi Burhaneddin divani Nr. 1340.

106 Азиз, 91.

107 Рупка, History, 142, 148, включая. E. Bertel's (см. Mitteilundes Instituts für Orientforschung 3/2, 1955, 180-221).

108 Следует ср.ть ссылки у Wolff, Glossar, s. v. bazm, Nr. 3 und Nr. 4.

109 Bayat-Sarmadi, Dariusch: Erziehung und Bildung im Schahname von Firdousi, Freiburg 1970. 103. НО (DiipAoycn, I, 26, стих 211.

111 Азиз, 376-378; «Сахар» подразумевает чарующие слова; прекрасные глаза называются часто «нарциссами»; они так сообразительны, что «убивают» храбрых воинов.

112 Сура 2, 138; ср. Paret, Kommentar, 33f.

113 Nagel, Ihn al-Ara'ui., 224; здесь подразумевается марионеточный хан (ср. Nicholson, Mysticism, 198).

114 Там же, 229.

115 Азиз, 525.

116 Sabistari, Gulsän-iraz, стих 717.

117 Там же, стих 95.

118 Там же, стих 805. Хафиз, очевидно, написал это послание

в такой манере, которая глубоко затронула его современников, а также следующие поколения, — отсюда его успех и необычайная популярность.

КАИР

1 Azuma tiqadu-hu fi-hi; формулировка, часто употребляемая в этом смысле.

2 Maqrizi, Uqud, Fol. 44 a; überarbeitet bei Sahawi, Dau, I. 215.

3 О султанате ан-Насир Мухаммеда информирует Haarmann (Hg.), *Geschulte der arabischen Welt* 226~235; о расцвете Каира в эту эпоху см. Staffa, *Conqu-est and Fusion*, 108ff.

4 О нем см. Hagar, *Durar*, V, 213ff., Nr. 5079.

5 Maqrizi, *Suluk* III, 129ff.

6 Nuwairi, *Ilmam*, IV, 170; ан-Нуваيري писал эти заметки в 773 году h (начался 23.06.1373).

7 Около 55 граммов мелкого золота (nach Hinz, *Islamische Wahrungen*, 50).

8 Nuwain, *Ilmam*, 1,101-106; «остров», очевидно, Кипр (ср. там же, V, 84 строка 4).

9 См. Выше 252.

10 Nuwairi, *Ilmam*, V, 77 n 84ff, Malar, *Cyprern*, 92.

11 Maier, Там же, 91 f.

12 Nuwairi, *Ilmam*, VI, 412.

13 Maqrizi, *Suluk*, III, 129-138; *Ihn Ijas*, 1/2, 46-50.

14 *Ihn Sasra*, ad-Durra, арабский текст.

15 Ср. Nagel. *Staat und Glaubensgemeinschaft*, II, 118-132.

16 Brinner, *The Murder of Ibn an-Nasu. Social Tensions in Fourteenth Century Damascus*, in: *BSOAS* 77/1957, 207-210.

17 *Ibn Sasra*, ad-Uurra.1661 b-168 b.

18 Там же, 135.

19 Ср., например, случай из 770 года (x) (Maqrizi, *Suluk*, III, 173 f.).

20 Brinner, *The Banu Sasra (Arabia VII/1960, 167-195)*, указывает: следует обратить внимание, что в это время исчезают из источников имена выдающихся ученых. Бриннер ссылается также на сочинение Salibi, *The Banu Jamaa. A Dynasty of Shafüte Jurists in the Mamluk Perioden: Studia Isla-mica* IX/1958, 97-110. Vgl. auch unten 286ff.

21 Dols, Black Death, 263 und 267ff показывает, что в результате эпидемии чу мы значительно повысились цены на готовые продукты (хлеб, сахар и так далее); и, наоборот, снизились доходы от сельского хозяйства, главного финансового источника мамлюкского государства, так что правительство попыталось возместить потери более высокими налогами. Исламская образованная элита, которая зависела от жалования со стороны государства, следовательно, была вдвойне поражена экономическими изменениями (недостаток государственных средств; повышение прожиточного минимума). Установленная Ибн Хальдуном (at-Tarif, 320) роскошь эмиров со времени начала правления аль-Ашраф Шабана в 1363 году доказывает беззастенчивость мамлюкской касты особенно ярко; она в состоянии присваивать себе несмотря на растущие расходы все больше товаров повышенного спроса.

22 Ibn Hagar, Iba, I, 59. 61. 711 Ibn Ijas, I/2, 19, 84, 124-126, 130, 160. vgl. das Schreiben Mehmeds II. auf Fol. 115 des anonymen Insa-Werkes MS Fatih 41261

23 Ibn Ijas, I/2, Ij2, 160f.

24 Там же, Ibn Hagar, Inba', I, 127.

25 Ibn Ijas, I/2, 182.

26 Там же, 234.

27 Ibn Tagribirdi, Nugum, XI, 320.

28 Ibn Haldun, Tarif, 246f.; ср. выше, The Muqaddimah, III, 315.

29 Ibn Ijas, I/2, 40.59.

30 Документы к истории европейской экспансии, I, 78 h 1 1 7.

31 О связях Фатимидов с Йеменом см. Husain Irahim Husain, Tarih ad-daula al-Fatimiia, Kairo 1958, 339ff.

32 Ibn Ijas, I/2, 289; vgl. ebd., 379, 677; Ibn Tagribirdi Nugum, XI, 246; mamlu-kische Militarfachleute in Atiopien: Maqrizi, Ugud, Fol. 125 a-126 a.

33 Ibn Ijas, I/2, 328.

34 Labib, Handelsgeschichte, 338ff.

35 Wüstenfeld (Hg.), Chroniken, II, 285f; ср. Ibn Hagar, Inba, I, 82 und 115.

36 Wüstenfeld, a.a.O., IV, 259.

37 Не в деньги, а преимущественно в ценные ткани вкладывалось состояние эмиров — обычай, применяемый уже

монголами. Красивая одежда была страстью монгольской знати (см. выше 34).

38 1 миткал = 4.55 г.

39 Ibnljas. 1/2. 170-174.

40 Maqrizi, Suluk, III, 273-283; Ibn Haldun, Tarif, 322. Ibn Ijas, 1/2, 176-181.

41 Ibn Ijas 1/2. 77, 91.

42 IbnHagar, Inba, 1, 237.

43 Ibn Hagar, Inba, I, 237; ср. ниже 378.

44 Ср. The Origins and Development of the Amirate of the Arabs., in: SOAS 38/ 1975. 509 -524!

45 Ibnljas, 1/2, 143, IbnHagar, Inba, I, 73.

46 Ibnljas. 1/2, 157.

47 Там же, 139.

48 см. 252.

49 Ibnljas. 1/2, 158; Ibn Hagar, Inba, I, 106.

50 Ср. Spuler, Die Mongolen in Iran, 25f.

51 Runciman, Kreuzzuge, 1063.

52 Документы к истории европейской экспансии, I, 179.

53 И другие знакомства, завязанные Байбаром, еще сто лет спустя были безупречными. Так, он заключил торговый договор с Севильей, которая с 1248 года принадлежала империи королей Кастилии; в 1388 году король Кастилии отправил в Каир миссию и уговорил освободить царя Армении, взятого в плен при завоевании Козана. (Ibnljas, i/2, 307, Thorau, Baibars. 197f.).

54 Maqrizi, Suluk, III, 137f.

55 Tätige, 154 Ibnljas, 1/2, 71; там же, 274 строка 19.

56 IbnTagribirdi, Magum. XI, 160f.

57 Там же, 162f.; Atabak al-asakir fi d-dijar al-misrija.

58 Ibn Tagribirdi, Nugum, XI, 168-170.

59 Ibn Ijas. 1/2. 384.

60 IbnTagribirdi, Nugum, XI, 207.

61 Ibnljas, 1/2, 282, ar-Rubi; ар-Руби был родом из Фаюма; он умер в 1391 году (Maqrizi, Suluk, III, 467, 757).

62 См. выше, 268.

63 Ibn Ijas, 1/2, 288; указывает его возраст — 11 лет.

64 Oalat al-Gabal, большая крепость, господствующая над Каиром с юга.

- 65 Ibn Tagribirdi, Nugum, XI, 207; vgl. 208, Zeile 3ff.
- 66 Ibnljas, 1/2, 292f.
- 67 «Золотой бык», одно из часто встречающихся в те времена сложных тюркских имен с «боджа» = бык.
- 68 Ibn Ijas, 1/2, 278, 295, 301, 309, 319f.
- 69 Nagel, Staat mid Glaubensgemeinschaft, 1 1 , 77ff.; ders., Die Pestling des Glaubens 293ff.
- 70 EI2, s. v. Ghassan mid Djabala b. al-Ayham.
- 71 Ibnljas, 1/2, 312-317.
- 72 См. выше, 283.
- 73 Ibnljas, 1/2, 308-317.
- 74 Там же, 318.
- 75 Там же, 379.
- 76 Ср. там же, 376.
- 77 Ibn Hagar, Durar, I, 356. Nr. 834.
- 78 Ibnljas, 1/2, 220.
- 79 Ср. Petry, Civilian Elite; ; на массу неимущих население смотрело с презрением (Ibn al-Furat, IX/1,46).
- 80 Ibnal-Mulaqqin, Tabaqat al-aulija, Einleitung, 39, Amn. 3.
- 81 Ibn Hagar, Inba, I, 172f
- 82 Ders., Durar, 330f, Nr. 784.
- 83 Там же, 172, Nr. 411; тайласан — это платок, покрывающий голову и плечи, который носили преимущественно ученые.
- 84 Salibi, The Banu Jamaa, 100.
- 85 Dols, Black Death, 150, 269.
- 86 Там же, 274.
- 87 Ср. по этой проблематике Haarmann, The sons of Mamluks äs fiefholders, in: Khalidi (Hg.). Land Tenure and Social Transformation in the Middle East, Beirut 1984, 141-168.
- 88 Фатима была дочерью Мухаммеда; Айша — его любимая жена.
- 89 Об этом информирует Memon, Muhammad Umar: Ibn Taumiyya's Struggle aga-inst Populär Religion, Paris 1976.
- 90 Ibn Hagar, Inba, I, 178f; Ibn Ijas, I /2, 235-237.
- 91 Mawardi, Ankam, 172: Вся страна должна служить на пользу государственного авторитета
- 92 Ibnljas, 1/2, 236.

- 93 Ibn Hagar, Inba, I, 1 83 f.
- 94 Ibn Ijas, 1/2, 386f.
- 95 Тамже, 111.
- 96 Тамже, 105.
- 97 Ср. Ibn Hagar, Inba, I, 193, 195.
- 98 Тамже, 276.
- 99 Тамже, 451.
- 100 Тамже, 291.
- 101 Известный конвент (рибат), ср. с al-Azraqi, Ahbār Makka, ed. Malhas, Madrid o.J., II, 87, Anm. 6.
- 102 Знаменитый ученый-правовед, который по Ibn Hagar, Durar, I, 339, Nr. 803 умер 16 февраля 1338 года.
- 103 При смерти Баркука был шафиитский главный судья (Maqrizi, Suluk, III, 941).
- 104 Четыре медресе, построенные аль-Маликас-Салихом (прав. 1245-1249), пожертвованные по одной на каждую юридическую школу, носят это имя (Maqrizi, Hitat, II, 236, Petry, Civilian Elite, 330f.).
- 105 С 1355 года фактический регент в Каире, стал в 1358 году жертвой покушения (Maqrizi, Suluk, III, 33 f., Ibn Hagar, Durar, II, 293 f., Nr. 1950).
- 106 Соперник Шейху, ярый покровитель ханафитской юридической школы, пережил Шейху только на год (Ibn Hagar, Durar, II, 305 f., Nr. 1978).
- 107 Ал-Хармас, в то время имам мечети аль-Хакима, некоторое время имел влияние на султана Хасана. (Ibn Hagar, Durar, IV, 53, Nr. 3617).
- 108 Шафиитский ученый-правовед и муфтий, умер в 1362 году; уже в 1360 году был лишен благосклонности султана ал-Хармаса из-за одного указа, который якобы противоречил учению шафиитов (Maqrizi, Suluk, III, 47f.; Ibn Hagar, Durar, IV, 190f., Nr. 4073).
- 109 После возвращения из Мекки он нашел свой хутор, который граничил с мечетью аль-Хакима, разрушенным; его и его сыновей высекли и сослали в Мазяф в Сирии (Maqrizi Suluk, III, 52f.).
- 110 Эмир Йелбоджа Старший восстал в 1361 году, арестовал султана и приказал замучить его до смерти (Maqrizi Suluk, III, 61f.).
- 111 Ibn Hagar, Inba, I, 27f, ferner ders., Du rar, III, 230 ult. bis 231, Zeile 4, Nr. 2986.
- 112 Schimmel, Mystical Dimensions. 245, 348.

- 113 Там же, 278.
- 114 Ibn Hagar. Inba. I, 81; о вине в связи с учением о единственности бытия ср. выше 266, ниже 364.
- 115 См. выше 83; о распространении идей Ибн аль-Араби в Дамаске в XIII веке см. Pouzet, Louis: Damasau VIIe/XIIesiecle-vie etstructuresreligieusesdans une metropole islamique, Beirut 1991, 209 ff.
- 116 Уже у Байбара был его святой, которому во сне были видения и который время от времени выдавал себя за Махди, даже за посланника Бога (Ibn Hagar, Durar, I, 197ff, Nr. 482 und Cherifa Magdi, Die Kapitel über Traumtheorie..., Phil. Diss. Göttingen 1968, 6). Ср. далее случай каирского ученого-правоведа Шамс-ад-дина аль-Лаббана, которого преследовали его коллеги из-за приверженности к учению о единственности бытия (Ibn Hagar. Durar, III, 42of., Nr. 3406).
- 117 Ibn Hagar, Durar, II, 156, Nr. 1613.
- 118 Sahawi. Dau, III. 170. Nr. 653.
- 119 Там же, 111,32, номер 653.
- 120 См. выше, 268.
- 121 Ibnljas, 1/2, 318;ср. Выше74.
- 122 Ibn Hagar. Durar,V,105, Nr. 4778.
- 123 Там же, V, 18, Ng 4549.
- 124 Там же, I, 33 N° 82; ср. Там же, II, 160, N° 1620.
- 125 См. ниже 365.
- 126 Sahawi, Dau, I, 130.
- 127 Ibn Hagar, Inba, I, 239f.
- 128 Начало смешивания мамлюков с местным населением можно наблюдать с XIII века (ср. Gran Peter Islamic Roots of Capitalism, Austin 1979, 15).
- 129 Ibnljas, 1/2,322.
- 130 Там же, 393; монголы отмечают наступление весны праздничной чаркой кумыса по кругу (Muhammad Haidar, 53).
- 131 Ibnljas, 1/2, 380.
- 132 Там же: 332f.; Ibn Tagribirdi, Nugum, XI, 234f. Ibn Hagar, Inba, I, 275f.
- 133 Maqrizi, Suluk, III, 496, Ibn Hagar, Inba, I 279.
- 134 Ibn Hagar. Inba, 1,122.
- 135 Там же , 356, 369, 483, Ibn Tagribirdi, Nugum, XI, 231.
- 136 См. выше.
- 137 Maqrizi, Suluk, III. 554; Sahawi, Dau, II, 96.

- 138 Ср.напр., Ibn Hagar, Inba, I, 276.
- 139 Nagel, Ibn Taimlja und die Beduinen (im Druck für die Zeitschrift «Der Islam»).
- 140 См. выше, 286.
- 141 Ibnljas, 1/2.335.
- 142 См. выше 257.
- 143 См. выше 206.
- 144 EP, s. v. Djalayir.
- 145 Ibnljas, 1/2, 392.
- 146 См. выше 262.
- 147 Ср. описание у Ibn Hagar, Inba, I, 347f которое в основном подтверждено Азизом.
- 148 Ibn Hagar, Inba, I, 364-368.
- 149 Там же, 369.
- 150 Ibn Hagar, Inba, I, 373.
- 151 Ibn Sasra, Durra. 57 b-58 b; Ibn al-Furat, IX/1,138
- 152 Там же, Ibn Haldun, Ibar, V, 1036-1075; ; подробное описание, как это виделось из Каира,, у Ibn al-Furat, IX, 2off.
- 153 Ibn Tagribirdi, Nugum, XII, 32.
- 154 Ibnlaldun, Ibar, V, 1078.
- 155 Jbnljas, 1/2, 460 ff.
- 156 См. выше 207.
- 157 Sahawi, Dau, III, 46.
- 158 Муджтахид = способный сам найти решение (особенно в исламской юридической пауке); здесь более общее: об авторитете человека независимо от чего-либо и не подчиненного шариату (Nagel, Ibn al-Arabi, 236).
- 159 «Всемирный закон» (namus) = скрытый мировой порядок, который присутствует в сотворенном, дополнении создателя, и нуждается не только в откровении, которое может и должно быть истолковано (Nagel, Ibn al-Arabi, 236); ср. Выше 240, ниже 359; далее: Ullmann, Natur-und Geheimwissenschaften, 364.
- 160 Sahawi, Dau, II, 241, Nr. 666.
- 161 Ibn Haldun, Tarif, 331.
- 162 Nagel, Festung des Glaubens, 249ff., 323ff.
- 163 Там же, 103.
- 164 Ср. Schimmel, Mystical Dimensions. 254ff.; социально-исторический аспект, правда, освещается в этой книге только на полях.

- 165 IbnTaimija, Fatawa, IV, 28f. ch/ dsit 70.
- 166 Nagel, Festung des Glaubens, 234ff.; vgl. unten 431.
- 167 IbnTaimija, Rasa il, I, 124ff; далее 180; сура 20, 51; сура 26, 22; сура 43, 50; сура 28, 38.
- 168 IbnTaimija, Rasail, 1,131. cp. Raff, Thomas: Das Sendschreiben nach Zypern... von Taqi ad-Din Ahmad ibn Taimiya, Phil. Diss. Bonn 1971.
- 169 IbnTaimija, Fatawa, IV, 302; ders., Rasa'il, I, 33, 69f., vgl. o.
- 170 Schilmel, Mystical Dimensions. 14, 28; IbnTaimija, Rasa'il, I, 36; Ибн Таймия находит правильное, по его мнению, толкование «Ahl as-suffas» в труде ас-Сулами (умер в 1021 году) об этих современниках Мухаммеда. Не сохранившуюся (?) книгу ас-Сулами о «Ahl as-suffa» использует во многих случаях Hilja, I, 337ff. (cp. taMxe, II, 25).
- 171 Nagel, Festung des Glaubens, 83f.
- 172 IbnTaimija, Rasail, I, 39f., 56, 224ff.
- 173 Такое общество показывает в середине XI века аль-Маварди в своей книге «Adab ad-dunja wad-din» (Nagel, Staat und Glaubensgemeinschaft, I, 374ff.)
- 174 IbnTaimija, Rasail, I, 41.
- 175 hjih: al-Hadir; Nagel. Koran. 64f., 68.
- 176 IbnTaimija, Rasail, I, 45.
- 177 Там же 32, 42-44, 129, 180, 206.
- 178 См. выше, 123.
- 179 IbnTaimija, Fatawa, IV. 302.
- 180 Nagel, Ibn al-Arabi, passim.
- 181 Nagel, Festung des Glaubens, 155.
- 182 Nicholson, Islamic Mysticism, 25, 37ff: Суфизм Абу Сайда стремился к сохранению «счастливого» настроения и поэтому его нужно отличать от суфизма точного исполнения закона. Музыка и танцы для Абу Сайда — средство для «оживления жесткого сердца, как дождь для растений» (218). Музыка должна вдохновлять изнуренного суфия на новые усилия на тропе приближения к Богу, однако не добиваться приближения самому (214). Как борец за радостный суфизм Абу Сайд был среди своих современников чужим.
- 183 Gami, Nafahat, 303.
- 184 Там же Schimmel. Mystical Dimensions, 241ff.
- 185 См. ниже 359, 425.
- 186 Ibn Haldun, Sifa, 33f., 39, 45f.
- 187 Там же, 48.

188 Цитируется по: Ibn Haldun, Sifa as-sail, ed. Tangi, Istanbul 1957, 110.

ДАМАСК

- 1 Ибн Сасра. Дурра, 3 q.
- 2 См. 174.
- 3 Ибн Ияс, 1/2, 105; см. выше 119.
- 4 Sahawi, Dau, I, 52; Ibn Hagar, Tarih, TimurLank, Fol. 185 b.
- 5 Ibn Qadi Suhba, Tarih, 181; ; в передаче этих сообщений арабскими летописцами даны не точно различия между войсками, которые посланы Тимуром, но находились под командованием других эмиров, и такими, которыми он руководил сам. Так и в этом случае Тимур выступил только летом 1386 года на запад.
- 6 Ibn Qadi Suhba, 189, ср. дальше Magrizi, Uqud, Fol. 44af.
- 7 См. выше 258.
- 8 Ibn Hagar Inba, 1,312.
- 9 Там же, 335.
- 10 Насколько, в частности, в то время были информированы о планах Тимура, трудно оценить. Сообщения, переданные Ибн Хаджаром (Inba, I, 319) в 788 году, взяты из труда Ибн Арабшаха (88-103), а значит, и основаны не на высказываниях современников.
- 11 SämT/T., 125f.; см. Выше 202.
- 12 Ibn Hagar, Inba, I, 440.
- 13 См. выше 204.
- 14 См. выше 250.
- 15 Ibn Hagar, Inba, I, 450.
- 16 Там же, 452; höh hhc 1/2, 458.
- 17 Ibn Tagribirdi, Nugum, XII,43; Ibn Sasra. Durra, 149 bf., см. Выше 204.
- 18 höh hhc, 1/2, 462; Maqrizi, Suluk, III, 787ff.
- 19 hjih: Salih b. G-b-lan, Ibn Hagar. TarihTimur Lank.Fol. 202a; «walad Tiraaur Lank» как имя для Мираншаха там же, Fol. 209 b.
- 20 Ibn Ijas, 1/2, 463; Maqrizi, Suluk, III, 790ff., Ibn Hagar, Inba, I, 453f.
- 21 Ибн Сасра, Дурра, 149a-150.
- 22 Ибн Ияс, 1/2, 561.
- 23 Ибн Сасра, Дурра, 151 a.

- 24 Ибн Ияс, 1/2, 464 Ibn Nagar, Inba, I, 469.
- 25 Ибн Хаджар, там же; Ахмед должен был вернуться на Евфрат через месяц при поддержке Баркука (Ibn Nagar, Tarih Timur, Fol. 204af).
- 26 Ибн Ияс 1/2, 463. Точный список затрат есть у al-Aini, Iqd al-guman, Fol. 104a.
- 27 Ibn Nagar, Inba, I, 469f.; Ибн Ияс, 1/2, 467.
- 28 Ibn Nagar, Inba, I, 470.
- 29 Ибн Сасра, Дурра, 145а; Ибн Ияс, 1/2, 466, Ibn Nagar, Inba, I, 474.
- 30 Ибн Сасра, Дурра, 151-153; Ибн Арабшах 155; Ibn Tagribirdi, Nugura, XII, 49-51. В угрожающем письме Тимура Ибн Хаджар (Inba, I, 474) узнал немного переработанный текст послания, которое Насир-ад-дин ат-Туси направил по поручению Хулагу, между прочим, и к последнему багдадскому халифу. Текст послания в редакции ат-Туси «султану Египта» имеется в Kitab fa-raid Gijati fi 1-insa, MS Fatih 4012, Fol. 70af.
- 31 Nagar, Inba, I, 474. Vgl. Qalqasaiuli, Subh, VII, 309ff.
- 32 Там же, 471.
- 33 См. выше 262.
- 34 См. выше 293.
- 35 Азиз, 449.
- 36 См. ниже 345.
- 37 Азиз, 456.
- 38 Там же, 459; ср. Ibn Nagar, Tarih Timur Lank. Fol. 206b.
- 39 Ибн Арабшах, 152.
- 40 Ibn Tagribirdi, Nugum, XII, 59.
- 41 Азиз, 460.
- 42 Ибн Арабшах, 355.
- 43 Азиз, 463; ср. там же 528.
- 44 Там же, 475.
- 45 Также, 517.
- 46 Там же, 529-536; ср. Ibn Nagar, Inba, I, 529.
- 47 Maqrizi, Uqud, Fol. 55b; Giesecke, Das Werk des Aziz ibn Ardasir, 126f.;
- 48 Ibn Nagar, tuba, II, 40.
- 49 Ибн Сасра, Дурра, 160.
- 50 Ibn Nagar, Inba, I, 476.

- 51 Там же, 475.
52 См. ниже 325.
53 Ибн Сасра, Дурра, 162а; Ибн Ияс, 1/2, 472.
54 Ср. Ibn Hagar, Inba, I, 490, 512. 11.13.
55 Ибн Хальдун у Ияса, 1/2, 476, строка 14.
56 Ibn Hagar, inba, I, 492.
57 Ибн Ияс, 1/2, 486.
58 Ibn Hagar, Inba, I, 489, 495.
59 Maqrizi, Suluk, III, 851; Ibn Tagribirdi, Nugum. XII. 249; Ibn Ijas, 1/2, 477, 481f.; Jazdi, II, 200.
60 Ibn Hagar, Inba, I, 491.
61 Ср. Выше 311.
62 Ibn Hagar, Inba, I, 522.
63 Там же, 513, 523, 529.
64 Там же, 529; в Каире позже говорили, что тяжелые потери и дороговизна заставили Тимура вернуться в Самарканд (Ibn Qadi Suhba. 238).
65 Ibn Hagar, Inba, II. 9.
66 hõh Нас, 1/2, 523.
67 См. выше 268.
68 Maqrizi, Suluk, III, 936f.
69 Там же, 971.
70 Ибн Ияс, 1/2, 547.
71 Sahav/i, Dau, III, 44, Nr. 183; s. o.
72 Maqrizi, Suluk, III, 1015.
73 Ибн Ияс, 1/2, 557.
74 Там же, 582-584.
75 «Нырять за жемчугом» — любимые выражения для определений с нравоучительным содержанием.
76 Жазди, II, 199.
77 См. выше 311.
78 Säml/T., 221.
79 Häfiz-i Abrü/T., 148-1531 ср. Clavijo, Narrative, 95f; неудачный военный поход на Багдад: Ibn Hagar, Tarih Timur Lank, Fol 209b; Bartol'd, Pogrbenije, 436; s. unten 413.
80 Säml/T., 213; Jazdi II. 158-166.
81 Ибн Арабшах, 174.
82 Жазди, II, 167, 191.

- 83 Там же, 204.
- 84 SämT/T., 222; Jazdi, II, 203f.; «Крепости на Востоке большей частью из глины; сирийские же, напротив, из камня, даже из стали». Достижение времен крестовых походов?
- 85 ИбнИяс, 1/2, 595.
- 86 Sari Abdullah Munseati, Fol. 171-19b; vgl. Maqrizi, Suluk, III, 1031.
- 87 Maqrizi, Suluk, III, 1032; Ibn Hatib an-Nasirja, Teil I, Fol. 207a.
- 88 Там же, III, 1033.
- 89 О нем см. выше 217.
- 90 Säräl/T., 226L
- 91 Там же, 228. Maqrizi, Suluk, III, 1034.
- 92 Säml/T., 229; Hafiz-i Abru/T., 161.
- 93 Жазди, II, 225, мнимую могилу Ноаха упоминает Ибн Таймия, Makan ras al-Husain, 446, 459; s. auch Harawi, Isarat, 10.
- 94 Maqrizi, Suluk, III, 1034.
- 95 Там же, 1040-1046; IbnTagribirdi, Nugum, XII, 232-236; Sami/T., 233f.
- 96 Ibn Tagribirdi, Nugum, XII, 237f; Датирование: Ибн-Хаджар, II, 137; жизнеописание Тагрибирди есть у Sahawi, Dau, III, 29, Nr. 138; указанная там дата смерти не может быть правильной, ср. Ибн Тагрибирди Nugum, XII, 305ff.; Mignanelli/F., не был информирован о подоплеке этого события. Об исходе события ср. Qalqasandi, Subh, VII, 407ff.
- 97 Särm/T., 231; ср. Jazdi, II, 482; см.ниже 421.
- 98 Там же, 234; Harawi, Isarat, 13f; IbnTaimija, Makan ras al-Husain, 491; Аль Каср ал-Аблак — замок для увеселений, построенный Бейбарсом при крепости Дамаска (Gaudefroy-Demombynes, La Syrie a l'eroque des Mamlouks, Paris 1923, 36).
- 99 SämT/T., 234. Jazdi, II, 238f.
- 100 Ibn Tagribirdi, Nugum, XII, 238f; в основном с этой версией совпадает: Ibn Nagar, Inba, II, 137.
- 101 Ибн Хальдун, Тариф, 367.
- 102 Ибн Ияс, 1/2, 610. Говорят, Ибн Муфлих хотел подражать в этом Ибн Таймии, который когда-то развлекался с Газаном (Sahawi, Dau, I, 168).
- 103 См. Выше 327.
- 104 Dokuzat: Doerfer, Elemente, Nr. 976; подарок из девяти

предметов, девять — счастливое число.

105 Сообщение очевидца у Ibn Hatib an-Nasirija, Teil I Fol. 207af.; Тимур отказался делить сподвижников Пророка на различные классы, из которых один заслуживал больше почитания, другой — меньше, у Dau III. 47 (VitaTimurs); диалог очень сокращен, чтобы его можно было еще понять. Семенов, Надписи, 1, 57 и 53.

106 Sämi/T., 235; ср. ниже 426.

107 Там же, 236; и правитель Мардина не мог откупиться выполнением требований о взносе (Ibn Hagar.Ta'rih Timur Lank.Fol. 206a).

108 Ibn Tagribirdi, Nugum, XII, 242-245; ср. Ибн Арабшах, 281, также сообщения о свирепствовании чагатаидов в Алеппо у Ibn Tagribirdi, a.a.O., 224ff. M Mag-nanelli/F., 218-225.

109 SaraT/T., 237; Ibn I-laüb an-Nasirija, Teil I, Fol 208a.

110 S5mT/T., 243.

111 Hafiz-i Abru/T., 165 ср., напротив, Ibn Hagar, Inda, II, 466.

112 Sämt/T., 241f.; ср. Ibn Hagar, Inba, II, 208.

113 Sämi/T., 245f.; Hafiz-i Abru/T., 171f.; Jazdi, II, 275ff.

114 Ibn Hagar, Inba, II, 143, 228, 256; Ибн Хаджар находился с лета 1400 года в Каире, где он наблюдал эти события (там же, II, 133, 144). Ср. ниже 357; Säрни/T., 27; Жазди, II, 331; ср. выше 21. Далее Clavjio, Narrative, 88. Ср. корреспонденцию у Qalqasandi, Subh, VII, 321ff.. Мирный договор, который был тогда разработан, говорит о взаимном согласии как между «отцом и сыном» (Qalqasandi, Subh, XIV, 103ff.).

115 Кади Садр-ад-дин аль-Мунави умер, будучи пленником чагатаидов.

116 Местечко, около 60 км южнее Дамаска.

117 По системе аль-Бируни десятый знак гороскопа Земли, не подчинен воздуху; (Nasr, Cosmological Doctrines, 157). Ср. все же ниже 392.

118 Текст: min al-mia as-sabia; так как Ибн Хальдун (родился 732) сообщает в следующем предложении об одной беседе, которую он вел «в году 61» и в которой у поминается союз как предстоящий, этим выражением подразумевается: сотни, начинающиеся цифрой 7. Ср. выше 109.

119 Очевидно, подразумевается Петр I (прав. 1350-1369) из Кастилии, преемник Альфонса XI.

120 Ибн Хальдун жил с 1354 по 1363 год при дворе

- Меринидов в Фесе; о аль-Абили см. Ibn Haldun, *The Muqaddimah*, I, XL.
121 Nagel, *Staat und Glaubensgemeinschaft*, I, 268ff.
122 Ибн Хальдун, Тариф, 369-372 г.; ср., впрочем, Fishel, *Ibn Khaldun and Timur*, in: *Actes du XXIe Congres International des Orientalistes*, Paris 1949.
123 Ибн Хальдун, Тарих, 373.
124 Там же, 379.
125 v. Sivers, Peter: *Khalifat, Königtum und Verfall — die politische Theorie Ibn Khalduns*, München 1968.
126 Nagel, *Staat und Glaubensgemeinschaft*, 11, 62, 67, 100, 161 f.
127 Bishan, Mohammed Saleh «*As-Suhub al-lamia fi as-siyasa an-nafia*»: — с введением, в котором имеются высказывания Ибн Хальдуна о понятии исторической науки, *Phil. Diss. Bonn* 1980, 63f.
128 Ibn Haldun, *The Muqaddimah*, I, 320ff.
129 Там же, 11, 187.
130 Там же, II, 196.
131 Там же, II, 201; ср. также I, 218.
132 Там же, 1, 222.
133 Там же, I, 215; свое учение о душе он разрабатывает непосредственно перед этим.
134 Там же; I, 238; Об указании Ибн Хальдуна ср. Renaud, *Divination et histoire nord-africaine antemps d'Ibn Khaldun*, in: *HesperisXXX*, 194-3 (213-221), 215f.
135 Ibn Hagar, *Durar*, 111, 467, Nr. 3518 (*Vita des Muhammad b. Ahmad al-Marrakusi*).
136 Über al-Buni s. Ullmann, *Natur- und Geheimwissenschaften*, 234, 390.
137 Ibn Haldun, *Sifa as-sail*, 51-56.

АНКАРА

- 1 Sämi/T., 246-248, очень кратко.
- 2 Yücel, *Timur tehlikesi*, 162.
- 3 Ср. Bwme 258 h 315.
- 4 Yücel, *Mutahharten*, 687-689, 693; ср. bmiuc 315.
- 5 см. Выше 208.
- 6 см. Выше 209.
- 7 см. Выше 208.

- 8 Ср. Togan/fimurs Osteuropapolilik,285ff.
- 9 См. выше 176.
- 10 Текст имеется в двух изданиях: Toganjirnu rs Osteuropapolitik. 294-298: Yucel, Timur tehlikesi,182-191.
- 11 Togan, op. cit.,291.
- 12 См. выше 320.
- 13 То, что Тимур задумал нанести удар, нельзя из этого заключить; это делает Yucel, Timur'unTürkiye ve Yakın-Dagu ile iliskilerine dairÖ7.1emler277.
- 14 см. выше 254.
- 15 Säml/T., 215.
- 16 Там же, 214.
- 17 Sumer, Karakoyunlular, 59.
- 18 Феридун, 116.
- 19 Hafiz-iAbru/T., 155.
- 20 Woods, Aqqoyunlu, 51.
- 21 Yucel, Matahharten, 708f.
- 22 Danismend, Osmanli tarihi kronolojisi, I, 124; первая осада была в 1391 году.
- 23 SamT/T., 219; Jazdi, II, 192-195.
- 24 Жазди, II, 196.
- 25 см. Выше 331.
- 26 Феридун, 122.
- 27 Häfiz-iAbrü/T., 156.
- 28 см. Выше 324.
- 29 Navai, Asnad, 92f.
- 30 Yucel. Mutahharten, 711.
- 31 Sari Abdullah munseati, Fol. 10a-12a; ср. Husam ad-Din месмуasi, Fol. 67af. (Es'ad Efendi Nr. 3673).
- 32 Ср. намеки у Anspielungen bei Son Abdullah munseati, Fol. 13 a.
- 33 Феридун, 126-130.
- 34 Sari Abdullah munseati, Fol. 13b. Арабские летописцы ничего не знают об этом предложении. Они сообщают, что Тимур хотел потеснить Баязида с территории, которая принадлежала предкам Баязида; некогда ильханские области как княжество Эретна должны были быть присоединены к «монгольской империи». Возможно, это известие отражает лишь более позднюю стадию споров (Ibn Nagar, Inba,

II, 255; Ibn Ijas. 1/2 658f.).

35 Yücel, Mutahharten, 712f.; Sämtl/T., 248 f. То, что спор за Эрзиджан был поводом для войны с Баязидом, рассказывает также Клавийо (Narrative, 73 f), который еще услышал, что император Византии и генуэзцы Пера обещали Тимуру тайную поддержку; в решающий момент они, очевидно, не тревожили османские отряды, переправляющиеся в Малую Азию (там же 73, 76).

36 Sämtl/T., 252; Jazdi, II, 288-296.

37 Häfiz-iAbrü/T., 175f.; Мухий-ад-дин аль-Магриби был одним из ученых, работающих для Хулагу в основанной им обсерватории Марага (Ullmann, Natur- und Geheimwissenschaften, 342).

38 Danismend, op. cit, I, 127ff. Правильная дата — предположительно 28 июля (ср. Moranville.Timur et sä cour,438 im AnschluH an S. de Sacy.Memoire sur une correspondance inedite de Timu r avec Charles VI) также Шильтбергер (Reise, § 14, S. 230 и Ибн Арабшах (320f.); Клавийо тоже слышал эту версию (Narrative, 77).

39 Sämtl/T., 258; Jazdi, II, 314ff.

40 Sämtl/T., 264; Jazdi, II,331; текст послания Карлу VI у Desacy, Memoire sur une correspondance inedite de Timur... 473; ср. еме Moranville.op. cit.,437 und 440, а также история Самарканда, I, 175.

41 Sämtl/T., 266ff. Крепость Измир рассматривалась «франками» как важнейший плацдарм в Малой Азии Hafiz-i Abru/T. (179).

42 В 1517 году Селим II завоевал Египет.

43 Sämtl/T., 293.

44 Смотри ниже 390.

45 См. выше 324.

46 По Nach Clavijo, Narrative, 70f. должна была платить дань Тимуру.

47 См. выше 292.

48 Hafiz-i Abrü/T., 434f. vgl. Hafiz-i Abru/T., 185f.

49 Жазди, II, 419.

50 Так же и в Никоновской летописи (Полное собрание русских летописей XI/ XII, Санкт-Петербург, 1897г. и 1901)XI, 151. Ср. далее Intze.Timur und Bajazet in den Literaturen des Abendlandes, Phil. Diss. Erlangen 1912.

51 Это утверждает, например, Ибн Арабшах, 352.

52 Sämtl/T., 258f Jazdi, II, 314.

- 53 Häfiz-iAbrü/T., 176.
54 Säml/T., 271; дата у Жазди, U, 348.

ХАОС И КОСМОС

- 1 Арабский amr. Nagel, Koran, 329f f.
2 Согласно суре 2, 30 человек Бога халиф (заместитель) на земле (ср. также суру 6, 165).
3 Жазди, II, 183; ср. там же, 446.
4 Nagel, Ibn al-Arabi, 229, 237.
5 И не только исламская; ср. G. Scholem, Die judische Mystik in ihren Hauptströmungen (STW 330) 128ff.
6 Meier, Monismus, 170.
7 Смотри выше 303; IbnTaimija, Rasail, I, 8f f. und 84ff.
Дискуссии о божественном «amr». Rasail, I, 100ff und ders., Furqan,129ff.
8 см. выше 83; Nagel, Ibn al-Arabi, 214ff.
9 Учение Аристотеля о природном месте элементов зазвучит здесь.
10 Razi, Tafsir, XX, 91 (к суре 18, 9-12).
11 Там же, 93, 96; ср. также Nagel, Ibn al-Arabi, 219f.
Антропологические предпосылки этих мировоззрений ар-Рази кратко даны в его комментарии к суре 16,2.
12 Не действуя в строгой последовательности, так в цитируемом отрывке он переходит от понятия «дух» (ruh) к понятию «душа» (nafs).
13 Об этом ср. выше 83.
14 Там же, 1Л.
15 Там же, 1.ХУП; в этой связи также нужно было бы исследовать Auhadis Gam-i Sam; Аухади был персидским современником Али Ашика.
16 Али Ашик, стихи 52, 77, 111-114 (деление стихов по Адамовичу).
17 Там же, стихи 896-1011; ср. стихи 1187, 1336 и 1665; особенно 1677.
18 Там же, стихи 1-19, ср. стих 1226.
19 Там же, стих 123.
20 Там же, стихи 769-787 и 1046. Подобную роль играет любовь (isq) у персидского мистика XIII века АзизаМузаммедаац-

Писафи (Meier, Monismus, 218f.). Ср. также стихотворение кади Бурхан-ад-дина №1311 (Ed. Ergin), а также Ибн Таймии, Rasail, I, 373. Аа, tiee: Nasr, Cosmological Doctrines, 257; Naqel, Ibnal-Arabi, 230.

21 Али Ашик, стихи 1716 и 1675. В эту категорию произведений входят фрагменты, анализируемые А. Бодроглигети (The Fragments of the Cavahiru '1-asrar, in: CAJ 16/1972, 290-309).v

22 Али Ашик, стих 67. Бытие как море: Sabistari, Gulsan-i raz, ct. 563; Lahigi, 450.

23 Персидский gan. В антропологии Али Ашика противостоят isq (любовь) и gan как положительные силы негативным hawa и nafs.

24 Али Ашик, стихи 774-782.

25 Там же, стихи 153.

26 Там же, стихи 64 и 129-140.

27 Там же, стихи 738.

28 Ср. там же, стих 1118.

29 Ср. выше 305.

30 Sabistari, Gulsan-i raz, ct. 717-804.

31 Ср. Lahigi, 614.

32 Sabistari, Gulsan-i raz, стихи 812-816; ср. Lahigi, 761f.

33 Lahigi, 607.

34 Это развитие вызвало в науке бесполезный спор, пил ли Хафиз вино или был «хорошим» мусульманином. Ибн Таймия знал точно, что речь шла о настоящем вине, (Rasail, I, 69f.).

35 IbnTaimija, a.a.O. 333f.; 349ff; 369-453, bes. 398ff.

36 Али Ашик, стихи 1289.

37 Корни этого учения в действительности ведут назад в ханбалитские круги, и их можно проследить до XI столетия (IbnTaimija, Rasail, I, 401ff, Nagel, Festung des Glaubens, 177).

38 El2, s.v. Hurufiyya.

39 Ritter, Anfänge der Hurufi-Sekte. О влиянии в Османской империи см. E. G. Browne., Literature of the Hurufis, in: JRAS 1907, 533-581.

40 См. выше 202. Сюда относится и известие о том, что Тимур велел казнить своего кади (судью), который следовал учению ан-Насими. (Ибн Ияс, 1 /2, 658).

41 Грюнебаум отличает пять функций сна, общепринятых в исламской культуре (The Cultural Function of the Dream Illustrated by Classical Islam, in: v. Gru-nebaum/Caillois(Hgg.), The Dream and Human

Society, Berkeley 1966, 3-21.

42 см. Вышел07, 114.

43 Ritter, Anfänge der Hurufi-Sekte, 21.

44 Тамже, 41.

45 Rahman, Dream, 410.

46 Тамже, 412-414.

47 см. Выше 112.

48 Nasr, Cosmological Doctrines, 239.

49 MS Ahlwardt5891, Fol.9a.

50 Nasr, loc. cit.

51 MS Ahlwardt, 5891, Fol. 12a und Fol. 23 a.

52 Там же, формат 21.

53 Ср. описание астрологии Насра по аль-Бируни (Cosmological Doctrines, 151 ff).

54 Будущее лошади — самого благородного из всех животных — не может быть предсказано, так как она участвует в «божественном излучении» (MS Ahlwaldt 5891. Fol. 48bf).

55 см. Выше 343.

56 см. Выше 287.

57 MS Ahlwardt 5891, Fol. 48bf.

58 На это положение дел направлен также пример с лошадью (здесь, примечание 54).

59 См. выше 343.

60 См. выше 305.

61 Ibn al-Arabi, Futuhat, XI, 265 ff., § 261-266.

62 Тамже, 270, §267.

63 Тамже, 272, §268.

64 Тамже, 276, §273.

65 Тамже, 279, §276.

66 Ibn Nagar, Du rar, II, 159 und 473, Nr. 1619 und Nr. 2435.

67 Ибн Таймия, Казан, I, 49-64.

68 Гами, 314.

69 Трон как место счастья, см. выше 58.

70 Али Ашик, стихи 1647-1657; названный последний стих стоит в Геттингенской рукописи за номером 1655, поставленным Адамовичем; ср. диалог выше 123.

71 Тамже, стих 1676.

72 Тамже, стихи 1683-1718.

73 Тамже, стихи 1724.

74 Ср. выше 241.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА. ДЕЛИ

1 Arifi, Guj wa Caugan. 15, Zeile 4-6; ср. также прим.. 57.

2 Häfiz-iAbrü/T., 51.

3 см. Выше 347.

4 Джийят ад-дин, 43. Этот Пир Мухаммед незадолго до этого оправдал надежды, когда он поддержал своего одноименного кузена при подавлении мятежа в Йезде (Sami/T., 166). Ср. Дальше выше 193, 201.

5 Jazdi, II, 19; Clavljo, Narrative, 134, 172ff s. unten 410.

6 SämT/T., 170, 213; Jazdi, II, 17, 19; Barthold, Ulug Beg, 66.

7 Gijat ad-Din. 43 f., Säml/T., 170 и Кашани, II, 19 покрывают очевидный отказ Пир Мухаммеда и утверждают, что Тимур давно хотел вести священную войну в Индии. Краткое сообщение о политических условиях в султанате Дели в конце XIV столетия: Elliot/ Dowson, The History of India as told by its own historians, 2-издание, Калькутта, 1958 г., VI, 90-106.

8 Wink, Al-Hind, I, 186f.

9 Шами/T., 170; Жазди, I, 19.

10 см. Выше 347, а также 61, 156, 201.

11 Шами/T., 173f.; Жазди, II, 22.

12 Woods, Timurid Historiography, вместе с местной распиской.

13 Никоновская летопись, PSRLXH, 173, ср. Выше 209.

14 Московский свод, PSRLXXV, 229 датирует эту битву только 1400 годом.

15 Джийят-ад-дин, 55-57, ср. Бартольд, Улугбек, 64.

16 Джийят-ад-дин, 66, о названии разбойников см. суру 5,33.

17 Тамже, 675; ср. выше 279.

18 SämT/T., 179.

19 Джийят-ад-дин, 74, 83, ср. Жазди, II, 54.

20 Джийят-ад-дин, 83. Другие бежали в Дели.

21 Там же, 89-93.

22 Ср. выше 199.

23 Джийят-ад-дин, 100, Häfiz-i Abrü/T., 142.

- 24 Джийят-ад-дин, 101-103.
25 Дословный перевод названия.
26 Именное его, см. ниже 431.
27 Джийят-ад-дин, 103.
28 Тамже, 111.
29 Тамже, 113.
30 Тамже, 110, Säml/T., 188.
31 Джийят-ад-дин, 115.
32 Как учит битва под Кадисьей в 636 г., слонов нужно было вывести из боя, ранив их в хоботы (Tabari, Annalen, I, 2325).
33 Джийят-ад-дин, 118.
34 Тамже, 125, ср. выше 254.
35 Джийят-ад-дин, 128.
36 Джийят-ад-дин, 142.
37 Тамже, 159.
38 Säml/T., 201.
39 Джийят-ад-дин, 171.
40 Тамже, 186.
41 Тамже, 193.
42 Тамже, 193, левая колонка, ср. Säml/T., 208.
43 Джийят-ад-дин, 196.
44 Там же, 200. О совершении там обрядов см. Кандия, 1.
45 Ibn Nagar, Tahdib. VIII, 362.
46 Якут, Булдан, см. Самарканд.
47 См. об этом Nagel, Alexander der Große in der frühislamischen Volksliteratur, Walldorf /Hessen 1978 (Beitrage zur Sprach- und Kulturgeschichte des Orients 28).
48 И для Александра у Низами речь идет о преобразованиях всего мира, полезных для большого количества людей; поэтому Александр — полководец и пророк; значит, в нем проявляется необычным образом всемирный порядок. К эпосу Низами об Александре см. в этой связи Е.Е.Бертель. Избранные сочинения — Низами и Фузили — Москва, 1962 г., 354.
49 См. выше 266, 364. Ср. для этого Аухади, 25, строка 14.
50 О Фаридуне см. выше 180, 388; ср. также Джийят-ад-дин, 182.
51 Тамже, 45.
52 См. выше 361.

- 53 См. выше 224.
- 54 Джийят-ад-дин,, 61, 165 (Iskandar-lamkin).
- 55 Тамже, 132, 138.
- 56 Тамже, 119.
- 57 Ср. выше; образец для положения «отдаться в руки судьбы» (Belege bei Mac-rizi, Histoire des Souldans Mamlouks de l'Egypt, trad. Quatremere, I, 13lf.). Поэт Арифи (ум. 1449; ср. выше в примечании 1) развил из этого образа суфистское стихотворение, которое описывает любовь одного дервиша к принцу. Ср. далее Жазди, 11,510.
- 58 Ибн Арабшах, 165 Ibn Najar.Tarih Timur Lank.Fol. 211 b.
- 59 см. Выше 205, nanpHMeP, Ibn Najar.Tarih Timur Lank, Fol. 184b,201b.
- 60 См. выше 193.
- 61 См. выше 339, ниже 425.
- 62 ИбнАрабшах, 457.
- 63 См. выше 82.
- 64 Ибн Арабшах, 451.
- 65 См. выше 26.
- 66 Ибн Арабшах, 454.
- 67 Тимур считал себя, без сомнения, мусульманином; то, что он был неверующим и следовал только Ясе, утверждали направленные против него послания имама в целях полемики (ср. Ибн Арабшах, 455).
- 68 ИбнАрабшах, 468.
- 69 Ibn Najar.Tarih Timur Fol. 223b.
- 70 Ибн Арабшах, 453, 469.
- 71 См. выше 218.
- 72 Жазди, I, 18-20.
- 73 Ибн Арабшах, 465.
- 74 См. выше 177.
- 75 Жазди, I, 9; ср. выше 238.
- 76 О фактическом годе рождения см. выше 175.
- 77 MS Ahlwardt 5891, Fol. 22af.
- 78 Ср. выше 370.
- 79 См. выше 323.
- 80 Будто бы он поклялся перед походом победить всех врагов, даже если это будет продолжаться семь лет.

САМАРКАНД

- 1 Цитата из Buldan. s. v. Samarqand.vgl. Qandija, 2 ond Babor, Erinnerungen. 171.
- 2 См. выше 281, 356.
- 3 Короткое сообщение о связях Тимура с европейскими правителями дает История Самарканда, I, 173-195.
- 4 Clavijo, Narrative, 118-121.
- 5 см. Выше 159.
- 6 см. Выше 156, 159.
- 7 Clavijo, Narrative, 123f.
- 8 см. Выше 95.
- 9 Clavijo, Narrative. 126f.; эта трактовка происшедшего в юности, должно быть, тоже принадлежала Арабшаху (48). Ср. Mignanelli/F., 227f.
- 10 Clavijo, Narrative, 130; Попытка реконструкции чертежа по этим данным: Wilber, Persian Gardens, 6l. О садах, созданных Тимуром, ср. также: Бабур, Воспоминания, 174.
- 11 SämJ/T., 212.
- 12 Смолик, Памятники архитектуры Тимуридов, 10-13, Бранденбург, Самарканд, 86-89.
- 13 Ahmad b. Hanbai, Musnad, I, 211.
- 14 Ср.: супа 18, 94.
- 15 HafVi Abru/T., 196; Hafi/-i Abru/C., 443f., Aum. I (кратко).
- 16 см. ВНиус 7 i.
- 17 Clavijo, Narrative, 165; ср. также пример Ибн Арабшаха, 437.
- 18 ИбнАрабшах, 382.
- 19 Sami/T., 244 f.
- 20 Häfiz-iAbrü/T., 193.
- 21 Как суфий, любимец Бога, переносит без собственного волеизъявления (любимого) произвол, при котором гнев и милость сменяют друг друга так, что это невозможно вычислить, так подданный отдается во власть гнева и милости правителя, и верующему показывается бытие то жестким и уничтожающим, то добрым и заботливым (ср. Жазди, I, 5; ср. в прим. 28 этой главы).
- 22 Sami/T., 278.
- 23 См. Выше 378.
- 24 См. Выше 330.

25 Выбранный здесь перевод «*halaiif*» (сура 6, 165) и «*istamarahum*» (сура 11, 61) не соответствует первоначальному смыслу этих мест, каким он сейчас нам известен, а предусматривает значение, которое дает нам Шами.

26 Якут, Булдан, Байлакан; ср. выше 36, 192. В 1392 г. он велел восстановить Фенакет, разрушенный Чингисханом (Жазди, II, 451.).

27 Немного позже для орошения был вырыт сюда канал от Аракса (*Sämi/T.*,291).

28 *Sämi/T.*, 288f. . О «притягивающем» и «отказывающем» (*gamal; mysterium fascinans*) ср. Также Schimmel, *Mystical Dimensions*, 44, 132, 256 (наглядно показанном Куброй в красках).

29 Ибн Арабшах 63, 465; *Ibn Hagar.Tarih Timur Lank*, Fol. 222bf.; *Wilber.Persian Gardens*, 55, *Brandenburg, Samarkand*,208.

30 *Clavijo, Narrative*, 124; Ибн Арабшах, 451. Ср. Ибн Арабшах и Жазди упоминают мимоходом «франков».

31 ? (в оригинале текста отсутствует. – Прим.автора OCR).

32 Как мы узнаем из других источников, снова сблизилась Тимур и Тохтамыш; ср. выше 211, ниже 418.

33 См. выше 376.

34 *Clavijo, Narrative*, 132ff.

35 Там же, 135, ср. *Moranvilte, Timur et sä cour*, 452.

36 *Clavijo, Narrative*, 137.

37 *Peters, Richaid, Geschichte der Türken, Stuttgart* 1961,67.

38 *Clavijo, Narrative*, 134.

39 См. выше 336.

40 Тимур упрекал Баязида в одном из посланий, которыми они обменивались, в том, что он не следует примеру Османа титуловать мамлюка Фараджа «сыном» и султаном обоих священных городов» (Феридун, 128) *Magrizi, Suluk*, III, 1166.

41 *Häfiz-i Abrü/T.*, 194f.; ср. также стихотворение у Жазди, II, 425, строка 9; ср. Также *Moranville, Timur et sä cjur*,450f.

42 Бартольд, Улугбек, 60.

43 *Clavijo, Narrative*, 149.

44 См. выше 266.

45 Основатель манихейства считался в Иране средних веков выдающимся художником.

46 Жазди, II, 427-434; ибн Арабшах, 376; ср. выше 157.

- 47 Это узнал Клавийо (Narrative, 149f).
48 Там же, 150.
49 Ибн Арабшах, 376.
50 Там же, 375, см. также Жазди, II, 436.
51 См. выше 319; он закончил в 1429 г. свою бурную жизнь судьей Ширази (Ga-zari, Gajat an-nihaja, II, 247ff., Nr. 3433).
52 Арабский: тат собственно, «вода из источника»; в персидском часто употребляемая метафора для вина, однако засвидетельствованная также в арабском языке (Lane, s.v. j-n).
53 Ср.сура I9, 62, 78, 35,88,11.
54 См. выше 266.
55 Жазди, II, 439-441.
56 См. выше 364.
57 Персидский dil-gusa; именно для существенного, открывая бытие и поэтому «просветляя», то есть изгоняя несущественное, раздоры.
58 Ибн Арабшах, 381.
59 Бартольд, Улугбек, 69, сомневается из-за небольшого возраста внука в правильности этой части описания Жазди. Бартольд, кажется мне, не осознал смысл празднеств: они проходят по традиционному обычаю и показывают идеальный порядок вещей, который в реальности еще не существует.
60 Жазди, II, 443.

НА ПУТИ В КИТАЙ

- 1 Ибн Арабшах, 387.
2 Ср. выше, 195.
3 Dalai. Монголия в XIII-XIVBB., 132-1371 Dreyer, Early Ming China, 142,176.
4 Cambridge History of China, VII, 258.; У Бартольда, Улугбек, 62, который опирается на более старую обработку китайских источников, даются даты 1387 и 1392 г. По китайскому представлению, варвары могли сблизиться с китайским императором, высшим представителем человеческой цивилизации, не иначе как подателями дани. Fairbank (Hg.). World Order. 64.).
5 Clavijo, Narrative, 172.
6 Жазди, II, 16.

7 Cambridge History of China, VII, 259; это обстоятельство скрывается, видимо, из-за предположения, что Тимур приказал убить посла Хунг-ву (Dreyer, op. cit., 176 В начале похода на Индию Тимур принял посланника, которого он отослал к «хану свиней». Идет ли здесь речь о засвидетельствованном событии в Нанкине в 1394 г.? Cp. World Order, 209ff., , где сведения Жазди о Тимуре не принимаются во внимание.

8 См. выше 376.

9 См. выше 347.

10 См. выше 324 ср. Dreyer. 152, 157ff.

11 Häfiz-i Abru/T., 130; Тимур приказал заложить крепость на Иссык-Куле (Бартольд, Улугбек, 66).

12 Hafiz-i Abru/T., 157L, 169L; Жазди, II, 159-161.

13 Säml/T., 213.

14 Häfiz-i Abrö/T., 170, 176; Ибн Арабшах, 348. Мухаммед Султан скончался 12.3.1403г. под Акшехиром от болезни; его труп был перевезен в Самарканд (там же, 349, примечание 1), ср. выше 324.

15 SämT/T., 186; (ср. Андо, Эмиры, 32).

16 Там же, 143; ср. выше 207.

17 Säml/T., 194; о термине Doerfer, Elemente, Nr. 301.

18 Sämi/T., 234.

19 см. Выше324.

20 Häfiz-i Abrü /T., 1 67 f.

21 Ср. выше 298, Ибн Арабшах, 382.

22 Арабский: перевод не гарантирован.

23 Арабский: шахт собственно «клеймо», то есть он назвал правителя города.

24 Ибн Арабшах, 348-352, ср. там же, 383; ср. примечание Жазди, II, 457 ниже. Точка зрения, что рисунок доводит до сознания «скрытые» связи, есть и у Ибналь-Араби (Nagel, Ibnal-Arabi, 211).

25 См. выше 194.

26 Ибн Арабшах, 383.

37 Жазди, II, 448; об Ахмад Увайсе и Кара Юсуфе см. выше; форт на Иссык-Ку не, см. выше примечание 11.

28 Ибн Арабшах, 385, 387; Тадж ас-Салмани, 25.

29 Жазди, II, 456.

30 Häfiz-i Abrü/T., 450; ср. также выше 147.

31 Тадж ас-Салмани, 25; мавзолей Ясави расстраивался по

приказанию Тимура с 1389 г. (Albaum/Brentjes: Herren der Steppe, Berlin 1976, 960.

32 Тадж ас-Салмани, там же 23, Жазди, II, 452; Doerfer, Elemente, Nr. 303; quriya, , неогороженная площадь.

33 Säml/T., 272ff. Жазди, II, 351; ср. выше 357. Дочь Тимура тоже опозорила его; она оказалась лесбиянкой — «багдадские женщины испортили ее, когда они приехали в Самарканд. Она явилась причиной скандала» (Ибн Арабшах, 446).

34 Säml/T., 261.

35 Тадж ас-Салмани, 25.

36 Жазди, II, 454; Ибн Арабшах 466.

37 Жазди, II, 459; связи с Тохтамышем существовали уже, видимо, давно (Clavijo, Narrative, 141).

38 Ср. выше 322, 355.

39 Жазди, II, 459. Может быть, его торопило не только желание приобрести еще и славу борца за веру. Юнг-ло начал укреплять влияние на монголов и расширил свое господство на Западе. Летом 1404г. Энке Тимур, князь Хами, официально подчинился правителю Мин и получил титул принца (китайского двора) Franke, Wolfgang: Yunglos Mangolei-Feldzuge, in: Sinologische Arbeiten, HI/1945.

40 Ибн Арабшах, 389.

41 Häfiz-i Abrü/C., 451 f.

42 Тадж ас-Салмани, 27, Жазди, II, 464.

43 Тадж ас-Салмани, 28, ср. Жазди, II, 467.

44 Дата 15 февраля, названная в надписи на могиле, могла быть ошибочной.

ВОЗМОЖНОСТЬ РАСПОРЯЖАТЬСЯ МИРОМ

1 См. выше 406.

2 См. выше 398.

3 Эти сведения взяты из одного разрешения, которое Ибн Арабшах выдал летописцу Ибн Тагрибирди 15 января 1450 г. в Каире (Ibn Tagribirdi, al-Manhal as-safi, I, Fol. I32a-135b.).

4 см. Выше 337; Sahawl, Dau IV, 35 НОМер 103; flesus höh Араоуаха, 451 , ср. De Sacy Memoire.

5 см. Выше 133.

6 Ибн Арабшах, 261.

- 7 Nagel, Festung des Glaubens, 148 ff.
- 8 Ибн Арабшах, 261.
- 9 Ср. выше 72.
- 10 Ср. выше 22.
- 11 Ср. выше 317; ср. выше 409.
- 12 У предсказателя Сатиха, арабской сказочной фигуры, было тело без костей — не говоря уже о черепе.
- 13 Арабский:: wahr выбрано Ибн Арабшахом ради рифмы, однако с намерением выразить насмешку и презрение. Речь идет о животном «неуклюжего сложения», внешностью похожем на сурка.
- 14 Ибн Арабшах, 472; Ибн Хальдун (Tarif, 373) тоже видел, как Тимура несли к лошади.
- 15 Цитата из Smith, Hallett: Tambu rlane andthe Renaissance, 1 27.
- 16 Там же, 128.
- 17 см. Выше 26,313, ср. Āajibine PetriMessiae..., CXLIII, принадлежит Mignanelli/F., 226f.
- 18 см. Выше 176.
- 19 Nagel, Festung des Glaubens, 179-271.
- 20 См. выше 227.
- 21 Igi, Mawaqif, 60f. (huwijaguzija); аль-Иджи докладывает, видимо, о возможности того, как можно приписать хотя бы ментальное существование «он-са-мости» (60). Поворот исламской теологии к «отдельным вещам» я представляю в своей работе «Основные черты исламской теологии».
- 22 Ibnal-Arabi, Futuhāt, II, 172f. ;ср. Clara, Jean: Das Paradoxon des Monotheismus und die Metaphysik des Ibn Arabi, in: ZDMG 1992;. ср. Выше 224ff.
- 23 Наряду с пятью чувствами подразумевается разум.
- 24 Арабский: al-mudrakat.
- 25 Арабский: ain wahida; Ibnal-Arabi, Futuhāt, III, 313.
- 26 См. выше 302.
- 27 Nagel, Ibn al-Arabi, 235ff.
- 28 Рашид-ад-дин применяет концепцию «господина счастливых обстоятельств» к Олджайту, но так же называет и Чингисхана (Рашид-ад-дин/к., 4, 170). Колебание между индивидуализмом и поворотом к сверхиндивидуальным связям имеет место уже у Авиценны; он признает за индивидуумом самосознание и

субъективность познания, но придерживается неоплатонической системы эманации (Pines, Shlomo: La conception de la Consience de Soi chez Avicenne et Abu '1-Barakat al-Baghdadi, in: Archives d'Histoire Doctrinale et Litteraire du Moyen AgeXXI/1954, 21-98).

29 Рашид-ад-дин /К., 170, 200. Ср. Выше 72, 177, 332.

30 Cassirer, Ernst Individuum und Kosmos in der Philosophie der Renaissance. 6 издание, Дармштадт, 1987, 81.

31 Там же, 90.

32 Borsche, Tilman: Was etwas ist. München 1990, 181.

33 См. Выше 370.

34 Arnold Gehlen (Urmensch und Spätkultur 5 Auflage. Wiesbaden 1986, 50f говорит в этой связи об «исполняемости подоплеки».

35 Ср. высказывания Стефана Скалвейта: Der Beginn der Neuzeit. Darmstadt 1982, 133-154.